

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик *Н.П. Лаверов* (председатель),
академик *Б.Ф. Мясоедов* (зам. председателя),
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. ист. наук *З.К. Соколовская* (ученый секретарь),
докт. техн. наук *В.П. Борисов*, докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*,
член-корреспондент РАН *А.А. Дынкин*, академик *Ю.А. Золотов*,
докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*, академик *Ю.А. Израэль*,
докт. ист. наук *С.С. Илизаров*, докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*,
академик *С.К. Коровин*, канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*, докт. техн. наук *А.В. Постников*,
академик *Ю.В. Прохоров*, член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьёв*,
академик *И.А. Шевелёв*

И. Н. Юркин

**Андрей
Андреевич
ВИНИУС
1641–1716**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В.Н. ЗАХАРОВ

МОСКВА
НАУКА
2007

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
Ю74

Рецензенты:

доктор исторических наук *М.В. Бабич*,
доктор исторических наук *С.С. Илизаров*

Юркин И.Н.

Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716 / И.Н. Юркин ; отв. ред. В.Н. Захаров. – М. : Наука, 2007. – 558 с. – (Научно-биографическая литература). – ISBN 978-5-02-032748-1 (в пер.).

Книга – научная биография А.А. Виниуса – яркого представителя своего времени. Сын голландского купца, строителя первых в России доменных заводов, он сделал блистательную карьеру, занимал ряд ответственных постов и на протяжении длительного времени пользовался особым доверием Петра Великого. В истории отечественной культуры известен как ученый, просветитель, писатель, переводчик, библиофил, собиратель художественных коллекций. А.А. Виниус много сделал для становления в России регулярной почтовой службы. С его деятельностью тесно связана история промышленного освоения Уральского региона.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей науки, техники, промышленности, общественной жизни России.

Темплан 2004-II-270

ISBN 978-5-02-032748-1 © Юркин И.Н., 2007
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, серия “Научно-биографическая
литература” (разработка, оформление),
1959 (год основания), 2007
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2007

Введение **А.А. Виниус:** **короткая память потомков**

Пушкин не написал “Истории Петра”. Выстрел на Черной речке оборвал путь Пушкина-историка, путь, при всей значительности осуществленного, далеко еще не заверченный. Между тем его “Петр” был уже в работе: потомкам остался конспект голиковского труда с вкрапленными в него многочисленными оценками и идеями самого Пушкина, набросками будущего текста.

Имени Андрея Андреевича Виниуса в этих сохранившихся материалах нет. Но не исключено, что, осуществившись замысел в полном объеме, фигура этого человека, одного из тех, чьими заботами строилось здание “России молодой”, сподвижника Петра во всех его начинаниях, наконец, личного его друга и неутомимого корреспондента, – фигура Андрея Виниуса заняла бы в нем достойное место.

Сын, по российским меркам, довольно крупного купца и промышленника, сам очень заметный политический деятель, дипломат и администратор, внесший вклад в географическое изучение и промышленное освоение России, почтмейстер, основавший несколько новых линий, поэт, переводчик, библиофил... Кто он, этот, столь разнообразный в своих интересах, умениях и талантах, человек? отчего не слишком много знают о нем историки, еще меньше – любители истории?

Историографы XVIII в. прошли мимо А.А. Виниуса. Хотя его имя встречается в исторических сочинениях этого столетия, оно пребывает в самом конце переполненного пассажирами эшелона действовавших и этим творивших его историю лиц. Мы находим знакомое имя на страницах “Гистории” Б.И. Куракина, “Истории Сибири” Г.Ф. Миллера, в “Деяниях” И.И. Голикова, но, встретившись раз-другой, герой теряется в толпе более энергично помогавшихся памяти о себе персонажей. Применительно к Виниусу XVII и XVIII столетия более интересны дневниками, записками, мемуарами, но и в них он не частый гость. Что неудивительно: во втором десятилетии XVIII в. (время, когда умер Виниус) русский

человек еще не расписался – не привык и не научился поверять бумаге свое настоящее и прошлое.

Совсем иная картина в XIX в. Хотя массового интереса историков А.А. Вinius по-прежнему не привлекает (этого не произойдет и позже), появляются авторы, готовые посвятить ему не строку и не абзац, а рассмотреть его труды и дни специально. Прорыв в теме совершает П.П. Пекарский, в своем труде “Наука и литература в России при Петре Великом” посвятивший Вiniusу около десяти страниц текста. Но тема сочинения (первый том выступал для автора в качестве своего рода введения в историю просвещения в России XVIII в.) определила несколько суженный взгляд на объект: Пекарский ограничивается кратким биографическим очерком, более подробно останавливаясь только на деятельности, связанной со сферой просвещения, – выявляет и характеризует его сочинения и проч. Многие важные для объективной оценки исторического значения Вiniusа его занятия не упомянуты или, будучи упомянуты, не рассмотрены.

После Пекарского о Вiniusе упоминали все, писавшие на исторические темы и сюжеты, к котором тот имел отношение. Писали, как правило, мимоходом, но с уважением. Остается удивляться одномерности и краткости характеристики его личности, данной К.Ф. Валишевским (1911), историком проницательным и умевшим из немногих деталей вылепить психологически убедительный портрет героя. К сожалению, вспомнить о Вiniusе понадобилось ему исключительно для иллюстрация тезиса о том, что в петровское время иноземцы на русской службе “сживались с местной средой и русели необыкновенно быстро” [*Валишевский I–II*, с. 326]. Из достоинств Вiniusа он упоминает только обширные знания: говорит о его “высоком” образовании, отмечает умение отливать пушки и делать порох. Во всем же остальном, по Валишевскому, он вполне обрусел: “по умению набивать карманы стоял наравне с Меншиковым”. Никаких доказательств, это обвинение подтверждающих, не приводится. Как установленный факт читателю переданы некоторые утверждения, чаще намеки современников, достоверность которых далеко не очевидна.

Мнение Валишевского можно было бы отнести к историографическим курьезам и забыть, если бы оно особой своей резкостью не оттеняло общую ситуацию. Во многом последняя была обусловлена явно недостаточной проработанностью конкретно-исторической фактуры: историографы располагали слишком малым объемом сведений, чтобы на их основе сформировать сбалансированный взгляд на характеризующую ими личность и ее место в истории эпохи. Достаточно сказать, что даже такой освеще-

домленный в информационных ресурсах архивов автор, как С.А. Белокуров, в качестве последнего известного ему упоминания о А.А. Виниусе указал 14 апреля 1702 г. [Белокуров, с. 128], “отняв” у него без малого полтора десятилетия насыщенной событиями жизни.

По-настоящему включением имени Виниуса в контекст политической и культурной истории своего времени русская историография обязана И.П. Козловскому. Ему принадлежит первая монография о А.А. Виниусе, опубликованная в 1911 г. в журнальной версии (в “Русской старине”) [*Козловский 1911а*] и отдельным изданием в Петербурге [*Козловский 1911б*]. Два года спустя в Варшаве было издано 2-томное сочинение “Первые почты и первые почтмейстеры в России” [*Козловский I–II*], в составе которого оказалась обширная глава о А.А. Виниусе, в фактическом плане существенно дополнившая публикации 1911 г. Поставленную перед собой задачу – “собрать воедино все, что можно найти в изданных памятниках и исторической литературе о Виниусе, дать общую оценку его деятельности и указать на его место среди деятелей петровского времени” [*Козловский 1911б*, с. 5] – автор к 1913 г. выполнил. Скрывшихся от его внимания материалов, к тому времени опубликованных, сравнительно немного: Козловский составил добротный очерк, отличающийся и полнотой охваченного материала и убедительностью сделанных на его основе выводов.

Начиная монографию о Виниусе с заявления, что он “до сих пор не получил должной оценки в русской исторической литературе”, Козловский заметил, что “все историки, интересовавшиеся его личностью, оценивали ее обыкновенно с одной какой-нибудь стороны и не заботились о полноте приводимых ими биографических сведений”. Закономерен результат: “полной биографии Виниуса до сих пор не имеется в русской литературе” [*Козловский 1911б*, с. 1].

В собственном сочинении Козловский предполагал эту задачу в основном решить. Надежду на успех вселял тот факт, что, по его оценке, “материалы для биографии Виниуса появились в печати уже в таком количестве, что дальнейшие архивные изыскания могут дать только отдельные детали его биографии. Темных мест в ней и чувствительных пробелов почти не имеется” [*Козловский 1911б*, с. 5]. Сразу скажем, что при всем уважении к научным заслугам автора цитированных строк, согласиться с этим утверждением не можем. Темных мест осталось не так уж мало не только после работ Козловского – далеко не все закоулки и задворки темы смогли осветить и следовавшие за ним авторы.

В течение времени, прошедшего после того как было высказано сожаление об отсутствии “полной” биографии Винууса, отечественная историография перерабатывала источники, нарабатывала концепции и прирастала в объеме. Винууса, конечно, не забыли – в XX в. его изучали, о нем писали. Но любопытно, что одним из ведущих жанров “винусоведения” неизменно оставался краткий биографический очерк – либо в форме статьи в справочном издании¹, либо в виде биографического отступления в монографии, посвященной теме, так или иначе связанной с его личностью и судьбой. Примером текстов первого типа служат статьи Г.Н. Моисеевой в “Словаре русских писателей XVIII века” (1988), И.Н. Юркина в сборнике “Гордость земли тульской” (1991), Р.Б. Тарковского в “Словаре книжности и книжников Древней Руси” (1992), С.С. Илизарова в справочно-энциклопедическом издании “Московская интеллигенция XVIII века” (1999), М.О. Акишина в справочнике “Власть в Сибири: XVI – начало XX века” (2002) и др. Посвященные Винуусу страницы – фактически небольшие очерки – можно обнаружить в “Истории хозяйства Демидовых” Б.Б. Кафенгауза (1949), в 4-м томе “Петра I” М.М. Богословского (1948). Большинство из них опирается на исследования Пекарского и Козловского.

Существование множества небольших биографий не может скрыть отсутствия более глубокого специального исследования. Потребность обратиться к деятельности Винууса возникает снова и снова – и нередко удовлетворяется весьма поверхностно.

Удивляет редкость обращения к А.А. Винуусу краеведов. Нам, во всяком случае, известно немного их публикаций на эту тему, те же, которые известны, опираются на ранее опубликованный материал и рассматривают малоактуальные для нее вопросы. В качестве примера упомянем работу, посвященную “сравнению деяний” А.Д. и А.А. Винуусов, приводящему автора к выводу, что “сын своей деятельностью превзошел отца” [Трутнев, с. 86].

Вместе с тем после И.П. Козловского отечественными историками был создан ряд весьма содержательных работ – несколько ценных статей (М.В. Доброклонского, 1929; Н.Р. Левинсона, 1962; Н.А. Казаковой, 1985 и др.) и диссертационное исследование С.Г. Милюкова (2000). Но даже последний изучает различные стороны деятельности героя далеко не с равным вниманием. Наиболее основательно им рассмотрена деятельность Винууса в

¹ В качестве огорчительной неудачи укажем на статьи о А.А. и А.Д. Винуусах в справочнике С.Б. Веселовского, приписавшего отцу половину биографии сына [Веселовский, с. 92].

приказах, из которых преимущественное внимание уделено приказу Сибирскому. Другие аспекты его деятельности охарактеризованы лишь в общих чертах и далеко не исчерпывающе в плане доступных в настоящее время источников. К числу таких относятся, в частности, дипломатическая деятельность Виниуса, его научная работа, литературные опыты.

Не прошла мимо семейства Виниусов и зарубежная историография. Но по степени внимания в ней безусловно лидирует А.Д. Виниус (Виниус-старший) – в том числе, полагаем, по той причине, что его жизнь и деятельность в равной мере принадлежат и западноевропейской и русской истории. Сведения о нем, его сыне и их окружении встречаем в трудах преимущественно голландских и немецких ученых – Я. Схелтемы, Э. Амбургера, Й. Дриссен, Я. Велувенкампа, И. Владимирова и др.

“Полная” биография Виниуса (в смысле, который некогда подразумевал И.П. Козловский) по-прежнему отсутствует, и множество темных мест остаются столь же темными, какими они пребывали на момент выхода из печати “Первых почт”. Между тем продвижение по пути, им намеченному, вполне реально.

Не претендуя на создание биографии Виниуса, раскрывающей его жизненный путь и деятельность с максимально достигнутой сегодня полнотой (что в рамках данной книжной серии и невозможно, и неуместно), мы постарались, во-первых, прояснить некоторые из еще нерешенных предшественниками связанных с ним биографических вопросов, во-вторых, относительно более подробно остановиться на тех сторонах кипучей деятельности нашего героя, которые ранее оставались обойденными специальным изучением. При этом мы, разумеется, не могли совершенно проигнорировать его работы в других, более изученных областях и потому, что в глазах незнакомого с Виниусом читателя без их освещения его образ получился бы заведомо искаженным, и потому, что и в них осталось немало фактов, требующих уточнения и осмысления.

Хотя работа прочно опирается на массив исследований, предшествующих нашему, в ней немало нового как в части интерпретации ранее установленных фактов, так и в отношении введения в научный оборот фактов, прежде неизвестных. Архивные разыскания производились преимущественно в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Читатель, знакомый с ресурсами этого архивохранилища, возможно, удивится, не обнаружив в числе использованных некоторых фондов, которые представляются естественно необходимыми для разработки данной темы: 11 (Переписка разных лиц), 35 (Сношения России с Англией), 124 (Малороссийские дела), 143 (Аптекарский приказ), 154 (Жалован-

ные грамоты на вотчины, чины и дворянство), 199 (Портфели Миллера), 229 (Малороссийский приказ) и некоторых других. Но перечисленные фонды нашими предшественниками в той или иной степени уже обследованы, мы же сознательно старались ввести в оборот материалы, взятые из фондов, в которых Виниусов прежде еще не искали. Разумеется, среди наших ссылок нетрудно обнаружить фонды, к которым другие исследователи уже обращались: 9 (Кабинет Петра I и его продолжение), 50 (Сношения России с Голландией), 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию), 151 (Дела о горных промыслах и заводах в России), 162 (Почтовые дела), 210 (Разрядный приказ), 214 (Сибирский приказ), 248 (Сенат и его учреждения), 286 (Герольдмейстерская контора). Но еще больше других – тех, ссылки на которые в связи с Виниусами в научной литературе или единичны, или чаще вообще отсутствуют. Это фонды 7 (Разряд VII – Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция), 19 (Разряд XIX – Финансы), 32 (Сношения России с Австрией и Германской империей), 41 (Сношения России с Венецией), 96 (Сношения России со Швецией), 138 (Дела о Посольском приказе и служивших в нем), 141 (Приказные дела старых лет), 159 (Приказные дела новой разборки), 160 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и к высоким особам – на русском языке), 161 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и к высоким особам – на иностранных языках), 233 (Печатный приказ), 282 (Юстиц-коллегия), 285 (Юстиц-контора), 371 (Преображенский и Семеновский приказы), 383 (Карты, планы и чертежи МАМЮ), 396 (Архив Оружейной палаты), 1209 (Архив прежних вотчинных дел), 1239 (Дворцовый отдел).

Материалы Поместного приказа (в составе ф. 1209) особенно интересны. Выявленные в нем документальные источники, во-первых, значительно обновили и обогатили представление о Виниусе-домохозяине. Второй, связанный с ними информационный блок содержит ценнейшие генеалогические сведения. Благодаря им удалось, в частности, установить практически исчерпывающий круг ближайших, а частично и дальних родственников Виниуса и его потомков, получить сведения об их отношениях. Все это очень существенно помогло реконструкции жизненного пути Виниуса, особенно на заключительном его этапе. Удалось сдвинуть дату смерти А.Д. Виниуса (отца) и установить точную дату смерти А.А. Виниуса – ранее, в лучшем случае, указывались год и месяц последней.

Не имея возможности познакомить читателя с этими и другими новыми документами в полном виде, позволяем себе приводить довольно большие из них цитаты. Все выделения (как правило, курсивом) в них сделаны нами.

Автор приносит искреннюю признательность всем, оказавшим ему помощь на разных этапах работы над книгой: М.В. Бабич, А.В. Белякову, М.Б. Булгакову, С.П. Калите, В.А. Ковригиной, О.А. Красниковой, Е.А. Курлаеву, А.В. Лаврентьеву, Т.А. Лаптевой, И.Ю. Муравей, А.Н. Наумову, М.В. Николаевой, Т.А. Опариной, С.П. Орленко, М. Ди Сальво, С.В. Сироткину, И.Ю. Соснеру, Н.В. Чечель и Яну Виллему Велувенкампу, подсказавшему варианты русской транскрипции ряда голландских собственных имен. Особая благодарность – ответственному редактору книги В.Н. Захарову, который не только высказал ряд ценных замечаний и соображений по содержанию рукописи, но и предоставил автору возможность ознакомиться с некоторыми труднодоступными специальными изданиями. Спасибо и сотрудникам учреждений (Российского государственного архива древних актов, Российской национальной библиотеки, Тульской областной универсальной научной библиотеки и др.), без внимательного отношения и высокопрофессиональной работы которых эта книга едва ли бы состоялась.

Жизнь и труды

Глава 1. Отец. Рождение и юность героя (1628–1657)

1.1. Начало

Род Виниусов (Winius) – иноземного происхождения. Первый известный “Бархатной книге” представитель этой фамилии показан в ней уроженцем входящей в состав Нидерландов земли Фрисландии [Яблочков, с. 26]. Эти сведения попали в книгу, по-видимому, из сказки о происхождении и службах, поданной А.А. Виниусом в Палату родословных дел в 1686–1688 гг. “Выехал, – сообщает автор, – отец мой, Андреи Денисович Виниус, из Фрисляндские земли, которой народ во всех римских историях древностию и делами своими против монархии Римской был славен. И та страна королевством именовалась, и тех королеи, которых поколение прменением многих времян пресекольсь, и после того прменилось в Речь Посполитую, как и ныне есть вольным уделом славной Речи Посполитой Надерлянской” [126, л. 44].

Фрисландия – в XVII в. одна из семи Соединенных Провинций (прочие: Голландия, Зеландия, Утрехт, Гелдерн, Оверэйссел и Гронинген, занимавшая территорию вдоль побережья Северного моря к северо-востоку от Голландии. На современной карте ее окружают: к западу залив Эйсселмер (в южном “углу” которого, в устье р. Амстель, расположен центр Северной Голландии, один из крупнейших городов этих земель – Амстердам), далее, по ходу против часовой стрелки, Оверэйссел (на юге), Дренте (примыкает с юга и юго-востока) и Гронинген (с востока). Северной и северо-западной границей Фрисландии является плавной дугой выступающее в море побережье, вдоль которого в акватории на расстоянии от 10 до 30 км от берега тянутся цепью Западно-Фризские острова. Мелководье между островами и береговой линией материка именуют Ваддензе.

Истоки рода, по сведениям той же сказки А.А. Виниуса, – “той земли (Фрисландии. – И.Ю.) в первом городе Левардене” (Леувардене). Здесь жили его прадед и дед, происходившие из “рода стара, и честна, и знаменита всегда чином, и достоинством – патрикии, советники” [126, л. 44–44 об.].

Дед Андрея Андреевича, Виниус Дионисиус Тьерксзон (Dionysius Tjercksz.), родился в Леувардене в 1576 г.¹ С учетом заявления А.А. о знатности его рода несколько смущают сведения о занятиях деда (он был портным [*Elias*, 269; *Wladimiroff*, 6]), но если, несмотря на это, последний действительно вышел в “патрикии”, его карьере можно считать блестящей. Не ранее 1600 г. он женился на Маритхен Андриесдохтер Векеманс (Maritgen² Andriesds. Vekemans [*Elias*, 269]), родившей ему девять детей, старшего из которых назвали Андриесом (Andries Denijsz.)³ [*Wladimiroff*, 6]. Русские источники упоминают также Абрахама (Abraham) Виниуса, именуемого в них Аврамом или Абрамом, судя по совпадающему отчеству, брата Андрея [*Гамель*, приб. с. 1], – он был жив во всяком случае до 1636 г. включительно [77, л. 95]. Братья имели по меньшей мере одну сестру, не позднее 1635 г. вышедшую замуж⁴.

Денис Виниус умер в 1647 г. [*Wladimiroff*, 6].

Начиная с деда род нашего героя был тесно связан уже с Амстердамом, куда он (дед) переселился в 1600 г., где нашел себе жену, и где до переезда в Россию жил его сын Андриес, на русский лад звавшийся Андреем Денисовичем. Родственники, занимавшие высокие посты в Амстердаме, оставались и у его внука Андрея Андреевича [126, л. 44 об.].

В экономической истории Европы XVI–XVII вв. город Амстердам (рис. 1) занимает особое место. Преемник итальянских городов (Генуи, Венеции) и Антверпена – лидеров европейской торговли эпохи первоначального накопления, сильнейший импульс к развитию он получил после отделения от Испании северных нидерландских провинций и некоторое время спустя стал главным торговым центром Европы. Торговал он и с Московским государством. Его (и вообще Голландии) контактам с Рос-

¹ Написание латиницей и год рождения – по [*Elias*, 269]. И. Владимиров приводит форму Denys Tjerckz. [*Wladimiroff*, 6]. Год рождения у него тот же, но с пометой “ок.”. В старой транскрипции – Денис Терксен [*Гамель*, с. 7].

² *Marrtije* [*Wladimiroff*, 6].

³ Транскрипция – из русского перевода работы [Дриссен 1989, с. 50]. Голландское написание единообразно как в опубликованных на голландском языке работах [*Elias*, 269, 273; *Veluwenkamp*, 91], так и в англоязычной статье И. Владимирова [*Wladimiroff*, 6]. В надписи на прижизненном гравированном в Нидерландах портрете – *Andreas Deonyszoon*.

⁴ В челобитной А.Д. Виниуса 7143 (1634/35) г. он упоминает своего зятя – иноземца, голландской земли торгового человека Федора Романова. Грамота во Псков с решением по этой челобитной датирована 13 июня 1635 г. [14, л. 1–4 об.]. Поскольку А.Д. женился только в 1628 г., подразумевать под зятем мужа своей дочери он не мог. Но данный термин родства до XVIII в. включительно использовался также для обозначения мужа сестры [*СЛРЯ*, с. 238].

Рис. 1. Санредам Й. или Рем Й. Панорама Амстердама. Гравюра на четырех листах. 1606. Листы 2 и 3

сией способствовали два обстоятельства. Во-первых, исключительно развитое судостроение (в эпоху расцвета голландский флот по величине был близок всем флотам европейских держав вместе взятым), во-вторых, сопровождавшее общий подъем сельского хозяйства Голландии: свертывание производства зерна и продуктов животноводства. Освободившиеся площади занимали технические культуры: лен, конопля, рапс, хмель, табак [*Бродель III*, с. 177, 188]. Нехватка зерна компенсировалась увеличением поставок хлеба по импорту. С середины XV в. не обеспечивавшие себя собственным хлебом Нидерланды становятся главными поставщиками зерна, а также леса из Северной и Центральной Европы в страны Европы Южной. В XVII в. потребность в таких поставках еще более возрасла. Определенными ресурсами хлеба обладала Россия. Европа была готова его покупать. Голландские купцы могли и хотели доставить его потребителю [*ИЭ*, с. 110–112].

Сохранилось совершенно однозначное свидетельство А.Д. Винуиса относительно места его рождения. “Родиною я иноземец, галанские земли Амстердама города”, сообщил он в челобитной, поданной в 1648 г. (документ опубликован в [*Орленко*, с. 287]). В качестве года рождения в голландской литературе указывают 1605 г. [*Wladimiroff*, 6; *Veluwenkamp*, 92]. Крещен младенец был в Новой церкви в Амстердаме 8 марта [*Elias*, 269; *Veluwenkamp*, 92]⁵.

⁵ У Я.В. Велувенкампа – без указания дня.

Большинство авторов, писавших о Виниусах в XX в., говоря о начале российского этапа биографии Андрея Денисовича, ссылались на И.П. Козловского, утверждавшего, что тот “выехал из Голландии и прибыл в Россию” в 1627 г. [Козловский I, с. 171]. Козловский опирался на данные С.А. Белокурова, в монографии которого о Посольском приказе сообщается, что «Андрей Денисов “выехал из Голландии своею волею в 135 году служить царю»» [Белокуров, с. 127] (кавычки, очевидно, подразумевают цитату из документа). Голландские исследователи, в частности И. Владимиров, указывают тот же год, но относят к нему деятельность Виниуса в качестве участника связанной с Россией торговли хлебом, не соотнося ее с его переселением [Wladimiroff, 6]. Переезд в Россию “служить царю”, т.е. на постоянное жительство, уже в 1627 г. плохо согласуется с тем фактом, что в следующем году А.Д. Виниус вступил в брак в Амстердаме. По-видимому, к 1627 г. уместней отнести начало или активизацию торговых его операций с Россией.

Но первое его знакомство с Россией состоялось, вероятно, раньше. Утверждать это позволяет документ, зафиксировавший слова самого Виниуса, – сказка, которую он подал в Посольский приказ в 1647 г. по возвращении из Венеции. Сопровождая там демонстрацию собеседнику полученной им от царя “жаловальной гостиной грамоты за красною печатью”, Виниус сообщил: “Торговую в Росейском государстве дватцать восемь лет” [10, л. 1].

Беседа происходила в мае 155 г. Временем, когда Виниус, по его словам, включился в торговлю с Россией, оказывается, таким

образом, приблизительно 127 (1618/19) г. Но тогда ему было всего 13 или 14 лет. Очевидно, что самостоятельно заниматься коммерцией в таком возрасте он не мог и скорее всего лишь сопровождал по каким-то делам приезжавшего в Московию отца или старшего по возрасту родственника.

Не исключая возможности появления А.Д. Виниуса в России в первой половине – середине 1620-х годов, мы, однако, не склонны безоговорочно доверять цитированному выше его заявлению 1647 г. и относить обсуждаемую дату слишком далеко от общепринятой. Обнаружить источники, зафиксировавшие примеры ранних его контактов с Россией, нам пока не удалось⁶.

Первые конкретные известия о деятельности Виниусов в России касаются сюжетов, связанных с хлебной торговлей Андрея Денисовича, к тому времени для занятий ею вполне уже созревшего. Самая ранняя дата этого ряда – 137 (1628/29) г. – отстоит от начала торговой деятельности Виниусов, быть может, на целое десятилетие. Хотя и не известно, чем в первые годы они торговали, главный предмет экспорта к тому времени, по-видимому, вполне определился: в указанном году “галанец торговый инозе-

⁶ Полагаем не случайным тот факт, что фамилия *Виниус* отсутствует в очень подробно разработанной описи № 1 фонда “Приказные дела старых лет” РГАДА, включающей наиболее старые материалы этого фонда (до 1626 г. включительно), отражающие делопроизводство нескольких московских приказов. И это притом, что иноземцы на ее страницах – отнюдь не редкость.

Укажем, впрочем, на источники, при знакомстве с которыми может возникнуть предположение, что свидетельства ранних контактов Виниусов с Россией найдены. Речь идет о ранних переводах грамот от 10 января 1628 г. к царю Михаилу Федоровичу от Генеральных штатов и князя Индрика (Фредерика Хендрика) Оранского, статхаудера Голландии в 1625–1647 гг. Документы плохой сохранности, от второго в наличии только первый лист. В обоих изложено челобитье двух торговавших в “земле у Архангилского горо[да] много лет” иноземных купцов, просивших не допустить “напрасныя продажи” своего имущества в порядке компенсации долга их брата Ивана. Фамилия купцов – *Выдерузовы* (или *Ведерузовы* – буква *р* всюду выносная, точно внутри слова не локализуется) – в сохранившемся тексте первой грамоты упомянута один раз, и еще дважды – во второй (с вариантом *Видеруз*) [12, л. 3, 5]. Факт побега из Архангельска в 1626 г. нидерландского купца И. Выдеруса (вариант: Видерус) упоминается и в литературе [Демкин 1994, с. 85, 128]. Зная, насколько сильно изменялись иногда имена иноземцев в русских документах XVII в., не рискуем исключить, что имеем дело с транслитерацией другой, сходной по звучанию, европейской фамилией. Может быть – *Виниус*? В пользу предположения кроме отдаленного созвучия фамилий говорят черты сходства с Виниусами: 1) героев двое; 2) они братья; 3) их имена Андрей и Абрам; 4) оба торговые люди; 5) оба из Амстердама; 6) оба торгуют с Россией; 7) их торговля связана с порубежным портом (Архангельском) [12, л. 3, 4]. Несмотря на эти совпадения, отождествление Выдерузов и Виниусов считаем, однако, маловероятным: слишком значительное и необоснованное искажение фамилии при ее русификации оно предполагает.

мец” Виниус был пожалован “гостиним именем” “за прибыль хлебных покупок” [*Вильчинский*, с. 428].

Именованье *гость*, как правило, использовалось по отношению к русским купцам, принадлежавшим к высшей из существовавших в то время купеческих корпораций, формирование которой началось при Иване IV. Жаловали этим чином редко, гостей было сравнительно мало: в период с 1613 по 1650 г. число их колебалось от 15 до 35 [*Голикова I*, с. 113].

Но термин *гость* употребляли и применительно к действовавшим в России иностранным купцам. В этом случае слово могло подразумевать два значения. Во-первых, старое – просто “проезжий купец”. Во-вторых, обозначать некое почетное звание, дававшее данному торговцу преимущества перед другими торговыми иноземцами, закреплявшиеся жалованными грамотами. Но прав на сословные привилегии, которые подразумевала принадлежность к русским гостям, иностранные “гости” не имели. Для уравнивания в правах им нужно было получить грамоту, в которой бы значилось, что они жалуются “против московских гостей” [*Голикова I*, с. 12–13]. Виниус в 137 г. получил грамоту, уже выделявшую его из иностранного купечества, но еще не уравнивавшую с купечеством русским.

По-видимому, самая крупная операция А.Д. Виниуса с русским хлебом относится к 1631 г. По позднему, 1648 г., собственному его рассказу, “во 139 году при галанских послах” он “договорился принять у Архангельска города сто тысяч чети ржи самую большую ценою безо всякой хитрости и без прибыли” [*Гамель, приб.*, с. 7]⁷. При объеме закупки около 160 тыс. гектолитров согласованная цена сделки составляла 133 гульдена за ласт (около 30 гектолитров [*Дриссен 1989*, с. 51]) и выглядела выгодной скорее для продавца, чем для покупателя. Закупить эту довольно дорогую рожь и тем самым рискнуть суммой приблизительно в 890 тыс. гульденов (с накладными расходами) Виниус

⁷ Точное время заключения контракта нам неизвестно. В работе Й. Дриссен приведено изображение обложки хранящегося в Архиве муниципалитета Амстердама дела, содержащего датированный 16 апреля 1631 г. нотариальный акт, регистрирующий покупку Виниусом ржи [*Дриссен 1989*, с. 51]. Текст на обложке – латиницей. Если документ касается покупки им зерна в России, то не понятно, зачем ее нужно было регистрировать в Амстердаме. Уместнее предположить, что речь идет либо о какой-то другой, не связанной с русским зерном, закупке, осуществленной Виниусом в Амстердаме, либо о совершенной здесь перепродаже русской ржи с Виниусом в качестве продавца. Но если это регистрация действительно русской покупки Виниуса, то получается, что царская жалованная грамота на свободную торговлю (о ней ниже) была ему дана уже после заключения этого контракта и являлась наградой за коммерческий риск.

решился под влиянием побывавших в Москве в 1630 г. нидерландских послов Иоганна Фельтдриля и Альберта Бурха. Их совет казался разумным: благодаря высокой цене на рожь, установившейся в Амстердаме предыдущей зимой (до 439 гульденов за ласт), прибыль купцов, работавших в тот год с русским хлебом, достигла 30% [Дриссен 1989, с. 51].

Действительность скоро опрокинула эти расчеты. Согласно контракту, рожь для Виниуса должна была поступить в Архангельск в октябре 1631 г. [Дриссен 1989, с. 51]. Но в согласованный срок хлеб в полном объеме не поступил и нанятые Виниусом 50 кораблей, ввергая его в издержки, прождали груз лишние полторы недели [Гамель, приб., с. 7]. До порта перегрузки суда добирались около четырех недель, потом плыли к Амстердаму. В это время хлеб на рынке стремительно дешевел. К декабрю следующего года цена на рожь в Амстердаме упала до 133 гульденов – цены, по которой закупал ее Виниус. По убедительному заключению писавшего об этой операции исследователя, если Виниусу удалось быстро продать свою рожь, “он не понес убытков. Но, так или иначе, в этот раз ему не повезло” [Дриссен 1989, с. 51].

Спекуляция хлебом, закупленным в Московском государстве в 1631 г., не принесла коммерсанту прибыли, повлекла за собой, однако, два весьма важных для него следствия.

Закупка зерна была произведена по выгодной московскому правительству цене, и, что важно, оно этот факт признавало: “его (Виниуса. – *И.Ю.*) де братья же (другие иностранные купцы. – *И.Ю.*) наши хлебные запасы торговали малою ценою, а он де, служа нам, хлебные запасы купил... прямою ценою без хитрости и без корысти”. По оценке Виниуса, своей покупкой он принес России больше 100 тыс. руб. прибыли⁸ [Гамель, приб., с. 7]. Действия коммерсанта, рисковавшего торговать “без корысти”, были вознаграждены предоставлением торговых привилегий. Закреплявшая их жалованная грамота царя Михаила Федоровича и его отца патриарха Филарета “галанскому гостю Ондрею

⁸ Насколько правдоподобна эта цифра? Если опираться на сведения, сообщаемые Виниусом в его челобитной 1648 г., за закупленную им партию в 100 тыс. четвертей ржи при цене 46 алтын 4 деньги (1 руб. 40 коп.) за четь “в московскую меру” [Гамель, приб., с. 7] уплатить в Приказ Большой казны он должен был 140 тыс. руб. Прибыль продавца в 100 тыс. руб. могла образоваться только в том случае, если бы государству четь обходилась не дороже 40 коп. (13 алтын 2 деньги). Между тем, по относящимся к середине века данным шведского комиссара И. де Родеса, рожь при скупке обходилась государству не дороже 50 коп. за четь. При такой цене от сделки с Виниусом казна должна была получить прибыль не менее 70 тыс. руб. Но все же не 100. Указанная А.Д. Виниусом оценка прибыли правительства представляется завышенной.

Денисову” была дана еще 26 января 1631 г. [13, л. 8–13 об.], т.е., возможно, после заключения договоренности о покупке зерна, но, несомненно, прежде начала ее реализации. Грамота предоставила Виниусу право свободной торговли (возможность “предлагать и покупать любые товары”) в России, конкретно в Архангельске, Великом Устюге, Вологде, Ярославле и Москве [Дриссен 1989, с. 50]. По всем делам он принадлежал ведению Посольского приказа [Козловский I, с. 171]. В видах дальнейшего расширения торговой деятельности в России эта привилегия была для Виниуса приобретением достаточно ценным.

Выдача иноземным купцам жалованных грамот, даровавших им льготный режим торговли в России, сама по себе не являлась чем-то экстраординарным. В режиме наибольшего благоприятствования действовали в Московии объединенные в “Русской (она же Московская. – И.Ю.) компании” англичане. Льготы предоставляли и голландцам – отдельным торговцам или небольшим их компаниям.

Права, перечисленные в грамоте, полученной Виниусом, – награда за поведение, демонстрировавшее стремление энергичного голландца выслужиться перед русским правительством. В цитировавшейся выше челобитной 1648 г. в особом приложении к ней (названном опубликовавшим его И.Х. Гамелем “запиской о заслугах”) Виниус перечисляет те из этих заслуг перед Московским государством, которые он считал наиболее важными. Перечень открывает хлебная операция 139 г. Прежде торговые люди, поясняет Виниус, по научению “здесьних (живущих в России. – И.Ю.) торговых иноземцев” уговаривали разрешить им закупать в разных городах хлебные запасы “самою малою ценою” и, получив такое разрешение, везли хлеб в Голландию и тем “кормывались”. Больше того: разрешенный в царских грамотах объем закупки скрытно превышался, и “те торговые люди еще много кораблей хлеба в тайне вывозили”. Виниус, не желая торговать “лукавым обычаем”, предложил закупочную цену, “как цена было за морем прямо”. Договорившись принимать хлеб “самою большою ценою без хитрости и прибыли”, он уплатил казне всю положенную сумму, причем платил ефимками (как известно, использовавшимися для чеканки русской монеты) и тем учинил государю значительную прибыль. Расходы же Виниуса суммой, заплаченной им казне, не ограничились. Немалую величину составили транспортные расходы и страховка. Кроме того, один из поставщиков, гость Томило Тараканов, не уложился в договорный срок, и Виниус “карабельщикам дал простой”. Несмотря на оговоренную в контрактной записи на случай такой задержки неустойку в 50 тыс. руб., он, по утверждению коммерсанта, доби-

ваться выплаты не стал, “хотя государские милости к себе вперед” (т.е., надеясь на них в будущем).

Виниус принял участие и в материально-техническом обеспечении первого русского посольства к Генеральным штатам⁹ 1631 г., которое возглавляли Григорий Алябьев (Олябьев) и Григорий Ларионов. Целью его отправления (не достигнутой) было получение военной помощи в борьбе с Польшей – противостояние России и Нидерландов католическим странам делало их, казалось, естественными союзниками. Под перевозку людей и “запаса” Виниус предоставил “корабль самой лутчей со многим нарядом, что у Города был”. Перевозка обошлась ему в сумму, превысившую 300 руб. “А повороту ничего не было”, отмечает он, подчеркивая, что и этим “государю служил” [*Гамель*, приб., с. 7].

Поскольку операция 139 г. по продаже Виниусу российского зерна была оценена в Москве как успешная (казна свое получила, а убытки Виниуса знал только он), опыт было решено повторить уже в следующем, 140 (1631/32) г. Весьма вероятно, что Виниусом еще не был продан хлеб прежней закупки, поэтому вложить в проект свои деньги или взять кредит он не имел возможности или не решался. Челобитная рисует иную схему операции, в которой Виниус выступает приказчиком владельца товара: командированный в Голландию с наказом продать там новые 100 тыс. четвертей хлеба, но должен заниматься этим “при послах” Алябьеве и Ларионове. По уверению Виниуса, он “в том деле радел” и, поскольку “жил за тем делом в Галанской земле”, даже “торговой свой промысл за тем отставил” и “на ярмонке у Города (Архангельска. – *И.Ю.*) не был”. Исполнение государева поручения едва не обернулось трагедией: приехав “во Фрисланскую землю”, Виниус “мало не потонул” – судно в реке под ним “подвернулося”, по поводу чего был он “в большом страхе”¹⁰. Но и забвение своей выгоды, и усилия в пользу чужой, государевой, и сопряженные с исполнением поручения неудобства и даже опасности оказались в конечном счете напрасными. Затея прогорела: в данном Виниусе наказе была назначена довольно высокая продажная цена, а “за морем хлеб стал дешев” – как результат, “тово хлеба за тем продавать было нельзя” [*Гамель*, приб., с. 7–8]. Судя по тому, что свои действия в этой ситуации Виниус ставил

⁹ Предшествующие заезжали в Гаагу лишь по пути в другие страны. Но этот уровень дипломатических контактов уже не отвечал интересам сторон.

¹⁰ Не следует преуменьшать опасность путешествий по воде только потому, что Нидерланды, будучи морской державой, строить корабли и плавать на них несомненно умели. Несчастные случаи на воде были нередки. В 1645 г. при кораблекрушении погиб один из величайших умов своего времени, блистательный *homo universalis* Гуго Гроций [*Ошиш*, с. 444].

себе в заслугу и полтора десятилетия спустя, мизерный результат больших усилий в вину ему поставлен не был.

Реализация за границей крупных партий российского зерна в 139–141 гг., по-видимому, исчерпывает участие Виниуса в истории внешней торговли России этого периода. Остается, однако, ряд менее масштабных, но в своем роде достаточно выразительных эпизодов, рисующих характер его сотрудничества с русским двором конца царствования Михаила Федоровича.

В том же 140 г. голландский гость Карп Демулин предложил казне купить у него четыре изумруда (“самые дорогие похвальные камни”) за 7 тыс. руб.¹¹ В торг вмешался Виниус, заявивший боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому, что, если демулинскому приказчику будет отказано, он, Виниус, предложит казне “те камни” (вероятно, равного качества) за цену значительно меньшую – всего за 3360 руб., по “заморской цене, как он, Карп, те камни сам купил”.

Предложения Демулина были отвергнуты, изумруды привез Виниус, который, по его утверждению, “тем государю служил и прибыль государеве казне учинил не малую” [*Гамель*, приб., с. 8]. В счет стоимости изумрудов Виниус особой грамотой, адресованной архангельскому таможенному голове в июне 1633 г., был освобожден от пошлин, которые перед отправкой за море должен был уплатить за купленный им очередной “государев хлеб” – 14 тыс. четей русской пшеницы [29, л. 52]. Не исключено, что одной из причин, помогших Виниусу перехватить сделку у Демулина, было именно это – предложенная им удобная для казны безденежная форма расчета.

Борьба между купцами разных стран (в первую очередь английскими и нидерландскими) за доверие правящих кругов Московского государства и сопряженные с этим льготы – факт достаточно известный. Приведенный эпизод интересен демонстрацией напряжения внутри этих групп. Историю, в которой один голландский коммерсант совершает не принесшую ему прибыли

¹¹ “Немчин Голандские земли” Карп Демулин неоднократно поставлял русскому двору предметы роскоши, в том числе с драгоценными камнями. Еще в 1614 г. у него были куплены принадлежавшие потом царю Михаилу Федоровичу “часики маленькие... все уголчатые”. Позолоченные, имевшие серебряный с надписями в технике чернения “указный кружок”, они были медными, в связи с чем стоили недорого – 8 руб. В 1627 г. Демулин продал вещь подороже: “часы боевые в золоте”, украшенные финифтью и сотней “алмазцев” [*Забелин 1990*, с. 215]. Осенью того же года он собирался ехать в Россию “со всякими дорогими товарами, с камнями и з запоны” [12, л. 7, 12]. В 1632 г. сопроводил какое-то свое челобитье подарком: “часами медными боевыми”, с золотом и финифтью, в хрустальном “кожушке”. Подарок был оценен в 75 руб. [*Забелин 1990*, с. 215].

торговую операцию, но отодвигает при этом в сторону другого коммерсанта-одноземца, естественно интерпретировать в контексте борьбы за привилегии. В связи с этими событиями уместно поставить и получение Виниусом в 1633 г. расширявшей его права жалованной грамоты, на которой остановимся ниже.

Забегая по хронологии вперед, познакомим читателя с еще одним эпизодом, отмеченным в записке “о заслугах”, – эпизодом, в отличие от предыдущих, отношения к экономической истории не имеющим. Он демонстрирует “русофильство” Виниуса, достигшее к этому времени в его развитии уровня, когда деятельность и поступки координируются еще и в плане политического их (и ситуации) значения для государства.

Предварительно напомним, что после состоявшегося 17 июля 1610 г. свержения и пострижения в монахи царя Василия Шуйского и подписания через месяц соглашения, по которому на российский престол приглашался польский королевич Владислав, бывший царь и его братья Дмитрий и Иван были отправлены в составе посольства к королю Сигизмунду. В польском плену Василий Шуйский в 1612 г. умер, менее чем через год скончался и Дмитрий. Их прах был перенесен в Варшаву. Вопрос о царском прахе поднимался на переговорах с королем Владиславом, которые вело посольство во главе с боярином кн. А.М. Львовым. Отпущенные на родину останки прибыли в Москву 10 июня 1635 г. Здесь их торжественно перезахоронили в царской усыпальнице, в Архангельском соборе в Кремле [Абрамович, с. 171–175].

Но через десятилетие у, казалось бы, исчерпанного сюжета неожиданно обнаружился “хвост”. В “записке о заслугах” А.Д. Виниус рассказывает, что в 155 (1646/47) г. ехал он “в дальнюю землю (в Венецию. – *И.Ю.*) чрез Литовскую землю, и как... приехал в королевской город Варшаву, и видел, что на Краковской горе за городом в слободе на большой улице, где всякие посылы мимо едут, стоит нарочная каменная большая хоромина, а над дверьми тое хоромины было написано золотыми вырезы латынскими словами в черном каменье, что будто мощи государя царя и великаго князя Василия Ивановича всеа Русии и брата ево князь Дмитрея Ивановича еще лежат в той хороmine в большой славе короля литовскава; и я то письмо списал по латыни и как приехал я к Москве, и про то извещал думному дьяку Назарю Чистого и дал ему то письмо своею рукою, и то письмо он велел перевести переводчику Ивану Фанделвину¹² из латынскова языка в

¹² Приблизительно в эти годы (1648/49–1650/51) в Посольском приказе служил толмач немецкого языка Самойло Фонделин (Фонделен, фон Дельден) [Беляков 2001, прил., № 523]. Может быть, упомянутый Иван – его родственник?

цесарской язык, а с цесарскаго языка перевел в русской язык переводчик Борис Борисов; и по тому моему извету про тое недостойную статью отписать к литовскому королю; и король тот камень с нарочным гонцом послал к Москве; и тем я, государь, служил и за то ничем не пожалован” [*Гамель*, приб., с. 9].

Заметим, что пересылка в Россию из другого государства надгробного памятника для XVII в. уникальна и уже в силу этого достойна упоминания. Нас же она интересует в первую очередь из-за участия в ней Виниуса. При первом Романове, во многом продолжавшем политическую линию Шуйского, отношение к деятельности последнего было преимущественно позитивным, а создававшиеся в это время исторические труды, затрагивавшие его личность и деятельность, характеризовали их преимущественно в панигерическом духе [*Абрамович*, с. 175]. Виниус ощущал динамику политической конъюнктуры, умел делать из нее практические выводы. Многолетнее существование в Варшаве выставленного на всеобщее обозрение надгробия, золотыми литерами напоминавшего о факте пребывания московского царя (его праха) в плену, притом что он давно уже был “освобожден” и покоился на родине, наносило очевидный ущерб чести российского государя и его державы – поистине будучи самой что ни на есть “недостойной статьей”. На эту досадную частность не обратили внимания переговорщики во главе с кн. Львовым. “Голанец порождою”, Виниус, демонстрируя тонкое понимание вопросов государственной чести, не только на перечисленное внимание обратил, но еще и позорящую надпись списал, и двойной перевод ее осуществил, и “раскрутил” машину управления, добившись необходимых дипломатических действий с целью ликвидации очевидной “поруки достоинству”.

Вернемся к экономике. Вызвавшая одобрение правительства предпринимательская активность Виниуса открыла перед ним возможность добиваться материального ее поощрения – тем более что лично для него ее итоги были, по-видимому, довольно скромными.

Через два года после получения права на ведение в России свободной торговли, 31 марта 1633 г., Виниус добился обмена этой грамоты на новую, составленную, если верить литературе, по образцу, который был выдан его соотечественнику Карпу Демулину. Помимо подтвержденного в новой грамоте разрешения вести свободную торговлю по городам привозными товарами, Виниус получил ряд дополнительных привилегий. Ему было разрешено строить дома в городах, проживание в которых могло ему понадобиться в связи с коммерческой деятельностью. По суду не только он, но и его люди ведались в Посольском приказе

(кроме дел о душегубстве и татьбе). Посольский приказ обязан был выдавать по его запросу грамоты на беспрепятственное пересечение государственной границы [Цветаев, с. 396]¹³.

Получение грамоты “против Демулина” потребовало, похоже, довольно много времени. Сохранилась челобитная, в которой Виниус сообщает, что царь и патриарх распорядились дать ему “жаловальную грамоту против тое грамоты, какова дана галанские же земли гостю Карпу Демулину” (о чем, несомненно, специально хлопотал сам Виниус). Но в Посольском приказе черновика грамоты, выданной Демулину, не нашли, потому что та “в пожарное время згорела”. В результате Виниус получил грамоту по образцу “ыных жаловальных грамот галанских гостей”. Во Фрисландии, во время упомянутого происшествия на реке, выданная ему грамота намокла, ее текст был частично смыт. В связи с этим Виниус просил возобновить ему грамоту, написав новую действительно по образцу демулиновской, тем более что в Посольском приказе, как стало ему известно, раздобыли копию с этого документа [15, л. 1–3].

О каких грамотах идет здесь речь?

Отождествить, как это сразу приходит в голову, грамоту 1631 г. с грамотой “против ыных голландских гостей”, а грамоту 1633 г. с грамотой “против Демулина” нельзя. Челобитная Виниуса с просьбой выдать ему грамоту по образцу грамоты Демулину хотя и не датирована, но, во всяком случае, относится ко времени не раньше 1 октября 1633 г. (патриарх Филарет упомянут в ней как покойный). Из текста следует, что грамоту “против ыных” Виниус получил прежде несчастного случая на реке, а произошел он, как мы помним, когда, находясь в Голландии, он

¹³ И.П. Козловский, ссылаясь на Д.В. Цветаева, упоминает о наличии в грамоте от 31 марта 1633 г. льгот, касавшихся строительства заводов: “Дано было разрешение безоборочно в течение 10 лет заниматься железным промыслом при казенной субсидии и обещании правительства не разрешать железного промысла другим иноземцам” [Козловский I, с. 172]. Но перечисленные пожалования уже присутствовали в особой, посвященной исключительно заводам, жалованной грамоте от 29 февраля 1632 г. [Гамель, приб., с. 2, 3]. Новая грамота, таким образом, подтверждала уже дарованное. Но для чего подтверждение, если с выдачи предыдущего акта прошло всего 13 месяцев и царь на троне оставался прежний? Подозреваем допущенную Козловским ошибку, обусловленную неправильной интерпретацией текста Цветаева. Последний, изложив грамоту 1633 г., перешел к привилегиям, касающимся заводов, посредством оборота “затем... получил он право промышлять” [Цветаев, с. 396]. “Затем” означает здесь *кроме того, помимо того*, т.е., в данном случае, – получил по *другой* грамоте. Козловский же понял это как указание на продолжение изложения все той же грамоты 1633 г., не обратив внимания на то, что во взятой за образец грамоте К. Демулина пунктов о заводах быть не могло.

занимался продажей казенного хлеба, навязанного ему в 140 (1631/32) г. Если хлеб по договору 139 г. он получал осенью 1631 г., то зерно следующего контракта должен был получить скорее всего осенью следующего, 1632-го. Торговать им пришлось уже в 1633 г. – тогда, получается, Виниус и подмочил первую грамоту. Сомнительно, что бы обменять ее он успел уже к концу марта 1633 г. Согласование челобитной с содержанием и датами двух полученных Виниусом грамот требует каких-то других решений, выйти на которые удастся, вероятно, только после обнаружения и сравнительного анализа текстов всех указанных грамот¹⁴.

Как бы то ни было, в 1631 и в 1633 гг. (или немного позже) Виниус получил две жалованные грамоты, создавшие надежную базу для дальнейшей его торговой деятельности в России – фактически режим наибольшего благоприятствования. Льготы приходилось отрабатывать: снова и снова доказывать свою преданность российскому престолу, причем нередко с ущербом для собственного коммерческого интереса. Впрочем, трудности воспринимались как временные, перспективы же маячили привлекательные.

1.2. “И железо учнут плавить и ковать...”

Но в эти годы уже не торговые – другие прожекты кружили голову энергичному голландскому предпринимателю. Виниус думал над осуществлением плана, предполагавшего резкий разворот деятельности совершенно в новую область и аккумуляцию капитала для рывка в принципиально новом направлении. Уместно предположить, что наполненные работой и тревожными ожиданиями 1631 и 1632 гг., когда виды на прибыль, постепенно угасая, уступали место зыбкой надежде хотя бы окупить понесенные издержки, подсказали Виниусу немало аргументов, убеждавших в целесообразности вложения денег в проект иного рода – проект, который, если бы удалось его осуществить, приносил высокий и относительно стабильный доход неопределенно долго. Подразумеваем задуманное Виниусом строительство завода для производства пушек и железа.

Заметим, что Нидерланды, подарившие России отца ее доменной металлургии, не принадлежали к числу европейских государств, лидировавших в этой промышленной области. Лес – ис-

¹⁴ Н.Б. Голикова, говоря о ранних жалованных грамотах А.Д. Виниуса, следующей после первой грамоты 1631 г. называет грамоту 1634 г. [Голикова 1990, с. 211]. Грамота 1633 г. ей или упущена, или скорее отнесена к следующему году. Последнее позволяет снять многие трудности с хронологической увязкой деталей событий.

точник необходимого для нее древесного угля – не часто встречается в пейзажах Низовых земель, какими мы их представляем по офортам старых голландцев. Иное дело Швеция, Германия, пограничные с ней территории Франции, где при наличии необходимой ресурсной базы эта промышленность была развита издавна. Решение доверить амбициозному голландцу строительство промышленного объекта в стране, где опыта адаптации ни одной из базовых для такого производства технологий не было, выглядит шагом достаточно рискованным.

Тем не менее в 1632 г., 29 февраля, А.Д. Виниус и его компаньоны – уже известный нам брат Абрахам и Юлиус Виллекен (Julius Willeken, на русский лад именовавшийся Елисеем Ульяновичем Вилконсом, Вылкенсом, Вилкенсеном) получили жалованную грамоту, разрешившую им делать “всякое железо мелнишным заводом”. Великие государи их пожаловали: “...велели им из железных руды дать делать всякое железо на десять лет безоброчно, а делать им велели... меж Серпухова и Тулы на трех реках: на речке Вошане, да на речке на Скниге, да на речке на Вороне, и вперед, где они... места приишут, ...мельницы на тех местах ставить и железо на всякие статьи плавить и лить, и ковать пушки, и ядра, и котлы, и доски, и разное прутье и всякое железное дело делать поволители”. Продукцию поглощало государство (“про наш обиход из того железа что будет годно”) по фиксированным на четыре года ценам. Остаток разрешалось продавать “на сторону”, “возить в свою Галанскую землю”. Грамота включала обещание финансовой помощи предпринимателям: “...на то всякое железо, которое на наш обиход возьмут, ...дать на задаток из наших Больших казны три тысячи рублей, и вперед им в те урочные десять лет велели давать ежегодно потому ж”. Оговаривалась монополия: “...в те десять лет, как они мельницы на реках поставят и железо учнут плавить и ковать, ...той железой руды иноземцам и руским людям нигде никому на откуп и без откупа отдавать, и мельниц ставить, и всякого железного дела мелнишным заводом делать, и за море возить никому не велели” [*Гамель*, приб., с. 1–4].

Строительство заводов было развернуто в Старогородищенском стане Тульского уезда на р. Тулице, по которым (стану, уезду, реке) в дальнейшем их называли *Городищенскими* и *Тульскими* (рис. 2)¹⁵.

¹⁵ В XVII в. наиболее употребительным было название *Тульские*. В петровскую эпоху на реке были построены еще три доменных завода (Н.Д. и Г.Н. Демидовыми и И.Т. Баташевым). Чтобы не смешивать предприятия между собой, первые (виниусовские) в современной литературе чаще называют *Городищенскими*. Материал по топографии и топонимии местности, в которой они находились (в настоящее время Ленинский р-н Тульской обл.), см. в: [*Юркин 2005 г.*].

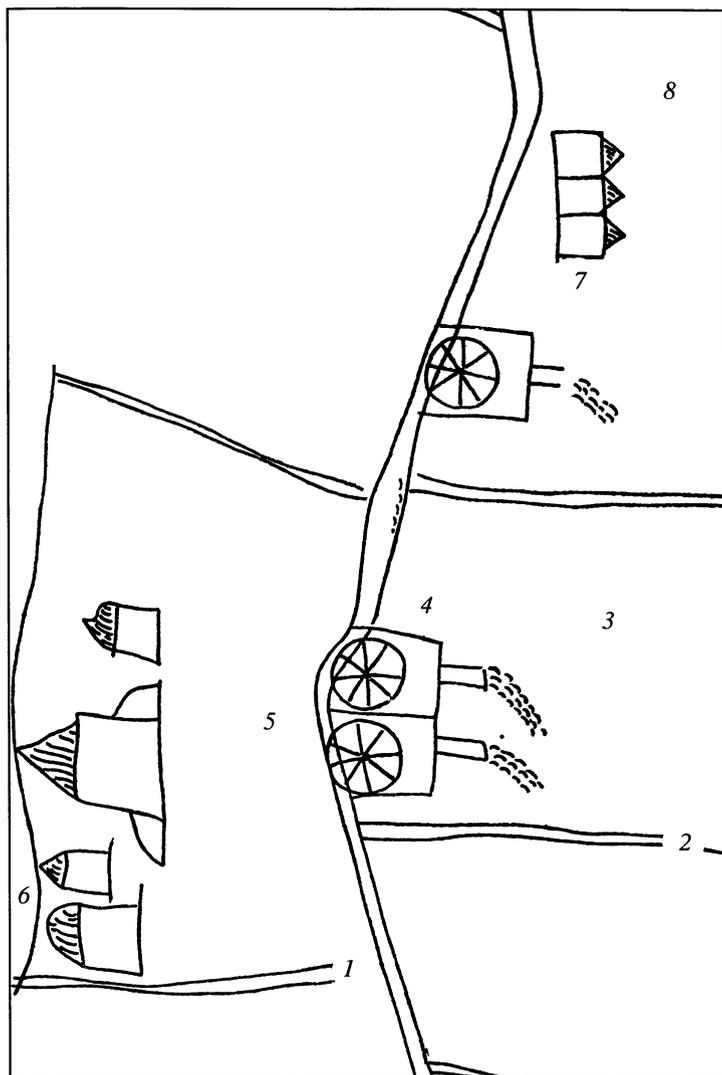

Рис. 2. Фрагмент чертежа земельных владений вдоль р. Тулицы. Вторая половина XVII в. Прорисовка с оригинала (РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 121)

Цифрами заменены следующие надписи: 1 – межа пустоши Синеи; 2 – межа столника Тимофеевой земли Рожевского; 3 – Вотчинная земля столника Тимофея Иванова сына Ржевского деревни Торховой вопче земли с Кирилом Игнатьевым, да с Яковом Лихоревым, да с Киприяном Сухотиным; 4 – железные заводы; 5 – помесная земля столника Тимофея Иванова сына Ржевского пустоши Синеи; 6 – немецкие дворы; 7 – деревня Слободка; 8 – вотчинная земля... Иоакима Московского... патриарха домового Венева монастыря деревни Слоботки

Предпринимательский альянс Виниусов и Виллекена существовал недолго. Имя Абрахама Виниуса в касающихся заводов документах нам встречалось лишь до 1636 г. включительно [77, л. 95]. Вилленкена рядом с братьями в это время уже не было – он занялся смоляным промыслом [*Гамель*, с. 42]. Лишившись компаньонов, Андрей Виниус нашел других. В литературе формирование новой компании датируют по-разному – от 1637 до 1639 г. [*Цветаев*, с. 396; *Гамель*, с. 43]. Источник 1651 г. (память из Приказа Большой казны) в качестве года, когда Виниус “припустил к себе” новых “товарыщей”, называет 147 (1638/39) г. [18, л. 96]. Заводы к этому времени были уже пущены. В обновленную компанию вошли гамбургский купец Петр Гаврилович Марселлис и его зять нидерландец Тилман Акема [*Veluwenkamp*, р. 203, 295]. Новому составу удалось получить дополнительную помощь от государства: к заводам приписали крестьян дворцовой Соломенской волости.

Строительство заводов, каких не было на Руси, требовало не только денег, но и непрерывного внимания. Требовало тем более, что Виниус не свернул “торговые промыслы”, пустившие глубокие корни в семейные занятия и во многом определявшие самоидентификацию. По сведениям Й. Дриссен, в 1634 г. Виниус “окончательно поселился в Москве, увезя туда жену, детей и весь домашний скарб. В Амстердаме его делами управлял отец” [*Дриссен 1989*, с. 51] (та же дата – [*Ван дер Веен*, с. 202]). Возможно, исследователь опирается на сведения челобитной, в которой Виниус, прося принять его в русское подданство, сообщил, что “поехал... из Галанской земли своею семьею и з детми... совсем на житие... в Русское государство тому четырнадцать лет минеца” [*Орленко*, с. 287]. Челобитная не имеет даты, но запись о решении датирована 9 марта 1648 г. Вычитая из этой даты 14 лет, получаем начало 1634 г. Мы обнаружили место в другой челобитной А.Д. Виниуса, которое эту дату подтверждает. В ней Виниус в начале (до 2 февраля) 1650 г. пишет, что служил гостем “...во многих статьях верою и правдою шеснатцать лет” [30, л. 29]. Вычитание и здесь дает начало 1634 г. Разумеется, точность подобных расчетов не превышает года. Но, осознавая их приблизительность, 1634 г. в качестве условной даты переезда Виниуса с семьей “на житье” в Россию принять вполне допустимо.

С ним, правда, не согласуются сведения послания А.А. Виниуса Петру I: “Внегда же родитель мой Московского государства о изобилии и пространстве слыша, и, яко мнози пришельцы при вольностях своих вер и промыслов, кроме всякаго озлобления мирно живут, в прешедшем 1630 году со женою, и з чады, и со всем своим имением из своая отчизны ко Архангельской порте

приплы” [148, л. 176 об.]. Но сведения эти – и значительно более поздние, – начала XVIII в., – и принадлежащие другому лицу (хотя и родственному – сыну). Раннее свидетельство отца в достаточно ответственном документе им предпочтем.

Заметим, что, говоря об “окончательном поселении”, в качестве нового адреса правильнее было бы подразумевать не столько Москву, сколько Московию (Россию). Несомненно, к этому времени у А.Д. Виниуса появился дом в столице – в дозаводской период (а частично и в заводской) именно в нем скорее всего проживала его семья. Но сам Виниус значительную, если не большую часть времени, полагаем, проводил на заводах: без личного его участия дело, и так продвигавшееся с трудностями, несомненно бы затормозилось.

Обратим внимание на упоминание в цитированной челобитной 1648 г. семьи А.Д. Виниуса: выясняется, что в это время он был женат и имел детей. Действительно, Виниус вступил в брак еще в 1628 г. в Амстердаме, взяв в супруги Хеертрайд (Гертруду) фан Райн (Geertruyd van Rijn), родившую ему детей Андреаса (Andreas) и Марию (Maria) [*Veluwenkamp*, 92]¹⁶.

Супруга Виниуса родилась в 1611 г.; ее родителями были купец Виллем фан Райн (Willem Jacobsz. van Rijn) (1577–1625) и купеческая дочь по имени Трайнтьё Дирксдохтер (Trijntge Dircksdr.) (род. 1579), заключившие брачный союз в 1599 г. [*Elias*, 269]. В литературе отмечается, что она “относилась к фамилии Witsen” [*Wladimiroff*, 6]. Это утверждение допускает несколько интерпретаций: Гертруда могла быть урожденной Витсен, могла ранее (до Виниуса) состоять с кем-то из Витсенов в браке, могла, наконец, быть связанной с этим родом через более сложное опосредование. Результат принесло сканирование дальнего родственного окружения. У Гертруды фан Райн обнаружилась троюродная сестра Катарина Класдохтер Хафф (Catharina Claesdr. Gaeff alias Lambertsdr. Opsy), жена Корнелиса Витсена [*Elias*, 269–273, 545]. Не исключаем и более близкого родства Гертруды с Витсенами, выявить которое пока не удалось¹⁷.

Интересная подробность, касающаяся связанного с женой родственного окружения А.Д. Виниуса – наличие у него свояка, в

¹⁶ У Владимирова – Geertruyt [*Wladimiroff*, 6], дети не указаны. В [*Elias*, 269, 273] уточнена дата заключения брака (27 февраля). Велувенкамп указывает еще одного рожденного Гертрудой сына – Маттиаса (Matthias), но в [*Elias*, 273] он не упомянут, более того, сказано, что в этом браке родился один сын.

¹⁷ Поиск Гертруд среди представительниц рода Витсенов с середины XVI в. результата не дал. С Витсенами в это время роднились фамилии Oetgens, Gaeff, Opsy, Nuyts, van Raey, Hocheperied, но и в них подходящих по времени женщин с таким именем мы не нашли.

1647 г. (вполне возможно и раньше) служившего приказчиком на Городищенском заводе [31, л. 107]¹⁸.

Задумываясь над вопросом, кого еще из доверенных родственников имел возможность использовать Виниус, вспоминаем, в частности, отца. Обозревая “галерею предпринимателей”, типичных для России XVII в., Э.Н. Амбургер, открывавший ее именем Виниуса, выделял в ней в первую очередь “купцов, опирающихся на родственников и деловых друзей в Амстердаме и Гамбурге” [Amburger 1957b]. Таким был, в частности, отец жившего в России П.Г. Марселеса (в будущем компаньона Виниуса): пребывая в Гамбурге, он помогал русским представителям нанимать за границей ратных людей [Демкин I, с. 53]. Житель Амстердама Денис Виниус был жив все то время, пока его сын строил, а потом владел заводами. Возможно, он выступал одним из агентов, помогавших вербовке нужных для дела иностранных специалистов.

24 марта 1636 г. с Городищенских заводов в казну было поставлено первое железо [18, л. 95, 96]¹⁹, из чего заключаем, что незадолго перед этим они дали первую продукцию (рис. 3). В истории отечественной металлургии наступил новый этап, связанный с адаптацией новой для России технологии переработки железной руды. Поскольку ее внедрение требовало иной, чем прежде, организации труда, это событие оказалось значимым и для истории российской промышленности в целом – в нее все активнее входила промышленная мануфактура.

В принципе не исключено, что городищенское железо 1636 г. было получено, как заметил еще И.Х. Гамель, не переделом чугуна, а “по прежнему способу” [Гамель, с. 15] – в сыродутных горнах, которые могли здесь существовать по крайней мере в первые годы (например, для выработки железа “про заводской обиход” – чтобы не покупать и не возить его издалека). На наш взгляд, это не очень вероятно: заводчиком было невыгодно спешить с рапортом о пуске недоведенного “до ума” производства – ведь тотчас после поздравлений начинался отсчет “урочных лет”. Впрочем, для следующего, 1637 г. можно уже вполне уверенно

¹⁸ Приказчики-родственники – типичное явление для частной мануфактуры XVII–XVIII вв. Многочисленные примеры можно обнаружить, например, в ранней истории хозяйства Демидовых [Юркин 1998, с. 204–213]. На заводах Ф. Акемы служил приказчиком Томас Андрисов, жена которого принадлежала роду заводовладельца [Veluwenkamp, 203].

¹⁹ Этот факт с указанием неполной даты (только года) отмечает И.Х. Гамель [Гамель, с. 15]. Нам удалось не только его подтвердить, но и установить точную дату события, которое за отсутствием сведений о времени пуска первой домны может претендовать на то, чтобы считаться условной *начальной точкой в истории отечественной доменной металлургии*.

Рис. 3. Археологические раскопки на месте домны 3-го Городищенского завода. Село Торхово Тульской обл., 1992 г.

говорить о получении на заводах *чугуна*. Это был первый промышленный чугун России.

Всего через год с небольшим после первой поставки Винус пытается расширить номенклатуру продукции, фактически превращая металлургический завод в комплекс, объединявший металлургическое и металлообрабатывающее производства. 4 июня 1637 г. он подрядился сделать 1000 самопалов “с рускими замками, станки кленовые”, поставить которые в Стрелецкий приказ брался к 6 июня следующего года. Он сразу получил 1 тыс. руб., еще 500 были ему обещаны после выполнения обязательств [63, л. 74]. Но на практике он сумел сделать только 300 стволов, в связи с чем имел большие неприятности (его разыскивали через тульского воеводу, он выпрашивал отсрочку до

ближайшего Покрова и т.д.) [63, л. 75, 91–92]. В одиночку “раскрутить” дело не удавалось, несмотря на авансы, которые он получал то под один, то под другой свой проект.

Приблизительно в это время (в 1638/39 г.) в состав компании и входят Марселис с Акемой.

Первоначально отношения между Виниусом и Марселисом были вполне лояльными. Об этом свидетельствует, в частности, письмо первого, отправленное второму с Городищенских заводов 22 июня 1640 г. Виниус, рассчитывая на помощь Марселиса, просит его уговорить некоего князя Ивана²⁰ принять решение, которое освободило бы его от финансовой ответственности за иноземца Е.У. Вылкенса (Ю. Виллекена, участника заводской компании первого ее состава) [31, л. 94].

У нас нет данных, позволяющих указать точное время и событие, послужившее началом раскола компании. Но, несомненно, обострению отношений Виниуса с его компаньонами способствовало постепенно усиливавшееся влияние Марселиса в правительственных кругах. В 1640 г. Марселис сделался комиссаром датского короля, а в следующем, 1641 г., еще и агентом Голштинии [*Гамель*, с. 12]. Его привлекли к реализации возникшей у московского государя идеи связать узами брака свою дочь Ирину и датского принца Вальдемара Кристиана, графа Шлезвиг-Голштинского. Услуги, оказанные России, оплачивались деньгами и преимуществами в сфере промышленного предпринимательства, услуги датской короне – пожалованием ему дворянства [*Amburger 1957a*, 88]. Личные успехи сопровождались ущемлением Марселисом предпринимательских интересов связанных с ним общим бизнесом коммерсантов, Виниуса в первую очередь.

Э.Н. Амбургер, характеризуя действовавших в России XVII в. предпринимателей из Западной Европы, первым из них называет Виниуса, но сразу же после – “вскоре обогнавшего его Петра Марселиса” [*Amburger 1957b*]. Как раз в начале 1640-х годов Марселис, резко увеличив скорость движения, пошел на обгон.

²⁰ Возможно, Виниус подразумевает двоюродного брата царя Михаила Федоровича (сына царской тетки Марфы Никитичны) кн. Ивана Борисовича Черкасского, вошедшего в состав Боярской думы в 1613 г., правившего в важнейших приказах (Большой казны с 1621/22 г., в Стрелецком и Аптекарском с 1622/23 г.), в период после смерти патриарха Филарета (1633) и до собственной смерти (4 апреля 1642) – фактического главу московского правительства, первенствовавшего в это время не только в указанных приказах, но и Думе, неизменно пользовавшегося исключительным доверием Михаила Федоровича. Не исключаем также, что речь шла о кн. Иване Андреевиче Голицыне, пожалованном в бояре 2 февраля 1634 г. После 1634 г., как правило, именно ему (вместе с боярином Ф.И. Шереметевым) поручались текущие дела в Москве во время царских походов на богомолье [*Козляков*, с. 232, 236, 241, 243; *Андреев И.*, с. 47, 49].

1.3. Рождение наследника

Появление на свет наследника – событие для семейной истории всегда нерядовое. Но А.Д. Виниусом, возраст которого приближался к 40 годам, оно, разумеется, не воспринималось как начало нового этапа в жизни. Жизнь, набрав обороты и приобретя инерцию, шла своим чередом, требуя подчиняться логике ее хода и сопротивляясь в нее вмешательствам. Совсем иная картина открывается при взгляде на внутрисемейное событие с нашей колокольни: рождение сына как бы рассекает отцовскую биографию на две части, и по мере удаления от момента разреза граница видится все отчетливей. Рассекает жизнь, а с ней и повествование.

Начнем с физических параметров события, являющегося исходным звеном в любой биографии. Чем дальше в глубь истории мы отступаем, тем чаще сведения о нем превращаются в предположения, становятся неконкретными и гадательными. Даже после введения всеобщей метрикации число деятелей (причем достаточно известных) с сомнительной первой, предваряющей надгробное тире, датой в российской истории огромно. Что в таком случае говорить о более ранней эпохе – времени, когда родился, жил и умер Андрей Андреевич Виниус.

Впрочем, по крайней мере год его рождения в историографии держится устойчиво – считается, что он появился на свет в 1641-м. Мальчика называли как и отца – Андреасом.

Установить точную дату его рождения возможным пока не представляется. В обзоре материалов Книги домашних записок А.А. Виниуса И.П. Козловский приводит запись от 4 июля, начинающуюся словами: “В свои именины дал я невестке своей...”²¹ Если предположить, что дата записи совпадает с днем именин, что не обязательно, но вероятно, то именины Виниуса приходились на 4 июля. Это предположение подтверждает тот факт, что на указанное число в православном церковном календаре приходится память святителя Андрея, архиепископа Критского (VII – начало VIII в.). Но в одном из писем Виниуса читаем: “Ко всещедрому Господу Богу преклоняясь, к руке возде ко владыце Богу, со святым Стефаном випию” [148, л. 199 об.]. Складывается впечатление, что Стефан, “вопиющий” унисон с Виниусом, выступает в этом фрагменте в качестве патронального святого. Но какой именно Стефан имеется в виду (в печатном Прологе издания 1685 г. их восемь²²) и как он связан с

²¹ Оригинал документа исследовать не удалось – он не был нам выдан со ссылкой на ветхое состояние.

²² Стефан Махрицкий, память 14 июля, Новый, 28 ноября, Пермский, 26 апреля, Римский, 2 августа и 7 сентября, Сурожский, 15 декабря, Трикийский, 28 марта, Хиолаковский, 14 января, Царьградский, 17 мая [Пролог, с. 262].

А.А. Виниусом и/или его родом – вопросы, ответа пока еще не имеющие²³.

По Г.К. Котошихину, описавшему ритуалы, связанные с рождением царевича, “даеця новорожденному младенцу имя от того времени как родится, счотчи вперед в восмой день, которого святого день, и ему тож имя будет” [*Котошихин*, с. 37]. С учетом этого логично искать дату рождения обратным отсчетом от дня крещения. Но И.Е. Забелин на примерах наречения имени в царской семье показал, что это правило фактически не действовало: царевна Ирина Михайловна (род. 1627) наречена именем была на 13-й день, Марфа Алексеевна (1652) на 6-й, Софья Алексеевна (1657) в тот же день, Екатерина Алексеевна (1658) почти месяц спустя, царевичи Иван Алексеевич (1666) через 2 дня, Петр Алексеевич (1672) почти месяц спустя, царевна Наталья Алексеевна

²³ С.Г. Милюков полагает, что Виниус “первоначально... крестился по протестантскому обряду 4 июля 1641 г. (по григорианскому календарю, в день преподобного Стефана Махрищенского), и, вероятно, Виниуса называли Стефаном. В этот же день 4 июля (по юлианскому календарю, по которому жила Россия) отмечалась память преподобного Андрея Рублева и благоверного вел. кн. Андрея Боголюбского”. Далее исследователь высказывает два предположения, которые должны, по его мнению, объяснить, почему Виниус получил имя Андрей. Первое: наречение произошло “в честь вышеупомянутых православных святых”. Второе предположение связывает наречение с датой 22 августа, когда, по мнению С.Г. Милюкова, Андрей Андреевич был крещен в православную веру: Андреем он мог стать “в честь Андрея Стратилата, память которого отмечалась 19 августа, за три дня до второго крещения Виниуса” [*Милюков 2000а*, с. 38, 39].

В этих рассуждениях много несообразностей, из которых укажем лишь некоторые. Действительно, в церковном календаре на 4 июля установлено празднования памяти благоверного вел. кн. Андрея Боголюбского и преподобного Андрея Рублева. Но таков *нынешний* календарь. Мы не располагаем точной датой канонизации Андрея Боголюбского, но она несомненно произошла после открытия его мощей в 1702 г. и не позднее учреждения Святейшего Синода [*ППБЭС I*, стлб. 167; *Канонизация*, с. 30]. Андрей Рублев был канонизирован освященным поместным собором русской православной церкви, проходившим 6–9 июня 1988 г. [*Канонизация*, с. 165–167]. Таким образом, когда семья Виниусов переходила в православие, оба Андрея не были канонизированы, в святцах отсутствовали, дня прославления не имели и учитываться при наречении имени не могли.

Стефан Махрицкий или Махрицкий, день памяти по юлианскому календарю 14 июля, – основатель монастыря, скончавшийся в 1406 г. и канонизированный в период между макариевскими соборами и учреждением Синода (1549–1721) [*ППБЭС II*, стлб. 2117; *Канонизация*, с. 30]. В печатном Прологе издания 1685 г. он присутствует [*Пролог*, с. 272]. Но каким образом относительно новый на тот момент православный святой мог повлиять на наречение имя неправославным священником? Тем более служителем церкви, которая вообще *не знает культа святых* и при наречении имени опирается на иные традиции (в частности, ориентируется на имена крестных отца и матери)?

(1673) через 4 дня [*Забелин I–2*, с. 3]. Таким образом, даже если предположить, что взявший курс на русскую культурную традицию А.Д. Виниус уже в это время в каких-то сферах жизни к ней прислушивался, он не мог опереться на нее в отношении наречения имени, поскольку таковой на практике не существовало. Поэтому отсчетом от дня ангела даты рождения получить невозможно. Впрочем, с высокой вероятностью допустимо утверждать, что она приходится на июнь – начало июля.

О матери, кроме имени, даты рождения и происхождения, неизвестно ничего. Вырастить и воспитать сына она не успела: когда ему не исполнилось и семи лет, А.Д. Виниус вступил в новый брак.

Где появился на свет будущий “сотрудник Петра Великого”? Точного места рождения ни известные до недавнего времени источники, ни “пропахавшие” их историографы, как правило, не называют. Самый осведомленный и авторитетный “виниусовед” старей школы И.П. Козловский обходит данный вопрос молчанием.

Впрочем, при отсутствии точных сведений, нередки приблизительные. В научной литературе – работах от С.М. Соловьева [*Соловьев VII*, с. 459] (сам он, впрочем, ссылается на П.П. Пекарского) до С.П. Луппова [*Луппов 1973*, с. 236] и др. – мелькает, в частности, утверждение, что А.А. Виниус родился в России. Другие авторы в качестве места рождения вполне определенно называют Москву: Е.А. Савельева предположительно, С.С. Илизаров без оговорок [*Савельева 1998*, с. 62; *Илизаров 1999*, с. 58]. Но никто из названных исследователей ссылок на подтверждающие эти утверждения источники не приводит, что весьма огорчительно, учитывая существование по меньшей мере двух известий, идущих вразрез с данной версией. Известий, заметим, проигнорировать которые невозможно, поскольку они принадлежат современникам Виниуса, по-видимому, лично его знавшим. Имеем в виду, во-первых, побывавшего в Москве в начале 1670-х годов Я. Рейтенфельса, который, говоря о Виниусе, отмечает, что он “родом из Бельгии” [*Рейтенфельс*, с. 98]. Второе свидетельство принадлежит посетившему Москву в 1698–1699 гг. секретарю императорского (австрийского) посольства И.Г. Корбу, в своем дневнике назвавшему Виниуса “немцем по происхождению” [*Корб*, с. 215]. “Обрусевшим иноземцем” считает его в “Истории Сибири” и весьма осведомленный Г.Ф. Миллер [*Миллер II*, с. 104].

Особую ценность представляет следующее свидетельство самого Виниуса, присутствующее в одном из его посланий Петру I: “Аз нижайши[й] ваш раб родом земли Батавской от людей фризов обаче отцу моему и матери род[и]вшим во граде Астердаме идеже и доньне сродником моим в консулах и судиях пребываю” [*148*, л. 176 об.]. Публикация этого фрагмента без отсутству-

ющих в оригинале знаков препинания выявляет смысловую его неопределенность. Отчетливо противопоставлено происхождение от людей фризов и град Амстердам, расположенный в другой провинции, но как-то связанный с отцом и матерью. Непонятно, однако, подчинение слов “родом земли Батавской” – относятся они к сыну или “людям фризам” (которые могут означать как родителей, так и предков вообще). Впрочем, из цитаты все же достаточно ясно: Виниус утверждает, что родился за границей России.

С.Г. Милюков, хотя и использует, комментируя этот текст, оборот “не исключена возможность”, больших затруднений в его интерпретации не испытывает, решительно отправляя Виниуса рождаться “в Амстердаме или Батавии на острове Ява”. Объяснение последнему он находит в не основанном на дополнительных фактах предположении, “что его мать в 1641 г. путешествовала вместе с отцом по торговым делам и родила сына в дороге или на берегу” [*Милюков 2000а*, с. 314].

Присмотримся, однако, к ситуации, в которой готовился текст, из которого извлечена приведенная выше фраза. Письмо создавалось во второй половине 1707 – начале 1708 г. в Голландии, где А.А. Виниус находился в несанкционированной властью длительной отлучке. Повлекший ее поступок – его самовольный отъезд из действующей армии – слишком напоминал тривиальную измену родине, чтобы недоброжелатели не воспользовались этим сходством. Они воспользовались, и, как результат, на имущество Виниуса был наложен арест, частично оно было конфисковано. Положение остававшейся в Москве его семьи было ужасным, будущее рисовалось еще более черным. Разбитый болезнью и невзгодами Виниус желал и боялся вернуться в Россию, писал слезные письма царю, умолял о прощении. С каждым оставшимся без ответа посланием вера в благополучный исход таяла. Казалось, его ожидало не прощение, а известие о поступившем по дипломатическим каналам требовании к правительству приютившей его страны выдать России преступившего закон подданного. В этой ситуации в сочинении, обращенном к царю и поэтому собравшем все обелявшие Виниуса факты и аргументы, имело смысл акцентировать свою связь с Голландией. Акцентировать и для того, чтобы объяснить, почему отлеживаться после гродненских невзгод он отправился на родину предков. И чтобы подчеркнуть, что, несмотря на кровную связь с Амстердамом, на наличие там “сродников”, он остается верным сыном и слугою московского государя: не за границей убежища ищет, а просит прощения и разрешения возвратиться. В таком контексте указание в источнике на рождение за границей могло выступать эле-

ментом целенаправленно вылепливаемого Виниусом реабилитирующего его мифа. Эта деталь, помещенная им в начало рассказа, могла в определенном, выгодном Виниусу, направлении сориентировать восприятие сочинения самым важным для него его читателем. И не важно было, отражала ли она исторический факт (возможно и отражала). В любом случае нечто подобное упомянуть было полезно.

Основываясь на косвенных аргументах и здравом смысле, можно было бы попытаться обосновать и иную – русскую – версию рождения Виниуса (оптимальной площадкой для события видятся в этом случае заводы его отца). Еще недавно именно к такому решению вопроса склонялся автор этой книги [Юркин 1991, с. 5–6]. Но вариант иноземного рождения героя опирается с недавнего времени на цитированный документальный источник (пусть и требующий внимательного анализа), тогда как противостоящая ему версия – пока по большей части на рассуждения. Впрочем, отдавая предпочтение прямому свидетельству, мы, разумеется, должны проследить – не противоречит ли оно контексту, многочисленным “мелочам”, образующим живую ткань истории.

Аргументы в пользу того или иного адреса рождения Виниуса-сына могли бы дать документы, позволяющие судить о местопребывании родителей новорожденного в 1641 г.

В настоящее время в нашем распоряжении имеются только две надежно датированные этим годом челобитные его отца.

Одна из них сохранилась в бумагах Разрядного приказа. “Галанския земли гость Ондрюшка Вениус” сообщает в ней об ущербе, нанесенном ему ворами: 6 августа 1641 г. приходили к нему, иноземцу, на двор “неведома какая люди и, подмета” у него то, что им было нужно, “на другой день, августа в 7 день, покрали” со двора четырех лошадей: трех его и одну, самую дорогую, чужую – принадлежавшую капитану Д. Пантону (или Палтону) из полка, которым командовал полковник Александр Краферт [58, л. 190]. Речь в документе идет, судя по всему, о дворе городском (московском?) – в противном случае его уездный адрес был бы, несомненно, указан. К сожалению, другой информации об этом домохозяйстве, кроме той, что у владельца было не меньше трех лошадей, извлечь из документа не удастся.

Челобитная, хотя и составлена от имени Виниуса, его подписи не имеет. Не подписан и второй документ, в данном случае коллективный – в нем челом царю бьют “галанские земли гость” Андрей Виниус и его компаньон Петр Марселис. Они сообщают о злоключениях агентов, посланных ими в Швецию для найма мастеров металлургических специальностей. Документ датируется

временем от упомянутой в нем посылки уполномоченных (состоявшейся в марте 1641 г.) до 15 июля того же года, когда государь просителей “пожаловал: велел послать свою государеву грамоту к свеиской королеве”. Как и в первом случае, какой-либо косвенной информации о местопребывании авторов прошения документ не содержит [25, л. 90, 90 об.].

Не имея возможности проследить местопребывания Виниусов в особо интересующем нас 1641 г., можем обсуждать вероятность их дальних из России отлучек в годы, близкие к интересующему. В связи с этим обращают на себя внимание слова А.Д. Виниуса (из его челобитной от 17 июля 1648 г.) о том, что железные заводы под Тулой он заводил, “оставя все свои торги и торговые промыслы” [Гамель, приб., с. 8].

В принципе это его заявление выглядит вполне убедительно²⁴. Представляется достаточно вероятным, что в наиболее напряженное и ответственное для судьбы проекта время (это как раз и был период строительства) А.Д. Виниус отдавал ему все свое время, в связи с чем забросил коммерцию.

В начале строительства он, несомненно, торговлей еще занимался – об этом свидетельствует получение им в 1633, а может быть, и в 1634 гг. жалованных грамот, касавшихся почти исключительно торгового предпринимательства. О том, что “торговые промыслы” Виниус оставил не полностью или, во всяком случае, не сразу, говорят и записи в пошлинных книгах Печатного приказа. В грамоте 1633 г. (запечатана 1 июня) упоминается о каких-то его совместных с другими иноземными купцами закупках хлеба [73, л. 133 об. – 134]. Этот факт относится к начальному этапу строительства заводов, и его можно было бы списать на объективно существующую инерционность практики торговых обменов: коммерсанту, связанному с агентами и контрагентами, трудно выйти из них в одночасье. Однако была и грамота 1636 г. (запечатана 29 июля), разрешившая торговым людям продать Виниусу лен [76, л. 93 об.]. А ведь середина 1636-го – время, когда заводы уже дали первый металл и строительство их подходило к концу. Лишь к немного более раннему времени относится запечатанная 27 апреля 1636 г. грамота, сообщающая о каком-то взыскании “по записи” с торопченина Ивашки Микифорова. Поскольку для разрешения ситуации в ней предписано сделать выпи-

²⁴ Заметим, впрочем, что почти в тех же выражениях, что Виниус, пишут, обосновывая ведущую роль Ф.Ф. Акемы в строительстве заводов, в своей грамоте 1648 г. к Алексею Михайловичу Генеральные штаты: “И он все свои дела и угодности по тому устроил, чтоб тот завод вперед вести, *оставляючи иные торговые промыслы*, от которых ему чесные и добрые прибыли имети было мочно” [17, л. 7].

ски из таможенных книг, очевидно, что она “выросла” из каких-то торговых операций [75, л. 255 об.]. Укажем, наконец, на проезжую грамоту 1635 г. (запечатана 1 июля), разрешавшую Виниусу выехать из Москвы в Архангельск [74, л. 3 об.] – по заводским делам ездить туда необходимости у него не было (кроме, как если бы он собрался отправиться по этим делам за границу).

Представленные сведения прямо не говорят о торговой деятельности Виниуса – она лишь логически следует из фактов закупок. Но к 142 (1633/34) г. относятся данные, прямо свидетельствующие о продолжении обменов в связанных с торговлей их формах. Приведем фрагмент его челобитной, рисующей Виниуса этой поры как коммерсанта в классическом для торгового человека наборе функций, действий, отношений. Она начинается сообщением о товарах, посланных на кораблях зятем Виниуса в Архангельск в уплату долга. Сам Виниус был в это время за рубежом. “И те, государь, товары наперед меня х Архангельскому городу поспели, а я, иноземец, к Архангельскому городу на караблех пришол опосле, потому что в том году с Москвы в Галанскую землю поехал позд[н]о – после Велика дни неделю спустя. И как, государь, те присыльные товары ис карабля в анбар, и перед анбаром, и на мосту выклали, и те галанцы, торговые люди, Осип да Яган (О.Ю. Рендорп и Я. Гоенс. – *И.Ю.*), те зятя моего присыльные товары насильством пограбили. А я, иноземец, в то время у Архангельского города не был. И как я к Архангельскому городу на караблех пришол, и они те товары, держав у себя десять ден и лутчую торговую пору пропустя, мне отдали. И я, иноземец, тех товаров у Архангельского города на недели продать не мог, потому что ярманке лутчая пора отошла, и я те присыльные товары у Архангельского города менял на русские товары, а иные, привезчи к Москве, продавал с великим накладом. А достального товару... послал назад за море на карабле в Галанскую землю, а иные товары у Архангельского города в зиму залежали. И в том мне... учинились убытки великие. И про теи насилство и грабеж, и про мои великие убытки ведомо всем иноземцом торговым людем, кои в то время у Архангельского города были” [14, л. 1]. В этом фрагменте – и поездка Виниуса за границу (скорее всего в Голландию), и доставка европейских товаров морем для реализации в России, и продажа их в Архангельске на ярмарке, и обмен там на русские товары, и торговля привозным товаром в Москве, и убытки из-за того, что часть товаров пришлось отдать по низкой цене, а другая вообще осталась зимовать в Архангельске, и конфликты с конкурентами... В этом фрагменте – Виниус торговый человек без какой-либо примеси начинающего мануфактуриста.

Если во время строительства заводов Виниус, как видим, продолжал торгово-предпринимательскую деятельность (вероятно, в ограниченном против прежнего объеме), то и после их пуска у него, полагаем, не было резона ее прекращать. Пока отношения Виниуса с компаньонами окончательно не испортились (период по начало 40-х годов включительно), у него скорее всего имелись и время, и силы, и желание заниматься торговлей. Его поездки за границу, в том числе по торговым делам, в это время достаточно вероятны. Документальных подтверждений их пока нет – выявленные к настоящему времени в Печатном приказе свидетельства о торговых сделках А.Д. Виниуса-отца (не связанных с реализацией заводской продукции), прервавшись в 1637 г., возобновляются только с 1648 г. (первое – [III, л. 351 об. – 352]) – года, когда Виниус потерял заводы. Сохраняем надежду обнаружить их и для десятилетия, в течение которого Виниус состоял их совладельцем. В том числе – для особо интересующего нас 1641 г.

Итак, хотя вопрос о месте рождения А.А. Виниуса окончательного решения пока не имеет, некоторые предварительные выводы на основании рассмотренных материалов сделать все-таки можно.

Если вопрос предельно упростить (свести к альтернативе Россия/не Россия), то наиболее обоснованным сегодня придется признать заграничный на него ответ, и именно из него мы в дальнейшем исходим. Не исключено, что в будущем появятся серьезные аргументы в пользу русской версии, и к ней, может быть, придется еще вернуться. Но сегодня их нет. Документов, позволяющих утверждать, что родители А.А. Виниуса на протяжении интересующего нас 1641 г. находились в России, не обнаружено. С другой стороны, хотя сведений о торговой деятельности А.Д. Виниуса в этом году не имеется, установлено, что он продолжал заниматься ею вплоть до пуска заводов – ничто не мешало продолжать ее и позднее. Так что съездить за границу в 1641-м он вполне мог. Мог захватить с собой и жену.

Переходя от укрупненной постановки вопроса к более детализированной, обращаемся к выбору между Амстердамом и Батавией.

До Амстердама (родины А.Д.) было ближе, поездка туда требовала сравнительно немного времени, дорога была привычна. Представить Виниуса отправляющимся в Юго-Восточную Азию труднее. И потому, что никаких сведений об участии Виниуса в торговле с Ост-Индией у нас нет, а коммерция, как правило, предполагала территориальную специализацию торговцев. И потому, что пуститься в многомесячное путешествие означало бы

бросить дело (недавно пущенный завод), поглотившее несколько лет трудов и большие средства, возможно даже еще не окупившиеся, – бросить, рискуя затраченное не возратить. Считать такой поступок полностью стоящим за гранью предпринимательской логики едва ли обоснованно – неизвестно, какая прибыль могла поманить в Ост-Индию. Но риск был велик.

Впрочем, эти размышления имеют смысл, если Батавию искать на острове Ява²⁵, что на первый взгляд представляется очевидным. Основание голландцами в 1619 г. порта в удобной Батавской бухте сконцентрировало в одном “привилегированном” месте “важнейшую часть голландского могущества и торговли в Индонезии” и сыграло исключительную роль в формировании “громадной паутины торговых операций и обменов”, составившей “империю” Ост-Индской компании [Бродель III, с. 214]. Но возможно и другое прочтение цитированного выше источника: “земля Батавская” – земли, населенные *батавами*. Последние же, наряду с фризами – германские племена, исстари населявшие северную часть низменных земель по берегам Балтийского моря: течение Шельды, низовья Рейна и Мааса. В случае, если название земли “батавская” происходит у А.А. Виниуса от этнонима (и должно тогда писаться со строчной буквы), эта земля – кусочек все тех же Нидерландов: Голландия, Фрисландия и проч. Учтем, что имя племени батавов сохранило и латинизированное название Голландии. Необходимость придумывать повод и изыскивать время для поездки Виниуса с женой в Индонезию при такой трактовке термина снимается. Излишней становится и гипотеза о рождении на тропическом берегу младенца, из которого со временем вырастит бородатый думный дяк.

Таким образом, почти уверенно можно говорить о том, что А.А. Виниус родился в Нидерландах. Точное место рождения пока неизвестно. Приоритет имеет Амстердам, но в опубликованных материалах о персональном составе его приходов [Elias] ссылки на запись о крещении Виниуса обнаружить не удалось.

1.4. Детские годы

Полагая благоприятным прогноз в отношении источников, способных пролить свет на местопребывание родителей А.А. Виниуса в 1641 г., меньшие надежды питаем на обнаружение сведений о рождении и юных годах самого Андрея Андреевича. Конечно, остается вероятность отыскать кое-какие данные и на

²⁵ Именно такой ее “адрес” подразумевал, в частности, С.Г. Милюков [Милюков 2000а, с. 314].

этот счет, но возможность того, что положение изменится радикально, невелика: не той фигурой был ребенок иноземного купца, чтобы привлекать внимание чиновников, не говоря уж о меуаристах.

Кое-какие предположения о детстве А.А. можно сделать, опираясь на последующую его биографию – так сказать, “задним числом”.

Прежде всего обратим внимание на образованность, которую А.А. Виниус по разным поводам неоднократно демонстрирует. Образованность опиралась на знание нескольких европейских языков, которое длительное время его с семьей даже “кормило”. Принятый на службу в Посольский приказ, он несколько лет оставался здесь единственным переводчиком с голландского языка, одновременно “способствуя” (его выражение) переводить письма с “цесарского” (немецкого) [26, л. 2]. В конце жизни, вернувшись к занятию переводом, он брал в работу издания на тех же языках. Таким образом, совершенно точно можно утверждать, что он хорошо владел языками русским, голландским и немецким. Ориентируясь на языковой репертуар книг его библиотеки, к ним предположительно допустимо прибавить и другие языки: латинский²⁶, французский и польский.

Голландский был языком, на котором говорила семья, немецкой речью и письмом, основами латыни можно было овладеть, не слишком удаляясь от родного очага. Другими словами, начальное образование, включая языковую подготовку, он мог получить в Москве – благо, иностранцев, достаточно сведущих, чтобы учительствовать, здесь было достаточно. Ниже приводятся данные конца 1670-х годов о посылке в Немецкую слободу учеников из Аптекарского приказа для изучения там немецкого и латинского языков – понятно, что не они единственные их здесь изучали.

Но достаточно ли погружения в языковой коктейль Немецкой слободы в Москве, чтобы освоить язык в степени, необходимой для работы переводчиком в дипломатическом ведомстве? Учеба могла быть продолжена за границей. Высказывалось предположение, что Виниус получил “западноевропейское, возможно, университетское образование” [Савельева 1998, с. 62]. Относительно обучения в университете ничего определенного сказать нельзя, хотя нам оно представляется не очень вероятным: в противном случае Виниус, полагаем, не удержался бы о нем время от времени упоминать. Но обучение за границей в других формах

²⁶ В записках И.Г. Корба упомянут относящийся к 1698 г. случай, когда в обстановке застолья А.А. Матвеев обратился к Виниусу на латыни [Козловский 1, с. 201].

возможно – жившие в Москве иноземцы его практиковали. Только во второй четверти XVII в. учиться за границу посылали своих детей нидерландец Г. фан дер Гейден, московские торговые иноземцы И. Буколт, П. Вестов, А. Келдерман, гамбуржец П. Марселлис. Цель: “для научения немецкого языка и грамоте”, “для научения языков розных” [Демкин 1994, с. 114–115]. П.П. Марселлис-старший в составленной 27 июля 1675 г. духовной грамоте завещал по достижении сыном Христианом семи лет отнять его у матери “и послать для учения за море и тамо ево учить во всякие шляхетные науки” [КМР I, с. 300]. По этому же пути много лет спустя пошел сам А.А. Виниус, отправивший сына в Пруссию “для учения языков” и “совершения свободных наук” [38, л. 5, 7].

Но не все знания Виниуса можно объяснить, взяв за основу предположение об обучении за границей. Таков просматривающийся в профессиональной деятельности А.А. Виниуса отчетливый след его познаний в области технологии металлургического производства и в меньшей степени горного дела.

Соответствующие знания и опыт Виниус-сын неоднократно демонстрировал на протяжении всей жизни. Без их наличия был невозможен поиск руд, затеянный им в 70-х годах, затруднены организованные им их разведки на Урале в конце 90-х и развернутое вслед за этим строительство доменных там заводов, невозможно исполнение в течение нескольких лет функций “надзирателя артиллерии” (когда он, помимо прочего, занимался организацией литья пушек)²⁷. Зная служебную биографию А.А. Виниуса, можно заметить, что наибольшего успеха он достигал там, где труды опирались на фундамент основательных знаний и навыков. Зная биографию житейскую, трудно избежать искушения связать формирование этого фундамента с детством, с повседневным в нем (детстве) соприкосновением с подобным опытом.

Именно с детством, а не с гипотетической поездкой в Европу с образовательной целью. Отец лишился заводов, когда наследнику было всего шесть лет. Будучи “отставлен” от металлургии, едва ли, отсылая сына в Европу на учебу, он ориентировал его на изучение там металлургии и горного дела. Между тем соответствующие знания, может быть поверхностные, неглубокие, у А.А. Виниуса в зрелом возрасте все же несомненно имелись. Более чем вероятно, что основы их он получил в непосредственном соприкосновении с металлургией в детские годы, живя на принадлежавших отцу заводах.

²⁷ Хотя в целом свою подготовленность к этой работе Виниус оценивал невысоко, называл порученное “несведомым” ему делом [148, л. 191 об.].

То, что Виниус-сын на отцовских заводах в то время не только бывал, но и жил, кажется нам очевидным. Тезисно перечислим аргументы в пользу этого утверждения.

Тезис первый: Постоянное или, минимум, длительное пребывание на заводах осознавалось их строителем и владельцем как насущная необходимость.

Факты появления А.Д. Виниуса в Туле и на Тульских заводах упоминаются в документах неоднократно. Летом 1638 г., когда он понадобился в Москве в связи с неисполнением обязательств перед Стрелецким приказом, для его поиска была послана грамота к тульскому воеводе, который Виниуса успешно и разыскал [63, л. 75]. При отказе заводов в казну в 1647 г. Виниус оказался единственным из заводовладельцев, кто лично участвовал в этой процедуре [31, л. 105, 106]. Подобные примеры можно умножить.

Но речь о другом – о пребывании продолжительном.

Построить и пустить заводы без личного организующего и направляющего участия владельца в их строительстве было невозможно, поскольку технологически подобных им предприятий (а значит, и специалистов, знавших, что и как нужно делать) в Московском государстве тогда не существовало. Заметим, что в ходе строительства Виниус некоторое время не имел компаньонов – был период, когда все заботы ложились на него одного (не считая, разумеется, приказчиков). Возможно, именно это он подразумевал, когда писал в одной из челобитных (от 17 июля 1648 г.), что “заводил... железные заводы своим умом”. Здравый смысл подсказывал отказаться в таком положении от всего постороннего, чтобы высвободить время для дела, на тот момент *главного*. Цитированные выше его слова об оставлении “торговых промыслов” выглядят в таком контексте прямым свидетельством, что именно так он, во всяком случае, *думал*. Даже если не совершенно так, то так по преимуществу. (Впрочем, как мы уже видели, реальная картина была несколько иной.)

Но высвобождение времени было только одним из условий, необходимых для успеха затеянного Виниусом дела. Добиться скорейшего и наилучшего результата, постоянно проживая в Москве – в отдалении от места, где кипела работа, лишь изредка на объект приезжая, было невозможно. На заводах или, по крайней мере, в находившейся поблизости Туле предприниматель должен был жить если не постоянно, то уж, во всяком случае, подолгу.

Утверждая, что, приступив к строительству заводов, Виниус значительную часть своего времени непосредственно на них проводил, мы, разумеется, не можем утверждать того же в отношении его семьи. Но можно указать на наличие “подтягивающих” ее к заводам двух необходимых (хотя и недостаточных) условий:

на характер населения в заводском поселке и на наличие в нем собственного хозяйского двора.

Итак, *тезис второй*: на заводах было немало иностранцев, что облегчало адаптацию новоприбывших.

Иностранцы специалисты приезжали на заводы, как правило, с семьями и жили, подчиняясь контракту, годами [Гамель, приб., с. 17, 18; КМР I, с. 113, 118]. Сложившаяся здесь уже на этапе строительства этноконфессиональная и культурная среда, близкая среде других компактных поселений иноземцев в Русском государстве, была такова, что Виниус с семьей отнюдь не выглядели белыми воронами.

Тезис третий: у Виниуса имелись все возможности для размещения на заводах собственной семьи.

Жилье – это в первую очередь земля плюс постройки на ней. Первая, 1632 г. жалованная грамота (на основании которой строились Городищенские заводы) разрешения на покупку земли под их строительство не содержала. Заводы предлагалось ставить на государственной земле, при отсутствии таковой разрешалось использовать земли, находившиеся в частном владении: “наймовать” их “погодно или имать на оброк” [Гамель, приб., с. 3]. По второму пути и пошел Виниус: известна его запись с настоятелем Николаевского Венева монастыря Иосифом об аренде принадлежавшей обители земли по р. Тулице [Белоцерковский, с. 168]²⁸. Земля под строительство, таким образом, имела. Были и постройки.

На недатированном, но несомненно XVII в. чертеже земель по р. Тулице, на котором изображен, помимо прочего, район Городищенских заводов [128а], поблизости от заводских гидросиловых установок (обозначенных условными символами), показаны “немецкие дворы” – по-видимому, поселок, состоявший из усадеб, в которых жили иноземные специалисты²⁹. Приезжавшим на несколько лет мастерам требовалось добротное временное жилье – построить собственное смысла не имело. Судя по более поздним описаниям таких же поселков на Каширских заводах, дворы, где жили мастера, принадлежали, как правило, заводовладельцу. Ставя

²⁸ В новой жалованной грамоте (1644 г., заводы на Шексне, Костроме, Ваге) вопрос о земле проработан подробнее, хотя в своей основе решение оставлено прежним. Оговорены запреты: “Земель никаких не покупать, и под заклад ни у кого не имать, и деревень не строить, и крестьян не заводить” [СГГид III, № 118, с. 410].

²⁹ В переписной книге стольника А. Фонвизина по заводам 1662 г. после описания нижнего Городищенского завода отмечено: “У тово ж заводу 8 изб, живут в них мастерские люди” [КМР I, с. 26]. Учитывая, что работавшие в это время мастера были сплошь иностранцами, можем уверенно отождествить этот поселок с “немецкими дворами” упомянутого чертежа.

дома для персонала, заводчики, естественно, строили их и для себя – *хозяйские дворы* упоминаются в описаниях заводов с начала 60-х годов. В Ченцове, “столице” Каширских заводов, судя по отказной книге 1690 г., их было даже два [*КМР I*, с. 115–116, 118].

В самом раннем, 1647 г. описании Городищенских заводов хозяйский двор, однако, не упомянут. Но данная переписная книга должна была учесть лишь то имущество, которое переходило в казенную собственность – а это были исключительно производственные объекты. Собственность заводладельцев в ней не описана, лишь в редких случаях упомянута. Нет никакого сомнения, что хозяйский двор, и скорее всего не один (учитывая наличие нескольких владельцев), имелся и на Городищенских заводах, причем, вероятно, начиная с периода их строительства. Жилые хоромы для семьи хозяина здесь несомненно существовали.

Есть основания предполагать, что какое-то жилище (собственный или съемный двор) Виниус имел также в Туле. Об этом свидетельствует не только здравый смысл (деловые связи с ближайшим к заводам уездным центром по линиям административной и оружейной). В пошлинных книгах Печатного приказа мы обнаружили упоминание о грамоте на Тулу 1636 г. (запечатанной 21 сентября), в которой в ответ на челобитье Виниуса было “велено ему выморочное дворовое место дать” [77, л. 72 об.]. Мы не знаем, застроил ли его новый владелец. Но учитывая, что это разрешение он получил в год пуска заводов и что заниматься ими ему предстояло еще 11 лет, можно утверждать, что время для освоения участка у него имелось. Кстати, не по этому ли тульскому “адресу” разыскивали Виниуса посланцы тульского воеводы летом 1638 г.?

Заводские годы в биографии юного Андрея Виниуса-сына занимают лишь первые шесть, может быть, семь ее лет. Но впускую они не прошли – оставили в нем отчетливый и важный для будущего след.

1.5. Заклятые друзья строителя Городищенских заводов

Отношения Виниуса и новых его компаньонов безоблачными оставались недолго.

Еще в 1631 г. на него обижались некоторые соотечественники: он, дескать, закупил русский хлеб, в отличие от предшественников, без “хитрости” – “прямою” ценой [*Козловский I*, с. 171]. После пуска заводов обиды умножились. В литературе суть претензий к Виниусу трактуется, как правило, приблизительно в следующем ключе: иноземцы полагали, что он “предан более рус-

ским, нежели немцам”, доказательства чему видели, во-первых, в представлении Виниусом правительству соображений об укреплении Архангельска с целью пресечь тайный проход по Двине иностранных кораблей (содержание их см. в [ДАИ III, № 13, с. 64–65], во-вторых, в совете поднять пошлину на ввозимые в Россию товары, в-третьих, в намерении Виниуса перейти в православие [Цветаев, с. 397].

Воспроизводимая Цветаевым выразительная формула (по поводу преданности) заимствована, судя по всему, у шведа Фербера – из его письма, написанного в Москве в 1647 г. По его словам, молодой царь настолько тогда увлекался охотой, что оставил ведение дел боярину Морозову, князю Трубецкому и “великому канцлеру” Назарию Чистому. “Они то, – пишет Фербер, – распоряжаются всем правлением, пользуясь советами голландца Андрея Дениса, который... предан более русским, нежели немцам” [Письмо, с. 151–152]. Информация источника уникальна – другие свидетельства значительного влияния на правительственную политику выходцев из Западной Европы для этой эпохи нам неизвестны.

Приняв за основу тезис “предан более русским”, попытаемся понять, как Виниус пришел к этой преданности. На эволюцию его позиции повлияло развитие конфликта с компаньонами, отражавшее, в частности, динамику личных и корпоративных коммерческих интересов торговавших в России иноземцев и русских.

Факт, что “в товарищах единства нет”, стал очевиден приблизительно в 1644 г. Что не нравилось Виниусу в действиях компаньонов?

Во-первых, получение ими в этом году жалованной грамоты³⁰, разрешавшей им и их детям строить железный завод на рр. Шексне, Костроме и Ваге, в других местах, которые они “приищут”, и эксплуатировать его без платежа оброка 20 лет. Была пожалована им и монополия, правда меньшего масштаба, чем предоставленная Виниусу: в границах урочных лет, если завод находился у них во владении, “опричь их” не разрешалось “той железной руды иноземцам и русским людям никому на откуп и без откупа в тех уездах отдавать... и всякаго железнаго дела мельничным заводом делать и за море возить” [Стоксова, с. 98]. Хотя документ утверждал право исключительно местной монополии, не отменяя монополии общей, предоставленной Виниусу в грамоте от 29 февраля 1632 г., он ее грубо нарушал – нарушал, следовательно, интересы Виниу-

³⁰ Впервые напечатанная в 1822 г. в “Собрании государственных грамот и договоров” (ч. 3, № 118, с. 408–410), она перепечатана в приложении к книге Н.Н. Стоксовой [Стоксова, с. 98–100].

са, которого обошли “свой” же. Нарушалась и составленная компаньонами запись, по которой новые заводы, даже если их строил один из них, считались общими [Цветаев, с. 397].

Подробности того, как готовилась грамота 1644 г., сообщает челобитная Виниуса от 11 июня 1646 г. Приказ Большой казны, помня о правах Виниуса, запросил у него: “...хочю ли тово, что б на тех мест им про себя такие заводы и впредь, где найдут, заводить, или нет”. Виниус “поволил им промышлять”, поскольку “Петра Марселиса опосался, видячи его царскую неизреченную милость до него”. В итоге “государь ево (Марселиса. – И.Ю.) пожаловал”: разрешил “тот промысл на... урочные ж годы безоброчно держать” [16, л. 14].

Во-вторых, Виниуса возмущало откровенное выдавливание его из основанной им компании. Доля Виниуса в Тульским заводе к этому времени уменьшилась вдвое – до 1/6. На сокращение пая он пошел отчасти запуганный Марселисом, заявлявшим, что может “и все заводы и промысл за себя справить”, отчасти соблазненный его обещанием расширить производство и добиваться, чтобы заводы были навечно укреплены за владельцами и их наследниками. Как писал потом Виниус, “яз, на то смотря, в старом заводе половину пая своего отступился” [16, л. 14, 15].

Копившееся напряжение достигло критической точки – Виниус решил обратиться в суд. Свои обвинения он изложил письменно, но обронил письмо на дворе у Акемы. Узнав его намерения, компаньоны пошли на открытый конфликт. Виниус подал челобитную, в которой просил отобрать у них утерянное письмо и заставить объяснить, почему они его повсюду “лают” [Цветаев, с. 397].

Понять, откуда в сидевшем тихо, как мышь, Виниусе прорезались смелость и гордость, позволяет дата событий – 1646 г. Действия компаньонов не нравились Виниусу давно. Но в конце царствования Михаила Федоровича ловкий делец из Гамбурга стоял к царю настолько близко, что был для Виниуса неуязвим. Марселис принимал участие в устройстве брака датского принца Вальдемара Кристиана и царевны Ирины Михайловны: в 1642 г. ездил с этой целью в Данию, где провел относительно успешные переговоры: добился от датчан обещания прислать королевича в Россию [Козловский I, с. 77; Андреев И., с. 53]. Хотя с самого начала осуществление матримониальных планов споткнулось о вероисповедный вопрос, “обработка” королевича велась настойчиво – царь и царица были горячими приверженцами проекта³¹. По-

³¹ Великая “кручина”, охватившая царя в связи с неудачей этой попытки, называлась современниками в качестве одной из причин повлекших его скоропостижную смерть. Тем же объясняли и смерть царицы [Андреев И., с. 7, 64; Козляков, с. 307].

ка шли уговоры и переговоры, Марселис пользовался своей к ним причастностью.

После смерти царя и царицы Вальдемара решили отпустить на родину. Но, предпринимая шаги, шедшие вразрез с позицией покойного государя, следовало, оправдывая ее ревизию, найти виноватых в неудаче. Кое-кто был наказан еще при Михаиле Федоровиче. Вина перекладывалась на тех, кто якобы морочил царю голову: убеждал в возможности уговорить Вальдемара на прекрещивание [Кошелева, с. 141]. В вину вполне можно было ставить и устранение вопроса о прекрещивании из первоначальных переговоров – устранение, породившее напрасные хлопоты и немалые расходы. Но именно такую линию проводил в Дании Марселис, причем во многом ей был обязан успехом [Андреев И., с. 53, 54]. Конечно, наказать его было не так просто, как своих – Марселис не являлся подданным московского царя. Но иммунитета это обстоятельство не создавало. И пока “оргвыводы” из истории с Вальдемаром вырабатывались, Марселис принадлежал к числу тех, кого они могли коснуться. Казалось, сама судьба предоставила Виниусу возможность свести счеты с обидчиком.

Ослабление позиций Марселиса, которому уже не приходилось надеяться “на свое вельможество”, – лишь одна из причин, подтолкнувших Виниуса. Второй являлось упоминавшееся усиление позиций его самого³².

Играло роль и третье обстоятельство. Подходило к концу десятилетие, в течение которого компания “Лебедь, Рак и Щука” пользовалась заводами безоборочно. По истечении срока могло измениться многое. В жалованной грамоте 1632 г. перспектива в отношении мест, где “железных руд дело будет”, обозначалась так: государи “велели дать” эти места “из оброку *им же*,... а оброк на них... положить по... рассмотрению, как мочно” [Гамель, приб., с. 3]. Оставить все как есть, только переведа на оброк, – этот вариант Виниуса, можно полагать, устраивал. Согласия не было, но стороны приспособились: приказчики – управлять, хозяева – делить доходы. Но один раз государство уже нарушило обещание (выдачей Марселису и Акеме отдельной жалованной

³² С.М. Соловьев указал в связи с этим на А.Д. Виниуса, как на “первый пример иностранца, получившего влияние на государственные дела” [Соловьев V, с. 441]. Но разве влияние П.Г. Марселиса в конце царствования Михаила Федоровича не было в некоторых вопросах по меньшей мере столь же значительным? Вполне солидарны с С.П. Орленко, который, отмечая уникальность цитированного выше свидетельства Фербера, выражал сожаление о скупости информации: «Не определена степень влияния Виниуса на “московские дела”, не очерчен круг вопросов, по которым власти могли обращаться к голландцу за советом» [Орленко, с. 138].

грамоты). Уверенности, что правительство на этот раз слово сдержит, не было – тем более в ситуации, когда на престоле сидел новый государь.

Четвертым обстоятельством, толкавшим к решительным действиям, выступало, полагаем, опасение разорения в случае потери заводов. С ними были связаны 15 лет трудов и надежд. В эти годы Виниус резко сократил участие в торговле – вернуть утраченные позиции было непросто. Тем более что момент для возвращения к ней казался не слишком подходящим. Наметилось наступление на действовавшее в России иностранное купечество. Были ли интересы Виниуса достаточно защищены прежними жалованными грамотами? Тем более что с воцарением нового государя они требовали подтверждения, а правительство Б.И. Морозова повело борьбу со льготами и привилегиями [Андреев И., с. 91, 92]. Как изменятся в ближайшее время условия для торговли – оставалось неясным. То ли дело заводы, дававшие высокую и стабильную прибыль. Сохранить и закрепить их за собой означало предпринять шаги, способные в глазах правительства укрепить доверие к себе и дискредитировать противников. Вынеся в 1646 г. сор из избы, Виниус их и предпринял.

Но наступательная операция отклонилась от разработанного для нее плана – фактор внезапности был упущен. Первые допросы Марселиса и Акемы состоялись 8 июня 1646 г. Опускаем изложение подробностей, рисуемых архивным делом [16; Цветаев, с. 401–402]. В целом, несмотря на недостаточную доказанность, аргументы Виниуса убеждали. Отправлявшемуся в Нидерланды послу И.Д. Милославскому было велено объявить Генеральным штатам “о многих неправдах” Марселиса и Акемы. Штаты от разбирательства устарились, ответив в начале 1647 г., что “Петр Марселис амбурец, а не их Галанские земли подданной; а Филимона Филимонова они не знают и того не ведают, где родился, и жил, и ныне где живет” [17, л. 11–12; Гамель, с. 14, 15].

Рискнем предположить, что, на взгляд Виниуса, чаша весов в деле в это время настолько явно клонилась в его сторону, что он позволил себе расслабиться: покинул поле сражения и отправился в Венецию. Поездка началась 4 марта 1647 г. и продолжалась четыре с половиной месяца.

Официальной ее целью были торговые дела (продажа икры и шелка-сырца)³³. Виниус, впрочем, встретился с главой Вене-

³³ Возможно, Виниуса, помимо прочего, обязали выяснить цены на указанные товары – во всяком случае, в поданной им сказке он подробно на них останавливается [10, л. 7–8].

цианской республики, чему купеческий его статус не помешал³⁴. В то же время, учитывая, что эта беседа была посвящена исключительно политическим вопросам (в основном о “турецких неправдах”), можно предположить, что купец имел по крайней мере “попутное” дипломатическое поручение. Для нас выявление такой составляющей в поездке Винуса представляет интерес в том плане, что делает более понятным его отъезд из России в то время, когда важнейшее для его предпринимательской судьбы дело (с заводами) не было решено. Отправляясь в неудобный для него момент с ответственным поручением, он вправе был рассчитывать на поддержку его интересов со стороны власти.

Винус возвратился 21 июля 1647 г.³⁵, рассчитывая, вероятно, на похвалы и вознаграждение. Но еще до конца этого года баланс сил в деле с заводами изменился. Его конкуренты нашли защитников. Выяснилось, что Акема все-таки голландец. В июле от Генеральных штатов было прислано защищавшее его письмо [*Гамель*, с. 16]. Дело запутывалось. Испытывая колебания в принятии решения, правительство предприняло неожиданный шаг: 31 ноября – 1 декабря 1647 г. заводы у владельцев конфисковали. Взятые “на великого государя”³⁶, они ведались отныне на Бархатном дворе [*КМР I*, с. 248].

Как обосновывалось это решение? Приводим трактовку, данную в грамоте, адресованной Штатам (для дипломатических документов формулировки взвешивались особенно тщательно): “Взято было у Петра Марселиса да у Филимона Филимонова то железное дело за их многие неправд[ы]. Да и потому у них взято, что урочные годы дошли” [*17*, л. 13]. Обратим внимание на взаимное противоречие приведенных мотивировок. Взять “за неправды” – значит наказать; взять, потому что “годы дошли”, –

³⁴ В качестве аналогии укажем на поездку в Китай (1654–1658) боярского сына Федора Байкова. Известно, что поручений “более сложных, чем торговые”, на него не возлагалось. Тем не менее Байков добивался встречи с богдыханом и не получил аудиенции только потому, что отказался выполнять несовместимые с его представлением о достоинстве церемонии. Непонятно, впрочем, почему в таком случае его поездку иногда называют “дипломатическим путешествием” [*Лебедев 1949*, с. 121].

³⁵ Эту дату получаем из указанных в сказке даты отъезда (4 марта) и общей продолжительности поездки (4 месяца 17 дней) [*10*, л. 1, 8].

³⁶ Составленная при этом переписная книга Ю. Телепнева в начальной ее части утрачена. В сохранившемся тексте несколько раз мелькает рубежная дата – 1 декабря, но без года. Год 155 (1646/47) упомянут в источнике как “прошлый”. В более поздних документах, например в памяти из Приказа Большого дворца в Посольский от 22 сентября 1672 г., передача заводов в казну отнесена к 156 (1647/48) г. [*КМР I*, с. 15, 248].

применить “плановую” процедуру, с винами и санкциями никак не связанную.

Обратившись непосредственно к первой, февраля 1632 г., жалованной грамоте, полученной Винусом с компанией первого состава, видим, что там прописана совершенно иная перспектива развития событий: по истечении урочных лет “те места, где у них (заводчиков. – *И.Ю.*) железных руд дело будет, и которые места они вперед приищут в наших порозжих землях, пожаловали их... велели дать из оброку им же, Ондрею, и Авраму, и Елисею, а оброк на них велим положить...” – далее о величине оброка [*Гамель*, приб., с. 3]. Оставить за владельцами, хотя и на несколько других условиях, – таким было предварительное намерение, а отнюдь не реквизировать, как оказалось на деле.

Между тем в научной литературе присутствует и иная трактовка этого материала. Так, С.Г. Струмилин именует право на строительство и эксплуатацию Тульского завода *концессией*, лиц, это право получивших, – *концессионерами*. С такой терминологией можно было бы и согласиться, если бы не одна крайне нежелательная смысловая коннотация. В нашем сознании (так же – и у Струмилинина) представление о концессии обставлено хронологическими рамками его действия. Струмилин, находясь под гипнозом термина, прямо связывает отнятие завода в казну с “истечением срока концессии” [*Струмилин*, с. 103].

Но в жалованной грамоте 1632 г. ничего, что можно было бы считать ограниченной во времени концессией, нет. А есть – два различающихся налоговым режимом периода эксплуатации предприятия: первый – льготный, безоброчный, ограниченный десятью годами, и второй – неограниченный временем, на оброке.

На наш взгляд, косвенным подтверждением тому, что в 1647 г. никакая концессия не истекала, является факт первой поставки произведенного на заводе металла еще в марте 1636 г. Именно с этого времени начинался отсчет урочных лет, и в случае, если бы имела место 10-летняя концессия, отобрать заводы можно было бы еще в 1646-м. Но произошло это на полтора года позже – на 12-м году их эксплуатации.

При всей соблазнительности для предпринимателей обладания в России доменным заводом, полагаем крайне сомнительным, что они ввязались бы в этот проект, если бы могли предположить, что та собственность, которую они создадут, спустя какое-то время будет у них отобрана, да еще и без возмещения убытка. Обратим внимание, что позднее в таких случаях производилась компенсация понесенных затрат. Государство в 1702 г. передаст Никите Демидову построенный казной

Невьянский завод на Урале и заберет себе его Тульский завод. По каждому предприятию, хотя и не сразу, будет произведен полный расчет: Демидов расплатится продукцией, казна заплатит деньгами. Полагаем, что в грамоте 1632 г. процедура принудительной смены собственника не была прописана только потому, что возможность развития событий по такому сценарию (отписка, фактически – конфискация) и в голову никому не приходила.

Отписка заводов – нетрадиционный выход из нетрадиционной ситуации. Глядя на него из XXI в., можно рефлексировать на тему об эволюции представлений о неприкосновенности частной собственности. Но участникам событий было не до общих рассуждений – их имущественным интересам был нанесен неожиданный и сильный удар.

Впрочем, такой ли неожиданный? Не имея достаточных доказательств, рискнем предположить, что инициатором конфискации мог явиться сам Виниус. Он несомненно мечтал о реванше – вытеснении из дела захвативших его ловких дельцов, некогда допущенных в компанию по его недосмотру. Не имея достаточных денежных ресурсов, вытеснить их экономически он не мог. Не исключаем, что в этой ситуации в его голове и зародился план перевода компании в госсобственность с последующей ее приватизацией – передачей Виниусу. Этот шаг был сопряжен со значительным риском – при первой смене собственника в потерпевших оказывался и он лично: его доля также переходила в казну. Но в 1647 г. его авторитет и влияние казались ему, похоже, достаточными, чтобы надеяться на последующее возвращение утраченного сторицей.

Косвенное доказательство разработки данного плана именно Виниусом видим в том, что он даже не жаловался на конфискацию, тогда как Марселис и Акема боролись за свою реабилитацию очень настойчиво. Списать молчание Виниуса на недостаток у него (в сравнении с компаньонами) бойцовских качеств нельзя – легко привести примеры исключительно настойчивого отстаивания им своих интересов в судах.

Итак, в казну перешла необычная для нее собственность, требовавшая определенных навыков управления ею. Поскольку у приставленных к заводам чиновников таковые отсутствовали, у них возникли трудности. Неудивительно, что в правительстве с интересом отнеслись к последовавшим вскоре предложениям бывших компаньонов вернуть им тулицкие домны. Импульсы исходили из двух источников: от Виниуса и от объединившихся Марселиса и Акемы. Начался торг. В этой ситуации Виниус предпринял еще один нетрадиционный шаг: в 1648 г. перешел

российскому монарху “в подданство вечно” [60, л. 1]³⁷, после чего занялся переоформлением ранее полученных им жалованных грамот³⁸. Крайне необычен тот факт (единственный известный нам случай), что, сменив подданство, Виниус и его семья *продолжали оставаться протестантами*.

Но старания Виниуса оказались напрасными. Усилия, предпринятые в защиту Марселиса и Акемы Нидерландами и Данией³⁹ [17, л. 13], сумели нейтрализовать обвинения их соперника.

С первого дня нового 157 г. (1 сентября 1648 г.) Городищенские заводы были на 20 лет возвращены в частное безоборочное и беспошлинное владение, но отданы не их основателю, а Марселису и Акеме⁴⁰ [111, л. 171; КМР I, с. 248]. С этого момента Андрей Денисович Виниус, основатель российской доменной металлургии, оказался навсегда “отставленным” и от своего детища, и от металлургии вообще. Эстафетную палочку, выбитую из рук отца, примет со временем сын Андрей, но произойдет это нескоро.

Возможно, впрочем, что окончательная “отставка” Виниуса от металлургии имела место несколько позже. По Гамелю, лишившись в 1647 г. Городищенских заводов, Марселис и Акема сразу приступили к строительству завода на р. Ваге (левый приток Северной Двины), “в котором и Виниусу дали участок”. Завод, по его же данным, начал действовать 6 октября 1648 г. [Гамель, с. 15]. А.В. Демкина удивляет присутствие среди компаньонов “в этом деле” Виниуса [Демкин II, с. 6]. То, что на этот раз его не оттолкнули, вполне объяснимо: слишком неустойчивым было положение Марселиса и Акемы (особенно первого) на рубеже 1647 и 1648 гг., слишком серьезны обвинения, выдвинутые про-

³⁷ Челобитная А.Д. Виниуса о принятии его в русское подданство сохранилась [Орленко, с. 287]. Она не датирована, но имеет помету о пожаловании просимого – оно состоялось 9 марта 1648 г.

³⁸ Связанные с получением Виниусом жалованных грамот события 1649–1650 гг., по материалам архивного дела [30], кратко рассмотрены Н.Б. Голиковой [Голикова 1990, с. 212]. Ниже останавливаемся на них лишь в той степени, в какой они важны для нашего контекста.

³⁹ Английский врач С. Коллинс со ссылкой на слова А.Л. Ордина-Нащокина сообщает, что датский король среди прочих европейских монархов наиболее часто обращается к русскому царю с просьбами, касающимися частных лиц. Выразивший по этому поводу недоумение и недовольство русский вельможа замечал, что они у него, “как слышно, дешевы” [Коллинс, с. 221].

⁴⁰ И.П. Козловский в качестве даты перехода “монополии железного промысла” к Марселису и Акеме называет 1 марта 1648 г. [Козловский I, с. 173]. Эту дату проверяют многочисленные упоминания сентябрьской даты в документах, в том числе, синхронных событию. Жалованную грамоту, передававшую им “тульский железный промысел”, в Печатном приказе запечатали 4 октября [111, л. 171–171 об.].

тив них Винусом, – нарушать принятые некогда взаимные обязательства было рискованно.

Но что понимать под словами о полученном Винусом участке? Дали ли Марселис с Акемой Винусу право строиться на ими отведенной ему территории или они предоставили ему возможность эксплуатации оборудования и построек, уже сооруженных? И.П. Козловский пишет, что конфликт не помешал “им снова вместе работать... на р. Ваге, где Винус поставил свой двор для пушечного железного дела” [*Козловский I*, с. 173]. (Заметим, что ед-ва ли этот двор был *пушечным*: считается, что на заводе отливались только ядра [*Гамель*, с. 15]⁴¹). Исследователь ссылается при этом на Гамеля (в работе которого говорится, однако, не о дворе, а об участке, а это не всегда синонимы) и опубликованный в “Москвитяине” за 1843 г. фрагмент недатированной писцовой книги.

В последней сообщается о поставленном “по реке по Шелаше, на порозжих местах, в Черном лесу”, дворе “иноземца Голландские земли” Андрея Винуса с товарищами. Он был устроен “для пушечного железного дела” в “прошлом” 152 (1643/44) г. (книга, следовательно, составлена не раньше 1644/45 г.). Со ссылкой на государев указ перечислены распоряжения Винусу: “Поделать кузниц, и всякое пушечное дело делать, и железную руду копать” [*Стоскова*, с. 41]. Из сказанного заключаем, что кузниц на момент описания еще не существовало или построены были не все.

Этот фрагмент, если он действительно касается Важского завода (к этому склоняет упоминание о заготовке руды в Важеском уезде, а также совпадение дат), разъясняет немногое. Ряд деталей непонятен – в частности, почему при наличии жалованной грамоты, выданной Марселису и Акеме, в описании этого завода они фигурируют в скромном качестве “товарищей” Винуса. История Важского завода и место в ней Винуса требует дополнительного изучения.

Если не считать неясной ситуации с Важским заводом, после 1648 г. с металлургией или, точнее, металлургами А.Д. Винуса надежно связывало, похоже, только одно: тяжёлое дело с Марселисом и Акемой. Оно длилось и длилось, дробясь и затягиваясь. В 1651 г. в Посольском приказе находились в производстве дела по трем искам бывших компаньонов. Два были денежными: са-

⁴¹ В переписной книге по Тульским заводам 1647 г., между прочим, отмечено, что живущий на заводе ядерный ученик “ядерного дела не работает”, так как мастер, у которого он учился, “ныне на Ваге, а без него делать он не умеет” [*КМР I*, с. 14]. То есть ради Важского завода шли даже на остановку отливки ядер на Тульском заводе.

мое первое – по иску Виниуса против Марселиса в 400 рублях и встречное – по иску Марселиса против Виниуса в 200 рублях. Одновременно рассматривалось дело Виниуса с Марселисом и Акемой “в бесчестье”. В январе 1651 г. представители сторон, отодвинув прочие заботы, собрались в Москве “для вершенья тех судебных дел” [КМР I, с. 209, 210].

1.6. Пейзаж после битвы

1648 год открывает заключительный, приблизительно 15-летней длительности, период жизни А.Д. Виниуса. Этот год был переходным – Виниус возвращался к торговому предпринимательству. Этот же год отмечен важным событием в его личной жизни: 10 февраля он женится на некоей Гертруде Мейер [Цветачев, с. 402].

Если Мейер – собственная (не мужняя) фамилия Гертруды и если упоминаемая ниже вдова Виниуса Авдотья Елисеева – одно с ней лицо (что очень вероятно), то имя тестя Виниуса – Елисей Мейер.

Нам встретилось сравнительно немного упоминаний Мейеров для первой половины XVII в. Выделим толмача Елисея Мейера, который работал с нидерландскими послами А. Бурхом и И. фан Фелтдрилем в Москве в 1630–1631 гг. [Бурх, с. 311]. Московский служилый иноземец Елисей Елисеевич Мейер (предыдущий или сын) упоминается в документах дела о тяжбе Виниуса с голландским купцом Д. Руцем в январе 1649 г. [31, л. 93]. Качество, в котором он выступал (поручитель Виниуса), позволяет допустить, что это был один из его свойственников по линии новой жены. В период с 1645 по 1682 г. среди служащих Посольского приказа лиц с данной фамилией не обнаружено [Беляков 2001, прил.]. Для последней трети XVII в. сведений о Мейерах в России уже много – и совокупность их свидетельствует о заметном общественном положении, которое среди иноземцев занимали представители если не всей этой фамилии, то голландской ее ветви.

Неудача с заводами не деморализовала Виниуса, он своевременно предпринял отчасти выправлявшие ситуацию шаги, смещавшие бизнес в другую сферу. 28 декабря 1648 г. по его челобитью ему была дана жалованная грамота с разрешением шесть лет (со 157 по 163 г.) “без откупу и безоброчно” “промышлять” в Московском государстве “смоляным промыслом” [111, л. 351 об. – 352].

В литературе это пожалование обычно интерпретируется как компенсация за отказ возвратить Тульские заводы. При этом ускользает от внимания, почему Виниус переключился именно на

смолу. Между тем предоставление ему данной привилегии имело сложную и драматичную предысторию, связанную с бывшим его компаньоном Виллекемом, трагически погибшим 29 октября 1640 г. [31, л. 55]. Но независимо от того, в какой ситуации и какими средствами Виниус ее добивался, факт предоставления таковой выглядит весьма символичным. Виниус уверенно возвращался в ряды торговых людей.

В 1650–1651 гг. Виниус делает очередной шаг в своей сословной эволюции: добивается получения жалованной грамоты “*против московских гостей*” [Голикова 1998, с. 124]. С учетом произошедшей за несколько лет до этого смены подданства превращение гостя голландского в московского видится событием достаточно естественным. Но отнюдь не неизбежным. Пожалование нужно было заслужить, а заслужив, постоянно подтверждать соответствие дарованному статусу. Гости, поясняет Г.К. Котошихин, “бывают ис торговых людей гостиной и суконной сотен и ис посадских людей. А бывают они гостиным именем пожалованы, как бывают у царских дел в верных головах и в целовальниках у соболиные казны, и в таможняк, и в кружечных дворах... И будучи в гостех, потому ж бывают в царских службах по переменам, у соболиные казны и у денежных зборов в головах и во дьячех” [Котошихин, с. 164]. “Служить”, “радеть”, “чинить царскому величеству прибыль” [52, л. 3] было обязательным условием приобретения и сохранения престижного и для занятия предпринимательством весьма полезного статуса. Число русских гостей было невелико – по Г.К. Котошихину, “блиско 30 человек” [Котошихин, с. 164]. Н.Б. Голиковой для интересующих нас 50-х годов XVII в. обнаружены упоминания о 44 русских гостях. Изменялся их список медленно: в течение названного десятилетия его пополнило менее половины от общего числа – всего 20 человек [Голикова 1998, с. 121–123]. Среди них был и А.Д. Виниус, который, как и гости русского происхождения, должен был теперь вестись в Приказе Большой казны [Котошихин, с. 120].

Виниус проявил исключительную настойчивость в деле получения соответствующей жалованной грамоты, поскольку не хотел упустить в целом благоприятную для него конъюнктуру (несмотря на неудачу в борьбе за заводы, она сохранялась). Первую челобитную он подал в начале (до 3 февраля) 1649 г. Позднее он решил получить грамоту с расширенными правами⁴², в связи с

⁴² Н.Б. Голикова полагает, что, запросив грамоту, Виниус допустил техническую ошибку: указал не на тот образец, который подразумевал [Голикова 1990, с. 212].

чем в начале 1650 г. одну за другой подал целых три челобитных [30, л. 26–28].

Получение А.Д. Виниусом грамоты “против московских гостей” – очередной этап его движения в направлении полной натурализации. Не следует его недооценивать, считая неизбежным, – Виниус, доказывая, что он того достоин, оставался тем не менее протестантом. Были ли в его эпоху среди *московских* гостей другие неправославные гости? – нам такие не известны.

Пожалование Виниусу чина “против московских гостей” было акцией нетривиальной и с точки зрения маршрута, каким он к нему шел. Детально исследовавшая пути подобных пожалований Н.Б. Голикова, подтверждая и уточняя Г.К. Котошихина, отмечает тенденцию жаловать в гости, как правило, из гостиной сотни. Исключения (за указанный период) немногочисленны: один человек из суконной сотни, восемь непосредственно из посада, наконец, один голландец родом – наш Виниус. Голикова отмечает, что пожалование его было произведено “после принятия им русского подданства”, но специальным анализом данного случая не занимается, лишь упоминает случай сходный – произведенное 20 лет спустя (в 1672 г.) пожалование чина гостя Томасу Келдерману [Голикова 1998, с. 124].

Нам представляется, что отступление от традиции, сделанное для Виниуса, было обусловлено особой ценностью его фигуры для русского правительства. Гости всегда рассматривали как исполнителей ответственных служб (перечень их у Котошихина далеко не полон), причем исполнителей неоплачиваемых. Но поручения, связанные с торговой или иной деятельностью за границей, русские купцы полноценно исполнять не могли – прежде всего из-за незнания языка и культуры других стран. Гость В.В. Воронин в начале 1670-х годов командирован в Голландию закупать ефимки “для промысла серебра” вдвоем с упомянутым Т. Келдерманом [Голикова 1998, с. 125]. Можно думать, без участия подобного напарника посылка за рубеж бывшего посадского Садовой слободы Москвы имела бы мало смысла и прока.

В фигуре Виниуса совмещались достоинства Келдермана и Воронина: с одной стороны, владение иностранным языком, практическое знакомство с экономикой европейских стран, личные связи в мире бизнеса, с другой – преданность престолу, неоднократно подтвержденная и скрепленная подданством, проживанием в России семьи и нахождением в ней благоприобретенной собственности⁴³.

⁴³ Оставалась ли у него собственность за границей – не знаем. У его сына собственного дома в Амстердаме, судя по тому, что в 1706–1708 гг. он жил у чужих людей [Козловский I, с. 292], не было.

С изменением статуса отмечается активизация торговой деятельности Вiniusа – заключаем это из изобилия грамот (мы обнаружили их четыре), которые он сумел получить менее чем за год (в мае 1651 – апреле 1652 г.). Они касаются предоставления Вiniusу разрешений на закупку различных сельскохозяйственных и иных продуктов: ржи, гречневой крупы, “лиственных губ” (гриба, растущего у корней лиственницы) [78, л. 51, 357; 79, л. 50 об., 480 об.]. На заготовку последнего Вiniusу была выдана 5-летняя монополия, о которой запечатанные 9 мая и 23 июня 1651 г. грамоты сообщили во все места предполагаемой его заготовки и закупки: на Двину, в Кевроль, на Мезень [78, л. 51, 357]. Закупки предпринимались в целях вывоза продуктов за границу, о чем, как правило, говорилось в разрешительных документах: в грамоте, запечатанной 20 апреля 1652 г., гречневую крупу, закупленную в Вологде, Вiniusу позволено “продавать к Архангельскому городу, а от Города отпустить за море” [79, л. 480 об.], в грамоте, запечатанной 9 мая 1651 г., лиственные губы никому кроме Вiniusа не только покупать, но “и за море высылать не велено” [78, л. 51]. Покупатель (Вinius) именуется в грамотах “московским гостем” (от 10 марта 1652 г. [79, л. 50 об.]). Торговые операции в городах осуществляются с участием приказчиков [78, л. 51; 79, л. 50 об.]⁴⁴.

1.7. “Комисариус московский гость”

Как уже говорилось, все купцы – и русские, и иноземные – привлекались правительством к разного рода службам. Поездка Вiniusа по казенной надобности за границу в 1653–1654 гг.⁴⁵ – еще один пример поручений, возлагавшихся на представителей привилегированного купечества. Много лет спустя его сын в одной из челобитных напомним, что при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче отец “был в розных посылках для их великих государей дел во окрестные государства и радел по крайнему своему изможению верою и правдою” [60, л. 1; *Сторожев*, с. 1]. Действительно, Вinius для исполнения подобных заданий подходил как никто другой.

⁴⁴ Первое известное нам упоминание о приказчике Вiniusа относится к 1635 г. Вилим Фаннаблок жил во Пскове, на Немецком дворе [14, л. 5].

⁴⁵ Это пятая известная нам поездка А.Д. Вiniusа за пределы России. Первые, уже упоминавшиеся, – три поездки в 139–142 гг. в Голландию (две с русским хлебом в 139–141 гг., еще одна в 142) и в 155 г. через Литву и Польшу в Венецию. Разумеется, поездки в Голландию до переселения А.Д. Вiniusа с семьей в Россию (1634) едва ли уместно считать поездками за рубеж – напротив, зарубежными являлись его поездки в Россию.

История поездки начинается 22 марта 1653 г. – именно тогда последовали распоряжения о выдаче Винуису необходимых документов [19, л. 1, 10]. Его сопровождали пятеро помощников: московский иноземец Иван Еремеев сын Марсов⁴⁶ и четыре человека, в проезжей грамоте не поименованные [19, л. 1]. Спутник Винуиса принадлежал к фамилии, известной в России по меньшей мере в четырех поколениях. Его деятельность здесь прослеживается на протяжении без малого 60 лет – с 1626 по 1685 г. [Демкин 1992, с. 7, 52].

Лицам, готовившим для Винуиса документы, пометой дьяка Назария Чистого предписывалось “в грамотах написать ево, Ондreja, камисариус”. Российских посланцев отправляли “за море в немецкие окрестные государства” – города Любек, Гамбург, Амстердам. Дорога до них по Балтике или сухим путем была короче, чем через Архангельск. Проезжая грамота, выданная 26 марта, направляла путешественников в Тверь, оттуда в Торжок, Новгород, далее, при необходимости – во Псков. Воеводам пограничных городов предписывалось “русских людей и никаких иноземцов сверх... грамоты” с ними не пропускать [19, л. 1, 9, 10]. Впрочем, уже три месяца спустя (29 июня) “в помочь” комиссару для “государевых дел наскоро” отправился Роман Болдвинов (возможно, родственник Винуиса⁴⁷) “с человеком ево с ыноземцом же” [20, л. 1]⁴⁸.

В России отъезжающих снабдили грамотами к властям тех земель, которые предстояло проезжать, а также особой грамотой, “чтоб им, Андрею и Ивану, верили” – она содержала обязательства оплатить долги порученцев [19, л. 1, 2, 6, 11–14]. Обеспеченная государственной гарантией сумма была весьма внушительной – до 40 тыс. ефимков, что свидетельствует о доверии ко-

⁴⁶ Вариант написания (впрочем, довольно редкий) – *Морсов* [19, л. 4].

⁴⁷ В составленном А.В. Демкиным списке нидерландского купечества XVII в. под № 74 упомянут (с подходящей датой 1650 г.) Яков Болдвинов, единственный представитель этой фамилии в данном перечне (если к ней не принадлежал № 75 – некий Иван Францов Бордын, 1658 г.) и, судя по ней, вероятный родственник упомянутого Романа Болдвина. Этот Я. Болдвин был племянником Я. фан дер Гульста [Демкин 1992, с. 16]. За одним из представителей последней фамилии, контакты которой с Россией охватывают не менее трех четвертей века [Демкин 1992, с. 29], – врачом Захарием Яковлевичем фан дер Гульстом (сыном Я.Я.?) – состояла замужем внучка А.Д. Винуиса Ненила [147, л. 10 об.].

Любопытно, что две сестры Романа Болдвина – Авдотья и Алена – пребывали в замужестве за лицами, великолепно Винуису знакомыми и ему безразличными: за соответственно бывшим его компаньоном Ф.Ф. Акемой и его (Акемы) приказчиком Томасом Андрисом [Бусева-Давыдова, с. 8].

⁴⁸ В 1654 г. Романа Болдвина, посланного с поручением к французскому королю, убил в Амстердаме толмач “немчин” [Бусева-Давыдова, с. 8].

миссару. Заимодавцам предлагалось брать у царских посланцев свидетельствующие о займе крепости, по предъявлении которых обещано было заплатить “те ефимки... из... царского величества казны у Архангельского города или в Великом Новгороде тотчас” [19, л. 14].

Комиссару поручался “приговор начальных и иных надобных людей” [60, л. 1] – вербовка разного рода специалистов, в том числе военных, потребность в которых тогда ощущалась. В России XVII в. привлечение иностранных офицеров являлось основной формой использования европейского военного опыта⁴⁹. Кадры отбирали тщательно: требовали дипломы, свидетельства о прежней службе, рекомендации, предлагали продемонстрировать специальные умения [Орленко, с. 114]. Вербовку вели за границей, в том числе в Амстердаме, доверенные лица правительства, нередко иностранцы. В 1653 г. дело было поручено Виниусу, иностранцу по рождению и российскому подданному.

Помимо найма офицеров, Виниус и компания отправлялись за рубеж для “государевых надобных покупок” – приобретения “товаров, которые годны к... царского величества казне” [19, л. 1, 3]. Как рассказывал позднее И. Марсов, “в Голанскую землю” он был послан для “многих покупок ратног[о] строю, и для сукон стрельцом на все приказы, и для продажи х[леб]ных запасов и пошашу твоего государства” [32, л. 1].

Виниус закупал за границей товары не только по заказам казны, но и из собственного коммерческого интереса. В привезенной им грамоте к Генеральным штатам от 26 марта 1653 г. присутствует статья, которая должна была облегчить вывоз купленного: “Вам бы, честным владельцем, тем нашим царского величества подданным, камисариюсу гостю Ондрею Виниюсу и Ивану Морсову с товарищи, в своем владение, в Галанской земле, товары, о которых им по нашему царского величества указу наказано, поволить купить беззаборонно и в наше Московское государство велети их с теми товары и с людьми отпустить безо всякого задержанья и зацепки”. Аналогичная статья имела и в того же дня опасной грамоте в “окрестные немецкие” государства [19, л. 3–4, 7].

В годы, когда велась или готовилась война, обычно закупалось и оружие. Оно присутствует в перечнях товаров, привозившихся в Россию купцами, – так, около 1635 г. у компаньона Ви-

⁴⁹ Основной, но не единственной. Уже в русско-польской войне 1632–1634 гг. русская армия комплектовалась с включением иностранных наемников [Записки, с. 74]. Еще одна попытка нанять иностранные войска относится к русско-польской войне 1654–1667 гг.

ниуса Е.У. Вылкенса имелось “728 пистольных стволов да 347 замков к тем стволам...; а за стволы и за замки за всякое по 13 алтын по 2 денги; итого 300 рублей”. Товар готовился к реализации: упомянуто об уплате “за пистолетные починке 4 рубли с полтиною” [31, л. 18, 21].

В 1653 г. в воздухе пахло конфликтом с Речью Посполитой. Просьба о продаже России 20 тыс. мушкетов в конце этого года была направлена датскому королю Фредерику III; аналогичная в октябре 1653-го и повторно в феврале 1654-го – шведской королеве Христине. Прося у нее “к ратному строю” “из своей... казны... мушкетов добрых дати по той цене, по чему мушкеты в... казну ставятца”, московский царь напоминал, что “наперед сего по нашему указу из... Российского царствия в ваша королевина величества государство для вашего... прошения многие тысячи хлеба отпущено по меньшей цене” [ЭСРШ, с. 99, 100, 193].

Практиковались закупки за рубежом и у частных продавцов. В 1653 г. в “немецкие окрестные государства” “для покупки карабинных и пистольных колесных замков и для найму мастеровых людей, которые колесные замки делают”, отправился капитан Юст ван Керкговен. Проезжую грамоту ему выписали 30 августа [21, л. 1]. “Для высолки всякого ружья во время войны с королем польским” несколько раньше был послан в Голландию и комиссар Виниус [60, л. 1]. В Амстердаме он договорился с Яковом де Лангом о покупке через него солдатских (пехотных) и рейтарских латных доспехов. Исполнение заказа потребовало времени. Уже после отъезда Виниуса купцы Андрей и Октавий Тенсины должны были по его поручению получить от де Ланга и отправить в Архангельск то, что не было принято сразу, в том числе 526 лат двух видов [32, л. 1]. Помимо закупок для казны Виниус, полагавший, что полностью потребности они не обеспечат, по свидетельству И. Марсова, “в Амстрадаме... торговал и покупал на себя, oprичь... государевой покупки, стволины пистольные и карабинные, и пистолы и карабины оправные, и полосы сабельные, и муштуки уздные – иные многие товары” [32, л. 1].

Поездка Виниуса в Голландию оставила по себе любопытный памятник, ценный и мемориальностью, и высокими художественными достоинствами, – гравированный портрет А.Д. Виниуса, выполненный в Гааге⁵⁰ известным гравером Корнелием Фишером [Козловский I, с. 174]. Д.А. Ровинский характеризовал его как “редчайший и вместе с тем самый красивый и ценный лист в

⁵⁰ Гаагу во время поездки Виниус, по собственному его свидетельству, посещал [128д, л. 1].

ЕГО Ц[А]РСКОГО
ВЕЛИЧЕСТВА РОСИСКОГО
Г[О]С[У]Д[А]РСТВА КОМИ-
САРИУС МОСКОВСКОЙ
ГОСТ[Ь] АНДРЕИ ДЕНИСОВ
С[Ы]Н

D. H. ANDREAS DEONYSZOOM WINIUS.
zync Zaerle Majesteits van Rullants Commissarius, en Molk^r Olderman.

*De Koning van Nederlanden, sijn en verwillighe gheuen. Der Zaerle Majesteit tre diensht, den leste betint
En van den Beer begint die goede stauica draeght. Naer i Gheuevalysht den steel der Zaerle Mye landen.
Nicht 171201 v. s. in laer Beeliche uitgetzen. In sijn selst die Koneft zyn dize en sijn outenot.
Den Ooetman die zu te Massu sijn belaght. Das leste de van die rickt der Koneft ten vordinght.
Door zyn gheue ten dat sy hem van zyn sijnnden. Maer adere al zyn Zaer ten vider beginght.* 8-7-21

Рис. 4. Портрет А.Д. Виниуса. Гравюра. Вторая половина 1650-х годов. К. Висхер (Фишер)

собрании русских портретов” [Ровинский I, стлб. 499] (рис. 4)⁵¹. Под изображением кириллическая, вязью, надпись: “ЕГО Ц[А]РСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА РОСИСКОГО Г[О]С[У]Д[А]РСТВА КОМИСАРИУС МОСКОВСКОЙ ГОСТ[Ь] АНДРЕИ ДЕНИСОВ С[Ы]Н

⁵¹ Лист неоднократно воспроизводился – помимо Ровинского, см., напр.: [Вильчинский; Стоскова, с. 19; СИХМ, илл. 76; Дриссен 1989, с. 53; *Veluwenkamp*] и др.

ВИНИУС”. Ниже перевод, в котором слову *gost* соответствует *olderman*. На изображенной в левой руке портретируемого грамоте – какой-то указ, судя по дате (6 мая 7161, т.е. 1653 г.), прямо или косвенно связанный с поездкой. Рядом изображение прикрывающего бочонок (?) куска руды или слитка с надписью, содержащей цифры 1660. Если это дата (что же еще?), то уместно считать, что работа над листом была закончена не раньше 1660 г.⁵² Надпись под изображением (отпечатанная с отдельной доски) заканчивается десятью стихотворными строками, подписанными *J. v. Vondel*. Среди принадлежащих перу крупнейшего голландского поэта эпохи барокко Йоста фан ден Вондела⁵³ (1587–1679) стихотворений “на случай” известны и надписи к произведениям живописи и графики [Ошис, с. 472]. За посвящением одного из них А.Д. Виниусу могут скрываться неизвестные факты их биографической и культурной связи. Его сын Андрей Андреевич, в будущем владелец и читатель творений Вондела, несомненно гордился тем, что среди строк, сочиненных знаменитостью, есть и посвященные его отцу.

Выполнить поручения оказалось непросто, поездка получилась долгой. Территория, на которой действовали посланцы российского правительства, не ограничилась континентальной Европой: Марсову для приема заказанного сукна пришлось ехать в Англию. С немалыми сложностями столкнулось выполнение полученного Виниусом уже за границей задания продать партию казенной ржи. Комиссар попытался от него отказаться, ссылаясь на то, что “хлеб ныне стал добре дешев, а провозы карабельные против прошлого году стали мало не вдвое” [128б, л. 2, 3].

Первые известия о возвращении Виниуса привезли корабли, прибывшие в Архангельск в конце июля 1654 г.: сообщалось, что он “в Галанской земли за морем карабль приговорил под... государев покушной свинец и под заморские товары” и на нем будет тем же летом. Воевода Борис Пушкин известил об этом Москву [ЗКиТ, с. 66–67], из чего заключаем, что там новостей ждали.

⁵² Фишер или Висхер (именно так чаще транслитерируют его имя в настоящее время) умер в Амстердаме в 1662 г. [Рисунки, с. 40] – затянуть работу до 1660 г., он, получается, физически мог. Но если она была заказана во время пребывания Виниуса в Голландии (а где еще Висхер мог рисовать его?), то продолжительность работы над заказом оказывается необычно большой. Впрочем, нетрудно придумать объясняющие причины – например, задержку с оплатой. Учтем, что Виниус умер до 1660 г. и оставил долги.

⁵³ В современных изданиях, в том числе в томе трагедий Вондела, выпущенном в серии “Литературные памятники” (М., 1988), присоединенная к его фамилии частица передается как “ван”. С целью сохранения единообразия написания передаем ее здесь в форме “фан”.

Тогда же в дополнение к ранее посланным (через Нарву) “обтекарским запасам” прибыли отправленные Виниусом через Архангельск два ящика “великих лекарских снастей”; уже через месяц их получили в Троице-Сергиевом монастыре [128в, л. 1; 128г, л. 1]. Корабли с оружием вели в Архангельск капитаны Дирик Корнилесен Бер и Стевен Мас. Всего, если считать емкости, на двух кораблях везли 93 ящика со шпагами солдатскими, латами пехотными и рейтарскими, карабинами колесными и колесными же “пистолями”, 4 ларя с ручным огнестрельным оружием и 15 бочек с олстрами (подсчитано по [ЗКиТ, с. 71]). С ними соседствовали предметы вполне мирные: приобретенные “на государев обиход” 84 кипы сукон разных цветов, 4 птицы попугая и 19 садовых деревьев следующих пород: два дерева “оранжеевых яблок”, два лимонных, два винных ягод, четыре “периковых слив”, два “априкозовых яблок”, три “шпанских вишен”, два “миндальных ядер” и две большие сливы [128е, л. 7; Забелин 1859, с. 52–53]⁵⁴. Доставка из-за моря экзотических плодовых деревьев – характерная деталь придворной бытовой культуры времени Алексея Михайловича, любителя садовых затей.

Голландский корабль с Виниусом и Марсовым прибыл в Архангельск 22 августа 1654 г. Приплыли и везшие покупки корабли “амбургский” и английский. Доложив о возвращении воеводе и сдав ему часть груза для отправки в Москву, путешественники 6 сентября направились в столицу. С собой взяли нежный товар – птиц и деревья. В пути один из попугаев “занемог и помер”, чем нанес казне ущерб в 12 ефимков [Забелин 1859, с. 53].

До Вологды добрались в октябре [128е, л. 8]. Здесь застряли – из-за морового поветрия ведущие в Москву дороги были закрыты, сама она оцеплена заставами. Под страхом смертной казни транзитных “проезжих людей” отправляли в объезд города [Барсуков IV, с. 112]. Даже прибывшего в Россию патриарха Антиохийского Макария от имени царя попросили переждать опасность в Коломне, где он оставался больше пяти месяцев [Мака-

⁵⁴ Транспортировка привезенных товаров водным путем от Архангельска до Москвы потребовала загрузки девяти речных судов-дощаников [128е, л. 8].

Приводим для сравнения данные о номенклатуре товаров голландских и гамбургских купцов, отпущенных к Москве и в Ярославль с 16 сентября 1653 по 31 января 1654 г. В источнике не указано, откуда они отпускались (поскольку упомянуты товары “Свейской земли ругодивского бурмиста Лаврентья Лаврентьева” – возможно, из Новгорода). Но в данном случае важен не маршрут поставки, а ее содержание в период, максимально приближенный к описываемым событиям биографии Виниуса. Из Западной Европы в Московское государство везли металл и металлоизделия (свинец, жечь белую, медь, иглы), стекло, пищевые продукты и напитки (сельдь, масло коровье, питье заморское), сандал, белила, сукна, паникадила и другие товары [22, л. 1–9].

рий VII, с. 84, 92–93]. “Наказуя нас Господь милосердием своим, – рассказывает Беляевский летописец, – за многое наше прегрешение, посла свой праведный скоропостизательный серп: бысть в царствующем граде моровое поветрие велие. Являхуся на людех язвы, прыщи великия, и гнияху, и от язвы умираху. Святые Божии церкви в царствующем граде Москве и самая церковь соборная Богоматере многое время бе без службы. ...И множество людей безчисленно тою язвою помроша, и исчислити невозможно, токмо весть един господь Бог число их” [*Беляевский летописец*, с. 31]. Признаки эпидемии стали заметны в июле, с сентября моровое поветрие “умножилось, день от дни болши прибывать учало” и лишь с 10 октября эпидемия пошла на спад, “больные люди от язв учили обмогаться”. Мор прекратился после Спиридоньева дня – “уже возврат солнцу сущу”⁵⁵ [*Барсуков IV*, с. 99, 101, 114]⁵⁶. За полгода в Москве умерло, по некоторым оценкам, около 50 тыс. человек [*ОПК II*, с. 67]⁵⁷.

Погруженный в военные заботы, царь отсутствовал в столице еще с мая 1654 г. [*Борисов*, с. 187]. “Государю же тогда воевавшу польскаго и литовскаго короля с великою победою” [*Беляевский летописец*, с. 31]. После взятия Смоленска в Москву он не вернулся – с 21 октября пребывал в Вязьме [*Барсуков IV*, с. 114]. Заехав в столицу в феврале 1655 г., уже 11 марта уехал на войну вновь. В середине июля 1654 г. покинули Москву патриарх Никон и царская семья [*Макарий VII*, с. 93, 96, 92]⁵⁸. Проведя некоторое время в Троице-Сергиевом монастыре, они перебрались в Калязин, в Макарьев монастырь, и лишь с прибытием царя в Вязьму переехали к нему [*Борисов*, с. 184–185; *Барсуков IV*, с. 101, 102, 115]. Антиохийский патриарх въехал в столицу 2 февраля 1655 г.

⁵⁵ Осенью и в начале зимы православная церковь отмечает память двух святых по имени Спиридон: Спиридона Печерского, просфорника (31 октября) и Спиридона, епископа Тримифунтского (12 декабря). В старопечатном Прологе (первое издание 1641 г.) отдельного рассказа удостоился только второй (здесь – Тримифийский) [*Пролог*, с. 272]. День его поминания, совпадавший с зимним солнцеворотом (отчего сам день в народе называли “Спиридон-поворот” или “Спиридон-солнцеворот”), и подразумевается в данном случае.

⁵⁶ Приблизительно то же – эпидемия длилась с июля до Рождества – сообщает и Павел Алеппский [*ПА II*, с. 172].

⁵⁷ Из живших в кремлевском дворе князей Одоевских 310 дворовых людей к Николе зимнему в живых осталось 15 человек [*Барсуков IV*, с. 104].

⁵⁸ Последнюю дату получаем на основании сведений митрополита Макария (Булгакова), сообщающего, что патриарх Гавриил приехал в Москву 28 мая, а Никон с царским семейством удалились из нее “через полтора месяца с небольшим по случаю открывшегося в Москве морового поветрия” [*Макарий VII*, с. 92]. Июлем датирует время отъезда царской семьи и А.П. Барсуков [*Барсуков IV*, с. 101]. По другим данным, патриарх покинул столицу в августе [*Волков*, с. 203].

[ПА III, с. 111; Макарий VII, с. 93]. По-видимому, тогда же – к Рождеству или позже – добрался и Вinius.

“Праведный скоропостизательный серп” пощадил его семейство в чумные месяцы 1654 г. Где находилось оно, и 13-летний Андрей Андреевич, в это тревожное время? Ездил ли Вinius-отец в Голландию с семьей или его домашние оставались в России? Опасаясь несанкционированного оставления службы, власти, когда заходила речь о временном выезде за границу служилых иноземцев, предпочитали второе [Орленко, с. 114]. Вinius, сменив подданство, корни на родине сохранил, – значит, в принципе, “изменить” мог⁵⁹. Впрочем, едва ли подозрения распространялись и на него, неоднократно доказавшего свою преданность. Тем не менее в связанных с поездкой грамотах в пограничные города никто из членов семьи комиссара не упомянут. Но, полагаем, зачумленный город они все же покинули. Еще в июле 1654 г. москвичам было объявлено: “Будет те люди похотят ехать с Москвы в подмосковные и в дальние деревни и в города, и тем людем с Москвы ездить не запрещать” [Барсуков IV, с. 102]. Многие горожане разрешением воспользовались. Семьи дворян, например, отправлялись в “подмосковные дворишки” [ОРК II, с. 67].

О наличии у А.Д. Вiniusа в 1654 г. деревень сведений не имеем (скорее всего их не было⁶⁰), с дворами на заводах он, наверняка, давно распростился. Но у него имелись дворы в городах, с которыми он был связан по торговым делам. Известно о дворовом месте в Туле (1636), дворе в Холмогорах (1650), амбаре там же (1657). Около 1644 г. он, по-видимому, владел недвижимостью и в Соли Камской [Переписи 2002]. В одном из таких дворов и могла спрятаться от эпидемии его семья.

Вinius, переживая опасность, несомненно томился невозможностью включиться в работу. Удалось выявить восемь грамот 1655–1656 гг., так или иначе связанных с его торговой деятельностью. Содержание самой ранней, конца июля 1655 г., не вполне понятно. Говорится о каких-то “закладных котлах” и таможенных пошлинах – не исключено, что речь идет о товарах, привезенных

⁵⁹ С торговых иноземцев, которым приходилось ездить за рубеж, несмотря на иностранное их подданство, могла отбираться подписка. Бывший компаньон Вiniusа Е.У. Вылкенс жаловался на свояка Д. Руца: “Он же, Давид, в 1638-м году в месяце июле не похотел по мне быти порукою в Приказе Большие казны в статье, чтоб мне без государева указу не съехать. В том я терпел позор большой и убыток немалой и был у приставов больши осми день” [31, л. 52].

⁶⁰ Во всяком случае, когда в 1704 г. в Поместном приказе провели поиск земельной собственности Вiniusов (А.А. и М.А.) по документам *всех* уездов, унаследованных владений у них обнаружено не было [141, л. 672 об.–691 об.].

из Голландии и задержанных на таможне [80, л. 251 об.]. Начиная с августа 1655 г., грамоты касаются обычной для Виниуса этой поры коммерческой деятельности: он и его приказчики покупают и продают семя льняное и конопляное, рожь, ячмень, поташ [81, л. 297; 82, л. 294 об.–295, 308; 83, л. 141 об.–142, 235 об., 236, 249]. Виниус словно намерстывает то, что не успел сделать, теряя время за границей, а потом, из-за эпидемии, в России.

1.8. Патриарший крестник

Пока Виниус пребывал в Западной Европе, в Москве поднималась звезда нового патриарха Никона (избранного в конце июля 1652 г.) и разворачивалась церковная реформа. Уже первые, 1653 г., его требования – изменить формы поклонов при чтении одной из молитв и перстосложение при крестном знамении – вызвали сопротивление, для преодоления которого в марте–апреле 1654 г. был проведен церковный собор, рассмотревший вопросы, касавшиеся исправления церковных книг и обрядов. Летом глава церкви объявил войну иконам, написанным в польской и “франкской” манере. Их собирали по домам, выкалывали у ликов глаза и носили в таком виде по городу. Многие москвичи воспринимали это как проявление нечестия [Макарий VII, с. 72, 81, 93, 94], связывали с ним возникшую эпидемию. Так же истолковали полное солнечное затмение, случившееся 2 августа. Особую остроту ситуация приобрела с возвращением в начале 1655 г. в Москву царя и прибытием туда Антиохийского патриарха, вскоре ставшего для Никона первым авторитетом [Волков, с. 201]. В кремлевском Успенском соборе в присутствии царя и Макария, Никон, по свидетельству Павла Алеппского, с такой силой бросал иконы нового письма на железный пол храма⁶¹, что некоторые разбивались. Все не укладывавшиеся в традицию иконы патриарх повелел сжечь [Макарий VII, с. 94]. В конце марта 1655 г. в Москве с участием трех патриархов – Московского, Антиохийского и Сербского – был проведен новый церковный собор. Он подтвердил прежние и утвердил новые изменения в обрядах, в том числе в отношении присоединения к православию католиков [Борисов, с. 185; Макарий VII, с. 95].

Напомнить эти эпизоды из истории русской церкви потребовалось для того, чтобы представить обстановку, в которой произошло событие, исключительно важное для Виниуса и его се-

⁶¹ Эти плиты, как и все железо, использованное Никоном при обновлении собора (освещен по завершении 9 сентября 1652 г.) были изготовлены на Тульских заводах [ПА III, с. III, 105].

мьи. Еще в 1646 г. он извещал о желании “хреститься по руски” [Гамель, приб., с. 9], что явилось одной из причин конфликта с компаньонами [Цветаев, с. 398–401, 403]. Осуждение его намерения близкой ему этноконфессиональной средой не могло не беспокоить Виниуса и некоторое время он еще сохранял ориентацию на ее нормы: в брак в 1648 г. вступил по лютеранскому обряду. Для решительного разрыва с ней он “созрел” только к середине 50-х годов.

Д.В. Цветаев предполагает, что решающую роль в принятии А.Д. Виниусом окончательного решения сыграла “ссора с одноземцами” [Цветаев, с. 403]. Полагаем это не единственной причиной. В ст. 40 гл. 19 Соборного уложения содержалось важное положение, затрагивавшее сферу религиозной жизни. В принадлежавших иноземцам дворах было приказано сломать “немецкие керки”, с тем чтобы впредь им в границах Земляного города “не быть, а быти им за городом за Земляным от церквей Божии в дальних местех” [Уложение, с. 103]. Источником статьи принято считать указ 1643 г. (не позднее 2 марта) о запрещении иноземцам приобретать дворы в некоторых районах Москвы (“в Китае, и в Белом городе и за городом в слободах”) и об уничтожении протестантских церквей (“ропат”), находящихся близ православных [ЗАРГ, № 296, с. 204]. Если бы размежевание ограничивалось выводом неправославных храмов за черту города, с ним можно было бы смириться. Но за строками документа мерещилась пугающая тенденция: нарастание неприятия самого сосуществования с неправославными конфессиями.

Могло ли все это коснуться Виниуса? В 1649 г. его положение оставалось двойственным. Сменив подданство в 1648 г. на волне борьбы за заводы, он торговал, оставаясь протестантом. В начале 50-х получил грамоту “против московских гостей” и стал полноценным, во всем, кроме вероисповедания, подобным москвичам, членом высшей купеческой корпорации. Подошло время определиться окончательно.

Подчеркивая выношенность Виниусом намерения присоединиться к православию, отметим, что 50-е годы XVII в. характеризуются пиком крещений иноземцев. Для правового регулирования связанных с этим вопросов пришлось издать два указа: от 22 января 1649 г. об участии в крещении иноземцев представителей высших купеческих корпораций и от 15 января 1653 г. о назначении восприемниками иноземцев московских дворян, дьяков и подьячих. Незадолго до Виниуса, в 1653 г., были крещены полковник Александр Лесли (в крещении Аврам) и прапорщик Вилим Брюс (в крещении Михаил), отец известного деятеля петровского времени. Лесли крестился с семьей и получил значительное

(200 руб.) денежное вознаграждение и дополнительный поместный оклад. Одновременно с поощрением присоединений ограничивались права оставшихся в своей вере – это также стимулировало переходы [Лантева, с. 118, 121]. Не вызывает сомнения, что в принятии Винусом решения о крещении сыграл свою роль и пример отдельных его соплеменников и недавних единоверцев.

Как сообщается в челобитной А.А. Винуса от 7 сентября 1690 г., по возвращении из Голландии его отец “крестился в православную христианскую веру святыя греческия восточныя церкви со всем домом своим”. В Россию он прибыл в августе 1654 г., в Москву – вероятно, в начале 1655 г. Крестился, следовательно, не раньше 1655 г. Такую датировку подтверждает “Книга кро-ральная приказному платью” Казенного приказа, в которой под 22 августа 1655 г. упомянуто о пожаловании платья гостю Андрею Винусу в связи с его крещением [Козловский I, с. 183]⁶².

Подарки по таким случаям подбирали в государевой казне, в Казенном приказе (дворе). “А на том дворе, – рассказывает Г.К. Котошихин, – царская казна: золотая, серебряная, сосуды и бархаты, и объяри, и отласы... и шолки, и всякая домовая казна; и ис тое казны берут к царю, и к царице, и к царевичам, и к царевнам, что понадобится на что... и роздают всякого чину людем в жалованье” [Котошихин, с. 94]. Награждали не только подданных – одаривали и заслуживших поощрение иноземцев: за участие в войнах, в подавлении бунтов, за службу при дворе, за переход на русскую службу и в православие. В числе получивших подарки – А. Гордон, Ю. Крижанич, П.Г. Марселис [РГАДА Путеводитель, с. 63].

По свидетельству А.А. Винуса, его самого и его отца крестил “святейший Никон патриарх” [Сторожев, с. 2]. Возможно, именно от него исходило распоряжение и о подарках. Царь большую часть 1655 г. – в самом его начале и с марта по декабрь – в столице отсутствовал, участвовал в походах. 1654–1656 были годами наивысшего авторитета и влияния Никона. В этот

⁶² Обратим внимание на ошибочность сведений по этому поводу, сообщаемых Д.В. Цветаевым, точного года присоединения Винуса к православию не называющего, но, судя по контексту, подразумевающего, что оно произошло в 1651 или 1652 г. [Цветаев, с. 402, 403]. Не последовательно решает вопрос и И.П. Козловский. В посвященной А.А. Винусу монографии он указывает, что А.Д. Винус крестился в 1646 г. (с недостоверной ссылкой на Цветаева), а через несколько страниц приводит свидетельство 1655 г. о пожаловании гостю Винусу в этом году по случаю крещения платья [Козловский 1911б, с. 6, 8]. Можно предположить, что первую дату Козловский заимствовал у И.Х. Гамеля, на которого также ссылается на с. 7. Но Гамель цитирует слова Винуса из документа 1646 г., в котором тот говорит, что “хочет хреститься по-руски”, а не о том, что уже крестился [Гамель, приб., с. 9].

период – время войн с Речью Посполитой (1654–1667) и Швецией (1656–1658), когда царь надолго покидал Москву, – именно Никон играл роль первого лица в управлении страной, самостоятельно решая не только церковные, но также гражданские и даже некоторые военные вопросы [Волков, с. 203].

Обратим внимание на содержание подарка. На Руси дарение одежды носило еще и символический характер. Дарить ее мог только старший младшему, подчиненному или подданному [Юзефович, с. 72]. Подарок указывал Винусу его положение на социальной лестнице не только на участке, за который отвечала светская власть (здесь его обозначила еще смена подданства), но и на том, ответственность за который несла власть духовная.

Присоединение к православию семьи Винусов завершило долгий путь формальной ее натурализации. От предыдущего шага в этом направлении его отделяет значительный временной интервал. Винус, застывший на четыре года с поднятой для завершающего шага ногой и необычностью этой позы привлекающий внимание историков, успешно скрывает тайную думу: то ли он сомневается в целесообразности последнего шага, то ли ожидает момента, когда тот принесет максимальную пользу, то ли решает, допустим ли он (по религиозным причинам) в принципе. Но все то время, пока Винус медлил, московские власти были готовы дать ему зеленую улицу в любой момент. В ситуации начавшейся церковной реформы свидетельства тяготения инославных к православию были Никону на руку. Думается, не случайно крестил семейство лично патриарх, едва ли во всех подобных случаях имевший возможность и желание этим заниматься. Напомним, что на мартовском, 1655 г., соборе обсуждался вопрос о правилах присоединения к православию представителей других ветвей христианства [Макарий VII, с. 95–96]. Никон, участвуя в обряде, демонстрировал осознание важности вопроса и готовность строго следовать принятым решениям.

После крещения А.Д. Винус был записан в *московские дворяне* [Цветаев, с. 403]⁶³. По-видимому, дворянство было личным: его сын в 1660–1664 гг. значился гостиной сотни торговым человеком и свой дворянский чин выслуживал⁶⁴. При нем род *Вениусовых* вошел в число фамилий, включенных в составленную в 1682–1686 гг. Бархатную родословную книгу [Яблочков, с. 26].

⁶³ Н.Б. Голикова оставляет А.Д. Винуса в числе гостей до 1664 г. [Голикова 1998, с. 121].

⁶⁴ В дворяне по московскому списку он был пожалован после дипломатической поездки, из которой вернулся в январе 1674 г.

Крещение в православную веру А.А. Виниус считал выдающимся событием в истории своей фамилии и нередко напоминал о нем в подтверждение преданности России своего рода. Похоже, Виниусов быстро привыкли воспринимать российскими подданными и православными. Нам известен только один случай, когда много лет спустя этот вопрос заинтересовал одну из государственных структур. 5 февраля 1679 г. дьякам Посольского приказа поступило распоряжение сообщить в Приказ денежного сбора боярину, дворецкому и оружейнику Б.М. Хитрово “Посольского приказу перевотчик Андрей Виниус, что ныне в Аптекарском приказе во дьяцах, в котором году православные христианские веры греческого закона крещения восприял” [50, л. 6]. Кроме резолюции (“выписать”) сведений об действиях, последовавших за распоряжением, не имеем.

1.9. Смерть А.Д. Виниуса

Крещение А.Д. Виниуса в православную веру – не только заключительный шаг на пути формального слияния с коренным населением Московского государства. Одновременно это и последняя из известных нам вех его биографии. За ней после ненаполненного событиями временного промежутка сразу же следует смерть, точная дата которой неизвестна.

Дата смерти – одна из опорных для любой биографии. Тем более важно установление ее для человека, оставившего заметный след в истории. В нашем случае установить ее важно еще и потому, что она существенно влияет на представление о юности главного героя этой книги – Виниуса Андрея Андреевича. Согласимся, что очень многое изменяется в зависимости от того, 20 или, положим, 10 лет было ему, когда умер отец.

Историки XIX в. имели смутные представления о времени смерти А.Д. Виниуса. “Неизвестно, где и когда он скончался”, – честно писал по этому поводу Н.Ф. Андреев [Андреев Н., с. 162]. Д.А. Ровинский предполагал, что он умер около 1696 г. [Ровинский I, с. 499]. В литературе, вышедшей после работ И.П. Козловского, смерть А.Д. Виниуса датировалась обычно 1662–1663 гг. Встречаются, впрочем, и отклонения. Так, Н.Б. Голикова числит его среди живых до 1664 г. [Голикова 1998, с. 121]⁶⁵.

И.П. Козловский по поводу смерти А.Д. Виниуса первоначально высказывался также довольно неопределенно: обратив внимание на резкое исчезновение с определенного времени упо-

⁶⁵ Она ссылается на некие “упоминания”, но источник, их содержащий, не раскрывает.

минаний о нем в документах, принял более правдоподобным, что “он скончался после 1652 г., достигши приблизительно 50-летнего возраста” [Козловский 1911б, с. 8]⁶⁶. Позднее, учтя документы, опубликованные В.Н. Сторожевым, он передвинул датировку к 1662–1663 гг., заявив, что эта дата определяется “довольно точно” из челобитной Виниуса-сына 1690 г. Той же датировки (с аналогичной аргументацией) он придерживался и в дальнейшем [Козловский I, с. 175].

Историк несомненно подразумевал следующий фрагмент этого документа: “А после смерти отца моего в прошлом во 171-м (1662/63) году по указу отца вашего государева (челобитная обращена к царям Ивану и Петру Алексеевичам. – *И.Ю.*) велено мне быть в государственном Посольском приказе в переводчиках” [Сторожев, с. 2]. Но приведенный текст не поддается однозначной интерпретации. Из конструкции фразы не ясно, относится присутствующая в нем дата к факту смерти отца, к определению сына в Посольский приказ или к тому и другому одновременно. Единственное, что можно уверенно утверждать, – то, что А.Д. Виниус умер не позднее 1662/63 г. и что его смерть предшествовала поступлению сына на службу.

Отнесение смерти А.Д. к 1662/63 г., хотя источник допускает такую его трактовку, сопряжено с необходимостью объяснить, почему имя Виниуса практически исчезает из документов уже во второй половине 50-х годов – и это притом, что предшествующий период источниками, освещающими его предпринимательскую деятельность, обеспечен вполне удовлетворительно. Если он прекратил ее – то почему?

Нам удалось обнаружить документ, который существенно смещает дату смерти Виниуса-отца по сравнению с принятой Козловским и при этом не противоречит сведениям челобитной Виниуса-сына 1690 г. Это запись от 29 апреля 165 (1657) г. в пошлинной книге Печатного приказа, регистрирующая запечатанное грамоты по челобитью “гостя Ондреевские жены Виниуса вдовы Овдотьи Елисеевы”. Получается, что в первоначальном мнении по данному вопросу Козловский был ближе к истине: Виниус умер не в 1662 или 1663 г., а раньше – до 29 апреля 1657 г. Адресованная на Двину воеводе, грамота сообщает о разрешении распечатать находящийся “у города Архангельского” принадлежащий вдове “онбар ее с пенкою” [84, л. 444]. Соблазнительно предположить, что опечатан амбар был после смерти владельца

⁶⁶ С первоначальным мнением Козловского совпала позиция современного исследователя Й. Дриссен [Дриссен 1989, с. 173] – в этой работе смерть А.Д. отнесена приблизительно к 1652 г.

(Виниуса) в связи с необходимостью определения наследников. Снятие же печатей последовало за снятием ареста, временно наложенного на имущество покойного.

Факт смерти А.Д. Виниуса в начале 1657 г. косвенно подтверждают детали уже упоминавшегося дела, связанного с претензиями к Виниусу амстердамского коммерсанта Я. де Ланга. По договору с выступавшим от имени российского правительства Виниусом Ланг подрядился поставить для русской армии латный доспех, но заказ исполнил не полностью – отправку последней партии задержал, поскольку имел к Виниусу финансовые претензии. В челобитной И. Марсова (недатированной, помета о решении от 17 апреля 1657 г.), поднявшего вопрос из опасения, что в непоставке лат могут обвинить его, отмечено, что “по переводным памятям тот Яков на нево, Андрея, *прошлого году* из-за моря к Москве прислал, чтоб Андрей на Москве заплатил⁶⁷ иноземцом – а он, Ондрей, не платил”. Марсов предлагает написать письмо к Генеральным штатам или к находящимся в Нидерландах торгующим с Россией купцам, чтобы они объяснили, что казенный заказ, оформленный Виниусом, никакого отношения к личным финансовым обязательствам последнего не имеет, а значит, или латы должны быть присланы, или казенные деньги за них возвращены. Его предложения, направленные на то, чтобы размежевать казенные и частные сделки, не содержат никаких упоминаний о текущей позиции в этом деле Виниуса, равно как и упоминания, жив он или умер. Единственно, что можно из них заключить – в неуказанном году, названном *прошлым* (по смыслу – в последнем предшествующем, т.е. в 164-м = 1655/56), Виниус, вероятно, был жив – о смерти, усложнявшей процедуру расплаты, в этом контексте, несомненно, следовало бы упомянуть.

Дата решения на челобитной Марсова почти совпадает (разница в два дня) с датой записи о запечатании грамоты по челобитной вдовы. Но совместно интерпретировать их не имеем возможности, так как не располагаем собственными датами – ни той, ни другой. Но грамота к Штатам (по делу о латах) была подписана 18 июля, т.е. уже после смерти Виниуса – об этом можно говорить вполне уверенно. Почему же и в ней ничего не говорится об этой смерти? Больше того, в ней содержится пассаж, который можно счесть косвенным свидетельством тому, что он *жив* (цитируем по отпуску): “А буде Якову тот Андрей чем и должен, и мы, великий государь, наше царское величество, велим в тех ево долговых денгах в платеже наш, царского величества, указ учинить в то время, как те латы к нам, великому государю, присланы

⁶⁷ В рукописи: *заплатили*.

будут” [32, л. 6]. Здесь сказано о готовности московских властей вмешаться в имущественный спор субъектов, более того, оказать содействие одной из его сторон, после того как будут удовлетворены казенные интересы.

На наш взгляд, указанное противоречие может иметь единственное объяснение. Заботясь исключительно о казенном интересе и понимая трудность разделить обязательства по казенной и частной сделке в ситуации, когда одного из ее участников нет в живых, правительство посчитало за лучшее умолчать об этом факте. В том, что дело обстояло именно так, убеждают два обстоятельства. Во-первых, из двух вариантов поведения (написать к правительству Штатов или к купцам) был избран первый, что понятно: до правительства сведения о смерти некоего русского подданного (пусть и не совсем неизвестного в Амстердаме и Гааге) должны были дойти позже, чем до купцов, первых в Голландии, кто такую информацию мог получить. Второе, наталкивающее на высказанное объяснение обстоятельство – очень большой, составляющий три месяца, срок между принятием решения по челобитной Марсова (17 апреля) и написанием соответствующей грамоты (18 июля). Можно привести примеры, когда для подготовки документов (в том числе предназначенных для отправки за рубеж) требовалось всего несколько дней – так, для оформления четырех грамот, отправлявшихся в Голландию с Винусом и Марсовым в 1653 г., понадобилось четыре дня [19, л. 1–14]. Три месяца в рассматриваемом случае несомненно свидетельствуют о том, что к обсуждению данного вопроса пришлось возвращаться (возможно, не раз) и после принятия официального по нему решения. Самая вероятная причина, которая могла этого потребовать, – смерть Винуса.

Таким образом, временной интервал, к которому относится смерть Винуса, сужается приблизительно до семи с половиной месяцев: это время с 1 сентября 1656 г. (начало года 7165-го) по 29 апреля 1657 г. (запись о запечатании грамоты вдове). Запечатанию грамоты должны были предшествовать получение известия об опечатывании имущества, подача челобитной о его снятии, ее рассмотрение, принятие по ней решения, составление просимой грамоты. Интервал становится еще уже. Заметим, что 1656 г. в качестве года смерти указан и в опирающейся на голландские источники работе [Ван дер Веен, с. 202].

Закончим эту главу общей характеристикой личности А.Д. Винуса, лаконично и точно сформулированной И.П. Козловским: “В лице Андрея Денисовича Винуса мы имеем дело с человеком предприимчивым, умным и ловким. Он умел акклиматизироваться в России, проложить себе путь к обогащению и

карьере. Такой человек мог дать хорошее образование своему сыну и в свою очередь создать для него возможность хорошей карьеры в будущем” [Козловский I, с. 175].

К сыну и его карьере и переходим.

Глава 2. Начало карьеры. Дипломат и не только (1657–1677)

2.1. Выбор пути

Первая известная нам веха самостоятельной биографии Андрея Андреевича Виниуса – прием его на службу в должности переводчика в Посольский приказ. Хотя такой дебют не выглядит совершенно невероятным, хотелось бы все же понять, почему, отойдя от семейной традиции, он ступил на совершенно новое профессиональное поприще.

В документе февраля 1660 г. А.А. назван членом *гостиной сотни* [85, л. 222 об.]¹. Вполне вероятно, что у 19-летнего коммерсанта уже имелся *практический* опыт деятельности в торговой сфере². Выбор варианта будущего скорее всего не носил для него альтернативного характера. Поступая на службу в дипломатическое ведомство, он, полагаем, не отказывался от перспективы самореализации на стезе коммерции. Но смещал ее на время на второй план – избирал для ближайшего осуществления наиболее привлекательный на тот момент сценарий карьеры, может быть не гарантировавший быстрый блестящий успех (хотя, и не исключавший его), но обещавший множество выгод, полезных, в том числе и для грядущих занятий торговлей.

Смену вех обусловила, на наш взгляд, ситуация, в которой очутился Виниус после ранней смерти отца. Для успешных заня-

¹ Хотя еще С.А. Белокуров отмечал, что А.А. Виниус был взят в Посольский приказ из торговых людей гостиной сотни [Белокуров, с. 127], такая траектория его карьеры была поставлена недавно под сомнение: “Это кажется маловероятным, так как в столь юном возрасте войти в сотню было сложно. Возможно, Белокуров ошибся, наделив А.А. Виниуса чином отца” [Миллюков 2000а, примеч. 5 гл. 1]. Указанный нами источник свидетельствует, что правы были все-таки Белокуров и согласившийся с ним И.П. Козловский [Козловский I, с. 183]. Заметим, кстати, что Виниус-отец входил в корпорацию гостей, а не гостиной сотни, так что переноса на сына чин отца, Белокуров должен был бы ошибиться еще и в чине.

² В гостиную и суконную сотни обычно записывали всей семьей [ЛК, с. 6]. Не исключаем, что соответствующее пожалование А.А. Виниус получил одновременно с включением отца в корпорацию гостей.

тий коммерцией важно наличие связей в торговой и приказной среде, особенно прочных в случае закрепления их связями родственными. Только последние можно было передать по наследству, прочие в значительной степени носили личный характер, приобретались самостоятельно. Отсутствие срочности с местной средой (не только родства в приказах) несомненно затрудняло деятельность молодого коммерсанта. Включенность в нее – это и поручительство, и возможность кредита, и разного рода деловые альянсы. Учитывая унаследованную от отца напряженность отношений с некоторыми жившими в России иноземцами (значение которой не стоит, впрочем, преувеличивать), возможностей воспользоваться перечисленным у молодого Виниуса было меньше, чем хотелось. Старт в большой бизнес приходилось начинать в неблагоприятных условиях.

Неблагоприятно складывались и финансовые обстоятельства. Потери, понесенные А.Д. Виниусом при расставании с заводами, несмотря на многолетние попытки загладить ущерб, оказались, по-видимому, настолько значительными, что чувствовались на протяжении всей оставшейся его жизни. Выше упоминалось о финансовых претензиях к нему голландских коммерсантов, с которыми он работал во время поездки за границу в качестве коронного комиссара в 1653–1654 гг. Общую картину, какой она в результате сложилась, рисует челобитная его сына, известная в изложении жалованной грамоты от 19 мая 1675 г. Напомнив о заводах, построенных отцом и принесших казне “прибыль многую”, А.А. сообщает, что “в том де заводе отец ево не токмо все свои пожитки бесповоротно положил, но и вконец от того оскудал и в великие неоткупные долги впал, в которых после смерти отца своего он, Андрей, страдал многие годы; а от того де заводу промыслом товарищех своих отец ево оттеснен” [47, л. 6]. О финансовых трудностях и испорченных отношениях с бывшими “товарищами” говорит и уже известное читателю дело, начатое челобитной И. Марсова 1657 г. [32]. Как видим, от отца А.А. Виниус унаследовал не столько первоначальный капитал, сколько долги и связанные с ними проблемы.

Вместе с тем именно отец заложил основу для проникновения сына в новую среду: он первым вошел в связанный с нею круг лиц, именно он добился уважения в нем к своей фамилии (значит и к сыну). Первые успехи А.А. Виниуса в Посольском приказе немалым обязаны его отцу, хорошо известному в этом учреждении.

Большинство авторов, говоря о времени зачисления А.А. Виниуса на государственную службу, опираются на сведения, приведенные в исследовании С.А. Белокурова “О Посольском приказе” (1906), в котором сказано, что А.А. был “взят” в это учреждение

“в переводчики голландского языка 20 марта 1664 г.” [Белокуров, с. 127]³. На него ссылался и Козловский, заявляющий (в монографии 1911 г.), что имя Виниуса “впервые становится известным” при поступлении на службу в 1664 г., и указывающий тот же, что и Белокуров, день прихода в приказ [Козловский I, с. 183]. Любопытно, что, будучи знакомым с опубликованным В.Н. Сторожевым местническим делом Виниуса, содержащим сведения о времени его поступления на службу, Козловский тем не менее предпочел вариант Белокурова – может быть, под влиянием свойственного этому труду почти магического очарования множества точных дат.

Ценность сведений, приводимых Белокуровым, снижается отсутствием в его работе ссылок на их происхождение. Это касается и обсуждаемой даты. Отнюдь не сбрасывая ее со счета, обратимся к документальным источникам, содержащиеся в которых сведения по интересующему нас вопросу исходят от самого Виниуса: все они – поданные им в разное время челобитные. Рассмотрим их в хронологической последовательности.

В челобитной, поданной на царское имя в 1667 г., не ранее декабря 16 (дата решения на ней), Виниус сообщает, что “во 172-м году по твоему, великого государя, указу” он был взят “в Посольской приказ галанского языка в переводчики” [26, л. 2]. Следующая далее приписка (“и работаю... у переводу всяких галанских писем четвертой год”) позволяет несколько уточнить эту размытую дату. Если на начало декабря 1667 г. стаж Виниуса составлял неполные четыре года, то поступить на службу он должен был никак не раньше декабря 1663 г. Заметим, что Виниус не был заинтересован уменьшать свой стаж (скорее – наоборот) и если бы в декабре 1663 г. он приближался к четырем годам, то он скорее округлил его в большую сторону. То, что он этого не делает, говорит о том, что до 4-летия оставалось еще порядочно времени. Из чего заключаем, что поступление в приказ произошло скорее всего в первой половине 1664 г.

В опубликованных Сторожевым материалах имеются две челобитные 1690 г., также указывающие на интересующую нас дату. В челобитной от 25 октября 1690 г. А.А. Виниус сообщил, что был “в Посольском приказе в переводчики взят... во 171-м году” [Сторожев, с. 5]⁴. Как мы уже говорили, И.П. Козловский,

³ Впрочем, С.Б. Веселовский деятельность Виниуса в Посольском приказе в качестве переводчика отмечает, начиная с 1665/66 г. По его сведениям, он “был переводчиком у голландских дел 12 лет” [Веселовский, с. 92].

⁴ Этой дате не противоречит и цитированное выше свидетельство челобитной Виниуса от 7 сентября 1690 г. Менее определенное, чем присутствующее в октябрьской челобитной, оно позволяет отнести поступление Виниуса на службу ко времени не ранее того же 171 г.

знакомый с опубликованными Сторожевым документами и использовавший их, не заметил или проигнорировал это свидетельство, дающее отличную от Белокуровской дату, а именно 1662/63 г.

Следующая дата относится к еще более раннему времени. Она упомянута в очередной челобитной, поданной Виниусом в феврале 1697 г., в связи с хлопотами о пожаловании ему за совокупность заслуг деревни. На этот раз в своем прошении он указал, что “служил со 170 (1661/62. – *И.Ю.*) году” [138, л. 763].

Итак, налицо несколько противоречащих друг другу утверждений, причем все – исходящие из одних уст. Какую же из дат – 1661/62, 1662/63, первая половина 1664 г. – следует предпочесть?

Отметим любопытную закономерность: по мере удаления от события Виниус дополнительно его отодвигает. Случайность ли это? Увеличение “трудового стажа” украшало служебную биографию, а по мере естественного отдаления начальной даты появлялась возможность в некоторой степени ею манипулировать. Начинаящему дипломату, проработавшему неполные четыре года, ошибиться даже на год было непозволительно. Другое дело – личному другу царя, трудившемуся на ниве государственного строительства свыше 30 лет.

1697 год, когда составлялась самая поздняя челобитная – время наибольшего за всю историю отношений Виниуса и царя взаимного их сближения, время максимального доверия последнего к своему сотруднику. Вопрос о пожаловании должен был решать сам Петр, проверки заслуг не предвиделось, так что на фоне прочей, в общем вполне достоверной информации приписать себе лишний год “трудового стажа” можно было без особенного риска. Заметим, что в случае прибавки года общий стаж приобретал ласкавшую тщеславие округлость (35 лет), что становилось дополнительным поводом для взыскания поощрения – все-таки, юбилей.

Учитывая сказанное, наиболее правдоподобным представляется временной интервал, полученный путем анализа самой ранней (1667 г.) челобитной. В него прекрасно ложится дата из С.А. Белокурова, благодаря опоре автора на документальные источники, характерной для работы в целом, и сама по себе вызывающая доверие. Именно ее, на наш взгляд, и следует принять в качестве наиболее вероятной.

Заметим, что ситуация с датировкой начала служебной карьеры Виниуса достаточно типична для биографии нашего героя. Хронология образующих ее событий содержит немало темных

мест. У занимавшихся им исследователей расходятся их набор, даты, трактовка содержания. А у С.Б. Веселовского, как мы уже говорили, биографии отца и сына вообще оказались смешаны [*Веселовский*, с. 92]⁵.

2.2. Посольский приказ

Работа Виниуса в Посольском приказе, центральном государственном учреждении, ведавшем дипломатическими контактами Московского царства, приходится в основном на последнюю треть XVII в. – время, когда Россия постепенно проникает в общеевропейскую международную политику [*Бобылев*, с. 9]. Будучи реформирован (уже в XVIII в.), он сохранил многие традиции, окончательно сформировавшиеся в нем в царствование Алексея Михайловича, закрепленные при Федоре Алексеевиче и в регенство Софьи Алексеевны.

На глазах А.А. Виниуса и с его, переводчика “у голландских дел”, непосредственным участием развивались русско-голландские отношения на протяжении полутора десятилетий.

Здание Посольского приказа находилось в самой сердцеvine географического средоточения российской власти: в Кремле, близ Архангельского собора. Возведенное при Годунове в 1591 г., оно принадлежало к числу наиболее выразительных сооружений центра столицы. Зрители видели углубленную в цокольный этаж галерею-лоджию, окружавшую здание, над филленчатой междуэтажной тягой прорезавшие фасадные стены окна второго этажа, оформленные наличниками с витыми колонками, венчающий фасад мощный антаблемент с поясом соединенных гирляндами раковин, баллюстраду наверху. Здание было сравнительно небольшим, но имело архитектуру пышную, представительную, многими деталями перекликавшуюся с европейской [*ПАМ I*, с. 60, 275]. Она останавливала внимание иностранцев – шведский военный инженер Э. Пальмквист, посетивший Москву в 1674 г., оставил в своем альбоме даже два его изображения.

Г.К. Котошихин, обрисовавший приказную Москву, какой она была до его бегства за границу (1664), т.е. в самом начале работы Виниуса в этой системе, перечисляет основные предметы ведения Посольского приказа: “А ведомы в том приказе дела всех окрестных государств, и послов чюжеземских принимают и

⁵ Впрочем, если сообщаемый им материал рассортировать на две персоны и проанализировать отдельно, то окажется, что данные о сыне в общем не особенно противоречат источникам.

отпуск им бывает; так же и русских послов и посланников и гонцов посылают в которое государство прилучится, отпуск им бывает ис того ж приказу... Да в том же приказе ведомы московские и приезжие иноземцы всех государств торговые и всяких чинов люди; и судят торговых иноземцов и росправу им чинят с русскими людьми... Да в том же приказе ведомы 5 городов, и для приказного строения, и на всякие покупки на расход и на жалованье подьячим и сторожем собирают денги с тех городов... с кабаков и с таможенных доходов... Да в тот же приказ со всего Московского государства, з... крестьян и бобылей собираются денги пленным на окуп, которые бывают в Крыму и в Турецкой земле, погодно... и окроме выкупу, тех денег не дают ни в какие расходы. Да в том же приказе ведомы печати... Да в том же приказе ведомы донские казаки, татаровя, крещеные и некрещеные, которые ... взяты в полон ис Казанского и Астраханского, и Сибирского и Касимовского царств, и даны им вотчины и поместья в подмосковных ближних городех. Греческие власти и греченя, как приезжают для милостыни и для торговли, ведомы в том же приказе”. Штат учреждения составляли думной дьяк, два простых дьяка, 14 подьячих, десятки переводчиков и толмачей [*Котошихин*, с. 108–110].

Во главе Посольского приказа к моменту появления в нем Виниуса уже десятилетие стоял думный дьяк Алмаз Иванов. Человек незнатного происхождения (не известна даже дата его рождения), торговый человек гостиной сотни, он сделал блистательную карьеру. В своей дипломатической деятельности (в Посольском приказе с 1646 г.) он выступал за соединение Украины с Россией. Война с Речью Посполитой под руководством Б. Хмельницкого решение этого вопроса поставила на повестку дня. Для России, принимавшей Украину “под высокую государеву руку”, неизбежным становилось обострение отношений с Польшей. В апреле 1653 г. в Польшу направляется русское посольство – формально для примирения Хмельницкого с Речью Посполитой, на деле же, скорее для определения готовности Польши воевать с Россией. Весьма высоко оцененное участие в нем А. Иванова сыграло роль в его карьере: 28 сентября 1653 г. он был пожалован в думные дьяки и поставлен во главе Посольского приказа [*Лукичев* 1989, с. 93–100; *Веселовский*, с. 203].

В мае 1654 г. начинается война с Польшей, только на первых порах отмеченная успехами русских войск. За перемирием (1656) следует возобновление боевых действий. Стороны нащупывают пути к миру, но договориться не удается. С начала 60-х годов движение навстречу активизируется. В это время восходит звезда главного соперника Иванова на политической сцене А.Л. Ордина-Нащокина (1607–1680), горячего сторонника мирных перегово-

воров. Алмаз не был включен в состав русской делегации на начавшихся в апреле 1666 г. переговорах в д. Андрусово, девять напряженных месяцев которых принесли, наконец, долгожданное перемирие. Блистательный личный успех Ордина-Нащокина как политика и победа проводимой им политической линии отодвинули в тень фигуру А. Иванова. По возвращении Ордина-Нащокин в конце февраля 1667 г. был назначен в Посольский приказ в звании “царственных и государственных посольских дел боярина”, после чего уже в марте этого года прежний глава приказа уступил ему свое место [Лукичев 1989, с. 100–107; Чистякова, Галлактионов, с. 123–137].

Под руководством А.Л. Ордина-Нащокина Виниус прослужил примерно столько же, сколько при предшественнике – четыре с половиной года (1667–1671 гг.).

Новым его начальником стал Артамон Сергеевич Матвеев (1625–1682). Его, дьячего сына, карьера не была быстрой – довольно долго он служил стрелецким головой и стольником. В царском окружении появился только во второй половине 60-х годов. Приблизившись, оказался человеком, стойко вызывавшим у Алексея Михайловича не только доверие, но и личную приязнь. А поскольку и деловыми качествами он, как выяснилось, обладал неплохими, в 1669 г. ему был поручен Малороссийский приказ, через два года, с пожалованием чина думного дворянина, – Посольский, Стрелецкий и Казанский [Андреев И., с. 587].

Не исключено, что еще при А. Иванове Виниус познакомился в Посольском приказе с подьячим, который на его глазах сделал блестящую карьеру и со временем занял в приказе выдающееся положение. Это был Емельян Игнатьевич Украинцев (1641–1708).

Одногодок Виниуса, он происходил из провинциальных служилых людей, вероятно, выходцев из Малороссии. Происхождение не сулило быстрой карьеры. Принятый на службу в 1660 г. подьячим, и в октябре 1665 г. он оставался все в той же должности. И лишь перейдя (подьячим же) в Посольский приказ (не позднее мая 1672 г. [Веселовский, с. 531]), в октябре этого года он получил поручение, намекавшее на возможный перелом в карьере: Украинцева назначили гонцом в Швецию и Данию. В русском посольском обычае того времени гонцы составляли низший разряд дипломатических агентов. Важен, однако, знак: засидевшегося в подьячих чиновника, наконец, заметили. Примерно тогда же (до 9 ноября 1672 г.) он был переведен в “старые” подьячие Посольского приказа.

Начав службу в Посольском приказе под началом Ордина-Нащокина, Украинцев продолжил ее при Матвееве. При нем в

1675 г. получил дьяческий чин. А с 1676 г. уже участвовал в руководстве приказом. Думным дьяком стал в феврале 1681, в последний год пребывания во главе учреждения думного дьяка Лариона Иванова [*Рогожин 1999б*, с. 58]. Но произошло это уже после ухода оттуда Виниуса.

2.3. Первые поручения

От сотрудника Посольского приказа требовались не только стандартные квалификационные качества, нужные для работы в сфере управления. На фоне чиновников других приказов общегосударственного и местного управления его сотрудники выделялись образованностью, эрудицией, заметно выходящими за границы знаний горожанина-москвиты эпохи Алексея Михайловича. Среди них было немало “природных” иностранцев, носителей европейской культурной традиции. Некоторые получили образование за границей. Да и попадавшие в приказ российские уроженцы нередко знали иностранные языки, имели представление о культуре и истории зарубежных стран. Неудивительно, что Посольский приказ на протяжении длительного времени являлся центром переводческой деятельности, знакомившим русского читателя с разнообразными сочинениями старых и современных иностранных авторов.

Первым, хотя и далеко не единственным, качеством, необходимым для работы переводчиком в Посольском приказе, являлось, разумеется, знание иностранного языка. Это обстоятельство определяло широкое привлечение для работы в приказе иностранцев, а также лиц, лишь недавно принявших российское подданство. Я. Рейтенфельс, живший в России в 1671–1673 гг., в разделе своих записок, посвященном двору и системе государственного управления, утверждал, что, хотя “наиболее важные придворные должности исправляются... исключительно русскими”, некоторые все же “препоручены” иностранцам. Говоря о толмачах Посольского приказа (переводчиках устной речи), он отмечает, что они “за исключением весьма немногих – иностранцы, частью пребывающие в своей вере, частью же принявшие русскую”⁶. “Более важными, нежели они, – продолжает Рейтенфельс, – считаются переводчики (*perevoczichi*) или, вернее, секретари по внешним сношениям, которые переводят обоюдно, с од-

⁶ В последнем автор, кажется, не совсем точен: действовало положение (введенное 25 января 1646 г.), требовавшее в качестве обязательного условия для занятия должности толмача православное его вероисповедание [*Беляков 2002*, с. 7].

ного на другой язык... разного рода дипломатические документы (акты, письма, посольские речи и т.д.)” [Рейтенфельс, с. 97–98]. При приеме иностранного посольства назначенный для повседневной работы с ним переводчик выступал вторым по важности лицом, следовавшим сразу же за приставами [Койет]. Из 58 переводчиков европейских языков, служивших в Посольском приказе во второй трети XVII в., только четверо имели русское происхождение, прочие были выходцами из Западной Европы в первом-третьем поколении [Беляков 2002, с. 6].

По сведениям, приводимым Г.К. Котошихиным, в штате Посольского приказа состояло “для переводу и толмачества переводчиков латинского, свейского, немецкого, греческого, полского, татарского и иных языков с 50 человек, толмачей с 70 человек. А бывает тем переводчиком на Москве работа по вся дни, когда прилучатца из окрестных государств всякие дела; так же и старые писма и книги для испытания велят им переводити, кто каков к переводу добр, и по тому и жалованье им даетца; а переводят, сидячи в приказе, а на дворы им самых великих дел переводити не дают...”. Различие в квалификации и степени ответственности отражалось на жалованье: переводчикам платили от 100 до 50 рублей в год “смотря по человеку”, толмачам – от 40 до 15, иногда меньше. Некоторые получали поденное жалованье, другие помесечное, также существенно различавшееся у переводчиков и толмачей. “Да они ж, толмачи, – добавляет Котошихин, – днюют и начуют в приказе человек по 10 в сутки и за делами ходят, и в посылки посылаются во всякие; да они ж, как на Москве бывают окрестных государств послы, бывают приставлены для толмачества, и кормового, и питейного збору” [Котошихин, с. 108–109].

На какую же из этих двух сильно различавшихся по степени ответственности должностей был зачислен Виниус при определении его в штат Посольского приказа? Рейтенфельс относит его к переводчикам, но его свидетельство характеризует статус Виниуса, каким он был спустя десятилетие после прихода на службу. В двух челобитных 1690 г. тоже по отношению к началу своей карьеры говорит сам Виниус (“велено мне быть в государственном Посольском приказе в переводчиках”, “в Посольском приказе в переводчики взят” [Сторожев, с. 2, 5]). Но, во-первых, эти тексты относятся к еще более позднему времени, во-вторых, в ситуации, с учетом которой Виниус составлял характеризовавший его карьеру исторический экскурс, некоторое “завышение” положения начальной ее точки было ему выгодно. Известные нам документальные источники, которые освещают современную им ситуацию, относятся ко времени не ранее конца 1667 г. –

в самом раннем из них он называет себя переводчиком [26, л. 2, 3]⁷. Тем не менее, учитывая значительную ответственность переводчиков, сопряженную с исполнением возлагавшихся на них служебных поручений, мы не исключаем, что первоначально А.А. Виниус был принят в Посольский приказ в качестве *толмача* и уже с этой должности, возможно, впрочем, очень скоро, был переведен в *переводчики*. Впоследствии Виниусу-думному вспоминать о пребывании на низшей в приказе должности было, вероятно, не особенно приятно.

Специализация молодого дипломата – русско-голландские связи – была предопределена его происхождением: язык и культуру Нидерландов он знал, что называется из первых рук. В штате же Посольского приказа лиц, владевших этим языком, в XVII в. было мало, что отражает длительное время довольно вялые контакты государств – единственной сферой, в которой их связи были крепки, являлась торговля. В конце 1667 г. Виниус подает челобитную о придаче ему жалованья (одну из первых ей подобных в своей служебной карьере), в которой укажет, что, будучи взят “в Посолской приказ галанского языка в переводчики”, работает “великому государю у переводу всяких галанских писем четвертой год безотступно один; а у иных языков моей братьи переводчиков человека по два, и по три, и больше” [26, л. 2]. Содержание дела, заведенного в связи с этой просьбой, вполне эти слова подтверждает. В приказной выписке, где требовалось “для примера” выписать сведения по окладам других лиц, состоявших в той же должности и выполнявших ту же работу, данных по переводчикам с голландского языка нет вообще – приведены сведения для двух переводчиков, из которых один, Ефим Мейснер, – “свейской и немецкой и польской”, а другой, Яков Гитнер, – “свейской и немецкой” [26, л. 4]. В составленном А.В. Беляковым списке служащих Посольского приказа для периода 1645–1682 гг., включающем 582 имени, указаны только 6 переводчиков с голландского языка. Сотрудничество с приказом троих – Ивана Англера, Бориса Борисова и Матвея Елисеева – относится ко времени до появления в нем Виниуса (двое к его зачислению уже умерли). Роман Спац работал в 1668–1675/76 гг., но не в Москве, а в Холмогорах. Длительное время помимо Виниуса в приказе служил только один переводчик с голландского, а также царского и латинского, языков – Леонтий Гросс, но он был принят в приказ только в 1668 г., т.е. уже после упомянутого че-

⁷ Источники более поздние, разумеется, называют ту же его должность. Так, в распоряжении о придаче Виниусу жалованья от сентября 1674 г. он назван “Посолского приказу галанского языку переводчиком” [59, л. 50, 51].

лобитья Виниуса с жалобой на “одинокчество” [Беляков 2001, прил., № 6, 19, 66, 177, 473, 97, 144].

Между тем к моменту появления в дипломатическом ведомстве Виниуса связи России с Нидерландами (или, как они требовали, чтобы по высшему государственному органу их называли, с “высокомоощными Генеральными штатами”), не будучи особенно оживленными, имели тем не менее довольно длительную историю. Прежде всего это были торговые связи – история купца Андрея Денисовича Виниуса, приехавшего в Россию еще при царе Михаиле Федоровиче и в ней оставшегося, выразительный и показательный их пример. Торговля голландцев в России длительное время развивалась в условиях острого соперничества с англичанами. Но в 1649 г. царь Алексей Михайлович отнял у последних их исключительные торговые привилегии, выразив этим отношение к народу, казнившему своего короля. Условия для торговли голландцев улучшились. У них были свои дворы и отдельные постройки в Архангельске, Вологде, Москве, Усть-Коле, Холмогорах, Ярославле [Козловский 1898, с. 27; Демкин I, с. 100–114].

Дипломатические контакты двух государств развивались в тесной связи с торговыми. В начале 1648 г. в Москве побывало голландское посольство во главе с Конрадом (Кунрадом) Бурхом. В июле переговоры с ним вел А. Иванов. Но вопросы, поднятые послом, в том числе о режиме торговли нидерландского купечества, в полной мере не были разрешены даже спустя два десятилетия [Бантыш-Каменский I, с. 182–183].

К началу службы Виниуса в Посольском приказе относится поездка в Нидерланды Богдана Нащокина и Абрама Кашеева (1663). Они прибыли с предложениями “о продлении дружбы и любви” и сообщили о новой пошлине, назначенной на привозимые товары. В приеме посольства участвовал торговавший прежде с Россией и знавший русский язык Абрагам фан Асперен [Койет, с. XVII, 278]. Ответное посольство Генеральных штатов прибыло в следующем, 1664 г.: границу оно пересекло 8 декабря, вступило в Москву 20 января 1665 г. [Витсен, с. 55, 85]. Возглавлял его Якоб Бореель.

Окказиональная дипломатия, определявшая характер дипломатических сношений России с Западной Европой вплоть до XVIII столетия, знала посольства различной важности и послов различного ранга. Наивысшему соответствовал “великий посол”, за ним шли посланники (“легкие послы”), за ними – гонцы. Первые, замещая за границей особу государя, вели дипломатические переговоры, другие передавали “посыльные грамоты”. Разной была и свита посольств: в XVI в. великого посла сопровождало

до 300–400 человек, посланника до 200 (включая слуг), гонца – до 30. К концу столетия численность посольств уменьшилась [Юзефович, с. 29, 31].

Ранг посла определял пышность церемониала его встречи. Но основные элементы практики встречи посольств, сложившейся в России задолго до интересующих нас 60-х годов XVII в., оставались неизменными для послов всех рангов.

“Посольский обычай” предполагал, в частности, прикрепление к посольствам особых приставов, в обязанности которых входили непосредственные повседневные контакты с посольством, осуществлявшиеся при участии другого обязательного члена “команды” – переводчика. С русской стороны исполнять соответствующие обязанности при посольстве Борееля был назначен Андрей Виниус. У гостей, разумеется, имелся и собственный переводчик – таковым выступал упомянутый А. фан Асперен.

Отправлявшемуся в Московию Бореелю было поручено вернуться к темам, поднятым Бурхом, и разрешить вопрос о титуле Генеральных штатов в дипломатической переписке. Подобным вопросам всегда придавалось весьма важное значение. Решить их подчас оказывалось непросто даже в случае традиционно мирных отношений с партнером и признания его суверенности. Бореелю добиться того, чтобы русская сторона согласилась писать перед наименованием Штатов титул “высокомощные”, так и не удалось. Да и по остальным вопросам его усилия особого успеха не имели.

Маловероятно, чтобы Виниус был лично причастен к таким итогам посольства. Молодость (23 года) и невысокое служебное положение (которое, впрочем, не стоит преуменьшать) пока еще не позволяли ему влиять на события. Но позже такая возможность у него появится.

Работа Виниуса при голландском посольстве оказалась для него событием, оставившим по себе долгую память. Были завязаны важные связи, наложившие отпечаток на всю последующую жизнь. Среди прибывших с посольством дворян был одноклассник Виниуса Николаас (Николай) Витсен (1641–1717). Только что закончивший Лейденский университет и получивший степень доктора права, он, в согласии с традицией завершать образование путешествием, а также “просто для удовлетворения своего любопытства”, в статусе “дворянина по положению” отправляется в Московию в свите посольства Борееля [Витсен, с. 6, 7]. Витсен был любознателен и легок на подъем: будучи в России, даже к опальному патриарху Никону в Воскресенский (в Новом Иерусалиме) монастырь сумел съездить – и это притом что контакты голландских посланцев контролировались и ограничивались.

Не встретиться Витсен и Виниус не могли. Утверждаем это, хотя имени Виниуса в записках Витсена о его путешествии и нет. Впрочем, описывая прием посла в Кремле, их автор отмечает стоявших рядом с царем “переводчиков царя и нашего”. Комментарий публикуемого текста расшифровывает этих лишенных имен статистов как соответственно Виниуса и фан Асперена [Витсен, с. 95, 238]. Более – никаких упоминаний, даже косвенных, что, на наш взгляд, лишь подтверждает, что они персонально общались. Виниуса и Витсена сближали, как минимум, возраст и родственные связи. Кроме того, Виниус был лицом официально прикрепленным к посольству и просто *не мог* не вступать с Витсеном в какие-то контакты. Дневник – не стенограмма: автор вносил в него то, что с его точки зрения нужно и *можно* было доверить бумаге. В записях, надежно защитить доступ к которым было невозможно, не следовало афишировать связи, которые в силу родственной и духовной близости могли быть теплее, чем допускал дипломатический протокол. Осторожный Витсен полностью исключил из своего дневника упоминания о встречах с Виниусом. Но знакомство их наверняка состоялось – знакомство, продолжавшееся долгие десятилетия и породившее многолетнюю переписку на различные (в том числе научные) темы.

После отпуски посольства Борееля Виниус был прикреплен к голландским мастерам, строившим корабль в с. Дединове на р. Оке. В 175 (1666/67) г. дьяк Федор Михайлов на основании указа из Приказа тайных дел передал распоряжение Еремею Левкану (Левкину?), чтобы тот написал в Голландию к своему дяде Ивану фан Сведену: сообщил ему о поручении нанять там корабельного капитана. Еремей написал и Иван нанял в русскую службу некоего Давида Бутлера (Ботлера) [33, л. 22–23], по некоторым сведениям, своего племянника [Козловский 1911б, с. 9]. Договор с ним на четыре года был заключен в Амстердаме в феврале 1667 г. [ДАИ V, № 46, с. 212]. В Амстердаме же при участии И.И. фан Сведена набирали и других членов экипажа. 29 апреля 1667 г. был заключен договор с кормщиком Тимофеем фан ден Стреком, 2 и 3 мая с работным корабельным человеком Антоном Минстером, кормщиком и плотником Вилимом фан ден Стреком, корабельщиком Ламбертом Гелтом [ДАИ V, № 46, с. 211–216].

19 июня был объявлен указ: “Для посылок из Астрахани на Хвалынское (Каспийское. – *И.Ю.*) море делать карабли к Коломенском уезде в селе Дединове, и то корабельное дело ведать в Приказе Новгородцкие чети, боярину Офонасью Лаврентьевичю Ордину-Нащокину, да думным дьяком Гарасиму Дохтурову да Лукьяну Голосову, да дьяку Ефиму Юрьеву”. В этот же день И. фан Сведен

объявил в этом приказе четверых прибывших корабельщиков и подал составленные в Голландии “поручные записи” (контракты). Вскоре в приказ поступили и переводы⁸, в двух из которых (договоры с фан ден Стреками) названо имя лица, которое их выполнило: “Переводил переводчик Ондрей Виниус” [ДАИ V, № 46, с. 211–216]. Из этой пометы заключаем, что к работе с иностранцами, занимавшимися строительством “Орла” (так называли корабль), А.А. Виниус был подключен не позднее начала июля (до 5-го) 1667 г.

Будучи прикреплен к работам в Дединове, Виниус в полном согласии с должностными обязанностями выполнял переводы прежде всего письменных текстов. Наверно, при необходимости он переводил и устную речь, но для выполнения этой работы при команде имелись толмачи, числившиеся в списках как “корабельные люди” и получавшие обычное для таких работников жалованье – 3 рубля [ДАИ V, № 47, с. 248, 264, 268, 270, 272].

Известно сравнительно немного связанных с “Орлом” документов, для которых указана принадлежность их переводов Виниусу. Помимо двух договоров, упомянутых выше, укажем на переведенную им недатированную “роспись корабельным снастям, и сколько за те снасти и карабелщиком в кормах, и в наймах от караблей, и во всяких харчах галанскими денгами вышло”. Сам Виниус, кроме того, упоминает о выполненном им переводе письма Бутлера с предложением построить в дополнение к кораблю гребное судно для хождения на море [ДАИ V, № 46, с. 233, № 80, с. 404].

Языковое обеспечение Виниусом работ, связанных со строительством “Орла” и комплектованием его команды, было, по-видимому, положительно оценено его начальством. Об этом свидетельствует реакция на поступившую в конце 1667 г. челобитную Виниуса о придаче ему жалованья. Выполняя в приказе все работы, связанные с голландским языком, и, по его выражению, “способствуя” переводчикам “в переводах цесарского языка писем”, он получал в это время поденного корма по 8 алтын 2 деньги на день при окладах годовом денежном 40 рублей, поместном 300 чети. Виниус утверждал, что ему с семьей и с “людишки” прокор-

⁸ Фан Сведен подал “поручные записи немецким писмом” (оригинальные контракты, составленные на голландском языке в Амстердаме) одновременно с представлением мастеров, т.е. 19 июня. Но в заголовке сохранившегося перевода одного из этих “галанских писем” сказано, что он сделан “с записи, какову подал в Приказе Новгородские четверти... Иван фан Сведен в нынешнем во 175 году июля в 5 день”. Понять это можно только в том смысле, что подачу оригиналов документов и переводов с них разделяли две недели, которые были потрачены на составление последних.

миться нечем, что он “против своей братьи оскорблен”, и просил пожаловать его “за многую неотступную работишку” государевым жалованьем – “к поденному корму, и к годовому, и к поместному окладу прибавкою”. В выписке, по этому поводу составленной в Посольском приказе, указаны оклады переводчиков со шведского и немецкого языков: при годовом окладе от 55 до 70 рублей поденный корм они имели от 8 алтын 2 денег до 10 алтын. 16 декабря 1667 г. государь указал увеличить оклад и у Винуиса – годовой до 50 рублей, поденный до 10 алтын. В отношении поместного оклада решение отсутствует, так как, будучи принято, оно не приближало бы Винуиса к “своей братье”, а отдаляло – в Посольском приказе, как свидетельствовала выписка, “свейского и цесарского языку переводчики поместными оклады не верстаны” [26, л. 2–4].

Корабль “Орел” был спущен на воду не позднее 1 июня 1668 г. (по-видимому, в последние дни мая), после чего отделка судна некоторое время еще продолжалась. В окончательном виде флотилия включала корабль, яхту, две шняки (шнека) и бот [ДАИ V, № 47, с. 254, 270].

Сведения об участии Винуиса в обеспечении работ по этому объекту относятся только к самому начальному периоду его истории. Но соприкосновение с ним отозвалось в проекте, появление которого обличает в нем интеллектуально возбудимую творческую натуру. Капитан Бутлер составил предложения об учреждении флота, перевод которых выполнил Винуис [*Козловский I*, с. 184]. Но у него имелись и собственные соображения на данный предмет, которые он изложил в письме, 5 декабря 1668 г. поданном им⁹ в Посольский приказ¹⁰. Обратим внимание на адрес

⁹ Документ (подлинник или ранняя копия), сохранившийся в ф. 141 РГАДА, и его публикация в “Дополнениях к Актам историческим” содержат не полную (без года) дату подачи [33, л. 1–5; ДАИ V, № 80, с. 405]. В редакционном заголовке на титульной странице дела (не ранее XVIII в.) письмо отнесено к декабрю 7177 (1668) г. Другие документы, входящие в одно архивное дело с письмом Винуиса, неясность не устраняют: так, в черновой выписке на лл. 22–24 год 176 (1667/68) дважды назван “прошлым”, но одновременно говорится о “нынешней ярманке 176 году” [33, л. 24].

Здесь и далее, давая ссылку на ДАИ, цитируем документ по архивному оригиналу и с нашей, местами отличной от “Дополнений”, пунктуацией.

¹⁰ Письмо адресовано “премилостивым государем Гарасиму Семеновичю, Лукьяну Тимофеевичю, Ефиму Родионовичю” (соответственно думным дьякам Г. Дохтурову, Л. Голосову и дьяку Е. Юрьеву), которым еще 19 июня 175 (1667) г. было поручено ведать строительством “Орла” [ДАИ V, № 80, 46, с. 404, 211]. Два думных дьяка сами по себе были фигурами значительными. Но автор, несомненно, рассчитывал, что с его пунктами познакомится и глава приказа.

и дату. Именно Посольскому приказу незадолго перед тем (17 ноября 1668 г.) была переподчинена достройка “Орла” [ДАИ V, № 47, с. 262]. Маловероятно, что идеи, высказанные Виниусом, возникли у него в двухнедельный промежуток между передачей подчинения и подачей письма – они сформировались скорее всего значительно раньше. Но в Приказ Новгородской четверти, хотя тот в 1666/67 г. и был подчинен Посольскому, Виниус с ними не обращался (во всяком случае, о таких попытках не известно), ограничиваясь, вероятно, чисто техническим участием в проекте – переводил, что давали. Теперь, когда “Орел” был подчинен Посольскому приказу напрямую, у него, по-видимому, возникли надежды свои идеи реализовать и, рассчитывая заинтересовать ими А.Л. Ордина-Нащокина, он их изложил.

Письмо состоит из преамбулы, 13 нумерованных пунктов и заключения [ДАИ V, № 80, с. 404–405].

В преамбуле указан первичный импульс размышлений Виниуса на обсуждаемую тему – перевод письма “карабельного капитана”, в котором предложено в добавление к кораблям, “которые зделаны”, “учинить... судно на подобие катарги с веслами”. Сформулирован предмет собственной заявки: “Пришло мне на мысль, какая потребность и надобье в устроение не токмо единого, но и многих каторг для морского ходу належит” (рис. 5). Объяснено, почему Виниус “не мог сие... необъявленно оставить”, – проект был им создан “великих ради надобных причин, належщих не токмо к великой прибыли великаго государя казне, но и к большим пожитком и корысти великаго государя подданным”. Далее разъясняется, почему “те катарги лутче на Хвалынском море караблей” и в чем “прибыль от того великаго государя казне может быть”.

В первых двух пунктах охарактеризованы достоинства каторг при использовании их на море: в первом – с учетом гидрологических особенностей водного бассейна, во втором – исходя из общих представлений Виниуса о судовождении. При “противном” ветре корабль не может плыть вперед, “но, бывает, и назад отбивает”. В безветрие вообще не способный плыть в определенном направлении, только “шатается” на одном месте. “Катаргою и во время противнаго ветра или безветрия спешно мочно вперед плыти”; а во время “добраго ветра” она “бежит” “не тише” корабля под парусами (п. 2).

Следующий пункт касается движения по рекам. Парусным кораблем “вверх по великой реке ехать невозможно”. Ограниченная подвижность судна этого типа представляет большой его недостаток в отношении безопасности от “воров” (разбойников). Напротив, “катаргою по великой реке восходить... мочно”. Соот-

Рис. 5. Карта Каспийского моря. 1668 г. (Я. Стрейс)

ветственно и с ворами: “Воров впереди видя, мочно по тех из великих пушек, которые бывают у катарги на носу, стрелять”. То же и на море: “Не допуская до себя неприятеля, мочно по тех стрелять же” (п. 3). В следующем пункте развивается тема предыдущего. Корабль в безветрие не способен быстро изменить свое положение. И “как неприятель наступит, то хотя на нем и пушек много, не так противится может, как катарга, потому что катаргою великой скоростию за неприятелем мочно гнаться, и, гоня, стрелять, и отбежать спешно” (п. 4). В конце письма Виниус вернется к этому обстоятельству, выделив, в качестве самостоятельной и важной цели его проекта улучшение криминальной обстановки в районе: “хождением” каторг можно “воров всяких с моря очищать, которым отнять появиться будет невозможно, потому что тех не токмо на море, но и в реках великих мочно догонять и разорять” (п. 12). Мотив борьбы с криминальным элементом, существенно мешавшим торговле, повышавшим риски и стоимость товаров, пронизывает все это сочинение. И, как станет через несколько лет очевидным, не напрасно: именно отсюда придет в Московское государство пожар новой смуты, который омрачит последние годы царствования Алексея Михайловича.

Ни на минуту не забывая о “ворах”, Виниус рассматривает вопросы обеспечения каторг материалами и рабочей силой. “А к строению тех каторг в Московском государстве всякие к тому запасы изобильны есть: лес, пенек, железа, смола, пушки, порох. А в иных землях мало не все то покупают из иных государств” (п. 6). Комплектовать команду гребцов Виниус предлагает из “всяких воров и бусурманских полоняников”; при этом полагает необходимым “сажать” их “для гребли на цепях, чтоб не разбежались и зла не учинили”. Указан экономический аспект этого предложения: преступники посылаются на судно не в наказание (об этом, во всяком случае, не говорится), но чтобы обеспечить средства для своего существования. (“И чем таким ворами и полоняником, которых по тюрьмам бывает много, хлеб туне давать, и они б на катаргах хлеб зарабатывали”.) И все же аспект наказания подразумевается: это видно из предлагаемых Виниусом сроков пребывания на каторгах. “Иных воров, – полагает он, – по делам смотря, мочно посадить на 5 и на 6 лет и больша, а иных, которые достойли смерти, и на век, по обычаю иных государств” (п. 5)¹¹.

¹¹ А.Н. Вигилев излагает эти идеи Виниуса, ошибочно относя их к совершенно другой эпохе – времени, когда тот возглавил Сибирский приказ; цитированными нами словами он якобы призывал Петра использовать труд преступников и пленных турок в Зауралье [Вигилев, с. 179]. Присутствующая в работе сноска на публикацию И.П. Козловского 1911 г. не соответствует действительности.

В следующих пунктах Виниус сравнивает каторгу с судами, использующимися торговыми людьми. Последних она, по его мнению, “гараздо лутче... крепостию, обороною и поспешением в ходу”, лучше противостоит бурям, от которых “великие богатства погибают, и от того великого государя подданным и иноземцам чинится великое разорение, а иным конечная нищета бывает”. Отсюда – дополнительные “прибыли великого государя казне в зборах таможенных” (п. 7). Виниус предсказывает рост популярности каторг и проистекающее из этого расширение торговли: “Всякие люди, русские и иноземцы, увидя, что в таких судах им по морю с товары своими ходить не токмо от воров не опасно, но и от морского потопления бережняе, и в пути поспешнее буи, склонность будут имети к простиранию своего торговаго промысла” (п. 8). Торговля может быть учинена “в пристанищах” не только “с персидами, но и с ыными народы, obleжащих вокруг того моря”. Он напоминает о возможности добираться на каторгах в “верховые города” великих рек – “и то к прибыли великого государя казне, а торговым людем пожиток” (п. 9).

Заглядывая в будущее, в котором брезжило открытие речного пути в Индию, он советует не упускать из внимания “самой великой прибыли великого государя казне и Московскому государству” от его установления (п. 11).

Строить каторги, по мнению Виниуса, следует “казною великого государя”. “И теми всяких купетских... русских людей и иноземцов с товары их перевозить, в которые страны похотят, а за то имать с них в таможенную избу с товаров лишнюю пошлину” (п. 10). И хотя, по Виниусу, дополнительный доход казны выразится в виде повышения таможенного сбора (“а великого государя збору таможенному – прибыль”), очевидно, что составной его частью должны будут явиться также сборы за перевозку на судах, принадлежащих государству. Таким образом, Виниус предлагает учредить государственное судоходное предприятие, осуществляющее транзитные перевозки грузов русских и иностранных купцов. Если предположить участие в этом проекте частного управляющего и, что вполне вероятно, принадлежащего ему частного капитала, то мы получим схему, близкую к положенной в устройство почты, управляющим которой через несколько лет станет Виниус.

В последнем, 13-м, пункте Виниус, возвращаясь к данному в начале письма перечню выгод от реализации его идеи и обобщая изложенное выше, приводит их расширенный (в сравнении с прамбулой) перечень: а) расширится торговля (“в Московском государстве промысл торговой умножится”), б) увеличатся поступления от нее в казну (“великаго государя казне збору прибыль”),

в) повысится безопасность (“от воров великая оборонь и покои”),
г) возрастут доходы купечества, что отразится на доходах казны (“к пожитку купетских людей, которые как будут богатые, то великого государя казне прибыльные”).

Очень любопытен заключительный фрагмент. Автор, осознавая, что “изъявляет” “такие дела”, которые на него “не положены”, просит не гневаться на него. “Своими высокими разумы извольте разсудить, – пишет ясно осознающий свое место переводчик, – и, еще годно, то великого государя доложите, еще ж не годно, мою непристойную дерзость простить извольте”.

Резюмируя этот пересказ, следует отметить, что текст проекта краток, прекрасно выстроен, мысли поданы убедительно, логически между собой увязаны. 27-летний переводчик Посольского приказа демонстрирует не только интерес к делам, далеко выходящим за пределы его компетенции, но и элементы мышления, которое без каких-либо оговорок можно считать государственным.

Не случайно и внимание Виниуса к экономическим аспектам проекта. Выше говорилось, что переход на государственную службу не означал для него, гостиной сотни торгового человека, полного прекращения коммерческих операций. Таким положение сохранялось и впоследствии. 19 января 1670 г. в книге Печатного приказа была зарегистрирована грамота: по челобитью Посольского приказа переводчика Андрея Виниуса “по купчей ево в Нижнем Новгороде лавки и лавошные места за Иваном Самариным записать” [86, л. 121 об.]. Из текста не ясно, покупал или продавал Виниус лавки и торговые места (скорее второе), важно, однако, что они у него *были* – осуществлялась, следовательно, и торгово-предпринимательская деятельность.

20 мая 1671 г. в Ярославль к воеводам была направлена грамота, данная по челобитью Виниуса: велено “по кабалам с Якушкою Гурылевым, розыскав, указ учинить”. Содержание упомянутых кабал неизвестно. Но если они перешли к челобитчику не от отца, то весьма вероятно, что перед нами след все той же предпринимательской деятельности А.А. Виниуса – либо торговой, либо связанной с кредитованием [87, л. 629 об.].

Между тем некоторые данные позволяют утверждать, что материальное положение Виниуса было в этот период весьма скромным. 2 июля 178 (1670) г. в суде рассматривалось дело по иску бараша (жителя Барашской слободы Москвы) Филиппа Манатейникова: тот утверждал, что переводчик Виниус занял у него 15 руб. денег и 2 куля ржаной муки и теперь “не платит, и манит со дни на день”. Факт денежного займа Виниус не признал,

хлеба – подтвердил, задержал же его возврат он из-за какого-то оловянного кунгана (кувшина), не возвращенного барашем. Этот сюжет прямо-таки поражает мизерностью (в стоимостном выражении) предметов спора – временами даже не верится, что будущий собеседник Петра Великого намерен невозвратом куля муки подвигнуть должника возвратить ему кувшин. Пускай бараш Манатейников что-то на него наговаривал, но ведь деньги “на пере хватку для хлебной покупки” Виниус у него действительно просил (истец предъявил записку ответчика: “Пожалуй, буде возможно, съсуди не на долгое время деньгами, пятнатцатью рублями: нужно ныне было, надобна хлеба купить”) [34, л. 1, 2]. У нашего героя, сына заводовладельца и торговца, оперировавшего некогда тысячами рублей, в эти годы могло не оказаться для покупки хлеба свободных 15 рублей!

Начало 1670-х годов отмечено попыткой Виниуса войти в один чрезвычайно привлекательный, в том числе в финансовом плане, проект. Он добивается перепоручения ему руководства “заморской” почтой. Этой работой – ответственной, хлопотной, но открывавшей широчайшие возможности разнообразной коммуникации, да еще и “хлебной” – он занимался с небольшим перерывом почти три десятилетия. В наши намерения не входит подробная ее характеристика: обстоятельное и до сих пор сохраняющее свое научное значение исследование И.П. Козловского позволяет составить о ней весьма подробное представление. Но не упомянуть о Виниусе – первом российском почтмейстере – невозможно.

Отсчет истории заморских почт России ведется с весны 1665 г., когда А.Л. Ордин-Нащокин предложил правительству заключить договор с упомянутым фан Сведеном об устройстве им международной почтовой линии от Москвы до Риги. Не позднее февраля 1666 г. линия уже действовала.

Гамбургская газета “Северный Меркурий” в номере от 17 августа 1668 г. сообщила новость из Москвы: “Его царское величество установило хороший порядок в почтовом деле, так что впредь письма из Гамбурга сюда (в Москву. – *И.Ю.*) будут приходить совсем иначе, чем прежде, и смогут быть доставлены за 20 дней или, самое большое, за 21 день. Если учесть длину пути, то это и вправду очень хорошо”.

Несмотря на лестную оценку начинания европейской прессы, качество работы новой почты в первые годы ее существования вызывало многочисленные нарекания, и фан Сведен вскоре был отстранен от управления ею. Указом от 25 мая 1668 г. ее передали Леонтию Петровичу Марселису. Ему же предложили устроить новый почтовый тракт Москва–Вильно,

создававшийся на основании особой статьи договора, заключенного между Россией и Польшей 30 января 1667 г. в Андрусове. Первая после реорганизации почта в Ригу ушла 17 сентября 1668 г., в Вильно – 11 марта 1669 г. После смерти Л.П. Марселеса заморские почты в 1671 г. принял Петр Марселис, который не сумел удержать их на установленном Леонтием уровне [Вигилев, с. 102, 103, 105, 108].

В начале 1672 г. почту передали А.А. Виниусу. Этим решением было положено начало многолетней его работе на этом поприще, имевшей последствия для карьеры и в других сферах деятельности. Тогда, в 1672 г., уверенно предвидеть их было невозможно – тем более что оставалась в подчинении Виниуса заморская почта первоначально недолго: уже 22 октября того же 1672 г., в связи с отъездом Виниуса за границу, она была возвращена под начало П. Марселеса [Вигилев, с. 115]. Но, полагаясь в дорогу, Виниус немало сожалел, что почту – дело интересное и выгодное – пришлось из-за этого упустить. От того, будут ли довольны итогами его поездки, несомненно, зависела и перспектива ее возврата.

2.4. Гонец

К началу 1670-х годов Виниус в Посольском приказе закрепился достаточно прочно. Он, 30-летний, в числе названных Я. Рейтенфельсом трех переводчиков (по его мнению – фактически “секретарей по внешним сношениям”), занимающих здесь “*первые места*” [Рейтенфельс, с. 97]¹². И именно в это время его направляют в первую в его жизни дипломатическую поездку за границу.

Через много лет, в 1690 г., в челобитной, Виниус вспомнит о ней всего в одной фразе: “А в прошлом, государи, во 181-м году посылан был я, холоп Ваш, к великим государем королем к гишпанскому, ко французскому, к аглинскому посланным” [Сторожев, с. 2]. Между тем это была важная веха в карьере молодого дипломата.

В командировании молодого перспективного чиновника за границу некоторое удивление вызывает, пожалуй, только одно обстоятельство: специалиста по Нидерландам, его отправляют в *другие* страны, между тем, как практически одновременно, в Голландию едет другое лицо – Е.И. Украинцев [Койет, с. 381; Весе-

¹² Не абберация ли это, связанная с недостаточным знакомством Рейтенфельса со штатом аппарата управления? Но иностранцев и полуиностранцев он должен был знать хорошо и ясно представлять, кто чего стоит.

ловский, с. 531]¹³. На Виниуса это, разумеется, тени не бросает – напротив, свидетельствует об уровне профессиональной подготовки, достаточном для работы не в одной, а во множестве европейских стран. И все же.

Украинцев должен был решить две задачи: уговорить Голландию предоставить России заем, а Польше – помощь [*Койет*, с. XVII]. Вторая задача лежала в русле усилий московского правительства по созданию антитурецкой коалиции и совпадала с поручением, данным Виниусу. Почти одновременные посылки в соседние страны дипломатических агентов равного статуса¹⁴ – звенья одной цепи. А одинаковый, причем самый низкий, статус этих агентов объясняет, на наш взгляд, почему в Голландию был послан не Виниус. Гонец – дипломат с минимумом самостоятельности. Его дело, судя по наказу, врученному Виниусу, – передать грамоты, принять ответные, “отбыть” приемы и церемонии так, чтобы не уронить на них честь государя и противной стороне уронить ее не позволить, и наблюдать, наблюдать... В Голландии, стране Виниусу не чужой, было слишком много соблазнов, которые, с точки зрения его начальников, могли помешать ему, человеку недостаточно опытному, выполнить дело “без порухи”. Отправить новичка в чуждые ему страны было для успеха дела надежнее.

В преддверии отъезда Виниус попытался привести в порядок некоторые дела, касавшиеся материального благополучия своих

¹³ Е.И. Украинцев должен был посетить также Данию и Швецию. Впрочем, С.Б. Веселовский среди порученных ему стран называет только последние две, без Голландии.

Украинцев отправился в путь 11 октября 1672 г. Заманчиво предположить, что Виниус и Украинцев выехали из столицы вместе и вместе же ехали по России. Однако, если исходить из даты прибытия на шведскую границу (известной) и принять время движения к ней равной приблизительно двум неделям (по аналогии с графиком движения Великого посольства в 1697 г. [*Богословский II*, с. 15, 20]), время отправления Виниуса попадет на самый конец октября – начало ноября 1672 г. Получается, что он отправился из столицы недели через две – две с половиной после Украинцева. То, что он выехал после Украинцева, подтверждает дата выдачи ему годового жалованья после 12 октября.

Обсуждать возможность пересечения Виниуса и Украинцева в дороге также не приходится. Об Украинцеве известно, что в июне 1673 г. он был в Голландии [*Койет*, с. 381]; по некоторым данным, он оказался здесь еще в апреле [*Алпатов*, с. 358]. Виниус в первой половине июня находился во Франции, в середине – отправился в Испанию.

¹⁴ В поездку Виниуса отправляли в статусе *гонца*. Так же – гонцом – Веселовский называет и Е.И. Украинцева [*Веселовский*, с. 531]. Аналогично, в связи с посылкой последнего в 1672 г., он назван и в базе данных Н.М. Рогожина и А.А. Богуславского (“Посольские книги России конца XV – начала XVIII в.”).

домашних. Мы уже упоминали относящуюся к концу 1667 г. (не позднее 16 декабря) его челобитную по поводу прибавки жалованья, в которой он в обоснование просьбы ссылался на то, что ему “з женишкою, и детишки, и с людишки прокормиться нечим” [26, л. 2]. Если данная формула не носит характера клишированного фразеологизма¹⁵, то перед нами самое раннее упоминание о существовании у А.А. Виниуса семьи – жены и детей. Его супругу звали Василисой Климентьевной; она принадлежала к купеческому роду Патокиных [*Elias*, 273], имевшему представителей в составе гостиной сотни¹⁶. В этом, первом браке Виниуса были рождены сыновья Матвей и Федор [126, л. 46] и дочь Мария.

Просьба Виниуса была удовлетворена: годовой и поденный оклады увеличили. Одновременно он подал челобитную, в которой, ссылаясь на необходимость обеспечить семью на период отсутствия, попросил выплатить разом годовой оклад жалованья. Эту просьбу удовлетворили только частично.

Виниусу не доверили миссию в Нидерланды. Но судьба, которую, быть может, он немного подправил, все же привела его на родину предков.

Добравшись в середине ноября до шведской границы, он двинулся к Риге, оттуда через Кенигсберг и Данциг в Гамбург, далее в Голландию, где, сев на почтовый корабль, отправился в Англию, к берегам которой прибыл 26 февраля 1673 г. [*Козловский I*, с. 187, 188]¹⁷. Дорога от Москвы до Лондона заняла приблизительно четыре месяца.

Через неделю после прибытия в британскую столицу он был принят королем Карлом II Стюартом. Явившийся из парламента тот был “зело смутен”, даже о здоровье царя спросил сидя, так что пришлось напоминать ему о необходимости встать. После аудиенции почти месяц пришлось ждать ответа и отпуска. Реакция на российские предложения была в целом неблагоприятной: от союза против Турции (Османской империи) Англия уклонилась. Король просил за лишенных прежних прав и привилегий английских купцов. В грамоте, между прочим, содержались теплые слова о “благоумии и прилежании” дипломатического

¹⁵ По наблюдениям А.В. Белякова (частное сообщение), приведенное сочетание слов в качестве устойчивой формулы в челобитных служащих Посольского приказа в интересующий нас период не использовалось. Наши наблюдения подтверждают это заключение.

¹⁶ Имя *Климентий* носили по меньшей мере двое Патокиных, входивших в гостиную сотню: Васильевич (сведения 1649–1650 гг., Нижний Новгород) и Якимович (1643–1664) [*Голикова 1998*, с. 275, 284].

¹⁷ Следовательно, в Голландии он находился приблизительно во второй декаде февраля.

агента Виниуса: дескать, король принял его со “всяким приятством и должным склонением”, а отпустить посчитал невозможным “без достойной хвалы и ходатайста” [Козловский I, с. 189].

Хотя в Лондоне Виниус познакомился с французским послом и тот известил свою страну о скором его приезде, в Кале, куда Виниус прибыл 18 апреля 1673 г., его, как выяснилось, везти к королю не собирались. Приехавший десять дней спустя французский дворянин объяснил, что король в отъезде – во Фландрии с войсками, собранными там для войны с Голландией и Бранденбургом. Двинуться из Кале русскому дипломату было разрешено только в первый день мая.

Результат дипломатических контактов во Франции немногим отличался от достигнутого в Англии, разве что ответ был получен быстрее. В письме Алексею Михайловичу от 22 мая 1673 г. Людовик XIV, ссылаясь на войну с Голландией, отказался от участия в антитурецком союзе [Козловский I, с. 190].

14 июня Виниус отбыл из Парижа в Испанию, 6 июля прибыл в Мадрид и 29-го имел аудиенцию у короля Карла II Габсбурга. Помочь делу тот брался только деньгами (Польше), в войсках же из-за дальности их доставки отказал. В середине августа Виниус покинул Мадрид и отправился в Англию. Список главных поручений был исчерпан. В январе 1674 г. дипломат возвратился в Москву [Козловский I, с. 190].

Итоги миссии Виниуса трудно признать удачными – главные ее цели достигнуты не были. Впрочем, точно так же не удалось склонить к конфронтации с Турцией и Нидерланды: 20 июня Штаты ответили Украинцеву отказом по обоим пунктам. Помощь они оказать не смогли якобы из-за собственного критического положения, а деньги занять предложили непосредственно у купцов [Бантъши-Каменский I, с. 188]. Но руководству Посольским приказом – дипломатам достаточно опытным – было понятно, что результаты определялись конкретной политической ситуацией, в которой находились европейские страны. Может быть, эта ситуация не была понятна в Москве во всех ее деталях, но, что своих забот, кроме борьбы с османами, у стран Западной Европы достаточно, было вполне очевидно. Виниус и Украинцев привезли новые ценные сведения, углубившие понимание русскими дипломатами системы международных отношений в Западной Европе. Уже это для все более тяготевшей к ней России было полезным и оправдывало сравнительно недорогую посылку гонцов. Более обоснованными реалиями европейских межгосударственных отношений стал теперь для московской дипломатии и выбор собственного внешнеполитического вектора.

2.5. Карьерный рост

Неудачи в достижении поставленных перед посланцами целей не были вменены в вину молодым дипломатам – напротив, труды их оценили, не только оплатив внеплановые расходы¹⁸, но в 1674 г. (т.е. вскоре после возвращения) еще и наградив. Украинцев стал дьяком Посольского приказа. Виниус не позднее сентября 1674 г.¹⁹, оставаясь в должности переводчика того же учреждения, был пожалован во дворяне по московскому списку [59, л. 50, 51; *Сторожев*, с. 2, 9]²⁰.

Такое пожалование не было уникальным. Только в период с 1658 по 1682 г. в московские дворяне из переводчиков Посольского приказа были пожалованы: М. Кошаев, В. Едреновский, Б. Богомольцев, К. Христофоров, Н.Г. Спафарий, Л. Гросс, С.Ф. Лаврецкий, П. Татаринов, А.А. Виниус, С.Ф. Чижинский. К периоду 1673/74–1674/75 гг. относится пик таких пожалований (Гросс, Лаврецкий, Татаринов, Виниус) [*Беляков 2001*, гл. 2]. Но не являясь событием уникальным, они оставались все же сравнительно редкой формой поощрения за службу и выделяли пожалованного в среде его коллег – сотрудников и соперников.

Дальнейшая карьера Виниуса и Украинцева развивалась вполне успешно. В 1674 г., 30 сентября, из Посольского приказа разрядным дьякам была направлена память о придаче к помещному и денежному окладам Андрея Виниуса. Переводчик Посольского приказа награждался “для объявления сына... государева благоверного государя царевича и великого князя Федора Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белья России”.

¹⁸ Перед отправлением Виниус получил “командировочных” 250 руб., собoley на 50 руб. и 200 ефимков на наем корабля [*Козловский 1*, с. 187]. По возвращении выяснилось, что он “издержал от государевых дел своих и заемных денег” довольно значительную дополнительную сумму – 868 руб. 35 коп. “ефимками и мелкими денгами и мяхкою рухлядью”. Затраты компенсировали, выдав две доли соболями, одну денгами по стандартному курсу (ефимок по полтине). По данным другой выписки, выплаченная денгами доля составила несколько меньше трети – 256 руб. [*Документы*, с. 219, 220, 222].

¹⁹ По С.А. Белокурову, пожалование Виниуса состоялось в 182 (1673/74) г. [*Белокуров*, с. 128]. И.П. Козловский, не уточняя месяц, называет 1674 г., ссылаясь при этом на С.А. Белокурова [*Козловский 1*, с. 190].

²⁰ В материалах Герольдмейстерской канторы сохранился рисунок герба рода Виниусов. Он входит в комплект рисунков под общим заголовком: “12 гербов, которые поданы в Розряд при родословных росписях”. На листах с рисунками – порядковый номер (от 32 до 43) и разорванная скрепа: “рисовал Правительствующаго Сената Герольд[мейстерской] канторы живописных дел мастер Иван Чернавски[й]”. На л. 425 с гербом Виниуса скрепы нет, только номер (43) и подпись: “Вениусовых” [127, л. 414].

Величина пожалования, установленная “против ево братьи дворян”, составила 100 четей в поместье и 12 рублей к окладу [59, л. 50–51].

Профессиональная деятельность молодого дипломата развивалась в границах и формах, давно определившихся. Одна из них – участие в работе с прибывавшими в Россию посольствами, в первую очередь по его страноведческому профилю – с посольствами Нидерландов.

Через три года после посещения Голландии Е. Украинцевым оттуда прибыл великий и чрезвычайный посол Кунраад ван Кленк (Koenraad van Klenk). Главная цель его дипломатической миссии состояла в намерении уговорить российского царя войти в коалицию европейских держав, противостоящую Франции и ее союзникам [*Койет*, с. XVII].

Посольство достигло Москвы в начале января 1676 г., но остановленное в нескольких верстах от нее, в с. Никольском, официально было принято позже. Переводчицами выступала та же пара, что и 12 лет назад: с голландцами приехал А. ван Асперен, а в России к ним был назначен А.А. Винуус. Повторение показательное, иллюстрирующее факт сравнительной узости и стабильности круга лиц, обеспечивавших дипломатические контакты России и Нидерландов в 60–70-х годах.

В принадлежащем участнику посольства Бальтазару Койету “историческом рассказе” о нем первое упоминание имени Винууса встречается в записи от 16 января (н.с.), описывающей посещение членами посольства (инкогнито) церемонии водосвятия на Москве-реке. Секретарь и свита посла пребывали в особом, отведенном для этого им доме, где “при них находился переводчик его царского величества господин Андрей Винуус”. Сюда в то время, когда горожане разбирали освященную воду, прибыл посланный царем Емельян Украинцев (названный “канцлером”), чтобы осведомиться, здоровы ли они и хорошо ли путешествовали. Переводил эти вежливости Винуус. От голландцев отвечал ван Асперен, благодаривший царя за милость – возможность увидеть церемонию²¹ прежде официального въезда посольства в Москву [*Койет*, с. 381–382].

Второй раз встречаем Винууса во время этого въезда, состоявшегося 11(21) января. Вместе с приставами – полковником стольником Юрием Лутохиным и дьяком Афанасием Ташлыковым – он находился в санях, ожидавших посольский поезд в московском предместье. Винуус переводил титулы и приветствия,

²¹ Впрочем, она была оказана не одним голландцам – присутствовали резиденты датский и польский, а также персидские купцы.

произносимые русской стороной, фан Асперен прочие [*Койет*, с. 390–391].

Имя²¹ Виниуса продолжает обильно встречаться на страницах описания посольства и дальше²². Перед нами текучка работы дипломата среднего уровня: приемы, переговоры, урегулирование протокола и проч. И так до самого конца пребывания Кленка в России. 30 мая (9 июня), день рождения царя Федора Алексеевича, Виниус присутствовал на устроенной для членов посольства экскурсии в царскую резиденцию в с. Коломенском: гости и сопровождающие посетили дворец, питомник и сад. 3(13) июня присутствовал на прощальном визите посла в дом главы Посольского приказа А.С. Матвеева. 11(21) июня участвовал в прощании. В присланной от царя запряженной шестеркой карете вместе с послом и приставами в сопровождении эскорта из 200 всадников проехал по Мясницкой улице за городские ворота. Когда приставы, исполнив положенный церемониал, покинули посла, еще на некоторое время с ним остался: доехал с провожающими немецкими купцами до Марьиной рожи, где вместе с присоединившимся датским резидентом осушил “несколько рюмок вина за здоровье то одного, то другого при звуках литавр и труб” [*Койет*, с. 515, 516, 518, 548, 549]. Таким образом, Виниус расстался с посольством последним из российских дипломатов. И расстался, как видим, очень тепло.

Глава 3. Волжско-Камская экспедиция (1674–1676)

Возвращаясь из-за границы, Виниус, помимо прочего, вез с собой образцы серебряной и золотой руд. Эта глава – о том, почему он ими заинтересовался и какие лично для него последствия повлек этот интерес. Она знакомит с А.А. Виниусом-предпринимателем: обнажит некоторые присущие ему деловые качества, очертит предметные области, с которыми были связаны его интересы.

Но ограничивать значение описываемых далее событий исключительно их ролью в раскрытии личности Виниуса будет неправильно. В том числе потому, что, искусственно вычлняя в них его фигуру и “сцеживая” прочее как второстепенное, можно, как минимум, утратить понимание логики событий. Его предпринима-

²² В написанном Б. Койетом и изданном в 1677 г. в Амстердаме отчете об этом посольстве имеется иллюстрация, изображающая его прием царем 17(27) января 1676 г. Справа от стоящего перед ним фан Кленка переводчик А.А. Виниус [*Дриссен 1989*, с. 60, 61].

тельские затеи 1674–1675 гг. (рудные разведки с расчетом на перенос их результатов в сферу практической металлургии) выглядят случайным, не имеющим ни корней, ни последствий эпизодом, если брать их вне контекста широко развернувшейся в России 60–70-х годов XVII в. компании по поиску руд металлов, в первую очередь серебра. Чтобы понять, что вызвало предпринимательский ажиотаж, и представить место в нем Виниуса, необходимо хотя бы коротко остановиться на событиях более раннего времени.

Приводимые ниже сведения, касающиеся истории поисков серебра в России XVII в., не являются общим очерком этой истории. Мы выделяем лишь те ее эпизоды, которые либо непосредственно связаны с деятельностью Виниуса, либо помогают уяснить обстановку, в которой она развивалась.

3.1. Из истории поисков серебра в России в XVII в.

В историю серебра на Руси яркой страницей впечатаны московские события 25 июля 1662 г., за которыми закрепилось название “Медный бунт”. В их контексте слово *серебро* и производные от него присутствуют среди ключевых. Бунт еще раз показал, насколько нужен государству собственный источник монетного серебра. Впрочем, понимали это и раньше, в связи с чем предпринимали неоднократные попытки его отыскать и начать добычу.

Поисками серебра в начале 60-х годов XVII в. руководил Приказ тайных дел. В период, непосредственно предшествовавший московским беспорядкам, разведочные работы велись весьма активно. 16 мая 1661 г. для поиска руд “на Канин Нос и в иные места” был отправлен дьяк Василий Шпилькин. В Сольвычегодске он должен был получить имевшего поисковый опыт рудознатца, на Двине – подъячего, еще одного рудознатца, “и иное, что к тому делу, ...безо всякого мотчанья”. Аналогичное задание излагалось в грамотах, посланных в Кевроль и на Мезень. Осенью того же года в Олонце серебряную руду искал посадский человек Семен Горбов “с товарищи”; поиски, в которых ему помогал пушкарь Лежнев, велено было продолжить по весне. 26 октября с той же целью под Арзамас в с. Шерстино на р. Пьяне был отправлен стольник князь Иван Дашков. 20 апреля следующего, 1662 г. Никите Бунину с обоянским подъячим Екимом Боевым и прапорщиком полка генерал-поручика Николая Бовмана (Баумана) Иваном Соколовым велено было “ехати на Орел, где укажет подъячей”, взять пробы и “прислать к Москве... для опыту серебряные руды” [*РИБ XXI*, стлб. 162, 559, 988, 1001, 1005, 1010].

На фоне перечисленного обращает на себя внимание запись в черновой переписной книге документов Приказа тайных дел

1676 г. В ней описан столбец, включавший отпуск грамоты в Тульский уезд к Кириллу Арсеньеву, о котором сказано, что он “сыскивал” на Туле “серебряной руды” [*РИБ XXI*, стлб. 144]¹. Сама грамота не сохранилась или не выявлена. В переписной книге ее дата отсутствует, но судить о ней позволяют граничные даты документов, составлявших столбец: 1 сентября 1661 г. – 31 августа 1666 г. Этот интервал можно существенно сузить, ограничив датами 12 мая 1662 г. – 11 ноября 1664 г., на более ранний и поздний срок сохранились записные книги приказа, имя Арсеньева в которых отсутствует.

Можно предполагать, что поиски серебряной руды, проводившиеся в Тульском уезде в 1662–1664 гг., а возможно, и раньше, дали обнадеживающие результаты. Во всяком случае, 23 ноября 1661 г. на Тулу и в Тульский уезд к Абраму Игнатьеву с дачей подвод “наскоро” был отправлен некто Андрей Новгородский из полка упомянутого Николая Баумана. Записная книга Приказа тайных дел зафиксировала отправление туда же грамоты о посылке с ним книги, “по чему плавить серебряные руды” [*РИБ XXI*, стлб. 1002].

След прибывшего на Тулу Андрея Новгородского находим в переписной книге стольника Афанасия Фонвизина по Тульским (Городищенским) и Каширским заводам, составленной по результатам их обследования в 1662 г. В описании осмотренного 7 декабря 3-го завода (недействовавшего с 1655 г.) читаем: “Пушечной онбар, длиннику 10 саж., поперег 7-ми саж., а в нем зделано вновь 4 печи к плавильному делу серебряные руды”. Далее сообщается о находившемся там же гранатном амбаре и двух избях – “а в тех избях и в онбаре живут енералова полку Болмона порутчик Ондрей Новгородцкой с салдаты для руды серебряные по наряду из Приказу великого государя тайных дел” [*КМР I*, с. 25].

Это сообщение исключительно интересно: перед нами одно из первых (если не первое) описание сереброплавильного завода позднесредневековой Руси.

Выбор места для его строительства был не случаен. Заводы Марселиса и Акемы (Городищенские в том числе) с 1658/59 г. по

¹ Анализ родословной росписи Арсеньевых выявляет четверых представителей этого рода с именем Кирилл, живших во второй половине XVII в. Наиболее вероятным претендентом на роль изыскателя тульской серебряной руды является, на наш взгляд, московский дворянин Кирилл Юрьевич Арсеньев, сведения о котором охватывают период до 1686 г. Выделяет его то обстоятельство, что, будучи связанным с Тулой, он прежде уже участвовал в поисках благородных металлов: посылался в Великую Пермь на поиск золотой руды. Из рассмотрения нельзя исключить и стольника Кирилла Мартемьяновича Арсеньева, рядчика в драгуны ефремовских детей боярских в 1659 г.

25 мая 1661 г. находились в ведении Приказа тайных дел (по другим данным, до декабря 1660 г.), откуда были переданы в ведение Оружейной палаты [КМР I, с. 249]. В приказе несомненно знали, что 3-й Городищенский завод с середины 50-х годов “запустел”. Размещение опытного производства на его площадке представлялось весьма удобным:

– соседство с действующими, с хорошо отлаженным производством, заводами (Городищенскими 2-м и 4-м) облегчало обеспечение нового завода сырьем (уголь), стройматериалами, нестандартным оборудованием;

– при всех отличиях технологий технический опыт специалистов Городищенских заводов мог оказаться полезным и для экспериментального производства (тем более что специалист-плавильщик на сереброплавильном заводе отказной книгой 1662 г. он не упомянут; не упомянут он и при А. Новгородском – тот едет в Тулу не с мастером, а с книгой);

– неисправность плотины 3-го завода (ее вешняк “во 166-м году вешнюю водою подмыло и все испортило и после того не делано” [КМР I, с. 25]) не могла существенно помешать работе завода сереброплавильного: технология получения серебра не требует обязательного вододействия.

Уверенность в близком успехе и рудознатцев, и тех, кто финансировал их изыскания, была, как убеждаемся, настолько сильна, что дело не ограничилось устройством опытного сереброплавильного горна – оно было доведено до строительства перерабатывающего завода, имевшего четыре печи. Не потому ли правительство так легко пошло на введение в оборот медной монеты и не только не беспокоилось об укреплении доверия к ней населения, но, напротив, допустило действия, провоцировавшие недоверие, не потому ли, что ожидало в ближайшее время пробуждения нового источника воистину драгоценного серебра? Источника, способного при необходимости компенсировать социальное напряжение, возникновения которого вполне можно было ожидать при появлении монеты, изготовленной из непривычного для России монетного материала. При наличии достаточного серебряного запаса можно было не опасаться падения курса медной монеты – свободный, по неизменному курсу осуществляемый обмен меди на серебро легко мог его удержать.

А.А. Виниус, который в начале 60-х состоял в гостинной сотне и один, без помощи отца (к тому времени умершего), без достаточного опыта и связей, занимался торговой деятельностью, наверняка хорошо запомнил обвал финансовой системы и беспорядки, им порожденные. Можно предположить, что пережитые при этом волнения, ощущение нестабильности, резко возросшие

в связи с ней коммерческие риски и подтолкнули его к радикальной смене деятельности: к решению о переходе на государственную службу.

А правительство бунт подвигнул обратить еще большее внимание на поиски месторождений серебра. После получения известия о рудах к югу от Катайского острога, в районе рек Большая и Малая Тасма (Тесьма), в Южное Зауралье одна за другой посылаются группы для его проверки. В 1669 г. 10 пудов руды накопал здесь отряд во главе с сыном боярским Федором Фефеловым, в следующем году еще 60 – работники, которыми руководил сначала стольник Петр Годунов, а позже стольник Михаил Селин. Добытую руду отправляли в Москву и там испытывали. В мае 1671 г. Селина с плавильным мастером, иностранцем Христианом Дробышем (ранее испытывавшим присланную руду в столице), и сопровождавшими их людьми, всего 13 человек, послали для проведения плавов непосредственно у места добычи. В Верхотурье отряд увеличился приблизительно до 300 человек, включив в свой состав подъячего “для письма”, 100 работных людей и не менее 180 рейтар и драгун, обеспечивавших охрану [Курлаев, с. 121–123]. “На иноземские расходы” Селину велено было выдать 25 ведер вина “горячего простого”, а “для рудного дела” еще 4 ведра вина “двойного” [ДАИ VI, № 24, с. 157]. Но хорошо подготовленная экспедиция окончилась безрезультатно – серебра в ходе плавов выделить не удалось и мастера повернули в Москву. Однако уже в следующем, 1672 г., работы здесь были возобновлены под руководством посланного в Катайский острог думного дворянина Якова Тимофеевича Хитрово, причем в еще большем масштабе: при нем поисковый отряд достиг тысячи человек, получил 5 пушек. Вблизи места добычи была поставлена небольшая крепость – первое русское поселение в этих краях. Работы продолжались еще два года. Обнаружили железную руду и слюду, но руды серебряной по-прежнему не было. Только в декабре 1673 г. работы было решено свернуть, построенный городок оставить и сжечь. Основная цель экспедиции достигнута не была. Надежды на изобильные “прибытки” вновь обернулись напрасными расходами: по словам летописца, “государевой казне великая тщета и гибель учинилась” [Курлаев, с. 123–125].

И все же по меньшей мере в одном отношении напрасны эти труды оказались не совсем напрасными. В литературе уже отмечался всплеск предпринимательского интереса к горнорудному делу, пришедший на середину 70-х годов XVII в. [Курлаев, Манькова, с. 228]. Формирование его трудно не соотносить (по крайней мере, отчасти) с недавним вниманием к этой сфере в государственных учреждениях.

3.2. А.А. Вinius – организатор разведки месторождений цветных и драгоценных металлов

Одним из предпринимателей, в деятельности которых проявился упомянутый “всплеск интереса”, был А.А. Вinius.

Как уже говорилось, превратившись в дипломата, торговую деятельность он не оставил. Не потеряло для него привлекательность и промышленное предпринимательство. Первая известная нам попытка Виниуса заняться им связана с организацией экспедиции за серебряной рудой в места по рекам Волге и Каме.

Исходной точкой, от которой начинается ее история, уместно считать возвращение Виниуса из Испании, откуда он в начале 1674 г. “для образцов вывез... самую добрую золотую и серебряную руды” [47, л. 6]. Последовавшие за этим события тесно связаны с надеждами и разочарованиями предыдущих поисков.

Привезенную руду Вinius показал вологжанину, посадскому человеку Якову Галактионовичу Галкину и даже рискнул выделить ему ее часть для опытной плавки. Галкин с товарищами руду проплавил, серебро из нее получил, чем не только засвидетельствовал высокое качество этой руды (из трех ее золотников был получен золотник “чистого самого серебра”), но, что для Виниуса, возможно, было даже важнее, на практике продемонстрировал свое умение извлекать из руды металл. Тогда же Галкин заявил, что в 179 (1670/71) г. видел привезенную с месторождения в 40 верстах от Пензы руду, которая “видом той гишпанской руде гараздо подобна”. Подобие ограничивалось внешним сходством – “опыту он, Яков, той пензенской руде не чинил”. Кинулись ее искать, но в приказах не обнаружили.

Обратим внимание, что, если бы не уверенная привязка Галкиным старой руды к Пензе, можно было бы предположить, что три года назад он видел образцы, отправленные из Зауралья Селиным. В этом случае находит объяснение безуспешность позднейших поисков руды “по приказам” – полученные тогда образцы, вероятно, полностью переработали (точно известно, что селинскую руду испытывали). Но Галкин настаивал, что виденная руда – именно пензенская.

Не найдя образцов, плавильщик духом не пал. Он подал челобитную (не позднее 26 июня 1674 г.), в которой попросил выдать из Приказа тайных дел грамоту, “чтоб ему, Якову, с товарищи (имена их не названы. – *И.Ю.*) на Пензе и во иных местах и городех, где он чает серебряной и иным рудам (упомянуты руды золотая и медная. – *И.Ю.*) быть, искать было невозбранно”. Царского жалованья “на подъем” Галкин не просил. После серии несколько лет финансировавшихся из казны весьма затратных и окончившихся полной неудачей проектов – от Тулицкого серебропла-

вильного завода до экспедиции Я.Т. Хитрово – рассчитывать на энтузиазм государства в этом вопросе было нереалистично. Кроме того, козырей для возбуждения энтузиазма у Галкина не имелось – помимо внешнего сходства с образцовой, ничего о пензенской руде известно ему не было. Поэтому он и ограничился просьбой о пожаловании “за всякие их издержки и протори в то время, как он, Яков, с товарищи в коих местах добрую и прибыльную... руду сыщут”. Заметим, кстати, что в его планах (причем публично объявленных) решение сравнительно простой (во всяком случае, на первый взгляд) задачи – проверить сведения о месторождении горной породы, внешне подобной серебряной руде, – уже в это время переросло в неизмеримо более масштабный план полевых изысканий, не ограниченных ни местом (в челобитной оно не указано), ни объектом поиска (в заявку “забиты” руды сразу трех наиболее ценных металлов) [ДАИ VI, № 24, с. 158–159]. Если он, опираясь на изветчиков, действительно намеревался заниматься разведками (в чем, как видно из дальнейшего, есть основания сомневаться), то подготовка сетей на рыбу всех калибров представляется вполне разумной. Сведения от информаторов носили случайный характер, но, не гарантируя обнаружения конкретно серебряной руды, они рано или поздно вполне могли навести на что-то полезное. Было бы неразумно упускать удачу, в каком бы обличье она не явилась.

В том же 1674 г. Галкин подал еще одну челобитную, в которой сообщил, что грамоту “для сыску *всяких* руд во *все* государство” из Приказа тайных дел получил, но в ней оказались не отражены некоторые детали, важные для успеха дела. Он просил дать ему новую, причем теперь уже из Посольского приказа, грамоту с указанием имени одного из своих “товарищей” – Семена Афанасьевича Захарова – и пензенских изветчиков – соборного попа Луки Стефанова и его духовных детей Михаила и Якова Образцовых, которым без этого “извещать и рудные места, где лежат всякие руды, объявлять опасно”. Он упомянул одно конкретное место, с которым связывал поисковые работы – оказывается, названные изветчики “в прошлых годах посылаемы были с Пензи для руды на Макъшанския вершины в степь” [ДАИ VI, № 24, с. 159–160].

И такую грамоту Галкин получил. По его просьбе в нее вписали имена изветчиков, которым предписывалось ехать с ним в ту “посылку” “для сыску прямой серебряной руды... и указыванья мест”. Только для священника (попа Луки) распоряжение Посольского приказа не обладало распорядительной силой – требовался указ и благословение патриарха. Из Посольского приказа в Патриарший разряд 16 декабря 1674 г. была послана память, в ответ на которую патриарх Иоаким указал отправить Луку по за-

просу. Но изветчика почему-то все не было, и Галкин жаловался в новой челобитной, поданной на рубеже 1674 и 1675 гг., что “та посылка (отправка экспедиции. – *И.Ю.*) за ним остановлена”, просил еще раз обратиться в Патриарший разряд, “чтоб за тем того великаго дела в сыску помешки и остановъки не было”. Только после того как 10 января 1675 г. туда была отправлена повторная память, пензенский поп, наконец, появился в Посольском приказе, где под расписку был передан Галкину [39, л. 4, 5, 8]. Можно было отправляться в путь.

В изложенных выше событиях роль первой скрипки неизменно играл вологодский посадский человек Яков Галкин. В ближайших абзацах она перейдет к Андрею Виниусу. Самое время задаться вопросом о мотивации столь энергичной деятельности будущего компаньона Виниуса на nive рудного сыска. Мотивов могло быть множество, перечислить несколько вероятных большого труда не составляет. Укажем, однако, на один – не очевидный, но, кажется, в тот момент для Галкина весьма значимый.

Собираясь в дорогу, вологодский посадский обзавелся еще одной грамотой, которая многое в его действиях объясняет. Оказывается, на его отца Галактионе Иванове имелся казенный долг: в 161 (1652/53) г. он поручился в Приказе Большой казны по устюжанине Василии Бухрякове и вологжанине Федоте Ермилине с товарищи в пяти поруках. Долг перешел на Якова и его братьев. Похоже, или никакой надежды у сына выплатить его не было, или за 20 лет он привык постоянно жить с долгом и уже не собирался его возвращать. В любом случае, время от времени требовалось предпринимать действия, временно защищавшие от законного преследования. На этот раз таким действием стало участие в проекте, представлявшем интерес для казны, что позволяло просить об отсрочке применения обычной процедуры взыскания долга. На основании челобитья Галкина такая отсрочка была ему предоставлена: указом из Посольского приказа в Приказ Большой казны от 26 февраля 1675 г. было велено взыскание “отсрочить, и в том его, Якова, и братьей его, и порутчиков волочить и убытчить, и дворов и лавок их на Москве и на Вологде ценить и продавать не велено, покамест он от рудного приску свободится” [ДАИ VI, № 24, с. 164].

В документах, использованных в рассказе об описанных выше событиях, имя Виниуса мелькнуло пока только однажды – в связи с испанской рудой. Первоначальные прожекты предприимчивого вологжанина его (Виниуса) участия не предполагали. Нам не известно, Галкин ли планировал обойтись без Виниуса или Виниус некоторое время не решался с ним связываться. Совершенно очевидно, что тесные контакты Галкина с Посольским приказом, отраженные в сохранившихся его челобитных и грамотах,

данных ему этим учреждением, не могли оставаться неизвестными Виниусу, в нем служившему. Незаметно от Виниуса “проверить” это дело ему не удалось бы. Напротив, Виниус, будучи осведомлен о планах вологжанина, оставаться в стороне от этой затеи мог, безусловно, сколь угодно долго. Далеко не очевидно, что для него эти планы были привлекательны настолько, что он был готов вложить в них свои достаточно ограниченные средства. Казенной финансовой поддержки проект не имел, в содержательном плане был не проработан: надежда опиралась исключительно на воспоминания Галкина о событиях 3-летней давности. Несомненно, Виниус отчетливо ощущал исходящий от затеи аромат авантюриности. И все же решился рискнуть.

С просьбой о выдаче какой-то грамоты, касавшейся рудоискательских дел, Виниус обращался в Посольский приказ еще в 1674 г.² Не позднее 24 февраля 1675 г. сюда поступает новая его челобитная, которая содержит несколько иное, чем в галкинских прошениях, изложение предшествующих событий и интересно позиционирует челобитчика.

Виниус начинает с напоминания об образцах “самых добрых” серебряных и золотых руд, вывезенных им из посольской “посылки” с целью “великому государю послужить”. Далее сообщает, что “против тех образцов” за собственный счет они с Галкиным подобные руды “искать посылали”. Поиски оказались не напрасными: “В той... посылке на неких местах по рекам по Волге и по Каме сыскали признаки медные руды”. *Медные!*

Этот дискриптор – точка, активизирующая диверсификацию дальнейших событий. Версия № 1 описывала будущее развитие их в случае, если руда окажется серебряной или золотой. Ее содержание в основных моментах раскрыто в изложенной выше переписке с приказами Галкина. Медное качество руды запускало совершенно иной сценарий. В этом случае Виниус просил дать ему разрешение “против образцов иноземцов Петра Марселиса³

² В резолюции, наложенной на его челобитную 24 февраля 1675 г., упоминается “прежнее челобитье, что бил челом он же... в октябре месяце”; отмечено, что оно касается общего дела с последней челобитной, и приказано грамоту на первую просьбу не давать “для того, чтоб на одно дело не было двух указов” [ДАИ VI, № 24, с. 162].

³ П.Г. Марселис, компаньон, позднее конкурент А.Д. Виниуса, после него владевший Тульскими и другими заводами, умер 6 июля 1672 г. [КМР I, с. 251, 282]. 15 марта 1674 г. жалованная грамота на заводы была дана его сыновьям Петру, Гавриле и Петру Меньшому. Вскоре братья и мачеха Анна произвели полюбовный раздел, согласившись с тем, чтобы заводами и приписанной к ним Соломенской волостью владеть одному Петру Петровичу старшему. 22 августа 1674 г. А.С. Матвеев распорядился о переписке жалованной грамоты на его имя [КМР I, с. 298, 299].

да Еремея фан дер Гатена⁴ с ним Яковом Галкиным... на тех назначенных местах и по иным местам, где медную или иную какую руду (кроме золотой и серебряной руды) обыщем, нам своими проторями заводы заводить” [ДАИ VI, № 24, с. 161–162]. То есть если в первом варианте речь шла исключительно о проведении геологоразведочных работ, то во втором – разведка минерального сырья выступала в качестве этапа, предшествующего созданию предприятия по его переработке. Но, видимо, с разведанным месторождением медной руды не все было ладно, да и не исчезли надежды на руду более ценную... Виниус не сбрасывает со счета и первого сценария. Указав на грамоту, полученную Галкиным из Приказа тайных дел (значит, действительно, на начальном этапе вологжанин действовал без него), он сообщает, что “с тою... грамотою он, Яков, в то время для сыску не поехал”. Зато по посылкам из Разряда ездил жилец С.А. Захаров, участие которого в проекте по этой причине очень важно: “По многим местам ездя, к тому делу он признался”. Между тем Захарова, как выяснилось, собирались отправить в Киев. Виниус, которому он “к тому сыску” был “годен и надобен”, пытался его отстоять, указывая, что для государевых “различных его дел от той службы некоторые ево братья переменены”. Виниус просил послать его и Галкина для сыска золотой и серебряной руды “во все города Московского государства”, а с ними послать Захарова, который “к тому делу имеет радение великое” и, разумеется, извечников – попа Луку, Образцовых и “тех людей, которые в прошлых летех посылаемы на Мокшинские

⁴ Личность Еремея фан дер Гатена была известна Виниусу еще по строительству корабля “Орел”. 3 марта 1669 г. фан дер Гатен подал извет на капитана Д. Бутлера, обвиняя его в том, что он задним числом пересоставил контракты с нанятыми в команду лицами, включив в них “лишние деньги”, что переделал точно так же “заморские росписи” в покупке корабельных снастей, припасов и парусных полотен, что одного сару (матроса) нанял в Москве, а оформил будто бы в Амстердаме и, наконец, что Бутлер пишет себя капитаном, не имея на то паса (диплома) и опыта: “На караблях нигде не бывал и карабелное дело ему не за обычай”. Бутлер почти все подтвердил, спорил лишь с утверждением об отсутствии опыта: он якобы “хаживал на море на караблях во Французское и в Испанское и в Аглинское государства и в Восточную Индию, и был начальным человеком и ход морской ему за обычай”. Бутлеру было приказано “писатца прежним чином, а не капитаном”, но после жалостливых просьб (“покиня в Амстердаме жену и детей, приехал к Москве” и т.д.) царь его простил и “пожаловал: велел его писать капитаном” [ДАИ V, № 47, с. 265, 266, 269]. Переводчик Виниус, вполне вероятно, что-то из этого переводил.

По смерти П.П. Марселиса старшего (9 августа 1675 г.) Е. фан дер Гатен разбирал его деловые бумаги и выступал ответчиком в исках по его долгам [47а, л. 1; 45, л. 1–5]. (Благодарим Т.А. Лаптеву за указание источника, в котором приведена последняя дата.)

вершины”. В случае обнаружения золотой и серебряной руд обещал извещать о находках “без всякие утайки”. Если же случится найти “иные руды, кроме золотой или серебряной, или какое камень, или слюду, или краски”, просил повелеть “теми местами владеть” ему и Галкину, “и на тех местах заводы заводить” [ДАИ VI, № 24, с. 161–162].

Виниус останавливается на разного рода частностях, важных для обеспечения нормальной работы экспедиции: просит, чтобы их группе разрешили работать на землях, независимо от их принадлежности, чтобы им давали изветчиков и “окольных людей” в понятие, чтобы повсюду их и их людей без задержки пропускали, чтобы изветчикам за их радение была обещана государева милость, чтобы при необходимости ехать в степные места им давали “для береженья” служилых конных людей, а для путешествия “водяным путем” – “суды” и гребцов, чтобы не брали пошлин, чтобы предоставляли ямские подводы (за их прогоны), чтобы нигде, кроме Посольского приказа, не судили и т.д. В целом пакет его просьб перекликается с тем, которого добивался в своих челобитных Галкин, но у Виниуса этот раздел отличается большей детализированностью. И, конечно, тем, что субъектами пожалования в данном случае выступает не Галкин с абстрактными товарищами, а Виниус и Галкин, причем именно в такой последовательности имен компаньонов [ДАИ VI, № 24, с. 161–162].

Возможно, ответом на эти просьбы Виниуса явилась упоминаемая в более позднем документе жалованная грамота, выданная Виниусу и Галкину из Новгородского приказа. В ней компаньонам, в частности, давалось разрешение, в случае обнаружения руд (кроме золотой и серебряной), красок, слюды и “узорочного” или простого камня, соответствующими местами “владеть им и на тех местех заводы и промыслы заводить” [126, л. 50].

Подробный перечень прав и льгот, по просьбе Виниуса предоставленный участникам экспедиции, оговорен в проезжей грамоте, данной Виниусу и Галкину 8 марта 1675 г.⁵ Этот перечень использовался позднее в качестве образца при составлении проезжих грамот, выдававшихся другим “охотникам”, решившим заняться “рудным сыском”.

⁵ Помимо публикации в “Дополнениях к Актам историческим” [ДАИ VII, № 10, с. 55–56], где она воспроизведена по несколько сжатой по отношению в оригиналу выписке, укажем известные нам рукописные тексты этого документа: черновик [40, л. 1–8] и более позднюю копию [126, л. 47–51], содержащую немало разночтений с прочими текстами.

В дальнейшем грамоту от 8 марта 1675 г. компаньоны считали одним из основных связанных с их экспедицией документов и не раз на нее ссылались. В ней перечислено едва ли не *максимально возможное* число прав, которые государство без заметного ущерба своему интересу, могло предоставить группе частных лиц, на собственный страх и риск решивших заняться разведкой природных богатств. В грамоте сказано, что Винус, Галкин и Захаров посланы по городам и уездам “для сыску и опыту серебряные и золотые и иных всяких руд”, причем об их инициативе в деле не упоминается, что превращает их в исполнителей казенного поручения. “В сыску” руд приказано не только давать им “всякую поволность” – предписано активно им помогать: предоставлять извetchиков, транспорт, охрану, не брать с них постоянного, пошлин при пользовании мостами и перевозами. На период работ компаньоны изымались из ведения местных властей: бить челом на членов экспедиции допускалось только в Посольский приказ. Под угрозой пени и наказания, запрещалось чинить компаньонам “помешку или оstonовку, и обиды, и иную какую противность”.

Хотя в тексте документа он назван *проезжей* грамотой, в нем затронут аспект, к режиму перемещения отношения не имеющих, но весьма важный в стратегическом плане: указано, как должны развиваться события, если поиск окажется успешным. Сценарий зависел от характера найденного. В случае обнаружения золотой или серебряной руд предлагалось изучить месторождение более подробно: установить характер залегания, мощность пласта и проч. После этих исследований (можно полагать, довольно трудоемких) в Посольский приказ, на имя боярина А.С. Матвеева и дьяков думного Г. Богданова и И. Евстафьева, следовало отправить отписку, “в котором городе и уезде какая золотая и серебряная руда объявится, и сколько ее чаять будет, и как лежит, и чаят ли быть ей прочно”. О разработке месторождения не говорится – все пойдет, “как о том... великого государя рудокopном деле промысл учинится”, из чего заключаем, что, во всяком случае, компании этот вопрос не касался.

Иные последствия влекло обнаружение других полезных ископаемых. Где бы ни были они найдены – “на наших, великого государя, или на помещиковых, или вотчинниковых землях”, этими “рудами, и красками, и слюдными месты, и где какое каменье обыщут”, разрешалось “владеть им, и на тех местех заводы и промыслы заводить им же, Андрею и Якову, поволно” [126, л. 49 об.–50]. Об условиях заведения и эксплуатации не говорится. Но главное сказано – ископаемые богатства, кроме золота и серебра, разрабатывать разрешено.

В предоставлении перечисленных льгот и прав определенную роль сыграли, несомненно, связи Винуса, сформировавшиеся за годы работы в Посольском приказе. По-видимому, не обошлось без них и при получении новой жалованной грамоты, от 19 мая того же 1675 г., содержащей еще одну “порцию” льгот. В ней подробно рассмотрены условия разработки “разрешенных” ископаемых: руд, красок, слюды, камня и серы [47, л. 5–15].

Остановимся на двух затронутых в ней аспектах.

Первый касается мотивировки предоставления льгот. Находим ее в челобитной Винуса, подробно изложенной в указе, в ответ на нее данном. Приведено несколько аргументов. В первую очередь говорится о “великой славе”, которая в случае успешного завершения дела учинится “царского величества... имени”. Поскольку челобитчик сразу обращается к экономическим вопросам, из пределов которых в дальнейшем не выходит, можно предположить, что эту славу он связывает с предрекаемым им “всеми нашему Московскому государству” “великим пополнением”. В доказательство неголословности последующих рассуждений Винус приводит примеры государств, уже обогатившихся на пути, которым он предлагает пойти: “Многие государства, как Цесарское, Чешское, Гишпанское, Аглинское (sic) и Свейское и прочие многие земли, вящие свои доходы и богатства получают от заводов рудокопных дел всем во всякой повольности, хто какие руды обыщет. А Свейская де земля наибольшей свой доход точию от меди да железо имеет и тем богатитца”. Далее разъясняется экономический механизм, благодаря которому возникнет обещанное. Успех экономической политики автор отождествляет с увеличением поступающей в казну прибыли, причем прежде всего в виде монетного металла: благодаря задуманным им мероприятиям в “казну серебра учинитца немалой приход, и в нашем, великого государя, Росииском государстве денгам изобилие”. Серебряный дождь прольется благодаря двум взаимосвязанным причинам. Во-первых, изобилие в стране железа и меди приведет к тому, что расплата ими за русские товары, закупаемые иноземцами, станет невозможной – следовательно, в страну потечет серебро (“В том прибыль великая нашей государской казне, что всякие иноземцы, которые преж сего за русские всякие товары давали медь и железо, увидя в нашем Московском государстве меди и железа довольство, и в малой цене учнут те им надобные русские товары покупать на ефимки”). Во-вторых, русская медь сама станет предметом экспорта (“А которая де медь в нашем Московском государстве за нашим, великого государя, обиходом будет в лишке, и тое медь или иные плавленные руды учнут русские люди иноземцом продавать на ефимки же” [46, л. 4–5; 47, л. 8].)

Приведенные рассуждения представляют собой прогноз последствий развития в России горнометаллургической промышленности, выполненный на основе экономических идей меркантилизма. Эти идеи – богатство определяется количеством находящегося в стране золота и серебра, привлекать их следует формированием активного торгового баланса, для развития экспорта нужно развивать промышленность – хорошо известны по трудам Т. Мена, Дж. Локка, Р. Кантьона и других авторов. Как видим, Виниус не только знаком с этими идеями – он усвоил их настолько прочно, что выдвигает основанные на них проекты, весьма амбициозные и по задачам, и по подходам к их решению. Идеи документа шире той конкретики, по поводу которой высказаны. Виниус, мысля “по-государственному”, рецепты государственного благополучия ищет в трудах представителей первой теоретической школы периода формирования рыночных экономических отношений.

Второй аспект, привлекающий внимание в этой жалованной грамоте, – сведения об объеме и содержании устанавливаемых ею льгот.

В челобитной, инициировавшей жалованную грамоту от 19 мая 1675 г., Виниус перечисляет условия, на которых П. Марселису и Е. фан дер Гатену было разрешено промышленное освоение месторождений медной руды в Олонецком и Пустозерском уездах, а именно в Фоймогубской волости (Шунгского погоста, Олонецкого уезда), на реках Цильме, Пижме (притоках Печоры) и “в Пустозерье”. Сравним их с условиями, определенными 19 мая для Виниуса.

Некоторые из них совпадали с теми, в которых работала компания Марселиса и фан дер Гатена, но другие, причем важные, оказались ощутимо хуже. Неизменной осталась длительность урочных лет – времени безоброчной и беспошлинной эксплуатации новозаведенного предприятия. Для обеих компаний она устанавливалась продолжительностью в 20 лет. Но в грамоте, данной Виниусу, урочные годы предлагалось “считать с того времени, как они где подлинные руды сыщут” [47, л. 9]. Последнее подталкивало к скорейшему освоению разведанных месторождений, что, будучи выгодным для государства, могло противоречить интересу частного предпринимателя. Подобно Марселису с фан дер Гатеном, Виниус получил право “повольной” продажи оставшейся от поставки в казну меди “по городом и за рубеж Московского государства”. Разрешалось реализовать медь иностранцам за валюту, но ее предписывалось сдавать в казну для обмена на русские деньги по курсу полтина за ефимок. Продажа меди “на сторону” облагалась пошлиной в

соответствии с действовавшим налоговым законодательством. Марселиса и фан дер Гатена пошлину “с продажные меди” обязали платить “против иных иноземцов своей братьи” (без указания конкретного нормативного акта); компанию Виниуса – по торговому уставу [47, л. 10, 14].

Но в ряде пунктов условия для старой и вновь создающейся компаний различались существенно. Один – касался поставки меди “про государев обиход”. Обе фирмы должны были поставлять ее столько, сколько запрашивала казна, без платы пошлины, но с убавкой против продажной цены, но если Марселиса и фан дер Гатена обязали сбросить 25 коп. с пуда, Виниуса – вдвое больше. Второй – касался условий эксплуатации завода по истечении безоборочного и беспошлинного 20-летия: Марселис и фан дер Гатен должны были платить с каждой плавильной печи в год по 100 руб., Виниус – по 150.

Итак, компании в главе с Виниусом предстояло действовать в менее благоприятных условиях, чем компании Марселиса и фан дер Гатена. Но могло ли быть по-другому? Виниус предпринял попытку развернуть предпринимательскую деятельность в сфере, монопольное положение в которой занимал сравнительно узкий круг предпринимателей-иноземцев, не желавших расширения этого круга. Поскольку Виниус начинал свою компанию под флагом поиска месторождений драгоценных металлов, прочие же ископаемые шли, так сказать, дополнительным списком, у него были основания надеяться на поддержку его инициатив государством – оно остро нуждалось в серебре, однако после неудачи экспедиций 1669–1673 гг. опасалось вкладывать в его поиск собственные средства. Но челобитная, инициировавшая грамоту от 19 мая 1675 г., в первую очередь касалась промышленного освоения месторождений других, не серебряных руд. Сосредоточивая внимание на этой сфере, Виниус не был уверен в поддержке правительства. Отсюда – пространные, с указанием на пример других государств, рассуждения о важности развития металлургии. Отсюда же – идущие от самого Виниуса предложения более выгодных для государства условий эксплуатации заводов, чем некогда добились для себя Марселис и фан дер Гатен. Но из двух действительно важных уступок одна касалась ситуации, в которой заводы должны были очутиться не скоро – через 20 лет. И лишь вторая – снижение отпускной цены металла, поставляемого в казну, – с самого начала затрагивала доходность предприятия. Но, можно полагать, Виниус не исключал возможности, что со временем эти условия удастся откорректировать в направлении, приближающем их к тем, что действовали для компании Марселиса и фан дер Гатена.

Но в грамоте Виниусу от 19 мая перечислен еще целый ряд прав и льгот, отсутствовавших у конкурентов.

1. Льготы, связанные с правом ведения хозяйственной деятельности, а именно

– добычи руд:

Разрешено “рудные мельницы ставить, и медь и железо или иные какие руды и серу горячую сыщут, плавить, лить и ковать во всякое дело и мастерство”. “На то рудокопное дело дрова на уголье и лес на строенье” сечь из “государских лесов”. В случае обнаружения руды на поместных, вотчинных и монастырских землях, разрешено “наймывать” их на оброк;

– переработки руд:

Позволено “заводы зоводить и построить, и руды плавить, и ковать и делать своими наемными людьми и протори”. Перечислены условия эксплуатации заводов как медеплавильных (см. выше), так и железоделательных, как в течение, так и по истечении урочных лет (в частности, с тех железных заводов после безоброчных 20 лет, оброк “имать” в государеву казну, “почему емлют з железных заводов у иноземцов у Петра Марселиса да у Филимона Акемы”).

Предусмотрена возможность передачи в частные руки (компании Виниуса) объектов незавершенного казенного строительства. Во всяком случае, именно так может быть интерпретирован следующий текст: “А которые в прошлых летех были заведены их великого государя медные рудокопные заводы, а те заводы ныне буде лежат впусе – и на тех местех заводить им, Андрею и Якову; и как в тех заводах дойдут какие подлинные руды, и плавильные печи зделают, и учнут руду плавить, и в дело пойдет, и заводы построит – и в то время им, Андрею и Якову, заплатит в их, великого государя, казну в Новгородской приказ прежние протори все сполна, что на те заводы и для тех заводов дано в расход ис их, великого государя, казны денег и иных каких расходов” [47, л. 10, 11]. Передавая право достроить завод на частично уже обустроенном месте, казна обретала надежду возратить понесенные затраты. Для Виниуса возможность получить уже обследованное в ходе прежних разведок место также была весьма привлекательна, тем более что процедура расплаты за пользование им оговорена не была.

Наряду с заводами, лежащими “впусе”, не забыты и те, которые “заведены по их, великого государя, указу”, – надо понимать, действующие. Их, за исключением уже отданных Марселису и фан дер Гатену Олонецких заводов, предписано, в случае, если “те заведенные заводы учнут отдавать из оброку челобитчиком, и те заведенные рудокопные заводы отдавать из оброку им

же, Андрею и Якову”. Таким образом, Виниус и Галкин приобретают возможность в случае решения правительства о передаче казенных металлзаводов в частные руки, концентрировать их в одних – собственных – руках.

Очень важно, что права искать и строить грамота от 19 мая предоставляет Виниусу и Галкину как права монопольные: “А в коих городех и в уездех они, Андрей и Яков, по рекам по Волге и по Каме преж их, великого государя, жалованной грамоты признаки медные руды обыскали и впредь в коих местех какие руды или серу обыщут на их царского величества или на помещиковых и на вотчинниковых землях заводы заведут, и *в тех городех и в уездех иным никаким людем никаких рудных заводов не заводить и никаких руд не искать*, чтоб во всяких ссорах тем их заводом не разоритца”. Монополия носила локальный характер – была ограничена городами и уездами, где компаньоны уже “обыскали” “признаки медные руды” или могли “обыскать” их впредь. Но ее предоставление, отражавшее сложившиеся в этой области традиции, воспринималось как свидетельство понимания государством интересов предпринимателей и важное условие их защиты.

Оговорены условия, на которых разрешено добывать *другие* полезные ископаемые – серу, краски, слюду, узорочный и простой камень. Пакет этих условий сформирован по аналогии с условиями, определявшими добычу металлов, но разработан он менее подробно.

Учтена ситуация остановки производственного процесса из-за форсмажорных обстоятельств: “Буде... в урочные годы волею Божию какая поруха и остановка от пожару или от большие воды учинитца, и тех простых лет не зачитать”.

Наконец, затронута проблема, связанная с обеспечением заводов рабочей силой: запрещено принимать на работу мастеровых людей (русских и иностранцев) без письменного отпуска с тех заводов, где они работали прежде.

2. Льготы, связанные с реализацией права собственности:

Определен режим пользования землями и лесами. Если компаньонам к их заводам понадобятся оброчные земли, леса и уголья, боярам, воеводам и приказным предписано перечисленное отводить, Андрею же и Якову с этой недвижимости положено платить оброк “по окладу сполна”. Приблизительно тоже повторено в отношении “порозжих мест на их царского величества землях”, на которых будут заведены заводы и рудники, – эти земли, леса (“на всякое на строенье и на уголье”) и уголья приказано, “описав, отводить им, Андрею с товарищи, и отводные книги присылать... к Москве, а им с тех отводных книг

списки велети давать... впредь для спору и крепости” [47, л. 11, 12, 13].

Разрешено передавать заводы по наследству: быть им за “Андреем и Яковом, и за наследники их бесповоротно и бес перекупки, *чтоб им такие великие заводы заводить было прочно*”. Этот пункт очень важен, поскольку подразумевает, что заводы – собственность их строителей. Если бы такой пункт содержала грамота, данная первым российским заводчикам, на отписку заводов на государя (декабрь 1647 г.) власть, возможно, не решилась.

3. Льготы, касающиеся взаимодействия с государственными учреждениями:

Оговорены условия проезда при проведении геологоразведки, заимствованные в основном из грамоты от 8 марта 1675 г. Воеводам предписано заводы “во всем оберегать”, никаких обид и “помешек” владельцам и их людям “не чинить”; мастеровых людей “отымать” к какому бы то ни было делу запрещено.

Заметим, в заключение, что детализированное (в льготах) изложение в грамоте от 19 мая 1675 г. потребностей изыскателей и заводчиков изобличает весьма основательные познания Виниуса в предмете, к практическим занятиям которым он приступал.

Как всего перечисленного удалось добиться нашему герою, служившему в это время в дипломатическом ведомстве в должности переводчика, получавшему за службу скромное (по меркам предстоящих затрат) жалованье и обремененному служебными обязанностями, нисколько с описанными его планами не соприкасавшимися?

Посольскому приказу и раньше приходилось соприкасаться с горным делом – рудознатцы принадлежали к специалистам, пользовавшимся спросом, их неоднократно приглашали на работу в Россию, персонал приказа с ними взаимодействовал. Непосредственный начальник Виниуса А.С. Матвеев проявлял в это время определенный личный интерес к данной тематике. Он обнаруживается, например, в его отношении к проекту уполномоченного саксонского герцога Эрнста Л. Рингубера, в мае 1674 г. предложившего ему собрание книг и таблиц с разнообразными, в том числе экономическими сведениями о Саксонии, изложившему некоторые идеи, касавшиеся преобразований в России. С Матвеевым обсуждалась, в частности, присылка в Россию различных специалистов – рудознатцев и металлургов в том числе. Учитывая репутацию, которую в качестве центра добычи серебра имела в Европе Саксония, оставить равнодушным эта идея не могла. Не один Виниус, доставивший из Испании образцы руд, получал в это время поручения, касавшиеся

горного дела. В том же 1672 г. с дипломатической миссией в Вену, Венецию и Рим был послан шотландец Павел Менезий, дальний родственник жены Матвеева, урожденной Гамильтон. Помимо прочего, ему поручалось “приговорить” на службу в Россию “рудознатных мастеров самых добрых, которые знают золотую и серебряную руду, человек двух или трех, или четырех”. Отметим, наконец, присутствие в библиотеке Матвеева литературы по минералогии [Романова, с. 116, 121, 112]. Каждый из этих фактов сам по себе не представляет из себя чего-либо особенно выдающегося (кроме, может быть, саксонского проекта), но собранные вместе они показательно маркируют фигуру Матвеева. Во всяком случае, проясняют обстановку, в которой переводчик Виниус без “отрыва от производства” (дипломатического) превратился в организатора и непосредственного участника геологоразведочной экспедиции и получил разрешение превращаться дальше – в частного предпринимателя. Для столь головокружительного метаморфоза недостаточно было попустительства начальства – требовалась прямая поддержка с его стороны. Приведенные факты, похоже, подтверждают, что А.С. Матвеев питал интерес к подобного рода инициативам, что в совокупности с доброжелательным отношением лично к Виниусу и создавало основу для патронажа.

Итак, целого ряда важных условий, необходимых для занятий предпринимательской деятельностью в металлургической сфере, добиться Виниусу удалось. Но сомнения относительно целесообразности погружения в сопряженную с большими коммерческими рисками сферу не покидали. Все расходы по проекту предстояло покрыть из собственных средств. В одной из челобитных (конца мая) Виниус замечает, что “преж сего которые, государь, всяких чинов люди по твоему, великого государя, указу были посыланы для рудных сысков, и тем давано твоего, государева, жалованья на подъем многие деньги”. Не решаясь отступить от заявленного еще Галкиным принципа самофинансирования компании, Виниус решает попросить помощи себе лично. “А твоего государева жалованья мне, холопу твоему, поденного корму ныне по четыре гривны, а кроме того твоего, великого государя, жалованья паместейца за мною, холопом твоим, нигде нет ни единыя четь”. И это – после 12 лет службы в Посольском приказе, о чем Виниус тоже напоминает. Он просит пожаловать его и за приказную “многую работишку”, и “для рудных сысков”: к прежнему жалованью “учинить придачу”, выдать кормовые деньги вперед на два года, “чем бы мочно было подняться”, пока он будет состоять у рудного дела, не велеть его отсылать к иным делам и, наконец, по заверше-

нию дела велеть ему “служить в Розряде с своею братьею московскими дворяны” [40, л. 1–2].

Последний пассаж особенно примечателен. Он демонстрирует неуверенность Виниуса в будущем: тот снова ощущает себя на перепутье, причем наиболее желательный сценарий развития связывает не с дипломатической службой и даже не с промышленным предпринимательством – мечтает о карьере чиновника Разрядного приказа.

Свидетельства тому, что Разрядный приказ мог рассматриваться как более предпочтительное, чем Посольский, место службы, встречаются. Прося в январе 1690 г. выдать им задерживаемое годовое жалованье, посольские дьяки, в том числе несколько месяцев назад возвратившийся в их коллектив А.А. Виниус, упоминают в своей челобитной, что дьякам других приказов оно уже выплачено: “А нашей, государь, братье, дьяком же *розрядным* и иных приказов, которым ваше, великих государей, жалованье наперед сего давано, на нынешней, на 198-й, год выдать велено” [27, л. 1]. Здесь примечательно не только то, что разрядным дьяком выплаты уже произведены (не им, как явствует из текста, одним), – любопытно, что, указывая на прецедент, первым вспоминают именно Разрядный приказ.

Желания Виниуса были удовлетворены только наполовину. 13 июня указом за приписью дьяка Емельяна Украинцева было велено выдать ему из доходов Новгородского приказа кормовые деньги, начиная с 1 июня 1675 г., на год, из расчета по 13 алтын по 2 деньги на день [39, л. 25]. Просьбы о прибавке жалованья и о месте в Разряде остались без ответа.

Недостаток средств для развертывания весьма затратных работ (напомним, что Галкин ввязался в проект, имея 20-летней давности долг перед казной), опасения участников на изыскательской стадии безвозвратно потерять инвестированный ими капитал вынудили их пойти на расширение компании. Сначала основатели допустили в нее торгового иноземца Кондратия Филипповича Нордермана (Норданмана). По просьбе основателей его имя и право на “третью долю” было внесено уже в жалованную грамоту от 19 мая 1675 г. [46, л. 6; 47, л. 9]. А 9 мая 1675 г. приняли четвертого члена: составили и юридически оформили соответствующую запись (договор) с торговым иноземцем голландской земли Вахрамеем Петровым Меллером [47, л. 1–4]⁶.

⁶ В этой записи глухо упомянут и С. Захаров, статус которого в фирме сохранен: «А о жильце, о Семене Захарове, быть по тому ж, как в той же (“в прежней... меж нами Андреем и Яковом со мною Кондратьем”. – *И.Ю.*) записи написано» [47, л. 2]. Характер этого статуса не вполне ясен, поскольку собственного пая в компании Захаров в это время, кажется, не имел.

Последнее имя особенно примечательно. В.П. Меллер⁷ – заводовладелец, унаследовавший через брак с вдовой Ф.Е. Акемы (племянника “первозаводчика”) несколько его подмосковных заводов⁸. Как видим, врываясь в уже сложившийся круг предпринимателей, монополизировавших доменную металлургию России, Винуус, объективно оценивая свои финансовые возможности на этой стезе (весьма ограниченные), искал варианты для приемлемых альянсов, вплоть до привлечения лиц, связанных с некогда главными противниками и конкурентами его отца – представителями кланов Марселисов и Акема⁹.

3.3. Предпринимательский ажиотаж

Активность, проявленная Винуусом и Галкиным, их успехи в борьбе за режим “зеленой улицы” не осталась незамеченными. Их действия открыли новый этап в истории поисковых работ. До Винууса инвестором наиболее значительных проектов выступало государство, шедшее при этом на довольно значительные финансовые риски. Винуус и Галкин взяли за организацию экспедиции, экономика которой базировалась на частном капитале. Государство им не препятствовало и даже отчасти помогало, но

⁷ Как и с фан дер Гатеном, с Вахрамеем Меллером Винуус мог “пересечься” еще во второй половине 60-х годов, работая с голландцами, занимавшимися постройкой корабля “Орел”. Меллер, находившийся тогда в России и представлявший здесь интересы голландской фирмы “Даниил Берпорц с товарищами”, дал письмо, по которому корабельный капитан Д. Бутлер получил в Амстердаме у хозяина Меллера деньги на покупку парусного полотна, наем мастеровых людей и сар (матросов). Полученный из Голландии счет должны были оплатить в России, зачтя деньги Меллеру или лицу, на которого тот его переведет, в счет таможенных пошлин у Архангельского города в ярмарку 1667/68 г. [33, л. 23, 24]. Винуус, переводивший касавшуюся строительства документацию, знал и схему платежа, и имена лиц, в нее включенных.

⁸ Вернер П. Меллер (Werner P. Muller) был вторым мужем Анны Декро (Anna Dekroo), состоявшей в первом браке за Тилманом (Tielman) Акемой [Veluwenkamp, 203, 206], в русских документах именуемого Филимоном Елисеевичем. После смерти Ф.Ф. и Ф.Е. Акемы (оба † 1676) грамотами от 14 июля 1678, 9 февраля 1683 и 13 апреля 1693 гг. совладельцами заводов утверждались Иван Филимонов Акема (умерший в 1693 г. сын Ф.Е.), его мать Анна Елизарьева и ее дети от второго брака Вахрамеем и Петр Вахрамеевичи Меллеры. Их отец В.П. Меллер совладельцем заводов не являлся: даже новое заводское строительство (в Боровском уезде на р. Истье в 1679/80 г.) он вел хотя и “своими пожитками”, но “имянем сына ее (Анны. – И.Ю.) Ивана Акемы” [КМР I, с. 303–305] (годы смерти [Veluwenkamp, 203]).

⁹ Супруга В.П. Меллера Анна (урожденная Декро) по первому браку была связана с родом Марселисов: двоюродной сестрой ее мужа Филимона Елисеевича была Анна Акема, вторая жена Петра Гавриловича Марселиса (1602–1672) [Veluwenkamp, 203, 205].

исключительно в “безналичной” форме (если не считать выплаченного Виниусу авансом годового оклада). Добьются ли предприниматели успеха, было пока не ясно. Но настойчивость компаньонов и особенно полученные ими льготы зажигали другие сердца.

Первыми загорелись имевшие и опыт, и жалованные грамоты Марселисы.

Не позднее 29 июля 1675 г. П. Марселис и Е. фан дер Гатен подали челобитную с просьбой дать им проезжую грамоту, по образцу данной из Посольского приказа А. Виниусу с товарищи в нынешнем 183 (1674/75) г. Они напоминали, что в горном деле не новички: прежде им уже были переданы “рудокопные дела” в Олонецком уезде, которые ведал гость Семен Гаврилов, что государь пожаловал их на реках Цельме (совр. Цильме) и Пижме, в Пустозерском уезде и в других местах “медные и иные руды прискивать и, сыскав, заводы заводить, и тое руду плавить и ковать своими деньгами и протори и наемными людьми”. Учитывая особое внимание к поиску серебра, обещали: “Буде за помощью всемогущего Бога серебряную руду сыщем, и мы тебе, великому государю, известим”; обязывались подобрать для ее разработки мастеров. Проезжую грамоту просили выдать в трех списках, что свидетельствует о намерении использовать аналогичную предшественникам организационную схему – работу отрядами, направляемыми в разные места, вероятно, для проверки сведений извetchиков [ДАИ VI, № 24, с. 165–166]. 29 июля просьба П. Марселиса и Е. фан дер Гатена была удовлетворена [39, л. 26 об.].

Тиражирование проезжих грамот со всеми оговоренными в них льготами вряд ли обрадовало Виниуса и Галкина. Вскоре, однако, выяснилось, что конкуренты намерены обследовать другие районы. Какие именно, узнаем из челобитной (по поводу дачи подвод), которую подали Христиан Марселис (его отец Петр незадолго перед тем умер) и фан дер Гатен¹⁰, и сказки последнего, записанной 18 августа 1675 г. Намечалась отправка двух отрядов. Ядро первого, из шести человек, включало приказчика – иноземца Еремея Традела, рудознатца Лаврентия Нитарта, трех “людишек” и кузнеца. Имея целью “сыски и опыты всяких руд”, отряд направлялся на Цильму, Пижму, в Пустозерской уезд, на Мезень, намереваясь в дороге увеличиться – в Вологде или в Великом Ус-

¹⁰ П.П. Марселис, находясь “при своей крайней болезни” и осознав “востание” от нее “сумнительным”, духовной грамотой, составленной 27 июля 1675 г., отказал железные и медные заводы “и что к тому приналежит” сыну Крестьяну. “А понеже тот сын ево еще младенец”, он избрал ему приказчиков Андрея Бутмана и Еремея фан дер Гатена, которым дал “полную мочь... о пожитках ево в прибыль сына ево устроити” до 25-летия последнего [КМР I, с. 299].

тюре намечено было захватить работных людей [39, л. 27, 28]. Второй отряд посылался на Олонец и в Олонецкий уезд. Возглавлял его иноземец Андрей Менцхевер, его сопровождали рудо-знатец и проводники [39, л. 28]. И хотя фан дер Гатен, указывая в сказке намеченные районы работ, добавил “или где ингде руду проведают”, было ясно, что в ближайшее время интересы двух занимающихся геологической разведкой компаний территориально не пересекутся.

Но волнения только еще начинались. Хлопоты теперь уже двух компаний и предмет этих хлопот вызвали интерес “широкой общественности”. В течение года после грамоты от 8 марта 1675 г. одна за другой были поданы еще четыре заявки на выдачу проезжих грамот для поиска руд по образцу грамоты Виниусу-Галкину.

Сначала с такой просьбой обратились две компании: одна, объединявшая священника московской церкви Успения Пресвятой Богородицы, что у Нового гостиного двора, Дементия Федорова, Сергея Патрекеева, Василия Старцева и Василия Вальяшниковца, и другая, включавшая сытника Льва с братьями Ларионом и Степаном Нарыковыми, саратовца Филиппа Лукьянова и Казенной слободы Никиту Алмашика (или Альмашика). По обоим челобитным 4 сентября 1675 г. было вынесено положительное решение: проезжую грамоту против выданной Виниусу дать [ДАИ VI, № 24, с. 167–168]. Тогда же была подготовлена память и росписи в Ямской приказ, но отосланы туда они не были “для того, что челобитчики не ходили” [39, л. 35]. Последнее неудивительно – челобитные, дублирующие одна другую почти дословно, очень неконкретны: в них не сказано ни о прежних занятиях заявителей рудным делом, ни о имеющихся у них сведениях о рудных местах. Учитывая, что обе компании – в действительности один круг лиц (в памяти ноября 1675 г. все они названы детьми священника Федорова и перечислены вперемежку), уместно предположить, что с их стороны получение грамот было элементом какой-то интриги и реальных действий не подразумевало.

Получение жалованных грамот тремя посторонними компаниями обеспокоило Виниуса и Галкина, тем более что заранее о серьезности намерений успенского попа и его духовных детей судить было невозможно. Реакцией явилась подача челобитной (подписанной лично Виниусом) с просьбой запретить поисковикам других групп являться в “обыскные места”, уже осмотренные их компанией. Соответствующее решение принято не было (хотя фактически уже содержалось в грамоте от 19 мая): ответ ограничился распоряжением (от 11 ноября) челобитье и явку записать в

книгу, саму же челобитную присовокупить к прежнему челобитью [ДАИ VI, № 24, с. 168].

Со стороны правительства это свидетельствовало о формировании некой линии поведения. Прекратив на время финансирование собственных проектов, связанных с поисками серебряной руды, оно, пользуясь предпринимательским интересом, к ним проявляемым, сделало ставку на проведения таких работ на частные средства. Ничего в них не вкладывая, оно предоставило возможность максимально широкого в них участия – типовые (по образцу Виниуса–Галкина) проезжие грамоты выдавались *всем*, кто их запрашивал. Они содержали ряд полезных для поисковиков льгот, не включая, может быть, самой привлекательной: права вести эти работы монопольно.

Заявки продолжали поступать и в следующем, 1676 г. Одну подал боярин князь Юрий Иванович Ромодановский, первый столь высокопоставленный соискатель права разведывать руды. Судья Пушкарского приказа с 1665 по 1673 г., он как раз в это время (в 1676 г.) ненадолго (на период с мая по декабрь) возвращается в него [*Богоявленский*, с. 136, 137]. И отмечает это событие попыткой подключиться к манящему сказочными богатствами рудному сыску. За спиной боярина, разумеется, стоят люди, социальное положение которых более соразмерно занятиям рудоискательным делом: жившие в Москве и в Казани стряпчий Кондратий Меркуньев и принадлежавшие боярину дворовые люди Федор Кожин и Иван Горшков. Принятое положительное решение 7 марта 1676 г. было закреплено боярином Артамоном Матвеевым и приказными дьяками [39, л. 37]¹¹.

Наиболее основательное впечатление производит еще одна челобитная, не позднее первой половины июня 1676 г. поданная серебряного дела мастером Ерофеем Даниловичем Ножевниковым “с товарищи пять человек”. Среди известных нам “охотников” Ножевников по профилю основной деятельности, пожалуй, наиболее близок тем занятиям, о разрешении которых просил. Челобитчики сообщили, что их компания занималась сыском руд “многое время”, причем не скрыли, что “никаких руд истинных” они “не сыскали”. Теперь положение изменилось. “Ныне, – утверждали они, – ведома нам... учинилась, что есть в Ерославском, в Вологодском, в Костромском и в Коргополском уездах и в

¹¹ Заметим, что список ископаемых, поиском которых просили разрешить заниматься, от челобитной к челобитной несколько видоизменяется. Д. Федоров к рудам прибавил краски и слюду. Ромодановский просил разрешения искать серебряную и медную руду, краски, “и всякого узорочного и простого пригодного камня”, т.е. ориентировался на проезжую грамоту Виниусу и Галкину от 8 марта 1675 г.

ыных городех, в понизовых местех, вниз по реке по Волге, и по Оке, и по Каме, и по иным рекам, источникам в розных местех серебряные, золотые и иныя всякия руды”. Но взять те руды “для опыту” без царского разрешения и без грамоты из Посольского приказу они “не смели”. Разрешить им разведки, для чего выдать грамоту против данных Марселису и Виниусу, они и просили. Челобитная отличается указанием условий, на которых компаньоны готовы были строить медеплавильный завод. В прошениях трех предыдущих компаний этот вопрос не затрагивается, что свидетельствует о непроработанности их планов. Напротив, Ножевников оговаривает и условия использования земли и леса, и налоги, и скидку с продажной цены при госпоставках [39, л. 43].

Решение по просьбе Ножевникова было вынесено не сразу. Но после всех выписок и рассмотрения условий в грамотах другим компаниям, аналогичную грамоту было решено дать и ему, что было сделано 15 июня 1676 г. [ДАИ VII, № 10, с. 57].

3.4. Почему Виниус так и не стал заводчиком?

Как были использованы выданные Посольским приказом шесть лицензий, почти ничего не известно. Не исключено, что, кроме товариществ Виниуса и Марселиса, никто ими толком и не воспользовался. Группы Д. Федорова и братьев Нарыковых по своим делам по приказам впоследствии “не ходили” и казенные подводы не получали. Но Виниус и Галкин некоторые работы определенно провели.

Уже говорилось, что с первым отрядом их экспедиции собирався ехать Захаров – дело дошло до распоряжения в Ямской приказ о даче ему подвод. Виниус и Галкин упоминают о своем намерении ехать после него. Виниус в разведочных работах какое-то личное участие, по-видимому, действительно принял. В собственноручно подписанной челобитной (поданной не позднее 11 ноября 1675 г.) он прямо заявил, что “для досмотру того рудного места *с товарищи на Каму ездил*”. Одно из найденных экспедицией “призначных мест” обнаружилось именно на Каме, в Камешинских горах. Признаки медных и железных руд компаньоны “приискали” и на ее притоках – реках Яйве и Косьве [ДАИ VI, № 24, с. 168]. Впрочем, не исключаем, что для притоков “приискание” ограничилось сбором “изветов” – документ, из которого заимствуем сведения, составлялся с целью оградить разведанные месторождения (действительные и мнимые) от конкурентов, и не исключено, что Виниус забегал на бумаге вперед с целью “застолбить” еще необследованные места. Отметим также некие Макшанские вершины в степи, на которые, по словам компаньонов,

в “прошлых годех” посылались “для руд” люди с Пензы. Это место упомянуто в грамоте от 8 марта, в которую вставлено несомненно в связи с намерением его обследовать [126, л. 49 об.]. Работы намечено было продолжать, но занимался ли ими Вinius в 1676 г. – уже не известно.

Картину полного крушения его и Галкина планов рисует недатированная челобитная, поданная компаньонами “второй волны” – присоединившимися к ним К. Нордерманом и В. Меллером. Судя по тому, что про Вiniusа в ней сказано, что он “ныне дьяк”, она относится ко времени не ранее 1678 г.

Формальным поводом для Нордермана и Меллера поднять вопрос о заводах явилась давно сложившаяся практика после восшествия на престол нового государя подтверждать права и льготы, данные его предшественником. Переоформление документов было желательным еще и потому, что, хотя запись о включении Меллера в компанию с предоставлением ему четвертого пая была оформлена еще 9 мая 1675 г., хотя компаньоны заявляли в этой записи, что “дали ему, Вахрамею, и наследником ево в тех своих рудных сысках и во все заводы, которые у нас впредь будут, и во всем повольности, которые в... жаловальной грамоте написаны” [47, л. 1], в грамоту от 19 мая 1675 г. оказался включен только Нордерман¹² – Меллер в ней упомянут не был.

Но Нордерман и Меллер просили закрепить за ними право искать полезные ископаемые и заводить предприятия по их переработке одновременно с существенным сокращением числа компаньонов – “бес прежних товарищей, Андрея Вiniusа да Якова Галкина”. Все это очень похоже на откровенное выдавливание из компании ее основателей и напоминает историю Вiniusа-отца. Но параллель в данном случае носит формальный характер. Нордерман и Меллер не ограничиваются констатацией отсутствия практических результатов деятельности основателей компании. (“И он[и] де, Андрей и Яков, против своего челобитья и жалованные грамоты тех заводов не строили”). Челобитчики приводят доказательства тому, что Вinius и Галкин и впредь строительством металлзаводов не займутся: “И в прошлых де годех ево, Андреево, челобитье и скаска записана, что впредь ему, Андрею, таких заводов не заводить. А Яков Галкин после той... жалованной грамоты и съемных записей откупил их, великих госу-

¹² “Указали они, великий государь... во всем против их, великого государя, жалованной грамоты быть в товарищах с ними, Андреем и Яковом, цесарские земли торговому иноземцу Кондратью Филипову сыну Нордерману на таких статьях и договорех, каковы записи у них, Андрея и Якова, с ним, Кондратьем, написаны” [47, л. 13].

дарей, соленые варничные промыслы и ныне ево на Москве нет. И от таких завоцких промыслов от товарищества отстали”. Ниже челобитчики прямо ссылаются на документы – некие “Андрея Виниуса великим государем челобитье и скаски... что впредь ему, Андрею, таких же заводов не заводить” [47, л. 17, 18]. Хотя в нашем распоряжении они отсутствуют, сомневаться в их существовании, по-видимому, не приходится. В период между 19 мая 1675 г. и 30 декабря 1677 г. неизвестные нам обстоятельства заставили Виниуса сначала подать челобитную, а потом сообщить оформленные в виде сказки некие сведения, результатом чего явилось документально зафиксированное решение “впредь ему... таких заводов не заводить”. От их строительства устранился и Галкин, переключившийся на солеварение.

Размышляя над рассмотренным эпизодом биографии Виниуса, И.П. Козловский высказывает вполне правдоподобное предположение, что возвратившийся из-за границы Виниус “хотел, по-видимому, по примеру отца, посвятить себя горному делу”. В качестве причины, заставившей отказаться от этого плана, историк называет поручение Виниусу управления почтами [*Козловский I*, с. 191]. Несомненно, в отказе от “погружения” Виниуса в металлургию многотрудное почтовое дело свою роль сыграло. Полагаем, однако, что не только оно.

Причины, обусловившие изменение планов А.А. Виниуса, нам не известны. Но едва ли ошибемся, предположив их множественный характер. Несомненно, сыграли роль неопределенные результаты предпринятых компаньонами предварительных рудных разведок и, возможно, напряжение, нараставшее из-за активизации конкурентов. Получить удовлетворявшую “охотников” проезжую и жалованную грамоты оказалось неизмеримо проще, чем воспользоваться перечисленными в них правами. Да и так ли уж хороша была грамота, добываясь которой Виниусу пришлось согласиться на условия, менее для него привлекательные, чем предоставленные Марселису и фан дер Гатену?

Условия, в которых предстояло работать компаньонам, в целом не приходится считать очень выгодными. В России того времени стабильно работавших аналогичных предприятий не существовало. Реальная экономика производства, основанного на недостаточно адаптированной технологии, могла полностью разойтись даже с хорошо просчитанным бизнес-планом XVII столетия, тем более – с неопирающимся на расчеты ощущением современного исследователя. Конечно, Виниус и компания выпрашивали максимально выгодные для них условия. Но низкое качество руды могло опрокинуть любые расчеты. Показательна в этом плане потерпевшая провал попытка освоения в конце XVII в. место-

рождения на р. Каштак (приток р. Тисуль, Томский уезд) – там тоже пытались получить серебро и душой проекта также был иностранный специалист-предприниматель (грек А. Левандиан). Несколько лет в тяжелейших условиях рудоискатели пытались пробиться к хорошей руде, наплавили из плохой несколько пудов серебра и в конце концов забросили это дело.

Не думать о подобной возможности развития событий Виниус не мог. И несомненно ее опасался. Едва ли осуществленные его компанией предварительные изыскания можно было счесть достаточно определенными, чтобы говорить, что “экспедиция закончилась неудачно и Виниус был *вынужден* вернуться на работу в приказ, вновь возглавить почту” [Милюков 2000б, с. 6]. Если в данном случае что и *вынуждало* Виниуса, так только очевидные преимущества приносящей устойчивую прибыль реальности (с которой связывалось руководство почтами) над сулящей сказочные барыши мечтой.

Причины выхода Виниуса из числа компаньонов, безусловно, не следует искать исключительно в реакции на результаты разведок еще и потому, что характеризовать их словом *неудача* не вполне верно. Признаки медной руды найдены были. Но именно *признаки* – прогноз в отношении прибыльности перерабатывающего предприятия оставался, по-видимому, весьма неопределенным. Решающую роль, нам кажется, сыграло другое. Активность предприимчивых людей самых разных чинов, ринувшихся в рудоискатели, и одновременно легкость, с которой правительство раздавало разрешения на ведение такой деятельности, подорвали у Виниуса веру в возможность опереться на сведения местного населения – извечки либо создавали собственные фирмы по образцу виниусовской, либо оказывались в числе информаторов конкурирующей фирмы. Не вполне удалась и предпринятая Виниусом попытка разграничить территории. Ножевников, глава последней из рассмотренных нами фирм, включил в перечень намеченных для обследования территорий Каму и Волгу – регионы, которые Виниус хотел считать “своими”. В условиях, когда работа строилась на проверке сведений извечиков, объем поступавшей от них информации становился фактором, существенно влиявшим на прогноз событий. Столкнувшись с его сокращением и оценив тенденцию изменения, Виниус принял решение свернуть свое участие в изысканиях.

Полагаем вероятным, что немалую роль сыграл и быстро выявившийся дефицит инвестиционных возможностей компаньонов “первой волны”. И Виниус и тем более Галкин не обладали достаточными для реализации проекта средствами. Только этим можно объяснить привлечение ими в компанию иностранцев. Допуск в “товарищи” В. Меллера представлялся особенно риско-

ванным. Его жена, Анна Меллер, по первому браку принадлежала к клану, от которого, не имея возможности с ним бороться, разумно было держаться по возможности дальше.

Синицу в руках Виниус решительно предпочел журавлю в небе. Впрочем, отходившие к нему в управление “заморские” почты сравнивать с синицей едва ли корректно.

Напомним, что первый раз такая почта была поручена Виниусу в 1672 г., но всего через несколько месяцев в связи с отъездом за границу была от него взята. 4 декабря 1675 г., в дни, когда Посольский приказ и его сотрудник Виниус готовились к приему великого посла из Голландии, появился новый указ, посвященный заморским почтам. В нем констатировалось, что рижская и виленская почты работают плохо: приходят не в указанные сроки, а с опозданием в день или в два. В связи с этим заменялось лицо, которому было поручено эти почты вести: от Петра Марселиса они передавались переводчику Андрею Виниусу [*Вигилев*, с. 109].

Созданная за десять лет до передачи ее Виниусу, заморская почта учреждалась государством с целью систематической своевременной доставки в Россию, в Посольский приказ, “вестовых писем” – разного рода письменных и печатных материалов, в том числе иностранных газет (курантов), содержавших сведения о политических событиях. При создании через два года в дополнение к уже существовавшей рижской линии второй, виленской, указывалось на необходимость обеспечения с ее помощью дипломатической связи Москвы и Варшавы, а также содействия торговле путем доставки частных писем (грамоток) иностранных купцов.

Русский почтмейстер организовывал доставку почты до пограничного пункта. Дальше ее перевозку осуществляли зарубежные почтмейстеры, заключавшие с российскими специальные договоры. На виленской линии доставка на польском участке должна была укладываться в пять дней, на российском – в четыре, и в эпоху расцвета эти сроки выдерживались.

Почты являлись совместным – государственным и частным предприятием. Российский почтмейстер получал доходы с доставки частной корреспонденции. Государство на почтах ничего не зарабатывало, для него их существование было сопряжено только с расходами. Но будучи постоянно заинтересованным в получении газет (дипломатические сношения через почту то активизировались, то сворачивались), оно брало на себя часть связанных с их доставкой расходов – платило, в частности, за их пересылку иностранным почтмейстерам. Средний срок доставки кенигсбергских курантов в 1676 г. составлял 21–22 дня [*Шамин*, с. 123, 125].

Поручение почт Виниусу следует рассматривать как в специфической форме произведенное пожалование – оно, несомненно,

знак оценки его заслуг и поощрение грядущего служебного рвения. Но финансовой выгодой дело не исчерпывалось. С этого момента положение последнего существенно изменилось: у него появился личный постоянно открытый бесплатный канал связи с европейскими странами, что поставило Виниуса в совершенно особое положение среди российских подданных, исключая разве что российского государя. Помимо бесплатной доставки собственных писем, которых Виниус писал и отправлял много, он, как служащий Посольского приказа, имел теперь возможность распечатывать и читать пакеты с европейскими (немецкими, французскими, голландскими, польскими и др.) газетами [*Козловский 1911б*, с. 17], что на ближайшую четверть века превратило его в самого сведущего в европейских новостях человека России.

Смерть царя Алексея Михайловича (29 января 1676), заставшая А.А. Виниуса на середине жизненного пути, в известной степени подвела итог целому периоду его биографии. За прошедшие годы он успел изменить свое подданство и социальный статус, испробовал несколько профессий, получил разнообразные знания, накопил опыт, пока еще искавший достойного применения. Несмотря на возраст, для XVII в. достаточно солидный, личность его в ее социальных манифестациях в полной мере еще не определилась. За длительной (более года) поездкой за границу, открывавшей ему профессию дипломата во всех ее тонкостях и технических секретах, последовал рывок в совершенно неожиданную сторону: организация геологоразведочной экспедиции. Западноевропейские дороги, отчасти благоустроенные уже в XVII в., и дороги российской глубинки были, наверно, столь же непохожи друг на друга, насколько непохожи дипломатические занятия на промышленное предпринимательство, ради которого, едва стряхнув с себя клочья английских туманов, он отправлялся на Волгу и Каму. Вслед за этим – рывок в новом направлении: организация почтовой службы. Дела, за которые берется Виниус, вроде бы у него получаются, и даже подчас неплохо – его замечают и отмечают, но... В этом *но* все и дело. Алексей Михайлович в своих осторожных реформах пытался опереться на “умных, сведущих, надежных людей” [*Сорокин*, с. 79]. Среди тех, кто пользовался доверием царя, – деятели из высшего слоя приказной администрации, несколько думных дьяков в том числе. Виниуса нет в их ряду. Можно сказать, что он до включения в этот ряд пока не дорос – молод еще, не дьяк даже. Но иные его сверстники в своей карьере сумели добиться заметно большего. Пора было определяться, “materеть” (в смысле обретения социального веса). Виниус это, несомненно, осознавал, и это его заботило.

Расставание с мечтой опустошало душу, но развязывало руки. Открывало, в частности, возможность заложить прочный

фундамент материального благосостояния. Отец оставил сыну больше проблем, чем средств их решения. Выше уже приводились написанные в 1675 г. слова А.А. о том, что он из-за “великих неоткупных долгов” отца “страдал многие годы” [46, л. 3; 47, л. 6]. В том же 1675 г., в июне, А.А. Виниус жаловался, что живет на жалованье, что поместий за ним “нигде нет” [ДАИ VI, № 24, с. 165]. Земельные владения появились у него (что было событием в имущественном плане принципиально важным), по-видимому, незадолго до перехода на службу в Аптекарский приказ. Первое известное нам упоминание о принадлежащей Виниусу поместной земле в Болховском уезде (229 четей в Годыревском, Ноугорском и Однолуцком станах) относится к 23 июня 1677 г. [89, л. 487 об.]. В августе этого года Виниусу в болховском поместье принадлежали пять крестьянских дворов [89, л. 890]. Разумеется, нельзя уверенно утверждать, что в более раннее время земель и крестьян у него не было. Но если были, то к 1675 г. он их лишился и снова стал из владельцем не позднее июня 1677 г. По-видимому, только после выхода из весьма затратного проекта, связанного с экспедицией, переводчик Виниус смог мобилизовать финансовые средства, для того чтобы стать земле- и душевладельцем.

Из сказанного понятно, насколько важной для Виниуса точкой развития его карьеры явилось пожалование ему чина дьяка (по-видимому, в 1677/78 г.¹³). Оно совпадает (или несколько предшествует) его переходу на службу в Аптекарский приказ.

Глава 4. На службе отечественной медицине (1677–1689)

4.1. На новом поприще

Можно указать на несколько причин, способствовавших тому, что Виниус оставил без малого 13 лет занимаемое им место в Посольском приказе.

После смерти царя Алексея Михайловича от руководства учреждением был отстранен А.С. Матвеев (его сменил думный дьяк Ларион Иванов) – ушел начальник, с которым Виниус, судя по всему, неплохо сработался.

¹³ И.П. Козловский утверждает, что уже в 1675 г. Виниус “несомненно... назывался дьяком”, и даже приводит свидетельство о его дьячестве в 1672 г., считая его, впрочем, сомнительным [Козловский I, с. 192]. Нам столь ранние упоминания об этом его чине не попадались.

Достигнутые успехи не слишком радовали, а перспективы, во всяком случае ближайшие, рисовались неопределенными. Долгие годы числясь по службе на хорошем счету, Виниус оставался все в той же должности, которую занял при поступлении. Отсутствие карьерного продвижения, можно полагать, давно беспокоило – не случайно в 1675 г. в одной из челобитных он просил о переводе в Разрядный приказ. Повышение в чине привлекало не только удовлетворением статусных амбиций и повышением материального благосостояния – чин давал возможность развернуть способности, творчески реализоваться. Но чину требовалось место. Дождаться пожалования “дьячим именем” в Посольском приказе надежды у Виниуса не было. По подсчетам А.В. Белякова, из 22 дьяков, служивших в нем при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче, 10 происходили из своего приказа, будучи пожалованы из подьячих, и 12 пришли из других приказов уже дьяками. В последней подгруппе по меньшей мере шестеро до дьячества служили также подьячими [Беляков 2001, гл. 1]. Ни одного дьяка Посольского приказа, пожалованного из переводчиков этого учреждения, для указанного периода не известно.

Но даже если бы в Посольском приказе появилась соответствующая вакансия и у Виниуса возникла возможность ее занять (хотя бы это и нарушало сложившуюся практику назначений), не факт, что ее получение вполне его удовлетворило. Почти до конца пребывания Виниуса в Посольском приказе оплата труда высшего эшелона его служащих – приказных судей (думных чинов и дьяков) – осуществлялась исправно, хотя посольские дьяки в это время, по-видимому, не получали годовой оклад. “При державе... великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца посольским дьяком его, великого государя, годового денежного жалования не давано, для того, что в тех годех к Посольскому приказу ведомы были Новгородского и княжства Смоленского приказов, и Володимерской, и Галицкой чети многие денежные и иные доходы со всеми таможенными и кабацкими зборы, и было дьяком прокормление не скудное” [27, л. 6]¹.

¹ Заметим, что А.В. Беляков цитированным выше текстом (со ссылкой на работу С.К. Богоявленского 1937 г.) аргументирует утверждение, что “за целый ряд лет в 70-е годы XVII в. оклады посольским судьям не выдавались” [Беляков 2001, гл. 1]. Источник говорит только о дьяках, расширительное его толкование требует аргументации. “Прокормление нескудное”, заменявшее годовой оклад, обеспечивалось “денежными и иными доходами со всеми таможенными и кабацкими зборами”, поступавшими в Посольский приказ из присоединенных к нему территориальных. Открытая ссылка на него склоняет к предположению, что оно регламентировалось. Не уместнее ли в таком случае говорить, что годовой оклад оставался – только средства на его выплату поступали из другого источника?

В 1677 г. из ведения Посольского приказа были изъяты некоторые непрофильные для него функции, из подчинения ему исключена группа присоединенных территориальных приказов (Новгородский, Галицкий, Владимирский). При этом “во 185-м году те доходы все ис Посолского приказу взяты в Приказ Большие казны”. Реформа затронула оплату служащих. И хотя для дьяков годовой их оклад был восстановлен, положение представлялось достаточно тревожным. Компетенция Посольского приказа сужалась, с ней вместе, казалось, снижалось его влияние, авторитет учреждения в целом.

Иным было положение Аптекарского приказа, в котором открылась возможность занять место дьяка. Г.К. Котошихин, охарактеризовав в своем сочинении в общей сложности 36 приказов, Аптекарский описывает в составе третьего их десятка (23-м), из числа прочих не выделяя. Но “растворяя” его среди московских учреждений, он затушевывает истинное его положение, далеко не рядовое. Созданный некогда для нужд государя и его семьи, главное свое назначение приказ не изменил – остался максимально к ним близким. Не случайно, один из немногих (семи, включая Приказ тайных дел), он бы “устроен” непосредственно “на царском дворе” – “а досталные все приказы устроены от царского двора поодаль” [*Котошихин*, с. 141–142].

Следует отметить, что Виниус был не единственным служащим Посольского приказа в результате кадровых перемещений оказавшимся на службе в приказе Аптекарском. До февраля 1676 г. его возглавлял начальник Виниуса по Посольскому приказу А.С. Матвеев. Из Посольского же приказа пришли в Аптекарский дьяки Л.Т. Голосов и И. Патрикеев [*Веселовский*, с. 123, 401].

Обращает на себя внимание трактовка перехода Виниуса на службу в Аптекарский приказ, данная им в одной из поздних (1690 г.) челобитных: он отмечает, что сменил место службы “не по своей воли”, что “быть в дьяках и сидеть в Аптекарском приказе” ему было “велено” [*Сторожев*, с. 2]. Представляется, однако, необходимым учесть ситуацию, в которой Виниус именно так характеризовал свое перемещение. К началу 90-х годов он возвратится в Посольский приказ и вскоре затеет здесь судное дело с его дьяками по поводу порядка, в котором в приказных документах должны следовать их подписи (он считал, что его имя должно предшествовать именам В. Посникова и Б. Михайлова). В двух поданных по этому делу челобитных (от 7 сентября и 25 октября 1690 г.) Виниус приводил факты и аргументы, оттенявшие длительность и прочность его связи с Посольским приказом: на службу в приказ он поступил, когда Посников и Михайлов “и в подьяческом чину в том приказе не

были”, взят в переводчики был из дворян и проч. [*Сторожев*, с. 3–5]. В таком контексте факт ухода из Посольского приказа не работал против Винуса только в том случае, если подавался как *вынужденный*. Именно так Винус его и подавал, пользуясь тем, что доказать обратное за давностью лет было затруднительно.

Полагаем, что в 1677 г. перемещение Винуса в Аптеку происходило при его на это согласии, а может быть, и при содействии. Меняя место работы, Винус в общем не так уж много терял (хотя кое-что и терял), а вот приобретал, возможно, многое.

Г.Ф. Миллер в “Истории жизни и царствования Феодора Алексеевича” среди событий 1677 г. служебное перемещение Винуса не только отметил, но, трактуя как *повышение* (дважды именно так), заявил, что оно (вместе с еще одним повышением, полученным постельничим И.М. Языковым) “по своим причинам и следствиям важнее, чем прочие”. По его утверждению, Винус “получил должность в Аптекарском приказе без назначения над ним боярина”. Это верно только в том смысле, что одновременно с Винусом в приказ в качестве судьи не был назначен еще и боярин. Этого действительно не потребовалось, но только потому, что боярин в этом приказе уже был и менять его не собирались². Но общий вывод Миллера представляется вполне обоснованным: “Новая возложенная на него должность доказывает, что царь и бояре ему доверяли” [*Миллер 1996а*, с. 347, 348].

Описание Аптекарского приказа, данное Г.К. Котошихиным, очень лаконично: “В нем сидит боярин тот же, что и в Стрелецком приказе, да дьяк. А ведомо в том приказе Аптека, и доктора, и лекари, иных государств люди, да для учения русских людей с 20 человек; а будет тех докторов и лекарей с 30 человек, и жалование идет им, годовое и месечное, погодно, по зговору” [*Котошихин*, с. 133]. Приведенные цифры не абсолютны – они менялись, но основное здесь сказано.

К работе в Аптекарском приказе Винус приступил к концу (30 декабря) 1677 г. [*Богоявленский*, с. 16] и оставался в нем более 11 лет. Его служба в Аптеке пришлась на время двух царствований: Федора Алексеевича (без первых двух лет его на престоле) и – полностью – регентства царевны Софьи Алексеевны при царях Иване и Петре Алексеевичах. В приказе Вину-

² И.Г. Корб также пишет, что Винус “заведывал” аптеками. Использованный переводчиком глагол достаточно точно отражает его служебное положение. Винус, по-видимому, *фактически* ведал приказ, между тем как кн. Н.И. Одоевский являлся его начальником во многих отношениях номинальным.

ус занял место дьяка Леонтия Меньшого, проработавшего в нем около года³.

Во главе приказа ставили ближних бояр, пользовавшихся особым доверием монарха, – так, в начале царствования Алексея Михайловича приказным судьей здесь был его “дядька” боярин Б.И. Морозов [*Андреев И.*, с. 69]. И это понятно: в их обязанности вменялось “остерегательство великих государей здоровья” [*Новомбергский*, с. 79].

К моменту появления Винуса Аптекарский приказ без малого год (с февраля 1676 г.) возглавлял боярин князь Никита Иванович Одоевский (ок. 1601–1689). Начальником его он оставался и позже – на протяжении почти всего времени пребывания в нем Андрея Андреевича.

Видный государственный деятель своей эпохи, Одоевский почти всю жизнь находился “в обойме” наиболее близких царю лиц и в том или ином качестве участвовал во многих крупных политических событиях [*Поньрко*, с. 416]. Именно он возглавлял комиссию (Уложенный приказ), занимавшуюся составлением Соборного уложения 1649 г.

Приказным судьей Одоевский стал еще при царе Михаиле Федоровиче, в 151 (1642/43) г., когда его ведению были поручены приказы Казанского дворца и Сибирский [*Богоявленский*, с. 62, 281]. Н.И. был женат на дочери боярина Ф.И. Шереметева, главы доморозовского правительства [*Андреев И.*, с. 49, 116]. У Б.И. Морозова он вызывал опасения, вследствие чего в 1646 г. был отправлен большим воеводой в Белгород⁴. После ухода Морозова с постов (1648) его положение со временем выправляется.

Основная сфера деятельности Н.И. Одоевского в ближайшие годы – внешнеполитическое поприще. Именно ему было поручено руководство делегациями, ведшими переговоры с поляками. В 1658 г. он, уже боярин, ездил с этой целью в Вильно, в 1660 г. – в Борисов, в 1662–1663 гг. – в Смоленск. Сторонник жесткой политики в отношении Речи Посполитой, Одоевский оказался противником в этом вопросе быстро набиравшего политический вес А.Л. Ордина-Нащокина. В 1664 г. при подготовке посольства во главе с Н.И. Одоевским и Ю.А. Долгоруким их оппоненту удалось добиться отстранения Долгорукого. Самый принципиаль-

³ Л. Меньшой приступил к службе в Аптекарском приказе между 12 декабря 1676 г. и 8 января 1677 гг.; покинул ее не ранее 22 декабря 1677 г. Он сменил И. Патрикеева, дьяка Новой аптеки с февраля 1674 г., а в 1674/75 г. дьяка Аптекарского приказа [*Богоявленский*, с. 16, 130; *Веселовский*, с. 401].

⁴ Ему пришлось побывать на воеводстве и в других городах: во Ржеве, Астрахани, Ливнах, Казани...

ный пункт разногласий – линия будущей межгосударственной границы. В то время как Ордин-Нащокин ради мира, а в идеале и союза с Речью Посполитой, готов был поступиться частью воссоединенных с Великой Россией украинских территорий, группа Одоевского в проекте посольского наказа, разработанного осенью–зимой 1665/66 г., настаивала на необходимости добиваться от поляков закрепления за Россией правобережной Украины вплоть до Буга. Но победила позиция, считавшая реальной границей Днепр. Переговоры в д. Андрусово, которые велись делегацией во главе с Ординым-Нащокиным, завершились подписанием 20 января 1667 г. договора о перемирии, расцениваемого в историографии как крупная победа русской дипломатии. В течение нескольких следующих лет (до конца марта 1671 г.) внешняя политика России по польскому и украинскому вопросам в решающей степени определялась Ординым-Нащокиным, возглавившим Посольский (с 25 февраля 1667 г.) и вскоре переданный в его ведение Малороссийский приказы [Лукичев 1989, с. 103, 104; Чистякова, Галактионов, с. 123, 129–131, 136–138, 144].

Опыт и неуывающая энергия Одоевского были переключены на внутреннее управление. После перерыва мы вновь встречаем его имя в списках приказных судей: в 175 (1666/67) г. его назначают в приказы Иноземный, Рейтарский и Большой казны. После смерти царя Алексея Михайловича (29 января 1676 г.) Н.И. Одоевский вошел в первое правительство нового государя Федора Алексеевича. В начале февраля этого года возглавил Аптекарский приказ, заменив здесь Матвеева [*Богоявленский*, с. 281, 16]. В конце 70-х годов его служебное положение было очень высоким: вместе с сыном Яковом он входил и фактически возглавлял Малую (Ближнюю) думу, оказывая огромное влияние на внешнюю политику России. (Из чего, между прочим, следует, что едва ли у него было много времени для занятий Аптекой.) В 1679 г. Одоевские дали резкий отпор попыткам Ордина-Нащокина вернуться к государственной деятельности, отвергнув его предложения по польскому вопросу [*Чистякова, Галактионов*, с. 145–146].

Какие бы бури ни проносились над престолом, Одоевских они неизменно щадили, оставляя в числе наиболее влиятельных в Думе бояр. Одоевские вошли в состав правительственного кабинета, сформированного сразу после стрельецких беспорядков мая 1682 г.⁵ Н.И. Одоевский оказался во главе главных финансовых

⁵ Никита Иванович и двое других упоминаемых ниже Одоевских были активными противниками стрельцкого “беспредела” – ходили, в частности, слухи, “будто они говорили, что стрельцов вешать, и казнить, и рубить” [*Соловьев VII*, с. 323–324].

приказов страны – Большой казны и Большого прихода⁶. Заметным оставалось его влияние и при Софье. Он управлял в это время все той же Аптекой, оставаясь на посту по крайней мере до 8 февраля 1689 г. [*Богоявленский*, с. 16] – вероятно, до своей смерти, последовавшей как раз в этом году.

Н.И. Одоевский был довольно образованным человеком с отчетливо выраженными культурными интересами. Имел неплохую библиотеку из книг на русском и латинском языках. Дарил книги царю Федору Алексеевичу. Держал на дворе профессиональных переписчиков из числа дворовых [*ОИШ*, с. 56].

В числе приказных судей в период с 1669/70 по 1695/96 г. упоминается еще один князь Одоевский – боярин Яков Никитич, сын Никиты Ивановича [*Богоявленский*, с. 281]. Его имя становится известным задолго до появления в Аптекарском приказе. Оно мелькает и среди действующих лиц событий 1682 г. По смерти 27 апреля этого года царя Федора и последовавшем в тот же день наречении “на Российское государство в цари” Петра Алексеевича, он возглавлял “тройку”, которая в церкви приводила к присяге стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов. В тот же день по царскому указу ему, печатнику Д.М. Башмакову и думному дьяку Д. Полянскому было велено запечатать “Большую казну, и Казенный двор, и мастерскую великого государя”. 1 мая он сидел в Архангельском соборе у гроба покойного царя. Правда, при последовавшем вскоре назначении приказных судей “своего” приказа он не получил. При венчании Ивана и Петра на царство 25 июня двое Одоевских, Никита Иванович и Яков Никитич, стояли в соборе вместе с другими царедворцами [*Соловьев VII*, с. 308, 309, 313, 333].

В Аптекарском приказе Яков Никитич появился 25 февраля 1689 г., заменив здесь Никиту Ивановича [*Богоявленский*, с. 16]. Он оказался одним из немногих начальников приказов, не смещенных со своих постов при формировании правительства уже Петром I. Но под его началом Виниус работал недолго: не позднее 19 сентября 1689 г. сам покинул Аптекарский приказ.

⁶ Так в опубликованной С.М. Соловьевым “Книге записной царя и великого князя Петра Алексеевича” 190 (1681/82) г. [*Соловьев VII*, с. 319]. Аналогичные сведения приводит А.П. Богданов [*Богданов 1989*, с. 198], перечисляющий и другие приказы, которые в это время возглавляли Одоевские: Большой дворца (по Богоявленскому – Василий Федорович О.), Дворцовый судный (он же) и Казанский (Яков Никитич О.). По данным Богоявленского, посты в них они заняли еще при царе Федоре Алексеевиче – в 188 (первые два) и 189 гг. Упоминаются, как ведавшие Одоевскими, также приказы Иноземский и Рейтарский. Н.И., действительно, служил в них, но, по Богоявленскому, – лишь до 178 (1669/70) г. В 188–191 гг. Василий Федорович Одоевский служил также в Хлебном приказе [*Богоявленский*, с. 281].

В самом начале пребывания Виниуса в приказе здесь служил еще один представитель княжеского рода – внук Никиты Ивановича и племянник Якова Никитича, Одоевский Василий Федорович, кравчий, позднее боярин. Определенный сюда в том же, что и Виниус, 1677 г., но, фактически, почти на год его раньше, он оставался на этом посту более десяти лет и покинул его между 24 мая и 27 июля 1687 г. – за два года до Виниуса [*Богоявленский*, с. 16; *Соловьев VII*, с. 320].

В.Ф. Одоевского сменил дьяк Матвей Чистой, пребывание которого в Аптекарском приказе было коротким эпизодом и для приказа и для него самого: оно прервалось между 16 декабря 1687 г. и 11 июня 1688 г. Образовавшаяся с его уходом вакансия заполнена не была. В результате из третьего по важности лица в приказе (каковым, судя по всему, был Виниус при двух возглавлявших учреждение титулованных приказных судьях) он превратился в лицо второе⁷. Соответственно расширялась возможность показать свои организационные способности и опыт перед очередным карьерным прыжком.

4.2. Аптекарский приказ при царе Федоре Алексеевиче

Итак, строго по Г.К. Котошихину, Аптекарский приказ – структура, ведавшая аптекой (учреждением, совмещавшим функции лечебного учреждения и собственно аптеки) и медицинским персоналом: докторами, лекарями, аптекарями, лицами, находившимися у них в обучении. Для организационно-технического обеспечения их труда к ним прикреплялись подьячие и дьяк. С учетом исключительной ответственности деятельности учреждения во главе был поставлен судья в боярском чине. Получался полноценный приказ.

Задачи, стоявшие перед Аптекарским приказом, первоначально были сравнительно узкими: он обеспечивал лечение царской семьи и контролировал работу иностранных врачей⁸. У учреждения, основанного “про государев обиход”, круг обязанностей постепенно расширился. Во времена, когда его возглавлял Виниус (а второй период его службы в нем завершился в 1703 г.), это был высший орган управления медицинской службой страны.

В ведении приказа находилась аптека, занимавшаяся приготовлением и реализацией лекарств. Приказ организовывал заго-

⁷ Численность высшего управленческого звена, сложившаяся в приказе после произведенного при Виниусе его сокращения, сохранилась и после его ухода.

⁸ Приглашение которых в Россию после прибытия в Москву в 1581 г. английских медиков и открытия царской аптеки [*Мицкий*, с. 13] стало делом обычным.

товку лекарственных растений, разводя их на особых огородах и закупаая за границей. Сведения об одном из таких огородов находим в деле о приобретении Виниусом двора на Большой Мясницкой улице. Он возник, когда по указу от 21 мая 1657 г. “на государев аптекарской двор и огород” был взят участок в Огородной слободе за Покровскими воротами, образованный запустевшими с морового поветрия тремя дворами. С этого времени на протяжении трех десятилетий в расположенных поблизости казенных постройках “для береже[ния] огородного строенья и для скудости” было велено селиться служащим Аптекарского приказа: истопникам, лекарям, толмачам (“для государевых дел и близости”), сторожам (“для береженья и поливки всяких трав, цветов и коренья”) [62, л. 343, 344]. Вот как документ 1688/89 г. описывает посадки на принадлежавшем Аптекарскому приказу участке, прилегавшем к основному огороду: там “из Новые Обтеки посажены травы, цветы и коренья, да на том же месте посажено небольшое прививков ябланныхых и грушевых. А которые гряды были в остатке, и на тех грядках посажено огурцов на продажу” [62, л. 349].

В подчинении приказа и, как правило, на определенном от него окладе находились все лица, для которых врачевание являлось профессией: доктора, лекари, окулисты, чепучинные и чечуйные лекари, “цырульники”, рудометы, гортанные мастера, костоправы, аптекари, алхимики, лекарские и аптекарские ученики, травники, помясы [*Новомбергский*, с. 88] (рис. 6). Штат приказа ими не исчерпывался. К приведенному списку следует прибавить огородников, спиртовых “перепусчиков”, учеников костоправного дела, а также канцелярских и технических работников: подъячих, переводчиков, мастеров “глиняных судов”, истопников, сторожей [8, л. 103–118 об.]. Наиболее квалифицированными считались доктора и лекари, при этом докторами именовались лица, лечившие внутренние болезни (и, как правило, имевшие дипломы европейских университетов), а лекарями – лечившие болезни наружные и выполнявшие хирургические операции [*Новомбергский*, с. 88].

Приказ комплектовал штат врачей-иностранцев: через русских эмиссаров за границей подбирал кандидатуры, изучал представленные ими дипломы, свидетельства и проч. Ведал подготовкой русских лекарей. Обеспечивал медицинскую помощь действующей армии: отправлял в войска медикаменты и лекарей (как правило, русских), освидетельствовал отдельных лиц на предмет их годности к войсковой службе. Осуществлял судебно-медицинскую экспертизу. Проводил мероприятия по борьбе с эпидемиями. Страшный 1654 год надолго запомнился в России, где, по свидетельству Павла Аллепского, “не знали моровой яз-

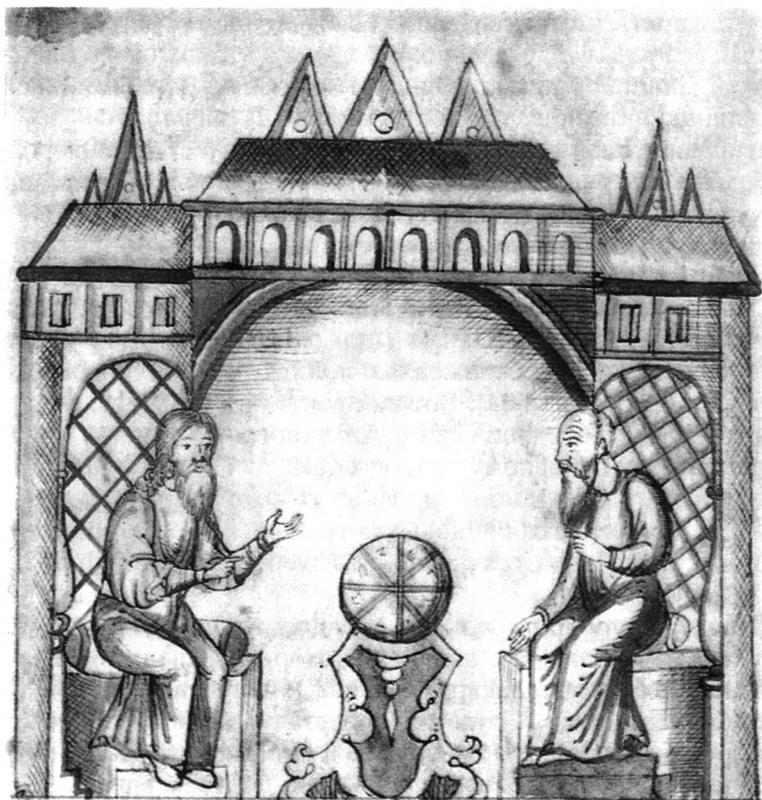

Рис. 6. Беседа доктора и аптекаря. Миниатюра из рукописного “Лечебника”. XVII в.

вы издавна”⁹. Противоэпидемические меры, прежде всего создание карантинной службы, позволили не пустить в Россию чуму, в 1664–1666 гг. охватившую Голландию, Англию, прирейнские города¹⁰ [Богданов, Симонов, с. 167–173]. В проведении этих мероприятий участвовал и Аптекарский приказ. Предпринимались подобные меры и в дальнейшем, в частности в 1679 г.¹¹

⁹ Эпидемия чумы свирепствовала в 1602 г. Направлявшееся в Москву имперское посольство приставы долго возили “зря по разным местам”, стараясь объехать затронутые ей русские области [Юзефович, с. 64].

¹⁰ Только в Амстердаме в 1664 г. зараза унесла более 24 тыс. жизней [Богданов, Симонов, с. 167].

¹¹ Тогда, поставив заставу в пограничном пункте Мигновичах, перекрыли въезд в Россию из Польши. Поступавшие письма возвращались или уничтожались [Вигилев, с. 109].

Деятельность приказа во второй половине XVII в. развивается в направлении расширения охвата медицинской помощью гражданских лиц и военнослужащих. Степень охвата лимитировалась силами подчиненного приказу персонала и, отнесенная к населению страны в целом, была, разумеется, еще незначительной. Практика работавших в Москве иностранных докторов ограничивалась в основном придворным кругом, но она решительно вышла за пределы царского дворца и ширилась.

В 70-е годы более доступными становятся услуги приказных фармацевтов. Существовавшая с 1581 г. кремлевская аптека – Верхняя, она же Старая – была закрытой: лекарства из нее, как сообщает посетивший Россию в 1674 г. И.Ф. Кильбургер, “отпускают только царю и некоторым знатым господам” [Кильбургер, с. 362]. Указом 1672 г. в людной части города, на Новом гостином дворе, создается вторая аптека – Нижняя [ОПК, с. 68, 69] или, как она еще долго (напр., в документах 1688/89 г. [62, л. 345, 349]) называлась, Новая. В марте 1673 г. Аптекарский приказ направил в нее бригаду из четырех человек. Кильбургер застал в ней работающими трех иностранных провизоров, двух англичан, профессию которых не указывает, и несколько других работников, иностранных и русских. Новая аптека учреждалась как общедоступная: “...для продажи всяких лекарств всяких чинов людям”. Обслуживавшаяся профессионально подготовленным персоналом, она должна была удовлетворять потребность населения столицы в лекарствах, обеспечивавшуюся прежде частными торговцами. Особый указ, данный в конце февраля того же 1673 г. регламентировал в Москве продажу “аптекарских лекарств”, что в литературе интерпретируется как объявление государственной монополии на торговлю ими [ОПК, с. 68, 69]¹². Нижняя аптека работала во взаимодействии с Верхней, служившей ей магазином (складом). Медикаменты, изготавливавшиеся в Нижней аптеке, отпускались исключительно “за печатью” [Кильбургер, с. 362], удостоверявшей подлинность факта аптечного их приготовления. Названные меры были призваны повысить качество лекарств, затруднить распространение неэффективных средств, пресечь применение в качестве медикаментов веществ опасных для здоровья.

Оценить результативность этой акции довольно трудно. Лекарства государственной аптеки были дороги и уже по этой причине полностью вытеснить прочие не могли. Кроме того, в развитии собственно аптечной отрасли после новаций

¹² И.П. Козловский упоминает о распоряжении 1677 г. “продавать из царской Новой аптеки разные лекарства для всякого, кому будет нужно” [Козловский I, с. 192]. Не вполне ясно, о какой аптеке идет здесь речь.

1672–1673 гг. наступила пауза – во всяком случае, по относящемуся к 1674 г. наблюдению Кильбургера, “аптека эта год от года приходит в упадок”. Заметим, что, помимо основной, устройство аптеки “среди города” имело и другую цель: при ней существовал большой кабак, который, по уверению одного из докторов, “вместе с аптекою принес казне в год чистого дохода до 28 тысяч” [*Кильбургер*, с. 362].

При щедро тратившем на благотворительность царе Алексее Михайловиче начинается строительство нового Аптекарского двора, часть палат которого дошла до наших дней. Комплекс был сооружен недалеко от Кремля в районе с плотной застройкой: на углу Смоленской ул. (ныне Воздвиженка) и Шуйского пер. (ныне Староваганьковский пер.), на территории приобретенных казной дворов боярина Ивана Богдановича Милославского, подъячего Онисима Недовескова и стольника Петра Хитрово.

Сохранилось несколько чертежей первой половины 70-х годов XVII в., отразивших поиски при проектировании объекта. По варианту 1674 г. в глубине двора фасадом вдоль Смоленской ул., напротив выходящих на нее ворот, решено было поставить двухэтажное на подклетах здание длиной около 70 м. Оно состояло из двух разделенных арочным проездом блоков по три теплых погреба в каждом. Входы в них устраивались из проезда. К погребам примыкала группа из двух рядов ледников, по три в каждом. Над погребями располагались “палаты средние”, над теми две “палаты большие”. Над проездом размещались “сени на двух сводах”, над ледниками “палаты под запасы”. У погребов своды намечалось выкладывать из камня, у ледников и палат – из кирпича. К ледникам и палатам для хранения “запасов” под прямым углом (фасадом вдоль участка Воздвиженского монастыря) примыкали поварня и пивоварня.

Сохранилась опись выстроенного, составленная после смерти царя, по-видимому, приостановившей работы. А.А. Тиц приводит данные, свидетельствующие, что за полтора года была осуществлена приблизительно половина намеченного: “От Шуйского переулка палата... поставлена для кормов всяких людей... Да под тою ж палатою 3 погреба с выходы”. Сведения описи позволяют предположительно отождествить с ней существующее здание во дворе Музея архитектуры им. А.В. Щусева [*ПАМ II*, с. 74]. Источник сохранил сведения об интерьере огромной (приблизительно 22 × 15 м) двустолпной палаты. Зал освещался через несколько “окончин”, стеклянных и слюдяных. Пространство было заставлено столами и скамьями. Стояли (по-видимому, у столбов) поставцы с посудой. Имелась большая кирпичная печь “с кожухом и с каминницею”. Пол был “намощен байдашными досками

длинными”. На втором этаже здания размещалась, предположительно, сушильня [ПАМ I, с. 114].

Палата “для кормов” – прообраз будущих предприятий общественного питания – строилась непосредственно перед приходом в приказ Винуса. В здании, по своей древности для современной Москвы не самом редком, но ценном в качестве одного из старейших общественных зданий столицы, он, несомненно, не раз бывал.

Штат Аптекарского приказа в 70–80-х годах XVII в. был довольно солидным. К 1681 г. число сотрудников превысило 100 человек. В нем числились 6 докторов, 4 аптекаря, 10 лекарей-иностранцев, 21 русский лекарь, 38 учеников лекарского и костоправного дела, 12 подъячих, огородники, толмачи и хозяйственные работники [ОПК, с. 64–65]. Список “чиновным людям” Аптекарского приказа, которых приводили к присяге новому царю 27 апреля 1682 г., выглядит скромнее: при неизменившемся числе докторов и аптекарей в нем по именам названы 2 алхимиста, 5 иностранных и 14 русских лекарей, 1 костоправ, 27 лекарских учеников и 3 ученика алхимистского и аптекарского дела – всего 62 медика против 79 годом раньше. Разницу объясняют тем, что в список 1682 г. попали лишь те работники приказа, которые находились в то время в Москве. Но цифры, возможно, отразили и результаты сокращения штата, упоминаемые некоторыми источниками (например, челобитной начала 1682 г.: “По твоему, великого государя, указу за многолюдством из Аптекарские палаты многие лекари и ученики отставлены”). Сравнение выявляет сокращение медицинских работников именно этих, указанных челобитчиком, двух категорий – лекарей и учеников. Помимо медиков была сокращена численность управленцев: из 12 подъячих оставлено только 5. Впрочем, как утверждает М.Б. Мирский, “уже весной 1682 г. штаты Аптекарского приказа были восстановлены и, может быть, даже увеличены” [Мирский, с. 48, 49].

В царствование Федора Алексеевича бюджет Аптекарского приказа как по расходу, так и по приходу, тяготел к 10 тыс. руб. – сумме по тем временам весьма значительной. Так, в 1681/82 г. годовой доход приказа составил 10 098 руб. 9 алт. полторы деньги, расход 8490 руб. 33 алт. Деньги поступали из приказов Большого дворца, Большой казны, Новгородской и Костромской четвертей, меха (частично замещавшие денежные выдачи) – из Сибирского. После открытия Новой аптеки, все расходы приказа покрывались из нее, а также из доходов от приписанных к приказу сел и деревень. В доходах аптеки значительную долю составляли поступления от кабака [Новомбергский, с. 89].

Услуги врачей-иностранцев стоили дорого и потому на государственной службе их было немного. При царе Федоре Алексе-

евиче и в регентство царевны Софьи Алексеевны число докторов колебалось, как правило, от шести (1681, 1682) до четырех (1687). В 1682 г. на службе в приказе состояли доктора Степан Фунгаданов, Лаврентий Блюментрост, Симон Зомер, Яган Гутменш, Андрей Келлерман и Захарий фан дер Гульст [*Мирский*, с. 49]¹³. К 1687 г. из перечисленных остались трое: Лаврентий Блюментрост “старый” и Симон Зомер, имевшие денежный оклад 130 руб. и месячный корм по 50 руб., а также Захарий фан дер Гульст – 140 и 30 руб. соответственно. К ним прибавился Лаврентий Блюментрост “меньшой” – 100 и 30 руб. [*ПИПР I*, с. 83]. Иногда по поводу оплаты возникали конфликты. Доктор Келлерман (сын купца Фомы Келлермана), столь настойчиво добивался прибавки жалованья, что в 1683 г. был уволен [*ПИПР I*, с. IV]. Три года спустя он писал из Гамбурга В.В. Голицыну – просился на русскую службу вновь. Просьба была удовлетворена, и в январе 1688 г. Посольский приказ отправил в Аптекарский память о направлении в его распоряжение возвратившегося в Россию врача.

Помимо прямых обязанностей, иностранные медики, люди нередко весьма образованные, брались иногда и за другие работы. Келлерман в упомянутом письме Голицыну предлагал перевести на славянский язык Библию [*ПИПР I*, с. IV, 76, 78]. Другой врач, Андреас Энгельгардт, известен созданными в 1664–1665 гг. по запросу царя Алексея Михайловича “прогностическими письмами”. Опираясь на астрологические расчеты, автор рассуждал о перспективе распространения в России “моровой язвы” и анализировал вероятное развитие внешнеполитических дел (политические прогнозы не оправдались) [*Богданов, Симонов*, с. 187–204].

Фигура последнего для рассматриваемого круга докторов-иноземцев достаточно типична. Немец по происхождению (родился в Нижней Саксонии), он унаследовал профессию отца. После учебы в нескольких университетах и получения звания доктора работал в Голландии, Шотландии, Саксонии, наконец, в России, куда в конце 1655 г. прибыл по контракту сроком на десять лет [*Богданов, Симонов*, с. 162, 161, 175]. Отработав, покинул Россию, но 11 лет спустя, в 1677 г. (в один год с приходом в приказ Винуса), возвратился. Теперь Энгельгардт прибыл на постоянное жительство, привез с собой сына Иоганна и брата с женой. Устраивался он капитально – оттого так долго возил свои вещи: даже летом 1678-го просил подводы для перевозки книг. Выписал себе карету для визитов к пациентам, получил ее. В пошлинных книгах Печатного приказа упомянута писанная 25 ию-

¹³ Их бывало и больше – по некоторым данным, до десяти человек [*ОРК*, с. 64].

ля 1679 г. грамота за приписью дьяка Андрея Винуса на Вологду к стольнику и воеводе Ивану Колычову и дьяку Василию Андрееву “по челобитью дохтура Андрея Энгелгарта: велено от Вологды до Москвы под лекарство да под корету дать шесть подвод” [91, л. 456 об.]. Но этот период пребывания Энгельгардта в России оказался короче первого: не позднее ноября 1680 г. он умер в Москве. Тесная связь семейства Энгельгардтов с Россией сохранилась и после 1680 г.: в 1697 г. на службу в Россию выехал с семьей сын Андреаса [Богданов, Симонов, с. 164, 187].

Поскольку иноземных врачей на русской службе было немного, основной объем осуществлявшейся приказом работы ложился на русских лекарей и аптекарей. Приказ организует их профессиональную подготовку. Осуществлялась она в основном путем индивидуального обучения у прикрепленных специалистов, а также в лекарской школе, открытой в Москве в 1654 г. [Мирский, с. 34]¹⁴. В лекарские ученики определяли стрельцов, стрелецких детей, а также детей и родственников медиков. На рубеже 70–80-х годов их было около 30. В период службы в приказе Винуса к уже учившимся присоединились: в 1679 г. сыновья лекаря и алхимиста, в 1682 г. сын костоправа и др. Ученики считались состоящими на службе, им выплачивалось жалованье. Обучение носило специализированный характер. Будущие лекари обучались анатомии, хирургии, акушерству, аптекари – ботанике, фармакологии, фармацевтике, знакомились с лечебными свойствами растений и т.д. По уровню подготовки и содержанию занятий они подразделялись на “старших” и “учеников меньшей статьи”. Основной обязанностью старших учеников была служба с лекарями в полках. Ученики, остававшиеся в Москве, обязаны были круглосуточно дежурить в приказе, исполняя разнообразную текущую работу.

Обязательным условием приема в ученики была грамотность кандидата. Обучавшимся аптекарскому и алхимистскому делу предстояло изучить латинский и “цесарский” (немецкий) языки. Овладеть ими можно было, посещая, например, школы московской Немецкой слободы. В 1678 г. из Аптекарского приказа туда направили троих учеников – сыновей доктора, лекаря и алхимиста, на следующий год еще двоих – детей чепучинного лекаря. Учителем их был “школьной науки мастер” Яган Понсиус (Понциус), получавший в месяц по рублю за ученика. Школьному ма-

¹⁴ И.П. Козловский упомянул недатированное, но относимое им ко времени пребывания в приказе Винуса, распоряжение принимать “в аптекарское научение” учеников из русских или нерусских, но непременно русских подданных [Козловский 1, с. 193].

стеру и докторам-учителям предписывалось нерадивых школяров, “по вине смотря”, наказывать [ОИШ, с. 109; ОРК, с. 149].

Важной, причем возрастающей в своем значении функцией Аптекарского приказа являлось обеспечение медицинской помощью армии. Начальный период работы Виниуса в приказе пришелся на время войны с Турцией. И уже в первый год этой службы (1678) он, вероятно, участвовал в осуществлении ответственного проекта – создании временного военного госпиталя, развернутого на Рязанском подворье. Лечение в нем велось профессионально подготовленными медиками (имелась “дохтурская палатка”). Питание “бездомовых” раненых и госпитальных лекарей осуществлялось за счет государственных средств – из Приказа Большого дворца. На излечении находились 746 человек (вероятно, не одновременно) [ОРК, с. 68].

Самые яркие эпизоды этой войны – Чигиринские походы 1677 и 1678 гг. – оставили след в памяти Виниуса, между прочим, еще и полученным в какой-то связи с ними поощрением. В 191 (1682/83) г. из принадлежавшей ему в Болховском уезде поместной земли 209 четей в поле было “дано ему за чигиринскую службу и за Троецкой поход в вотчину; и даны ему на то поместье жалованные вотчинные грамоты” [141, л. 691]. Два года спустя Виниус завершил начатый этим перевод болховского поместья в вотчину: выкупил чети, еще остававшиеся поместными [141, л. 691 об.].

В регистрационной пошлинной книге Печатного приказа 191 г. имеется запись от 13 января 1683 г. о запечатании жалованной грамоты, данной 31 декабря 1682 г. “на вотчину дьяку Андрею Андрееву сыну Виниусу, что ему дано за чигиринскую службу 191-го¹⁵ году, из ево ж помес[т]ья в Ярославском уезде в Черемошской волости... да в Болховском уезде в Однолуцком стану... перешло у него в вотчину десять чети” [101, л. 165]. Интерпретация текста вызывает затруднения¹⁶, но он ценен еще одним указанием на связь пожалования с Чигирином.

За отсутствием самой грамоты остается только гадать, получил ли Виниус награждение за медицинское обеспечение нужд

¹⁵ В рукописи год указан цифирью: РПА, т.е. 181. Столь ранняя дата (1672/73 г.) маловероятна и потому, что непонятно, о какой связанной с Чигирином службе может идти речь, и потому, что служба и пожалование за нее оказываются разделенными на десятилетие. Исправляем по смыслу на РЧА – 191 г.

¹⁶ Присутствующая в тексте дата (191, т.е. 1682/83 г.), судя по конструкции фразы, указывает время чигиринской службы. Но укрепления Чигирина после кампании 1678 г. были разрушены, о каких-то заметных событиях в этом районе, относящихся к осени 1682 г., нам не известно. Смущает и расхождение количественных параметров пожалования в сравнении с записью, цитированной выше.

армии (таковым, в частности, являлся упомянутый госпиталь) или за почтовую службу. Коммуникационные линии, связывавшие столицу с районами боевых действий, действительно создавались (так, в 1695 г. была пущена почта к Азову). Виниус возглавил почты в декабре 1675 г. – возможность, войдя в курс дела, пустить через несколько лет временную линию у него имелась. Но отличиться он мог и по основному месту службы. В 1682 г. царским указом Аптекарскому приказу было предписано устроить в Москве две постоянно действующие “шпитальни” (больницы). Одна должна была разместиться в Знаменском монастыре (по другим данным здесь предполагалось устроить богадельню), другая – на Гранатном дворе за Никитскими воротами. Лечить надлежало “бедных... и старых людей, служилых чинов, которые тяжелыми ранами на государственных службах изувечены”. Как и во временном госпитале, больным предполагалось предоставить полный пансион.

Был ли выполнен этот указ – не ясно. Некоторые исследователи отвечают на этот вопрос отрицательно [ОПК, с. 68]; другие ограничиваются указанием на отсутствие свидетельств о деятельности больниц [Заблудовский, с. 27], для третьих реализация указа сомнений не вызывает¹⁷. Если намерение реализовано не было, едва ли уместно винить в этом Аптекарский приказ. Вероятно, правительство не сумело изыскать средства для долговременного содержания на казенный счет стационарного лечебного учреждения. Но даже появление такого проекта – шаг в развитии здравоохранения в период, когда главным медицинским учреждением страны заведовал Виниус.

Жизнь Аптекарского приказа и его служащих была небогата яркими событиями. В суеде ежедневной рутинной работы глоснут отдельные голоса, тускнеет персональная воля. Как выделить личный вклад Виниуса в деятельность учреждения? Его фигура тонет в тени не только приказного судьи, но и некоторых из сотрудников, например иностранцев-докторов, действовавших подчас достаточно индивидуально. Но даже обзор обязанностей, возлагавшихся на дьяка (не забудем – единственного в Аптекарском приказе), свидетельствует о важности его роли в организации работы. Допустимо утверждать, что, имея непосредственным начальником Н.И. Одоевского – человека почтенного возраста, к

¹⁷ Утверждается даже, что больница на Гранатном дворе была открыта “при непосредственном участии Виниуса” [Милюков 2000а, с. 55]. М.Б. Мирский, говоря об открытии в 1682 г. третьей московской аптеки, упоминает, что она была создана при “первом гражданском госпитале” у Никитских ворот [Мирский, с. 38].

тому же обремененного другими обязанностями, Виниус в Аптекарском приказе сосредоточил в своих руках весьма значительную власть.

Вместе с тем, организационный талант и инициативность Виниуса отнюдь не гарантируют его причастности абсолютно к любой, исходящей из Аптекарского приказа примечательной инициативе. Выше упоминалось о посылке из приказа в лютеранскую школу Немецкой слободы учеников для изучения языков, нужных для аптекарского дела. Европейские генетические и культурные корни Виниуса, многочисленные знакомства с проживавшими в Москве иностранцами, отмечаемый для более позднего времени интерес к сфере специального образования позволяют утверждать, что он смог бы организовать такую учебу. Но был ли причастен к ее организации в действительности? В ближайшем служебном окружении Виниуса и без него хватало связывавших культуры посредников – одних иностранных докторов в 1681 г. было десять человек [ОПК, с. 64].

Какие обязанности лежали на дьяке Аптекарского приказа?

Дьяк и подчиненный ему технический персонал (переводчики и переписчики) обеспечивали правильное ведение делопроизводства. Будучи центральным государственным учреждением, Аптекарский приказ вел значительную переписку. Как уже отмечалось, он имел собственный бюджет, причем немалый. Его исполнение требовало сношений с приказами (перечисленными выше), из которых поступали деньги и меха [Новомбергский, с. 89]. Эти контакты находились в непосредственном ведении дьяка.

Как ответственное лицо, Виниус подписывал разнообразные исходящие из приказа деловые бумаги, готовившиеся подчиненными. Его имя стоит, например, под текстом отписки Аптекарского приказа от 22 ноября 1687 г. по запросу приказа Посольского о жалованьи докторам, при этом подпись начальника приказа отсутствует [ПИПР, с. 83]. Здесь же указано имя чиновника, готовившего отписку: “Справил Ивашка Протопопов”. По-видимому, это тот самый Протопопов, который позже – в 1689 г. – займет в Аптекарском приказе место дьяка, освободившееся после ухода Виниуса.

Обязанности дьяка не ограничивались организацией делопроизводства. На нем лежала ответственность за подготовку вопросов, выносившихся на решение судье. Ряд обязанностей проистекал из специфики деятельности приказа. Так, одной из первых по важности его функций являлось обеспечение мер, призванных защитить царское здоровье от возможного ему ущерба. Десятилетиями сохранялся в приказе особый порядок хранения лекарств для царя – за печатью дьяка, т.е. на его ответ-

ственным хранении, их держали в особой комнате Аптеки (“казенке”).

Вспоминая в 1707 г. в письме царю о трудах в Аптекарском приказе и оценивая их словами “многия неисправы во благое окончание устроих”, Виниус упомянул, однако, всего лишь один конкретный пример своих достижений: осуществленную им переработку “присягательных статей” для иностранных докторов и аптекарей. Присяга проводилась с целью повысить ответственность врачей-иноземцев, “которым... – по словам письма, – ваше величество себя и весь пресветлеишии дом ваш вверяете”. В действовавшей версии статей Виниус усмотрел “содержимыя отбездательства воинам, а не врачем” и, перерабатывая, “написал подобающе, и на разныя языки удобнейшаго ради разумения новопришедших иноземцев приложишася” [148, л. 178].

Аптекарский приказ не являлся административным учреждением в чистом виде. В него входили структурные подразделения “производственного” назначения: аптека, где готовились лекарства, поставлявшие ей сырье аптекарские огороды, участок по производству “глиняных судов” и др. Приказу поручали “ведение” частных промышленных предприятий и не имевших отношения к профилю его деятельности – таких, например, как “бархатный завод” иноземца Захария Павлова.

Прибывший в Московское государство по предварительному “уговору” “бархотного и иных шелковых дел уговорщик” Захарий Павлов сын Паулс (Паульсен) “привез с собою розных шелковых дел мастеров и на Москве на дворишке своем сделал всяких шелковых товаров на семьсот рублей с лишком”. В период с 20 июля 1681 г. он с мастерскими людьми (18 человек с женами и детьми) ведался в мастерской палате, а 28 декабря этого года их поручили ведению постельничего А.Т. Лихачева и дьяка А.А. Виниуса. После смерти царя Федора Алексеевича Паулс подал челобитную с просьбой определить ему приказ, в котором “о своих делишках... великим государем бити челом”. 11 ноября 1682 г. его было велено ведать “*по-прежнему* в Аптекарском приказе” боярину и дворецкому князю В.Ф. Одоевскому и тому же Виниусу [ДАИ X, № 51, с. 173, 178, 183].

Не исключаем, что передаче бархатного завода в ведение Аптеки способствовал Виниус – в пользу этого говорит неизменный на протяжении жизни его интерес к промышленному предпринимательству. Сведений о том, в чем именно выразилось порученное аптекарским судье и дьяку курирование бархатного завода, немного. Виниус выступал в качестве медиатора между частной “фирмой” и государством и при необходимости вершил суд в отношении связанных с ней иностранцев. Упоминается, на-

пример, что 20 марта 1682 г. по памяти из Аптекарского приказа за приписью дьяка Виниуса из Казенного приказа в Аптекарский было передано пуд 22 с половиной фунта шелка-сырца. Последний отдали Паулсу, с которого в обмен решено было “имать... товарами по рядовой цене”. 26 января 1683 г. перед Н.И. и В.Ф. Одоевскими и дьяком Виниусом Паулс “извещал словесно” на своих мастеровых людей Яна Яковлева и Самойлу Котова в том, что “в доме его, Захаровом, тот Ян бранил его, Захарья, и бил, и за волосы драл... а Самойло де ему, Яну, потакал”. 28 февраля 1683 г. Виниус “снес с верху” царский указ, интересный не только фактом предоставления Паулсу очередной льготы (списания 500 руб. – половины казенного долга), но и отчетливо выраженным в нем отношением властей к его затее: “А ему, Захарью, по обещанию своему и по прежнему своему челобитью, того завода не пометывать, и видя к себе их государственную прежнюю и нынешнюю премногую милость и жалованья, радеть со всяким усердием, чтоб то мастерство в Московском государстве множилось и мастеров своих и учеников русских, которые у него в научении есть, без указа великих государей от себя ему, Захарью, не отсылать, и завода своего не разорять, и двора, на котором тот завод заведен, не продавать, и с теми мастеровыми людьми всякое вышепомянутого мастерства дело делать и заводить, чтоб подобием окрестных государств, в которых такие дела делают, всякие локотные товары в Московском государстве становились дешевле и заводились в делах большим заводом; и буде впредь про обиход великих государей понадобятся какие локотные товары, и те товары ему, Захарью, делать по образцом по своей цене без прибыли и отдавать в казну без мотчания” [ДАИ X, № 51, с. 180, 181, 184].

Бархатным заводом Виниус занимался сравнительно недолго – около трех лет. 26 ноября 1684 г. вышел указ, передавший его из ведения Аптекарского приказа в Посольский [ДАИ X, № 51, с. 187]. Незадолго до переподчинения заводчик испытывал значительные материальные затруднения, его мастера даже били челом, прося о помощи. Паулс работал на дорогом сырье и ощущал постоянную потребность в оборотном капитале. Сложившихся отношений с восточными купцами (поставщиками шелка-сырца) у Аптекарского приказа не было. Виниус, отчаявшись наладить дело, вероятно, решил от него отойти. Желание совпало с возможностью: существовало учреждение (Посольский приказ), передача в которое Паулса и его дела представлялась вполне разумной – он и его мастера были иностранцами, кроме того, здесь имелись рычаги, позволявшие влиять на привозивших сырец иноземных купцов.

Довольно многочисленным персоналом, состоявшим в штате Аптекарского приказа, и подчиненными ему (приказу) структурными единицами нужно было управлять и организационно их обеспечивать. Руководство этой работой также осуществлял приказный дьяк, имевший в отношении служащих немалые полномочия. Лекари, ученики подчинялись ему не только в плане прямых обязанностей – здесь же, в приказе, они были “ведомы судом и расправою” [ОИШ, с. 110]. В реализации делегированного приказу права судить и миловать непосредственное участие принимал А.А. Вinius.

Длительность пребывания Виниуса в Аптекарском приказе свидетельствует, что он справлялся с управлением разнородным по составу коллективом. Ему удавалось гасить конфликты, в нем несомненно возникавшие и в своем большинстве нам неизвестные, ликвидированные без документирования, в рабочем порядке. Исключением является упоминаемый в источниках конфликт с подьячим Т. Антипиным. Позже, в 1703 г., рассказывая о борьбе с другим нечистым на руку подьячим (Л. Матвеевым), которого Вinius “унимал от многих ево блуден; и велел ево считать с сиденья ево в приходе и в росходе”, он вспомнит прочно врезавшийся в память эпизод времени первого своего пребывания в Аптекарском приказе: “Да и в прошлых де годех¹⁸, как он, Андрей, в той же Оптеке сидел, за такие ж щоты от подьячего Тимофея Антипина всякие наветы, и тягости и теснение безвинно себе принимал, как о том ево, Андрееве, страдании самому ему, государю, извесно”. Силы противника оказались настолько велики, что, для того чтобы справиться с ним, потребовалось привлечение самых крайних средств: “И от тех наветов, – сообщает Вinius, – избавился ево государевою премногою милостью” [ПуБ II, с. 494–495]. Этот эпизод Вinius вспомнит еще раз в Голландии в 1707 г. в письме Петру I. “Крадущий подьячий”, которого он уличил и обличил, приобретает в его изображении почти дьявольские черты: “Злодей, – рассказывает Вinius, – ложными словесы” из “такоюкой той гордыя своя безбожныя своя ярости, кроме всякаго испытания, многими ложми клеветы... великое на мя подъяль го[не]ние”. И снова напоминание об оказанном покровительстве: “Величество ваше, видя мою винность (т.е., видя меня обвиненного. – И.Ю.), милосердо зацщитил”, благодаря чему честный “спасохъся” [148, л. 178–178 об.].

¹⁸ Туманное “в прошлых де годех” позволяет отнести информацию о конфликте предположительно к первому, 1678–1689 гг., периоду работы Виниуса в Аптеке. Упоминание о государе, разрешившем проблему, сузить хронологический интервал не позволяет. События могли относиться как ко времени правления Федора Алексеевича, так и регентства Софьи Алексеевны, когда челобитные адресовались на три имени: малолетних царей и царевны.

4.3. В годы регентства

27 апреля 1682 г., в четверг Фоминой недели, “грех ради всего Московского государства”, “оставя земное царство”, безвременно (22-х лет) переселился “в небесную обитель” великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец [*Соловьев VII*, с. 308].

В тот же день целовали крест новому государю Петру Алексеевичу: бояре, окольные, думные и ближние люди – в хоромах, где умер царь Федор, стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы – в церкви Спаса “вверху”, прочие разные чины – в церкви Двенадцати Апостолов (в число приводивших здесь “к вере” входил думный дьяк Е.И. Украинцев), дворовые люди – в церкви Рождества “на дворце”. Отдельно от остальных приводили ко кресту и к вере в двух приказах – Посольском и Аптечном. За проведение процедуры в Аптеке отвечали боярин и дворецкий князь В.Ф. Одоевский и дьяк Андрей Виниус [*Соловьев VII*, с. 308–309]¹⁹. Среди приведенных тогда к присяге “чиновых людей” было 62 медика (17 иноземцев и 45 русских), 5 подъячих, 2 толмача, истопники, сторожа Старой и Новой аптек, гончар [*Мирский*, с. 49] – в общей сложности не менее 74 человек.

Обычным на Руси способом – целованием креста – подтверждали свою верность православные русские медики. Для иностранцев этот ритуал заменяла присяга, проводившаяся в присутствии Одоевского и Виниуса при участии “из Немецкие слободы люторской веры” пастора Петра Рана. Он говорил каждому речь, тот, приняв особую позу (“правая рука два перста простерты, подняв палец и меньшие персты согнув”), отвечал клятвой, после чего целовал Четвероевангелие в начале первой главы Евангелия от Иоанна [*Мирский*, с. 50].

Не везде присяга проходила гладко. Голоса за Ивана звучали еще на соборе. Теперь “учинились сильны и креста не целовали стрельцы Александра приказа Карандеева” [*Соловьев VII*, с. 309]. Пришлось посылать уговорщиков, Украинцева в их числе. На этот раз уговорили.

15 мая с барабанным боем стрельцы ворвались в Кремль. В этот и ближайшие дни на копьях расшвырявшего войска погибли десятки человек, в том числе возвратившийся из ссылки боярин А.С. Матвеев и боярин П.М. Салтыков, еще недавно приво-

¹⁹ Обратим внимание на то, что судья Аптекарского приказа кн. Н.И. Одоевский в приведении к присяге его штатного состава не участвовал – еще одно свидетельство удаленности этого знатного вельможи от работы в нем и одновременно участия в ней Виниуса.

дивший чины к присяге. В челобитных, более напоминавших недопускавшие обсуждение приказы, стрельцы требовали сослать или постричь в монахи ряд неугодных им противников Софьи, утвердить соправителями двух царей, признать первым из них Ивана, наконец – передать правление по причине молодости государей их сестре царевне Софье Алексеевне.

Добившись руками стрельцов власти, Софья их усмирила, а начальника Стрелецкого приказа князя Ивана Хованского (сменившего убитого 15 мая Ю. Долгорукого) и сына его Андрея 17 сентября, в день своих именин, казнила. На место Хованского заступил думный дьяк Федор Шакловитый.

“Правление царевны Софьи Алексеевны началось со всякою прилежностью и правосудием всем и ко удовольствию народному, так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было. И все государство пришло во время ея правления, чрез семь лет, в цвет великого богатства” [Куракин, с. 62–63].

О деятельности в годы регентства (с 29 мая 1682 г. по 7 сентября 1689 г.) оставшегося в Аптекарском приказе Виниуса известно немного. Его начальник кн. Н.И. Одоевский пользовался прежним авторитетом – по крайней мере дважды, в 1683 и 1684 гг., был удостоен чести говорить от имени бояр приветственную речь царям во время “действия Нового лета” (деталь церемониальная и потому статусная).

Его главный помощник по Аптеке, дьяк Андрей Виниус, обремененный заботами еще и о почтах, напротив, в эти годы неизменно оставался в тени. Не обнаруживаем – во всяком случае при поверхностном, беглом взгляде на события – ни одного сколько-нибудь заметного среди них, в котором бы он выступал *действующим* лицом. Между тем он не только был знаком с первыми людьми государства (это предполагал характер службы), но и выполнял, как вскоре убедимся, некоторые ответственные их поручения. Но оставался при этом по-прежнему в стороне.

Хотя карьерный рост Виниуса снова остановился, считать годы его пребывания в Аптекарском приказе безвозвратно потерянными нет оснований. В этот период укреплялись связи, упрочнялось положение, возводился каркас здания личного благосостояния, первые камни в фундамент которого были заложены на прежней службе. Увеличивались доходы, часть которых обращалась на накопление: прирастала недвижимая собственность и число крепостных душ. Источниками выступали жалованье, доходы с почты и предпринимательство.

Представление о характере и объеме хозяйственной, в том числе предпринимательской, деятельности Виниуса этого времени дают записи в пошлинных книгах Печатного приказа. Нами

произведена выборка касающихся его материалов из этих книг за четверть века – с 1660 по 1685 г.²⁰ Приводимые данные не являются исчерпывающими: не все книги сохранились, а некоторые из сохранившихся имеют утраты. Тем не менее систематизация выявленного материала позволяет прийти к довольно интересным выводам.

Для указанного периода было выявлено 43 упоминания о запечатанных в приказе грамотах, регистрационные записи по поводу которых содержат имя Вiniusа [85, 87–108]. В одном случае оно присутствует в дьячей приписи – эту касающуюся аптекарских дел грамоту (содержание ее охарактеризовано выше) далее в подсчетах не учитываем. Из остальных 42 грамот 2 жалованные и 39, данных по челобитью А.А. Вiniusа. В одном случае – грамота в Торжок от 31 марта 1682 г. – ссылка на челобитье отсутствует, но, судя по упоминанию иска Вiniusа, дело начиналось обычным порядком – с его челобитной. Тот факт, что появление *всех* грамот инициировано Вiniusом, свидетельствует о его деловой активности, опережающей активность контрагентов в конфликтных между ними ситуациях.

Самый ранний документ относится к 1660 г., Вinius в нем обозначен членом гостиной сотни. Семь грамот относятся к 70-м годам – времени его пребывания в Посольском приказе. Отмечается постепенное нарастание частоты их появления: 1771 г. – одна грамота, 1775 г. – две (в том числе жалованная, общая с Я.Г. Галкиным, на поиск руд), 1777 г. – четыре. Как видим, выход А.А. Вiniusа из непосильных для него с финансовой стороны геологоразведочных изысканий действительно позволил ему восстановить некоторую, пока еще очень скромную, деятельность в хозяйственно-экономической сфере.

К периоду пребывания Вiniusа в Аптекарском приказе относятся подавляющее большинство выявленных грамот – 34. Они охватывают период с сентября 187 (1678) по январь 193 (1685) г., т.е. до самой границы изученного нами периода. Для этого периода, разбитого на двухлетия, имела место следующая динамика хозяйственной активности: 187–188 гг. – 7 грамот, 189–190 гг. – 6, 191–192 гг. – 17, 193 г. (первые полгода) – 4. Если выдачу грамот

²⁰ Использованы алфавиты, охватывающие кн. с № 1 по № 249 за период с 1613 по февраль 1685 г. включительно. Более поздние книги не просматривались. Две книги первой половины 1670-х годов (№ 172 и 180), в каждой из которых, судя по алфавиту, должно было присутствовать по одной интересующей нас записи, получить не удалось. В нескольких случаях (кн. 198, 246, 248) выявились ошибки в алфавите: записи по его указаниям обнаружены не были (или были, но не все) – по-видимому, их поисковые данные искажены. Вместе с тем найдены записи, алфавитами не учтенные.

по челобитьям допустимо считать в некоторой степени характеристикой хозяйственно-экономической активности челобитчика (а в этом убеждает их содержание), то можно констатировать, что со 191-го (сентябрь 1682 г.), т.е. фактически с начала периода регентства, имел место отчетливый и достаточно резкий – в 2,5–3 раза – рост хозяйственно-экономической активности Виниуса. Нет сомнения, что и в дальнейшем темп инициирования порождения грамот и отражаемая им степень активности не снижаются. Виниус увлеченно и небезуспешно строит свой Дом.

Содержание грамот раскрывает, в чем состояла его деятельность.

Из 34 грамот в 11 (32,4%) говорится о принадлежащей Виниусу *земельной собственности*: его поместьях в Болховском, Епифанском, Карачевском, Ярославском уездах, вотчинах в уездах Болховском, Мещовском и Ярославском.

В шести грамотах речь идет об отказе земли Виниусу: в одной – в Мещовском уезде в вотчину, в остальных – в уездах Епифанском, Болховском и Карачевском в поместье. Формы приобретения собственности различны. В одном случае Виниус получает вотчинные чети в Ярославском и Болховском уездах по жалованной грамоте. В двух – выступает покупателем (упомянуты купчие), приобретая вотчинную землю в Мещовском уезде у частного лица и выкупая в вотчину в Болховском уезде собственную поместную землю. Дважды имеет место обмен: внутри Болховского и Карачевского уезд за Епифанский. В четырех грамотах предписывается произвести межевание принадлежащих Виниусу поместных и вотчинных земель в Болховском и Епифанском уездах.

Другая группа грамот касается зависимых от Виниуса людей, преимущественно крестьян (кабальный человек упомянут только один). Четыре грамоты сообщают об изменении адреса местного учреждения (Калуга вместо Мещовска, Ярославль вместо Пошехонья), в котором впредь следует “людей ево и крестьян судом и росправою ведать”. Пять документов касаются сыска беглых крестьян и требуют отсылки в Москву их самих, касающихся их следственных дел и, в одном случае, лица (смоленского шляхтича), которому Виниусом вчинен иск “в беглых ево крестьянех и в пожилых денгах и в крестьянских животах”; они посланы в Нижний Новгород, Торжок, Дорогобуж, Брянск.

Возврат беглых и заплата пожилых за них денег – только один из сюжетов исков, которые вчиняет Виниус. Всего с исполнением его исков непосредственно связано 12 грамот, направленных в Болхов (две), Брянск (три), на Двину, в Дорогобуж, Калугу, Лихвин, Мещовск и Торжок (две). Только в трех из них идет речь о доправке и присылке в Москву непосредственно денежной

суммы. Во всех остальных предлагается направить в столицу ответчиков по искам Виниуса. Содержание сделки, породившей имущественные отношения, запись раскрывает достаточно редко и в самом общем виде. Четырежды это в чистом виде денежные займы, один раз говорится о неотданном хлебе и понесенных в связи с этим убытках²¹. Чаще указан лишь тип фиксирующего имущественные отношения документа: иски вчиняются по письмам, по записи, по кабале.

Величина суммы указана в восьми грамотах; она колеблется от 15 руб. до 240²². Общая сумма по восьми искам составляет 1137 руб., средняя сумма иска – 142 руб. 12,5 коп.²³ Среди лиц, материальные претензии к которым имеет Виниус, – гостиной сотни Иван Климов, калужские посадские люди Василий Моисеев с детьми, новоторжец посадский человек Захарка Калачников с детьми, другие представители городского населения (по-видимому, тоже посадские) – Афанасий Рясенский с товарищи из Торжка и живущий, вероятно, в Мещовске Ермола Врасков. Здесь же представители привилегированных слоев населения: болховские землевладельцы Григорий и Иван Нелюбовы, принадлежавший, судя по фамилии, также к служилому сословию Василий Хитрово из Лихвина, смоленский шляхтич Гаврила Юкавский и иноземец Денис Бумс, на которого Виниус подал самый большой иск.

Регистрирующие грамоты записи прямо свидетельствуют о том, что Виниус в указанный период практиковал кредитование, причем на довольно значительные суммы. Последнее особенно интересно, если учесть довольно скромный его материальный достаток еще в середине 1670-х годов. Источники, не говоря об этом прямо, позволяют заподозрить занятия им предпринимательской деятельностью и в иных формах. Другие источники полностью подтверждают эти предположения: Виниус несомненно продолжал коммерческую деятельность, начатую еще до прихода на государственную службу. Она, конечно, была довольно скромной, о чем говорит, в частности, редкость записей соответ-

²¹ Упомянем также о двух отмеченных в грамотах имущественных преступлениях – кражах, в том числе одной специфически связанной с предпринимательскими занятиями Виниуса (похищены золотые из почтовых сум).

²² В одной грамоте (на Лихвин) указана меньшая сумма – 11 руб. 30 алтын, но непосредственно перед ней в тексте имеется лакуна, вполне способная поглотить сотни, если они были.

²³ Но, вероятно, эти цифры должны быть несколько меньше, поскольку две грамоты с указанными в них близкими суммами относятся к одному лицу – разыскиваемому в Брянске Ивану Климову, и не исключено, что они являются вызовами по одному иску. В этом случае общая сумма по 7 остающимся грамотам снижается до 937 руб., но величина среднего иска остается достаточно высокой – 133 руб. 86 коп.

ствующей тематики из связанных с его именем грамот, отмеченных в книгах Печатного приказа. Но она *была*.

Любопытный ее образчик рисует судное дело Виниуса с неким Иваном Комаровым, относящееся к самому концу его пребывания в Аптекарском приказе и выходящее за границу этого этапа его служебной биографии.

Инициатором дела явился вологжанин посадский человек Иван Комаров, который в 196 (1687/88) г. подал на Виниуса в Новгородском приказе иск на довольно значительную сумму в 800 руб. Комаров в 197 (1688/89) г. суд проиграл: в иске ему было отказано, а Виниус был “оправлен”. Но в том же 197 г. и в том же Новгородском приказе “приставил он, Андрей, к нему, Ивашке”: вчинил встречный иск на аналогичную сумму, а также “в бесчестии” [35, л. 1]. В нашем распоряжении нет соответствующих приставных памятей, но некоторые сведения о предмете спора сообщает Комаров в своей челобитной, поданной 22 марта 1689 г.: “Приставил де к нему дьяк Андрей Виниус будто по явным писменным свидетелствам в четырехстах бочках селдях з дополнюю ценою в осмистах рублей декабря в 31 день, будто в безчестье своем генваря в 2 день” [28, л. 162–162 об.]. Самое интересное здесь – сельди, о которых упоминают еще два известных нам по этому делу документа [35, л. 7, 7 об.], но сообщают о них, к сожалению, еще меньше, чем процитированный фрагмент. И тем не менее ясно, что в центре конфликта – спор хозяйствующих субъектов, связанный с каким-то процессом обмена: движением от собственника к собственнику и, вероятно, из одного места в другое бочек с сельдью. И натуральный объем партии товара (400 бочек с “дополнюю”) и ее стоимость (800 руб.) – весьма значительны. Годовой оклад самого Виниуса в 1674/75 г. составлял 82 руб. [Беляков 2001, гл. 2]. Правда, таким он был, когда Виниус числился еще в переводчиках Посольского приказа, дьяком Аптекарского приказа он получал больше. Но не в 10 раз против указанной суммы. Дьяки Посольского (!) приказа при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче, согласно наблюдениям А.В. Белякова, имели оклад от 70 до как минимум 202 руб., а может быть, и несколько выше – до 250 руб. [Беляков 2001, гл. 1]. Как видим, Виниус, находясь на государственной службе, занимался торгово-предпринимательской деятельностью, имея в обороте суммы, существенно превышавшие его годовой денежный оклад.

Борьба Виниуса и Комарова отличалась примерным ожесточением сторон, поднаторевших в технике знаменитой московской волокиты. Чего здесь только не было: и взаимные обвинения (одних только челобитных было подано Виниусом не мень-

ше 13, Комаровым – не меньше 11 [35, л. 7, 7 об.]), и неявки на судебные заседания, и отсрочки с хитроумными их оправданиями (вроде подряда на сопровождение до Архангельска казенного погаша) и т.д. Не станем на этих изощрениях останавливаться, отметим только, что Винуус неизменно демонстрирует в приказных судебных ристаниях выдержку и настойчивость, что, несомненно, содействовало его судебным победам. Помогали ему, возможно, и постепенно складывавшиеся семейные и корпоративные связи в московских приказах. Влияние их замечаем в истории с Комаровым. Иск последнего рассматривается в Новгородском приказе, “вершеное” дело передается в Расправную палату, встречным иском Винууса занимается Посольский приказ, наконец, по инициативе Винууса дело переносится в Московский судный приказ. Присмотримся к этому списку. Вместе с другими областными приказами Новгородский в это время (конкретно, со 190 г.) находился в общем ведении приказа Посольского²⁴. Посольский же для Винууса-чиновника был его родной колыбелью. В нем прошли первые 15 лет его служебной биографии и здесь, несомненно, сохранялись у него старые связи и “свой” люди, в том числе влиятельный Е.И. Украинцев, который, если к тому времени не стал, то вскоре станет Винуусу свойственником. Каналы влияния имелись, возможно, и в Расправной палате, которую в правительстве, сформированном царевной Софьей Алексеевной, возглавил его начальник по Аптекарскому приказу кн. Н.И. Одоевский [*Куракин*, с. 62].

Как уже говорилось, под началом нового начальника Аптекарского приказа кн. Я.Н. Одоевского Винуус проработал скорее всего недолго²⁵ – уже 19 сентября 1689 г. среди приказных управленцев встречаем имя пришедшего ему на смену дьяка Ивана Протопопова [*Богоявленский*, с. 16]. Данных, что Винуус “не сработался” с новым начальником, у нас нет. Уход из Аптеки явился скорее всего следствием осознанного решения полностью переключиться на работу в Посольском приказе, контакты с которым, в частности по линии почты, не прекращались все эти го-

²⁴ С переходом Винууса в Посольский приказ он будет выполнять функции дьяка и в нескольких областных приказах, в частности в Новгородском. В документах последнего его след отмечается с ноября 1689 г. (см. ниже), но не исключено существование и более ранних упоминаний.

²⁵ Нам не известно точно, когда Винуус покинул Аптекарский приказ. Произошло это между 25 февраля и 19 сентября 1689 г. Можно предположить, что с Аптекарским приказом он расстался одновременно с переходом в Посольский, в документах которого упоминается с 30 июня 1689 г. В этом случае пребывание Винууса в Аптекарском приказе продолжалось *ровно* 11 с половиною лет.

ды. Даже при сохранении неизменным чина новое место в сравнении с Аптекой было не менее ответственным и почетным; вместе с тем перемещение в дипломатическое ведомство открывало определенные перспективы, на старом месте уже исчерпанные²⁶.

4.4. “За ево в Аптекарском приказе радение и учиненные прибыли” (некоторые итоги)

Попытаемся дать оценку трудам Виниуса в Аптекарском приказе.

Высказывания историков по этому вопросу не вполне однозначны.

Г.Ф. Миллер, как мы уже говорили, особо отметил назначение Виниуса в Аптекарский приказ, квалифицировал его как повышение, важное “по причинам и следствиям”, подчеркнул, что “он был в состоянии исправлять эту должность лучше, нежели знатнейшие бояре” [Миллер 1996а, с. 347, 348] (рис. 7).

И.П. Козловский, службы Виниуса по здравоохранению коснувшийся очень бегло, характеризовал ее в целом положительно: тот, по его мнению, “делал много для Аптекарского приказа”, поэтому “в истории русской медицины имя Виниуса... не осталось безызвестным” [Козловский I, с. 218, 192]. Передачу в приказ медицинских книг из Тайного приказа и подарок Виниусу иконы (о ней ниже) он интерпретировал как свидетельство внимания царя Федора Алексеевича к приказу и “его начальнику”, подразумевая под последним Виниуса [Козловский I, с. 193]. Но он же обратил внимание на слова из письма В.В. Голицына, являющиеся, по мнению биографа, косвенным указанием на то, что в отношении аптекарских дел Виниус “не всегда отличался образцовой аккуратностью” [Козловский 1911а, с. 210].

С.Г. Милюков, уделивший большее внимание деятельности Виниуса в Аптекарском приказе, оценил ее весьма высоко. Виниус, по его мнению, “сыграл прогрессивную роль в становлении военной и гражданской медицины в России в допетровское и петровское время. Его административный талант способствовал развитию передовых форм и методов лечения, медицинского обслуживания населения и подготовке отечественных кадров в России” [Милюков 2000б, с. 12–13]. Это заключение вписывается в свойственное этому исследователю беспримесно панегирическое восприятие личности и деятельности Виниуса.

²⁶ Даже с учетом того, что в Аптеке Виниус был единственным дьяком, а в Посольском приказе на середину 1689 г. их, кроме Виниуса, было четверо, да еще думный дьяк (Е.И. Украинцев), да два боярина с княжескими титулами.

Рис. 7. Портрет А.А. Виниуса (предполагаемый). Рис. из альбома “Книга Виниуса”. Последняя четверть XVII в.

Обратимся к источникам, из которых особо выделим свидетельство секретаря императорского посольства И.Г. Корба, побывавшего в Москве в 1698–1699 гг. Говоря в своем дневнике о царских аптеках, он останавливается и на связанной с ними деятельности Виниуса:

“Если следует верить самим фармацевтам, то никогда не были так хорошо устроены царские аптеки, как в то время, когда ими заведовал господин Виниус. Будучи немцем по происхожде-

нию, он прилагал повсюду вполне благоразумную заботливость; если врачи или аптекари указывали ему на недостаток чего-нибудь, то он прилагал все меры к тому, чтобы не ощущалось отсутствие чего-нибудь необходимого. Преемники же Виниуса в этой должности отличаются по своему невежеству недоступностью и гордостью; они не слушают врачей и не приобретают с должной старательностью новых лекарств; в силу их заблуждения и небрежности дело дошло до того, что, всякий раз, как нужно лечить больного, врач не может прописать того лекарства, которое он признает наиболее полезным для изгнания болезни, но предлагает другое равносильное, про которое он знает, что его можно найти в аптеке” [Корб, с. 215].

Приведенные строки были написаны почти через десятилетие после ухода Виниуса из Аптекарского приказа. Между тем память о нем (Корб ссылается на фармацевтов) здесь сохранилась, причем такая, что выгодно отличала его от тех, кто пришел на смену.

Конечно, оценивая достоверность свидетельства Корба, следует учитывать возможность преувеличения им значимости дея-

тельности лица иностранного происхождения (а Корб это обстоятельство не только отчетливо осознает, но и подчеркивает). В Аптекарском приказе фигура Виниуса воспринималась с одобрением далеко не всеми. Выше упоминалось о его конфликте с подъячим Т. Антипиным, сумевшим порядочно досадить своему начальнику (“всякие наветы, и тягости, и теснение безвинно себе принимал”, вспоминал о нем Виниус позже [*ПуБ II*, с. 494–495]). Справиться с “теснением” недоброжелателей из числа своих подчиненных Виниус самостоятельно не сумел и только вмешательство высшей власти позволило ему переломить ситуацию.

И все же, полагаем, Корб вполне адекватно передал подслушанное им мнение: деятельность Виниуса в Аптекарском приказе оценивалась достаточно высоко.

Намереваясь это доказать, предварительно разделим изучаемый период на две части, относящиеся к правлениям разных царей. Каждому соответствовала своя правящая элита – она и оценивала деятельность отдельных управленцев. Угодные одной команде, они могли оказаться совершенно неприемлемыми для другой.

При Федоре Алексеевича фигура Виниуса в качестве аптекарского дьяка властную элиту высшего эшелона, судя по всему, вполне устраивала.

Устраивала в первую очередь болезненного царя. Заключаем это из факта поднесения Виниусу ценного подарка: пожалования ему Федором Алексеевичем хранившегося в иконохранительнице царских чертогов старинного образа Нерукотворного Спаса, по преданию прибывшего в Россию от цесаря Рудольфа еще при царе Иване Васильевиче. Существовавшая на тыльной стороне иконной доски надпись причину пожалования определяла весьма туманно: “За многую... милость... пожаловал от царские палаты” [*Образ*, с. 3]²⁷. Но общую высокую оценку трудов Виниуса в годы его работы в Аптекарском приказе факт пожалования высвечивает достаточно отчетливо. Несомненно, управленческая его

²⁷ В Георгиевской церкви с. Ломинцева (современный Щекинский р-н Тульской обл.) находилась внесенная помещицей Владыкиной икона якобы XVI в., с надписью на обороте, сообщавшей о том, что прежде она принадлежала царям Ивану Грозному, Федору Иоанновичу, патриарху Филарету, царю Федору Алексеевичу и Андрею Виниусу. В работе, из которой заимствуем эти сведения, А. Виниус расшифрован как “основоположник тульской металлургии” [*Романов*, с. 15]. Последнее, учитывая отсутствие отчества и сведения о прежних владельцах, весьма сомнительно. Еще один список с этой пожалованной Виниусу иконы в 1913 г. находился в Петербурге, в церкви свв. Захарии и Елизаветы Кавалергардского е.в. государыни императрицы Марии Федоровны полка, куда был пожертвован кавалергардом Ф.И. Ладыженским [*Цитович*, с. 56].

работа в области здравоохранения в формировании этой оценки сыграла не последнюю роль.

На первый взгляд менее определена ситуация для следующего периода. Винуса оставили при Аптеке и после смерти Федора Алексеевича, что однозначно свидетельствует об отсутствии претензий в адрес лечивших царя докторов и аптекарского дьяка, отвечавшего за их подбор. Последующую картину, однако, портит некое пятно, усмотренное И.П. Козловским в служебных достижениях Винуса-аптекаря. Повод для критики подала короткая фраза в письме В.В. Голицына к Ф.Л. Шакловитому. Голицын сообщает, что недавно, то ли по почте, то ли с нарочным (точно не помнит) отправил Шакловитому письмо для передачи Винусу “скоро”. “То для нужных моих лекарств”, – поясняет он и выражает беспокойство: “И по се время отповеди мне по нем нет”. Он просит Шакловитого поторопить корреспондента: “Пожалуй, прикажи, чтоб мне, против того тотчас отписано было” [*Розыскные дела III*, стлб. 1110].

Единственное, о чем в связи с этим можно говорить вполне определенно, – что Голицын не получил ответа на запрос так скоро, как ожидал. Но, во-первых, не ясно, как давно было отправлено его письмо (“на прошлых почтах” – это когда?). Во-вторых, не ясно, каким способом (“на почтах”? или с упоминаемым автором Бехтеевым?). Не забыл ли он его отправить вообще? В-третьих, могло быть множество никак не связанных с Винусом причин задержки доставки. В-четвертых, о других случаях, подобных этому, в переписке Голицына не упомянуто. В подборке текстов, из которой извлечен обсуждаемый фрагмент, еще 55 эпистолярных отрывков [*Розыскные дела III*, стлб. 1098–1112] – и ни одного, свидетельствующего о сбоях в обеспечении армии медицинской помощью.

Учитывая отсутствие вызывающих доверие фактов упущений Винуса, склоняемся к позитивной оценке его деятельности в Аптекарском приказе в течение всего первого (1677–1689 гг.) периода его в нем службы. В эти годы, еще не обремененный другими поручениями (кроме почты), он занимался делами усердно, с присущей ему аккуратностью, что было и замечено, и оценено – Винус был пожалован казенным двором в Москве.

Место, на которое давно претендовал Винус, располагалось в Огородной слободе Земляного города на Большой Мясницкой улице – оно уже упоминалось в связи с историей созданного здесь после “морového поветрия” аптекарского огорода. Поблизости от него “для береже[ния] огородного строенья и для скудости” несколькими указами в 1656/57–1676/77 гг. было повелено поселиться различным, в основном мелким служащим Аптекарского

приказа. В 1672/73 г. здесь же, на “аптекарской огородной земле”, велено было жить “для близости великих государей дел в готовых хоромех аптекарем Ягану Гутбиру да алхимику Петру Пилю”. Но в 1682 г., “в смутное время”, иноземцы эти дворы покинули и перебрались в Новонемецкую слободу [62, л. 343]. По помете на выписке дьяка Винууса на “аптекарском месте”, которое освободил Пиль, в 1683/84 г. был поселен подьячий Аптекарского приказа Михаил Протопопов [62, л. 343, 344, 346].

Неизвестно, вполне ли отвечало это переселение его желанию, но Винуус, определяя его туда, несомненно преследовал цель сохранить принадлежащую приказу недвижимость. Кроме заботы о казенной собственности к этому его побуждал и личный интерес. В это время о пустовавших или заселенных приказной мелюзгой дворах били челом разные лица, просившие их передачи себе под загородные дворы. В том же 1684 г., не позднее 30 мая, он сам подал челобитье, в котором просил пожаловать его “за многие... великим государем служб[ы] и прибыли” и в Аптекарском приказе велеть “те места” дать “под дворишко” ему, Винуусу. Челобитчик указывал на свои заслуги: “А я, холоп ваш, вам, великим государем, в Аптекарском приказе учин[ил] в разные годы перед прежними годами... многую прибыль”, образовавшуюся благодаря, во-первых, выгодной продаже “оптека[r]ских и всяких лекарственных статей и спирту”, во-вторых, столь же выгодной покупке “лекарственных запасов” [62, л. 343].

Уже тогда, в 1684 г., Винуус получил положительный ответ на свою просьбу. Помета (от 30 мая) на его челобитной думного дьяка Ф.Л. Шакловитого гласила: “Государи пожаловали: велели о том указ учинить боярину князю Никите Ивановичю да боярину же и дворецкому князю Василью Федоровичю Одоевским. А будет зачем указу учинить не мочно, о том доложить” [62, л. 343]. Винуус, как видим, обошел прочих претендентов на привлекательный кусок казенной собственности, что с очевидностью свидетельствует о высокой оценке его деятельности в то время.

Но не случайно помета содержала оговорку (“А будет... не мочно...”). Что-то (не интриги ли других просителей?) помешало подготовить указ о передаче дворовых мест Винуусу. Ситуация оказалась замороженной вплоть до конца 1688 г., когда Винуус подал новое челобитье.

От предыдущего его отличает более развернутое обоснование причин для пожалования. “А я, холоп ваш, – пишет Винуус, – служ[ил] вам, великим государем, в Аптекарском приказе одиннатц[атый] год со всяким раденьем и учинил вашей, великих государ[ей], казне в покупках лекарственных перед прежним многую недодачу. А у продажи лекарств и спирту перед

збором 185-го прибору учинил со 186-го году по нынешней год з дв...цать тысяч рублей; да я же, холоп ваш, вам велик[им] государем служу и работаю у почтовых дел во всякой верност[и] и радении” [62, л. 342].

Длительность беспорочной службы и сэкономленные тысячи рублей, приятно освежив старый текст, произвели впечатление. Хотя помета на челобитной думного дьяка Протасия Никифорова носит довольно неопределенный характер (“197-го декабря в 17 день великие государи пожаловали: велели о том выписать и доложить... боярину князю Никите Ивановичю Одоевскому”), окончательное решение, принятое 28 января 1689 г. полностью удовлетворяло просьбу Виниуса. Великие государи цари и царевна “пожаловали Андрея Виниуса *за ево в Аптекарском приказе радение и учиненные прибыли и за иные службы*: велели те дворовые белые места, что в Земляном городе за Мясницкими воротах возле аптекарского огорода, на которых преже сего жили аптекари Яган Гутбир да Петр Пиль,... ему, Андрею, дать под двор; и дать ему на те места против сего, великих государей, указу из Земского приказу данную; и о том из Розряду в Земской приказ послать память” [62, л. 351].

Итак, Виниус получил сразу два места – и Гутбира, и Пиль²⁸. Приказная выписка сохранила их описание. Из хоромного строения на участке Пиль находились три ветхих избы – две белые и одна поваренная, а также сени с чуланом и чердаком. В одной избе имелась печь “зеленая обращатая”, в окнах – четыре ветхих “оконницы”. Хозяйственных построек упомянуто немного: старая конюшня, ветхий погреб с напоребицей и воротная изба. Участок окружал забор (11 звеньев по Мясницкой улице, 7 от “государева огорода”) со створчатыми воротами. Никаких посадок на пилевом дворе и огороде не имелось. Напротив, участок, в котором прежде жил Гутбир, не имея к 1688 г. хоромного строения, полностью использовался под огород: от Новой аптеки здесь были посажены овощи, травы, цветы и корни, молодые привитые яблони и груши [62, л. 349].

Обратим внимание на время пожалования. Период с декабря 1688 г. (когда было принято положительное решение) по март 1689 г. (когда, был подписан указ думному дьяку Даниле Полянскому о даче Виниусу из Земского приказа данной) – это последние месяцы пребывания Виниуса в Аптекарском приказе. Впол-

²⁸ Объединенный участок имел длину (по Мясницкой улице) 49,5 саж. Короткая сторона с одной стороны составляла 14 саж. без аршина, с другой – 21 саж. Ближайшими соседями Виниуса оказались дворы, принадлежавшие Чудову монастырю (прежде двор боярина С.И. Заборовского) и алатырцу Ивану Кулмаметеву (или Кулмамотеву) [62, л. 352].

не вероятно, что вопрос о переходе в Посольский приказ в это время уже обсуждался. Оценка предшествующей деятельности в это время (а пожалование сразу двумя дворовыми местами – это оценка, причем совершенно отчетливая по содержанию) выглядит как итоговая по отношению ко *всему* (включая время регентства) периоду службы в приказе. И неудивительно, что еще долгое время после ухода из Аптеки Виниус будет ссылаться на свою образцовую при ней службу. Было чем гордиться: его отпускали с похвалой и награждением.

Вместе с тем было бы наивным полагать, что буквально все в приказе шло идеально гладко. Выше уже говорилось о злоупотреблениях приказных, о проектах, начатых и оставленных. Какая-то доля ответственности за это ложится на недостаточно эффективное управление. Не деля с престарелым Одоевским достижения в работе учреждения, едва ли достойно было бы валить на него организационные упущения.

А они, несомненно, были. Во всяком случае, вскоре после ухода Виниуса из Аптекарского приказа, в 1690 г., работа этого учреждения станет предметом рассмотрения в особом указе. В нем будут отмечены разногласия докторов и аптекарей, их ссоры и взаимная “нелюбовь”, непослушание младших чинов старшим и “нерадение” их о делах. Указ потребует наведения порядка, отметит, в частности, важность принятия докторами присяги и клятвы [ОПК, с. 65].

Но все это будет потом. Пока же Виниус готовился обживать двор на Мясницкой, пожалованный “за ево в Оптекарском приказе радение, и учиненные прибыли, и за иные службы”.

Глава 5. Снова в Посольском приказе (1689–1695)

5.1. Разлука, которой не было

События, рассмотренные в этой главе, относятся к началу самостоятельного царствования Ивана и Петра Алексеевичей. На это время приходится формирование отношений Виниуса с “младшим” царем, чему у нас посвящен особый раздел, хронологически с данным перекрывающийся. Но мы отделяем его от главы о Виниусе в Посольском приказе и помещаем после нее, поскольку служба Виниуса в этом учреждении в большей степени связана с предшествующей, нежели с новой эпохой. Не Петр пересадил Виниуса из приказа в другой. И не петровскую политику проводили в нем его служащие, Виниус в их числе. Само-

стоятельной политики у Петра до 1695 г. фактически еще не было – международные связи и отношения еще долго без существенных отклонений развивались в соответствии с линией времени регентства.

В посвященной Виниусу литературе сложилась традиция относить его возвращение в Посольский приказ к 1689 г. При этом чаще всего ссылаются на работу С.А. Белокурова “О Посольским приказе”, содержащую точную начальную дату второго периода его пребывания в нем – 30 июня 1689 г. [Белокуров, с. 128]. Хотя в этой работе не указан источник, из которого извлечен данный факт, до недавнего времени он не оспаривался¹. Тем более что имелось согласующееся с ним заявление на этот счет самого Виниуса: в челобитной от 7 сентября 1690 г. он сообщил, что “служил и работал” в Аптекарском приказе “по 197 год... а того году” ему было “велено... сидеть в Государственном Посольском приказе” [Сторожев, с. 2].

Недавно, однако, эта дата была подвергнута сомнению и смещена к существенно более раннему времени, а именно, к 1683 г. [Милюков 2000а, с. 56]. Насколько обоснована эта корректировка? Еще раз подчеркнем, что сам Виниус в своих челобитных не обходил данный вопрос – напротив, высказывался совершенно определенно. Если предположение о необходимости сдвига даты обоснованно, то Виниус, получается, лгал. Нужны серьезные аргументы, чтобы решиться это утверждать.

Вчитаемся в источники. О расходящемся по времени с общепринятым пребывании Виниуса в Посольском приказе упоминает Б.И. Куракин: не указывая точных дат, он отмечает, что в годы регентства царевны Софьи Алексеевны “в Англию и к Статам был отправлен дьяк Посольского приказу Андрей Виниус” [Куракин, с. 63]. Ниже, останавливаясь на этой поездке специально, мы поставим ее факт под сомнение – ни в историографии (исключая Куракина), ни в известных нам источниках она не упоминается. Но даже если она имела место, ничто не мешает Куракину ошибиться с чином лица, участвовавшего в дипломатической деятельности, непосредственного отношения к которой сам Б.И. в то время иметь не мог по причине юного возраста.

На первый взгляд доказательством более ранней, чем принято, датировки возвращения в Посольский приказ могут слу-

¹ Впрочем, Н.М. Рогожин, ссылаясь на ту же работу Белокурова, указывает, что Виниусу было “велено... быть в Посольском приказе” 26 ноября 1684 г. [Рогожин 2003, с. 112, 313]. Эта дата у Белокурова действительно приведена, но по другому поводу: в указанный день в Посольский приказ было передано ведение дел бархатного мастера З. Павлова (Паула), которые раньше курировал Виниус. В отношении самого Виниуса названа другая дата – см. выше.

жить сведения разрядной выписки, составленной по делу Виниуса против дьяков Посникова и Михайлова (о нем ниже). Соответствующее место выглядит в источнике следующим образом. “А в записных книгах 196-го и 197-го году написано: В Посольском приказе дьяки: Василей Бобинин, Андрей Виниус, Иван Волков, Борис Михайлов” [*Сторожев*, с. 2]. Сказанное может означать, что приведенная запись (перечень имен) присутствует в каждой из двух годовых книг. Но возможно и другое: физически одна записная книга (один том, кодекс) использовалась в течение нескольких, в данном случае двух, лет. Такого рода практика ведения делопроизводства имела широкое распространение. В качестве примера (а число их может быть умножено бесконечно) сошлемся на используемую нами далее “Книгу Государственного Посольского приказу записную государевым указам, челобитным, приездам в Россию иноземцев и иным всяким делам”, содержащую записи за четыре года – со 197 по 200 [28].

Итак, в книге 196–197 гг. имелась запись, упоминающая дьяка Виниуса, но к какому времени относится эта дата – ко всему ли периоду, или конкретному году – источник не указывает. Если она относится к 197 г. (это, во всяком случае, ничуть не менее вероятно, чем противоположное), то ревизии датировки не требуется. Таким образом, и этот источник не подрывает традиционной даты.

В изученных нами источниках свидетельств перехода Виниуса в Посольский приказ в первой половине 80-х годов нами не обнаружено. Нет их и позднее – вплоть до 1689 г.

Останавливает внимание челобитная Виниуса 1688 г., не позднее 6 июня, в которой он просит о пожаловании за работу почты при подготовке к заключению “Вечного мира”. Автор упоминает, что по указу царя Федора Алексеевича в таком-то году был взят в Аптекарский приказ и служит “в том приказе и по се число безотступно”. “Также, – добавляет он, – служу у отпуску и приему почты” [56, л. 1]. Другие службы не упоминаются. То же – в выписке Посольского (sic!) приказа, следующей за челобитной [56, л. 2–3]. Можно, конечно, возразить, что упоминание о службе в Посольском приказе в данном контексте является излишним (челобитная касается заслуг по линии почты). Но столь же излишним является упоминание и об Аптеке, а оно есть, тогда как о Посольском приказе – отсутствует.

В поисках “следа Виниуса” мы предприняли подробное исследование упомянутой выше “Книги Государственного Посольского приказу записной государевым указам, челобитным, приездам в Россию иноземцев и иным всяким делам” за 1688–1692 гг. В дан-

ном источнике после изложения входящего документа указано имя лица (дьяка или изредка думного дьяка), сделавшего на нем распорядительную помету, а также ее содержание. Впервые имя дьяка Андрея Виниуса в этом качестве обнаружено нами перед пометой на челобитной от 1 июля 197 (1689) г. [28, л. 238 об.]; далее, перемежаясь с именами дьяков Василия Бобинина и Бориса Михайлова оно встречается до конца книги. Последняя запись, в которой он упомянут, – на челобитной от 31 августа 200 (1692) г. [28, л. 834]. Мы бегло просмотрели всю начальную часть книги и полистно все документы за 3-месячный срок (с 25 марта до 30 июня), предшествующий первой фиксации в приказе Виниуса [28, л. 161 об.–238 об.]. Записи за апрель–июнь содержат примерно в равных долях пометы только двух дьяков – упомянутых Бобинина и Михайлова. Таким образом, к текущим судебным делам в Посольском приказе А.А. Виниус до 1 июля 1689 г., по-видимому, не привлекался, что не подтверждает предположение о более раннем его переходе в приказ.

В январе 1689 г. дьяки Посольского приказа Бобинин, Посников, Михайлов и Виниус подали коллективную челобитную с просьбой о выплате им жалованья по годовым окладам за 198 (1689/90) г. В приказной выписке, составленной по этому поводу, приведены оклады поименно всех дьяков приказа за предшествующие четыре (194–197) года. Имени Виниуса в этих списках нет, выплат ему в указанные годы не производилось. Виниус появляется в списке, начинающемся словами “А *ныне* в Государственном Посолском приказе дьяков четыре человека”, далее указан установленный ему денежный оклад. *Ныне* – это после 17 января 1690 г., когда на челобитную дьяков была наложена резолюция о составлении выписки [27, л. 1–3]. Сведения данного источника оспорить крайне трудно: перед нами документ, официального отношения к составлению которого Виниус иметь не мог, причем документ весьма ответственный – обосновывающий выплаты казенных средств физическим лицам.

К окончательному заключению по обсуждаемому вопросу приходим на основании еще одного, и в данном случае вполне однозначного свидетельства самого Виниуса. Мы обнаружили его в документах ранее уже упоминавшегося судебного дела, возникшего по иску А.А. Виниуса к вологжанину Ивану Комарову.

В укае от 8 января 1690 г. в Посольский приказ (Е.И. Украинцеву) о пересылке из этого приказа в Московский судебный приказ документов, связанных с иском Виниуса к Комарову, подробно изложена недатированная (но не ранее 2 января

1690 г.) челобитная Виниуса, в которой ее автор, между прочим, писал: “А как он, Андрей, на него, Ивашка, те вышеписанные приставные памяти подал, и тогда он, Андрей, сидел в Аптекарском приказе, а ныне по указу великих государей сидит он в Государственном Посольском приказе” [35, л. 2]. Разберемся с датами. Упомянутые в цитате приставные памяти легко датируются на основании свидетельства того же источника: “Да в прошлом же во 197-м году приставил он, Андрей, к нему, Ивашке, ис того ж Новгородцкого приказа в осмистах рублях да в бесчестье своем” [35, л. 1]. В том, что это именно те приставные памяти, о которых сказано выше, убеждаемся из последующего текста, в котором, рассказав об уловках Комарова, уклонявшегося от явки на судебные заседания, Виниус отметил, что сам “он, Андрей, на ево (Комарова. – *И.Ю.*) отсрочное число (16 сентября 1689 г. – *И.Ю.*) по обе[и]м своим приставным памятям в суды ставился” [35, л. 2]. Две упомянутые здесь приставные памяти – и есть отмеченные выше память денежная и “в бесчестье”. Итак, Виниус подал приставные памяти в 197 (1688/89) г., и в это время он “сидел” в Аптекарском приказе.

Источник замечательно ясен и никаких иных интерпретаций не допускает. Даже на “давность лет” ошибку списать в данном случае невозможно: Виниус подал свою челобитную в начале 1690 г. и, поскольку Посольский приказ был самым непосредственным образом втянут в разбирательство его дела, не мог допустить каких-либо ошибок по поводу деталей своей служебной биографии.

То же можно сказать и в отношении введенных в научный оборот еще Сторожевым двух челобитных Виниуса того же 1690 г. (3 сентября и 25 октября), в которых он также в качестве года смены места службы указывает на 1689 г. [*Сторожев*, с. 2]. Дело, в связи с которым они были поданы, предполагало весьма тщательный анализ того, кто из втянутых в него лиц какую должность, в каком находясь чине (в смысле сословной принадлежности) и в каком году занимал. Изменить свою служебную биографию (да еще на целых шесть лет, да еще в отношении совсем “свежего” прошлого) в этой ситуации было совершенно невозможно. И очевидцев имелось множество, и документов хватало.

Не обнаружив свидетельств “сидения” Виниуса в Посольском приказе в 1683–1688 гг., заметим, однако, что, строго говоря, он и не прерывал своих связей с этим учреждением, напротив – сохранял с ним теснейшие отношения и в конце 70-х, и в 80-х годах. По отношению к ситуации 60-х – первой половины 70-х годов содержание их несколько изменилось, поскольку Виниус покинул

дипломатическое поприще. Но он по-прежнему возглавлял “заморские” почты – рижскую и виленскую², которые со стороны государства курировал именно Посольский приказ. (Почты обслуживали его нужды и уже поэтому не могли быть ему безразличны.) Почты были той нитью, которая привязывала Виниуса к Посольскому приказу все годы, когда по прочим своим занятиям он стоял от него довольно далеко.

Определенную роль в возвращении Виниуса в Посольский приказ сыграл, можно полагать, его свояк, думный дьяк (с 1681 г.) в этом приказе Е.И. Украинцев. Принятый сюда дьяком в 1675 г. [*Богоявленский*, с. 130], за истекшие годы он сделал прекрасную карьеру. Фактическое его влияние на дела этого ведомства выходило за границы обычно доступного в приказах лицу его чина.

Особое место думных дьяков в руководстве Посольским приказом определилось издавна. На протяжении всей его истории они неоднократно оказывались во главе этого учреждения [*Белокуров*, с. 32]. Виниус был принят на работу в Посольский приказ именно в такое время, когда им с 1653 по 1667 г. руководил думный дьяк Алмаз Иванов, в 1653–1665 гг. замещавшийся при отлучках Ларионом Лопухиным, тоже думным дьяком. В течение следующего десятилетия (с 1667 по 1676 г.) во главе приказа находились бояре – А.Л. Ордин-Нащокин, позднее А.С. Матвеев, занявший ответственный пост думным дворянином. При царе Федоре Алексеевиче восстанавливается первенство думных дьяков³: Матвеева сменяет Ларион Иванов, пребывавший на посту с 1676 по 1682 г. (с коротким – менее полугода перерывом – на рубеже 1680–1681 гг., когда во главе приказа стоял ближний боярин В.С. Волынский⁴). В регентство царевны Софьи Алексеевны в качестве первого лица в нем была снова поставлена персона родовитая: на период 1682–1689 гг. пост занял ближний боярин и

² Виленская, впрочем, действовала в течение только части указанного срока: с 1679 г. из-за распространения “морového поветрия” она не функционировала фактически, в 1681 г. как регулярная была отменена и официально. Только в конце 1685 г. был подписан договор о возобновлении работы линии [*Вигилев*, с. 109–111].

³ А.П. Богданов, отмечая, что почти все это царствование приказ не имел боярина-судьи и ведался дьяками, видит в этом фактор, способствовавший обеспечению секретности его деятельности [*Богданов 1998*, с. 140].

⁴ 27 февраля 1681 г. вышел указ Посольский, Малороссийский, княжества Смоленского и Новгородский приказы, Устюжскую, Галицкую и Владимирскую чети ведать с боярином В.С. Волынским думному дьяку Е.И. Украинцеву. “Соправление” боярина и думного дьяка прервалось уже 6 мая, когда Волынский был направлен на воеводство в Новгород, а его место в приказе вновь занял Иванов [*Белокуров*, с. 113–114].

Рис. 8. Портрет кн. В.В. Голицына. 1689 г. (А. Тарасевич)

наместник новгородский кн. В.В. Голицын (рис. 8). Но вторым человеком при нем по-прежнему оставался думный дяк – теперь это был Е.И. Украинцев.

За десятилетие с лишним, прошедшее после ухода Винуса из дипломатии, международная обстановка существенно изменилась. Остановимся на ней, учитывая, что раннепетровская дипломатия (с которой непосредственно связан Винус) наследовала из ближайшего прошлого все основные ориентиры внешней политики, после Азовских походов даже усилив движение в заданном ими направлении. Радикальная их смена произойдет не скоро – только в период подготовки Северной войны.

После победы 12 сентября 1683 г. под Веной союзных австрийских и польских войск⁵ над армией великого визиря Кара-Мустафы Ян III Собеский при поддержке папы Иннокентия XI развернул активную дипломатическую деятельность по созданию антитурецкой лиги. Союз Австрии и Речи Посполитой – стран, политические интересы которых во многом не совпадали – не распался. 5 марта 1684 г. в Линце был подписан договор о создании “Священной лиги” – коалиции, объединившей Австрию, Польшу, Венецию и Рим (Папскую область). С целью усилить союз была предпринята попытка вовлечь в него Россию. Та на уговоры поддавалась (вести их в Москву приезжали посланцы императора Леопольда I), но выговаривала выгодные для себя условия. Движение в сторону союза началось с заключения двустороннего соглашения – подписанного весной 1686 г. (26 апреля по старому стилю, 6 мая по новому) договора России и Речи Посполитой о “Вечном мире” и военном союзе против Османской империи [*Подхородецкий*, с. 188–189; *ИП*, с. 281].

По этому договору Речь Посполитая признавала границу, установленную Андрусовским перемирием 1667 г. и окончательно отказывалась от притязаний на Киев. Хотя по андрусовским договоренностям территория Запорожья находилась под совместным контролем двух стран, Польша обязывалась не вмешиваться в запорожские дела. Россия выплачивала владельцам поместий в кресах (окраинных областях) компенсацию в миллион злотых. По оценке современных польских историков, “утраченное во много раз превышало эту компенсацию” [*Подхородецкий*, с. 191], но победа над Османской империей представлялась полякам тогда настолько же важной, насколько реальной – значение ее, как казалось, намного перекрывало издержки от потерь в территориальных спорах с Россией⁶.

В подготовке и подписании “Вечного мира” участвовал и думный дьяк Е.И. Украинцев. Он вел переговоры по поводу вступления в “Священную лигу” с великими послами, прибывшими в 1684 г. от цесаря (на них российской стороной заключение “Вечного мира” было напрямую связано с участием в лиге), ездил в связи с этим в том же году в Батурын к гетману

⁵ Австрия и Польша заключили двусторонний договор в апреле 1683 г. [*ИП*, с. 280].

⁶ Играли свою роль и противоречия между союзниками по “Священной лиге”. В год заключения “Вечного мира” Австрия вступила в союз с Бранденбургом и Швецией, одной из целей которого было противодействие замыслам польского короля [*ИП*, с. 281]. Попытки Яна III Собеского противопоставить этому свое сближение с Францией окончились неудачей. Тем более привлекательным для Польши становилось в этой ситуации сближение с Россией.

И. Самойловичу, обеспечивав необходимым материалом ведшую переговоры с поляками боярскую комиссию во главе с В.В. Голицыным. Под договором о “Вечном мире”, который, как надеялись стороны, завершал их многовековое противостояние, была поставлена и его подпись [*Рогожин 1999б*, с. 60]. Не обошлось без него и на сопровождавшей его утверждение церемонии: в Кремле, в Грановитой палате, из рук царского духовника он принимал со стоявшего перед царскими тронами аналоя Евангелие для приведения на нем послов к присяге [*Пушкин*, с. 33]. 29 июня 1686 г. за участие в подготовке мира он был пожалован серебряным золоченым кубком, кафтаном, придачей к окладу в 80 руб. и 200 ефимками на вотчину [*Веселовский*, с. 531; *Рогожин 1999б*, с. 60]. 30 января 195 (1687) г. был награжден еще раз: из имевшегося у него поместья в д. Островке на одноименной речке в Шацком уезде 230 четей “за премирение с полским королем дано ему в вотчину” [*137*, л. 523]⁷.

Пожалования, полученные представителями приказной бюрократии, свидетельствуют о высокой оценке их вклада в переговорный процесс. Согласно справке, составленной в 1688 г. в Разряде, в 1686 г. дьяки получили “жалованья для учиненного с поляки Вечного миру и святого покою” “по 150 чети поместного, денег по 25 рублей, да ис поместья в вотчину со 100 по 20 чети. А дьяком же Государственного Посолского приказу Василью Бобинину, Василью Посникову, Прокофью Возницину, Ивану Волкову учинено их, великих государей, жалованья для того же Вечного миру: поместного по 150 же чети, денег по 30 рублей. Да им же дано, что они были з ближними бояры, с польскими послы в ответех: по кубку серебряному золоченому весом по пол-2 гривенки кубок, по кафтану отласному золотному на соболях ценою по 80 рублей, да на вотчины по 500 ефимков” [*56*, л. 5–7].

Косвенную роль в обеспечении успеха переговоров сыграл и Вinius, наладивший бесперебойное движение связанной с ними дипломатической корреспонденции. Не включенный в список награжденных за труды сразу после заключения мира, он был намерен добиваться достойной оценки его трудов в последующем. И, как мы еще увидим, добился [*56*, л. 1].

⁷ По другим данным, пожалование было произведено 31 января, земля находилась в селе Рождественном, дополнительно было прибавлено 50 четей [*Веселовский*, с. 531; *Рогожин 1999б*, с. 60]. Перевод этого поместья в вотчину Е.И. Украинцев начал до указанного пожалования. В том же 195 (1686/87) г. в вотчину ему была дана 361 четь здешней поместной земли (в связи с чем – не указано); из оставшихся 439 четей и были взяты 230, переведенные в вотчину за “Вечный мир” [*137*, л. 523].

Заклученный в 1686 г. договор между Россией и Речью Посполитой на ближайшие годы во многом определил международную обстановку на юге и юго-востоке Европы. Определил и дипломатические контакты – их направленность и активность. Вслед за Польшей, после битвы под Веной резко усилившей дипломатические действия с целью консолидации сил, противостоящих Османской империи (послы или, как минимум, письма Собеского были отправлены не только в европейские страны, но в Иран, Индию, Аравию, Эфиопию [*Подхородецкий*, с. 191]), скоординированную с ней дипломатическую кампанию начала и Россия.

В связи с одной из поездок в европейские страны, совершенных в эти годы, всплывает имя А.А. Виниуса. О нем упоминает Б.И. Куракин, сообщающий, что в годы правления царевны Софьи Алексеевны в Англию и Нидерланды посылался дьяк Посольского приказа Андрей Виниус [*Куракин*, с. 63].

В литературе об этом вояже сведений мало – почти нет, в случаях же, когда он упоминается, неизвестно, является ли упоминание независимым или идет от Куракина и опирающихся на него историографов. В сохранившихся к настоящему времени в РГАДА 766 посольских книгах за период с конца XV до начала XVIII в., из которых 588 отражают дипломатические отношения России с западноевропейскими государствами (с Англией и Голландией в том числе), сведений о посещении их в указанное время Виниусом не имеется [*Рогожин, Богуславский*].

В качестве дипломатического агента, посылавшегося в эти страны в интересующие нас годы, Н.Н. Бантыш-Каменский называет отправленного туда посланником 3 марта 1687 г. дьяка Василия Тимофеевича Посникова⁸. Кроме Англии и Нидерландов он должен был посетить Пруссию и Флоренцию. Посникову было поручено просить эти страны присоединиться к направленному против Турции союзу – оказать ему помощь посылкой цесарю вспомогательных войск. В Англию Посников прибыл 12 сентября, покинул Лондон 13 декабря [*Бантыш-Каменский I*, с. 122–123]⁹.

Факт данной дипломатической поездки дьяка В.Т. Посникова не вызывает сомнения – связанная с ней документация отложи-

⁸ Того, с которым Виниус будет позднее судиться.

⁹ А.С. Пушкин приводит несколько отличающиеся сведения: в качестве лиц, отправленных в эти страны с дипломатическими поручениями, называет упомянутого Василия Посникова (ездил к Штатам) и Василия Семеновича Подсвинкова (в Англию) [*Пушкин*, с. 34]. Материалов В.С. Подсвинкова в сохранившемся в РГАДА комплексе посольских книг нет; не упоминаются они и среди утраченных.

лась в посольских книгах [*Рогожин, Богуславский*]¹⁰. Напротив, упоминаний об аналогичной поездке еще и Виниуса нет ни у Бантыша-Каменского, ни в новейшей базе данных по посольским книгам.

Не перепутал ли Куракин посольство 80-х годов с более ранней, 1672–1674 гг., поездкой Виниуса в Западную Европу? Куракину в 1687 г. было всего 11 лет, посвященные этой поре страницы писались им много лет спустя по неустановленным источникам. Оба, и 70-х и 80-х годов, русских посольства в Англию и Голландию имели сходную цель (привлечение к антитурецкой коалиции), оба раза эта цель достигнута не была – историку только и осталось приписать их по ошибке одному лицу. При таком допущении, впрочем, все равно сохраняются неувязки. Не совпадает с реальным, в частности, указанный Куракиным чин Виниуса (дьяк) – Виниус в годы его первого посольства был переводчиком. И страны, указанные у Куракина (Англия, Голландия), совпадают со странами поездки 70-х годов (Англия, Франция, Испания) только отчасти. Смущает, наконец, тот факт, что Куракин в зрелые годы в качестве дипломата сам посещал Голландию, так что историю дипломатических сношений с этим государством должен был знать хорошо.

Итак, либо Виниуса вскоре после заключения “Вечного мира” действительно еще раз посылали в Европу (что, на наш взгляд, сомнительно), либо Куракин-историк спутал его с кем-то другим (с Посниковым?), либо (компромиссное решение) Виниус ездил в Европу, но не во главе посольства, а в его составе¹¹.

Несмотря на отсутствие введенных в научный оборот документальных подтверждений, в современной литературе утверждение Куракина о повторной дипломатической поездке Виниуса в Европу в годы регентства Софьи Алексеевы формально не дезавуировано. Не выражает сомнений по ее поводу, в частности, С.Г. Милюков, со ссылкой на сохранившиеся “отрывочные сведения” заявляющий, что Виниус был направлен в Голландию и Англию в качестве посланника по заданию В.В. Голицына. Датирует эту поездку он, предположительно, 1686/87 г. Но ссылок на упомянутые им “отрывочные сведения”, исключая свидетельство Куракина, исследователь не приводит – напротив, признается и в

¹⁰ В базе отмечены материалы еще одного посланника, отправленного в Англию, Бранденбург, Голландию и Флоренцию точно в те же годы (1687–1688), – дьяка Бориса, в другом месте – Василия Михайлова. У Н.Н. Бантыша-Каменского в посвященном Англии разделе его обзора последний не упоминается.

¹¹ Последняя идея вызывает особый интерес с учетом предположений о причастности Виниуса к тайной дипломатии.

отсутствии упоминаний об этой поездке в историографии, и в неудаче поиска данных о ней в РГАДА. Объяснение отсутствия посольских книг он ищет в предположении, что поездка при наличии официальной цели – расширения “Священной лиги”, получения военной и денежной помощи – имела также цель тайную: зондаж европейских правительств в отношении перспективы закрепления Софьи Алексеевны в качестве правительницы России [Милюков 2000а, с. 319, 320]. Полагаем, однако, что обеспечить секретность в данном случае было бы проще, скрывая не поездку, а ее цель. Так готовилось, например, посольство для переговоров с китайцами Ф.А. Головина: статьи послу и грамота были спущены “сверху”, “а о чем статьи посланы”, о том в Посольском приказе было “не ведомо” [Рогожин 1999б, с. 59]. Так что дружное молчание источников и историографов по поводу посольства во главе с Виниусом 80-х годов говорит скорее о том, что обсуждаемого события не было или что его отражение у Куракина сильно искажает реальность.

Члены антиосманской коалиции, исполняя принятые обещания, открыли действия против Турции. Наибольших успехов добилась Австрия на венгерском фронте: в 1686 г. ее войска овладели Будой, в 1687 г. разбили османов под Мохачем, в 1688 г. взяли Белград; в 1689-м армия турок потерпела поражение под Нишем. Успех сопутствовал и венецианцам, уже в 1684 г. занявшим часть Далмации и о-в Лefкас в Ионическом море, а в 1685–1687 гг. завладевшим остальной Далмацией и Мореей (Пелопоннес) [Подхородецкий, с. 196].

Эти успехи не в последнюю очередь определялись куда менее результативными действиями Речи Посполитой и России, оттянувшими на себя часть сил противника. Три похода поляков (1684–1686 гг.) в Подолию и Молдавию окончились неудачей. Не принес успеха и поход 1687 г. на Каменец-Подольский, который возглавлял королевич Якуб [Подхородецкий, с. 192–194, 196].

Разорвав мирные (с 1681 г.) отношения с Крымским ханством, в 1687 и 1689 гг. боевые действия против него предприняли и русско-украинские войска. Предводительствовал ими “царственныйя Большая печати и великих посольских дел обероветель, и дворовый воевода, и наместник Новгородской”, боярин кн. В.В. Голицын. Он возглавлял Большой полк, в помощники ему были назначены кн. Константин Щербатов, окольныйчий Аггей Шепелев и думный дьяк Е.И. Украинцев. В июне начались степные пожары (рис. 9) и войско вернулось, до Крыма фактически не дойдя. По словам А.С. Пушкина, выразившего общее для современников и принятое большинством историков мнение о результате похода, он “был бесполезен для России. Войско воз-

Рис. 9. Степной пожар во время Крымского похода князя В.В. Голицына. Миниатюра из рукописной «Истории Петра I» П. Крекшина. Первая половина XVIII в.

вратилось ни с чем” [Пушкин, с. 35]. А.П. Богданов выделяет в этой ситуации и другой ее аспект: “Поход 1687 г. ... был воспринят в России как поражение *Голицына*” [Богданов 1998, с. 284]. Но официальной пропагандой весьма скромные успехи были поданы как значительные – участников похода щедро наградили. Голицын 5 сентября 1687 г. получил тысячу крестьянских дворов и золотую братину, офицеры и солдаты медали. Вместе с прочими участниками похода был награжден и Е.И. Украинцев: он (и еще два участника) получили “по кафтану золотному на соболях, по кубку с кровлями серебряные золочены”, а также денежную придачу: Емельян – 50 руб., остальные (в том числе Шепелев) – по 60 [СГГид IV, с. 569]. 27 июля 1688 г. Украинцев был награжден повторно¹².

В “объявлении милостей и наград” участникам Крымского похода 1687 г. (от 5 сентября этого года) указаны пожалования и дьякам: Перфилию Оловеникову, Михаилу Воинову, Григорию Протопопову, Михаилу Прокофьеву, Андрею Виниусу, Артемию Волкову. Исключая Оловеникова (награжденного особенно щедро), все они получили по сороку соболей и придачи к окладам: к поместному 120 четвертей и денежному 20 руб. [СГГид IV, с. 569]. К сожалению, источник, содержащий сведения, обосновывающие правомерность награждений, не раскрывает вклада дьяков, Виниуса в частности.

Можно указать по меньшей мере на два основания для его пожалования за поход.

В качестве одного из руководителей Аптекарского приказа он должен был заниматься обеспечением армии медицинской помощью. Эта обязанность закрепилась за приказом задолго до прихода в него Виниуса. Так, в 1654 г. к войскам под Смоленск и Белгород были посланы 14 лекарей [ОРК, с. 64]. Со временем требования к качеству помощи возрастали. Во время Северной войны именно в этой сфере увидит Петр основные упущения Виниуса и за них обрушит на него свой гнев. Несомненно, соответствующая служба была предусмотрена и при подготовке похода на Крым.

Но Виниус отвечал еще и за работу почт. Оправдав доверие в период подготовки “Вечного мира”, он занимался ими и позднее. Почтовая линия для связи с действующей армией, учрежденная 30 марта 1687 г., доходила до Ахтырска (совр. г. Ахтырка Сумской обл.) и Коломака (город в совр. Харьковской обл. в 40 вер-

¹² Впрочем эта, вторая награда, быть может, отчасти обязана его последующим трудам: участию в июле 1687 г. в раде по случаю выборов на место арестованного и сосланного Ивана Самойловича нового малороссийского гетмана [Рогожин 1999б, с. 61; Веселовский, с. 531].

стах от Ахтырска). На каждом из 17 ее станов находились конюхи и стрельцы; для гоньбы им было выделено по две лошади на человека. Первый стан находился в Москве на Житном дворе. Его обслуживал Виниус, точнее привлеченные им сотрудники [Вигилев, с. 183]. Ахтырская почтовая линия действовала не безупречно¹³, но эти неполадки на фоне прочих трудностей похода не слишком бросались в глаза.

Имеются сведения и о других награждениях, полученных Виниусом в эти годы. Окрыленный высокой оценкой своих трудов, 6 июня 1688 г. он обратился с челобитной, в которой напоминал о своих все еще не оцененных заслугах по обеспечению связи в период переговоров о “Вечном мире”. “И у того дела, – писал Виниус, – и по се число в пересылки ваших, великих государей, и короля польскаго резидетов служу, радея, во всякой верности бескорыстно. А за тот польской Вечной мир вашего государства жалованья дьяком учинено придачи... к помесному их окладу по 150 четвертей, к денежному по 25 рублей, кроме того велено перевести из поместья в вотчину со 100 по 20 четвертей. А которые моя братья вам, вели[ким] государем, у того польского мирового дела служили и работали – и то по вашему, государеву, милосердому рассмотрению придача помесная и окладом их учинена перед их братьи с прибавкою”. Виниус просил за “верную у того посольского дела и прилежную службу” пожаловать его “придачею к помесному и денежному моему окладу, и ис поместья в вотчину поверстать” [56, л. 1]. По слушании выписки, кн. В.В. и А.В. Голицыны с товарищи приказали дьяку Андрею Виниусу “за ево прилежную и радетельную у почтового дела службу, и за отсылку великих государей грамот к польскому королю, и к иным великим государем, и протчих великих государей дел и грамот к послаам, и посланником, и в приеме и скором дохождении посольских посланничьих и резидентов писем, и отписок, что те великих государей грамоты и всякие к тому Вечному миру принадлежащие обох стран великих государей и королевского величества польского, писма доходили имянно и некоторые в дороге не истерялись, велели ему учинить... жалованья к окладу ево придачу: к поместному сто чети, денег дватцать рублей” [56, л. 8]. Как видим, это в полтора раза меньше, чем получили четыре посольских дьяка, непосредственно готовившие заключение мира, меньше даже, чем прочие дьяки, участвовавшие в его подготовке косвенно. Но и не так уж мало, учитывая, что от Виниуса требо-

¹³ По наблюдениям А.Н. Вигилева, “когда просматриваешь бумаги по ахтырской почте... создается впечатление, что ее почтари, кроме драк с гонцами, ничем больше не занимались” [Вигилев, с. 184].

валось всего лишь обеспечить нормальную работу структуры, которая и без экстренной ситуации должна была работать именно так. Впрочем, даже эту, запоздалую и сокращенную в сравнении с другими дьяками дачу Виниус получил не сразу. 29 ноября 1689 г. он снова обращался в Посольский приказ, прося послать оттуда память в Разряд “о справке той ево придачи”. Требуемая память была направлена в декабре [44, л. 1–2]¹⁴.

5.2. Трудный выбор

80-е годы – время, когда Виниус уверенно “матерееет”: все прочнее вырастает во властную иерархию, множит достаток, крепит семью, обрастает хозяйством и связями. Складывается впечатление, что, сказав себе “жизнь удалась!”, он живет, не замечая или не слыша вызывов беспокойного времени.

Поистине удивительно, что во всей уже известной нам истории его жизни никакого сколько-нибудь открытого участия в политических играх – больше того, почти ничего, что хоть как-то позиционировало его в политическом плане. Как дипломат он выполнял чужую волю, прочие официальные поручения от политики были и того дальше. Складывается впечатление, что все эти годы он сознательно избегал открыто присоединиться к какой-либо из группировок, уходил от активной политической жизни.

Удастся ли ему сохранить политическую индифферентность в ситуации складывания и нарастания борьбы “партий”, поддерживавших одна – молодого горячего царя, другая – мечтавшую венчаться на царство его сестру?

Отметим, что Виниус представлял интерес для каждой из них. Уникально широко информированный в европейских делах сотрудник Аптекарского приказа, сохранявший тесную связь с приказом Посольским (через почты) и, возможно, причастный к сфере секретной дипломатии, в качестве союзника он был весьма ценным приобретением. При неопределенности политической перспективы связи Виниуса за границей вселяли надежду на воз-

¹⁴ В одной из книг Поместного приказа находим сведения о близком по времени другому пожаловании Виниуса за ту же службу: со ссылкой на дачу от 30 января 197 (1689) г. упомянуто подмосковное, в Горетовом стане, поместье Виниуса, 89 четей в поле в четырех пустошах, которое было “дано ему за Вечной мир ис помес[т]ья в вотчину” [141, л. 674].

С этой записью не все ясно. Смущает точное совпадение числа (30 января) пожалования Виниусу 197 г. и Украинцеву 195-го. И это притом, что оба – за “Вечный мир”. Если одна из дат ошибочна, то какая? Связанная с Украинцевым упомянута в нескольких современных или близких событию независимых источниках. Если удревять другую, она придет в противоречие с фактом хлопот о пожаловании летом 1688 г. Полного согласования фактов не дает ни одна конъектура.

возможность “правильного” объяснения *там* событий, отклонившихся от “естественного” хода вещей.

В безразличие Виниуса к существовавшим политическим силам и их представителям на фоне отчетливого его интереса к политологическим и государствоведческим вопросам (о нем говорят и книги его библиотеки, и статейный список посольства 1672–1673 гг., и высказывания в более поздних письмах) верится плохо. Тем более что некоторые косвенные свидетельства позволяют все же считать, что политические предпочтения он имел, склоняясь в сторону царевны-регентши.

К сторонникам Софьи относились некоторые лица, с которыми Виниус был тесно связан.

Как минимум, вполне лояльным к существовавшему режиму (как, впрочем, ко всем режимам, которым служил) был непосредственный начальник Виниуса по Аптекарскому приказу кн. Н.И. Одоевский, назначенный в правительстве, сформированном в регентство царевны Софьи Алексеевны, судьей Расправной палаты [Куракин, с. 62] при сохранении за ним руководства Аптекарским приказом.

Ту же политическую ориентацию имел думный дворянин, позднее окольный, Богдан Федорович Полибин, после событий 15 мая 1682 г. с боярином кн. И.Б. Троекуровым определенный в Поместный приказ [Соловьев VII, с. 319, 335]. Что он принадлежал “своей же” (по отношению к Софье) “партии”, отмечает осведомленный Куракин [Куракин, с. 62]. Виниус с Полибиным пересекались на служебном поле¹⁵, первый был ко второму расположен, вероятно, как-то с ним сотрудничал¹⁶. Весной 1697 г. в письме царю Виниус выдвигал кандидатуру Полибина на место, освобожденное умершим П.В. Шереметевым [Либ I, с. 620].

К Милославским и двору старшего царя тяготел и думный дяк Е.И. Украинцев. Он сохранил верность этой группировке до конца ее существования: его имя присутствует среди думных людей, сопровождавших царевну Софью Алексеевну во время окончившейся неудачей ее попытки примириться с братом 31 августа – 1 сентября 1689 г. Его политическая ориентация определялась тесной связью на профессиональном поприще с кн. В.В. Голицыным (в мае 1682 г. возглавившим Посольский приказ, в де-

¹⁵ Ниже упоминается об их встрече в 1693 г. в Чернигове, воеводой в котором являлся в то время Б. Полибин (если, конечно, это тот самый Полибин).

¹⁶ Одна из возможных точек профессионального соприкосновения – работа в одном учреждении (Сибирском приказе), правда в разное время. Стольник Б.Ф. Полибин в 1678 г. был придан в товарищи к назначенному судьей Сибирского приказа окольному Р.М. Стрешневу, оставшемуся на посту до 1680 г., когда его сменил И.Б. Репнин [Миллер II, с. 104].

кабре ряд военных [*Соловьев VII*, с. 319; *Рогожин 1999а*, с. 69]) – он принадлежал к кругу его ближних сотрудников [*Лавров*, с. 99]. Характеризуя их отношения, Н.М. Рогожин использует слово “дружба”. 7 сентября Украинцев находился среди сопровождавших Голицына лиц, приехавших с ним к Петру в Троицкий монастырь [*Рогожин 1999б*, с. 59, 61].

Можно привести немногочисленные, но вполне определенные факты, говорящие о непосредственных контактах Виниуса с ближайшим окружением царевны Софьи: с В.В. Голицыным, возглавлявшим Стрелецкий приказ, думным дьяком Ф.Л. Шакловитым, Сильвестром Медведевым. Контактных, подчас выходящих за границы служебных.

Имя Виниуса упомянуто Голицыным в уже известном нам письме, касающемся лекарств. Примечательно, что напоминание о них Голицын посылает Виниусу через Шакловитого [*Розыскные дела I*, стлб. 1110–1111] (хотя, казалось бы, чего проще? – направить послание начальнику почт в мешках подчиненных ему почтарей). Можно подозревать, что между Виниусом и Шакловитым сложились хорошие отношения. Помета Шакловитого сопровождает челобитную бархатного мастера З. Паулса об определении учреждения, в котором ему и его заводу велено ведаться – определив 11 ноября 1682 г. в этом качестве Аптекарский приказ, он фиксирует решение в пользу Виниуса (если верно наше предположение об интересе Виниуса к этому предприятию) [*ДАИ X*, № 51, с. 178]. Положительного содержания помету Шакловитого находим на челобитной Виниуса 1684 г. с просьбой передать ему в собственность казенные дворовые участки в Земляном городе близ аптекарского огорода [62, л. 343]. Дело о портрете Софьи (излагаемое ниже) демонстрирует, что Виниус не оставался в долгу: брался по просьбе Шакловитого за ответственные, подчас отчетливо политически окрашенные поручения. Эта история – единственное свидетельство такого уровня их отношений, случайно всплывшее в ходе следствия. Отнюдь не исключено, что были и другие, успешно от него скрытые.

При наличии подобных свидетельств данных о связях Виниуса с окружением младшего царя¹⁷ для этого времени у нас не имеется. Исключением является П. Гордон, который находился в оживленной переписке с Виниусом еще будучи в Киеве в 1684–1685 гг. [*Устрялов II*, с. 125]. Но сам Гордон близко сошелся с Петром лишь после его победы над сестрой: лично познакомился с ним осенью 1689 г., сблизился – в 1690-м [*Богословский I*, с. 113].

¹⁷ Самого Петра в расчет не берем – их знакомство подробно обсуждается ниже.

Именно к Софье или, вернее, к ее окружению толкала Виниуса становившаяся все более отчетливой картина группировки политических сил и деятелей. К царевне тяготели многие имевшие выраженную прозападную культурную ориентацию личности, в том числе такой яркий их представитель, как (выражение А.П. Богданова [Богданов 1998, с. 281]) “интеллигентный государственный деятель” В.В. Голицын. Только еще складывавшемуся западничеству Петра присущ иной, весьма далекий от “интеллигентности” стиль. Пестрая русская и иноземная публика, клубившаяся вокруг любознательного, но пока еще малообразованного царя, сомнительного вкуса некоторые развлечения этой компании у разменявшего шестой десяток лет дьяка, с его образованностью, широкими интересами и достигнутым к этому времени социальным статусом, внутренней склонности наверняка не вызывали. В то время именно Софья и ее “партия” были воплощением близких ему начал и идеалов, которые, как это ни парадоксально, более ярко и энергично воплотит впоследствии Петр. Но взростеть тому предстояло медленно.

Остановимся на эпизоде, выразительно характеризующем обстановку в правящих верхах в преддверии переломного для российской истории лета 1689 г., и, что особенно для нас ценно, позволяющем различить в ней фигуру Виниуса.

В 195 (1686/87) г. к нему явился Ф.Л. Шакловитый, принесший с собой некий “назnamenованный” лист с изображением царевны Софьи Алексеевны. Со ссылкой на указ великой государыни он распорядился “такую ж персону за морем в Галанской земле велеть напечатать” [*Розыскные дела I*, стлб. 655]. Отправной точкой рекламного проекта, которым занимался начальник Стрелецкого приказа, послужил западноевропейский портрет какого-то императора, рядом с которым были изображены “семь курфюрстов в орлах”. Возникла идея: сохранив композиционный прием, вместо курфюрстов изобразить “семь даров, сиречь добродетелей ей, великой государыне”¹⁸. Принесением Виниусу ри-

¹⁸ Изображение царских добродетелей в русской книжной культуре уже имело некоторую историю. В подносном экземпляре книги Симеона Полоцкого “Орел российский”, предназначенном для вручения царю Алексею Михайловичу и царевичу Алексею Алексеевичу (оно состоялось в день новолетия 1 сентября 1667 г.) имеется рисунок: изображение двуглавого орла с мечом и скипетром на фоне символизировавшего царя солнца, испускающего 47 лучей. Лучи соответствовали царским добродетелям, названия которых – мудрость, благость, милосердие, кротость, воздержание – вписаны в лучи. В сборнике “Рифмологий”, составленном Полоцким из своих произведений 1659–1680 гг. и включившем “Орла”, дано схематическое воспроизведение этого рисунка [Гребенюк, с. 289; Пушкирев, с. 240].

Рис. 10. Портрет царевны Софьи Алексеевны. 1687–1689 гг. (А. Блотелинг)

сованного эскиза завершился первый этап ее реализации. Многие детали рисунка выглядели весьма необычно. Таков был титул-“именование”, тремя рядами опоясавший портрет царевны – невенчанная на царство Софья именовалась в нем “державнейшей” и “самодержицей”. Изображена она была в короне, со скипетром и державою.

Виниус поручение исполнил. Трудно сказать, не мог или не хотел он тогда отказать (более вероятным полагаем второе), но наверняка позже горько жалел о неосторожном поступке. А сейчас он отправил оригинал в Амстердам Николаю Витсену, с которым поддерживал давнее сотрудничество. Тот передал заказ работавшему здесь же, в Амстердаме, голландскому граверу Аврааму Блотелингу (1640–1690) (рис. 10).

Когда около сотни оттисков из Нидерландов прибыли в Москву, Винуус, даже не раскрывая пачки (по его словам, оставив ее “за заморскою печатью”), передал ее Шакловитому. “И роздовал те листы он, Федка, всяких чинов людем не втай” [*Розыскные дела I*, стлб. 656, 658]. Два экземпляра получил один из активных приверженцев Софьи, монах, придворный поэт Сильвестр Медведев. Шакловитый и Медведев, разглядывая гравюру Блотелинга, несомненно сравнивали ее с другим, местного производства, листом – гравированным портретом Софьи “в орле” и русскими виршами, напечатанными в Москве в том же 1689 г. украинским мастером Александром Тарасевичем [*И.К.*, с. 464]¹⁹. Имея сходную цель, обе издательские акции были рассчитаны на разную аудиторию. Со слов Медведева, Шакловитый ясно объяснил цель печатания портрета за границей: “Те де листы печатаны за морем... чтоб ей, великой государыне, слава и за морем была” [*Розыскные дела I*, стлб. 597]. Размноженные “его, Федкиным, промыслом” “политические плакаты” к лету 1689 г. циркулировали в Москве и за рубежом [*Богданов 1998*, с. 289].

Нет сомнения, что их заметили приверженцы каждой из соперничавших группировок, что, может быть, обострило противостояние и приблизило кризис. Отношения все более напрягались. 8 июля, несмотря на недовольство брата, царевна настояла на своем участии в крестном ходе в Казанский собор. Петр уступил. 19-го Москва встречала русскую армию, возвращавшуюся из второго Крымского похода, успехами не блиставшего [*Богословский I*, с. 78]. Уже после переворота, в указе от 9 сентября 1689 г., именно так будет он подан: Голицын, “пришед к Перекопу, промыслу никакого не учинил, и постояв самое малое время, отступил и тем своим нерадением их, великих государей, казне учинил великие убытки, а государству разорение и людям великую тягость” [*ПСЗ III*, № 1348, с. 33]. В новейшей литературе результаты похода оцениваются не столь негативно [*Богданов 1998*, с. 291, 292]. Но не знакомый с ней Петр долго отказывался подписать заготовленный Софьей манифест о наградах – но все же еще раз уступил, подписал. Впрочем, предводителя похода Го-

¹⁹ Его автором долгое время считался Леонтий Тарасевич [*Алексеева 1976*]. Отождествление и атрибуция гравюр осуществлены М.А. Алексеевой [*Алексеева 1990*, с. 8, 12; *И.К.*, с. 464–465]. Гравюра Блотелинга сохранилась, оттиски работы Тарасевича известны лишь по воспроизведению Д.А. Ровинского. По мнению последнего, исключительная редкость листов обусловлена тем, что терялись заказанные за границей доски (хотя почему они должны были теряться чаще, чем изготовленные в России?) и тем, что портреты впоследствии “отбирались под страхом смерти” [*Ровинский IV*, стлб. 568, 569].

лицына, явившегося в Преображенское благодарить, не принял. Слухи о злоумышлениях Софьи и ее сторонников долетали все чаще. Петр, вспоминая стрелецкие копыя, нервничал. Одно из сообщений, принесенное в Преображенское из Москвы преданными людьми, переполнило чашу. В ночь на 8 августа Петр бежал в Троицкий монастырь. Вскоре сюда стали съезжаться бояре, дворяне, представители стрелецких полков, служилые иноземцы. В первую неделю сентября победа молодого царя обозначилась явно. 6 сентября уже и стрельцы потребовали от Софьи выдачи Петру начальника своего приказа. В тот же день, вечером, Шакловитый был взят под стражу, 7-го его привезли к Троице, а 12-го казнили [*Богословский I*, с. 78–80]. На другой день в Дорогобуже схватили Сильвестра Медведева, бежавшего из Москвы 31 августа [*Алексеева 1976*, с. 241; *РСП*, с. 186].

Эти драматические события держали в напряжении многих – среди них и Андрея Вениуса. 24 сентября на первом же допросе привезенного в Москву Медведева всплыла история с портретами – русским, гравированным Тарасевичем, и листами, что были “печатаны за морем”. 30 сентября патриарх Иоаким прислал к розыскному делу пять листов, найденных в имуществе Медведева. Последний признал их своими и дал показания о происхождении. Вслед за этим к делу были привлечены новые свидетели – дьяк Вениус в их числе [*Розыскные дела I*, стлб. 595–598, 655–656; *Алексеева 1976*, с. 241].

А.А., разумеется, понимал, что попал в нехорошую историю, понимал, в каком невыгодном для него свете предстает перед следователями его участие в расследовавшемся деле. Несомненно, беспокоила перспектива более внимательного изучения связей с лицами, от которых, как выяснилось, следовало держаться подальше. По меньшей мере с 1673 г. он был знаком с Сильвестром Медведевым. Судя по отмечающему этот факт письму (от 25 декабря того года), предмет взаимного внимания был вполне невинным – их свели общие библиофильские или, как минимум, просто читательские интересы (упоминается принадлежащая одному книга, нужная другому); кроме того, один перед другим ходатайствовал за своего протезе [*Ланно-Данилевский*, с. 162]. На доселе незапятнанную репутацию бросала тень и связь с Шакловитым. Не в его пользу говорили и служебные поощрения времени регентства, включая только что произошедшее служебное перемещение.

Помогал ли кто Вениусу выпутаться из этой истории или его красноречия и репутации оказалось на этот раз достаточно? Но у Медведева красноречия было, думается, никак не меньше, однако же... Полагаем, без помощи не обошлось.

Заманчиво предположить, что Виниусу помогло знакомство с Петром I, которого он, по свидетельству Б.И. Куракина, обучал голландскому языку [Куракин, с. 79]. На разборе этого известия остановимся ниже специально, пока же отметим, что у Куракина данное известие находится в окружении материала, относящегося к периоду, который он называет временем правления царицы Натальи Кирилловны (1689–1694). Ко времени после дела Шакловитого сближение Петра и Виниуса относит и И.П. Козловский. Но если в момент смены власти Виниус на царя опереться не мог, нужно искать другое объяснение его спасению, другие силы, ему сочувствовавшие.

Следующим в связи с этим, естественно, вспоминается Е.И. Украинцев. Второе лицо в Посольском приказе во времена В.В. Голицына, после его отставки (6 сентября 1689 г.) на ближайшие десять лет он стал “фактическим главой” внешнеполитического ведомства России [Богоявленский, с. 131; Рогожин 1999б, с. 61]²⁰.

Виниус и Украинцев приходились друг другу свояками. Так было в 1696 г. (см. письмо Петра Виниусу от 15 июля этого года и ответное письмо Виниуса [Либ I, № 108, с. 591]), но когда они породнились, нам не известно²¹. Виниус и Украинцев были одногодками, приблизительно в одно время поступили на службу (Украинцев не позднее 1662–1663 гг., Виниус в 1664 г.) [Рогожин 1999б, с. 56]. Карьера Украинцева, закрепившегося в Посольском приказе, развивалась успешнее. Уже высказывалось предположение, что именно он “перетаскил” сюда Виниуса в 1689 г. Он же, без потерь переживший события августа–сентября этого года, мог помочь Виниусу выпутаться из истории с крамольными портретами.

Это предположение может показаться идеальным решением задачи, но и оно не без изъяна – требует предварительного объяснения, каким образом сам Украинцев без потерь пережил переворот? Нам известен всего лишь один подобный случай сохранения на политической арене раннепетровского времени лица из

²⁰ Реальное участие Л.К. Нарышкина (судьи) в деятельности приказа было в это время достаточно скромным: он руководил внешней политикой России только в отсутствие царя, да и то номинально – дипломатическое ведомство по-прежнему возглавлял думный дьяк [Рогожин 1999б, с. 62]. С.К. Богоявленский Нарышкина в этом учреждении вообще не фиксирует.

²¹ И Виниус, и Украинцев были женаты дважды. Самое позднее время, когда они могли стать свояками, получается в случае, если сестрами были вторые жены. Первая жена Виниуса умерла в 1691 г. (см. прил. 2), можно предположить, что около этого времени он женился вторично. Но сведений, позволяющих датировать второй брак Украинцева, в нашем распоряжении нет.

прежней придворной команды – это участник первого Крымского похода думный дворянин (с января 1688 г.) Г.И. Косагов (Косоков) [Лавров, с. 95, 99]. Примечательно, что, подобно Украинцеву, и он – человек В.В. Голицына, а не непосредственно Софьи. Это, конечно, лучше, чем пребывание в “свите” цеплявшейся за власть сестры, но лучше ненамного. Множество политических карьер по причине подобных связей было тогда прервано: окольного Ф.Л. Шакловитого (казнен), самого боярина кн. В.В. Голицына (сослан в Каргополь), боярина Л.Р. Неплюева (сослан в Пустозерск), окольного В.А. Змеева (сослан в костромскую деревню), окольного А.И. Ржевского (отправлен на воеводство в Новобогородицк), окольного С.Ф. Толочанова (отправлен воеводой в Переяславль-Южный) [Лавров, с. 181–182].

Очень близко к первым властным персонам периода регентства еще недавно стояли Украинцев и Косагов – каким образом им удалось удержаться при новой власти? Утверждение С.Г. Милюкова, что Виниус сохранил чин, должность в приказе и руководство почтами “при поддержке Е. И. Украинцева и Ф.Ю. Ромодановского” [Милюков 2000б, с. 7] не столько все разъясняет, сколько ставит вопросы.

Но кн. Федор Юрьевич Ромодановский – фигура для осмысления, без сомнения, перспективная. С детства младшего царя его комнатный стольник, участник в забавах (под шутейным именем “князь-кесаря”), позже начальник Преображенского приказа, он был облечен особым доверием (именно он, между прочим, надзирал за заточением свергнутой Софьи) и обладал большой властью [Россия при царице, с. 408]. Важных постов в правительстве после переворота 1689 г. он не получил, в чинах остался скромных, но степень его близости к Петру сохранилась. Слово Ромодановского в спасении репутаций Украинцева и Виниуса, подмоченных сотрудничеством со свергнутым режимом, могло оказаться решающим.

Обстоятельства следствия складывались для Виниуса на редкость благоприятно. История с портретами всплыла уже после казни Шакловитого, поэтому его о портретах и участии Виниуса в их тиражировании не спрашивали. Медведев, давая разъяснения по поводу гравюр, валил все на Шакловитого (“И сказал он, Федка, про те листы: те де листы печатаны за морем его, Федкиным, промыслом”) – и потому, быть может, что тому ничто уже повредить не могло, и потому, вполне вероятно, что действительно слышал такую похвальбу от Шакловитого. Имени Виниуса в показаниях Медведева нет. Оно лишь вычисляется из передаваемых им слов Шакловитого, что “присланы те немецкие листы из за моря чрез почту” [Розыскные дела I, стлб. 597–598]. Виниуса в

первую очередь в этом качестве – как почтаря, обеспечившего доставку груза – и допрашивали. Что он принимал участие не только в транспортировке, но и размещении заказа (послал “образцовый” лист Витсену), об этом сообщил он сам. Это, конечно, позволяло заподозрить его в еще более тесной связи с реализацией пропагандистского проекта, но именно *позволяло* – не обязывало. Подьячий Семен Надеин (единственный давший по его поводу показания) сообщил только то, что Виниус лично принес лист немецкой печати на двор к Ф. Шакловитому – “а где он, Андрей, тот лист взял – того он, Сенка, не ведает”. Виниус утверждал, что выполнял задание, обязанный к тому ссылкой на указ и страхом перед репрессиями: “Опасаясь великих государей указу, а от него, Федки, какого зла, отказать ему не смел” [*Розыскные дела I*, стлб. 658, 655–656]. При отсутствии у следователей какой-либо другой порочащей его информации (а ее в сохранившихся материалах розыска нет), наказанию он не подлежал и наказан не был. То, что мы правильно понимаем положение дел, подтверждает факт отсутствия данных о наказаниях лиц, которые на дворе Шакловитого печатали “на отласех, и на тафте, и на листах” не менее крамольную доску работы Тарасевича [*Розыскные дела I*, стлб. 657] – а ведь их в отличие от Виниуса “прикрывать” было некому.

Виниус не только вышел сухим из воды. Судьба уготовила ему принять косвенное участие в исполнении наказания, назначенного лицам, которым повезло меньше его – чьи действия были сочтены преступными. В апреле 1691 г. за его, Виниуса, приписью (в качестве дьяка Новгородского и Устюжского приказов) ушли к двинскому и сольвычегодскому воеводам грамоты, касавшиеся обеспечения стругами водной перевозки в Пустозерский острог (назначенный местом изгнания) князей Голицыных с семьями – Василия Васильевича, бывшего начальника Виниуса по Посольскому приказу, и его сына Алексея Васильевича [*Розыскные дела III*, стлб. 1279–1282].

5.3. Новая эпоха

Итак, покинув Аптекарский приказ, Виниус возвратился на дипломатическую работу. С прошлым связывали оставшиеся за ним “заморские” почты. Помимо заинтересованности в них самого Виниуса (материальной, но не только), это объяснялось и ведомственным интересом: важнейший канал информационной связи с Европой требовал контроля со стороны Посольского приказа.

Пока Виниус служил в Аптеке, многое в этом ведомстве изменилось. Даже годовуновской постройки роскошное здание в

Кремле, не прослужив и 100 лет, пошло на слом [*ПАМ I*, с. 66, 275]²². Тесны стали старые стены – приказ разрастался. Еще на заре пребывания в нем Виниуса, в 1666/67 г., с ним была соединена Новгородская четверть²³. Вскоре приказы разъединили, но в 1671 г. опять началось укрупнение: с Посольским объединили приказ Малой России. Опыт оказался удачным – такое соподчинение учреждений сохранялось по крайней мере до конца столетия. При царе Федоре Алексеевиче, в конце 70-х – начале 80-х годов, Посольскому “подкинули” целую группу областных приказов: Владимирскую, Галицкую, Смоленскую, Новгородскую и Устюжскую четверти [*Богоявленский*, с. 39, 42, 95, 162, 201]²⁴. Эти учреждения управляли большей частью русских городов.

Документы фиксируют работу Виниуса в присоединенных к Посольскому Малороссийском, а также Новгородском и Устюжском четвертных приказах. В качестве дьяка Новгородской четверти в исходящих из этого учреждения документах он упоминается с 14 ноября 1689 г. по 20 октября 1691 г. [*Розыскные дела II*, стлб. 575; *III*, стлб. 1319], но С.А. Белокуров, а за ним и И.П. Козловский считали возможным несколько продлить этот период, доведя до 29 февраля следующего, 1692 г. [*Козловский 1911а*, с. 210; *Козловский I*, с. 193–194]. Сведения, извлекаемые из источников, опубликованных в последнее время, не противоречат их мнению²⁵.

На присутствие скрепы Виниуса на приходо-расходных книгах Устюжской четверти 199 (1690/91) г. обратил внимание С.А. Белокуров [*Белокуров*, с. 128], о них же (сдвигая период к границам 1691 г.) упоминает И.П. Козловский [*Козловский I*, с. 194]. Припись Виниуса присутствует на грамоте из Устюжского приказа

²² Новое здание Посольского приказа, построенное на Ивановской площади, историками архитектуры оценивается как “последняя значительная постройка 17 в. в Кремле” [*ПАМ I*, с. 280–281]. Здание, возведенное при Голицыне, венчал глобус [*Богданов 1998*, с. 274].

²³ Новгородская четверть находилась в подчинении Посольского приказа еще во второй половине 1640-х годов. Ею руководил Алмаз Иванов, занимавший ответственную должность и в Посольском приказе.

²⁴ Время присоединения четвертей: Владимирской – со 189 (7 нояб.) по 208 г., Галицкой – со 189 по 208 г.; Малороссийской – со 171 г. (22 февр.); Смоленской – со 178, 188 по 208 г.; Новгородской – со 190 г.; Устюжской – со 188 г. (15 февр.). То есть основная масса присоединилась со 188 (начался 1 сентября 1679 г.) по 190 г. (окончился 31 августа 1682 г.).

²⁵ Укажем, в частности, на упоминаемую в составленной в Новгородской четверти выписи 1693 г. (по поводу конфликта гостя С. Гаврилова со старорусскими солепромышленниками), другую выпись того же приказа, от 23 ноября 200 (1691) г., имевшую помету дьяка Андрея Виниуса [*ПК*, с. 358].

сольвычегодскому воеводе от 22 апреля того же 1691 г. [*Розыскные дела III*, стлб. 1279, 1282].

По меньшей мере с 1693 г. известно о подключении Виниуса к работе по малороссийскому направлению²⁶ [*Соловьев VII*, с. 499].

После перехода в 1689 г. власти к Петру в правительстве произошли значительные изменения. Его возглавил боярин (с 1688 г.) Л.К. Нарышкин, сотоварищ царевича в детских его играх, соучастник в юношеских забавах царя [*Богословский I*, с. 88]. Выразительную, хотя и пристрастную, его характеристику дает желчный Б.И. Куракин: царица Наталья Кирилловна, рассказывает он, “вручила правление всего государства брату своему, боярину Льву Нарышкину и другим министрам. ...Помянутого Нарышкина кратко характер можно описать, а именно: что был человек гораздо посреднего ума и невоздержный к питью, также человек гордый, и хотя не злодей, токмо не склончивый и добро многим делал без резону, но по бизарии своего гумору” (по причуде своего нрава, по настроению. – И.Ю.) [*Куракин*, с. 73].

Из нажитых на высоком посту богатств Нарышкина (в их число входили обширнейшие подмосковные владения) особо выделим Тульские и Каширские железные заводы, отказанные ему в 1690 г. после смерти не оставившего прямого наследника Христиана Марселиса. В 1692 г. Нарышкин получил еще и исключительное право на поставку железа государству – отныне “казенные надобности” удовлетворять было велено только продукцией заводов Нарышкина.

Куракин утверждает, что Нарышкин был “судьею в Посольском приказе”. Но этот человек, не имевший опыта в государственных делах (а по мнению мемуариста, и необходимых дарований), руководил внешней политикой и соответствующим учреждением, как было уже сказано, “только номинально” [*Богословский I*, с. 89]. Тот же Куракин разъясняет: “Под ним (Нарышкиным. – И.Ю.) в том приказе правил Емельян Украинцев, думный дьяк, человек искусный в своих делех, и был в тех делех под князем Голицыным сосланным” [*Куракин*, с. 73]. Е.И. Украинцев, простым подьячим пришедший в Посольский приказ в мае 1672 г., при Софье став думным дьяком [*Богоявленский*, с. 130–131], лично участвовал в важнейших внешнеполитических акциях русского государства, в том числе, как упоминалось выше, в подготовке “Вечного мира” с Польшей. Вершиной (и лебединой песней) его деятельности станет посольство в Турцию в

²⁶ В этом году состоялась поездка Виниуса в Малороссию.

Рис. 11. Палаты Е.И. Украинцева (Москва, Хохловский пер.). Вторая половина XVII в. (Фото М.В. Мокровой, 2005 г.)

1699–1700 гг., в ходе которого будет заключен мир, развязавший руки России, готовившейся к войне со Швецией.

“Опытным дельцом” называет Украинцева современный историк [*Богословский I*, с. 90]. По отношению к допетровскому периоду с этим трудно не согласиться, при взгляде на него после пришествия Петра к власти – не согласиться невозможно.

Опытность проявлялась прежде всего на профессиональном поприще. Здесь Украинцев почти всегда действовал умело и часто добивался результатов, которых от него ждали. Но истово трудясь для государевой пользы, не забывал и о себе. Украинцев и жил на широкую ногу: отстроил себе роскошную городскую усадьбу (рис. 11)²⁷, жертвовал на церкви и т.д. Источники его ма-

²⁷ Его двор находился на Хохловке, районе Белого города, недалеко от ул. Маросейки, где с XVII в. селились выходцы с Украины. Главный дом обширной городской усадьбы, перестроенный и лишившийся богатого фасадного декора, сохранился до наших дней (Хохловский пер., 7). Более 100 лет размещался в нем Архив Коллегии (позже – Министерства) иностранных дел. В нем служили Г.Ф. Миллер, Д.В. Веневитинов, С.А. Соболевский, братья И.В. и П.В. Киреевские, занимался А.С. Пушкин. Напротив палат – построенный при Украинцеве (1696) храм Троицы в Хохловке (Хохловский пер., 12), одним из донаторов которого был Емельян Игнатьевич [*ПАМ II*, с. 330–332].

териального благополучия не всегда, однако, отличались достаточной чистотой. Современники, как правило, достаточно высоко оценивая его деловые качества в этот период, менее снисходительны к нему при характеристике качеств прочих. Обвиняют его, и не без оснований, во мздоимстве. В 1690/91 г. он получил взятку в 100 руб. с калужан [Веселовский, с. 532]. Еще один эпизод получил известность благодаря пересказу в “Истории” С.М. Соловьева [Соловьев VII, с. 461], заимствовавшего его из “Записок” И.А. Желябужского:

“И того ж 203 года изменил из Московского государства Федор Яковлев сын Дашков и поехал служить к польскому королю. И пойман на рубеже, и приведен в Смоленск, и роспрашиван. А в роспросе он перед стольником и воеводою перед князем Борисом Федоровичем Долгоруковым в том своем отъезде повинился. А из Смоленска прислан окован к Москве в Посольской приказ – а из Посольского приказу освобожден для того, что он дал Емельяну Украинцову двесте золотых” [Желябужский, с. 226].

Привычка кормиться от занимаемой должности, несмотря на эпизодически возобновляемую с ней борьбу, никогда из практики русской жизни полностью не исчезала (материал по XVII в. см., напр., в работах Г.П. Енина [Енин]). Но случай с Дашковым (если все происходило действительно так, как об этом рассказывает автор записок, большой любитель собирать гадкие слухи о людях) на общем фоне безусловно выделяется – за взятку было отпущено лицо, совершившее государственное преступление. Оказание должностным лицом *подобных* услуг было, несомненно, более рискованным, нежели услуг в других сферах чиновничьего регулирования. Но у Украинцева в сравнении с приказным лицом хозяйственных и других внутренних приказов было не так уж много возможностей безнаказанно поживиться.

Призванный решать обширный круг вопросов, связанных с внешнеполитической (и не только) деятельностью Российского государства, Посольский приказ имел штат значительно больший, нежели, к примеру, Аптекарский. На момент прихода сюда Виниуса (июнь 1689 г.) помимо двух бояр князей Голицыных – Василия Васильевича и его сына Алексея Васильевича (в начале сентября того же года покинувших его) – в нем числились думный дьяк Е. Украинцев, дьяки В. Бобинин, В. Посников, Б. Михайлов и за десять дней до Виниуса появившийся в нем дьяк Прокофий Возницын (хорошо знакомый по прежней здесь службе). Этот состав в основном сохранялся в течение всего времени работы здесь Виниуса. Изменялся он мало. В январе 1690 г. ушел Возницын, в августе – Михайлов, через несколько лет, правда, вернувшийся. В январе 1691 г. появился Алексей Никитин, ушед-

ший после Винуса – в январе 1696-го (Виниус – в мае 1695 г.). Перечень завершает пришедший за полтора месяца до ухода Винуса Кузьма Нефимонов [*Богоявленский*, с. 131].

Материал упомянутой выше “Книги Государственного Посольского приказа записной государевым указам, челобитным, приездам в Россию иноземцов и иным всяким делам” за 1689–1692 гг. наглядно иллюстрирует ту часть работы, которую Винусу приходилось делить с другими посольскими дьяками. Он, в частности, судил многочисленные спорные дела, ответчиками по которым выступали лица, подведомственные приказу. Напомним, что в его ведении находились приезжие и постоянно жившие в Москве торговые (преимущественно) и “всяких чинов” (исключая военных) иноземцы (“и судят торговых иноземцов и росправу им чинят с русскими людьми в *одном в том приказе*” [*Котошихин*, с. 109]). Кроме них судом и расправою в нем ведались и другие, сравнительно небольшие группы населения, в частности служащие Посольского и подчиненных ему приказов²⁸.

В качестве примера охарактеризуем первые дела, которые пришлось разбирать Винусу.

Уже 1 июля 1689 г. была рассмотрена челобитная подьячего Ямского приказа Автамона Матвеева. 24 мая тот подал иск на бывшего калужского посадского, а ныне тяглеца московской Мещанской слободы Михаила Вагина, обвинив его “в *потопе*” двора и сарая. Сопряженные с этим имущественные убытки (включая испорченную овечью шерсть) составляли 15 руб. 80 коп. 24 июня истец и ответчик должны были стать к суду, но в тот день судей “в указных часех” не было. Матвеев просил “челобитье ево и ставку записать, а ответчика Михайлу Вагина поставить к суду, чтоб ему тою волокитою и ставочным своим челобитьем в *ыску* ево не отбыть”. На челобитной помета рукой Винуса, извещающая, что “челобитье записать и поставить к суду было не перед кем” [28, л. 238–238 об.].

4 июля бил челом некто Иван Васютинский (истец). На этот день в Посольском приказе ему была назначена очная ставка с иноземцем Иваном Келингузином (ответчик). Последний, собрав по себе поручную запись, не становился к очной ставке с 26 июня. Васютинский просил о записи его челобитья и ставки. Помета рукой Винуса: “Записать челобитье и взять к делу” [28, л. 243].

5 июля Винус рассматривал прошение подьячего Большой казны Петра Муракова. 20 октября 1687 г. на него бил челом ме-

²⁸ До прихода Винуса последние уточнения этого круга лиц были даны 10 марта и в июне 1685 г. [28, л. 259–261].

щанин Юрий Самойлов, искавший “на нем” беглого своего сына Федора и “сносных животов”. Муракова “по тому ево ложному заетейному челобитью” допросили, после чего им была представлена поручная запись, “что ставитьца ему” в Посольском приказе “до вершенья того дела по вся дни”. Петр обязательство выполнял – “по вся дни” в приказе ставился, но Самойлов “узнав свою неправду, за тем делом” ходить перестал. Мураков просил записать его челобитье, высказывая опасение, “чтоб ему, за тем делом волочась, в конец не разоритца”. Помета на челобитной рукой Виниуса аналогична предыдущей [28, л. 246–246 об.].

В этот день Виниусом были рассмотрены еще два подобных дела, на следующий – одно [28, л. 246 об., 248 об., 250 об.]. Встречаем его пометы и позднее: только за второе полугодие 1689 г. – на челобитных от 26 июля, 31 августа, 17 сентября, 26 октября, 25 ноября, 24 декабря [28, л. 278, 303 об., 325 об., 360, 375 об., 406]. И это далеко не полный список рассмотренных им дел, в своем большинстве рутинных по содержанию и, как правило, небольших по величине иска.

Какое положение в дьячьей иерархии сумел занять Виниус после возвращения в Посольский приказ?

Первоначально наинижнее. Об этом свидетельствуют оклады, установленные дьякам на 1689/90 г.: В. Бобинину 220 руб., В. Посникову 197 руб. с полтиной, Б. Михайлову 163 руб. с полтиной, А. Виниусу 160 руб. [27, л. 3]. Но очень скоро Виниус показал, что не согласен с таким положением. Это продемонстрировала тяжба, затеянная им с посольскими дьяками приблизительно через год после перехода.

7 сентября 1690 г. Виниус подал челобитную, в которой, напомним о заслугах отца и собственных, о формах царской признательности за труды (“и жалуете Вы, великие государи, холопей своих чином в милость и в честь”), обратился к царям Ивану и Петру Алексеевичам с просьбой: “Велите... учинить мне... рассмотрительный указ, чтоб мне, холопу вашему... вечно в укоризне и поношении не быть”. В этой и следующей, поданной полтора месяца спустя, челобитной Виниус поясняет, в чем состоит поношение: дьяки Василий Посников и Борис Михайлов “сидят” выше его, Виниуса. Суть дела заключалась в последовательности назначений, определявшей внутреннее старшинство при равенстве чинов. “В Посолском приказе, – пишет Виниус, – в перевотчики взят я, холоп ваш, во 171-м году, как они и в подьяческом чину в том приказе не были”. Кроме того, в дьяки он попал не из подьячих, а из дворян. “А в Помесном, государи, приказе во дьяках из дворян сидел Григорей Близняков, и он, Григорей, посажен выше дьяков, которые и преже ево, Григорья, в тот чин пожалованы”.

То, что несмотря на это, посольские дьяки Посников и Михайлов сидят его выше, Виниус рассматривает как утеснение, вследствие которого пребывает в упомянутых выше “укоризне и в поношении” “не токмо от своей братьи, но и от иноземцов”. “Человенко беззаступной и безродной”, как уничтожаясь, называет себя Виниус, просит его защитить [*Сторожев*, с. 3–5].

Сам факт возбуждения Виниусом этого дела говорит о многом. Прежде всего о том, что отношения с равными по чину служащими приказа сложились достаточно напряженными. Мы не знаем, как его здесь встретили, но, во всяком случае, очевидно, что попытки Виниуса утвердиться, отодвигая в сторону других, старожилами приказа были встречены в штыки. Между тем постановка им перед Разрядом своего вопроса оказалась вполне уместной: и ранее дьяки в приказах сидели в последовательности, подчас заметно отклонявшейся от той, которую диктовал принцип “кто прежде в чин пожалован, тот и старше”. О нежесткости принципов, руководивших на практике размещением по старшинству служащих, обладавших равным чином, свидетельствует следующий фрагмент вынесенного по данному делу в 1693 г. заключения: “Да и наперед сего в прошлых годах по их государским указом дьяки в приказах сидели не все по списку так, хто из них кого прежде в чин пожалован, тот того и выше, а сидели из них многие, которые и не из дворян в том чину были *за свои службы и за приказные многие работы*, хто и после кого в чин пожалован, выше тех, которые их прежде в том чину” [*Сторожев*, с. 9]²⁹. Вполне обоснованной представляется оценка значения этого, вынесенного по частному поводу указа, данная Н.Ф. Демидовой: “Указ 1693 г. явился признанием первенствующего значения личных заслуг дьяков перед происхождением и формальным сроком их службы, тем самым полностью отступив от старых норм XVII в.” [*Демидова*, с. 87].

Дело, возбужденное дьяком Виниусом, закончилось полной его победой. Хотя подходящего к делу государева указа в Разряде подобрать не смогли, в приговоре (от 18 июня 1693 г.) на осно-

²⁹ Хотя М.П. Лукичев справедливо усматривает в этой цитате свидетельство отступления от принципа служебного старшинства в перечнях приказных дьяков, он называет его “глухим”, прячет в примечание, а в основном тексте присоединяется к мнению о строгом соблюдении этого принципа [*Лукичев 2004а*, с. 70]. Между тем из приведенного текста следует, что отступления от него были не единичными. Является ли это свидетельством отражением реальной картины или источник реальность искажает? Полагаем, что во втором случае противники Виниуса попытались бы решение оспорить (как именно – другой вопрос). Дело, однако, продолжения не имело. Так что более вероятным представляется первое предположение.

вании того, что “дворянской чин выше и дьячья чину”, было велено “имя ево, Андреево, в Розряде в списках, в которых пишут дьяков по приказом, и в Посольском приказе в делах ныне и впредь писать выше их, Васильева и Борисова, имяни под именем дьяка Василья Бобинина” [*Сторожев*, с. 9]. Тяжбу завершила память, 27 июня посланная из Разряда в Посольский приказ думному дьяку Е.И. Украинцеву, содержащая изложение приведенного выше приговора.

Дело длилось три года. Виниусу хватило сил дождаться решения и утвердить себя в приказе, старожилам которого до его появления здесь и в голову не приходила возможность в их вотчине такого курбета. Опираясь, может быть, на поддержку Украинцева, он сумел отстоять свою точку зрения и подняться в иерархии, обогнав старших коллег. Чем, надо полагать, едва ли сделал их своими друзьями.

5.4. Дела малороссийские

На Украине, сравнительно недавно вошедшей в состав Российского государства (левобережной своей частью), обстановка и после признания Польшей этого вхождения³⁰ продолжала оставаться сложной. Расстановка внешнеполитических сил вокруг нее в 80-е годы была охарактеризована выше.

С отстранением от власти царевны Софьи Алексеевны и В.В. Голицына их деятельность была скомпрометирована, но основная направленность сформировавшегося в эту эпоху внешнеполитического вектора (ориентация на турецкую проблему в качестве первостепенной) осталась фактически неизменной. В прочной с ней связи находились отношения с Польшей и малороссийские дела.

Вспоминая обстановку в Малороссии в эти годы, Б.И. Куракин не заметил в ней ярких событий (впрочем, ничего примечательного не припомнилось ему в отношениях и с другими соседями России): “Во время того ж правления царицы Натальи Кирилловны с потенциями соседственными была тишина, и никаких знатных дел не происходило, токмо война на Украине продолжалась с татарами от курсов (набегов. – *И.Ю.*) *обыкновенная*, где на

³⁰ Земский собор в Москве положительное решение на предложения Б. Хмельницкого о соединении Украины с Россией принял в октябре 1653 г. В январе 1654 г. на раде в Переяславле призыв гетмана вызвал всеобщую поддержку, после чего члены российского посольства начали приведение к присяге московскому царю. Но Польшей сложившаяся в результате ситуация была признана только в договоре о перемирии, заключенном в 1667 г. в д. Андрусово. Точка же в этом вопросе была поставлена “Вечным миром” 1686 г.

Украине тогда был Борис Петрович Шереметев, а в Черкасах гетманом Иван Степанович Мазепа” [Куракин, с. 74].

К текущей дипломатической работе с Украиной с этого времени привлекается и дьяк Посольского приказа А.А. Виниус [*Богоявленский*, с. 85, 241]. В начале 1693 г. он предпринял туда служебную поездку [*Соловьев VII*, с. 499].

Следует отметить, что дьяки Посольского приказа (с которым еще в 1662/63 г. был соединен приказ Малороссийский) ездили к гетману довольно часто. Незадолго до поездки Виниуса Украину посетили его коллеги дьяки Борис Михайлов (между сентябрем 1689 г. и июнем 1691 г.³¹), сообщивший Мазепе о доносе на него, и Василий Бобинин (октябрь 1692 г.), обсуждавший с гетманом вопрос о ликвидации практики аренды кабаков [*ИМИ*, с. 1, 5, 6].

Маршрут и хронология поездки Виниуса в деталях нам не известны. Упоминается о посещении им 5 марта 1693 г. города Чернигова, где он передал тамошним воеводам Богдану Полибину и Ивану Негоморскому грамоту, извещающую о рождении у царя Ивана Алексеевича дочери – царевны и великой княжны Анны Иоанновны [*СГГуД IV*, с. 635].

Во время поездки Виниус встречался с И.С. Мазепой. В письме последнего царю (от 27 мая 1693 г. из Батурина) по поводу аренды винных шинков гетман упоминает о царском указе на этот счет, который “есть у нас... чрез дьяка Андрея Андреевича Виниуса пространно изображенный” [*ИМИ*, с. 10]. Едва ли подразумевается удостоверяющая подпись Виниуса на тексте указа – соответствующие дьячьи “приписи” так – “приписями” – в ссылках на документ и называли. Упоминание Виниуса в данном случае может означать только одно: доставку им этого указа в Малороссию.

Не только ради доведения до гетмана мнения царя о шинках посылался в Малороссию Виниус. В своих письмах царю из Голландии 1706–1707 гг. он дважды напомним об этой поездке, представляя ее как важную услугу, ему оказанную: “Умилился, мой милостивейший государь, – писал он 16 ноября 1706 г. – еще напомним некия мои услуги: кто сначала представил и, той причины ради, ездил и согласие гетманское привез Азовской победы” [*ЛиБ V*, с. 719]. Судя по этому тексту (подвергать который сомнению, учитывая его адресацию, нет оснований), идея поездки к гетману для предварительного согласования действий под Азовом принадлежала лично Виниусу. И это для него было настолько очевидным, что он считал вполне уместным напомним об этом забывчивому царю и подчеркнуть этим наличие и своего вклада в

³¹ В 1691 г. Б. Михайлов был послан в Польшу в качестве резидента [*Соловьев VII*, с. 496].

первую военную победу петровского царствования. О том же он писал и в 1707-м: напоминал, что царь благоволил его “посылати в посылки к гетману о совете Озовского obleжения, которое, яко Богу угодное делу, во отраду толиких христиан небесным благо-словением преславною победою в бессмертную стрелу³² вашего величества високаго имени и всего росииского народа венцем славы у[в]енчася” [148, л. 178 об.].

Помимо исполнения основных поручений, Виниус, по выражению С.М. Соловьева, “внимательно наблюдал расположение умов”. Историк цитирует (в переложении) доношение Виниуса, передающее сложившиеся у него в результате впечатления: население демонстрирует “совершенную твердость православной церкви, большую набожность и к великим государям всесовершенную и постоянную верность”, прежнюю жизнь под польским владычеством сравнивает с порабощением народа Израиля в Египте, на посулы и соблазны “дьявольского сосуда” Петрика (в начале 1693 г. явившегося на Украину с татарами, не встретившего поддержки и с той поры писавшего на Запорожье антимосковского содержания грамоты) отвечает, что “христианину с бусурманом никогда в союзе быть нельзя” [Соловьев VII, с. 499, 500].

При возвращении, по пути в Москву, с Виниусом произошло неприятное происшествие. После Севска маршрут дипломата пролегал через Камарицкую волость. Здесь, в одном из селений³³, при попытке получить лошадей под подводы (их и нужно было всего три) Виниус встретил неожиданное противодействие. По его словам, мужики, “собрався многолюдством... с ружьем, учили ево и подъячих, котор[ые] с ним были для посылки, бранить и бесчест[ить], и хотеле убить до смерти, и розбили, и сани одне отбили”. Побили даже сопровождавших дипломата стрельцов. Поживились и имуществом: отняли разную рухлядь, у подъячего А. Симонова отобрали шапку и рукавицы и проч. – совокупный ущерб пострадавшие оценили в 33 с половиной руб. В подтверждение своих слов Виниус ссылался на свидетелей – обеспечивавших этот участок дороги и видевших учиненное безобразие болховских ямщиков [61, л. 86–87]. Возвратившись, 7 июня³⁴ он

³² Так в рукописи. Возможно, описка. Предлагаемое исправление: *славу*.

³³ Судя по старому описанию архивного фонда, дело происходило в селе Снитках [ОДИБ, с. 498]. К сожалению, относящиеся к этому делу листы столбца в настоящее время находятся в плохом состоянии, часть текста утрачена. Обнаружить в нем название населенного пункта не удалось.

³⁴ Но почему так поздно? Ведь, судя по деталям (сани, шапка, рукавицы), инцидент произошел, когда еще стоял зимний путь – т.е. зимой или в начале весны. Впрочем, приведенная дата в оригинале отпущена зачеркнута, хотя и не заменена другой.

подал жалобу на камарицких грабителей, в связи с чем в Севск к воеводе из Разряда была направлена грамота³⁵.

В качестве дьяка Посольского приказа А.А. Виниус упоминается до 13 мая 1695 г. [*Богоявленский*, с. 131]; не позднее 203 (1694/95) г. он был переведен на службу в Сибирский приказ.

5.5. Почта и Посольский приказ

Виниус по-прежнему оставался во главе почтовой службы России: к концу его пребывания в Посольском приказе – уже два десятилетия.

Как мы уже отмечали, труды Виниуса на этом поприще до настоящего времени остаются едва ли не наиболее подробно изученной сферой его деятельности. Она рассмотрена в фундаментальном исследовании И.П. Козловского, опубликовавшего также обширный комплекс связанных с ней документов. По этой причине позволим себе затронуть ее лишь “по касательной”.

Организационная и экономическая стороны работы почты в период регентства царевны Софьи Алексеевны и при молодом Петре оставались неизменными. По-прежнему это было предприятие, основанное на совместном – частном и государственном – капиталах. Виниус организовывал и оплачивал все работы, связанные с приемом корреспонденции, созданием станков на почтовых линиях, контролем движения отправок по России, передачей их зарубежным почтмейстерам. Ямщикам платила казна. Затраты Виниуса компенсировались из платы, которая бралась с “грамоток” (частной переписки), и в случае, если последняя издержек не покрывала, – в виде разовых выплат из казны, производившихся на основании запросов почтмейстера.

Продолжали действовать старые почтовые линии – “заморские” рижская и виленская (последняя с перерывами), создавались новые – архангелогородская, азовская, сибирская (о них далее).

Как и при предшественниках Виниуса, почта под его руководством работала далеко не идеально: доставка ее нередко задерживалась. Время от времени происходили и более неприятные инциденты – вроде исчезновения летом 1676 г. 100 золотых, от-

³⁵ О распоряжениях, полученных воеводой, остается только догадываться, поскольку от оставленного в Разряде отпуска документа [61, л. 86–87] сохранились лишь два первых листа, занятые изложением жалобы Виниуса. Впрочем, можно утверждать, что указ требовал, как минимум, расследовать инцидент и наказать виновных.

правленных в печатанной коробочке из Пскова торговым человеком иноземцем Ефимом Вохтом (Фогтом, Фагетом) в Москву иноземцу же Христофору Коку. Несмотря на то что в Пскове деньги принимались представителем Посольского приказа (переводчиком Тимофеем Англера), а в Москве суму “по обычаю” распечатывал лично Виниус, несмотря на наличие нескольких сопроводительных писем (от Англера Виниусу и приемщику в Новгороде Якову Гитнеру, от Вохта Коку), при вскрытии сумы в Москве там были обнаружены только “два коробка”, в которых при осмотре перед боярином А.С. Матвеевым “объявились лимоны да свяска небольшая с круживом в бумаге” [48, л. 1]. Поскольку в это время действовал указ, которым “из-за моря или с Москвы, или из Великого Новагорода, да из Пъскова через почту посылать золотых, и денег, и никаких иных вещей” было “не указано” [49, л. 1] (что свидетельствовало о ненадежности почты), происшествие повлекло расследование и запомнилось надолго. Учтывая запрет пересылки денежных средств, а также тот факт, что произошел этот случай в самом начале директорства Виниуса, когда в отношении его еще не накопились другие претензии, лично на почтмейстера вина в этой истории возложена не была. Но осадок она, несомненно, оставила.

Исчезали деньги – можно ли было поручиться за защищенность почты, отправлявшейся и получаемой дипломатическим ведомством?

Почта неизменно оставалась самой прочной связью, удерживавшей Виниуса в поле зрения Посольского приказа даже в годы, когда основным местом его работы было другое учреждение. К наиболее значимым составляющим этой связи принадлежали: перевозка дипломатической корреспонденции, доставка европейских периодических изданий (использовавшихся для составления переводных курантов), соби́рание внешней и внутренней информации политического содержания (путем перлюстрации частной переписки) и регулирование (преимущественно ограничение) распространения информации политического содержания о положении в России. Остановимся на них подробнее.

Перевозка дипломатической корреспонденции составляла важную и ответственную обязанность почтмейстера Виниуса. Несмотря на упомянутые выше недостатки в работе почтовых линий, за которые он отвечал, они все же существенно не отражались на качестве доставки отправлений этого рода. Нам не известны серьезные скандалы и нарекания в адрес Виниуса по этому поводу. Напротив, Виниус обращался с просьбами о пожаловании за качественную доставку дипломатической почты. Прося летом 1688 г. о поощрении за вклад в подготовку заключения

“Вечного мира”, он напоминал, что издавна служил “у отпуску и приему обоих виленской и рижской почты, и в прошлом, государи, во 194-м (1685/86-м. – *И.Ю.*) году в приезд к вам, великим государем, великих и полномочных послов польских в посылки и приеме их писем. И как ваши, великих государей, великие и полномочные послы боярин Борис Петрович Шереметев с таварыщи для поттвержения Вечнаго мирнаго договору были у короля польского и у цысаря римского, и тогда со всяким же радением ваши, великих государей, грамоты, и всякие дела, и отписки посылал и принимал” [56, л. 1].

Доставка европейских периодических изданий, использовавшихся для составления курантов, – еще одна (и важная) обязанность, возлагавшаяся на почтмейстера. Если в договоре, фиксировавшем условия Андрусовского перемирия, на первое место в функциях почты выдвигалась пересылка дипломатической корреспонденции, то в других документах довиниусовского периода ее истории (в частности, в указах о передаче Марселису рижской линии и об учреждении линии виленской) главной задачей обозначена доставка вестей печатных и письменных. Достаточно убедительно аргументированным представляется заключение о существовании уже при Виниусе периодов (например, с мая 1677 г. по июль 1681 г.), когда единственной службой, выполнявшейся почтой для государства, являлась доставка газет [*Шамин*, с. 122–123].

Еще одна функция почты, тесно связанная с деятельностью внешнеполитического ведомства, – *собираание внешней и внутренней информации политического содержания*. Она осуществлялась путем перлюстрации (негласного досмотра) частной переписки. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о ней относятся к концу 1690-х годов, но нет оснований, чтобы исключать ее проведение и в более ранний период.

Открытый Виниусу благодаря указанным обстоятельствам доступ к свежайшей политической информации определял его совершенно уникальное место среди политических сил и деятелей российского государства той поры. Можно уверенно утверждать, что лица, более информированного о состоянии европейской политики, в России на протяжении четверти века не было. Благодаря работе в Посольском приказе ему были ведомы и многие секреты российской – как внешней, так и внутренней – политики.

Посольский приказ в ряде случаев использовал почту и для *регулирования распространения информации политического содержания о положении в России*. Речь идет о временном ограничении доступа к ней, который осуществлялся путем досмо-

тра (негласного и гласного) отправлявшейся из России частной корреспонденции. Первый в России известный указ о гласной цензуре появился 28 апреля 1690 г. Он был составлен Е.И. Украинцевым и адресовался смоленскому воеводе Ф.И. Шаховскому. Читать письма было поручено отпускаящему почту из Смоленска переводчику И. Кулбатскому [Вигилев, с. 113]. Соответствующие сведения, относящиеся к концу этого десятилетия, будут приведены далее. Виниуса как лицо, осуществлявшее общее руководство почтовыми линиями, уходившими за границу, эти действия затрагивали самым непосредственным образом.

Завершая краткий экскурс в историю почты, бросим взгляд на нее в контексте эволюции Виниуса-предпринимателя. Сведений о таковой деятельности в традиционных формах (см. выше) для конца 80-х – первой половины 90-х годов XVII в. у нас немного, а имеющиеся часто недостаточно ясны³⁶. Но действует под его управлением почта – первый действительно удачный опыт применения его предпринимательской инициативы. Облегчая Виниусу транспортировку некоторых товаров, она, в определенной мере, могла способствовать поддержанию его торговых операций. Но этот источник был далеко не бездонным – в конечном счете за перевозку приходилось кому-то платить. Напротив, расходы по содержанию собственно почты Виниусу вполне удавалось свести с положительным для себя балансом. Вскоре, с приходом в Сибирский приказ, обнаружится еще один канал утилизации его предпринимательской энергии, но вся она на этот раз уйдет в предпринимательство *казенное*: обогащая государство, не озолотит самого предпринимателя. (Термин *предпринимательство* вообще не обязателен для описания этой его менеджерской, по-сути, деятельности.) Кроме того, непрерывно нарастающий вал царевых поручений в 90-е годы резко сократит время, потребное на собственную коммерцию. Служба на некоторое время прочно свяжет руки Виниусу-предпринимателю. И лишь с освобождением от нее он отчасти воспрянет.

³⁶ Так, М. Ди Сальво в работе, посвященной действовавшему в России в 90-х годах итальянскому купцу Франческо Гваскони (Francesco Guasconi), упоминает, что в какой-то счетной (бухгалтерской) книге (очевидно, с Гваскони связанной) она обнаружила имя А.А. Виниуса [Di Salvo, p. 89]. К сожалению, ссылка на источник в работе отсутствует и содержания отмеченного свидетельства исследователь в работе не раскрывает.

Глава 6. В ближнем круге (1689–1699)

...Виниус откликнулся на зов молодого преобразователя, и мы увидим многообразную, изумительную в его годы деятельность.

С.М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 14, гл. 2.

6.1. Самое важное в жизни знакомство

Бессмысленно задаваться вопросом, когда Виниус познакомился с Петром I. Занимая все более заметные должности в учреждениях государственного управления, он участвовал во всех положенных ему по чину придворных церемониях и наверняка видел будущего российского императора с самых младенческих его лет. Но на период от окончания регентства царевны Софьи Алексеевны (начало сентября 1689 г.) до смерти царицы Натальи Кирилловны (25 января 1694 г.) приходится одно из важнейших событий в биографии Виниуса – исторического деятеля: его сближение с Петром Великим¹.

Наблюдательный и информированный современник (Б.И. Куракин), рисуя картину затянувшегося детства будущего царя-реформатора, в дела управления страной еще не вступившего и у власти пребывавшего скорее номинально, чем на деле, называет эти годы временем “правления царицы Натальи Кирилловны” [Куракин, с. 73, 74]. Не корректная формально, эта формула тем не менее отражает важную черту этого периода – времени, когда будущий деятель пребывал как бы еще в проекте, когда, подобно поглощавшей весенние соки почке, сам того не осознавая, он только еще готовился поразить современников яростной энергией всепокрушающего, увлекающего за собой роста и развития, – но не раньше, чем придет его время.

Рассказывая, какими и откуда исходившими соками питалась эта на глазах набухающая почка, Куракин сообщает и о том, чему и с чьей помощью учился в эти годы нецарствующий царь (рис. 12). “И по склонности своей его величество к иноземскому всему тогда начал учиться всех екзерцией и языку голанского. И за мастера того языка был дьяк Посольского приказу, породю голанец, Андрей Виниус, человек умный и состояния доб-

¹ Е.А. Савельева, не ссылаясь на источник, утверждает, что Виниус “стал приближенным царя Петра” в 1690 г. [Савельева 1998, с. 65].

Рис. 12. Обучение юного Петра I. Миниатюра из рукописной «Истории Петра I» П. Крекшина. Первая половина XVIII в.

рого. А для экзерцицей на шпагах и лошадях – датчанин, сын Андрея Бутенанта, а для математики и фортификации – и других артей (искусств. – *И.Ю.*), как токарного мастерства и для огней артофициальных (пиротехнических. – *И.Ю.*) – един гамбурченин Франц Тиммерман, ...а танцовать по-польски с одной практики в доме Лефорта” [*Куракин*, с. 79].

В том, что Петр заинтересовался голландским языком, нет ничего удивительного. В период расцвета Нидерландов основной язык жителей этой страны (часть северных провинций была двуязычными) изучался как язык науки, техники, особенно кораблестроения и мореходства [*Балашов*, с. 421].

Но Виниус – в глазах потомков не единственный претендент в учителя ему. Называются и другие имена. Так, А.С. Пушкин, опираясь скорее всего на И.И. Голикова, писал: “Он (Петр. – *И.Ю.*) подружился с иностранцами. Женевец Лефорт (23 (?) годами старше его) научил его голландскому (?) языку” [*Пушкин*, с. 26]².

Вслед за Пушкиным обратим внимание на странность: выходец из Женевы выступает в роли учителя не немецкого, не французского и не итальянского – голландского языка. Ведущая к Францу Яковлевичу ветвь рода Лефортов (шотландского по происхождению), задолго до его рождения покинула историческую родину и осела в Швейцарии – женецем был вправе считать себя уже его прадед Жан-Антуан, живший в XVI в. Но в Голландии Ф.Я. бывал: в 1674–1675 гг., когда состоял на службе у герцога курляндского [*Малинин*, с. 65], и потом еще раз, через 20 с лишним лет, вместе с Петром, в качестве первого посла Великого посольства. Можно, конечно, усомниться в том, что за сравнительно короткий срок первой поездки он овладел голландским языком в достаточной степени, чтобы ему обучать. Но все зависит от индивидуальных способностей. Лефорт к языкам был, кажется, восприимчив: говорил на английском, немецком, итальянском, русском (сохранились его письма, в которых русская речь передана латиницей). Говорил якобы он и на голландском [*Валишевский I–II*, с. 86].

И все же, задним числом отбирая молодому царю учителя из числа возможных претендентов на эту роль, остановимся скорее на Виниусе. Он, во всяком случае, выглядит в этом качестве более органично – и “породою голанец”, и в переводчиках с “нуж-

² Вопросительные знаки – А.С. Пушкина. Знакома эта версия и научно-популярной литературе: “Языку голландскому обучил его (Петра. – *И.Ю.*) Лефорт” [*Малинин*, с. 68].

ного” языка служил³, и, наконец, поведения человеком был куда более “положительного”. Для начинающего танцора лучшей школы, чем лефортовский дом, придумать действительно трудно. А действующие курсы иностранных языков в наше представление о жизни этого во всех отношениях веселого дома на Язуе вписываются плохо. Хотя, конечно, выбор, который кажется нам наилучшим, совсем не обязательно должен был показаться таким и Петру.

Примечательно, что М.М. Богословской, не имея надежных сведений относительно учительства Виниуса, все же не решился эту версию игнорировать, хотя и высказался на ее счет осторожно – в “неявной” форме. Перечисляя то, что, по его мнению, могло привлечь царя в посольском дьяке, историк замечает: “Он (Виниус. – *И.Ю.*) хорошо знал свой родной голландский язык, а Петр учился этому языку” [*Богословский IV*, с. 201]. То есть прямо об обучении не говорится, но акцентируется интерес Петра к Виниусу, как носителю навыка.

Обсуждая версию Куракина, заметим, что в его сочинении, замечательном своим языком, меткостью характеристик и “эксклюзивностью” многих сообщаемых фактов, немало и ошибок. Одной из них может оказаться и упоминание об учительстве Виниуса. Тем более что не ясен вопрос об источниках, которыми он в данном случае пользовался. Едва ли, рассказывая о юности Петра, Куракин опирался исключительно на личные воспоминания – он был тогда и молод (на четыре года моложе царя) и к ближайшему его окружению не принадлежал.

Несмотря на вполне обоснованные сомнения, данный вопрос

³ Если бы Петр пожелал учиться языку *по-настоящему*, учителя ему вполне разумно было бы искать в том числе среди переводчиков Посольского приказа. Специализировавшихся на голландском языке было среди них сравнительно немного. А.А. Виниус жаловался в одной из челобитных (1667 г.), что работает в приказе “у переводу всяких галанских писем четвертой год безотступно один, а у иных языков моей братьи переводчиков человека по два, и по три, и больше” [26, л. 2]. Из лиц, появившихся в Посольском приказе не позднее 1682 г., только два таких переводчика оставались в нем на рубеже 80–90-х и в начале 90-х годов: тот же Виниус и Леонтий Гросс [*Беляков 2001*, прил., № 97 и 144]. Десятилетие спустя, в 1701 г., выплачивалось жалованье следующим работавшим с голландскими текстами переводчикам Посольского приказа: Петру ...рову (начало фамилии в источнике утрачено; переводил также с “цесарского”), Петру Коету (переводил также с “цесарского”, шведского и датского), Петру Вулфу (переводил также с латинского и “цесарского”), Андрею Диконсу (переводил также с немецкого) [8, л. 18, 18 об.]. Удвоение численности переводчиков с голландского наглядно свидетельствует об этнокультурных пристрастиях молодого Петра и об укреплении связей России с Нидерландами.

в настоящее время может считаться решенным, причем решенным положительно. Заключаем это из письма Петру I 1707 г., в котором Виниус напоминал, что тот “благоволил еси моя взяти недерля[н]ского диалекта в учителя”. Относительно времени, когда это событие (или события) имело место, сказано: “Внегда же благодатию небеснаго царя величество ваше порозчных врагов ваших сохранен и на прес[тол] високаг[о] своего наследия утвердися изволил, еси не в ыных делех упражнясяти (sic. – *И.Ю.*), точию иже в таких, иже ко правлению великия вашаия державы прилгествовали (sic. – *И.Ю.*), тогда...” – далее по приведенной выше цитате [148, л. 178 об.]. Единственное, что из сказанного можно извлечь, – что “взятие” Виниуса произошло после восшествия Петра Алексеевича на престол. В период ли регентства или после него? Второе, как будто, вероятнее – во всяком случае, намеком на события 1689 г. может рассматриваться сопряженное с хронологическим рубежом упоминание о том, что “благодатию небеснаго царя” государь был сохранен от “порозчных врагов”. Но это указание все же слишком неопределенно, чтобы уверенно использовать его для датировки.

Хотя характер источника не оставляет сомнений в достоверности сообщения, его интерпретация встречает затруднения не только в части хронологической привязки. Диапазон возможных форм учебы велик: от систематических занятий (что, на наш взгляд, маловероятно), до окказиональных, справочных к Виниусу обращений (что, полагаем, в той или иной степени несомненно имело место). Заметим, наконец, что одна версия не исключает других: обучать Петра голландскому языку могли несколько человек скорее всего из числа находившихся в России иностранцев.

Если первоначальный импульс к сближению Петра с Виниусом действительно имел лингвистический повод, поддержало и укрепило его нечто иное. Загадка взаимного их тяготения волновала многих, писавших об окружении Петра. Из историков, задававшихся вопросом о его природе, наиболее убедительно справился с ним, пожалуй, М.М. Богословский. Предложенный им ответ прост: “Для него (царя. – *И.Ю.*) Виниус был интересным человеком”. Богатство внутреннего мира Виниуса зиждилось на широком образовании и большом жизненном опыте (на момент знакомства ему было около 50 лет). Богословский обращает внимание на некоторые черты его личности, которые могли быть особенно интересны Петру: он владел голландским языком, многое мог рассказать о Голландии и вообще о Западной Европе. “Он открывал Петру возможность связи с другими интересными людьми, такими как Витсен” [*Богословский IV*, с. 201]. Эти наблюдения ценны тем, что охватывают предмет с разных сторон.

В систему аргументов логично встроена разница в возрасте, которая на первый взгляд должна разводиться, а не приближать. Заметим, что Петр вообще, похоже, тянулся к друзьям старше его по возрасту. Значительно старше – на 16 лет – был главный его любимец этой поры Лефорт (род. 1656). Среди тех, когб приблизил молодой Петр, многие были его старше (причем значительно). Нетрудно предложить этому объяснение: Петр горел неумемой жаждой умножения личного знания и умений, он *любил учиться*, а старшие по возрасту, более опытные друзья помогали ее удовлетворять⁴.

Любопытно, что если в случае с Лефортом, этим “дебошаном французским” (Б.И. Куракин), царскую привязанность к нему крепило сходство некоторых черт характера друзей⁵, то сближению с Виниусом это обстоятельство помочь не могло – Виниус и Петр психологически более различались, нежели сходились. Насколько же сильным притяжением обладала интеллектуальная компонента личности Виниуса, если, несмотря на психологические различия, Петр приблизил его настолько, что вскоре заставил беспокоиться придворных интриганов?!

Оправдалась ли вера царя в педагогический талант Виниуса – удалось ли ему научиться голландскому языку? По-видимому, на первом этапе успехи были весьма скромными, выразившимися, в частности, в проникновении голландских слов в письма Петра. Любимое им обращение “Min Her” находим уже в первом из сохранившихся до наших дней его писем Виниусу (от 12 июля 1694 г. [*ПуБ I*, № 27]); а в период наиболее тесного их сближения оно повторяется едва ли не в каждом послании царя. Иногда обращения более многословны, как, например, Min Her heilige Vader в письме Т.Н. Стрешневу от 6 марта 1696 г. [*ПуБ I*, № 72]. Голландскими словами и оборотами – вроде, Schiper Fon ship santus profetities или Bombordir Piter в письмах Виниусу 1694–1695 гг. –

⁴ С.Г. Милюков сообщает много интересного о сближении Петра с Виниусом: царь якобы сразу выделил его в своем окружении; сначала привлеченный богатой библиотекой, он стал бывать в его доме на Мясницкой; “изучал” здесь гравюры, планы, “цветные географические карты Вселенной” (???), “глубина знаний Виниуса... потрясла Петра” и т.д. [*Милюков 2000а*, с. 65]. К сожалению, происхождение всех этих сведений (интересных в том числе и для характеристики недостаточно освещенной источниками юности Петра) не ясно. Два источника, указанные автором в сноске – цитированные нами сочинение Куракина и послание Виниуса Петру 1707 г. – приведенных сведений не содержат, в данной связи в них упоминается только об обучении Виниусом Петра языку.

⁵ Внимание на это обращали не раз, см., например: Лефорт “ему (Петру. – И.Ю.) сразу пришлось по душе”, “у них оказалось много общего в характере” и т.д. [*Малинин*, с. 67].

украшаются и подписи [*ПуБ I*, № 29, 38]. Но это только отдельные слова, в лучшем случае фразы, к тому же с точки зрения грамматики часто не безупречные [*Богословский I*, с. 187]. Знания языка они не демонстрируют, фиксируют наличие сленга, образованного лексическими заимствованиями из голландского языка. Петр никогда не пишет по-голландски носителям этого языка, Виниусу в том числе, – все его письма к нему на русском.

Сохранился любопытный текст, в публикации его в “Письмах и бумагах” озаглавленный “Русские фразы и слова с переводом на голландский язык” [*ПуБ I*, № 218]. В данном издании он отнесен к 1697–1698 гг., но М.М. Богословский полагает эту датировку ошибочной. Нам, однако, важнее высказываемое по его поводу общее заключение историка относительно владения царем языками: “Конечно, он (Петр. – *И.Ю.*) научился немного говорить по-голландски – единственный иностранный язык, которым он несколько владел” [*Богословский II*, с. 124].

М.М. Богословский, по-видимому, недооценил лингвистические успехи Петра. В записках датчанина Юста Юля, в рассказе о первой его встрече с царем, состоявшейся 30 ноября (нов. ст.) 1709 г. читаем: “Он... пригласил меня сесть возле себя и тотчас же начал разговаривать со мною без толмача, так как сам говорил по-голландски настолько отчетливо, что я без труда мог его понимать; со своей стороны и он понимал, что я ему отвечаю. Царь немедленно вступил со мною в такой дружеский разговор, что, казалось, он был моим ровнею и знал меня много лет” [*Юль*, с. 87–88] (рис. 13). Петр понимал не только устную речь – он, если верить А.К. Нартову, “голландские газеты читывал после обеда, на которые дельвал свои примечания и надобное означал в них карандашом, а иное в записной книжке” [*Нартов*, с. 288].

И все же с исправлением “научился немного говорить” на “владел... хорошо” спешить, полагаем, не следует. По-голландски Петр понимал и умел объясняться, но первоначально лишь в сравнительно узких границах бытовой и специальной лексики. С течением времени навыки владения языком, возможно, совершенствовались. Петр, вечный ученик, насытиться знанием не мог физиологически – не занимаясь языком специально, он впитывал его и из постоянного общения с голландцами, и в поездках по этой стране. Составленные по воспоминаниям записки Нартова отразили ту точку, на которой прервался этот процесс. Но в 90-е годы до нее было еще далеко. Из Воронежа весной 1699 г. с письмом Виниусу царь посылает роспись кораблей. Просьба: против русских названий написать их голландский перевод. Виниус задание выполняет [*ПуБ I*, № 288]. Спрашивается, понадобилось бы подключать к нему посторонних людей, когда бы Петр в

Рис. 13. Портрет Петра I. Фрагмент гравюры А.Ф. Зубова и П. Пикарта “Битва Полтавская”, 1715 г. (А.Ф. Зубов)

достаточной степени владел языком сам? Его знаний явно не хватает, чтобы вскоре после возвращения из Голландии (самого что ни на есть глубокого погружения в чужую языковую среду) *самостоятельно* перевести и записать некоторые слова языка, которому его учили и в пользовании которым он позже (в частности, работая на верфи) имел возможность практиковаться.

6.2. Сближение

Первый известный нам случай, открывавший возможность длительного и тесного общения Виниуса с молодым царем, – первая его (Петра) поездка в Архангельск в 1693 г. Выехав из Москвы 4 июля, царь прибыл в Архангельск 30-го и оставался там до 19 сентября, когда отправился в обратный путь [*Богословский I*, с. 155, 159, 167].

Свита Петра достигала 100 человек, в ее состав входили бояре князь Б.А. Голицын, А.С. Шеин, генерал Ф.Я. Лефорт, ближние стольники – князь Ф.Ю. Ромодановский и И.И. Бутурлин, думный дьяк Н.М. Зотов [*Богословский I*, с. 155]. Люди извест-

ные, все – из ближайшего круга, бессознательно и намеренно они оттягивали внимание царя каждый на себя. Для Виниуса, замаранного в глазах новой власти исполнением сомнительного поручения “ззорного лица”, его принадлежность к этому кругу была очень важна. Общение в походных условиях носило достаточно демократический характер, доступ к государю был облегчен, что создавало базу для укрепления и развития отношений. Виниус сумел использовать случай: судя по сохранившимся письмам Петра, после этой поездки А.А. – человек, который постоянно нужен и которому абсолютно доверяют.

По-видимому, именно в этой поездке Виниус впервые близко соприкоснулся с царем, почувствовал огромный, только еще начинавший раскрываться креативный потенциал его личности. Но тогда же столкнулся он и с грубостью бытового поведения в среде, с ним связанной. И не случайно, как нам кажется, присутствие Виниуса в кругу сопровождающих Петра в поездках лиц, в свите, в дальнейшем станет событием редким. После первых опытов Виниус, как будто, избегал личных встреч с монархом, предпочитая и любить его, и служить ему дистанционно – сообщаясь перепиской. Это была довольно рискованная тактика коммуникации – не соприкасаясь с царем лично, из числа доверенных лиц можно было выпасть в два счета. Наверняка, осознававший это Виниус удовольствием не исполнять чуждые его натуре коммуникационные ритуалы старался не злоупотреблять. Больше того, в письмах Виниуса Петру винопитие и связанная с ним мифология занимают определенное им монархом весьма почетное место. Но это на бумаге. Если же длительного “неформального” общения с участием Ивашки Хмельницкого без ущерба для отношений можно было избежать – Виниус его избегал. Нравы, царившие в петровском окружении его, видимо, сильно смущали, а многодневные застолья в доме Лефорта, где они проявлялись во всей их брутальной “красе”, – несколько не привлекали.

Но от 3-месячной поездки в Архангельск в 1693 г. Виниус уклониться не мог. Да и не хотел: приглашение было публичным знаком прощения. Историкy остается только сожалеть, что соединение в одном месте большинства из тех, кто был в это время приближен к Петру, делало ненужной их взаимную переписку, что в совокупности с тем обстоятельством, что Петр к этому времени вообще еще “не расписался”, лишило нас источников, позволяющих подробно охарактеризовать занятия царя и его спутников. Упомянем единственный факт, оказавшийся связанным с событиями будущей сюда поездки: основание на о-ве Соломбала (близ Архангельска) судостроительной верфи и закладку на ней

самим Петром 24-пушечного корабля “Святой Павел” [Быховский, с. 15].

В 1694 г. царь снова отправился на Белое море. Вinius в числе его спутников на этот раз не оказалось. Царь и дьяк писали друг другу письма, благодаря которым мы знаем, какие интересы связывали их в то время. Они же позволяют констатировать, что Вinius становится *сотрудником* Петра.

Петр I отправился в путь 1 мая. 17 мая флотилия, на одном из кораблей которой он находился, проследовала Холмогоры, 18-го в полдень достигла Архангельска [Богословский I, с. 177, 180].

Писем царя Вiniusу и его царю, относящихся к первым полутора месяцам пребывания Петра в Архангельске, к сожалению, не найдено. *Первое, сохранившееся* в обширной переписке А.А. Вiniusа с Петром I, относится к 12 июля 1694 г. Но, судя по упоминанию Петром ранее полученного им письма Вiniusа (до нас недошедшего), – не первое в действительности. Царское письмо от 12 июля добиралось до Москвы семь дней [ПиБ I, № 27, с. 497]; как показывает сравнение дат посылки и вручения адресату других писем, которыми в этом году обменивались Москва и Архангельск, именно этот срок был тогда для почты нормой. В таком случае, недошедшее до нас письмо Вiniusа, на которое 12-го отвечал Петр, было послано приблизительно 5 июля. Именно эту дату можно считать началом переписки Петра и Вiniusа, но началом, разумеется, условным – вполне вероятно, что несохранившиеся и не упомянутые в других источниках письма они посылали друг другу и раньше.

Остановимся на сюжетах, отраженных в первых письмах, – в них, как нам представляется, чрезвычайно рельефно отразилось все, что в то время в наибольшей степени притягивало царя к Вiniusу.

В письме от 5 июля Вinius сообщал содержание полученного им письма Витсена (приложив его перевод) об отправлении к Архангельску заказанного в Голландии корабля [ПиБ I, № 27]⁶. Письмо Вiniusа от 9 июля пересказывает новое послание Витсена. У того было спрошено (по-видимому, по заданию Петра), по-

⁶ Речь шла о корабле “Santa Profeetie” (“Святое пророчество”), заказанном в Голландии в 1693 г. и отправленном бургомистром Витсеном из Амстердама [ПиБ I, с. 497]. В одном из ближайших писем Петр упоминает, что это был фрегат [ПиБ I, № 28]. Судя по цитате, приведенной у С.И. Елагина [Елагин, с. 247], именно к нему относится сохранившийся в РГАДА датированный мартом 1694 г. отпуск первоначального варианта “опасной” (пропускной) грамоты, в которой говорится про построенный “в Галанской земле для нашей, царского величества, потребы и казною нашею *карабль фрегат* со всем пушечным и протчим нарядом” [36, л. 2].

чему в посвященной судостроению его книге нет размеров частей кораблей. Последний объяснил, что каждый мастер использует собственный размер и предложил обмерить в качестве образца корабль, идущий в Россию. Виниус также известил о пересылке письма, адресованного Петру сестрой царевной Натальей Алексеевной [*Пуб 1*, с. 500–501]. 12 июля Петр ответил на первое (от 5-го) письмо Виниуса: выразил радость по поводу известия о приближении долгожданного голландского корабля, сообщил о завершении отделки судна, заложенного на местной верфи (рис. 14), и торжествах в связи с его “крещением” – курении “Марсовым ладаном” и щедро “припочтенном” при этом Бахусе. Отвечая на известия из Москвы о терзающих ее пожарах, известил о пожаре у них – пострадала одна барка с хлебом, но боялись, что пожмет все суда, прибывшие с товарами на ярмарку. “Чаю, – замечает Петр, – чтоб сей пожар не меньши был всех московских”. Упомянуто о каком-то “деле твоём”, которое “готово, только челобитная утерялась”, в связи с чем нужно приготовить новую. На содержание дела нет даже намек, но, судя по времени, речь может идти о пожаловании, которого добивается Виниус, или о каких-то отголосках спорного его дела с Посниковым и Михайловым (формально завершившегося еще летом 1693 г.). Здесь же распоряжение отпустить П. Корсакова в Кай-городок [*Пуб 1*, № 27]. Ответ Виниуса содержит лакуны, утрачена, в частности, его дата, но последняя с высокой вероятностью – 19 или 20 июля. Виниус сообщает полученные с последней почтой сведения о некоем караване “к иноземцом”, о котором все пишут “розно”: одни, что он пойдет 17 июля, другие, что “за ветрами и за потреба[ми]” еще “продержится”. Выражает удивление по поводу отсутствия в Архангельске Флама (капитана спешившего в Россию судна), отмечая, между прочим, отсутствие сведений о нем в курантах и высказывая предположения о причинах его задержки (виноваты “противные ветра”, в особенности северные). Корсаков в Кай-городок отпущен с оформлением документов, “как ему надобно”. По поводу какого-то “своего” дела пишет, что по царскому изволению подал о нем вторую челобитную [*Пуб 1*, с. 498]. 19 июля, т.е. приблизительно в то самое время, когда сидел за ответом Петру Виниус, на его (Виниуса) письмо от 9 июля отвечал царь. Полученный ответ на запрос к Витсену (о размерах деталей кораблей) его не удовлетворил. Здесь ожидаемый корабль – фрегат, а существуют и другие типы судов, которые “кшталтом (видом. – *И.Ю.*) зело розны суть меж себя”. В связи с этим задание Виниусу остается в силе: “Сколко возможно потрудись, чтобы тем розным судам всякому особь розмер сыскать”. Петр подтверждает получение отправленного к нему

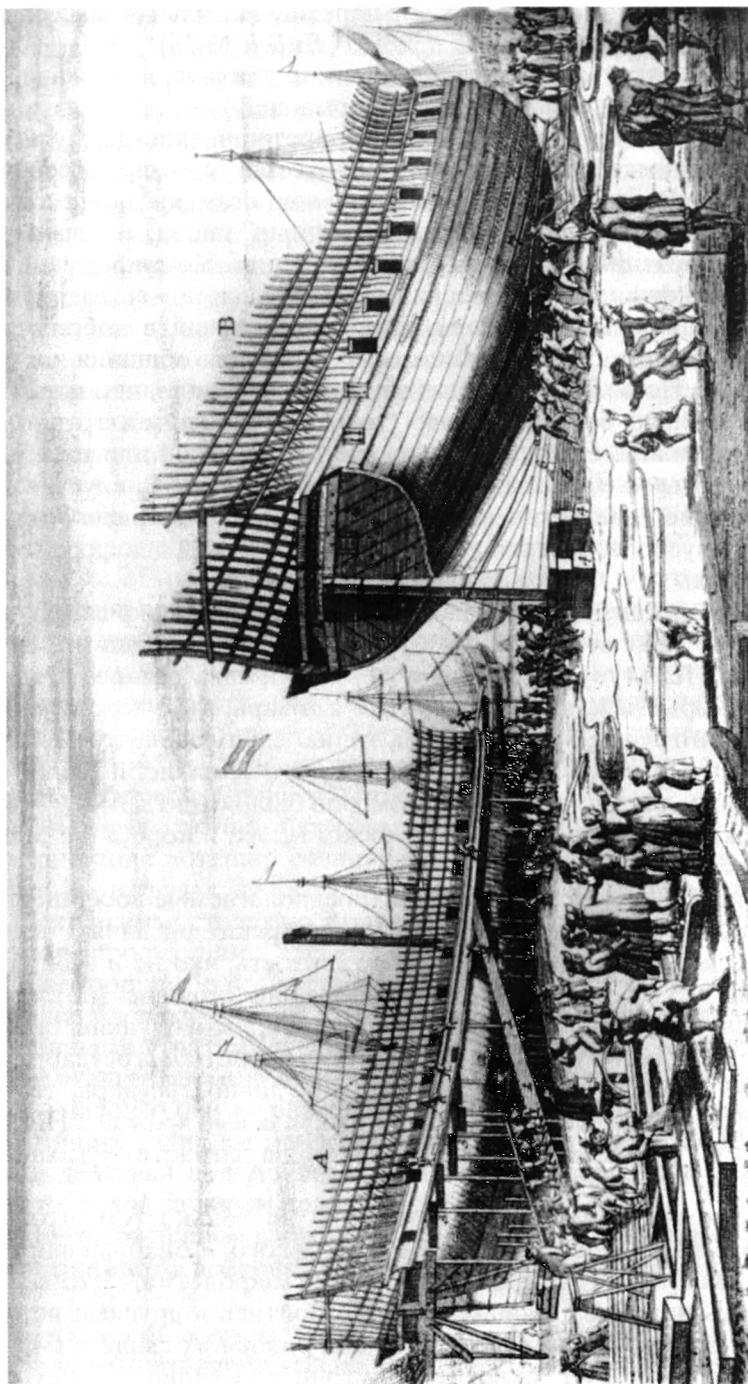

Рис. 14. Верфь. Иллюстрация мастерской П. Пикарта к книге "Новое голландское карабельное строение" К. Алларда, 1709 г.

Виниусом вместе со своим письма царевны Натальи Алексеевны. Сообщает, что Флам еще не прибыл [*Либ I*, № 28].

Если смотреть на эти тексты в чисто утилитарном плане, то основная их функция – обмен информацией о московских и архангелогородских новостях, их интерпретация (иногда с учетом сведений внимательно читаемых Виниусом курантов), обеспечение связи с Витсенем (в тот момент по вопросам, касающимся судов), извещение о посылке “ответственных” писем, передача текущих поручений и отчет об их исполнении. Но информационный обмен функций не исчерпывает. Эти письма – еще и дружеские послания. Переписка носит доверительный и доброжелательный характер, что вообще характерно для общения членов компании. Но в данном случае интересно еще и то, что царь пишет несколько более “кудряво”, чем обычно, в чем трудно не увидеть влияние стилистических образцов (устной или письменной природы – не суть важно), идущих от Виниуса. Виниус же эти отраженные царем стилевые импульсы с удовольствием подхватывает и, усилив, возвращает. Таковы, например, два фрагмента о пожарах.

Петр – из письма от 12 июля: “О сколь нахольчиф ваш Вулканус: не довольствуется вами, на суше пребывающими, но и здесь на Нептунусову державу дерзнул и едва не въсе суды, в Кунгчукорье лежащая, к ярмонгке с товары въсе пожег; абаче чрез наши труды весьма разорен, точию едину барки кровлю и борт жег с [х]лебом, а возле была барка с пенькою, и естлиб та загорелось, тогда б отнюдь не возможно было отнять, и чаю, чтоб сей пожар не меньши был всех московских, и коробли старым бы песком домой пошли”.

Виниус – из ответного письма (предполагаемые восстановления наши): “За ваши милосердия государския писания... челом бью, из которых увидял Вулканову дерзость, яко не в свои державства вступает и на Нептуновом поле стоящие [по]сетил. И здесь, государь, мы тем и отдохн[ули, что] Вулкан был в отъезде и посетил державу Непту[нуса,] и дал тебе, государю, на скучное время дело [по]забавиться. И не дивно, государь, что он не в св[ои державства] вступил, понеже меж ими вражда и Нептуно[совою] стихиею лютость Вулканова отчасти у[тихает]” [*Либ I*, № 27, с. 497–498].

Рассмотренные тексты интересны не только тем, что, по верному наблюдению М.М. Богословского, обнаруживают у Петра “кое-какие сведения по античной мифологии”. Чтобы утверждать наличие таковых, можно обойтись и другими источниками – письма ценны разве что как *ранние* их свидетельства. Впрочем, же 1694 г. относится шуточная реляция о Кожухов-

ских маневрах (“Известное описание о бывшей брани и воинских подвигов...”), в которой “изящные господа генералиссимы” (предводители “армий” Ф.Ю. Ромодановский и И.И. Бутурлин) сопоставлены с героями Троянской войны [*Богословский 1*, с. 194–205; *Погосян*, с. 193].

Но Петр, заключаем из писем 1694 г., оказывается, был способен этим мифологическим материалом довольно ловко и в художественном плане выразительно оперировать, а Виниус – не менее ловко тему подхватить и обыграть. Кто в близком окружении Петра давал ему возможность так легко и свободно раскрыть в себе эти в утилитарном отношении излишние, избыточные способности его природы и черты таланта?

Ограничившись упомянутыми выше письмами, прервем знакомство с событиями второго путешествия Петра в Архангельск, тем более что в нашем распоряжении осталось единственное относящееся к этому периоду его письмо А.А. Виниусу. Фрегат “*Santa Profeetie*” (Святое пророчество) – 44 пушки и 40 матросов под командованием Яна Флама – “в целости приехал” в Архангельск уже 21 июля⁷. Петр немедленно сообщил об этом Виниусу, объясняя краткость писания ссылкой на крутые нравы персонажей античной мифологии: “Ныне обвеселяся, неудобно простърано писать, паче же и нельзя, понеже при таких случаях всегда Бахус почитается, который своими листьями засланияет очи хотящим пространо писати”. Петр принял на себя звание шкипера этого корабля – именно так, со званием, он подписал очередное свое послание Виниусу [*ЛиБ 1*, № 29].

Так, в колыхавшем бахусовы листья марсовом дыму, окутавшем ристания потешно сцепившихся Вулкана и Нептуна, в развлечениях и трудах, на глазах и при участии Виниуса крепла в душе Петра самая страстная привязанность его природы: к морю, к морским профессиям.

Следующий блок переписки Виниуса и Петра относится ко времени Азовских походов. Перерыв объясняется не только несомненными утратами в эпистоляррии. Скорее всего в период между Архангельском и Азовом Виниус находился поблизости от царя – надолго они не расставались. Были, конечно, и разлуки – так, Виниус ездил к гетману в порядке дипломатической подготовки действий под Азовом (“о совете озовского облежения”). А вот в поход за царем не последовал.

Подтверждением сложившегося взаимопонимания между царем и Виниусом, доверия первого ко второму, явилось поручение

⁷ По меткому наблюдению С.И. Елагина, “плавание на нем до Св. Носа завершило шестилетние потехи”. Но указанное здесь [*Елагин*, с. 19] время его прибытия в Архангельск (июнь) ошибочно.

Виниусу организации торжеств по случаю Азовской победы. Сам Виниус в своем послании Петру 1707 г. так вспоминает празднование “преславной победы”, явившейся “венцом славы” царского имени и “всего росииского народа”: “Тогда вашим государским повелением во вратах реки Москвы оныя едиными точию храбрыми вашего величества подвиги и на суше и водах полученныя победы славным, во всю Еуропу разглашающим триумфом ваше величество, яко бусурман победителя, мои же, раба вашего, труда сретоша” [148, л. 178 об.–179]. Слова о триумфе, “разглашающим во всю Еуропу”, имеют, возможно, двойной смысл: Виниус подразумевает не только слухи, разошедшиеся за рубежом об этой победе, но и факт посылки им “листов триумфальных врат и с надписанием, как и где что было” Витсену [*Козловский I*, с. 198]

Организация Виниусом такой идеологически важной акции, как триумф по случаю взятия Азова, позволила Е.А. Погосян увидеть Виниуса «“в роли “идеолога” при молодом Петре”» [*Погосян*, с. 203]. Одного этого факта недостаточно, чтобы уверенно утверждать, что он в это время являлся таковым, но в данном эпизоде он выступает, вне всякого сомнения, в такой именно роли.

Наиболее интенсивная переписка Виниуса и Петра I приходится на период Великого посольства. Сохранилась значительная, вероятно, бо́льшая часть этих писем. В систематизированном виде они опубликованы в 1-м томе “Писем и бумаг” и по этому изданию неоднократно цитировались. Последовательно, письмо за письмом, материалы этого комплекса рассмотрены И.П. Козловским.

Собственно, по этим письмам всегда и рассматривали отношения корреспондентов в данный период. Иных источников, содержащих важные *новые* сведения, известно немного. Но письма сохранились не все. Об утрате одного приходится особенно сожалеть. Сам Виниус о нем не забывал, более того – по меньшей мере дважды напомнил о нем Петру через десятилетие. Письмо предупреждало об опасности, грозившей царю при проезде через Ригу, – опасности, воспринятой царем вполне серьезно.

“Напомяни, щедрой государь, – пишет Виниус в письме от 16 ноября 1706 г., – в 1697 году с каким поболением моя сокрушительная души с верным сожалением о здравии вашем я писал, чтоб в возвращении своем из Прусской земли, опасаясь, чрез Ригу идти не изволил, и какими премилостивыми словесы на сия вышереченныя мои услуги мя, нижайшаго своего раба, обнадежити изволил” [*ЛиБ V*, с. 719–720].

Это известие дополняют два близких по содержанию фрагмента письма, написанного Виниусом во второй половине 1707 г.

В них упоминается, что царь, “прошед Ригу”, отправил в Москву “чрез тот же шветской град” солдата с лишними телегами и ружьядью. От этого солдата Виниус уведомился о “рижан злодействе” и, будучи “един исполнен попечением зельным о персоне” государя, “в письме... покорно молих, яко да [в] возвращени своем чрез тот град преходите не изволите”. Слова, которые Виниус получил после этого от государя, названы здесь “благодарными” [148, л. 203 об.–204, 206 об.].

Мы остановились на этих деталях по той причине, что они косвенно связаны с началом Северной войны. Как известно, одним из формальных поводов к ней послужили обиды, учиненные Великому посольству при его проезде через Ригу⁸. Официально этот вопрос был поднят во время переговоров со шведским посольством, прибывшим в Москву 26 июля 1699 г. Выдвинул его Ф.А. Головин на третьей конференции, которая состоялась 20 октября [*Богословский IV*, с. 118, 136, 144]. В перечне обид присутствовал и такой эпизод: по приезде послов в Либаву, они отправили в Россию конюха и 10 рейтар. Этот конюх был в Риге задержан, его отводили к губернатору и едва освободили. Негостеприимно встретили и рейтар: рижане обвиняли их в том, что они кричали и угрожали гостей перестрелять. Судя по всему, арестованный в Риге конюх и есть посланный из Курляндии в Москву солдат, о котором пишет Виниус. И привез он из Риги экстраординарную по значимости информацию, касающуюся лично персоны государя. В обвинениях Головина особа государя, кстати, упоминается, но говорится лишь о выказанном ему неуважении, а не о покушении. Царь, “хотя и в незнатной персоне”, был при посольстве, и рижане об этом знали – “для того посольству такую тесноту и чинили... и великое суровство им показали” [*Богословский IV*, с. 145]. Зная о существовании утраченного письма Виниуса Петру с предупреждением того о готовившемся против него “злодействе”, по иному можно оценить роль российских претензий по рижскому эпизоду. Для России они, видимо, имели более важное значение, чем это принято считать: хотя об этом не говорилось, Петр наверняка помнил о происках шведов лично против него (действительных или мнимых – не обсуждаем) и не намерен был их забывать.

Виниус, своевременно доведший до Петра важное конфиденциальное сообщение, еще раз подтвердил свою личную преданность и профессиональное соответствие. Содействовав “вбросу” имевшей весьма значительное политическое последствие ин-

⁸ Подробный анализ этого эпизода с учетом новейшей литературы см. в работе С.В. Ефимова [*Ефимов*].

формации, он оказался косвенно причастным к истории самой значительной войны петровского царствования. Последующая ее политическая подготовка будет происходить без его участия.

Почему Виниус не был включен в состав Великого посольства? На первый взгляд кажется очевидным, что за границей он мог быть полезен Петру многим, что его связи позволяли облегчить контакты и т.д. В действительности, Петр, хотя и ехал инкогнито, был для европейцев фигурой заметной, вызывал острое их любопытство – ему для установления связей посредники не требовались (рижский инцидент – особый случай). Так что в утилитарном плане (в качестве ходячего рекомендательного письма) Виниус Петру за границей не требовался. В России – другое дело. Безусловно, царю с Виниусом было бы психологически комфортнее, тем более с учетом знаний о загранице, которыми он мог на практике поделиться. Но и по этому поводу оговорка. Следует учесть, что знания Виниуса в значительной степени были умозрительными, книжными – за границей он побывал всего лишь раз или два (не считая вероятных “экскурсий” в детстве и юности). Кроме того, в некотором смысле Виниус и Петр фактически не расставались. Относящаяся ко времени Великого посольства обильнейшая их переписка (открытая и с применением секретных чернил) свидетельствует о теснейшей их связи⁹.

В первое время после возвращения царя эта связь несомненно сохранялась. Свидетельством этому выступает тот факт, что очень важная по своим последствиям встреча Петра с царицей Евдокией, устроенная по инициативе царя через несколько дней после его возвращения с целью склонить жену постричься в монастырь, проходила в загородном доме Виниуса [*Богословский III*, с. 12].

Петр сохранял самые теплые чувства к Виниусу еще несколько лет после посольства, при этом *публично* выделяя его среди окружения. Показателен факт, упоминаемый в “Записках” И.А. Желябужского под 7 декабря 1699 г.: в этот день “по указу великого государя” была “поставлена на площади перед Поместным приказом висельница. И декабря в 8 день по указу великого государя на ту висельницу вожен по лестнице Михайло Волчков за неправое челобитье, что он бил челом на думнаго дьяка на Андрея Виниуса. И снем с висельницы он, Михайло, бит кнутом на козле нещадно” [*Желябужский*, с. 279]. В этом эпизоде интересно не столько его содержание (в судебный схватках Виниус пробеждал нередко), сколько форма. Не для

⁹ Не следует также забывать, что Виниуса за границей отчасти заменил Витсен.

каждого, обиженного неправым челобитьем, ставили перед приказом инструмент наказания обидчика – тем более такой, как “висельница”; не каждого, предварительно поугав, потом нещадно наказывали кнутом. В памяти возникает несколько неожиданная параллель: массовое зрелище, устроенное самим Виниусом для торжественной встречи участников второго Азовского похода. В созданном им сценарии также присутствовал эпизод, связанный с темой наказания за преступление: в шествии вслед за “начальными людьми бояричами” “везли на телеге роскована вора и изменника Якушку немчина, и осил у него на шее, – которого выдали из Азова. А с ним на той же телеге ехали два палача, Алешка да Терешка, и воткнул на телеге топор и палаш, да два ножа, а около телеги шли с ружьем” [Желябужский, с. 248]. Замечательно, что в обоих случаях присутствуют символы позорной казни через повешение – виселица в одном случае, “осил” (веревка) – в другом. Царю подобные воспитательные “пиесы”, похоже, нравились.

Публичное наказание Волчкова, как уже сказано, имело место уже *после* Великого посольства. Это важно, поскольку за границей мысль монарха оплодотворили семена, из которых совсем скоро родится нечто, к чему Виниус окажется непричастен, что будет способствовать их разделению – Северная война. Виниус в связанные с ней планы посвящен, судя по всему, не был. И по мере того как значение их для Петра возрастало, фигура Виниуса постепенно смещалась на периферию его сознания.

Письма Петра Виниусу первых лет их знакомства отличаются свойственными дружеским отношениям теплотой и доверительностью, содержат мысли, суждения, оценки автора о политических событиях, разнообразные текущие новости. Придет время (и довольно скоро), когда в них останутся одни приказания и требования спешить с их исполнением. Но это еще впереди.

Анализ переписки Виниуса с Петром I позволяет сделать определенные заключения по поводу вопроса, с обсуждения которого начиналась эта глава: что привлекало Петра в Виниусе, что являлось причиной его сближения. Подведем итоги.

Виниус был носителем языка и культуры, из числа иностранных едва ли не наиболее высоко ценившейся Петром Великим.

Виниус обладал разнообразными и достаточно глубокими познаниями в областях, для Петра приоритетных.

Виниус благодаря связям среди иностранцев и доступу к информационным каналам, связанным с почтами, являлся в окружении Петра одним из наиболее информированных людей. Петр постоянно запрашивал у него сведения о международных делах

(напр., в письме от 28 мая 1699 г.: “Зело требую от вас заморских вестей, а наипаче о французском деле” [*ПиБ I*, № 270]). Виниус аккуратно их сообщал (см. ответное письмо [*ПиБ I*, с. 771–773]). Разумеется, в открытой переписке иначе как на “Куранты” и на туманное “пишут”, он ни на что не ссылается. Но несомненно в его распоряжении были и другие источники, и столь же несомненно, что он ими пользовался. Виниус для Петра долгое время был его личными “Курантами”, более точными и богатыми содержанием, нежели те, над которыми трудились переводчики Посольского приказа.

6.3. Думный дьяк

Виниус оставался в столице не только потому, что чурался слишком веселых компаний, заводчиком которых нередко выступал сам государь. У него действительно было много дел. Отнимало время и исполнение представительской функции. Дворцовые разряды неоднократно отмечают его назначение участником разного рода церемоний, на которых по традиции должны были присутствовать царедворцы¹⁰. Возросшую востребованность Виниуса обусловило пожалование ему в 1694/95 г. [*Веселовский*, с. 92], но не позднее 16 апреля 1695-го [*КМР I*, с. 306], нового, более высокого чина – думного дьяка.

С его получением Виниус вошел в состав Боярской думы. Чтобы не говорилось современными историками о падении престижа и постепенном ее вырождении к концу XVII в., для карьеры государственного человека это был важный шаг. “А честью и высочеством те думные дьяки будут таковы, как в Полше референдариусы”, – такую европейскую параллель статусу думного дьяка подобрал Г.К. Котошихин [*Котошихин*, с. 44]. Уже давно занимая ответственные должности в далеко не третьестепенных приказах, а вскоре получив в свое ведение еще и приказ Сибир-

¹⁰ 8 августа 1696 г. вместе с окольным Ф.Т. Языковым думный дьяк Виниус “провождает” иконы с Троицкого подворья “в соборную церковь” (главную – Успенский собор в Кремле). 22 октября на праздник иконы Казанской Божией Матери вместе с боярином кн. П.И. Хованским, думным дворянином Н.С. Хитрово он записан по Китаю-городу. 7 апреля 1699 г., в Великий Пяток, вместе с сибирским царевичем Василием Алексеевичем, боярином кн. И.И. Хованским, окольным Ф.С. Нарбековым участвует в крестном ходе со святыми мощами из Благовещенского собора в Успенский и обратно. Неделю спустя, 15 апреля, с окольным В.Б. Бухвостовым провожает иконы из Успенского собора к храму Николы Гостунского. 8 августа того же года опять с Бухвостовым снова провожает иконы – с Троицкого подворья. 1 сентября 1700 г. вместе с касимовским царевичем Иваном Васильевичем и боярином кн. П.И. Хованским присутствует в Успенском соборе при свершении “действия нового лета” [*ДР IV*, стлб. 968, 969, 1098, 1099, 1107, 1155].

ский, Виниус поднялся теперь на самую вершину существовавшей тогда пирамиды государственных учреждений.

Между прочим, он оказался теперь формально выше, в частности, “князя-кесаря” Ф.Ю. Ромодановского (ближнего стольника). Последнего нет в списке лиц, имевших в 207 г. думные чины (всего 112 человек: бояре, кравчие, окольные, постельничие, думные дворяне, стряпчие с ключом, думные дьяки), а А.А. Винуиус, хоть и на нижней ступеньке, в нем все-таки присутствует [*Богословский IV*, с. 247–248]. Упоминаем здесь о Ромодановском по причине особого положения, которое тот вскоре займет в Думе. Так, разбирая ее персональный состав в период с октября 1699 по апрель 1701 г., М.М. Богословский особо обращает внимание на новшество: на “большую, небывалую дотоле роль”, которую «играет в думе стоящая за ее кулисами и незначащаяся в списке думных чинов фигура “стольника” князя Ф.Ю. Ромодановского, фактически оказывающегося председателем думы» [*Богословский IV*, с. 257].

Чин думного дьяка был лазейкой (хотя и очень узкой), позволявшей проникать в Думу лицам, не принадлежавшим к аристократии и вообще к привилегированным сословиям: по Г.К. Котошихину, “в тех думных дьяках бывают из дворян и из гостей, и ис подьячих”. Думных дьяков было сравнительно немного – по свидетельству того же источника, “три или четыре, а болши четыре не бывает” [*Котошихин*, с. 44]. Но с ростом численного состава Думы росло и число представителей основных ее чинов. В боярском списке 207 (1698/99) г. думных дьяков 11 (впрочем, один, М.П. Прокофьев, в этом году умер). Среди них такие известные личности, как Емельян Игнатьевич Украинцев, Никита Моисеевич Зотов, Автамон Иванович Иванов, Прокофий Богданович Возницын [*Богословский IV*, с. 248].

Внутри списка думных дьяков присутствовала определенная иерархия. “И ис тех думных дьяков посолский дьяк, хотя порождо бывает менши, но по приказу и по делам выше всех” [*Котошихин*, с. 44]. В боярском списке 207 г. первым назван Данила Леонтьевич Полянский (посланный “для сыску” в Сибирь), вторым – Е.И. Украинцев, за ним Н.М. Зотов. А.А. Винуиус завершает список [*Богословский IV*, с. 248], что, видимо, отражает тот факт, что думным он стал из перечисленных последним.

“Простые” дьяки отличались от думных тем, что вызывались в Думу для доклада по конкретным вопросам, дьяки же думные должны были присутствовать на всех заседаниях. Но Дума собиралась далеко не в полном составе. По подсчетам М.М. Богословского, из 112 думцев 1698/99 г. в Москве находилось 78 человек, из них на заседания Думы приглашались 63, а фактически

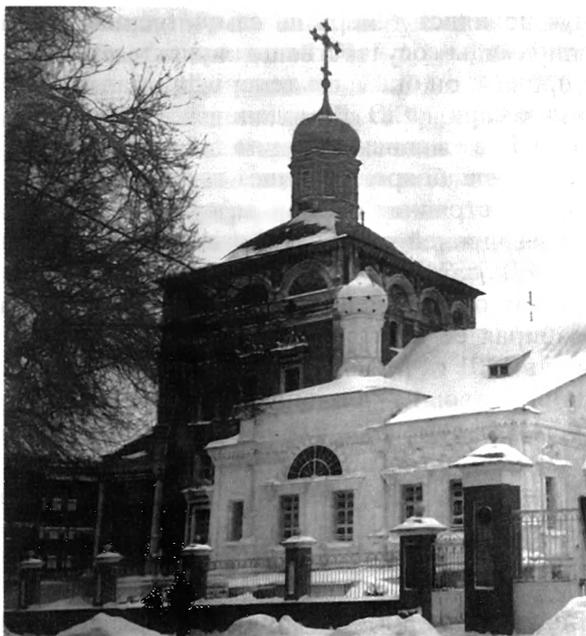

Рис. 15. Церковь Введения в Барашах (Москва). 1688–1701. (Фото И.Н. Юркина, 2005 г.)

присутствовали человек 30–40. Виниус, когда находился в Москве, в заседаниях участвовал – был на них 22 декабря 1699 г. (всего присутствовало 32 человека, в том числе 4 думных дьяка), 1 апреля 1701 г. (40 человек, 6 думных дьяков), 4 апреля 1701 г. (37 человек, думных дьяков столько же) [*Богословский IV*, с. 256].

Первая половина 1690-х годов – время тяжелых потерь в семье А.А. Виниуса. В июле 1691 г. умерла его жена, полтора года спустя, в январе 1693 г., старшая дочь Мария, состоявшая в замужестве за Д.А. Траурнихтом. Обе были похоронены в церкви Введения Пресвятой Богородицы Барашевской слободы Москвы [*МН*, с. 205; *Милюков 2000а*, с. 68, 69] (рис. 15).

К 1686–1688 гг. относится первое упоминание о сыне Андрея Андреевича Матвее [*126*, л. 46]. Дата его рождения нам не известна. Из характера следующего упоминания – 18 октября 1693 г. отпрыску поручено управление несколькими месяцами раньше устроенной “скорой гоньбы” в Архангельск [*Вигилев*, с. 156] – следует, что к этому времени он вышел, как минимум, из младенческого возраста.

Глава 7. Управляя Сибирью (вторая половина 1690-х – 1703 г.)

В 7203 (1694/95) г. А.А. Виниус покидает Посольский приказ и переходит на работу в Сибирский¹.

Приказный судья в этом приказе занимал свой пост уже давно. Боярин князь Иван Борисович Репнин пришел сюда, сменив своего предшественника окольного Р.М. Стрешнева, еще в царствование Федора Алексеевича: во главе Сибири был поставлен 12 ноября 1679 г. В товарищи Репнину тогда же был назначен думный дворянин Богдан Федорович Полибин, а немного позднее, 6 апреля 1680 г., еще и стольник Кирилл Аристархович Яковлев. Репнин пребывал на посту до смерти, последовавшей 10 мая 1697 г. – 17 с половиной лет [*Богоявленский*, с. 161; *Миллер II*, с. 104] (рис. 16).

Подводя впоследствии итоги своим достижениям в Сибирском приказе, Виниус был волен выбирать время для начала их отсчета – 1694/95 г., когда только сюда пришел, или 1697 г., когда получил в приказе полную власть. Судя по составленному им “Сокращенному объявлению прибыточным полезным делам, которые учинены при сиденье думного дьяка Андрея Андреевича Виниуса в Сибирском приказе с 203-го года, всего в 8 лет...” [*ПиБ V*, с. 721–723], о достижениях он считал возможным говорить уже с момента появления здесь во времена, когда в приказе властвовал кн. Репнин. Если довериться самооценке Виниуса, придется признать, что в последние “репнинские” годы деятельная инициатива в этом учреждении исходила уже от думного дьяка.

Можно полагать, что упоминавшийся выше переход Виниуса в Сибирский приказ (с сохранением за ним почты, подчинявшейся, как и прежде, приказу Посольскому) произошел не без личной санкции Петра. Замечено, что почти до конца 90-х годов тот активной кадровой политики не проводил (большинство замен на важных постах было произведено в связи со смертью лиц, их занимавших) [*Богословский IV*, с. 263]. Но в фигуре Виниуса сочетались принадлежность к доверенному кругу и наличие личной заинтересованности в работе на новом поприще – Петру он должен был казаться удачной кандидатурой.

¹ В Посольском приказе дьяк Виниус оставался до 13 мая 1695 г. Он же, но уже думным дьяком, в штате Сибирского приказа в справочнике С.К. Богоявленского показан с 203 г. без указания даты, что может означать как его здесь пребывание с 1 сентября 1694 г., так и то, что дата внутри года составителю неизвестна [*Богоявленский*, с. 131, 162]. М.О. Акишин пребывание Виниуса в Сибирском приказе считает с 1694 г. [*Акишин 2002а*, с. 150].

Рис. 16. Портрет князя И.Б. Репнина. 1690-е годы

Итак, с мая 1697 г. начальников над Вiniusом в приказе нет, а ему подчинены два дьяка: Афанасий Парфенов (Парфеньев), служащий в приказе с 200 г., и Василий Айтемиров (Айтемирев), служащий с 203 г. [*Богоявленский*, с. 162]. Насколько самостоятельной, “авторской” была в это время деятельность Вiniusа? Вопрос важный, непосредственно сопрягающийся с оценкой его личности и трудов. Мы еще не раз коснемся его. Пока же ограничимся заявлением, что при наличии определенной преэминентности в деятельности (без которой машина управления не может работать) его никак нельзя считать лишь продолжателем, исполнителем программы своего предшественника. Выдающийся знаток сибирской истории Г.Ф. Миллер, говоря о Вiniusе (“обрусевшем иноземце, соединившем в себе большое умение с ревностью и усердием на пользу общую”), видел его *источником* полезных новаций: “Ему Сибирь обязана многими хорошими учреждениями, в особенности по части горного дела и китайского торгога” [*Миллер II*, с. 104]².

7.1. Вinius во главе сибирской администрации

Находясь в службе в Сибирском приказе до осени 1703 г., Вinius предпринял ряд важных преобразований в сфере управления подчиненной ему территорией, осуществил новаторские для своего времени работы по разведке руд на Урале и Забайкалье и организовал строительство там промышленных предприятий. Но прежде чем обратиться к характеристике этой деятельности, скажем несколько слов о самом “Сибирском царстве” (как иногда писали в XVII в.) – обширной, изобилующей природными богатствами стране, которой он управлял.

Разделявшаяся некогда на сотни и юрты, территория Урала и Зауралья с заселением ее русскими была разбита на волости со слободами в качестве центров управления ими. Например, в Верхотурском уезде в 1680 г. было 13 слобод, которым административно подчинялись 338 деревень, 6 погостов с деревнями и 2 села [*Кафенгауз*, с. 47]. Крестьянская колонизация удобного для занятия земледелием края шла возрастающими темпами. “Самотек” дополнялся поддержкой со стороны правительства: оно селило здесь “переведенцев” из других мест, вызывало сюда “охочих людей”. Крестьяне облагались сборами и повинностями: должны были пахать “государеву десятинную землю”, поставлять в казну муку, солод, крупу, возить дрова, выполнять “изделье”. Отноше-

² И далее наблюдение, отмечающее у Вiniusа достаточно редкое для чиновника качество, несомненно личного (идущего от Вiniusа) происхождения: “Указы этого времени, насколько это было совместимо с приказными обычаями, написаны прекрасным языком”.

ния с соседями – коренными обитателями края – складывались непросто. За деревянными стенами и башнями острогов время от времени приходилось скрываться от нападений башкир и калмыков. В острогах имелись гарнизоны – команды из беломестных казаков, получавших за службу надел. Подчинялись гарнизон и слобода приказчикам, те – воеводам.

Товары, доставлявшиеся из Сибири, в Сибирь и через Сибирь (китайские), проходили через таможду, в связи с чем количество дорог “на Русь” ограничивалось до минимума. Официально разрешенная шла через Верхотурье (указ 1696 г.). Сибирь являлась своего рода “внутренней заграницей”, сношения с которой строго контролировались. Без ведома Сибирского приказа путь в Сибирь был закрыт, самовольное пересечение “границы” на некоторое время было запрещено даже воеводам (указы 1697–1699 гг.).

Непосредственное управление населением Сибири осуществлялось местными государственными учреждениями, важнейшими из которых были существовавшие в городских центрах воеводские избы. Их возглавляли воеводы, через которых решались административные и экономические задачи огромного объема и сложности. По данным выписки Сибирского приказа октября 1701 г., воевод (всего 18) назначали в следующие наиболее значительные поселения края: Тобольск, Верхотурье, Пелым, Туринск, Тюмень, Тару, Сургут, Березов, Мангазею, Томск, Красноярск, Кузнецкий, Нарым и Кецкий (общий), Енисейск, Илимск, Якутск, Иркутск, Нерчинск [66, л. 465–465 об.]. Наибольшую власть имел воевода тобольский, соответственно и назначали на эту должность лиц более знатных, чем на прочие воеводства. До 1697 г. воеводой в Тобольске был Андрей Федорович Нарышкин; его сменил ближний боярин кн. Михаил Яковлевич Черкасский, царский свойственник, стольник при дворе Петра, позже новгородский воевода. Сыновья Черкасского – стольник Петр, а впоследствии и Алексей – были его “товарищами” по воеводскому управлению. В реализации горно-металлургических проектов Виниуса большую роль играли верхотурские воеводы – ими в рассматриваемый период служили Дмитрий Протасьев, Козьма Козлов (с племянником Гаврилой) и Алексей Калитин.

Общее управление Сибирью осуществлял находившийся в столице особый территориальный приказ – Сибирский. Именно из него от его главы исходили распоряжения, проводившиеся в жизнь воеводами и другими ответственными лицами местной администрации.

После указа от 14 марта 1670 г. о выводе части приказов из Кремля Сибирский приказ был размещен в Китай-городе, на Ильинке. На этом месте он остался и после постройки в 1680 г. в

Кремле нового здания приказов [Бакланова, с. 56, 57]. При Виниусе велись большие работы по приведению в порядок его обветшавших построек. Впоследствии, намереваясь в письме Петру рассказать о своих сибирских трудах, Виниус предварит его выразительным образом зданием, разваливавшегося из-за отсутствия заботы и многолетнего расхищения. Ту Сибирскую канцелярию, “повелевающую главу онаго великаго тела”, – вспоминает Виниус, – обрел он “в великом неустроени[и]: от ветхости у казенных многих полат на сводах великия бяху растленныя, нижныя же гноем и всяким плюгаем засореныя некоиx подъячих, иже малые ради мзды многие... царские казны в руках хищников воевод и протчих приставников погибаему оставляли, сами крали и иным безопасно отдавали”. Но ветхая храмина требовала реконструкции и в переносном, и в прямом смысле. В том числе – в связи с важностью обеспечения противопожарных мер: уничтожение огнем хранившейся здесь “мягкой рухляди” влекло огромные убытки. Виниус с гордостью пишет, что “в начало того тяжкого исправления *прежде иных* сотворих попечение у правлени приказа и сохранени ваших царских от пожар сокровищ, ибо во случаютце 7207 году в великом западе ни от падающаго огненнаго уголья сквозе расселин не бы; господь дивно сохранил вящшее 40000 рублей – могло бы погибнуть сии же; и от протчия полаты изрядно устроиx, и на грядущую излину денежну[ю] отроженую казну *добрыя и твердыя места строиx, и то все здание коровлею каменную*, да вред от огня ниже тления примет повреждение” [148, л. 179 об., 180, 181].

Одним из подразделений приказа являлось Расценное крыльцо, где при участии гостей производилась оценка поступавшей в приказ пушнины. Строительство его нового помещения – показательный пример таких работ. Они были начаты в 1700 г. по приказу Виниуса, данному им 2 мая. Крыльцо велено было “зделать вновь каменное и покрыто черепицею”. Ведать строение поручили подъячому Федоту Протопопову. Предварительная смета была просмотрена Виниусом и откорректирована с учетом его помет на выписках. Строительные работы обходились недешево: только на начальном этапе, с 15 по 27 октября, подъячий получил “к тому строению на всякие расходы” 500 руб. Протопопов надзирал за работами до своей смерти, последовавшей 28 февраля 1701 г. К этому моменту “строение в совершенство было не приведено”, итоговой сметной росписи подготовить он также не успел. После него по приказу Виниуса строительство поручили подъячому Сибирского приказа Ивану Салманову, которому также было предписано “счесть” Протопопова “в приходе и в расходе всякой великаго государя казны” [71, л. 11].

Деятельность Сибирского приказа времени пребывания в нем Вiniusа уже выступала предметом исследовательского интереса – историки обращались к анализу исходивших из него распоряжений, пытались, в частности, понять идеи, лежавшие в основе проводившейся им политики в сфере финансов, экономики, сословных и межнациональных отношений и проч. В недавнее время ряд его указов был изучен С.Г. Милюковым при анализе торгово-фискальной политики А.А. Вiniusа в период его пребывания во главе приказа; им же была дана оценка значения этой политики для развития промышленного строительства на Урале и в Забайкалье в 1694–1703 гг. [*Милюков 1996а*]. Это освобождает нас от необходимости детально анализировать данный материал. Но полностью игнорировать его тоже невозможно, поскольку он касается намеченных для рассмотрения вопросов. Московские указы раскрывают содержание задач, с которыми пришлось столкнуться Вiniusу на данном посту, показывают, каким образом он пытался их решить.

Часть из них, несомненно, имела своим источником инициативу самого Андрея Андреевича. Персональную принадлежность Вiniusу конкретных решений подтверждает большое количество резолюций его руки на поступавших в приказ документах – именно на этих резолюциях основаны исходящие документы приказа. Но даже если не от Вiniusа исходил начальный импульс какого-то решения (источником его иногда выступал царь), проработка касавшегося Сибири вопроса могла миновать его ведомство и его лично только в исключительных случаях.

Вопрос о том, генератором или исполнителем решений выступал Вinius, особенно интересен для первых лет его пребывания на посту. Мы еще готовы смириться с утверждениями, вроде следующего: “В 1694 г. царь Петр дал Вiniusу очередное поручение – восстановить сибирскую государственную казну” [*Милюков 1996а*, с. 6]. Может и дал, хотя, по письмам 22-летнего самодержца, царская забота о государственной казне отчетливо не прослеживается³.

³ Bombordig Piter Вiniusу: “А что об заплате за мартыры и бомбы денег, и я чаю, яко еще от карабля денег довольно осталась; ис тех заплатитъ мошно, а буде нет, вели заплатитъ Бранту” [*Либ I*, № 38]. Вот какие у нас порой еще представления о путях решения финансовых вопросов: возьми, если осталось, там-то, а там нет – возьми... даже не в казне (где в ней сыскать) – у купца Бранта. Говоря так, мы осознаем, что в данном случае оплата предполагала не только поиск средств, но и их перевод за рубеж, для каковой цели казна традиционно прибегала к услугам иностранных купцов. Но даже с этой поправкой стоящие за цитированной фразой представления ее автора о функционировании финансовой системы представляются весьма легковесными. А ведь время, когда она была написана, даже еще более позднее, чем обсуждаемый нами 1694 год, – письмо датировано 19 мая 1695 г.

Но заявления по поводу его назначения в Сибирский приказ, что Петру требовался здесь “горячий сторонник реформ” [Миллюков 2000а, гл. 3], принять невозможно. Царя-реформатора в России 1694 г. еще не имелось, а был венценосный вьюнош, о конкретных намерениях которого нечто радикальным образом реформировать сведений у нас нет. Нетрудно, конечно, подобрать события, связывающие в единую нить старый ботик на Яузе и первые победы русского военного флота. Но, полагаем, Петр в Архангельске сильно бы удивился рассказу о тех реформах, которые ему на пути к этим победам предстояло совершить. И помнить об этом – важно, поскольку это переворачивает предлагаемую постановку вопроса с головы на ноги. Царь-реформатор посадил в 1694 г. в подходящее гнездо одного из пестуемых им птенцов? Напротив: вполне сложившийся (даже, быть может, пересидевший свое акме) работник – из тех ныне плохо различимых деятелей, которые *строили* будущего реформатора, – оказался, наконец, на достойном месте, позволившем ему в полной мере реализовать часть своих талантов и приложить недюжинное трудолюбие.

Свой “отчет” о достижениях за восемь лет управления Сибирью Виниус начинает словами: “Всяких *денежных и ясачных доходов* в приказе прибыло...” [ПиБ V, с. 721]. Увеличение доходов и, прежде всего собиравшейся в виде ясака “мягкой рухляди”, на протяжении XVI–XVII вв. неизменно оставалось одним из важнейших стимулов продвижения фронта на восток. Сибирь и управлявший ею приказ всегда рассматривались как источник государственных доходов – в значительной степени для упорядочения их сбора он в свое время создавался, а позже содержался.

Основные доходные статьи в бюджете приказа составляли поступления ясака (мехов соболя и черной лисицы) и пошлины, собиравшиеся с лиц, ведших торговую деятельность. Виниус предпринял энергичные усилия, направленные на увеличение сбора ясака. Вместе с тем были ужесточены правила провоза в Россию мехов частными лицами – подчас неразрешимые проблемы в связи с этим возникали теперь даже у возвращавшихся “на Русь” отслуживших свой срок воевод⁴. Он существенно реформировал

⁴ В именном указе от 7 декабря 1701 г. предписывалось: “Впредь соболи всякие, и пупки, и мехи, и подскоры... и хвосты соболя с ыноземцов в ясак збирать и покупать в одну свою, великого государя, казну. А воеводам сибирским, и торговым, и всякого чина людем соболей, пупков, мехов, и подскоров, и хвостов соболях в Сибири не покупать, и на товары не менять, и в руские города не высылать, и самим не провозить, и для продажи и мены никуда не посылать никомни дель, для того, что его, великого государя, соболина ясачная казна по вся годы во всех сибирских городех в зборе и в высылке к Москве многию воеводскою вымышленною корыстью учало перед прошлыми годами гораздо малится. И воеводы с торговыми и своими людьми многие соболи к Москве, и

правила взимания пошлины, преследуя достижение ряда взаимосвязанных задач: рост поступлений в казну, развитие торговли внутренней и транзитной (по отношению к Сибири), формирования бюджетов сибирских городов, способных обеспечить выплату средств служилым людям и их (городов) развитие. Измененный режим взимания в Сибири пошлины установили новые таможенные правила (устав 1698 г.). В целом экономическая политика, проводившаяся Винусом в Сибири, вписывается в систему идей меркантилизма [Милуков 1996а].

Важным условием решения перечисленных задач явилась постановка на ключевые административные посты (прежде всего воеводские) лиц, не замаранных злоупотреблениями властью и способных эффективно выполнять политику центрального учреждения, т.е. фактически политику Винуса. Начальник Сибирского приказа на протяжении нескольких лет вел настойчивое расследование преступлений местной администрации (наиболее

в Китайское государство, и в иные места для мены и продажи посылали, и сами в русские города провозили, и тем себя чрезмерно богатели, а, отговариваясь, к нему, великому государю, писали ложно, будто промыслы у иноземцов были худы, и многие из них померли, и врознь разбегались, и ясаку будто взять не на ком” [67, л. 7 об.]. Указ исполнялся. Показателен эпизод 1702 г. с бывшим кузнецким воеводой Л. Нарыковым. Остановленный при возвращении на верхотурской заставе “з женою, и з детми, и с людьми, и з животы”, он подал грамоту из Сибирского приказа за приписью дьяка И. Чепелева, требовавшую при проезде через Верхотурье произвести досмотр и перепись его имущества. Верхотурский воевода К.П. Козлов требуемое исполнил. Мягкой рухляди обнаружилось семь сороков, не считая платья соболья и лисья. В Москве имущество, “опричь соболей, и мехов, и хвостов, и лоскутев, и двух кафтанов, и шубы собольих”, было Нарыкову отдано, меха же задержали в Сибирском приказе. На вопрос к его главе, отсылать ли последние для оценки и продажи “к гостю в Росценную полату”, последовал письменный (рукой Винуса) ответ: “Велеть оценить настоящею ценою. А о бытѣ ево, каково было, выписать, что перед прежними со 190 году в чем прибыло или убыло. А ис таможенных статей о таких вывозах выписать”, следует ли, “опричь платья, книг, ружья, посуды и низанья, взять с него пошлины. И справиться бы с приездом ево в Кузнецкий, в котором годе и месяце он туды приехал”. После всех справок и допросов, учиненных Нарыкову, тому, по принятому 27 июля 1702 г. Винусом с товарищи решению, было возвращено ровно то, что записали за ним на Верхотурье при проезде в Сибирь: два кафтана и женскую шубу. Прочее реквизировали [67, л. 1–13].

Этот эпизод не был единичным. В 1695 г. у бывшего иркутского воеводы кн. И.П. Гагарина было велено конфисковать везомые им на Русь “животы” потому, что “из Сибири соболей и товаров им, воеводам, возить не указано”. Тот факт, что изъятие совпадало с *возвращением* из Сибири, диктуется логикой преступления – отбирали то, что, по мнению приказа, было незаконно нажито во время воеводства. Конфискация имущества (любого) при возвращении воевод была “традиционной” формой наказания, практиковавшейся Сибирским приказом [Зольникова, с. 191].

крупная акция этого ряда – “большой сыск” дьяков Д.Л. Полянского и Д.А. Берестова), упорно преследовал выявленные нарушения, определял на освободившиеся посты людей, которым имел основание доверять. Среди них (черта типичная для эпохи) родственники: зятя Д.А. Траурнихт, отправленный воеводствовать в Якутск, и А.И. Калитин, получивший воеводство в Верхотурье. К лицам, на которых Виниус полагался, принадлежал и тобольский воевода кн. М.Я. Черкасский (А.А., скупой в своих письмах на персональные оценки, в послании царю 1702 г. подчеркнет его заботу о строительстве железных заводов [*ПуБ II*, с. 414]). Хвалил он и верхотурского воеводу К.П. Козлова.

Заботило Виниуса и низовое звено сибирской администрации. Сильно правлен рукой Виниуса черновик памяти сибирским воеводам от февраля 1698 г., посвященной намеченному разбору подьячих. Им предложено опираться исключительно на принцип служебного соответствия и заменять непригодных, в том числе лицами из числа ссыльных [*Демидова*, с. 74].

И все же важнейшей заслугой Виниуса в развитии Сибири следует считать не меры, направленные на оздоровление финансово-таможенной службы края, не борьбу с лихоимством чиновников, не разумную и гибкую политику в отношении торгового населения, не шаги в направлении гармонизации межнациональных отношений и не создание здесь регулярной почтовой службы. Все это важно, даже очень важно. Но на будущее Сибири наибольшее влияние оказали беспрецедентные по содержанию и последствиям его усилия, направленные на создание фундамента горно-металлургической промышленности Урала.

7.2. Рождение уральской доменной металлургии

Развитие горного дела и металлургии – в эти годы предмет постоянной заботы и лично Виниуса, и Сибирского приказа, силы и возможности которого в соответствующем направлении он концентрирует и направляет. При этом если в сфере экономической политики Виниус, в качестве его главы, в некоторых отношениях сохранял известную преемственность по отношению к политике своего предшественника, промышленную политику он строил совершенно самостоятельно.

Напомним, что лично для Виниуса данная сфера издавна была далеко не чужой – достаточно напомнить о геологоразведочной экспедиции, организованной с его участием в 1675 г. Уже в это время внимание Виниуса привлекали богатства Сибири. Маршруты экспедиции захватили Каму и ее притоки. Сибирь несколько раз упомянута в жалованной грамоте на разведку и

добычу полезных ископаемых, данной Виниусу, Я.Г. Галкину и К. Нордерману 19 мая 1675 г. Челобитчики (Виниус и Галкин) просили в ней “к прежнему приписать”: если в “рудных сысках они обыщут где на... великого государя землях во всех городех нашего Московского государства, и в Казани, и в Сибири, и в Поморье какие краски, или слюду, или какое узорочное каменье, ... ко всякому строенью твердое каменье, и им бы краски, и слюду, и каменье всякое искать и заводы заводить повсюду было повольно”. Просьба была удовлетворена. Сибирь упомянута и при определении режима проезда: в случае, когда компаньоны “и хто впредь с ними в товарищах будет” соберутся для поиска полезных ископаемых “ехать в которые города и уезды их царского величества Московского государства, и в Казани, и в Сибири, и в Поморье, или людей своих учнут посылать”, воеводам по городам и “всяким приказным людям” предписано везде их “пропускать безо всякого задержания и во всяком сыску никакой помешки не чинить” [47, л. 8, 12, 14, 15]. Как видим, “разрешительный” акт предоставлял компаньонам и благоприятный режим поиска ископаемых, и право создавать предприятия по их переработке на большей части населения страны, в том числе в Сибири.

Но разведочные работы 1675 г. не дали результатов, достаточно обнадеживающих для того, чтобы приступить к строительству завода. Зато теперь, в Сибирском приказе, судьба отдавала в руки большое дело; предоставляла возможность “порулить” экономикой целого региона.

Строительству на Урале первых в этом регионе доменных заводов предшествовали геологоразведочные работы, начатые по инициативе Сибирского приказа. Последнее важно. Кажется, впервые после снаряженной на казенной счет экспедиции Я.Т. Хитрово, государство решилось пойти на ощутимые затраты по данной статье. Можно уверенно утверждать, что произошло это во многом благодаря Виниусу. Впрочем, вполне вероятно, что на начальном этапе он не привлекал специального внимания к финансовой стороне дела: представлялось вполне возможным запустить его, опираясь преимущественно на внутренние ресурсы подчиненного ему учреждения.

На территории Урала поисковые работы были развернуты на основании распоряжения из Сибирского приказа верхотурскому воеводе от 26 июня 1696 г. “осмотреть, в которых местах камень магнит”. Разведки потребовали около полугода – уже 23 января 1697 г. первые сведения об их результатах были отправлены в Москву. Столько же ушло на опытные плавки, в феврале–марте 1697 г. произведенные в Москве и Туле. Магнитная руда с той

же целью была отправлена в Голландию и Ригу [АИ V, № 267, с. 487, 489].

Уралом район геологоразведочных работ не ограничился. Исполняя другой указ, грек А. Левандиан “с 10 товарищи” в феврале 1697 г. отправился в Сибирь, в Томский уезд, на р. Коштак, искать там серебряные руды. Эта попытка (подробнее о ней ниже) не принесла результата, но до того, как результат стал вполне очевиден, и Виниус и Петр живо интересовались ходом дел – эта тема неоднократно возникала в их переписке.

Неудача коштакского проекта (в 1699 г. работы были прекращены) не погасила надежду. Е. Избрант Идес в поданных царю еще в 1695 г. “письмах” (знакомых Сибирскому приказу, а значит, и Виниусу) ратовал за возобновление поисков богатой руды в Забайкалье, на р. Аргуни: предлагал построить там “городок” и послать мастера “из немецкие земли” [Зольникова, с. 193, 198, 199]. Туда отправили Левандиана, труды которого на этот раз оказались успешнее: в 1704 г. завод дал первое серебро.

Возвращаясь в конец XVII в., отметим, что если прежде поисковики ориентировались в первую очередь на поиск благородных металлов, железную руду подчас не замечая⁵, то при Виниусе шкала предпочтений оказалась у посылавшихся по инициативе приказа специалистов существенно откорректированной. Не только поиски руд драгоценных металлов – обнаружение железной руды, сырья зачищаемой на Урале доменной металлургии, становилось делом исключительно важным, и все соответствующие сообщения тщательно проверялись.

10 мая 1697 г. указом из Сибирского приказа верхотурскому воеводе Дмитрию Протасьеву было предписано послать с Верхотурья на места, где обнаружены магнитная и обыкновенная железные руды, сына боярского Михаила Бибикова или иного, “кого пристойно”, описывать “угожие места и малые текучие речки для постройки плотины, чтоб завезть в тех местех железной доброй и пространной завод” [АИ V, № 267, с. 488]. Вопрос о строительстве был, таким образом, в принципе решен. Решение подтвердил указ ему же от 15 июня, потребовавший отправить для осмотра подходящих мест “лутчих тамошних железных заводчиков мастеров” [АИ V, № 267, с. 490].

Оба указа даны от имени царя Петра Алексеевича, но это, естественно, ничего не говорит о степени его участия в их появлении. Насколько самостоятельно действовал Виниус, готовя эти указы? Кто он: исполнитель, может быть, при нем, но не им

⁵ Некоторые ее месторождения и открывать, возможно, не требовалось – они могли быть известны крестьянской железодельной промышленности.

принятого решения, или стратег и тактик в одном лице, сумевший заручиться поддержкой *своих* планов со стороны высшей власти?

Обратим внимание на даты. 9 марта 1697 г. царь отправился в путешествие с Великим посольством. Оба указа соответствуют времени пребывания Петра за границей. В сохранившейся его переписке с Виниусом (дошедшей до нас не в полном объеме) заводская тема – одна из постоянных.

Первое послание, в котором она могла прозвучать, – утраченное письмо Виниуса от 26 марта. Виниус упоминает о нем в более позднем, приблизительно конца апреля, письме: “В моих 2 цыдулках (записок. – *И.Ю.*) марта 26 дня написано было: в одной еще вопрошение о Дмитрее Протасеве, и на то уже ответ после того восприял” [*ПиБ I*, с. 620]. Прискорбное отсутствие в нашем распоряжении того, *первого* послания Виниуса находит, кажется, объяснение в одном из писем Петра, в котором тот упомянул о получении трех “цыдул” Виниуса, две из которых были им потеряны: написанные тайными чернилами, они утерялись раньше, чем царь “помазал” их проявляющим составом [*ПиБ I*, № 146]. В точности такова ситуация с письмами Виниуса от 26 марта: в “Письмах и бумагах” всего лишь одно письмо с такой датой [*ПиБ I*, с. 615].

Итак, хотя “вопрошение” Виниуса о Протасеве (возможно, связанное с разведками руд, организация которых была ему поручена) до Петра не дошло, какую-то информацию по этому поводу Виниус от него все-таки получил. И в отношении заводов позиция последнего к тому времени уже сформировалась. Заканчиваем это из письма Виниуса Петру от 7 мая, в котором рассказ о новостях в горно-металлургической сфере начат словами: “По-неже указом благочестивейшаго нашего монарха мне велено *построить заводы* из таких руд, которые прибыльны будут...” [*ПиБ I*, с. 623]. Но изложение событий в этом письме (начатое от точки логического их начала, каковым представлено повеление монарха) говорит о том, что Виниус данный материал представляет царю *впервые*. Уместно предположить, что прежний их на эту тему разговор носил предварительный характер и определил лишь позицию царя, не более: будут найдены хорошие руды – можно будет и завод построить. Это еще не решение – лишь заявление о намерениях, меморандум. Собственно же решение, влекущее за собой действия и ответственность за них, еще предстояло. И принял его, похоже, Виниус. Сам он, разумеется, ни тогда, ни потом свою роль не выпячивал – напротив, всякий раз ссылаясь на волю царя. И всех, включая царя, в отношении источника воли убедил. Но даты говорят сами за себя: Виниус подробно пишет о руд-

дах и заводе Петру 7 мая и всего через три дня после этого (10-го) отправляет из Сибирского приказа на Верхотурье указ, где сообщает о решении завести там завод. Составляя указ, значение которого сравнимо со знаменитым думским указом – “российскому флоту быть”, Виниус ориентировался на собственное понимание ситуации – и, пользуясь отсутствием монарха и его к начальнику Сибирского приказа доверием, “рулил” самым решительным образом.

Принципиальное решение было принято. Но оставались еще открытыми важнейшие вопросы, прежде всего – где завод строить, как, и какими силами. Насколько серьезно стоял вопрос о специалистах, демонстрирует, в частности, переписка Виниуса и Петра I. Уже в письме Виниуса от 7 мая читаем: “И я прошу зело: послон, пожалуй, подокучь, чтоб они у курфистра Брандербурскаго, или цесаря или у Саксонского упростили самого доброгo мастера, которой бы умел в достаток из той руды сталь делать, и пушки и мозжеры лить, потому что, своей ради мягкости, я чаю, что в пушки и мозжеры зело годна; да он же бы и гранаты и бомбы лил, и как возможно скоро выслать. А о корму с пуда договориться и сказать ему, что тамо, где ему быть, всякой харч зело дешев. А буде здесь делать мушкеты, добро б прислали ствольного да замочного доброгo мастеров по человеку; мочно придать им учеников. Пожалуй, мой господине, учини мне дружбу, а я тебе воздам, чтоб сие совершить, потому что от того места во все Руские и Сибирские города всякое ружье и железо мочно водою спровадить” [*ПуБ I*, с. 623].

Текстов, развивающих эту тему, можно привести множество: Виниус не устает “зело докучать”, снова и снова напоминая царю о мастерах, а Петр обещает и “отчитывается” о сделанном им с целью обещанное исполнить. Мы ограничились фрагментом единственного письма, весьма показательного по содержанию. Смысловые кирпичики, из которых построены тексты Виниуса, стандартны: восторги перед природными богатствами Сибири, проекция их на экономику, известия о попытках найти мастеров в России, заявка на найм их за границей. Остается только удивляться настойчивости Виниуса и терпению Петра, которому, несмотря на предпринятые усилия, “учинить дружбу” Виниусу в указанной тем форме в полной мере так и не удалось.

Время отсутствия царя в России (9 марта 1697 г. – 25 августа 1698 г.) особо интересно для нас тем, что, во-первых, по объективным причинам Виниус имел тогда наибольшую возможную в его положении самостоятельность (все согласования проходили только через переписку), во-вторых, мы достаточно отчетливо можем представить ее границы благодаря сохранившимся пись-

мам. События развивались быстро – дело, несмотря на трудности, продвигалось.

В упомянутых выше указах от 10 мая и 15 июня 1697 г. ставилась задача комплексного обследования территории, перечислялись условия, которые следовало учесть при выборе заводской площадки: величину реки, наличие лесов, качество руды, расстояние до мест добычи сырья и ближайших судоходных рек (транспортных артерий), близость слобод и т.д. Текстовую информацию (отписку и “опись местам”) предписывалось сопроводить чертежом местности [АИ V, № 267, с. 487–488, 490]. Было произведено новое – более детальное – обследование рудных мест. Оно охватило четыре района и выявило площадки, на которых впоследствии действительно были построены заводы. Были обследованы район рек Нейвы и Алапаихи близ Невьянской слободы (позднее здесь возник Алапаевский завод), район по р. Нейве близ д. Федьковки (место будущего Невьянского, Федьковского тоже завода), район р. Тагила близ Магнитной (ныне Высокой) горы (место Нижнетагильского завода), наконец, район вверх по р. Нейве в 30 верстах от Аятской слободы. В работе, возглавлявшейся М. Бибиковым, принимали участие местные кузнецы и крестьяне. Было собрано большое количество в той или иной степени полезной информации (вплоть до местных цен на хлеб и сведений о стоимости перевозок). Работа была длительной: только 26 декабря верхотурский воевода Дм. Протасьев заслушал результаты досмотра. В тот же день подготовленная по материалам обследования сводка вместе с чертежом была отослана в Москву [Кафенгауз, с. 57–58].

Эти сведения должны были послужить исходными данными для решения наверху вопросов о месте будущих заводов и времени начала строительства. Москва, однако, медлила. Б.Б. Кафенгауз полагает, что задержка была связана с отсутствием в России Петра [Кафенгауз, с. 58]. Думается, не менее важной, а может быть и основной была иная причина – отсутствие мастеров. Послы так и не привезут достаточное их число из-за рубежа и в конечном счете они будут собраны с заводов старого металлургического центра. Но пока – в 1697 г. и в первой половине 1698 г. – Вinius еще надеется на за границу и до того, как будут сысканы мастера, решение вопроса о месте заводов не форсирует. Надеясь подогреть рвение в их найме, он всю рекламирует рудные открытия: в частности, после второго досмотра посылает за границу чертеж горы Магнитной у р. Тагила с указанием рудных жил, лесов и водных путей [ПуБ I, с. 728, 732].

Уже через две недели после возвращения царя в Москву он слушает выписки о подготовке к строительству заводов. Решение

принимается: “Сентября в 11 день великий государь указал... в... местах, где пристойнее и к железным рудам ближе и дров больше, ...завод завести”. Узел надежд и разочарований, связанный с проблемой квалифицированных кадров, разрушен одним ударом: “Мастеров взять с железных Тульских, Каширских, Ярославца Малого, с Ыгоцких, с Павловских заводов” [Кафенгауз, с. 58].

Хронику строительства первых заводов будущей уральской “большой” металлургии – Невьянского и Каменского (октябрь 1698 г. – май 1702 гг.) – опускаем: их история неплохо изучена и описана в научной и научно-популярной литературе. Подчеркнем, однако, еще раз ту роль, которую на начальных этапах этой истории сыграли руководимый Виниусом Сибирский приказ и Виниус лично. Общее руководство и контроль за ходом работ осуществлялись приказом на всех этапах подготовки к строительству и в ходе его. Разумеется, учитывая значительное расстояние между местом, где оно проходило, и его “мозговым центром”, право на творческую работу (в определенных, довольно узких границах) приходилось оставлять и местной администрации. Тем не менее стратегические вопросы и корректировка курса неизменно оставались за столичным приказом и его руководством. Именно Виниус проводил отбор мастеров, готовил к отправке на Урал “припасы” и оборудование (определял номенклатуру, размещал заказы на изготовление) и т.д., но главное – определял направление и задавал темп движения. С прибытием на завод 14 марта 1700 г. первой группы мастеров роль местной администрации – от управляющего работами до воеводы – возрастет, но и в дальнейшем она неизменно будет оставаться подчиненной, ролью исполнителя.

То, как решался вопрос обеспечения строительства специалистами, наглядно показывает история одного из таких мастеров, принудительно отправленного “с Руси” для работы на Урале. Его имя – Иван Янвер – неоднократно мелькает на страницах монографии Б.Б. Кафенгауза о хозяйстве Демидовых [Кафенгауз, с. 59, 61–67]. Попытка собрать дополнительные сведения о нем с привлечением архивных источников была предпринята в нашей работе [Юркин 1993].

Итак, среди мастеров, собранных Виниусом в Сибирском приказе с металлургических мануфактур центра Европейской России, был меховой мастер (специалист по изготовлению воздухоудных устройств) с Каширских заводов Л.К. Нарышкина, прибывший в Москву 1 февраля 1699 г. По сведениям составленной при его допросе (с переводчиком) сказки, Янвер выехал из Швеции “тому лет с сорок” (т.е. в конце 50-х годов). Работал на разных заводах, в том числе – на Соломенском (один из Каширских).

Янвер сообщил, что сейчас “мало видит”, поэтому “мастерства” не делает – лишь “надсматривает над мастерами”. Похоже, заводской приказчик, выполняя “разнарядку”, пожертвовал мастером, ущерб от потери которого был наименее значительным.

Петр живо интересовался ходом строительства заводов. Винус в письмах царю (и, несомненно, в устных докладах) неизменно о нем извещал. 29 июня 1699 г. он сообщил, что из необходимых восьми–десяти мастеров найдено двое. По-видимому, он имел в виду Ф. Дементьева и Янвера, прибывших в Сибирский приказ первыми. Мастер с заводов Нарышкина, по словам Винуса, хорош, да стар, и по-русски говорить не умеет. Сын его, молотовый мастер, ехать отказался, старик же не хочет ехать без сына [*Либ I*, с. 771–773].

К сопротивлявшимся Янверам пришлось применить силу: в указе от 19 января 1700 г., регламентировавшем отъезд мастеров и условия их работы, предписывалось “взять” с завода Нарышкина мехового мастера с сыном, молотовым мастером. С отъезжающих бралась “поручная запись”, что они, “взяв государево жалованье”, не сбегут. Янвер с Дементьевым выехали из Москвы первыми – 21 февраля; на место прибыли уже 29 марта.

Между тем грамота с предписанием “заводы большие заводить” была отправлена 12 марта из Сибирского приказа еще и в Тобольск. С этого времени мастера требовались уже к двум заводам. Среди 43 человек, посланных на Урал, меховой мастер имелся только один (молотовых – трое) – это был Янвер, которому пришлось работать на обоих предприятиях. 1 октября 1700 г. встречаем его уже на Каменском заводе.

Прежде потребность в железе и металлоизделиях Урал удовлетворял за счет собственного железа “ручного” изготовления и частично за счет поставок с заводов Европейской России. Так, в 206 (1697/98) г. на Тульских, Каширских и Алексинских заводах Л.К. Нарышкина “для посылки в сибирские города” были подготовлены к отправке пушки общим весом 1795 пудов 20 фунтов, тысячи ядер для них весом 1005 пудов и 100 пудов дощатого железа [41, л. 26]. И теперь, во время строительства заводов на Урале, старые предприятия снабжали их не только мастерами – поставляли металл и оборудование. В Сибирь посылалось железо дощатое, связное, тонкое полосное. В 1700 г. на заводах Нарышкина выполняли заказ специально для строящихся заводов: сделали два кованых молота (в 16 и 20 пудов), хомут к ним и пятник.

Часть оборудования, включая воздуходувное, изготавливалась на месте. К моменту передачи Невьянского завода его новому управляющему С. Викулину (она состоялась 26 июня 1701 г. [*Кафенгауз*, с. 69, 74, 105]), Янвером были сделаны три пары де-

ревянных мехов, в том числе большие доменные. Готовы были мехи и для Каменского завода. Янвер по-прежнему желал вернуться в Москву, хотя бы после того, как выучатся приехавшие с ним подмастерья. Он и помощник беспокоились по поводу оплаты: опасались, что на Невьянском заводе будут получать меньше, чем до приезда на Урал⁶.

7.3. “В Сибирь, в Тобольск, на Верхотурье...”

Импульс для ускорения развития Урала в качестве нового промышленного района дало его посещение А.А. Виниусом, состоявшееся во второй половине 1702 г.

Сама по себе такая поездка была делом необычным. У нас нет данных об аналогичных поездках предшественника Виниуса кн. И.Б. Репнина, возглавлявшего Сибирский приказ, как уже говорилось, на протяжении 17 лет. Только заступивший на этот пост в 1706 г. кн. М.П. Гагарин после назначения в 1711 г. на пост губернатора Сибири переберется “царствовать” в Тобольск – но в данном случае, по-видимому, не последнюю роль в этом сыграет долголетняя привычка старого сибирского воеводы к жизни вне столиц.

Цель поездки Виниуса была сформулирована в именном указе: он посылался “в Сибирь, в Тобольск, на Верхотурье, и с тех городов в уезды для досмотру новопостроенных железных заводов и установления в литье пушечных и мортирных и иных полковых припасов”. Как видим, с пуском заводов центральная власть в лице Сибирского приказа отнюдь не устранилась от участия в решении проблем, стоявших перед юной уральской металлургией. А проблем было немало, особенно на Невьянском заводе, в начале марта 1702 г. переданном Н.Д. Антюфееву (Демидову).

Вместе с Виниусом, согласно указу, отправлялись два дьяка – Афанасий Герасимов и Матвей Маскин [68, л. 1], группа подьячих и также зять, стольник Алексей Калитин – “для рассылки”. У последнего была и особая задача: осмотр и опись “по разным местам” железных руд.

⁶ Дальнейшую судьбу Янвера проследить не удалось. На момент передачи Невьянского завода демидовскому приказчику Е. Ксенофонтову (20 мая 1702 г.) в составе его персонала находились и “меховые мастера”. Вполне вероятно, что это были Янвер и его подмастерье – ведь, по данным Сибирского приказа, в 1700–1701 гг. на заводы был послан как раз один меховой мастер и один же меховой подмастерье. Среди мастеров, опрошенных Виниусом при посещении Каменского завода в октябре 1702 г., фигурирует С. Пахомов [Кафенгауз, с. 105, 106, 65, 113]. Возможно, это выучившийся на мастера бывший подмастерье Янвера.

К отъезду готовились основательно. Поскольку от Москвы до Казани продвигаться предполагалось водным путем, была куплена “лотка одnodеревая”, которую принялись обустроить: сделали навес и устроили “чюланы” (каюты). Работы завершили до 8 июня – лодка была “построена совсем наготово”. Виниус, по артиллерийским делам находившийся в Новгороде, прислал оттуда к своим приказным дьякам Ивану Чепелеву, Герасимову и Маскину подробные указания, как “струг вышепомянутой доделать”: предписано было его высмолить, выкрасить, “дерево с парусом хотя б не з болшим зделать” и в таком виде “наготове со всем поставить”. Исполняя распоряжение, лодку осмотрели чертежники из Приказа артиллерии Иван Федоров, Иван Афанасьев и Иван Матфеев и дали заключение о количестве необходимых материалов – красок (белил, сурика), “чернил”, олифы, конопляного масла, и их стоимости. При минимальной цене украшение лодки должно было обойтись в 2 руб. 29 алтын 2 деньги. При том режиме экономии, который установился в приказе при Виниусе, эти расходы были сочтены завышенными. Об этом говорит резолюция на сказке чертежников: “По указу великого государя велеть тех красок и что к тому делу надобно, против скаски купить в полы” [68, л. 1–1 об.]. Остается только догадываться, как собирались красить лодку приказные минималисты: с одной стороны или все-таки с двух, но в полоску, чередуя окрашенное дерево с неокрашенным.

Отъезд первоначально намечался на 12 июня [Кафенгауз, с. 102]. Но уехал Виниус позже. О причине задержки и неизменности намерения узнаем из письма царю от 20 июля: “А ныне же, государь, после болезни своей изготовился в сибирской путь, бреду сей же недели неотложно” [ПуБ II, с. 381]. (Далее Виниус объясняет, почему отправляется в дорогу с “вьящею охотою”: “Сибирского железа пушки и мортиры опыт свой выдержали”.) Но выехал он лишь неделю спустя – во всяком случае, именно такая дата названа им в письме Петру (от 25 октября, из Тобольска): “С Москвы я в путь сей дался июля в 28 день” [5, л. 89]⁷.

До Казани плыли на трех стругах, в Казани пересели на подводы. Караван был велик: в Арамилскую слободу направили требование подготовить 250 (!) подвод с проводниками. По всему предполагаемому пути спешно делали мосты на реках, гати на болотах.

⁷ Как констатацию отъезда именно 28 числа следует интерпретировать фразу Виниуса из письма, отправленного им в тот день: “А ныне, государь, при отъезде моем в сибирские страны... явилось нужно к Вам... донести...” и т. д. [5, л. 90].

Первым делом Виниус посетил Каменский завод. Он прибыл сюда около 30 сентября; оставался по крайней мере до 8 октября. В течение недели при нем испытали 47 из 70 отлитых к этому времени пушек. При стрельбе три разорвало – это был грозный предвестник катастрофических по результатам испытательных стрельб, которые пройдут в Москве в сентябре 1703 г. К приезду Виниуса также приготовили 12,3 тыс. пудов чугуна, железо прутное и “связное”, “четверогранное”, уклад. Для текущего строительства было заготовлено 76 тыс. штук кирпича. Металл ждал отправки в Москву [*Кафенгауз*, с. 112, 133].

Стремясь разобраться в положении на заводе, Виниус приказал допросить 36 мастеров и подмастерьев, ответивших на предложенные вопросы, высказавших жалобы и предложения. Все русские мастера жаловались на задержку заработной платы: мастер, сделавший с учениками 66 пушек, денег за работу еще не получал; просили платить им “по уговору” молотовые подмастерья. Отмечались трудности с жильем. Меховой мастер нуждался в помощнике. Выехавшему из Курляндии Эрику Депре помимо подъемных в Москве и Тобольске тоже еще не платили. Он просил разрешить ему курить вино “на себя”, дать лошадь и живность. Местные крестьяне, слободские кузнецы жаловались на тяжесть повинностей. По результатам опросов Виниус подсчитал нужное Каменскому заводу количество работников – получилось 330 человек. Рассмотрел жалобы – некоторые удовлетворил, но большинству отказал или оставил просьбы без ответа [*Кафенгауз*, с. 113]. На просьбу иноземца рассудил, что “в вывозе его многая издержка учинилась”, и распорядился “не давать ему ни деньги, покамест покажет плод науки своей”. Как видим, заманив мастера в Сибирь, с ним уже не церемонились⁸ – во всяком случае, намеревались платить с учетом результатов труда.

С приездом в Сибирь Виниуса здесь оживились работы по поиску руд; одновременно подбирали места для новых заводов. На р. Уктус ездил с этой целью плотинный мастер Каменского завода Ермола Яковлев, на Полевою – приказчик [*Кафенгауз*, с. 114, 115].

С Каменского завода Виниус направился в Тобольск (рис. 17), где пробыл больше месяца – с 15 октября по 20 ноября [*Миллер II*, с. 104]. Вероятно, у него накопилось немало вопросов, требо-

⁸ Другой пример подобной бесцеремонности – история мастера, сопровождавшего галеру, прибывшую из Голландии летом 1695 г., чтобы собрать ее в Архангельске. Но, заявил Петр, “та галера надобет на Москве”. В связи с этим в письме Виниусу от 30 июля он потребовал послать в столицу вместе с галерой и мастера, “а как он ее зберет, и в ту пору ему свободной отпуск будет, без задержания” [*Богословский I*, с. 241].

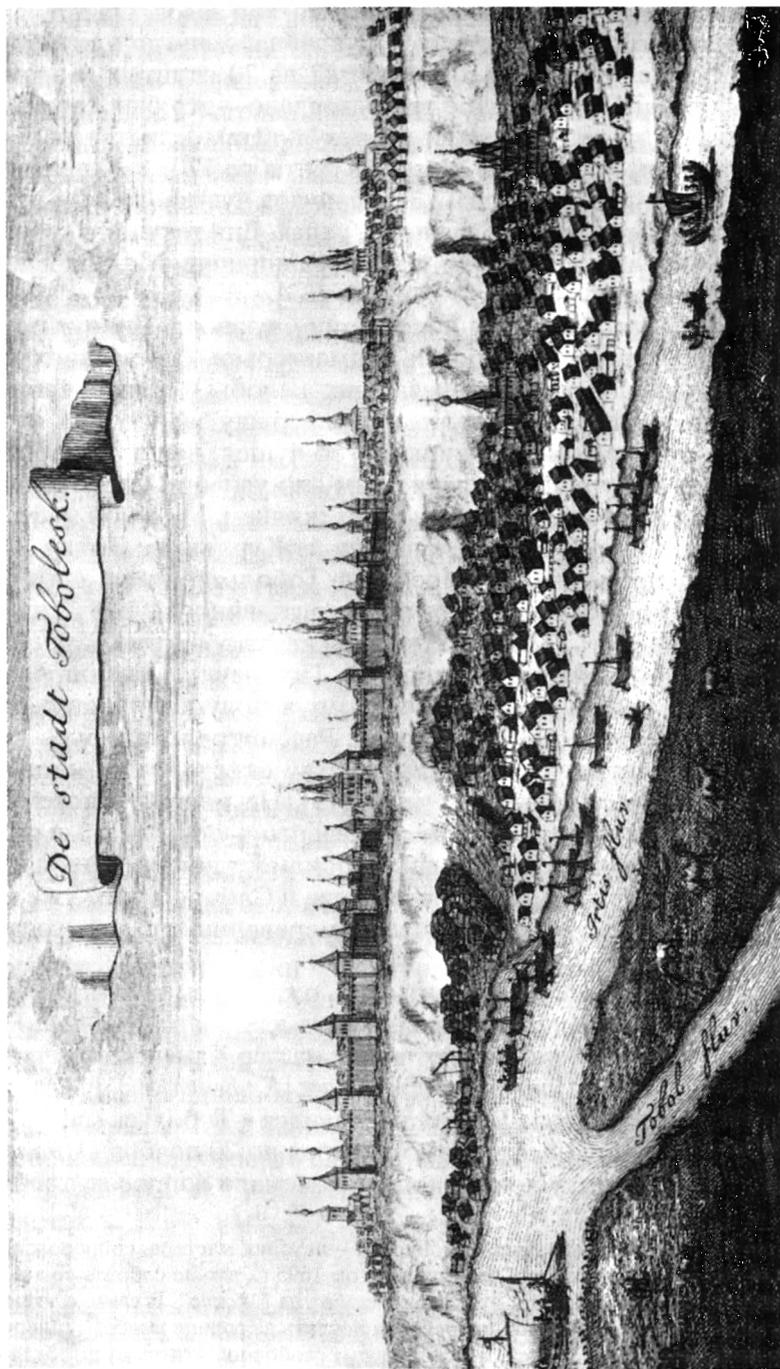

Рис. 17. Вид Тобольска. Иллюстрация к амстердамскому изданию “Трехлетнего путешествия” Е. Избранга Идеса, 1704 г.

вавших изучения на месте с участием высшего звена сибирской администрации – тобольских воевод.

Виниус посетил оружейное предприятие Никифора Пиленка, недавно переселившегося с семьей в Сибирь суздальского крестьянина-ремесленника, оружейного мастера. Пиленок ехал на Каменский завод, но уже в Сибири ему поручили строить ружейный завод в 10 верстах от Тобольска. Предприятие должно было работать на каменном железе. В проекте это была классическая централизованная мануфактура: окруженный стеной “деловой двор”, где работали мастера [Кафенгауз, с. 70, 71]. Пиленок демонстрировал Виниусу качество уральских руд: показывал инструменты – пилу и зубило, изготовленные из местного железа. Из Тобольска Виниус отправился на Невьянский завод к Н.Д. Демидову, куда прибыл не позднее 30 ноября, уехал – не ранее 6 декабря [Кафенгауз, с. 115, 117].

Завершая пребывание на Урале, 8 декабря 1702 г. Виниус послал очередное письмо царю – оформленный в эпистолярном жанре набросок краткого отчета по результатам поездки. Отправляясь в путь, он заручился царским указом. Но остается фактом, что ради поездки он на полгода оставил службу на нескольких ответственных постах. И для царя еще оставалось вопросом, что важнее: разрекламированные, но еще не доказавшие своей пользы заводы, или высокая плотность артиллерийского огня плюс действенность врачебной помощи солдатам. Отчет – устный или письменный, более или менее свободный по форме – несомненно требовался.

В письме из Верхотурья Виниус сообщает не обо всех достижениях – приберегает кое-что для других писем, для личных встреч. Расставленные акценты точны и узнаваемы. Типична и стилистика, в частности начальный риторический пассаж: “В дальнейшем, государь, во странах сих Сибирских от ваша пресветлейшей государской особы расстоянии шествуя сеа отлеглыя страны по пустыням⁹, во мрачных облаках многих суетств и попечений о порядном уставе новопостроенных железных заводех и во искоренении злобы присланных с Москвы пушечных мастеров, нечаянно абие, яко лучею светлого солнца, мя велиею радостию просветило ваша, милостивейшаго государя моего, писмо...”. Поздравив царя с успехами на поле брани, Виниус возвра-

⁹ В сибирских письмах царю звучит мотив дикости, необжитости здешней земли. Это не было риторическим штампом. По свидетельству документа, “места у заводов дикие: ...от заводов к востоку до Аяцкой слободы будет верст с тридцать, на полночь до Краснопольской слободы будет с тридцать же верст, а на денную сторону пошло до Уткинской Чюсовской слободы и до строгановых сел *место дикое* верст по пятьдесят и по сту, а к западу и болши” [43, л. 117].

щается к сибирской теме. Напоминая, что поездка предпринята не самовольно, но во исполнение высочайшей воли (Виниусу важно позиционировать себя как *исполнителя*), он дает общую характеристику содержания своего труда: “В сих, государь, странах во исполнение ваша государския воли заводы обоя осмотрел и различные нестроения в порядок доброй управил”. Далее основное конкретное достижение (приготовленная к отправке артиллерия) и обзор сопутствующих трудностей (пьянство и “коварства” работников): “А тщанием вернаго вашего государева раба, князя Михайла Яковлевича (Черкасского, тобольского воеводы. – *И.Ю.*) на первых заводах к вешнему поплаву пушек, мортиров и гаубиц болши 100, чаю, быть; да мешает мастеров пьянство – и за то наказаны – и приставников умная слепота. А на других пушек будет мало для опоздалого времени и многих прошедших до меня хлопот и крестьян коварства, которые успокоены ныне весма”. За успехами – поражающие размахом перспективы и обоснование реальности их достижения (отличная сырьевая база): “Уповаю, государь, еще в 2 местех или трех великим заводам быть, и стараюсь, чтоб всех уготовить 10 домен, которые в год чюгуну дадут, буде помешек не явится, с 1 400 000 пуд. А руды, государь, железной богатой толикое обрел число, что, чаю, прежде лесам оскудение, нежели рудам, будет; а наипаче, что железо то зело добро и равняется с гишпанским”. Завершает письмо заявление о невозможности быстро поставить столь серьезное дело, сетования на отсутствие квалифицированных управляющих и другие помехи: “Но сие, государь, великое дело требует великое время, дондеже созреет, и приставников верных; и теми здесь скудно, и к тому различные помехи являются, их же вам, великому государю, донесу и о протчих новообретенных делех велми полезных. Точию Вседержителя Господа Бога молю, да ниспошлет на вся сиа труды свою богатую милость и поспешительное благословение, без котораго никиа дела добро вестися, ниже стоятися могут...” [*ПиБ II*, с. 412–414].

Командировка Виниуса закончилась – 31 декабря 1702 г., за три с лишним недели преодолев путь от Верхотурья до Москвы¹⁰, он, наконец, возвратился домой [*ПиБ II*, с. 495]¹¹. Уже 9 января, после его доклада “о сибирских железных заводах и о деле на тех заводах пушек, и мортиров, и фузей, и всякого ружья”, появляется царский указ, разрешивший ряд вопросов по заводу Демидова [*Кафенгауз*, с. 122].

¹⁰ Сравним с двумя, которые понадобились Акинфию Демидову летом 1702 г.

¹¹ По Б.Б. Кафенгаузу, Виниус вернулся лишь в январе 1703 г. [*Кафенгауз*, с. 135]. Учитывая, что дата 31 декабря названа самим Виниусом (три месяца спустя на допросе), принимаем именно ее.

В марте 1703 г. в Уткинской слободе на р. Чусовой началось строительство дощаников для отправки продукции Каменского завода. Погрузку железа начали 22 апреля. И постройку, и последующую экспедицию возглавлял приказчик Семен Резанов. 27 июня караван отплывал уже от Касимова. С дороги сообщили в Сибирский приказ, что в Москве намерены быть к середине июля. Между Переславлем Рязанским и Коломной на суда прибыл подьячий из Москвы. Он привез приказ Виниуса: Резанову сдать дела служилому сибирскому человеку Ивану Станикееву (бывшему с Резановым с постройки судов), самому же возвращаться в Тобольск, где передать воеводе Черкасскому с сыном похвалу за радение. Добравшись до Коломны, Резанов уехал. 18 июля после 12-недельного пути груз (прутовое железо, пушки, мортиры, гаубицы) прибыл в Москву [Кафенгауз, с. 130–132].

Казалось, еще немного, и веское слово в войне со Швецией скажет долгожданная уральская артиллерия.

Ее прием на Пушечном дворе продолжался до 24 августа. Струги продали и приступили к испытанию сибирских пушек. О результатах (не вполне удачных), о роли, которую они сыграли в судьбе Виниуса, скажем позднее. Забегая вперед, упомянем, что полтора года спустя, в январе 1705 г., Москва указала выковырывать на уральских заводах только железо, литье же пушек прекратить [Кафенгауз, с. 136].

Продукция демидовского Невьянского завода прибыла в Москву позднее каменных пушек: ядра и железо были приняты на Пушечный двор 9 сентября 1703 г., пушки, бомбы и ядра – весной 1704 г. [Кафенгауз, с. 135]. К этому времени Виниус от дел по Сибирскому приказу был уже отстранен.

7.4. Виниус и первые уральские шаги Демидовых

Говоря о событиях 1697 г., мы упоминали Тулу – здесь на заводе Н.Д. Демидова были испытаны присланные из Верхотурья образцы железной руды. Получив два пуда железа и сделав из него две фузеи с замками и два копья, Демидов дал высокую оценку ее качеству.

Уже в это время – в марте 1697 г. – заходила речь о переезде Н.Д. Демидова на Урал. Переезжать тот не желал, “потому что у него на Туле дом, и деревни, и железных и мельничных заводов и снастей железных и оружейных заведено не малое число, и многие заводы не довершены”. Но он перечислил условия, необходимые, “буде он, Никита, здумает ехать”: предоставление ему ссуды от казны в 1000 рублей, государственного заказа на изготовление пищалей, права на 10-летнее владение заводами до пе-

редачи их в казну, отдача в его распоряжение 50–100 “сибирских жителей” для обучения железному и оружейному мастерству и устройство кузнецкой слободы “против тульского” (т.е. по образцу слободы в Туле) [*Кафенгауз*, с. 86]. Из текста не понятно, был ли Никита готов сам строить завод и устраивать слободу или подразумевал получение уже построенного. Сам Никита, во всяком случае, строить ничего не обещал.

В 1697 г. все это было лишь виртуальным конструированием будущего. Любопытно, однако, наблюдать, как прозорливый Демидов, прощупывая параллельную реальность, ищет возможность и в ней положить камни в фундамент своего дела. Пять лет спустя фантазия стала приобретать черты реальности. 15 декабря 1701 г. на Невьянском заводе был получен первый чугун, 8 января 1702 г. из него выковали первое прутковое железо. 23 февраля образцы невянского железа прибыли в Москву. В назначенных Сибирским приказом его испытаниях в качестве эксперта участвовал человек от Демидова – Афанасий Абрамов [*Кафенгауз*, с. 76, 77]¹².

Незадолго перед тем (21 июня 1701 г.) у Демидова отняли ранее предоставленное право рубить лес в Щегловской засеке под Тулой. Затруднения, с которыми столкнулся заводчик, стимулировали его хотя бы частично перенести деятельность на Урал. 10 февраля 1702 г. он обратился в Сибирский приказ со “словесным челобитьем” (разговаривал непосредственно с Виниусом) передать ему Невьянский завод, обещая поставлять продукцию по ценам “с убавкою вполы”. Он выговаривал право свободной продажи излишков, просил разрешения использовать на работах местных крестьян, настаивал на неподсудности местному воеводе [*Кафенгауз*, с. 90].

Предложения Демидова рассмотрели, задали ему дополнительные вопросы, по документам подобрали сведения о ценах на продукцию железных заводов центра Европейской России. Выписки по делу доложили царю. 4 марта 1702 г. последовал именной указ: “Верхотурские железные заводы на Нейве реке... отдать во владение ему, Никите, и ставить ему с тех заводов в... казну... воинские припасы, пушки, мартыры, бомбы, гранаты”. Демидов получал часть просимых привилегий. Не оказалось в указе права покупать крестьян, некоторые пункты были сформулированы недостаточно определенно [*Кафенгауз*, с. 93,

¹² Присутствовал ли при этом сам Демидов? Как раз в это время, начиная с 10 февраля, велись переговоры о передаче ему Невьянского завода. Утрясались условия сделки по делу, для него очень важному – скорее всего он оставался в эти дни в Москве.

95–96]. В целом ему было даровано меньше, чем заводчикам XVII в. – Марселису, Акеме, Меллерам. Но кто были они, и кто, пока еще, – он...

Решалась судьба завода, в строительство которого Виниус вложил немало энергии и организационных усилий. Неудивительно, что, судя по пометам на документах, проработка вопроса Сибирским приказом велась при теснейшем его участии [Кафенгауз, с. 91]. То же можно утверждать и в отношении подготовки решения: без согласия Виниуса решение положительное, полагаем, принято быть не могло – авторитет Виниуса в глазах Петра был в это время выше, чем авторитет Демидова. За первым стояло десятилетие дружбы и совместной работы, за вторым – пока значительно более скромные услуги и менее частые встречи. Поддержка, оказанная Виниусом перспективному тульскому кузнецу, сыграла важную роль в судьбе последнего.

5 и, повторно, 18 марта 1702 г. Сибирский приказ отправил верхотурскому воеводе К. Козлову указание передать завод Демидову. Тем временем в Москве уточняли задание заводчику. “Даден Никите указ, чтоб он лил пушки, можары и делал фузеи по московским образцам и отправлял их к Москве” – такая помета Виниуса сопровождала распоряжение Демидову, детализированное в данной ему памяти [Кафенгауз, с. 99].

Начальник Сибирского приказа постоянно держал в поле своего внимания положение на Невьянском заводе. Ряд связанных с ним вопросов решался во время поездки на Урал.

Виниус и Демидов выехали практически одновременно¹³. С Каменского завода, где намечалось строительство второй домны и новых молотовых, Виниус 2 октября отправил адресованную Демидову¹⁴ память, в которой потребовал прислать с его завода московских мастеров (доменных, молотовых и др.), семью мехового мастера и “снасти” для мехового мастерства [Кафенгауз, с. 115]. Одновременно предписал ему явиться лично для отчета.

¹³ Виниус отбыл 28 июля, на Каменском заводе был 30 сентября. Демидов отбыл в начале августа, прибыл не позднее октября (известно датированное этим месяцем донесение в приказ, направленное от обоих Демидовых). Приняв во внимание известный по более позднему времени дружественный характер отношений Виниуса и Демидова, соблазнительно предположить, что часть пути на Урал они проехали вместе. Но приглашение Виниусом Демидова на Каменский завод *для отчета*, делает это предположение маловероятным.

¹⁴ Виниус ехал на Урал два месяца три дня, Акинфий Демидов (отправившийся 13 июля и прибывший на Невьянский завод 8 сентября) – два месяца без пяти дней [Кафенгауз, с. 103, 111]. У Виниуса по дороге обнаруживались разные дела, Акинфий спешил. Средняя продолжительность чистого летнего пути в Невьянск – два месяца или чуть меньше. Таким образом, путешествие Никиты должно было завершиться в начале октября.

Но подробные ответы на вопросы думного дьяка Демидов дал только с приездом Виниуса на Невьянский завод. Вопросы были вручены 30 ноября. “Показания” неграмотного Демидова, данные 1 декабря, протоколировались и удостоверялись заводским подьячим.

Устами Виниуса говорит государственный человек – все вопросы в конечном счете сводятся к одному: как поставить дело так, “чтобы в пользу... дел воинских и в потребу всего Московского и Сибирского государств в полном довольстве выходило, и из иных государств покупать и на то деньги истощать было не надобно”. Любопытно, что сведения о мастерах завода Демидова, их заработной плате и прочем Виниус добывает не опросом их непосредственно (как было на Каменском заводе), а через Демидова – видимо, уважая в его лице собственника завода и доверяя ему. Ответы Демидова “ясны, конкретны и обстоятельны”. Он не только вполне вошел в курс дела – у него сложилось мнение по большинству проблем. Он подробно охарактеризовал состояние завода, причины неполадок, сообщил о планах. Один из вопросов касался готовности артиллерии и железа (его требовалось пудов с тысячу). Гордиться было нечем: Демидов ответил, что ни пушек, ни мортир “ничего не вылито”. Тем не менее он заявил о готовности основывать новые заводы и поставлять казне высококачественное железо и оружие [Кафенгауз, с. 111, 116–119].

6 декабря, в преддверии отъезда с завода, Виниус передал Демидову память из десяти статей, излагавшую рекомендации и требования правительства, а также ответы на его предложения. Виниус относил ее к важным руководящим документам – предписывал Демидову читать ее “почасту”. Память содержит предварительное решение по важнейшему для Демидова вопросу об обеспечении заводов рабочей силой. Тот просил приписать к ним крестьян четырех слобод и монастырского села, т.е. распространить на него практику, знакомую по заводам центра Европейской России. Виниус удовлетворил просьбу частично: распорядился “без всякого прикословия” работать у него за плату крестьянам двух слобод. Одновременно Виниус обещал доложить предложения Демидова царю, обнадеживая, что соответствующий указ “прислан будет с Москвы сей же зимы”. Демидов сокрушался на вольность поведения работавших у него сибиряков: “Буде... молвишь жестокое слово, и он ис полудни, покинув работу, пойдет”, так что “тут ко всякому надобно приставник”. Виниус предоставил Демидову право первого суда над работниками [Кафенгауз, с. 118–120].

Останавливает внимание содержащееся в памяти требование завести при заводе школы и больницу. Выделяется призыв к гу-

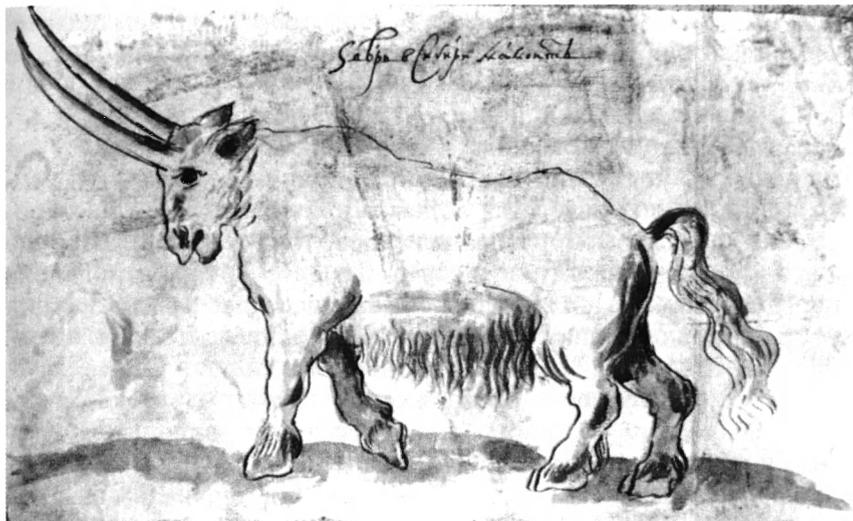

Рис. 18. Зверь в Сибири мамонт. Рисунок из альбома “Книга Виниуса”. 1690-е годы

манности в обращении с работными людьми: Виниус требует, чтобы заводчик давал им “удобный и пристойный наем”, а надея его правом судить и наказывать “ленивых по вине”, он предостерегает Демидова от “чрезмерной жесточи”. В заключительных строках памяти, жанр которой не предполагает заботы об эмфатическом напряжении материала, неожиданно слышим взволнованный голос патриота, потрясенного красотой и богатством родной земли: “А те заводы у таких построены добрых руд, каковы во всей вселенной лутче быть возможно, и при тех заводах какие воды, леса, земли, хлебы, живности всякие (рис. 18), что ни в чем за помощью Божиею скудости быть не мочно” [*Кафенгауз*, с. 120, 121]. Как видим, знакомство с Уралом произвело большое впечатление на Виниуса.

Не прошло двух недель с отъезда Виниуса с Невьянского завода, как он напомнил о себе Демидову, отправив ему 17 декабря письмо и новое предписание [*ПСИ*, с. 205–207; *Козловский I*, с. 239]. Посвященное “производственной” теме, оно любопытно еще и демонстрацией характера отношений Виниуса и Демидова. Приязнь первого ко второму демонстрирует не только любезное обращение (“приятель мой Никита Демидович, здравствуй на многие лета”) и этикетная формула в заключение (“за сим челобитьем, Андрей Виниус”), но прежде всего тон письма в целом.

Возвратившись из командировки, Виниус доложил о ее результатах, в том числе, о просьбах заводчика насчет крестьян.

Петр указом от 9 января 1703 г. их удовлетворил, причем щедрее, чем Виниус: в придачу к двум слободам отдал монастырское село [Кафенгауз, с. 122].

Между тем Демидов в январе 1703 г. возвратился “на Русь”. Навестив Тулу, он прибыл в столицу, в Сибирский приказ, где бил челом об уточнении обязанностей приписных крестьян, просил о выделении подвод для перевозки на завод семей мастеровых, материалов и оборудования (провода и мехов). В конце февраля верхотурскому воеводе и Демидову была направлена очередная память, уточнявшая права последнего в отношении крестьян и их обязанности. Воеводе поручалось составить на отходящие Демидову слободы отдаточные книги [Кафенгауз, с. 122, 135]. Исполнение распоряжения должно было, казалось, поставить точку в этом вопросе. Между тем история имела продолжение, причем достаточно бурное.

Уральским заводам остро не хватало мастеров. Демидов отправлял их из Тулы весной и летом 1702 г., но, исчерпав резерв, уже в октябре вынужден был сообщить в Сибирский приказ, что без новых посылок завод остановится [Кафенгауз, с. 127].

Виниус, озабоченный необходимостью обеспечить мастерами казенные производства, тоже искал мастеров, и тоже в Туле. 16 января 1703 г. из Сибирского приказа сюда приехал подьячий Василий Скурихин “для привозу на сибирские железные заводы разных мастерств”. Ему предписывалось отыскать в Туле Демидова и потребовать, чтобы он “приискал и призвал” на заводы мастеров нужных приказу профессий. При вербовке рекомендовалось подчеркивать достоинства жизни в Сибири: изобилие края, приличное содержание. Усилия, однако, успехом не увенчались: мастеров одних профессий не нашли совсем, мастера других – колесчатый, оружейный, замочный, “ложный” – в наличии имелись, но “охотою своею ... за дальностью и за государевыми делами” ехать не захотели [Кафенгауз, с. 127–128].

Казалось, тульские резервы квалифицированной рабочей силы исчерпаны. Но неудача Скурихина могла иметь и другие причины: “слишком” гуманную процедуру найма, происки главного вербовщика (Демидова) и др. Обратились к насилию. В феврале 1703 г. приказано было “без всякого медления” прислать в столицу из Тулы семерых ствольных заварщиков и пушечного ученика для выбора по жребию лиц для отправки на Урал. Через месяц уже десять мастеров ехали в Сибирь. Но поиск их в Туле продолжался. В нем участвовал и Демидов, 22 апреля сообщивший о новых кандидатах на выезд [Кафенгауз, с. 127–128].

Сотрудничество-соперничество Демидова и Сибирского приказа в подборе кадров для уральских заводов составляло основ-

ное содержание деловых отношений Демидова и Виниуса в конце пребывания последнего в этом учреждении. Следующий эпизод выходит за эту границу, но косвенно с Виниусом связан.

В дни пребывания Виниуса в Верхотурье стольники и верхотурские воеводы К.П. и Г.И. Козловы просили освободить их от службы “для ево, Кузьминой, крайней старости и неотступной болезни”. Указом от 8 декабря 1702 г. Виниус назначил воеводой стольника А.И. Калитина, оставив ему прежнего подъячего с приписью Гаврилу Деревнина. Калитину поручалось принять город и печать, “счесть” лиц, “у кого в приходе и росходе денежная, хлебная и всякая казна была”, росписи послать в Москву. “Приняв город и переписався”, Калитин должен был “чинить... всякие ево, государевы, дела и меж людьми градскими и уездными правую без всякой лицемерной корысти росправу по наказным статьям, каковы в приказной палате” [43, л. 120–120 об.].

Отношения между новым воеводой и Демидовыми не заладились сразу. Калитин, похоже, привык чувствовать поддержку тестя и постоянно идти на компромиссы был не намерен. Не любил уступать и Демидовы.

Перед отъездом на Урал, в августе 1703 г., Никите пришлось объясняться в Сибирском приказе по поводу жалоб Калитина на Акинфия Демидова, которого воевода винил в задержке отправки продукции. Поводом для конфликта послужило и поручение воеводе строить новый завод на р. Нейве (будущий Алапаевский). Рассчитывали, что оборудование для него поставит Невьянский завод. Акинфий, однако, отказался выполнить заказ на два молота и две наковальни. Он сам обижался на Калитина, и тоже в связи с Алапаевским заводом: на эту стройку воевода забрал у Демидовых плотников и мехового мастера. Положение на Невьянском заводе было между тем достаточно сложным. Паводком прорвало плотину, унесло строительный лес и заготовленные дрова. Завод остановился. Из-за дождей к починке плотины не смогли приступить и в начале июля. Акинфий писал воеводе, просил прислать крестьян для сечки дров. Воевода с ответом не спешил – сообщил в приказ и ждал инструкций [Кафенгауз, с. 127, 136–137].

10 августа старший Демидов объяснялся по поводу упущений. По его словам, оснований для обвинений не было: налицо производственные успехи, промахи же и неудачи вызваны чрезвычайными обстоятельствами и ошибочными действиями местной администрации. Так, ремонт домен, бездействовавших почти два месяца, затянулся из-за того, что “каменья ломать тобольские... не дали” [Кафенгауз, с. 137].

Никита уже отправился на Урал, когда 24 августа из приказа был послан ответ на воеводский запрос: крестьян на Невьянский завод для сечки дров и перевозки продукции к пристани на Чусовой послать разрешалось [Кафенгауз, с. 137]. Просьбы Демидовых были удовлетворены, что косвенным образом бросало тень на не сумевшего самостоятельно решить вопрос Калитина. Победа Демидовых – не отзвук ли падения Винууса, палладиума для своих креатур?

Новый конфликт возник в связи с передачей Демидову приписных крестьян. Воевода подготовил отдаточные книги, направил крестьянам послушные грамоты. Но, хотя они уже работали у Демидовых, Акинфий до приезда отца отказывался расписаться в приеме книг. Воевода решил, что тот затягивает дело, стремясь уйти от уплаты 434 рублей подати за текущий год. Поводы для распри возникали и в связи со строительством Алапаевского завода. Готовя для него кадры, воевода направил для учебы на Невьянский завод 40 кузнецов Верхотурского уезда. Акинфий их принял, но заставил таскать пушки и делать прочую неквалифицированную работу. Воевода 15 июня приехал на завод лично, но ничего не добился. Акинфий заявил, что у мастеров уже есть подмастерья, а ставить посторонних не выгодно – “сожгут много угля”. 29 августа Калитин прибыл на завод вновь – пытался организовать отправку железа в Москву. В ноябре приезжал посланный им подъячий [Кафенгауз, с. 137, 138]. Как видим, местная власть активно вмешивалась в работу предприятия, что вызывало отпор со стороны независимых Демидовых.

С возвращением на завод Никиты, Демидовы перешли в наступление. 6 ноября 1703 г. в Сибирский приказ уходит обширное донесение с обвинениями в адрес воеводы: он и свез “неведомо куды” с завода столько железа, что не осталось для ремонта, и утаил этот факт от приказа, и денег за взятое не платит, и часто ездит на завод, где объедает хозяев и бесчинствует (Акинфия “угрожал бить кнутом, брал его с собой в Верхотурье и волочил много время напрасно”). Завод между тем в трудном положении – починенную плотину вновь прорвало. Демидов просил о денежной помощи, о возвращении взятых мастеров, а главное – об избавлении от воеводской “опеки”. А иначе, – писал он, – “вели государь, те заводы у меня принять в свою... казну, а за лишнее мое строение... выдать мне против того ж, но почему что стало” [Кафенгауз, с. 138, 139]. Шаг неожиданный, но хорошо продуманный. Завод бездействовал уже полгода, вместо прибылей принесли убытки. Никита искал, на кого бы свалить неудачи (если придется за них отвечать), и как выйти из игры, попытавшись вернуть нерентабельный завод государству.

На другой день после отправки послания заводчик предпринял еще более эффектный шаг, буквально *заставивший* правительство искать решение: семья Демидовых покинула Невьянский завод. Можно представить, как был удивлен подъячий Г. Деревнин, когда, приехав 10 ноября, узнал, что “за три дни... Демидов с детьми съехал... к Москве”, прихватив с собой двух пушечных мастеров. Оставшийся на заводе служащий сказал, что без хозяина делать ничего не будет [*Кафенгауз*, с. 139].

Напрасно воевода готовил к отправке в Москву жалобы ясашных людей на притеснения их Демидовым. Когда в Москве узнали об отъезде Демидовых, Виниуса в Сибирском приказе уже не было и защищать Калитина было некому. Демидов же обладал немалой пробивной силой, да и находился, в отличие от воеводы, в Москве. Предчувствуя победу, уже в феврале он отменил бойкот – для постройки плотины и новых молотовых на завод отправился Акинфий. Точки над *i* расставил именной указ от 4 апреля 1704 г., запретивший воеводам приезжать на Невьянский завод (“ведать” им “ево ни в чем не велено” – ведает непосредственно Сибирский приказ) и предписавший вернуть плотников и мастеров. Были учтены претензии по приписным крестьянам. Заводу отводились леса и земли на 30 верст вокруг. На таких условиях можно было возвращаться на Урал – Демидов хлопочет о перевозе на завод своей большой семьи, под которую просит 30 подвод [*Кафенгауз*, с. 141, 142].

Итак, тульский кузнец Демидов испортил воеводскую карьеру стольника Калитина. Между тем в качестве воеводы, он был, вероятно, не так уж плох. В конфликте с Демидовыми он защищал интересы в первую очередь государства, защищал их стойко, не сломавшись в бою, окончившемся для него поражением. На воеводском посту он проводил в жизнь выработанную Виниусом политику в деле освоения природных богатств Урала: организация строительства третьего (петровской эпохи) уральского завода – Алапаевского – заслуга если не всецело, то в значительной степени Калитина. Ему же обязана своим появлением новая дорога к пристани р. Чусовой, “которую, – пишет Калитин, – проложил я, едучи с Кунгура... та дорога блиска и ровна, больших гор нет и на речках намощены мосты” [*Кафенгауз*, с. 138]. Обстоятельства сложились не в пользу Калитина, но едва ли мы вправе упрекать его за то.

Завершая посвященные Демидовым страницы этой книги, заметим, что падение Виниуса и последовавший за этим конфликт с членом его семьи в конечном счете, кажется, не перечеркнули доброжелательных отношений между ним и Никитой Демидовым. Свидетельство тому – подаренная первым второму “Книга

православное исповедание веры соборная и апостольская церкви восточная” (М., 1696). Она имеет вклеенный лист, содержащий стихотворную дарственную надпись, первые буквы строк которой, написанные красными чернилами, образуют акrostих: “Комисару Никите Демидовичю”. Под текстом несколько прозаических строк, завершающихся словом “дарствует”, подпись и дата: “Андрей Виниус / Лета 1709” [Быкова, с. 395, 397, 398].

Публикатор этого текста Т.А. Быкова определила записи как автограф А.А. Виниуса. Собственно дарение она объясняет отношениями между Виниусом и Демидовым, о характере которых, как она полагает, достаточно ясно свидетельствует письмо Виниуса Демидову 1702 г., “написанное в дружеских тонах” [Быкова, с. 397]. Содержание стихотворения, в котором автор, обращаясь к Демидову, называет его “мой друже”, вполне со сказанным согласуется. Время дарения (1709) она связывает с коллизиями биографии Виниуса и содержанием книги: по ее предположению, “и книга и стихи должны были подтвердить искренность возврата Виниуса к православию после временного отступничества”. Далее мы коснемся подозрений в вероотступничестве, на наш взгляд, выдуманных историками и ни на чем не основанных (достаточно указать на отсутствие подобных обвинений в период опалы). Правдоподобнее осторожно высказанное автором предположение о желании Виниуса “подарком напомнить о себе своему бывшему продолжавшему преуспевать в жизни другу” [Быкова, с. 399]. Для только что (в сентябре 1708 г.) вернувшегося из Голландии Виниуса, в предшествующие годы испытавшему множество потерь и утратившего многие связи, приобретенные в период могущества, восстановление хотя бы их части играло огромную роль – это была важнейшая составляющая его социальной реабилитации.

Но в подарке Виниуса присутствует очевидная странность, не замеченная публикатором. Получатель книги был, как принято считать, *неграмотен*. Подтверждением этому является отсутствие его автографов и прямое свидетельство на этот счет хорошо его знавшего В.Н. Татищева, в “Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищах” упомянувшего “Никиту Демидова, которой грамоте не учен” [Татищев, с. 56]. Как соотносить это с фактом дарения книги и призывами в стихах: “Читати же часто ти зело советую”?

Загадка имеет довольно простое, хотя и несколько необычное, решение, заодно вполне объясняющее выбор Виниусом тематики подаренной им книги. Приведем цитированный фрагмент “Разговора” в полном объеме: “Мы все знали кузнеца, а потом дворянина Никиту Демидова, которой грамоте не учен, но другие

Рис. 19. Портрет Н.Д. Демидова. Начало XVIII в.

ему Библию читали, он все, в памяти достойные, в которой главе стих не токмо сказать, но пальцем место указать мог” (рис. 19). Итак, во-первых, неумение читать не слишком мешало Демидову приобретать знания (этот недостаток компенсировали чтецы и цепкая память), во-вторых, значительный интерес у него вызывала литература духовного содержания. Имеется немало свидетельств значимости религиозной сферы также и для

Виниуса, о чем мы еще скажем. Кстати, незадолго до презента Демидову, в декабре 1708 г., сам он получил в подарок две подобные книги, подаренные ему неизвестным нам митрополитом [*Козловский I*, с. 289].

Итак, на почве общности духовных интересов, а не только на общем стремлении заставить уральские горы давать стране пушки, сошлись Виниус и первый Демидов. Так что подарок думного дьяка подразумевал нечто помимо желания замолвить за себя словечко. Это была еще и оценка им Демидова – его культурных запросов, выходявших за пределы сферы промышленного предпринимательства.

7.5. Создание сибирской почты

В XVII в., вплоть до самого конца столетия, действовали (в том числе и в качестве почтовых) две ведущие “за Камень” дороги. Зимой ездили по маршруту: Москва–Переславль–Залесский – Ярославль–Вологда–Шуйский ям (на р. Сухоне)–Тотьма–Великий Устюг–Яренск–Пелым–Соликамск–Верхотурье. Летний путь был короче: от Москвы на Владимир, далее на Муром–Нижний Новгород–Козьмодемьянск–Казань–Ижевск–с. Егошиха (ныне в границах г. Пермь)–р. Чусовая–верховье р. Туры. Считалось, что путь от Москвы до Верхотурья составляет около 3500 верст (цифра завышена); для доставки по нему грамот до середи-

ны XVII в. как летом, так и зимой требовалось при хорошей дороге в среднем два месяца, хотя иногда довести их удавалось скорее.

От Верхотурья можно было проехать далее на Туринск, откуда открывался путь на Тюмень и Тобольск. К концу XVII в. (время Виниуса) был проложен новый участок пути между Тюменью и Егошихой (через Пышму, Утку и Кунгур). Но этой дорогой пользовались редко, так как на ней отсутствовала таможня [Вигилев, с. 171, 172, 175].

Состояние дорог составляло неизменный предмет беспокойства Сибирского приказа и Виниуса с момента его в нем появления. Ниже предстоит говорить об указе Сибирского приказа 1697 г. о присылке сведений о дороге между Красноярском и Иркутском. Обратим внимание на упомянутое в нем использование этой дороги, особенно важное для Виниуса в двух его ипостасях – и в качестве главы Сибирского приказа, и в качестве управляющего почтами (курсивом выделен текст, вписанный в проект рукой Виниуса): указ запрашивает сведения о безопасности зимой и летом движения, “как случитца... *ис Краснояру в Ыркутской посылать с нужными великого государя гра[мотами]*, из Ыркуцка для каких ево государевых нужных дел к Москве с отписки или з делами служилых людей человека по два или по три” [71, л. 1].

Первые сибирские ямы учреждаются в конце XVI в. Но на протяжении большей части XVII в. организация почтовой службы “за Камень” отличалась особенностями, отражавшими специфику положения Сибири среди других территорий. Почти до конца XVII в. частная переписка с Сибирью была затруднена.

Виниусом создается регулярная почта в Сибирь. Соответствующее распоряжение было включено в сибирский таможенный устав 1698 г., образуя его 22-й пункт. Именно таможенные головы принимали и выдавали грамотки, взимая пошлину “с весу” и записывая ее в книгу. И всякий, “заплата достойную заплату, был обнадежен, что его грамотка в дом к нему дойдет” [ПСЗ III, № 1654].

Почта создавалась по образцу архангелогородской. Но были и отличия: участие таможенных голов, отсутствие института почтарей (грамотки мог возить любой ямщик) и др. Она устанавливалась только на летние месяцы: за сезон осуществлялось три отправления. Тем не менее вскоре после создания регулярной почтовой связи московским приказам было запрещено посылать в Сибирь гонцов: предписывалось пользоваться услугами почты [Вигилев, с. 176–178].

Были сняты ограничения в доставке частной корреспонденции: “И будучи им, торговым людям, в тех сибирских городах в дома своя и к хозяевам грамотки, также и хозяевам из домов к

ним писать свободно”. В документе декларирована тайна переписки (“и отнюдь ни чей грамотки не распечатывать и не смотреть” [ПСЗ III, № 1654]), что особенно примечательно на фоне официально осуществлявшегося в это время досмотра частной корреспонденции на линиях за границу.

7.6. Дела церковные

Период службы А.А. Виниуса в Сибирском приказе дает некоторые данные для обсуждения темы, которую ранее его биографы специально не рассматривали: о его отношении к церкви.

Вопрос о личной его религиозности сегодня может обсуждаться лишь в самом общем виде. Складывается впечатление, что для него были характерны “классические” (допетровские) ее формы, что тяги назад, к протестантизму, к которому первоначально принадлежал его отец и он сам, Виниус не испытывал. Но сведения источников – разрозненные, мозаичные – не дают возможности для основательной разработки этих наблюдений.

В большем объеме имеется материал, позволяющий наблюдать его во взаимодействии с церковными деятелями и при решении вопросов, связанных с существованием и функционированием церковных структур на подведомственной его управлению территории. Пребывая на посту, личное, давно сложившееся и закрепившееся ощущение православия приходилось согласовывать с насаждавшимся сверху отношением к церкви как к одному из элементов государственно-бюрократического механизма, элементу лишь относительно независимому, требующему постоянного контроля, а при необходимости и направляющего вмешательства. Характерно, однако, что, по долгу службы вмешиваясь и регулируя, Виниус вносил в свои действия немало искренней теплоты, участия, желания привести дело ко всеобщему благополучному и справедливому разрешению – и за таким его отношением нельзя не увидеть православного христианина, не забывающего о личной принадлежности церковному телу.

К числу внутренних дел церкви, в решении которых светская власть в рассматриваемую эпоху принимала самое решительное участие, относилось назначение на архиерейские места. Принимал в нем участие и Виниус, так как со временем его пребывания в Сибирском приказе совпала смена владыки Сибирской епархии.

Когда Виниус пришел в Сибирский приказ, епархию возглавлял митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий (Римский-Корсаков), рукоположенный в 1692 г. [Макарий VII, с. 612] и бывший в Тобольск в феврале 1693 г. [Шашков].

Человек образованный, крупный церковный писатель, он, можно полагать, вызывал у Виниуса и интерес, и уважение. Но отношения с ним не сложились. В 1697–1698 гг. возникло крупное дело, возбужденное по жалобам тюменских и туринских жителей на десятильников – должностных лиц духовного управления, назначенных митрополитом из софийских детей боярских. Начавшееся расследование их преступлений вылилось в открытую ссору духовной и светской местных властей. В августе 1697 г. митрополит Игнатий пошел на беспрецедентный шаг: отлучил от церкви тобольских воевод А.Ф. и А.А. Нарышкиных, а через несколько дней и туринского воеводу В.Е. Лутовинова. Стоявшему над ними Виниусу пришлось немало потрудиться в поисках выхода из экстраординарной ситуации [*Покровский*, с. 146–189]. Виноватые десятильники были примерно наказаны. 1 сентября 1697 г. из Москвы были отпущены князья М.Я. и П.М. Черкасские [66, л. 464], весной 1698 г. сменившие на воеводстве Нарышкиных. Виниус в дальнейшем на них опирался, доверял им, а первого и публично хвалил. Напротив, его доверие к Игнатию после истории с десятильниками было невосстановимо подорвано [*Шашков*].

Характеризуя Виниуса в деле о десятильниках, исследовавший этот сюжет Н.Н. Покровский отмечает квалифицированную его экспертизу специальных вопросов, влиявшую на решения царя, обнаруживает в аргументации думного дьяка “соображения, гораздо более широкие”, чем данное дело, указывает, что “действуя в отсутствие царя от имени царской власти”, он умел “вежливо, но решительно пресечь самостоятельные акции Игнатия и дезавуировать его концепцию независимости церковного суда” [*Покровский*, с. 152, 155, 187].

К концу десятилетия в поведении митрополита стали замечаться признаки душевной болезни. Игнатий прибыл в Москву, где первоначально расположился на Казанском подворье в Китай-городе. В делах Сибирского приказа сохранились относящиеся к 1700 г. “Описныя книги... ризницы и домово́й и келейной казны” сибирского митрополита, составленные, по словам предисловия, в связи с тем, что он “за повреждением ума своего... учинился святейшему патриарху (Адриану. – *И.Ю.*) непослушен и противен, и за ту свою вину послан он, Игнатий митрополит, подначал в Симонов монастырь” [*Оглоблин IV*, с. 189–190].

Тот факт, что церковь в Сибири длительное время оставалась без управления, весьма беспокоил Виниуса. Он многократно возвращается к этому обстоятельству, в частности в письмах 1700 г., адресованных Ф.А. Головину (в то время более близкому к царю человека, чем сам Виниус): “Поведение, государь, странное гос-

подина Сибирского архиереа тебе, государю, мноу, не безвесно” (в письме от 21 марта); “А сибирский Игнатий и наипаче уступил ума своего, и творит многое неистовство” (в письме от 22 ноября). Снова и снова пишет он о необходимости дать Сибири митрополита: “Зело тамо та особа для управления церковей Божиих нужна, как самому тебе, милостивому моему государю, известно” (от 15 ноября), извещает о просьбах на этот счет, поступивших с мест: “А ис Сибири пишут, что требуют зело себе архиереа” (от 22 ноября). Однажды он даже решается предложить подходящую для замены кандидатуру (редкий случай подобной инициативы в дошедших до нас его письмах вышестоящим лицам): “Молю аще ему (как чаю) тамо не быть, чтоб в выборе был тамочной знаменской архимандрит Игнатий, зело человек, сказывают, доброй”, оговариваясь при этом, что осознает, *кто* подобные вопросы решает: “Но о всем да будет воля великого государя” (письмо от 21 марта). Предложение энтузиазма не вызвало, и в дальнейшем Виниус уже ничего не предлагает, лишь просит напомнить об этом вопросе царю: “Умилосердися, милостивой государь, аще возможно, и когда случайно донеси великому государю, чтоб в Сибирь указал избрать и поставить митрополита... И о сем прося, паки с низайшим поклонением челом бью” (от 15 ноября). Тем не менее, похоже, что Виниус зондирует этот вопрос с другими заинтересованными лицами, ведет с ними какие-то его обсуждения. “Повели, государь, – пишет он Головину 22 ноября, – к Рязанскому митрополиту о приискании годной особы в сибирские архиереи послать грамоты государевы к Киевскому и Черниговскому архиерею, понежи он, Рязанский, зело о том скучает и ко мне уж 2-жды писал”¹⁵. “А без твоего, государя, веления, – добавляет он, – дьяки тех грамот не дают”, из чего заключаем, что до обращения к Головину он, возможно, пытался получить такие грамоты самостоятельно. Фрагмент завершает очередным призывом “приложить свое старание” “пользы ради тоя страны... ради тамочных Божиих церковей” [53, л. 3, 8, 9].

Состояние Игнатия продолжало ухудшаться, 13 мая 1701 г. он умер [Макарий VII, с. 612]. Но дело о его замене сдвинулось все же несколько раньше [Юркин 2005б].

¹⁵ Обратим внимание на это упоминание, свидетельствующее о переписке и вероятном личном знакомстве Виниуса и Стефана Яворского, в том же 1700 г., 7 апреля, поставленного на Рязанскую и Муромскую кафедру, а после патриарха Адриана (умершего 15 октября) назначенного местоблюстителем патриаршего престола [ДР IV, стлб. 1127, 1156]. Укажем еще на один документ, в котором их автографы оказались на одной странице: духовную гостя М.А. Чирьева от 11 марта 1702 г., с Виниусом в качестве душеприказчика и Стефаном в роли свидетеля [Козлова, с. 68, 69].

В письме гетману Левобережной Украины И.С. Мазепе, отправленном 30 января 1701 г., Ф.А. Головин упоминает о “Переясловском епископе, ...дабы прибыл неомедля к Москве”. “Такоже, – продолжает Головин, – и архимандрит Новгородц[и]й Дмитрей, но что ныне подлиннойя получа монаршеский указ, пишу до велможного тебя господина: изволь оного Дмитрия отца прислати не замочвав” [54, л. 5]. “Дмитрий отец” – свт. Димитрий (Туптало), в то время архимандрит Спасо-Преображенского монастыря в Новгороде-Северском. 23 марта 1701 г. именно он был рукоположен в сан митрополита Тобольского и Сибирского [*Смолич I*, с. 760].

Уже через несколько дней после назначения новый митрополит подал челобитную, в которой сообщил о своем намерении “с ризницею, и с церковными служители, и з домовыми людьми отпустить с Москвы в Сибирь в Тоболеск водою в стругах”. Указав, каким путем он намерен двигаться (“надлежит мне... ити ис Камы реки Чюсовою рекою до Сибирской епархии до Уткинской слободы, а из Уткинской, государь, слободы сухим путем до водяного пути до реки Исети Тобольского уезда до Катайского острога, а Исетью рекою в стругах до Тобольска”), он просил распорядиться дать ему в Катайском остроге “два дощаника со всякими припасы, в чем” ему доплыть до Тобольска. “И о том в Тоболеск к... воеводам князю Михайлу Яковлевичу Черкасскому с товарищи послать... грамоту”, чтобы “простою и мотчанья не было” [66, л. 128].

Собственноручная резолюция Виниуса на этом прошении, наложенная 27 марта 1701 г., гласила: “По указу великого государя послать в Тоболеск к боярину и воеводам ево государеву грамоту, велеть послать нарочно из детей боярских: велеть для приему Сибирского митрополита те дощаники добрым мастерством сделать, и совсем к приезду ево изготовить, и отдать. А в Тобольску те дощаники совсем принять, и отдать в расход, куды пристойно. А людей работных и кормщика на те дощаники дать по переменом, как пристойно. А сделать те дощаники не малые, чтоб убраться возможно и впредь для посылки посол годились”¹⁶. Содержание этого текста значительно богаче простого распоряжения послать просимую грамоту. Оговорено многое необязательное (от качества постройки до ее последующего использования), обличающее в Виниусе рачительного хозяина. В том, что касается митрополита, чувствуется намерение максимально об-

¹⁶ Виниус надеется использовать дощаник вторично – то ли для повторной перевозки “послов” (в смысле – посланцев приказа), то ли, по остроумному предположению В.Н. Захарова, – “по соль”, т.е. для доставки соли.

легчить дорогу человеку, которого так долго ждали. Соответствующий указ тобольским воеводам князьям М.Я. и П.М. Черкасским за приписью дьяка Сибирского приказа Ивана Чепелева (который описывал келейную казну митрополита Игнатия) был подготовлен уже 31 марта [66, л. 128–129].

Но новый митрополит принял свое назначение без энтузиазма. С 1684 г. Димитрий трудился над составлением житий святых. Работа вступила в завершающую стадию: в 1700 г. была напечатана третья часть из задуманных четырех, и автор приступил к подготовке последней [*Жития I*, с. XXII, XXV]. Перевод в Сибирь становился серьезным препятствием завершению много томного сочинения, которому были посвящены полтора десятилетия тяжелого труда. 29 апреля Виниус писал царю: “Сибирской, государь, архиерей ожидает вашева государева указу: с Москвы ему в путь свой до пришествия вашева государева иттить ли или поожидать, еже и сам он желает?” [*ПиБ I*, с. 853]. Царь, находившийся в это время в Воронеже, 14 мая в письме Виниусу распорядился: “Архиерею дожидатца” [*ПиБ I*, № 374]. Отмеченное Виниусом желание Димитрия несколько “поожидать”, оказалось спасительным для судьбы его литературной работы: 4 января 1702 г. он был назначен на Ростовскую и Ярославскую кафедру, а в епархию Тобольскую отправлен Филофей (Лещинский), который был хиротонисан в сан митрополита в один день с переназначением митрополита Димитрия [*Смолич I*, с. 760].

Последняя часть Миней вышла из печати в сентябре 1705 г. [*Жития I*, с. XXV]. Судя по заметкам Виниуса в Книге домашних записок, в декабре 1708 г. некий митрополит прислал ему в подарок “Жития Святых” и книгу “Утешение в печали сущему” [*Козловский I*, с. 289]. Не был ли дарителем сам свт. Димитрий, имевший основание считать, что в избавлении его от необходимости ехать в Сибирь определенную роль сыграл и Виниус? Название книги может намекать на жизненную ситуацию Виниуса. К тому времени прошло всего три месяца после возвращения из поездки за границу, сопряженной для него с тяжелейшими душевными и физическими невзгодами, значительным материальным ущербом.

В заключение отметим, что после назначения митрополитом Филофея и его вступления в дела Виниус во главе ведавшего Сибирью госучреждения тесно с ним взаимодействовал. Филофей относился к нему с должным уважением и советовался по вопросам, затрагивавшим сферу гражданской жизни. В качестве примера укажем на относящиеся к началу 1703 г. пометы главы Сибирского приказа по поводу вопросов, поднятых в докладной записке сибирского архиерея. Виниус высказался на тему распро-

странения в Сибири просвещения (следует обучать катехизису и грамматике церковно-славянского языка, но “типографии в Тобольску не быть”), проведения там церковных соборов (считал их из-за дальности расстояния невозможными), крещения “инородцев” (скоро не крестить, чтобы не было вере поругания, особых поблажек крещеным не давать – податей не сбавлять, преступлений не прощать), отношения к живущим “в блуде” (матерей не штрафовать из опасения вреда детям, но “от таких дел унимать” обученному духовенству, бороться с причинами, в частности с пьянством), отношения к старообрядцам (следить за ними, не допуская безнаказанного занятия пропагандой). По мнению И.П. Козловского, эти пометы делались на основании указаний царя, в связи с чем “уловить в них собственное мнение автора трудно” [*Козловский I*, с. 241]. Полагаем, однако, что собственное мнение думного дьяка по большинству пунктов было достаточно близким установке, спущенной сверху. Впрочем, упоминание высшей меры наказания представляется все же скорее признаком “стиля эпохи”, нежели выражением личной оценки Виниусом опасности подобных преступлений.

Глава 8. В круговерти поручений (конец 1690-х – 1703 г.)

8.1. “Не лицемерно исправляя”, или Главный почтарь России

Переходя их приказа в приказ, переезжая из страны в страну, меняя сферы деятельности, медленно, но верно поднимаясь вверх по лестнице чинов, Андрей Виниус продолжал оставаться содержанием обеспечивавшей связь с Западной Европой российской почтовой службы. Столь длительные его труды на этом поприще (в общей сложности больше четверти века) опирались на материальную заинтересованность – почтовое дело было хлопотным и ответственным, но при этом весьма прибыльным. Не следует, однако, недооценивать и другие связанные с этой комиссией обстоятельства, которые, несомненно, привлекали Виниуса: легкость информационного обмена с заграницей, расширяющего и укрепляющего коммерческие контакты, удовлетворяющего культурные потребности просвещенного человека, наличие доступа к политической информации, важное для формирования и поддержания авторитета перед властью. Возможностями заморской почты Виниус пользовался очень широко.

Он также причастен к открытию ряда внутренних почтовых линий постоянного и временного характера. Об одной из них – ахтырстой – уже говорилось.

Постоянный характер должна была иметь почта до Архангельска, учрежденная указом от 8 июня 1693 г. в связи с подготовкой поездки туда царя. Непосредственным устройством почты занимались другие лица – А.А. Виниус ездил в этом году в Малороссию и в Архангельск. Но уже 18 октября она была передана Виниусам, конкретно сыну Матвею [Вигилев, с. 148, 151, 156]. Родовое наследование почтовой службы не было чем-то новым – ранее подобная передача уже имела место в семье Марселисов. Государство смотрело на нее вполне лояльно, поскольку предпочитало не касаться львиной доли не только организационных, но и экономических аспектов дела. Многие расходы оплачивались почтмейстером из своего кармана, и не считаться с его интересами, в том числе в отношении наследования дела, было нельзя.

В 1695 г. в связи с подготовкой Азовского похода была создана новая почтовая линия южного направления. Согласно подготовленному Виниусом проекту (официально исходившему от Посольского приказа), доложенному государям в Преображенском 26 апреля, почта действовала на маршрутах, учитывавших местоположение войск. Первоначально, во время их движения, письма забирались и доставлялись по маршруту перемещения, проходившему через города Владимир, Нижний Новгород и далее по Волге. После начала боевых действий для почтарей и корреспонденции устанавливался другой путь: на Серпухов, Тулу, Новосиль, Ливны, Старый и Новый Оскол, Валуйки, далее по Дону на Черкасск [*Богословский I*, с. 216].

Поддерживать Азовскую почту удавалось с большими трудами, ее работа вызывала нарекания. Но основную свою функцию – оперативную связь войск с тылом, с московскими управлениями, от деятельности которых во многом зависел исход боевых действий, – она исполняла.

В период пребывания за границей Великого посольства особую важность приобрела работа зарубежных почтовых линий. В составе посольства находился царь – почта на некоторое время становилась главным каналом связи с ним. Отсюда дополнительные сложности: помимо обеспечения сохранности корреспонденции и нормативной скорости ее движения приходилось заботиться о защите информации. Одно из технических средств, которыми пользовались с этой целью Петр и Виниус, – симпатические чернила.

И все же состояние почты – и новых линий, и ставших уже привычными виленской, рижской – вызывало значительные на-

рекания. Нередко нарушалась регулярность отправления почт, средняя скорость перевозки была невысокой, случались утраты грамоток в дороге, они распечатывались без ведома автора и адресата. Виниус валил все на почтмейстеров, перевозивших русскую почту за границу. Но в ряде случаев обнаруживались просчеты и самого Виниуса.

В свое время именно эти недостатки явились причиной передачи почт от Марселеса к Виниусу. Теперь положение становилось все более напряженным и грозило пребыванию почт в руках Виниуса.

Попыткой устоять под шквалом все умножавшихся поручений (оборотная сторона доверия) и сохранить при этом кормившие семью почты явилась передача последних сыну Матвею. Первый шаг в этом направлении был сделан в 1693 г. при организации линии на Архангельск. А 8 июля 1695 г. А.А. Виниус добился указа о передаче сыну и почтовых линий за рубеж – рижской и виленской [*Козловский I*, с. 192]. Такая рокировка, полагал он, позволит, освободившись от текущих забот, сохранить контроль за сферой, во многих отношениях для него важной. Не последнюю роль играло и то, что удавалось пристроить сына на хорошее место.

Но расчет не оправдался. Взрослел Матвей медленно – все, на него возложенное, приходилось делать отцу. Зная последующую биографию Матвея, можно предположить, что и в детстве он был не особенно трудолюбив. Надежда, что сын выправится, разумеется, оставалась. Но все воспитание закончилось с его отъездом за границу. Получив 10–13 марта 1699 г. проезжие грамоты (до шведского рубежа и “внешнюю”), Матвей и двое его людей несколько дней спустя укатили “в Прусскую и в иные тамошние страны для совершения свободных наук” [38, л. 5, 7]. Вырвавшийся из-под присмотра и опьяненный вольным воздухом, наследник не слишком утруждал себя науками. Отец в это время надрывался под грузом забот: задыхался от избытка доверия к себе и сопряженных с этим комиссий. Почты действовали, но нарекания все множились.

Весной 1700 г. полным ходом шла подготовка к войне со Швецией. Договор об обоюдном содействии в ней еще 11 ноября 1699 г. был подписан между Россией и Польшей. Вскоре союзническое соглашение заключили Россия и Дания [*История СВ*, с. 19, 23]. Дипломатическая подготовка сопровождалась укреплением армии и связанных с ней элементов государственной машины. Потребовалось, в частности, частично реорганизовать сложившуюся систему почтового сообщения с западноевропейскими странами.

Рис. 20. Портрет Ф.А. Головина, 1706 г. (П. Шенк)

25 февраля 1700 г. Ф.А. Головин (рис. 20), неделей раньше поставленный во главе российского дипломатического ведомства [ДР IV, стлб. 1121], ссылаясь на известия, почерпнутые “во всех письмах”, писал царю о “великой осторожности” (беспокойстве), которую испытывают в Риге “от польских войск и наипаче от саксонских”. Получено было известие, “что уже начали поляки, а приписывают, что будто курфирст бранденбургский с ними ж”. Действия под Ригой могли нару-

Theodorus ALEXANDROVITZ S.R.I. Com. de Golovinin Sac. Cas. Maj. Negotiorum Minist. Imperii Moscovici Cancellor. et archichancelr.
Del. Schenk sculpsit. 1706.

шить почтовое сообщение. “Надобно теперя зделать, чтоб почта ходила на Кенисберх, – заключает Головин, – и о том говорить с Виниусом буду” [ПуБ I, № 296, с. 334, 335].

Слова Головина упали на уже подготовленную почву¹. Петр I размышлял не долго, поскольку решение казалось очевидным: восстановить доставку корреспонденции в Кенигсберг через Вильно. Об этом 29 февраля он писал бранденбургскому курфюрсту Фридриху III. Царь напоминал, что прежде такая еженедельная “звычайная” почта “для потребных и полезных обоим государствам нашим дел” существовала, но позже “на несколько время посылать была удержана” [ПуБ I, № 295, с. 333]. Действительно, в проекте устройства виленской линии, разработанном польским почтмейстером Р. Бисингом, опорным пунктом для заграничной корреспонденции значился именно Кенигсберг, где польская почта смыкалась с бранденбургской. Но, хотя путь в Западную Европу через Вильно был короче, в портовый город Ригу шла обильная купеческая корреспонденция, что делало рижскую линию более рентабельной. А линия виленская то дей-

¹ О том, что этот проект готовился задолго до назначения Головина главой Польского приказа свидетельствует письмо А.А. Виниуса сыну Матвею от 18 января 1700 г., в котором тот подробно писал о перенесении кенигсбергской почты на Вильно [Козловский I, с. 273].

ствовала, то останавливалась, в немалой степени поддерживаемая необходимостью дипломатических контактов между Москвой и Варшавой [Вигилев, с. 107, 109–111].

Наступало время, когда, похоже, большую часть европейской корреспонденции следовало направить на виленскую почту, а это требовало особого внимания к участку Вильно–Кенигсберг. Петр извещал курфюрста, что решил “той почте путь обновить”. Почта направлялась “в государство ваше... в город Королевец и в иные места” и шла от Москвы в Кенигсберг через Смоленск, Кадин, Минск, Вильно, т.е. на значительном участке через польские земли. Царь просил курфюрста приказать кенигсбергским “почтъямстерам”, чтобы те “всякие писма, и свяски, и грамотки, из-за моря присыланные”, отправляли “в свясках же по писмам московского нашего почтъямстера, столника нашего Матфея Андреева сына Виниуса, подписав к нему на городок Тилзет и на Вилню”. Петр обнадеживал заграничных почтмейстеров в отношении платы “за провоз тех писем”, заверяя, что “установленной платеж” “с весу” произведен будет [ПуБ I, № 295, с. 333, 334].

Об особом внимании к виленской линии, по которой уже в это время шла часть дипломатической корреспонденции, свидетельствуют мартовские 1700 г. письма А.А. Виниуса Ф.А. Головину. Вот два из них.

17 марта Виниус посылает “краткую выписочку” вестей, полученных через виленскую почту после отъезда корреспондента, сообщает, что в ней было письмо к государю от Андрея Артамоновича (Матвеева) и еще одно к самому Головину, вероятно от Алексея Васильева. Подводит предварительный итог проведенной работе по отладке линии: “В виленской, государь, почте, чаю, доброму быть порядку”. Ходатайствует о материальном поощрении почтмейстеров, обслуживавших заграничные – польский и бранденбургский – участки (“только хотя б малым обоих почтмайстров дачкою в Вильню и Кролевец потешить”)², но заявляет, что сам без указа царя сделать это опасается. Выражает сожаление по поводу длительного, как он полагает, выхода из строя линии на Ригу и извещает о связанных с этим убытках (“а рижская, государь, почта, мню, надолго стала, и у меня немало там дачею денег наперед пропало”) [53, л. 1].

Следующее, от 21 марта письмо тому же корреспонденту Виниус начинает опять с виленской почты – с перечисления лиц, от

² Назначение надбавок прибалтийским почтмейстерам (к тарифам на пересылку в границах России) практиковалось до 1701 г. [Вигилев, с. 112]. Оно обосновывалось дороговизной в Западной Европе рабочей силы.

которых получены письма государю (Андрей Артамонович и Карлович), после чего сообщает политические новости из письма, полученного им (вероятно, с той же почтой) от Витсена. Далее пассаж по поводу наложенного на него требования принести в приказ какие-то деньги, после чего снова о почте – на этот раз о больших расходах, с нею связанных. (“И ныне, государь, с посольских, и послаников, и берлински[х] писем плачу, и на всю почту прогоны даю. А в Риге задаточных денег болши 400 ефимков чаю, что пропали, и в том с печали сокрушаюсь”).) Вслед за этим просьба пожаловать и защитить за “верные услуги и неуклонную работу” [53, л. 3–3 об.].

Переписка Виниуса 1700 г. с царем и Головиным дает пищу для размышлений относительно эволюции неформального статуса Виниуса среди представителей верхнего слоя правящей элиты государства. Заметно, как постепенно возрастает и прежде ощущавшаяся им дистанция между ним и первой персоной, как медленно, но неуклонно убывает его былое влияние. Посланий царю за этот год сравнительно мало. В “Письмах и бумагах” их опубликовано всего два (от 31 марта и 16 апреля), и хотя их было, конечно, больше³, разница с цифрой для 1697 г. огромная. Меняется и тон. Виниус, будучи членом “компании”, и прежде не был в достаточной степени раскрепощен, чтобы разговаривать с царем как с равным (или *почти* равным), хотя Петр своим непервым местом в Великом посольстве и во Всешутейшем соборе такое общение с собой в ближнем кругу не только терпел, но и поощрял (Петр Ф.М. Апраксину, выговаривая за использованный в обращении к нему титул: “Тебе можно знать (для того, что ты нашей компании), как писать” [ПИБ I, с. 113]). Отчасти это, конечно, воспитанное культурой “вежество”, учтивость – Виниус и к равным (И.А. Мусин-Пушкин), и к имевшим меньшие чины (Н.Д. Демидов) писал кудряво, похоже, получая от этого удовольствие. Но только отчасти. Ф.А. Головину в 1700-м он пишет с такими “зельными чинами”, что формулу прощания “до земли челом бьет раб твой Андрюшка Виниус” (в сходном виде присутствующую даже если просьба письмо не содержит) воспринимаешь как характеристику, отражающую самоосознание (рис. 21). В том же послании о приложенном к нему письме царю: “Не прогневишь, мой милостивой,

³ Недошедшие до нас или невыявленные письма Виниуса Петру I упомянуты и в цитируемых нами его (Андрея Андреевича) письмах Ф.А. Головину. О приложенном “писанице” к государю упомянуто в письме от 1 марта. Два пришедших с виленской почтой письма царю вместе с “убогим моим письмишком” он отправляет с нарочным 21 марта [53, л. 1, 3].

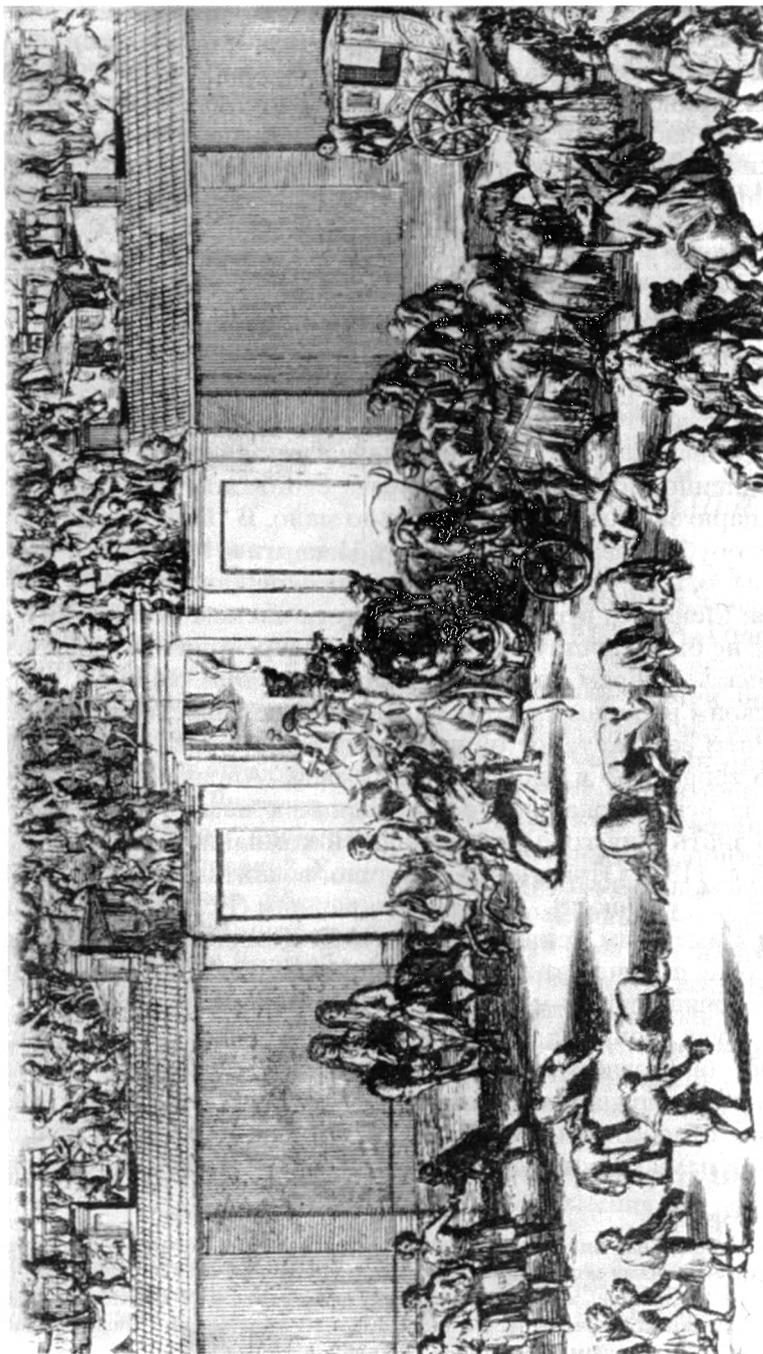

Рис. 21. Выезд из ворот московской усадьбы Ф.А. Головина. Фрагмент гравюры А. Шхонебека и учеников "Усадьба Ф.А. Головина", 1705 г.

что дерзнул по своему к тебе, государю, при отъезде твоим челобитью, к благочестивейшему нашему великому государю при сем положить мое писанище” [53, л. 1]. Понятно, что адресат – начальник, понятно, что этикет, и все же...

Приближался закат карьеры Виниуса, хотя весной 1700 г. едва ли кто ожидал отставок с занимаемых им постов. В текучке дел и планов представлялось, что, отодвинутый содержанием новых задач, несколько в тени он оказался случайно и ненадолго. Прямой контакт с царем еще сохранялся, причем большая часть дошедшей их переписки этого года относится как раз к марту и апрелю. Сохранялся и авторитет. Не случайно именно Виниусу будет поручено надзирать за восстановлением потерянной под Нарвой артиллерии.

Иной была обстановка в ноябре 1700 г., к которому относятся еще четыре письма Виниуса Ф.А. Головину. 9(20) августа, на следующий день после получения известия о заключении в Стамбуле послом Е.И. Украинцевым перемирия с турками сроком на 30 лет, Россия объявила войну Швеции [*История СВ*, с. 45]. 29 августа русские войска отправились из Москвы в военный поход; 1 октября пришли под Ругодив (Нарву) [*Желябужский*, с. 286] и осадили шведскую крепость. Тем временем шведский король Карл XII, высадившийся в союзной с Россией Дании недалеко от ее столицы Копенгагена, 7(18) августа вынудил ее (Данию) подписать Травендальский договор, по которому она выходила из союза. Карл морем направился в Лифляндию с целью помочь осажденной Августом II Риге. Помощь не понадобилась – польский король снял осаду. Шведские войска, в конце октября высадившиеся в Пернове (Пярну), двинулись к окруженной русскими Нарве [*История СВ*, с. 45, 46]. 16(27) ноября от Б.П. Шереметева осаждавшие получили сообщение о столкновении его конницы с передовыми отрядами шведской армии. 18-го на рассвете Петр покинул русский лагерь и направился в Новгород, оставив главнокомандующим армией герцога де Кроа. А 19 ноября Карл XII разбил стоявшую под Нарвой русскую армию.

Виниус в это время трудился в Москве⁴, занимаясь здесь делами по Сибири и почтам, о чем регулярно писал Ф.А. Головину. Сам генерал-фельдмаршал с 14 октября находился с войсками под Нарвой, где под его началом состояла нерегулярная конница

⁴ Что Виниус находится в столице, заключаем из деталей его писем. Он, например, сообщает, что “просить посылал в Посольской приказ к дьяком, чтоб велели отпуском сегодняшней почты (той, с которой он переслал письма Головину. – *И.Ю.*) помедлить до утрече” [53, л. 11].

[*Гистория I*, с. 83, 204]⁵. Вinius отсылал свои послания еженедельно, с очередной, отправлявшейся в 6 часов почтой.

Письмо от 8 ноября сообщает о задержке почты из Вильно, но с началом военных действий Вinius этот сбой не связывает – виновато скорее всего “препятствие” пути. “Хотя здесь снег выпал и дорога зимняя уставливается, – писал он, – однако ж в тех их странах, чаю, не такова”. Но едва Вinius запечатал свое письмо, виленская почта прибыла, и отметку о пересылке принятых с ней писем Головину Вinius сделал уже на внешней стороне сложенного конвертом своего листа [53, л. 5, 6 об.].

В следующем, от 15 ноября письме уже отчетливо (хотя и не конкретно по содержанию) звучит военный мотив: Вinius пишет о намерении “поздравити” корреспондента “приятию над неприятели победою”, желании “всех сердец” видеть “скорое и счастливое походу того... совершенство, дабы” сподобиться лицезреть “непобедимаго великаго нашего монарха, с триумфальными знаки пришедша”. Следует известие о прибытии почты из Вильно, доставившей письма из Гааги, Стокгольма и Берлина, а также очередные куранты [53, л. 7].

Два следующих письма – от 22 и 29 ноября – написаны после поражения под Нарвой. Но известие о нем, если и прибыло в Москву, то едва ли раньше 22-го, возможно, и позже⁶. В письме Вiniusа о конфузии ни слова, впрочем, пожеланий победы и выражений уверенности в скорой встрече победителей нет тоже, что настораживает. Информация из-под Ругодива отсутствует или ее недостаточно – ждут известий.

Письма последней декады ноября интересны, в частности, упоминаниями о проводившейся по распоряжению царя подготовке к изменению маршрута виленской почтовой линии.

⁵ Еще в августе, при объявлении войны, фельдмаршалу Ф.А. Головину был поручен один из полков русской армии. 24 сентября он писал к царю “из полку”, при нем же он находился 13 сентября [*ДР IV*, стлб. 1148, 1155]. Два полученных Вiniusом его письма (от 2 и 6 ноября) отправлены из-под Ругодива [53, л. 9]. С этим согласуются сведения “Гистории Свейской войны”, согласно которой с середины октября он пребывал под Нарвой (во всяком случае, почти все это время – кратковременных отъездов исключить, разумеется, нельзя). Покинул предместья Нарвы он “против 18 числа” (т.е. в самом начале дня, на рассвете), вместе с Петром, захватившим его, “первого министра у политических дел”, намеренно: по официальной версии, царь отправлялся на “свидание с королем польским по отступлении его из Риги ради совету о общих намерениях”. Между прочим, нерегулярная конница в состоявшемся на другие сутки сражении не особенно пострадала – она спаслась, переплыв реку [*Гистория I*, с. 206].

⁶ Посланное из-под Нарвы письмо Ф.А. Головина от 6 ноября Вinius получил только 16-го [53, л. 7].

Распоряжение о коррекции трассы – направлении ее в обход Москвы, от Смоленска сразу на Псков – содержалось в письме от 6 ноября, посланном Головиным из-под Нарвы. Виниус пишет о поданном им 16-го (т.е. в день получения распоряжения) в Посольский приказ письме, “о посылке великого государя грамот... что б воеводы в Смоленску, и во Пскове, и по городам, чрез которые почте из Смоленска до Пскова бежать, учинили по тому великого государя указу, как ты, государь, изволил писать: со всякою опасностию, где б от неприятелей страху той почте не было”. Непосредственно в Смоленск Виниус отправил от себя нарочного и теперь ожидает “ис Посольского приказа грамот, которых по се число не присылавали”. О реализации предлагавшегося для параллельной разработки маршрута на Псков прямо из Вильно договориться не удалось: “Тамо (в Вильно. – *И.Ю.*) почтъмагистры не взялись”. Виниус напоминает, что об этом Головину уже писал; высказывает сомнение в надежности службы, если бы даже удалось заставить ее работать: “Мню, что конечно писма бы растеряли – самому тебе, государю, известно, в какой они и к своей власти послушании”. А вот из Смоленска на Псков – “тому, чаю, мочно статься”. Проведенная им работа пока что осуществлялась по распоряжению Головина, Виниус, однако, напоминает о необходимости санкции высшей власти: “О сем деле постановления только ожидал я великого государя указу”. В заключение говорится о трудностях решения подобных задач, если они связаны с участием иностранных соисполнителей: он “с почты магистры виленскими великие труды имел, пока в порядок нынешней доброй хождение той почты дошлась” [53, л. 9, 9 об.].

В письме, отправленном неделю спустя, сообщается, что виленская почта замедлилась, “знатно” за бесснежной погодой. Не было и почты из полков. Посылать собственно нечего, в связи с чем Виниус даже обращался в Посольский приказ, просил тот не отсылать до утра очередную почту. В отношении переноса маршрута доставки (организации гоньбы на участке Смоленск–Псков) тоже ничего нового. Он напоминает, что послал в Смоленск “для установления” почты на Псков нарочного, заявляет, что “то дело, буде радение воеводское и посланнаго подьячего до Пскова в том будет, не сомневаюсь, что совершится” [53, л. 11].

В одном архивном деле с цитированными выше письмами сохранилась копия письма, поданного Виниусом в Посольский приказ 20 ноября, – того самого, о котором он упоминает в письме Головину от 22 ноября. В нем со ссылкой на распоряжение Головина (в свою очередь, ссылающегося на указ Петра), он пишет о

решении устроить виленскую почту “по прежнему... великого государя имянному указу, и уставить от Смоленска ко Пскову, или от Вильни на Псков, куда ближе и податнее, и от неприятелей безопаснее, чтоб та почта на обе стороны ходила порядочно безопасно в целости”. Ведать ее указом поручено М.А. Виниусу. Но поскольку Матвей официально “отпущен для учения в город Берлин на время”, до той поры, пока он возвратится, “хождение той почты и порядок” велено “надзирать ему, Андрею”. Сообщается о консультациях на предмет создания участка Вильно–Псков: “о переложении” той почты из Вилни на Псков было послано в Вильно к “скарбовому и генеральному почтымаистеру” Ягану Шхретиеру и его товарищу Годфриду Шалцу. Те заявили, что “из Вилни литовскими местами на Псков мимо Смоленска почты переложить не мочно”, аргументировав заключение тем, что “никогда почта тем путем не хаживала”.

Перечислены действия, нужные для запуска участка Смоленск–Псков, не зависящего от привередливых иноземных “почтымаистеров”. Необходимо отправить смоленским воеводам грамоту, которой потребовать, “что б из Смоленска послать нарочно доброго подьячего, и тому приказать, чтоб он от Смоленска до Пскова как ближе и удобняе верст по штидесять или по сту уставил перемены, и на тех переменах воеводы и приказные люди выбрали ис какова чину пристойно почтарей до самого Пскова, и тем почтарям быть всегда готовым з добрыми лошадьми по два человека, чтоб всегда были в готовности, как до Пскова, так и изо Пскова до Смоленска, чрез те места, и по тем переменам, что б те почтари перебегали в уреченные часы, смотря по дороге, как скоро возможно. И, уставя почту, приказать на всякой перемене учинить записную тетрадь, чтоб имянно число и час записали, куды и с чем которой почтарь, и в целости ль сумки, и печати записали бы. А как почта в Смоленск ис Кадина будет, чтоб, не задержав, смоленской подьячей послал на перемену первую куды уставлено будет”. Грамоту “со многим подтверждением” необходимо послать и во Псков, “чтоб у того приему и отпуску почты велел быть доброму ж подьячему, которой бы смотрел за почтарями, которые учнут медленно бегать, и в особую тетрадь учинил всякому отпуску и приему подлинную записку, в котором числе и часу которой почтарь имянем из Смоленска по переменам во Псков прибежит, и в полки послан будет, и опять в Смоленск побежит”. Сформулированы требования к поведению почтарей: “И приказали повсюду почтарям, чтоб сумки, и печатей, и ерлыков берегли, и писем не подмочили, и пьянством не потеряли, и, приехав на перемену, отдавали иному почтарю в целости ж з запискою, а приняв, опять иной побежал к назначенному перемен-

ному месту без всякой мешкоты; а которые почтари без всякой причины своим каким небережением дорогою учнет мешкать, или запиватся, или сумы и печатей повредят, и тем чинить наказанье по вине смотря”.

Подготовленные Посольским приказом на основании письма Виниуса грамоты воеводам Смоленска и Пскова были посланы туда по почте. В них, в соответствии с его предложениями, было “велено о постановке почты от Смоленска до Пскова и до полков, не занимая Москвы, и ото Пскова до Смоленска по дороге на указных местех, верст по штидесят и по сту почтарей поставить по два человека з добрыми лошадми, и гонять им с тою почтою по той дороге с великим бережением наскоро” [53, л. 13–15 об.].

Но совместные усилия Виниуса, Посольского приказа и городских воевод по подтягиванию конечной точки маршрута заморской почты к театру военных действий оказались, похоже, напрасными. Под текстом изложенного выше документа стоит помета, содержащая новое распоряжение по этому вопросу: “Гонять по прежнему на Смоленск и к Москве, и о том сказать там почтъмайстеру”. Это новое распоряжение было послано с почтой 5 декабря [53, л. 15 об., 16].

Вернемся, однако, к письму Виниуса от 22 ноября, содержащему неприметную на общем фоне фразу: “А купетских людей грамотки, как ты, государь мой, приказывал, велел для отдачи им посылать к Москве, или как о том укажешь, так и сотворится” [53, л. 9–9 об.]. На первый взгляд речь идет о действиях, исходящих из интересов получателей писем: государственная корреспонденция везется по новому маршруту (на Псков), частная отправляется в Москву. Не исключаем, однако, возможности связать этот факт с практикой досмотра корреспонденции. Именно в 1700 г., в марте, в России второй раз в истории ее почты устанавливается гласная цензура частных писем⁷. Специальным указом было велено всю корреспонденцию принимать на почтовых дворах незапечатанной, а специальным подьячим принесенные грамотки читать, выискивая в них сообщения военного характера. Отфильтрованные материалы пересылались в Посольский приказ. Ответственность за цензуру возлагалась в Москве на М.А. Виниуса, в городах – на воевод [Виги-лев, с. 199].

Гласная цензура писем за границу вводилась эпизодически. Наряду с ней осуществлялась (и, по-видимому, в более широком

⁷ Первый в России указ о гласной цензуре, как указывалось выше, появился в 1690 г.

масштабе) цензура негласная, т.е. перлюстрация. Так, в 1697 г. в Москве она производилась “у почтового приему и отпуску”, т.е., возможно, на дворе Виниуса, а также в пограничных городах – Новгороде и Пскове. Виниус последнюю не одобрял. Письмо с сообщением о жалобах иностранных купцов на то, что там, задержав доставку, распечатали “суму заморских их грамоток”, он направил Е.И. Украинцеву [37, л. 1, 3, 8], из чего заключаем, что проведение досмотра находилось, по-видимому, в компетенции Посольского приказа.

Подобные факты для почтовой службы той эпохи вполне обычны – перлюстрация широко практиковалась на почтовых дворах Западной Европы [Вигилев, с. 113]. Но приведенный эпизод весьма интересен демонстрацией того своеобразного положения, которое занимал в московской элите почтмейстер Виниус, подтверждением вероятной его связи со сферой разведки и вообще с “прикровенным” миром.

Содержание почт являлось делом ответственным и нелегким, но также и выгодным. Существовало немало завистников, которые не прочь были получить их в свое управление, отобрав у Виниуса. Добиться этого можно было, очернив их состояние под нынешним управлением. Что они, по мере возможности, и делали, тем более что Виниус очередные поводы для претензий эпизодически подавал.

Но существовало обстоятельство, неизменно работавшее против него. Официальным начальником почт считался Матвей Виниус, фактическую работу за него выполнял его отец. Из этого факта можно было заключить, во-первых, что содержание почты Виниусам, несмотря на уверения в обратном, было выгодно (раз, несмотря на неудобства, они цепко за нее держатся), во-вторых, что неполадки в ее работе связаны с нежеланием организовать дело так, чтобы оно было выгодно не только им, но и государству. В-третьих, возникала возможность любые упущения отца по служебной части объяснять занятиями почтой.

28 сентября 1700 г. ведомству Ф.А. Головина был направлен указ сообщить в Разрядный приказ (Т.Н. Стрешневу) “думного дьяка Андрея Андреева сына Вениюса сын стольник Матвей в Брандебургскую землю для учения языков ис Посольского приказу отпущон ли и, буде отпущон, в котором году, и месяце, и числе, и по какому великого государя указу” [38, л. 6]. Причина, по которой этот вопрос неожиданно заинтересовал Разряд, не ясна. После отправления Матвея в дорогу, документально вполне корректно оформленного (включая именной указ и выдачу проезжей грамоты с большой государственной печатью), прошло все-

го полтора года. Отсутствие Матвея кем-то обсуждалось, что настораживало.

В 1701 г. Матвей Вinius вместе с Вахрамеем Меллером возвратились в Москву [*Ковригина*⁸, с. 352]. Но было уже поздно. 16 марта 1701 г. царским указом почты были у него отобраны и переданы в ведение приобретавшего все большее влияние П.П. Шафирова [*Вигилев*, с. 133].

Через несколько лет в письме к Петру Вinius, вспоминая о чудовищном напряжении, в котором он пребывал в 1701 г. (“в самом огни безчисленных моих... у артиллерии трудов, по вся дни кидаяся... в Сибирскую канцелярию, в Аптеку, наипаче, яко нужнейшия, артиллерий, не точию во дни, но и в нощи работая, к походу вашего величества воск[о]ю оная готова будет...”), говорит о событии, которое “сотворися по клевете некоего вашего величества уже и... умершаго (может быть, Ф.А. Головина? – *И.Ю.*), еже Господь Бог да оставит”. Содержание этого события прямо не названо, но из его характеристики (“еже близ двадесать лет безвредно держак, питахся, кроме сказания моей вины к великой моей печали от меня отлучися”) ясно, что речь идет об “отлучении” от содержавшейся им почты. Лишение четверть века питавшего семью источника доходов было тем более болезненным, что тяжелейшими “артиллерийными трудами” Вiniusу пришлось заниматься без жалованья [148, л. 197].

Вinius и тогда и позже горько сожалел об отстранении от почты. Поначалу он пытался поправить дело оправданиями и уговорами.

“Но в тех, государь, трудех, – писал он царю 8 апреля 1701 г., – мое сокрушается сердце незапным отъятием заморской почты, которою вседневной имел есмь хлеб. О ней же не толико скорблю (о всем буди воля твоя, государева), но паче опасен твоего государева гнева, на себя, аще ли же нет. Припад к твоим государским стопам, с[е] ден[н]ю молю города Архангельского почту (которою мальчика моего изволил ты, милостивейшии государь, пожаловать) до своего государскаго указу от меня не отняту быть, дондеже он в науке, где в год 300 рублей, мню, становится побудет. Не презри государь мое убогое челобитье и благоволи милостивно к Феодору Алексеевичю (Головину. – *И.Ю.*) о сем свое государское повеление приказать послать, понеже, мню, в том малой срок дан. Напомни, мой милостивый, верные мои различные труды, которые на твой милостивейшиа высокия государския обнадеживания утвердися, не

⁸ Автор говорит о приезде сына А.А. Вiniusа, называя его *Андреем*. Последнее, несомненно, описка.

лицемерно исправлял, и тех ради со многими остуду принял и клеветы ношу” [6, л. 98 об.–99]⁹.

Размышляя над обоснованностью принятого Петром решения в отношении руководства почтой, сталкиваемся с необходимостью ответить на несколько вопросов. Наиболее важными нам представляются следующие три: изменилось ли состояние почтового дела за годы управления им Виниусами? как это состояние оценивалось? в какой степени недостатки в работе службы допустимо списывать на недостатки руководства ею?

Ответ на первый вопрос после знакомства с развитием российской почты в течение четвертьвекового периода, когда во главе ее стоял А.А. Виниус, достаточно очевиден. Вполне определился с ним еще И.П. Козловский: “Почта, это великое культурное явление, до Виниуса еще была только в зачаточном состоянии, ходила только на запад; при нем пролегли почтовые дороги по всем направлениям от Москвы – в Архангельск, Азов, Киев, даже – в далекую Сибирь” [Козловский I, с. 296].

В отношении второго однозначного ответа нет. Недостатки, в той мере, в какой обращали на себя внимание, разумеется, оценивались негативно. Но не эта, негативная, оценка доминировала. Виниус неоднократно обращался с просьбами о пожаловании его за работу почты (следовательно, полагал, что достижения на этом поприще очевидны) и просимые пожалования получал. Такие факты уже приводились. Напомним один: перевод поместья в вотчину в 1688 г. за работу почты при подготовке “Вечного мира”. Перед нами яркий пример того, как Виниуса жалуют “за ево прилежную и радетьельную у почтового дела службу, и за отсылку великих государей грамот к польскому королю, и к иным великим государем, и протчих великих государей дел и грамот к послам, и посланником, и в приеме и скором дохождении посолских посланничьих и резидентов писем, и отписок, что те великих государей грамоты и всякие... обоих стран великих государей и королевского величества польского писма доходили имянно и некоторые в дороге не истерялись” [56, л. 8].

⁹ Это письмо Виниуса, цитирующий его С.М. Соловьев согласно приписке на нем датирует 8 апреля 1705 г. [Соловьев VIII, с. 323]. Но в нем говорится о вещах, которые не могут быть отнесены к этому году. Виниус, в частности, огорчен “незапным отъятием заморской почты”. Он умоляет царя “города Архангельского почту (которую мальчика моего изволил ты... пожаловать)... от меня не отняту быть, дондеже он в науке” [6, л. 98 об.]. И почта была отобра-на, и сын Виниуса находился за границей не в 1705 г., а в 1701-м. При ознакомлении с оригиналом, сохранившемся в РГАДА, в фонде Кабинета Петра I (отд. 2, кн. 4), обнаружилось, что последняя цифра в числе (Е) смазана, и в принципе знак может быть прочтен и по-другому.

И все же недостатки имели место: почта запаздывала, случались утраты корреспонденции (в том числе, кражи) и т. д. В какой мере они были обусловлены ошибками организационной природы? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Практически всегда непосредственным виновником инцидента являлся не московский почтмейстер, а другие лица – ему подчиненные (в России) или контрагенты (за границей). В некоторых случаях часть вины при желании вполне можно было переложить и на Виниуса. В конце 1690-х – начале 1700-х годов, когда, с одной стороны, требования к качеству работы коммуникационной сети возросли, с другой, – усилились попытки отнять у Виниуса “хлебное” дело, акцентировалось внимание к сбоям, вина за которые возлагалась теперь преимущественно на Виниуса. Показательно, однако, что произведенная царем кадровая замена ни только не улучшила – напротив, ухудшила положение. Козловский, обратив внимание на то, как после ухода Виниуса “пострадал Аптекарский приказ”, замечает: “То же случилось с почтами и Сибирью. Развитие первых надолго замедлилось; сибирские дороги запустели, и сношения по ним стали прекращаться” [*Козловский I*, с. 296]. Не произошло рывка вперед и в состоянии почтовых линий центра Европейской части России и “заморских” почт.

Отстранение Виниуса от почт явилось первым отчетливым свидетельством начала заката его карьеры.

Делами по почтовому ведомству деятельность Виниуса на излете XVII в. и в начале нового, XVIII в., не исчерпывалась. Останемся на некоторых его занятиях этого времени, само разнообразие которых демонстрирует, с одной стороны, обширность профессиональных знаний и способностей А.А., с другой – оценку этих способностей Петром, долгое время полагававшим, кажется, что границ компетенции думного дьяка не существует.

8.2. Снова в Аптеке

Аптекарский приказ при Петре Великом – учреждение, при всем сходстве с тем, каким оно было при его отце и брате, все дальше эволюционирующее в направлении обеспечения нужд народного здравоохранения. До здоровья большей части подданных руки, разумеется, у его служащих не доходили. Но обеспечение нужд армии – дело и раньше приказу не чуждое, выросло теперь в важнейшую его обязанность.

Учитывая опыт работы Виниуса в Аптекарском приказе и ответственность задач, порученных этой структуре, Петр вскоре после начала Северной войны снова ставит Виниуса во главе

Аптеки¹⁰, не освобождая при этом ни от одного из прежних поручений.

“Окладная именная книга, какова учинена великого государя в Ближней канцелярии по ведомостям ис приказов 701-го года...” позволяет поименно познакомиться с теми, с кем пришлось работать Виниусу после его возвращения в Аптекарский приказ. В указанный год жалованье выдавалось следующим штатным его служащим: одному приказному дьяку, 8 докторам, 8 аптекарям (еще один служил без жалованья), 9 лекарям-иностранцам, еще 9 лекарям польской и русской “породы”, 1 окулисту, 1 переводчику, 3 подъячим Верхней и 2 Нижней аптек, 17 лекарского дела ученикам, 3 костоправам, 5 костоправного дела ученикам, 3 истопникам, 1 огороднику, 1 “глиняных судов мастеру”, 8 сторожам (поровну Верхней и Нижней аптек), 3 аптекарским работникам, 6 огородным работникам (круглогодичным и летним), “спиртовому перепусчику” Нижней аптеки, 2 травникам и еще не менее 17 служащим, профессию которых установить не удастся вследствие дефектов текста источника [8, л. 103–118 об.] – всего, таким образом, у Виниуса в это время было не менее 110 подчиненных¹¹.

Хотя специфика работы в Аптекарском приказе Виниусу была знакома хорошо, на результатах его деятельности сказывалась перегруженность другими работами. В ситуации, когда многое неизбежно приходилось передоверять подчиненным, особое значение приобретали отношения с приказным дьяком, первой опорой Виниуса в приказе. А вот они как раз и не сложились.

Место в Аптекарском приказе, освободившееся после ухода из него Виниуса в 1689 г., не позднее 19 сентября этого года занял дьяк Иван Протопопов [*Богоявленский*, с. 16]. С него же начинается перечень служащих приказа и окладная книга 1701 г.: “Дьяку Ивану Протопопову 230 рублей; а з 203-го (1694/95 г. – *И.Ю.*) году велено быть дьяком 2-м человеком, а жалованья давать из вышеписанного оклада пополам, по 115 рублей человеку; а ныне в том приказе дьяк 1 человек” [8, л. 103]. Таким образом, хотя Протопопов получал прежнюю сумму, она соответ-

¹⁰ 25 сентября 1698 г. “Оптекарскую Палату” было велено ведать думному дьяку П.Б. Возницыну [*ДР IV*, стлб. 1087], хорошо известному Петру по Великому посольству. Но он задержался за границей, представляя русскую дипломатию на Карловицком конгрессе (за хлопоты в связи с пожалованием Аптеки в ноябре 1698 г. он благодарил оттуда письмом Ф.А. Головина). Возницын покинул Карловицы 24 января 1699 г.; задержавшись в Вене, до Москвы добрался в начале лета и сразу же уехал в Азов к царю [*Гринеvский*, с. 70, 162, 177]. Без него приказом, очевидно, управляли оставленные без перемены дьяки.

¹¹ Приведенные данные, вероятно, неполны: источник имеет утраты.

ствовала работе на две ставки, и такое совмещение в любой момент могли отменить. Что, похоже, и произошло, когда Протопопова сменил дьяк Иван Невежин. Позднее, при разборе претензий к работе приказа, последний вину за несвоевременные закупки лекарств переложит на Виниуса: обо всем ему он докладывал, но начальник ничего самому ему покупать не велел. Виниус все это опровергнет, сославшись на личную обиду дьяка: “Дьяк де Иван Невежин, и подъячей Леонтей Матвеев (подтвердивший слова Невежина. – *И.Ю.*) про то сказали ложно, и в том бы им государь поверить не указал, потому что дьяк просил у него, Андрея, себе жалованье великое, что преж сего было двум человеком дьяком, то бы все учинить ему одному, и в том ему он, Андрей, отказал, а велел выдать на полгода против одного дьяка Ивана Протопопова, да он же де, Иван, и в памятях вымышлял ему, Андрею, з ближними людьми ссоры” [*ПуБ II*, с. 494]. Трудно судить, правильным ли было решение Виниуса, но фактом остается то, что Невежин, получавший вдвое меньше того, что, как он полагал, ему надлежит, считал себя сильно обиженным. При такой правой руке надеяться на слаженную и эффективную работу не приходилось.

А именно такая требовалась в условиях военного времени. Запущенная в августе машина войны сразу же втянула в себя вместе с другими учреждениями и Аптекарский приказ, многократно умножив требования к его персоналу и руководству. В первый же, “Новгородской поход”, как именуют его Дворцовые разряды, из Аптекарского приказа в 1700 г. были отправлены “дохтур 1 человек, аптекарь со ученики и с лекарствами, лекарей 17 человек, костоправов 2 человека, сторожей у лекарств 1 человек” [*ДР IV*, стлб. 1154].

По мере того как война затягивалась, Виниусу все с большим трудом удавалось обеспечивать потребности войск. 19 марта 1703 г. из Шлиссельбурга Петр писал Ф.Ю. Ромодановскому о грехах Виниуса: о “великой недовозке артиллерии”, о том, что “из аптеки ни золотника лекарств не прислано”. Царь был настроен более чем решительно: “Того для принуждены будем мы тех лечить, котория то презирают” [*ПуБ II*, № 500].

Уже 14 апреля Ромодановский сообщил Петру, что по полученному им 5 апреля распоряжению, “за чем та Оптека замешкалась и не выслана была, о том” он “допрашивал Андрея Виниюса, Ивана Терманта, и Оптекарского приказу дьяка и подъячих и оптекарей” [*ПуБ II*, с. 488]. На допросе в Преображенском приказе Виниус утверждал, что “лекарства по росписям, каковы подавали дохтуры и лекари, отпущены безпорно”. Задержки он списывал на одного из приказных докторов, Ивана (Иоганна)

Термонта (или Терманта), который, обещав ехать в “поход государя”, из-за болезни не поехал, а сундук со своими лекарствами отсылать без него не разрешил. Термонт показал иное; не в пользу Виниуса говорили и Невежин с Матвеевым. Споры вокруг злополучного сундука убеждали в одном: добиться надежного управления в подчиненной структуре Виниусу не удалось. Соответственно и оправдаться ему удалось не вполне. Виниус, однако, подчеркивал, что давно уже “со слезами” бил челом государю, чтобы тот “для премногих на нем, Андрее, положеных дел в Сибирском, а наипаче в приказе Алтилерии многотрудных дел указал ту Оптеку приказать мимо ево, Андрея, иному” [*ПиБ II*, с. 489–495]. Оставалось надеяться, что оправдания будут приняты, а отставка дана.

Сам Виниус, судя по всему, невысоко оценивал свои достижения за этот период работы в Аптекарском приказе. Составляя в 1703 г. “Сокращенное объявление прибыточным полезным делам”, которые были “учинены” им на службе за последние годы, он включил в него сведения только по Сибирскому приказу и Артиллерии, заслугами в которых полагал возможным гордиться. То же – и в одном из писем из Голландии (от 16 ноября 1706 г.), содержащем еще один список достижений, и здесь Аптека не выпячена [*ПиБ V*, с. 717–723]. В другом автобиографическом по материалу письме этого периода (второй половины 1707 г.) об Аптеке он упоминает однажды: вспоминая о чудовищном напряжении 1701 г., когда он, “в самом огни безчисленных... у артиллерии трудов” “по вся дни” кидался от них “в Сибирскую канцелярию, в Оптеку” [148, л. 197].

В личном отношении Виниуса к Сибирскому и Аптекарскому приказам была огромная разница. В сложившейся обстановке к заведыванию Аптекой Виниус не испытывал склонности – он занимался ею не столько от души (как Сибирью), сколько исполняя задание. На допросах у Ромодановского в 1703 г. он говорил об этом вполне определенно: “И ныне, как ему, Андрею, государь ту Оптеку ведать указал, и он, Андрей, ему, государю, бил челом со слезами, чтоб для премногих на нем, Андрее, положеных дел в Сибирском, а наипаче в Приказе алтилерии многотрудных дел указал ту Оптеку приказать мимо ево, Андрея, иному, кому он, государь, изволит. И ныне о том же он, Андрей, ему, государю, бьет челом, потому что и те два приказа ему, Андрею, носить zelo трудны; а в том Аптекарском приказе от дохтуров, и дьяка, и подьячих, и аптекарей он, Андрей, опасен на себя таких же напрасных наветов” [*ПиБ II*, с. 495]. Но отсутствие ярких удач на данном поприще списывать на скрытый саботаж Виниуса нет никаких оснований. Он добросовестно делал то, что мог.

Подведем итоги. Виниус был направлен в Аптеку в первую очередь благодаря репутации умелого управленца, помимо прочего обладавшего опытом работы в данном учреждении. Наличие последнего несомненно помогло ему максимально быстро войти в курс дела, но не будь его – освоился и без него.

Следующее данное Виниусу поручение к сфере управления отношения не имело. Он был включен в группу, членам которой предстояло продемонстрировать себя в качестве законовевов и законодателей.

8.3. Палата об Уложении

Создание на основании царского указа от 18 февраля 1700 г. Палаты об Уложении – временного учреждения (комиссии) с целью подготовки обновленной версии общероссийского законодательного свода (каковым оставалось Соборное уложение 1649 г.) – и включение в эту Палату А.А. Виниуса [ДР IV, стлб. 1119] открывает перед исследователем интересную возможность наблюдать его еще в одной области деятельности – сфере правового творчества. Прежде Виниус уже приближался и даже соприкасался с подобной работой: будучи начальником Сибирского приказа, принимал непосредственное участие в подготовке многих указов, издававшихся этим ведомством. Но только в 1700 г. впервые оказался в составе законосоветательной комиссии, занимавшейся столь ответственной работой, как кодификация существующего законодательства.

К работе в Палате был привлечен 71 человек, не считая подьячих. В ее состав входили бояре, окольные, думные дворяне, думные дьяки (каждого чина по 3 человека), 50 стольников, 3 простых дворянина и 6 дьяков из приказов [ДР IV, стлб. 1118–1119; Латкин, с. 2–3]. Первое заседание палаты состоялось 27 февраля 1700 г., последнее – 14 ноября 1703-го.

Какое место мог занимать (и занимал объективно) Виниус в этом многочисленном и разношерстном коллективе? М.М. Богословский весьма позитивно оценивает целесообразность привлечения Виниуса к решению задач, поставленных перед комиссией: “Умный, образованный человек, заботливый, энергичный и разносторонний администратор, с большим опытом и большими знаниями, Виниус мог быть очень полезным членом Палаты об Уложении” [Богословский IV, с. 201]. Не согласиться с этим невозможно. Но оказался ли он полезным в той степени, какую от него ожидали? Опираясь на существующие исследования, уверенно ответить на *этот* вопрос возможным не представляется.

Обдумывая его, следует прежде всего отметить, что проводившаяся Палатой работа на протяжении всего времени ее существования носила в значительной степени технический характер. Законы Палата не изобретала – она их “сводила”, т.е. создавала компилятивный текст, причем при различии трактовки того или иного законоположения в Уложении и новоуказных статьях действовала единообразно: предпочтение отдавала более поздним текстам. Чтобы качественно выполнить эту работу, разумеется, нужно было знать законодательство и иметь представление о практике его применения, нужна была настойчивость в выявлении действующего правового материала (стремление не упустить ни одного сколько-нибудь важного указа, притом что выявить и получить их из ведомств в полном объеме было крайне трудно), нужен был определенный навык работы с законодательными текстами. Но юридическая фантазия и воля здесь не требовались – законоположения вырабатывались из уже существующих на основе четкого алгоритма.

Неудивительно, что эту важную, требующую высокой квалификации, но не слишком творческую задачу решали в основном прикомандированные к Палате из разных приказов дьяки и старые подьячие, о чем однозначно свидетельствует весь сохранившийся комплекс наработанных Палатой документов. В них – имена этих дьяков, конкретные плоды их работы (материалы частей текста перерабатываемого Уложения), технология этой переработки в ее мельчайших деталях.

А что же высшие должностные лица в ее (Палаты) составе? В целом положение с ними значительно менее ясно. Характерно, что даже имени официального главы Палаты мы не знаем. Считается, что им был боярин кн. И.Б. Троекуров – но именно считается: основанием для заключения является деятельность последнего, какой она предстает из делопроизводства Палаты. Персональная роль прочих лиц, в том числе высоких чинов, довольно туманна, во всяком случае, она из делопроизводства отчетливо не выявляется. Это в полной мере касается трех думных дьяков, входивших в состав Палаты: Г.Ф. Деревнина, Л.А. Домнина и А.А. Винуса – “опытных и знающих приказных дельцов”, как их совокупно охарактеризовал М.М. Богословский [*Богословский IV*, с. 198].

Обремененные другими делами, сотрудники Палаты часто пропускали ее заседания. Так, по данным о семи заседаниях Палаты, проведенных в период с 19 мая по 11 июня 1701 г., из трех думных дьяков участие в них принимал только один (Л.А. Домнин), и тот – только однажды (19 мая). Это данные нельзя, разумеется, распространять на весь период существования Палаты.

И все же они весьма показательны. “Прогулы” сотрудников носили массовый характер. В.И. Латкин справедливо связывает их с тем, что начало работы Палаты относится ко времени подготовки Северной войны. А продолжение и окончание, добавим, – к первому, наиболее трудному периоду ее. Он указывает на поручение, данное в это время царем Троекурову (“на Москве на Государевом дворе быть и дела ведать, какие прилучатся”), отмечает, что на Виниуса “возложено было изготовление артиллерийских снарядов” [Латкин, с. 3]. Сам царь особого внимания к работе Палаты не проявлял – даже в Москве, где в Расправной и Ответной кремлевских палатах она заседала, появлялся он в это время редко. Другие дела настолько занимали его, что даже в переписке с сотрудниками Палаты связанная с ней тема почти не звучит.

При таком невнимании к работе со стороны ее непосредственного заказчика, при подчеркнутом его внимании к другим делам, порученным тем же исполнителям, дело и не могло развиваться по-другому. Более половины состава Палаты на заседаниях неизменно отсутствовало, и высоким чинам это сходило с рук¹². Дело шло медленно и преимущественно благодаря методичному труду квалифицированного, но имевшего малые чины канцелярского персонала. Отсутствие в трудах Палаты персонального следа Виниуса – прямое свидетельство сравнительно невысокого фактического ее статуса (каким он сложился в процессе работы), одновременно свидетельство высокого неформального статуса Виниуса, наличия у него множества других, более ответственных поручений государя. До очистки ли от противоречий законов было Виниусу, когда от него, главы Артиллерийского ведомства, ждали пушек, от него же, главного аптекаря России, – присылки лекарств...

Констатируя в целом не слишком большое внимание со стороны Виниуса к порученной ему работе в Палате, можно, впрочем, указать на одно исключение – написания Виниусом предисловия в новому Уложению. Оно было заслушано на заседании от 10 мая 1700 г. Но данный факт относится к самому началу работы “уложенной” комиссии – позднее, когда стало очевидным угасание внимания к ней со стороны царя, отошел от активной работы и Виниус. Остается сожалеть, что в материалах Палаты (частично опубликованных Д. Поленовым) не сохранилось текста этого документа. Было бы интересно ознакомиться со взглядами Виниуса по вопросам, которые в нем были отражены

¹² Младший персонал за нерадивость, напротив, наказывали, что понятно: ведь именно он фактически делал дело, за которое начальствующим лицам предстояло отчитываться.

и, разумеется, попытаться оценить качество текста в контексте развития истории отечественного права. Без этого факт его составления свидетельствует, в лучшем случае, об активности Винуса (см. [Богословский IV, с. 201]) – любые другие его (данного факта) квалификации представляются заведомо преждевременными.

Остается гадать, полагал ли Петр, вводя Винуса в состав комиссии, что последний и в этой сфере обладает знаниями, выходящими за среднестатистические границы. Возможно и полагал, но осознавал ли, что при загруженности того прочими поручениями серьезно заняться законотворчеством он не сможет? Впрочем, большинство прочих ее членов тоже без поручений не сидели. Это обстоятельство явилось, думаем, одной из причин столь обширного списка делателей. При Алексее Михайловиче присутствие импровизированного приказа, который должен был подготовить текст нового Уложения, состояло всего из пяти человек. И текст был подготовлен. А в многолюдной петровской комиссии аналогичная работа являлась для всех побочной – и, как результат, дитя у семи нянек оказалось без глаза. Законотворческой работой занимался в основном технический персонал. Не в этом ли одна из причин неудовлетворенности Петром плодами трудов Палаты об Уложении?

8.4. “Надзиратель артиллерии” между “первой” и “второй Нарвой”

19 мая 1700 г. был объявлен указ “всякие дела, которые дела были в Пушкарском приказе, ведать генералу артиллерии царевичю Александру Арчиловичю” [ДР IV, стлб. 1133; Чернухин, с. 86]. Ровно через шесть месяцев, 19 ноября, в сражении под Нарвой (рис. 22) имеретинский царевич попал в плен.

В ночь после сражения к шведам был послан генерал-майор И.И. Бутурлин, просивший, чтобы оружие на другой день “было удержано” и российские войска могли свободно отступить. Обещание было дано: по рассказу Поденной записки, “генералы швецкие по повелению королевскому в присутствии самого короля дали слово, что российскому оставшему войску свободно наутре отступать со всем ружьем и з знаменами, толко без артиллерии”. Некоторое время спустя русские генералы были призваны к королю, который собственным словом подтвердил решение. “И притом от нашего генералитета требовано было всей артиллерии, которую шведы взяли в шанцах, и король сам сказал: что де артиллерия ваша у нас уже за спиною, и отдать не надлежит. Против которого его королевскаго ответу просили паки, хотя б одни

полковья пушки велел отдать. Против чего сказал последнее и обещал отдать ис полковых пушек только 6, однако ж после и тех не отдали” [Гистория I, с. 207].

У неприятеля осталось пушек: больших 63, в том числе кар-таунов и 30-фунтовых 4; 24- и 18-фунтовых 26; 12-, 10- и 6-фун-товых 33. Мортир 3- и 2-пудовых 25, гаубиц пудовых 7, полковых пушек 3-фунтовых 50¹³ [Гистория I, с. 209].

Так российское войско лишилось всей артиллерии, которая была с ним под Нарвой.

Как была восполнена утрата, хорошо известно. По словам той же “Гистории”, “по прибытии ево государевом на Москве выдан указ, чтоб собрать часть колоколов со всего государства з знатных городов от церквей и монастырей для делания пушек и мартиров. Что чрез ту зиму и исправлено, и зделано пушек бреш-штыкен 100, полевых 6- и 3-фунтовых 143, итого 243; мартир 9-ти пудовых – 6, 3-пудовых 6, итого 12; гоубиц болших 13 (и по весне та артилерия отпущена в Новгород)” [Гистория I, с. 210]¹⁴. Потери не были компенсированы полностью, но результаты сделанного в целом впечатляют.

При помещенных в “Гистории Свейской войны” сведениях не упомянут к тому времени отошедший от дел гражданский человек, которому российская армия в определяющей степени обязана восстановлением артиллерии, потерянной ее военными. Им был А.А. Виниус, назначенный исполнять обязанности захваченного с пушками генерал-фельдцейхмейстера. Поскольку должность за пленным была сохранена, для Виниуса изобрели особую. В письме от января 1703 г. Петр I обращается к нему, называя “господином надзирателем а(р)тилерии” [Либ II, № 487]. Это словосочетание закрепилось в литературе и нередко используется для обозначения его должности по артиллерийскому ведомству.

Напряжение, в котором создавалась новая артиллерия, рисует переписка Виниуса и Петра I. Одна из проблем, требовавшая немедленного решения, – найти в необходимом количестве крас-

¹³ В тексте не сказано прямо, что перечислены утраченные пушки. Но сведения приведены сразу после списков убитых и плененных офицеров, в связи с чем логично и их отнести к потерям. Кроме того, в одной из редакций вместо этих данных оставлено чистое место с пометой А.В. Макарова: “Написать число пушек, сколько было и пропало” [Гистория II, с. 28].

¹⁴ Приведенные данные, возможно, не вполне точны – во всяком случае, этого не исключали авторы “Гистории”. В одной из редакций против приведенного абзаца сохранилась карандашная помета А.В. Макарова: “Трехпудовых написано мало и для того оставить место”. Помета в другой рукописи разъясняет, о каких именно орудиях идет речь: “Справитца о мортирах трехпудовых” [Гистория II, с. 30].

ную медь, без добавки которой невозможно использовать медь колокольную. Ее поставка была возложена на должностных лиц системы городского управления – бурмистров (бургомистров), приказывать которым надзиратель артиллерии права не имел – лишь посылал им памяти и жаловался при задержках Петру (28 марта 1701 г.: “Прилежно молю об указе бургомистрам, чтоб радательнее исполняли по памятям Пушкарскаго приказа: от них остановка многая” [ПуБ I, с. 851]).

29 апреля Виниус сообщал новости по поводу артиллерии, жаловался на “неискусство” мастеров, извещал о поставках металла (“и колокол в приеме по се, государь, число с 34000 пуд”), обращая внимание на связанные с этим проблемы (“красной меди бургомистры не присылают, а колоколная медь в пушки без той не годна”) [ПуБ I, с. 852–853].

Уже к концу мая можно было рапортовать об успехах: “Об артиллерии тебе, государю, буди известно: ныне в готовности пушек число немалое, болши 30 болших на поле стоят прострелены и новыми пушкарями обрелись зело целны; а полковых 3 фунтовых готово болши 50”. Работа, несмотря на трудности, продолжалась: “К тому, государь, люди приставленные плохи, и пьянства и глупости ради многое являют несовершенство во всем. Мартьян своего ради пьянства от своего дела отлучился и скрылся, Крейдер не может уже 4 недели сердечник вынять, а протчие, хотя как ни бью, пьяни, опричь одного Семена Леонтьева. Колоколной меди собрано близ 40000 пуд, и с пушечною и с красною нынешние остальные фурмы чаю вылить; а вылито, государь, всех болши 110 пушек, толко в них упаль, за неискусством майстеров будет” [ПуБ I, с. 855–856].

Брешь, пробитая под Нарвой в обеспеченности российской армии артиллерией, была залатана. Виниус, получая сообщения о первых победах русских войск, не без основания видел и свой в них вклад. Побеждала его попечениями возрожденная артиллерия, стрелявшая его же порохом. Заслуги казались ему настолько очевидными, что он не стеснялся напомнить о них даже царю. Мы еще приведем его высказывания на этот счет, относящиеся к 1706–1707 гг. Ограничимся пока ссылкой на письмо Петру от 8 декабря 1702 г. из Верхотурья, в котором он писал о “победительной силе”, которую Господь “даровал нашей новой, слезами окропленной, артиллерии и порохам” [ПуБ II, с. 413].

Обратим внимание, что в связке с артиллерией Виниус упоминает и порох. Без него последняя бесполезна. Не случайно в “Сокращенном объявлении прибыточным полезным делам” сразу же за сведениями об успехах в отливке орудий отмечено, что

“порохи учили ныне делать за крепким смотрением лутче” [ПиБ V, с. 721]¹⁵.

Лихорадочное напряжение, в котором работало ведомство Винуса, можно было, казалось, теперь ослабить. Но война продолжалась, требуя новых пушек и множества вещей, нужных, чтобы они стреляли. Утомленная долгой работой в форсированном режиме машина стала давать сбой.

К началу 1703 г. относятся несколько царских писем Винусу, твердящих об одном – железе, артиллерии, боеприпасах. 30 января Петр требовал посылки артиллерии (рис. 23), 10 и 19 февраля из Воронежа приказывал прислать большую часть имевшегося в Москве уральского железа и изделий из него (в том числе ружей). Тогда же (19-го) царь требует незамедлительного приезда Винуса в Воронеж.

Постепенно нарастало недовольство результатами деятельности Винуса-надзирателя артиллерии. В уже цитировавшемся письме от 19 марта 1703 г. Петр первым делом требует от Ф.Ю. Ромодановского разобраться с “великой недовозкой артиллерии”. “Изволь его допросить, – требует царь, – для чего так делается такое главное дело с таким небрежением, которое тысячи его головы дороже” [ПиБ II, № 500].

Допросы Винуса и упомянутых в его объяснениях лиц (полковника Ягана Гошки и “алтилерского дьяка” Лариона Протасова) были проведены 6 апреля 1703 г. [ПиБ II, с. 495–505]. Винус сообщил, что не обо всех распоряжениях царя был своевременно уведомлен. Но пока он находился на Урале, роспись, составленная Я.В. Брюсом и Гошкой, уже исполнялось: что было налицо – отпускал под роспись голова Иван Башмаков. Меньше чем требовали, отправлено было боеприпасов – но виноваты в этом заводчики, выполнившие обязательства не в полном объеме¹⁶. Мало прислано трубок¹⁷, но их подряжался делать сам Яган Гошка,

¹⁵ Одним из поставщиков пороха в казну выступал Е. Избрант Идес, о подряде которого в “несколько тысяч пуд” Винус писал Петру 29 апреля 1701 г., прося переадресовать поставку с Воронежа на Новгород [ПиБ I, с. 853]. С 1703 г. Избрант Идес арендовал пороховую мельницу на р. Яузе, основанную некогда Бахерахтом [Amburger 1957a, S. 203]. Ему она досталась на время, пока шло разбирательство жалобы А.А. Винуса на прежнего ее арендатора – Р. Мейера [Ковригина, с. 194].

¹⁶ “И для тех запасов недостаточных, – сообщил Винус, – как на Воронеже государь мне быть указал, и я на заводы заезжал, и с прикащиком боярина Лва Кириловича виделся, и спрашивал у него, для чего припасов мало, и медленно присылают; и он сказал: зимы де ничего ни дороги на Украине нет, и руды девяноста верст возить за бездорожицею немочно, а запасной де руды готовой нет, и затем литье остоновилось” [ПиБ II, с. 501].

¹⁷ Видимо, о них в конце февраля 1703 г. писал Петру Б.П. Шереметев: “Ныне же вновь делают медные трупки, в чем гранодирь фитиль носят” [ПиБ II, с. 475].

Рис. 23. Петр I. Середина XIX в. (Г. Дюпон с оригинала П. Делароша)

который “с Москвы ныне не едет”. Упрек по поводу трубок открыл шлюз потоку взаимных обвинений Виниуса и Гошки, составляющих большую часть протокола допроса. В вину Виниусу при этом была дополнительно поставлено неисполнение поставки в Шлиссельбург припасов еще по одной росписи, “что по ней все статьи в недозове”. За Виниуса вступился дьяк Протасов: “Такой де росписи, кроме вышеписанной Яковлевой росписи Брюса, в Приказе алтилерии нет; для де того, того всего было и не готовлено”. А раз “ее нет – и сказывать про такую роспись нечево”. По поводу еще одного обвинения царя (что “мастер, которой зашрублевает запалы у пушек, по сей час не прислан”) Виниус отвечал, что об этом мастере (Филимоне Шпекле) в январе была послана грамота к Б.П. Шереметеву: “Велено ево изо Пскова немедленно послать в Шлюселбурх”. Шереметев сообщил в Приказ

артиллерии, что тот 23 января послан. “И по той ево отписке, – объясняет Вinius, – чаяли что он, Шпекла, давно в Шлюсельбурх доехал, и дело свое исправил” [*ПиБ II*, с. 495, 496, 502, 504, 505].

В целом Вinius вполне удовлетворительно оправдался перед князь-кесарем – его ответы на вопросы выглядят и основательнее, и убедительнее, чем разъяснения валившего на него все упущения Гошки. Было вполне очевидно, что некоторые претензии предъявлены по недоразумению (в вину ему вменили неисполнение работ по росписи, которой, как оказалось, не существовало). Что касается других – трудно судить, имел ли место оговор со стороны полковника, но учитывая дурные между ними отношения, исключить этого полностью нельзя. Но и очиститься в полной мере Вinius не сумел – сам факт конфликта с Гошкой можно было ставить ему в вину: от него ждали не склок и разборок, а пушек по списку и лекарей с набитыми лекарствами сундуками.

Репутация была подпорчена. Впрочем, ситуация не казалась еще критической. Расследования по подозрению в злоупотреблениях в отношении окружавших Петра его “птенцов” проводились часто, став характерной чертой той эпохи. И далеко не каждое из них заканчивалось отстранением провинившегося, еще реже – более крутыми мерами. Не ожидал серьезных последствий и Вinius. Во всяком случае, уходил из Преображенского приказа он, вероятно, в уверенности, что дал ответы, его реабилитирующие. Полагаем, что и перед Ромодановским недоброжелателям скомпрометировать его не удалось – не исключаем даже, что тексты допросов при их редактировании были по возможности сориентированы на обеление Виниуса.

Но силы, заинтересованные в отстранении Виниуса от власти, использовали физическую удаленность его от царя (тот воевал и строил корабли, Вinius обеспечивал эти занятия железом, порохом, пушками, лекарствами, деньгами) и продолжали настаивать против него монарха. Добиться успеха скоро удастся А.Д. Меншикову.

Подведем итоги. Подобно ситуации с Аптекой, на спасение артиллерии Вinius был брошен в первую очередь благодаря установившейся за ним репутации умелого управленца. Успеху содействовало наличие у него опыта и некоторых знаний в области металлургии, в частности литейного дела, – они несомненно помогали ему быстро находить наиболее эффективные решения, избегать ошибочных. Из опиравшегося на эти знания тяжелого труда, а вовсе не из горестных причитаний и колокольного звона была возрождена потерянная под Нарвой русская артиллерия. Немного было в России того времени людей (Брюс?), от которых

можно было бы ждать столь же блестящих результатов на этом поприще, как достигнутые Виниусом.

Тем более горько видеть, что неувязки, в своем большинстве обусловленные не зависевшими от Виниуса причинами, были раздуты до вселенских размеров, скрыв от современников и потомков несомненные заслуги человека, место которого в истории отечественной артиллерии не должно быть забыто.

Даже разуверившийся в Виниусе Петр, кажется, понимал, что уж в чем другом, но в сфере артиллерии заслуг у Виниуса не отнять. Сохранение за Виниусом обязанности лить пушки после того, как распоряжением Петра 9 октября 1703 г. он был отстранен от управления не только опустылевшей ему Аптекой, но и Сибирью, благоустроению которой он отдал столько души, свидетельствует об этом вполне убедительно.

8.5. Организация школ

Организация артиллерийской школы – побочная ветвь деятельности Виниуса на посту “надзирателя артиллерии”.

Необходимость готовить отечественных специалистов в новых для России искусствах и ремеслах была осознана задолго до А.А. Виниуса – вспомним конфликты на этой почве с иностранцами-заводчиками. Осознавал ее важность и Виниус. Набор “в аптекарское научение” подданных российского государя, производившийся в годы его службы в Аптекарском приказе (1677–1689) [*Козловский I*, с. 193], осуществлялся, несомненно, не только с его ведома, но, возможно, по его инициативе.

Артиллерия существовала в России давно, но проблема подготовки русских артиллеристов оставалась весьма актуальной. В.А. Ковригина справедливо отмечает, что сведения о возникновении и реорганизациях Артиллерийской и Инженерной школ в Москве петровского времени “остаются пока противоречивыми и трактуются исследователями неоднозначно”. Обе школы, по ее мнению, явились преемницами первой Пушкарской школы, открытой на Пушечном дворе в 1698 г. якобы “под присмотром главы Пушкарского приказа думного дьяка А.А. Виниуса” [*Ковригина*, с. 335]. Но и эта версия, во всяком случае полностью, не может быть принята. Прямой связи Виниуса с Пушкарским приказом (непосредственным предшественником созданного в марте 1701 г. Артиллерийского [*Мезенцев*, с. 438]) для 1698 г. мы не обнаружили. С 6 января 1697 г. до своей смерти 2 февраля 1700 г. во главе Пушкарского приказа находился боярин А.С. Шеин [*Богословский IV*, с. 263]. Сам Виниус в упоминавшемся выше “Сокращенном объявлении прибыточным полезным делам” (1703) пи-

сал, что эти дела были им “учинены при сиденье... в Приказе артиллерии с 1701-го, всего в 2 года” [Либ V, с. 721]. Сказанное, впрочем, не исключает его участия в создании такой школы в принципе – в порядке разового поручения монарха или по своей инициативе, санкционированной свыше. Если считать школу, созданную в 1701 г. на Новом Пушечном дворе, воссозданием прежней, сгоревшей в 1698 г., то указания на последующую связь с ней Виниуса (она, “по-видимому, возродилась... при непосредственном участии в ее организации того же А.А. Виниуса” [Ковригина, с. 335]) вполне обоснованы.

Причина, побудившая его вскоре после назначения надзирателем артиллерии заняться устройством ведомственной школы, по словам Виниуса, состояла в следующем: “Некия иноземцы-инженеры”, с которыми ему приходилось по службе сотрудничать¹⁸, “великое царское жалование, неблагодарствуя, примали”, при этом сами, хотя и “немало языку рускому не были искусни”, ему (Виниусу) “непрестанно себе о придачах иногда со гразами стужали”, между тем как он подобные вопросы, “через их уговоры постановленные”, решать без санкции царя не мог. И, судя по контексту, не желал, считая претензии необоснованными. В качестве примера Виниус называет упоминавшегося полковника Гошку – его и других, пишет Виниус, “от сего сребралюбивых прихотей удерживая, великая от них приял есмь скорби” [148, л. 195, 195 об.].

В самом общем виде суть сделанного Виниусом фиксирует лаконичная формула в его письме Петру от 16 ноября 1706 г.: “...школу математическую, ради изучения рускому народу в науке инженерской, бомбардирско[й] [и] пушкарской, устроил” [Либ V, с. 719]. Эту акцию Виниус оценивал как важную свою заслугу, и писал о ней Петру неоднократно. Письма дополняют документы, частично опубликованные Н.Е. Бранденбургом [Бранденбург, прил. 19 и 20].

Школа, называемая в источниках то *математической*, то *артиллерийской (-ной)*, располагалась на Новом Пушечном дворе, где для нее были устроены специальные деревянные помещения. В учение направлялись дети пушкарей и иных чинов, от которых

¹⁸ В 1704 г. “у артиллерии” числилось 55 выезджих иноземцев разных чинов с годовым окладом жалованья 6752 руб. 28 алтын 4 деньги [Бранденбург, прил. 14]. Кроме специалистов в это число входили ученики, сопровождавшие мастеров и участвовавшие в выполнении их работ (см., напр., указ января 1703 г. “о высылке пушечного мастера иноземца Филипа Шпеклы, которой был во Пскове для зашрубливанья у пушек запалов, в Шлюсельбуурх с учениками” [Либ II, с. 504]). Так, в 1704 г. в Приказе артиллерии числились ученики, по-видимому, пушечного мастерства, француз Филипп Куленк и выходец из бранденбургской земли Тимофей Федоров; в 1707 г. – другие двое [Бранденбург, прил. 14, 11].

требовали, “будучи в тех школах”, “учиться наукам с прилежанием”. Предусматривалось жалование: “на корм” 2 деньги человеку на день, половина – на “хлеб и харч”, другая – на “кафтанишки”, “рубашенки” и обувь. Для учеников прилежных и переимчивых оно могло быть увеличено. По окончании обучения выпускникам не разрешалось покидать Москву без указа и “отлучаться” “в иной чин” [*Козловский I*, с. 719].

В “Сокращенном объявлении...”, Виниус указывает численность учащихся: “Ныне (первая половина 1703 г. – *И.Ю.*) в школе артиллерийной наукам робят 300 человек” [*ПиБ V*, с. 721]. В письме Петру 1707 г. – та же цифра: “В ней же (школе. – *И.Ю.*) от артиллерии служащих детей с 300 человек или вяцше” [148, л. 195 об.]. Документы свидетельствуют, что дело было поставлено весьма широко с самого начала. По ведомости расходов на содержание школы, с 1 августа по 28 сентября 1701 г. в нее было отправлено 180 учеников, к апрелю же 1704 г. их численность составила 300 [*Бранденбург*, прил. 20]. Приведенные слова Виниуса показывают, что данной цифры она достигла приблизительно годом раньше.

Детей учили “ручной грамоте, потом цифирю, геометри[и] и фортуфикаци[и]”¹⁹ – “основательное” научение их этим предметам позволяло надеяться, что они и “науку инженерскую могут познати” [148, л. 195 об.].

В первой половине 1703 г. Виниус, подводя предварительные итоги реализации его начинания, выражал уверенность, что если ученики будут прилежны (“к тому буде охоту и тщание”), а учителя умелы (“у самого дела приложо искусство”), проблема с кадрами окажется разрешена: “...будет доволно своих инженеров и протчие надобные люди к артиллерии” [*ПиБ V*, с. 722]. Оправдались ли эти ожидания?

Имеющиеся сведения касаются 30 человек, что, вероятно, не охватывает всех выпускников. На службу поступило 11, в артиллерийские ученики было отдано 5, в токари – 10, писари пушкарские – 2, пушечные ученики – 1, бежал 1 [*Козловский I*, с. 200]. Виниус в 1707 г. пишет о семи учениках, которые “сей науки в полтретя лета” (за два с половиной года) “достигли”. Интересны приводимые им сведения об их последующей судьбе: “их же вашим царским повелением... послал яко да... краля прускаго у са-

¹⁹ В записной книжке Петра сохранилась заметка, отнесенная публикаторами “Писем и бумаг” к 1701 г.: “Виниусу о ребятах учить немецкого языку” [*ПиБ II*, № 612 (399а)]. Считаем возможным связать ее с подготовкой кадров для приказов Артиллерийского и/или Аптекарского. Известно, что в первый период службы в Аптекарском приказе Виниус направлял учеников осваивать языки, необходимые и для общения с иностранными докторами, и для чтения специальной литературы. Аналогичная мотивация должна была действовать и в отношении артиллерийских учеников.

маго дела и военных промыслов основательным ведением инженерскую науку сию примать; но си напастем на мне нашедшим и денгам у них оскудевшим, кроме единого, иже те нужды понести невозможе умре, ...в дома своя пришли к великой радости и в посмеяние вышереченных иноземцев” [148, л. 195 об.]. “А к моей печали”, – добавляет Виниус, имевший множество неприятностей в связи с положением дел именно в артиллерии и именно от своих “неприятелей” в этом ведомстве.

После смещения Виниуса с поста руководителя артиллерийского ведомства, школу курировал Я.В. Брюс [Ковригина, с. 335]. Но и в заключительный период своей деятельности, занимаясь переводами учебной и научно-технической литературы, Виниус не забывал о нуждах молодых артиллеристов. На титульном листе переведенного им и изданного в Москве в марте 1710 г. руководства по артиллерии Т. Бринка прямо указано учебное назначение этого издания: “Описание артиллерии в ней же сокращенно написася все, еже к *начинанию артиллерийскаго ведомства*, и основания ея, хотящему у сего дела быти, ведати подобает. Зело прилично *всем хотящим от младых лет потщатися в сей науке своего искати счастья*, и как пушкарям, бомбардирам, и над теми людьми начальником искусным быти” [Пекарский II, с. 238]. Возможно, именно эту работу, “иным пушкарям и бомбандирам зело годную”, одну из тех, которые “зело к наукам удобные”, в письме Петру I 1707 г. имел он в виду, вспоминая, как “в бесчисленных суетах” сам, “никем не принужден”, “на славеноросийски язык” ее “приведох” [148, л. 196].

Организация артиллерийской школы и забота об обеспечении ее учебной литературой – на данном посту далеко не первостепенные по важности деяния Виниуса. Однако благодаря им его имя оказалось вписанным и в историю отечественного специального образования.

Глава 9. Закат (1703-1716)

9.1. Отставки

Груз обременительных обязанностей, лежавших на Виниусе, – “в трех канцеляриях труды”, как скромно именовал он ответственнейшую работу в приказах Аптекарском, Артиллерийском и Сибирском [148, л. 196] – становился все тяжелей. Полная самоотдача успеха делу уже не гарантировала: спрос возрос непо-

мерно, а силы начинали убывать: в 1703 г., к событиям которого переходим, Виниусу исполнялось 62 года.

Отправленные к Петру из Преображенского приказа протоколы допросов, 6 апреля произведенных там по поводу царских претензий к Виниусу (про неприсланные лекарства и “алтилерские” припасы), были доставлены еще до конца месяца. Не принимая упрека в “великой недовозке артиллерии”, Виниус оправдывал неполную присылку “припасов”, в частности, еще и тем, что “военным вашего величества промыслом под Канцами быти невозможно”. Пытаясь подстраховаться, он “обретех... клеветников за руками отписи, что те все припасы доведены и отданы” [148, л. 197 об.].

Возможно, в чем-то данные перед Ромодановским разъяснения Виниуса удовлетворили Петра, но далеко не в полной мере. Положение дел в Аптеке и Артиллерии, по мнению царя, было критическим, требовало немедленного улучшения.

Обращает на себя внимание короткое письмо царя, написанное 10 апреля – до получения материалов по делу Виниуса. Царь сообщает о несчастном случае: смерти доктора Лейма, утонувшего в реке. “Того для нужен доктор, – продолжает он, – как возможно нам скоряе пришлите Быдлу (Бидлоо. – *И.Ю.*) с провожатым, которой бы понуждал в дороге, также и Термонта, хотя и не скоро, только б конечно ехал; также лекаря Яна Говия и иных, которые без дела там или не у дела нужнова” [ПуБ II, № 508]. Любопытного тут много: и то, что царь знает докторов по именам, и уверенность, что часть из них сидит в приказе “без дела”. Но самое, пожалуй, интересное – имя адресата. Письмо направлено не Виниусу, которому подчинены доктора, а начальнику Разрядного приказа Т.Н. Стрешневу.

Одновременно переключается канал, по которому осуществляется управление артиллерией. В письме Б.П. Шереметева царю, относящемся к последним числам февраля 1703 г., читаем: “К тому належащему походу что надобить пушек, и всяких алтилерских припасов, и правиянту и водных суд, о том я не сведом. Изволил ты мне сам сказать, будучи под Шлисенбурхом, что изволишь *Брюсу приказать* и как то надлежит все изготовить, и для того был взят генерал Брюс и Гошка, а для запасов Емельян Украинцов; и я в том имею надежду, что вышепомянутое все будет управлено” [ПуБ II, с. 474]. “Управлено”, действительно, будет, но без “надзирателя артиллерии”, в компетенцию которого многое, Шереметевым помянутое, собственно, и входило.

Как видим, на Виниуса Петр уже не надеется, увещевать его он отчаялся и более не намерен. Демонстрируя недовольство, он меняет стиль общения с еще недавно одним из самых доверенных

своих сотрудников и собеседников. После недошедшего до нас письма, отправленного думному дьяку в начале апреля и содержавшего царскую приписку о выдаче из Сибирского приказа нужных для встречи послов мехов [*Либ II*, с. 513, 514], царь прерывает некогда оживленную с ним переписку. Ознакомившись с материалами Ромодановского, просьбу Виниуса снять с него руководство Аптекарским приказом игнорирует. Виниус, не зная, как приняты его объяснения, тревожится. Так и не получив от царя обычного прежде уведомления об очередной победе (взятии шведской крепости в устье Невы), 12 мая отправляет Петру письмо с поздравлениями. Сквозь переполняющие текст обычные для его эпистолярного стиля риторические красоты (“трепещат шведы: нападе на них паралиж” [*Либ II*, с. 538]) отчетливо слышится беспокойство.

28 июня Петр потребовал прибытия Виниуса в “новозавоеванный город Шлюссельбург, в его, великого государя, поход” [*Оглоблин IV*, с. 22]. Готовясь принять окончательное решение о служебной пригодности Виниуса, он, возможно, решил задать вопросы, в отношении которых мнение еще не сложилось. Присутствующее в указе распоряжение “Сибирской приказ во всяких делах... ведать до его великого государя указу стольнику кн. Федору Юрьевичу Ромодановскому” ничего хорошего, разумеется, Виниусу не сулило: единственное царское поручение, которое он желал бы за собой оставить, похоже, отменялось. Впрочем, появлялся шанс в личном общении с Петром снять, по крайней мере, некоторые претензии, рассеять накапливавшееся недоверие.

Спустя две недели произошло событие, ухудшившее положение Виниуса. 11 июля в Москве прошли испытания первых образцов уральской артиллерии – двух пушек Каменского завода, доставленных в столицу в январе. Одну из них разорвало на 20 кусков; чугун при осмотре оказался ноздреватым. По распоряжению царя фрагменты были посланы в Сибирский приказ для освидетельствования [*Кафенгауз*, с. 129, 133]. То, что при благоприятном результате могло явиться доказательством успеха усилий множества руководимых Виниусом людей по созданию на Урале новой горно-металлургической базы, свидетельством его умения решать сложные управленческие задачи, обернулось еще одним ударом по деловой репутации. Между тем к Москве приближался первый большой “железный караван”, везший 350 пушек мортир и гаубиц – за два дня до испытаний он прошел Коломну. 18-го стал на Москвереке у Тайницких ворот под разгрузку: орудия принимали на Пущечный двор [*Кафенгауз*, с. 131, 133]. Предстояли новые испытания и, если результаты первых еще можно было списать на случайность, новые неудачи грозили большими неприятностями.

Рис. 24. А.Д. Меншиков на коне. Фрагмент гравюры. Ок. 1707 г. (П. Пикарт)

Тем более что не дремали силы, которым было выгодно устранить Виниуса из политической жизни. Им удалось переключить разбирательство его дела на другого “следователя” – А.Д. Меншикова (рис. 24).

В конце июля 1703 г. Виниус в Петербурге. Пред ним будущая великая столица в самом ее младенчестве – городу, заложеному в середине мая, всего два месяца. Виниусу предстояло оправдываться перед первым петербургским губернатором А.Д. Меншиковым. Рассказывая о решившей дальнейшую судьбу Виниуса встрече, большинство историков (С.М. Соловьев, И.П. Козловский, Н.И. Павленко) опираются на единственный сообщающий о ней источник – письмо Меншикова Петру от 29 июля, изложенные в котором факты принимают без каких-ли-

бо сомнений. По его утверждению, Вinius, на свою беду, решил подкрепить неубедительные словесные аргументы подкупом: поднес “3 коробочки золота, 150 золотых червонных, 300 рублей денег, да в 7 коробочках золота ж и в 5000 рублех денег письмо своею рукою дал, в котором написано, что ему отдать то все, когда у него спросят, или кому приказано будет от меня в дому ево без него принять”. Меншиков немалые эти подношения принял и дал оправдательное письмо – сам же, вдогонку этому письму, отпущенному с Виниусом того же 29 июля, приватно написал Петру нечто совершенно иное: “Андрей Виниус... никакова в делех своих оправдания не принес (хотя он от меня к тому немалое принуждение имел), oprичь того, что розными во всем виды выкручивался”. Особенно возмущался Меншиков подношением: “Зело я удивляюсь, как те люди не познают себя и хотят меня скупить за твою милость денгами” [*ПиБ II*, с. 608].

Не обсуждая достоверность факта подкупа (т.е. фактически принимая его), Н.И. Павленко размышляет, почему Меншиков “удержался от соблазна”. По его мнению, Вinius слишком много ему дал – Меншиков еще не рисковал принимать столь значительные подношения. А вот сметать с пути соперников, к чему обязывало “положение фаворита”, был уже готов. Кроме того, показывая свою преданность “на административном поприще”, он “упрочивал доверие Петра” [*Павленко 1989*, с. 30; *Павленко 1991*, с. 57]¹.

Все сказанное вполне убедительно. Смущает только, что обвинения в адрес Виниуса базируются на утверждении единственного свидетеля, свидетель же, по меньшей мере косвенно, был заинтересован в дискредитации обвиняемого им лица.

Полагаем, что историков ориентировало в данном случае не столько доверие к Меншикову, сколько инерция интерпретации его утверждений. Воспроизведенные первоначально некритически, они приобрели вес историографической традиции. Научный авторитет П.П. Пекарского, С.М. Соловьева, комментария к “Письмам и бумагам” ее укрепил. Историки XX в. оставались в русле традиции восприятия. В качестве новейшего примера укажем на М.О. Акишина и А.В. Ремнева, которые не только пишут об “огромном подношении” Виниуса как о факте, но и опираются на него в умозаключениях. Взятка плюс оживленная переписка Виниуса с воеводами, замаранными во время сысков, особенно его “милость” к воеводам Гагариным, дают авторам основа-

¹ В “Полудержавном властелине” – более поздней, переработанной версии биографии Меншикова, – автор последний аргумент снял. Нам, напротив, он кажется очень правдоподобным.

ние заявлять, что, противодействуя проведению в Сибири городской реформы 1699 г., А.А. “действовал... в интересах коррумпированной верхушки сибирского воеводско-приказного управления” [Акишин, Ремнев, с. 16].

Выразить недоверие к Меншикову не значит перечеркнуть его рассказ полностью. Заявляя о взятке, называя ее сумму, он ставил себя в положение, вынуждавшее передать деньги в казну (не можем поверить, чтобы расчетливый Петр их ему подарил). Сочинившему историю о подкупе Меншикову пришлось бы сдать государству собственные (или кем-то “пожертвованные”) деньги на указанную сумму. Представить это в принципе можно, но при алчности Меншикова выбор такого пути устранения Виниуса считаем маловероятным. Скорее всего какие-то деньги все-таки ему передавались.

Свежим взглядом посмотрел на этот мутный эпизод С.Г. Милюков, сместивший акцент с оценки факта на уточнение его природы и в конечном счете квалифицировавший историю о взятке как “клевету Меншикова”. По мнению исследователя, ценности, переданные Меншикову, могли быть остаточной казной тех приказов, от руководства которыми Виниус так надеялся избавиться, отправляясь на встречу с царем. Меншиков, пользуясь нараставшим отдалением Виниуса от царя и надеясь помешать ему оправдаться в обвинениях лично перед Петром, представил перед царем как взятку казенные деньги, переданные одним должностным лицом (Виниусом) другому (Меншикову) [Милюков 2000а, с. 253, 254, 265].

Отдавая должное остроумию автора версии и признавая ее правдоподобие, отметим необходимость поиска дополнительных свидетельств в ее пользу. По нашему мнению, в случае назначения официального расследования по факту взяточничества (оно не последовало, но исключить его заранее было нельзя) у Виниуса имелась реальная возможность очиститься от оговора. Достаточно было, например, показать совпадение стоимости переданных Меншикову ценностей приходно-расходной документации приказов. Донос Меншикова представлял в этом случае прямым обманом государя. Готов ли был начинающий мастер придворной интриги на столь значительный риск?

Далее. Если у Виниуса находилась некая “остаточная казна”, ее должны были с него на прощание “доправить” – точно так же, как не раз это делалось по его указам в отношении отставных сибирских воевод. Понятно, что Виниус не умолчал бы о ее передаче Меншикову. Можно быть уверенным, что связанные с ней претензии казны непременно отразились бы в делопроизводстве. Их следа, однако, нет. Вариант Меншикова – деньги передава-

лись, и это были личные сбережения Виниуса – является в этом случае наименее проблемным. Единственное, чем он плох – необходимость поверить в виновность обвинений против человека, прежде незапятнанного.

Между тем Виниус все же решал некоторые свои проблемы путем подкупа – по меньшей мере один подобный факт он сам упоминает в письме Петру 1707 г., и мы на нем остановимся. Да, та, более поздняя дача, по словам Виниуса, была вынужденной, инициатором деяния выступала как будто другая сторона, что позволяет квалифицировать его как вымогательство, а Виниуса считать потерпевшим. Но ведь мы и на этот раз основываемся на единственном, никем не подтвержденном свидетельстве. Почему в подобной ситуации мы отказываем в доверии Меншикову и доверяем Виниусу? Только потому, что Меншиков в дальнейшем успел запятнать себя с головы до пят?

Итак, несмотря на нехватку данных для уверенного восстановления обстоятельств встречи Меншикова и Виниуса, склоняемся к предположению, что в ходе ее все же произошло нечто, что можно было без опасения обвинения в полной лжи выдать за дачу взятки. Воспользовавшись ситуацией, Меншиков нанес Виниусу победный удар. Тот факт, что тот не смог от него защититься и нейтрализовать последствия, свидетельствует, что у Меншикова были союзники и сторонники, как и он, мечтавшие об удалении Виниуса.

В нашем распоряжении сравнительно немного сведений о лицах, вызывавших расположение Виниуса, но еще меньше – о недоброжелателях. Кроме Меншикова, можно указать на князя Шаховского, которого Виниус называет в одном письме “немиловидным” и упоминает о его “прелютых досадах”, на поручика Жерлова (или Жорлова), названного там же “дерзким” [148, л. 198 об., 200], на упоминавшихся врагов Виниуса в Аптекарском (Антипин, Невежин) и Артиллерийском приказах (полковник Гошка). Но, исключая первых двух, это мелкая сошка. Имен вельможных интриганов, искавших случая сместить его с постов и отдалить от царя, он в своих текстах не называет. За отсутствием подсказок искать их следует прежде всего в окружении Меншикова.

Одна из представляющих интерес в этом плане фигур – П.П. Шафиров, в своем “пути наверх” первоначально шедший по стопам Виниуса (как и он, служил переводчиком), но далеко его обогнавший. Какими бы ни были их отношения первоначально, после 16 марта 1701 г. (смещение Виниуса с руководства почтами и передача их Шафирову) остаться теплыми они не могли. А с Меншиковым в интересующий период отношения у

Шафирова складывались, напротив, настолько хорошо², что подвигли их на совместный коммерческий проект. В 1704 г. ими была создана компания, получившая монопольное право на скупку в России и продажу за границу продуктов морских промыслов – рыбы (трески, семги), ворванного и трескового сала, шкур морских зверей. На вырученные деньги приобретались напитки, деликатесы, дорогая мебель и ткани. Сделки с иностранными купцами достигали 20 тыс. руб. [*ПСЗ IV*, № 1988; *Захаров*, с. 124–125]³.

Пока Меншиков, пользуясь легковерием Виниуса, его безжалостно “топил”, Петр плавал, воевал и строил. Не позднее 22 июля он прибыл на Лодейную пристань [*ПиБ II*, с. 609], где успел к самому интересному: 1 августа на Олонецкой верфи начали спуск на воду кораблей. Среди них был и 28-пушечный фрегат “Штандарт”, на котором царь позднее, 8 августа, отправился в Петербург [*Устрялов IV-1*, с. 248]. Судя по помете, письмо Меншикова он получил “с почты” 2-го. Александра Данилович, прибывший сюда 15-го, можно предполагать, прибавил к нему комментарии, характеризовавшие Виниуса в самом неблагоприятном для него свете.

Зная, что официальные претензии казны к ломавшему карьеру Виниуса Меншикову в недалеком будущем будут исчисляться цифрой, превышающей 1,5 млн руб., и сняты они будут только после смерти Петра [*Павленко 1991*, с. 220], мы вправе усмотреть в декларируемой им щепетильности по меньшей мере налет лицемерия. Но в 1703 г. репутация Меншикова подмочена еще не была. Чист был и Виниус. Поверили тому, кто был тогда ближе, кому больше доверяли – поверили Меншикову.

² До своего назначения вице-канцлером П.П. Шафиров вообще старался не портить мнение о себе влиятельных лиц, да, кстати, и Меншикова к этому призывал – см. его письмо к А.Д. по поводу отставки фельдмаршала Огильви [*Павленко 1990*, с. 212]).

³ Позднее отношения компаньонов изменились: в конфликте с Г.Г. Скорняковым-Писаревым в 1722 г. барон открыто противостоял светлейшему. Но после амнистии, при Екатерине I, снова сблизился с ним [*Павленко 1991*, с. 321, 322].

Среди лиц, делом и/или родством связанных с Меншиковым, можно указать также на Б.П. Шереметева, “интригуяще загадочную близость” которого с Меншиковым отмечает Н.И. Павленко. В свою очередь, близким человеком Шереметеву являлся Ф.А. Головин [*Павленко 1991*, с. 296, 301], дочь которого была замужем за старшим сыном Шереметева [*Заозерский*, с. 35]. В нашем распоряжении, к сожалению, нет данных об отношениях Виниуса с Головиным и Шереметевым. Несколько цитированных выше писем Виниуса Головину 1700 г. позволяющих судить об этом деталей не содержат – тон их ровен, несколько подобострастен (может быть, просто почтителен), за границы делового общения автор не выходит.

Слухи о Виниусе, сохраненные иностранными дипломатами (Г.И. Кайзерлингом, О. Плейером) в деталях противоречивы, но в целом ужасны. Кнут – самое мягкое упомянутое в них наказание, далее, по нарастающей, следуют ссылка с семьей в Сибирь и повешение [*Устрялов II-2*, с. 614–615]). В направленной в Вену депеше от 12 августа Плейер сообщает, что Виниус был вызван к царю в лагерь, где для него уже была сооружена высокая виселица. Якобы Петр после взятия Ниеншанца собирался идти на Нарву, и условия для похода складывались очень благоприятно. Но из-за не доставленных вовремя артиллерии и боеприпасов поход пришлось отложить. Виновным был объявлен один Виниус. Его, впрочем, будто бы помиловали: смертную казнь заменили наказанием кнутом и ссылкой в Сибирь. Из письма от 25 сентября узнаем, что Виниус действительно пощажён: наказание ограничено кнутом и штрафом в 7 тыс. руб. (в этой стране, замечает Плейер, принято давать некоторым лицам накапливать значительные богатства, но потом, под предлогом наказания за проступок, разом отнимать их) [*Шарымов*, с. 641, 642].

В августовском донесении Плейер упомянул близкого Виниусу человека – Е.И. Украинцева, недавно посылавшегося в Константинополь и за привезенный оттуда мир Петром награжденного. Почему Виниус не воспользовался помощью своего влиятельного и уважаемого свойственника?

Потому что дела у последнего складывались не блестяще. От дипломатической работы он был отстранен. В 1702–1703 гг. встречаем его в хлопотной должности кригскомиссара (так ее, во всяком случае, именует Плейер [*Шарымов*, с. 641]). Письмо Б.П. Шереметева Петру I от 18 декабря 1702 г. отчасти раскрывает содержание его труда на этом поприще: “А в котором месте те правианты класть и сколко числом изготовить, писал я к думному дьяку к Емельяну Украинцову ноября в 26-м числе, чтоб он о том дал ведать, не испустя времени, каков твой государев указ состоялся, в котором урочище, и сколко класть, и как ево возить: нынешнею ль зимою или весною, и буде весною возить, также и анбары, во что те правианты класть, и люди, кем и на каких подводах возить, потому что то все належало быть в готовности заранее, чтобы в том не принялося делу остановки по последней мере” [*ПиБ II*, с. 449]. Поиск подвод для перевозки фуража, забота о лошадях, питания для солдат и т.д. – и это занятие, достойное профессионального дипломата, только что заключившего важное для России соглашение? В упоминающих Украинцева документах этого времени, включенных в “Письма и бумаги”, не слышно тревожных нот. Но характер возложенных на него поручений говорит сам за себя. Новая работа не сулила славы, а по-

полнить список претензий могла. Срывы материально-хозяйственного обеспечения армии, а они, несомненно, были, легче всего было списать на нерасторопность стрелочника – Украинцева (не случайно Шереметев приговаривает: “А я ему, Емельяну, ...говорил и подтверждал...”). Плейер передает слух об ожидающем Украинцева наказании, ненамного более мягком, чем назначенное Виниусу [*Шарымов*, с. 641].

Но Украинцев сумел его избежать; больше того, в 1705 г. был возвращен на дипломатическую работу: послан для переговоров с турками по поводу границы. В это время письма ему изредка адресует сам государь [*ПуБ III*, № 799, 922]. Руководимая Украинцевым “границная комиссия” “восприняла” свое “совершение” 22 октября. Царь был доволен, обещал награждение [*ПуБ III*, с. 1008, 1009].

Падение Виниуса было куда более болезненным, а возрождение из праха – медленным и трудным.

Важные вехи в низвержении Виниуса отмечают два письма Петра I. Одно, от 28 июня 1703 г. (в котором Виниус вызывался в Шлиссельбург), содержит распоряжение ведать “до указу” Сибирский приказ “во всех делах” Ф.Ю. Ромодановскому. В сложившейся обстановке оно не выглядело очевидной, “чистой” отставкой. Виниус собирался в новую поездку в Сибирь, и перепоручение части его дел другому лицу могло являться мерой страховочного плана. Но почему “исполняющие обязанности” не назначались в Аптеку и Артиллерию, положение дел в которых вызывало большее беспокойство? И почему, напротив, временный заместитель назначался в Сибирский приказ, если Виниус как раз в Сибирь и собирался? Не говоря об отставке, распоряжение, судя по всему, подразумевало именно ее.

В письме Ф.Ю. Ромодановскому от 9 октября 1703 г. Петр, подтверждая и развивая прежнее решение, предписывает князю-кесарю “приказы Сибирской и Обтекарской... ведать... до времени”, в связи с чем их, а также воевод сибирских, “переписать и счесть”, а Виниуса – прислать. На фоне распоряжений Петра, щедро приправленных “формулами ускорения”, это буквально поражает их избытком. В четырех его фразах трижды повторено предупреждение: исполнять “не мешкаф” [*ПуБ II*, № 594].

Из текста не ясно, кто ведал в то время названными приказами. Задуматься над вопросом заставляет и приведенное выше распоряжение о переподчинении Сибирского приказа, и упоминавшиеся письма царя, в феврале–апреле перепоручавшего доверенным лицам отдельные дела по Аптеке и Артиллерии. Присутствующая в тексте письма от 9 октября деталь как будто свидетельствует, что Сибирский и Аптекарский приказы находились еще в ведении

Виниуса. Петр замечает: “что велено готовить, чтоб и без него готовили”. Если Виниус от дел к этому времени был уже отстранен, ссылаться на его распоряжения смысла не имело.

Октябрьское требование Петра Ромодановский, надо полагать, исполнил: приказы “счел”, Виниуса в Петербург отправил⁴.

Фигура начальника Преображенского приказа Ф.Ю. Ромодановского в связанных с Виниусом событиях 1703 г. возникала уже несколько раз: именно он по требованию Петра сначала допросил Виниуса, а позже, в июле, в связи с вызовом Виниуса в Петербург принял “до указу” в свое ведение Сибирский приказ. Октябрьским указом он был закреплен в качестве временного его, а также Аптекарского приказа, руководителя. Как Ромодановский относился к Виниусу, какую роль сыграл в его судьбе?

Из того, что он занял две должности, которые прежде принадлежали Виниусу, по аналогии с Шафировым можно было бы предположить в нем врага Виниусу и, следовательно, сообщника Меншикова. Но факты говорят скорее об обратном.

Участие Ромодановского в антивиниусовской интриге Меншикова представляется нам сомнительным. Да и утверждать, что он получил место Виниуса, не вполне корректно – его положение в качестве первого лица в Сибирском приказе несколько отличалось от того, которое занимал предшественник. Что Ромодановский управлял приказом в 1704–1705 гг., утверждал, в частности, Г.Ф. Миллер. Но управляя, он не только там *не* присутствовал (дьяки из Сибирского приказа приходили к нему с докладами в Преображенский приказ, где “главное ему место было”), но и в указах не упоминался [*Миллер II*, с. 104]. Судил, но судьей не писался – положение не хозяина, а “временно исполняющего”, в любой момент готового к замене.

Не беремся судить, мечтал ли Ф.Ю. о таком своем положении в Сибирском приказе. Необходимо еще убедиться, что он добивался самого приказа. Последнее, на наш взгляд, не очевидно, если с Виниусом у него сложились доброжелательные отношения, а это, судя, в частности, по аккуратным формулировкам в документах, связанных с допросами в Преображенском, достаточно вероятно. Но в таком случае едва ли обоснованно усматривать источник интриги Меншикова в карьерных амбициях Ромодановского.

Имея несколько связанных с отставкой Виниуса хронологических вех, рассмотрим сведения, которые сообщает об этих со-

⁴ Царь прибыл в Петербург, вероятно, 5-го или 6-го. Отсюда он отправился на яхте осматривать Финский залив, в том числе о-в Котлин, место будущего Кроншлота (Кронштадта). Около этого времени (середина октября) и должен был прибыть Виниус.

бытиях сам Виниус в одном из голландских писем Петру. Упомянув о собранных им отписях, подтверждавших, что артиллерийские припасы до места довезены и отданы, посетовав, что его “невинность” ему не помогла, глухо упомянув о каких-то контактах с племянником (по-видимому, с Д.Л. Порецким), Виниус называет место (Люшенбурх, т.е. Шлиссельбург), в котором “ни единыя мне сказав вины”, был “яко злодей и разбойник осужден в заточение в Сибирь”. Ему предстояло “чрез Ладожское и Онежское озера и потом морем чрез Архангельской город и Устюх, не дав... случая дом... управити, со женою и детми... свидатися, за сторожею порутчика имянем Жорлова и салдат шти человек сослану быти”. Но, как оказалось, наказания можно было избежать: “Аще ли же сего себе бы не восхотел, требовало мне дати великия дары”. Виниус был потрясен: “Еже со ужесом слышал вся, еже при себе имел есмь задолжени на 1200 рублей, непщуща (думая, полагая. – *И.Ю.*) сим подъятая на мя тяжкую ярость утолите”. Тогда перед ним предстал, “яко аггел Божии, неки ходатай, и той сказа ми: аще хошу безбедно в дом мой возвратитися, требовало мне дати денгами или кабалу в 6000 рублей. И аще сего не сотворя, уже порутчик вышепомянутый с салдаты готов меня в Сибирь вестъ”. Запрошенная сумма поразила Виниуса: “Сия словеса яко гром вшед во ушеса моя, в великой мя привело страх”. Но вымогатель действовал наверняка: “...видя приближающую осень, от многих печалеи и сетовании в старости весма безсилна, денгами к такой дальнои и тяжкой дороге и нужных одежд и потреб обнасилна, и кроме сих в том прискорбном пути нужне бы имел умрети, своея ради жизни, кроме вышепомянутых даров (1200 рублей? – *И.Ю.*), дах писмо в 6000 рублей на Москве заплатити”. Давая расписку, Виниус надеялся “на утрее прияти себе к Москве отпуск” – по-видимому, ему это было обещано. Но обещания ходатай не исполнил: “...и сей не поможе”. К Виниусу явился Жерлов, объявивший о данном ему повелении арестанта “чрез Ладожское озеро в реку Свирь отвестъ, и тамо, несколько дней держав, паки в той же лотке повез меня в Питербурх”. Водная прогулка на сухопутного Виниуса произвела самое тяжелое впечатление: “В тех обоих путех в том малом судне и с тем дерзким порутчиком какие поях страхи, единому Господу Богу известно, его же милосердыми щедротам от потопления неколико крат чудесно спасохся. Паки мя, яко пленника, в Питерсбурх приведша, тамо держан до начатка зимы. Внегда же отпущен, в том пути зело и к смерти заболех, и якобы мертвец в дом мой привезен” [148, л. 197 об.–199].

Маршрут перемещений Виниуса выстраивается по сведениям его рассказа таким: Шлиссельбург–Ладожское озеро–река Свирь

(по-видимому, Лодейное Поле)–Ладожское озеро–Петербург–Москва. Хронологических реперов в тексте мало: упоминание приближающейся осени в истории о вымогательстве и известие о пребывании в Петербурге до начала зимы.

Напомним, что нам известны следующие точно датированные события этого времени: 28 июня Петр вызывает Виниуса в Шлиссельбург, 29 июля в Петербурге с ним беседует Меншиков, отпускающий Виниуса в тот же день, 9 октября его снова вызывает Петр, на этот раз в Петербург. Судя по тому, что распоряжение о присылке Виниуса получает князь-кесарь, Виниус в тот момент находился скорее всего в Москве.

Попробуем совместить эти сведения. Несомненно, встреча с Жерловым относится ко времени после получения Петром письма Меншикова (с рассказом о взятке), состоявшегося, как уже отмечалось, 2 августа. Письмо Плейера от 12 августа фиксирует, по-видимому, гнев Петра в высшей его фазе. Возможно, царь сразу распорядился взять Виниуса под арест, но не исключено, что дождался Меншикова, прибывшего две недели спустя. Вполне вероятно, что Виниус в это время находился на пути к нему в Лодейное Поле, где с помощью полученного от Меншикова оправдательного письма надеялся очиститься от обвинений, а может быть, и восстановить теплоту былых отношений с царем. В этом случае описанные Виниусом события происходят в августе, с чем хорошо согласуется упоминание о приближающейся осени.

Виниус упоминает, что был отвезен Жерловым через Ладожское озеро “в реку Свирь”. Несомненно, предполагалась его доставка в Лодейное Поле (не тот ли это лагерь, в котором, по Плейеру, для Виниуса была приготовлена виселица?). Но то ли сыграли роль его подношения безымянному ходатаю, то ли Петр просто остыл. Быстрая расправа была отложена. Однако и оправдаться не удалось: встречи с Петром не произошло, в противном случае Виниус непременно упомянул бы о ней в обращенном к царю письме (1707) с подробным рассказом о своих злоключениях. Виниуса перевезли в Петербург. Петр, по-видимому, колебался, открывать ли официальное следствие по винам Виниуса. Недоброжелатели А.А. скорее всего старались его к царю не допустить, так как при этом могли открыться и их происки. На положении заключенного Виниус оставался в Петербурге (рис. 25) до начала зимы. В конечном счете была отменена не только казнь, но и ссылка. Виниуса отпустили в Москву.

В свете сказанного уместно вернуться к вопросу о руководстве приказами. В августе–ноябре руководить ими Виниус физически никак не мог, хотя формально только один из них, Сибир-

Рис. 25. Первый вид Петербурга. 1704 г. (П. Пикарт)

ский, был временно поручен другому лицу. В прочих приказах, может быть еще оставшихся в его ведении, распоряжались вторые лица, ответственность же за наиболее важные задания Петр возложил на доверенных сотрудников из других структур, в частности на Стрешнева и Брюса. 9 октября, в письме Ромодановскому, точки над *i* были, наконец, расставлены.

Обратим, однако, внимание, что в нем не был упомянут Приказ артиллерии. Исходя из этого все писавшие об опале Виниуса историки считали, что его деятельность в этом ведомстве продолжилась⁵.

Отчасти подтверждают этот вывод данные об испытаниях каменных пушек. Первую большую партию проверяли 18 сентя-

⁵ “Виниус продолжал работать, лил пушки” [Соловьев VIII, с. 323], “Пушкарский приказ еще, по-видимому, оставался за ним” [Козловский I, с. 222], “Сибирский приказ у него был отнят, но управление Пушкарским приказом оставалось некоторое время за ним” [Кафенгауз, с. 52]. Не исключаем, что перечисленные авторы доверились утверждению С.М. Соловьева, происхождение же его мнения установить нетрудно. В цитируемом Соловьевым по этому поводу письме Виниуса якобы 1705 г. имеется опущенный историком (но несомненно ему известный) обширный фрагмент, посвященный положению дел с отливкой пушек. Но данное письмо, как уже отмечалось, в действительности относится к 1701 г. и говорится в нем о восстановлении артиллерии, потерянной под Нарвой.

бря 1703 г. Результаты оказались не вполне удачными: почти треть пушек (102 из 330) разорвало. Петр распорядился сообщить об этом из Приказа артиллерии в Сибирский приказ – “для ведома” [Кафенгауз, с. 133]. Инициативная роль царя в этих пересылках вполне вписывается в наше представление о его неутомной, во все вмешивающейся натуре. Характер отношений приказов (Артиллерийского и Сибирского) тоже понятен: период единого ими руководства закончился, теперь их сношения строятся общим порядком, предполагающим переписку, иницируемую распоряжением.

Особо следует отметить упоминаемое Б.Б. Кафенгаузом участие в этих событиях Виниуса: он распоряжается о посылке Черкасским в Тобольск куска от рваной пушки и пишет им письмо с требованием повисить качество литья и испытывать пушки на заводе двойным зарядом [Кафенгауз, с. 133]. Если речь идет о реакции на испытания 18 сентября, то с восстановленной выше “хроникой отставки” его участие в этих событиях сочетается с трудом. Но в данном случае важнее другое – указанный факт косвенно свидетельствует о сохранении за Виниусом служебных обязанностей по Приказу артиллерии.

Пытаясь понять, что чувствовал сам Виниус, отбиваясь от упреков за результаты работы, которую он исполнял, несомненно, добросовестно, нельзя пройти мимо уже цитировавшегося нами любопытного документа под названием “Сокращенное объявление прибыточным полезным делам, которые учинены при сиденье думного дьяка Андрея Андреевича Виниуса в Сибирском с 203-го года, всего в 8 лет, а в Приказе артиллерии с 1701-го, всего в 2 года”. Перед нами составленный им в 1703 г. реестр своих достижений, предвещающий его челобитье на предмет награждения “за сия свои службы” дворами. Заслуги разнесены в нем по приказам раздельно. Пушки и мортиры фигурируют в обоих списках, но в каждом разделе выделен свой аспект. В разделе, посвященном Сибири, основной акцент сделан на железе и железных заводах. В артиллерийском говорится об орудиях: “В те прошлые 2 года всяких пушек, и мортиров, и гоубиц со многими трудами вылито 400 мест и больше” [Либ V, с. 721]. Заметим, что позднее (в письме от 16 ноября 1706 г.) Виниус эту цифру значительно увеличит: заявит, что “у артиллерии будучи, в 2 лета болши 600 пушек, мортиров и гаубиц со всем уготовил” [Либ V, с. 721]. “Собранною мною вашею казною артилерию такую устроих, – напишет он в другом письме в 1707 г., – я же воистинно слезами моими бе облита, обаче по самому свидетельству вашего величества, свыше от Господа Бога тако благословися, яко своими предивными промыслы величество ваше достали теми моих тру-

дов пушками, порохами и прочими орудиями от неприятелей своих грады Нарву, Иван-город, Дерпт, Яму, Копорье и Шлюсенбург, еще же и Шлотбург” [148, л. 196].

Виниус не считал, что его заслуги ограничиваются *восстановлением* артиллерии. В “Сокращенном объявлении” он заявлял: “В полноту преизобилную артиллерия неслыханая сибирская начинает выходить, которая такую своей естественной природы имеет доброту и мягкость, каких пушек и прочих оружей лутше во всей вселенной быть не мочно” [ПуБ V, с. 722]. Отбросив красоты стиля, получаем весьма внушительный остаток. Виниус действительно и восстановил потерянную артиллерию (что признавал царь), и заложил базу для будущего ее устойчивого воспроизводства. Не согласиться с этим было невозможно даже в условиях тотальной информационной блокады (а вокруг Петра тотальной она все-таки не была). Сознвая значимость участия Виниуса в судьбе русской артиллерии и пользу от дальнейшей его в этой сфере службы, Петр, по-видимому, оставляет его в данном ведомстве.

Но – уже не на руководящем посту. Опека артиллерии была поручена Я.В. Брюсу. Виниус оказался в его подчинении. Несмотря на стремление Виниуса покинуть эту сферу деятельности (чему, можно предположить, много содействовали дурные отношения, сложившиеся с некоторыми военными), его из приказа не отпустили⁶.

Несчастья между тем продолжали преследовать Виниуса. В обращенном к Петру письме от 16 ноября 1706 г., упомянув царские ярость и гнев, он сокрушается по поводу того, что “от[ъ]ят” был его “хлеб... вседневный”, вспоминает “вскоре потом” последовавшее “отъятие... имени и лишения болши 13 000 рублей”. “В болезни, сидя в заключении, во исполнение того платежа” он “продал двор, другой заложил, денги занял и впал в крайнее ругание, оскорбление и нищету” [ПуБ V, с. 719].

Что это за 13 тысяч, представляемые историками, в своем большинстве, как “взыскание”, штраф, наложенный на Виниуса (см., например, [Соловьев VIII, с. 311]), становится понятно из следующего фрагмента другого, 1707 г., его письма царю. Изложение его содержания было прервано нами на возвращении полуживого Виниуса в Москву. Автор продолжает:

⁶ В “Письмах и бумагах” опубликован приговор Ближней канцелярии о приговлении подвод и найме возчиков для перевозки артиллерийских припасов под Смоленск. Поступившая предварительно в Ближнюю канцелярию из Приказа артиллерии выписка 8–9 апреля 1705 г. была закреплена думным дьяком Андреем Виниусом [ПуБ III, с. 801]. Не ясно, однако, в каком качестве имеет он к ней отношение – как артиллерист или интендант.

«Идеже зело тяжко с полгода труждася, обаче давящши не воздвигну гнев, с нуждою оныя 6000 рублей заплатил. Письмо же мое мне не отдано, на обещанной по неколиких днях ко мне прислатися. И тако бех, в ѱну в трепете отжидае еще напастей и бояся притчины от неприслания письма моего какова себе бедьсьтъва.

По некоих неделях пришел ко мне дьяк, сказа[л], дабы по тому письму оны[й] долг был вскоре заплачен, аще ли не то мучительным и безчестным правежем те деньги от меня будут истязаны. Потом на други день больну ми еще сушу, в сани броса, в Преображенское отвезен, и тамо по допросе в нем же аще и сказах, яко то писмо платежем все исполних. Однако ж к салдату, за караулом еще двух, в малую избенку посажен. Дондеже, видя необходимою беду, продав едину вотчину, двор свой, заиом заплатил, и тако 13 200 рублей своих убогих и рожь и з займами заплатил, гл[агол]я со псалмопевцем: “Иже не восхищах, тогда воздах”» [148, л. 199].

Имя человека, сыгравшего еще одну злую шутку с опальным Винусом, не называет он и на этот раз. Приходивший к нему перед арестом дьяк не может быть уверенно с ним отождествлен – но нет достаточных оснований, и чтобы заведомо отвергать их тождество.

Загадка имени “ходатая” – одна из многих, пока не имеющих удовлетворительного ответа. Следы скрытых от нас подтекстов драматических событий этого времени – часто также не вполне понятные – подчас обнаруживаются в приказном делопроизводстве.

В 1704 г., 4 февраля, в Поместный приказ, думному дьяку А.И. Иванову, был направлен указ, предписывавший “думного дьяка Андрея Винуюса поместей и вотчин, в которых городех и уездех по писцовым, и по переписным, и отказным книгам, и по поступкам, и по зделкам, и по менам, и по дачам есть, в Помесном приказе ни по каким крепостям ни за кем не записывать и не справливать; а в которых городех ево, Андреевых, поместей и вотчин сколько явитца и что в тех ево поместьях и вотчинах четвертные пашни и крестьянских и бобыльских дворов и всяких угодей, порознь о том в Преображенской приказ к стольнику ко князю Федору Юрьевичю Ромодановскому отписать” [141, л. 670–670 об.]. Об отписке недвижимости на государя в указе не упомянуто, хотя, если бы к тому времени такое решение было принято, о нем бы и говорилось, в отличие от самоочевидной необходимости выявлять недвижимость по архиву (нужный для командирования подьячих полный список ее адресов иначе как по документации устанавливать не по чему). Но если не для отпис-

ки, то для чего понадобилась генеральная ревизия недвижимой собственности Виниуса? Чтобы оценить былые доходы, заведомо предполагая их несправедливыми? Тогда перед нами подготовка новых репрессий, возможно как раз конфискации. Или чтобы оценить платежеспособность, определяя денежный штраф? Речь в этом случае о конфискации уже не идет – оштрафованный сам все отдаст. Или (предположение на первый взгляд совсем фантастическое) одной рукой карая, царь не забыл и о заслугах: обдумывал возможность наградить Виниуса деревенькой, пожалования которой тот упорно добивался в самый канун служебных неприятностей (напомним о цели составления в 1703 г. “Сокращенного объявления прибыточным полезным делам”).

В последнем случае картина становится совсем интересной. То, что всегда, и, судя по источникам, вполне обоснованно считалось опалой, превращается в отставку по причине возраста и болезней с прощальным награждением за успешные труды (впрочем, в сопровождении штрафа за проваленные поручения). И, по нашему мнению, если здесь и есть противоречие, то оно адекватно отражает неоднозначное отношение к Виниусу милующего и карающего начала – царя. Данный вариант интерпретации при всей его непривычности имеет право если не на существование, то на сосуществование с традиционным. Как мы еще убедимся, несмотря на все усилия врагов Виниуса дискредитировать его в глазах монарха и его (царя) руками и волей смести со своего пути, в полной мере удалось добиться только последнего. Царь-работник так и не разочаровался в другом неутомимом работнике, не вырвал его из своего сердца⁷.

Не только до казни, но и до ссылки с конфискацией, даже до телесного наказания не дошло. Снятый с постов, Виниус сохранил собственность и чин. В апреле 1705 г. он, именуемый по-прежнему думным дьяком, закрепляет документы, следующие в Ближнюю канцелярию, причем их специально посылают к нему с нарочным [*Либ III*, с. 801]. Он присутствует в списке лиц, числящихся “на службах” в 1705 г. [*Соловьев VIII*, с. 68]. Помимо Виниуса в нем упомянуты еще два думных дьяка Е.И. Украинцев и Г.Ф. Деревнин. Все трое служат в это время в одном – Провиантском – приказе [*Милюков 2000а*, с. 257–258], занимаясь, преимуще-

⁷ Привязанность Петра к своим друзьям, относительная стабильность сложившегося круга близкого его общения отмечают и другие исследователи, в частности М.В. Бабич, на основании изучения состава и динамики формирования “близкого круга” Петра пришедшая к заключению, что “приобретенный статус приближенные сохраняли до смерти даже в случае утраты прежнего политического значения”. Среди лиц, составляющих немногочисленное исключение из этого правила, Виниуса автор не упоминает [*Бабич 2003б*, с. 23].

щественно, снабжением армии продуктами питания и фуражом. Административный пост по крайней мере до апреля 1704 г. включительно сохранял и зять Виниуса – верхотурский воевода А. Калитин. Виниус пережил бурю и он, несомненно, в немилости. Но, может быть, мы сгущаем краски, называя положение, в котором он оказался, опалой?

9.2. Из Гродно в Амстердам

Закат карьеры Виниуса, сопровождавшие его душевные терзания, материальные потери, им понесенные, удаление от царя, еще недавно чуть ли не еженедельно делившегося в письмах своими заботами, – все это, конечно, переживалось очень тяжело. Не радовало и долгожданное освобождение от постов. Виниус искренне мечтал об избавлении от некоторых из них, но отнюдь не об отставке вчистую. Утопавший в обязанностях, задышавшийся в хлопотах, он давно не представлял жизни вне их водоворота. Неизвестно, с каким образом идентифицировал он себя в первую очередь, но уже несколько десятилетий трудясь в качестве администратора, управленца, он, по крайней мере частично, не мог не отождествлять себя с этим профессиональным воплощением.

Теперь он превращался (уже превратился) в рядового исполнителя. Причем оказалось, что забот меньше не стало – просто они стали мельче.

В письме Петру от 16 ноября 1706 г. Виниус вспоминает, что был “65 лет послан... в полки к делу, в Гродне приставлен к другому. Сиа многиа труды вся, хотя с нуждею, близ года терпеливо понесох” [*ПиБ V*, с. 719]⁸.

Впервые судьба погрузила Виниуса в совершенно непривычную для него фронттовую обстановку. По отношению ко всем выпавшим на его век войнам он ни разу не был даже их наблюдателем и живым свидетелем – всего лишь современником. Получал, правда, время от времени награды за вклад в победы – но это были призы за тыловые доблести. Как военный человек, он не рекомендовал себя никак – и это при Петре, когда марсова служба особенно высоко ценилась. Виниус не воспользовался шансом выгодно показать себя на этом поприще, явно демонстрируя не-

⁸ Опираясь, по-видимому, на этот текст, С.М. Соловьев упомянет, что “65-летнего старика послали в Гродно”, где он “целый год был в тяжких трудах” [*Соловьев VIII*, с. 323]. Но такая интерпретация приведенного текста (не единственно возможная) противоречит другому свидетельству Виниуса, сообщаящему о существенно меньшем (всего семь месяцев) времени, проведенном им непосредственно в Гродно (см. ниже).

военный склад натуры. Для отношений с Петром это было очень опасное несходство вкусов. И не случайно планировать новую большую войну Виниуса не пригласили.

Но под Гродно война все-таки его догнала.

По словам Виниуса, он был “понужден” “со иными” явиться на “государеву службу в полки... в Литву... со мноюю нуждою, с поможением людей благочестивых. А доехав в Гродню, отдан болярину князю Михайлу Григорьевичу Рамодановскому в помощь *управления дел правианских* и судейства в... крамолах между вашего величества людьми и поляки”. Своего начальника Виниус называет “благочестивым”, говорит, что он “великое милосердие” ему “сотвори[л], и вящшую бы явил милость” [148, л. 200 об.].

Говоря о “немалой опасности”, которой подвергалась стоявшая в Гродно армия, официальная история войны упоминает усугублявшее ее обстоятельство: тот факт, что “войска российские, будучие в Гродне, имели тогда зело мало при себе провианту” [*Гистория I*, с. 261]. Управляя провиантскими делами, Виниус, судя по Книге домашних записок, прожил в Гродно семь месяцев [*Козловский I*, с. 292], осень и зиму, и “в приход близ того места свейских войск” по меньшей мере однажды он и его имущество попали в весьма опасный переплет [148, л. 201].

Географию горячих точек Северной войны осени–начала зимы 1705 г. наглядно рисуют маршруты Петра I. 14 августа он прибыл в Митаву. 4 сентября после артиллерийских бомбардировок замок был сдан и Петр 12-го направился в Гродно, куда прибыл 16-го. 22 сентября пошел из Гродно в Тикотин, где, осматривая стоявшие там союзные войска, оставался до 2 октября. В этот день направился назад в Гродно устраивать войско на зимние квартиры. 13 октября двинулся в Тикотин, прибыл 14-го, а 15-го поспешил в направлении Варшавы, к войскам, стоявшим в 15 милях от города. Встретив Августа, возвратился в Гродно, куда прибыл 30 октября [*Гистория I*, с. 116–122].

Трижды в течение полутора месяцев 1705 г. Петр оказывался в Гродно, что говорит о значении города на данном этапе войны. Именно сюда стягивались направившиеся в Литву силы русской армии, здесь стояли полки саксонских конников, отряды польских сторонников Августа. Заняв выгодное с точки зрения обеспечения безопасности русской границы положение, эти войска угрожали сообщениям шведского короля и в случае, если бы он направился в Саксонию [*История СВ*, с. 64]. Город усиленно укреплялся: строились земляные бастионы, готовилась артиллерия. Свое дело делала и провиантская служба.

Петр покинул Гродно, направляясь в Москву, 7 декабря 1705 г. [*История I*, с. 123]. Виниус остался вместе с армией, когда на другом берегу Немана вечером 12 января 1706 г. показались шведские полки. Город и Виниус в городе оказались заперты.

На другой день Карл XII перешел Неман и разместил армию в трех верстах от крепости. Началась осада. Виниус находился в эти дни в городе, о чем прямо говорит обсуждаемый ниже инцидент с исчезновением его спутников и лошадей, по свидетельству источника произошедший “в приход... швейских войск”. Окончанием осады можно считать 3(14) апреля, день переправы через Неман короля, пустившегося вдогонку за покинувшими крепость русскими войсками. Последние переправились через Неман в основном 24 марта (4 апреля) [*История СВ*, с. 65]; выходя из окружения, они перемещались в направлении Брест–Киев.

Как получилось, что пути Виниуса и отступавших русских войск разошлись – до конца не ясно. Не исключено, что начало странного его путешествия связано с одним эпизодом, бегло упомянутом им в письме Петру. Сообщив, что пробыл в районе Гродно осень и зиму, Виниус далее рассказывает, как “в приход близ того места швейских войск в деревни стоящия мои осмь коней и три человека безвестно погибли или спасошася – не вем; во отхождение вашего величества полков из Гродни понужден иныя малыя и худыя крест[ь]янския лошади купить и на тех едва доехав до Кнышина” [148, л. 241].

Когда случилось несчастье с людьми и лошадьми – непосредственно перед отводом войск или раньше? Находился ли Виниус в деревне, где происходили описанные события или нет (сказано только, что там стояли его кони)? Имели ли без вести пропавшие русские отношение к Виниусу: были это собственные его люди (что вероятнее) или солдаты? В приведенном рассказе много неясного⁹.

Обратим внимание, что в цитированном тексте отсутствуют факты, объяснение которых с необходимостью требует хронологического сближения эпизода в деревне с выходом войск из Гродно. Не обязательно жестко связывать его и с началом путешествия самого Виниуса. Косвенным образом они, конечно, могли быть связаны. Но в реальности их могло разделять некоторое

⁹ Заметим, что источник не говорит прямо о том, что в исчезновении лошадей и людей повинны именно шведы. Выражение “в приход швейских войск” можно понять в смысле указания на *время* событий. Хотя это и не кажется нам слишком вероятным, нельзя исключить, что исчезнувшие трое, прихватив виниусовских лошадей, дезертировали.

время, в течение которого Виниус еще оставался с армией. В беду он попал, когда армия, оставив крепость, спешно уходила от шведов (“во отхождение вашего величества полков из Гродни”, ясно пишет сам Виниус). Фактически *он отстал* от своей армии, и в ситуации ее преследования неприятелем был вынужден действовать самостоятельно.

С предлагаемой нами трактовкой согласуется не только приведенный фрагмент письма Виниуса Петру 1707 г., но и давно известное историкам (опубликованное в “Письмах и бумагах”) его письмо от 12 июля 1706 г.¹⁰. “Будучи, государь, в Гродне в нашествие неприятелей, – пишет Виниус, – лишихся без малю не всех своих лошадей и людей. По сих во время похода достал, скудости ради лошадей и денег, иные и худосилные, которыми отъехав едва до Киншина, в том месте обезсилили и от безкормицы стали; и я, видя себя в таком опасении предстоящей гибели нужною смертью погибнуть или в руки датися в плен неприятелю, принужден к прусской границе удалиться” [*ПуБ V*, с. 715–716]. Виниус утверждает, что выбрал маршрут в надежде “тою прусскою границею к Польску и тако к московской границе вдатися”. Столкнувшись с препятствиями “от жителей страны тоя” в осуществлении плана, он “нанял подводы до Кролевца (Кенигсберга. – *И.Ю.*) и оттоль морем со многими трудами достиг до стран сих”¹¹. “Сими странами” оказалась Республика Соединенных провинций (Нидерланды). Здесь Виниус заболел “от нужд старости, паче же вседневных снелательных печалей”, отчего не решался сразу же возвратиться морем, как, по-видимому, первоначально рассчитывал.

Версии событий, изложенной в письме от 12 июля 1706 г., Виниус в дальнейшем придерживался неуклонно. Важнейшие ее элементы присутствуют и в письме Н. Витсена, написанном российскому монарху 2 мая 1708 г., в конце пребывания Виниуса в Голландии, и, несомненно, по его просьбе. Последний, по словам автора письма (цитируемого в переводе того времени), “неким жребием военным, страхов ради, от неприятелей пресечен”, был “понужден отлучитися, с намерением удобными ближайшими местам паки абие возвратитися”. Но поскольку “сего в то время невозможно бе сотворити, к сим странам предадеся, дабы на амбурских или наших (голландских. – *И.Ю.*) ка-

¹⁰ Даты этого и упоминаемых далее писем из Западной Европы их авторами указаны, очевидно, по григорианскому календарю. Обращаем на это внимание, поскольку перевод на юлианский календарь не приводим.

¹¹ В Амстердам Виниус прибыл ближе к середине мая 1706 г. Закключаем это из того, что 26 апреля Б.И. Куракин только еще получил сведения о появлении Виниуса в Королевце.

раблях к Архангелской порте возвращение свое прияти”. Любопытно упоминание об обращении Виниуса в непростой ситуации к житейскому опыту Витсена: “Сим же отшедшим, мя о совете вопроши, како бы удобняе к отчизне своей предатися было возможно”. Витсен сообщает о задержавшей возвращение болезни и одной из ее причин: “В те же дни по несчастию его, впаде в тяжкий недуг, паче же печальми снедаем толикаго от двора величества вашего ради отлучения. И тако заболел, яко аз не надеяся ему далее жити. И той ради вины во странах сих удержан” [24, л. 3].

9.3. Тем временем в Москве

Понимая, что замысловатые обстоятельства, увлекшие российского подданного без предварительного на то разрешения за границу, могут быть истолкованы неблагоприятным для него образом, Виниус по прибытии в Голландию некоторое время спустя написал царю письмо, в котором взывал к его человеколюбию и милосердию. Опасения были не беспочвенными.

Не исключено, что в том напряжении, в каком происходил отход русской армии из Гродно, отсутствия при полках Виниуса поначалу не заметили. Заметив же, ожидали вестей, объяснявших отсутствие: он мог погибнуть, мог оказаться в плену. Но когда России достигли сведения о его пребывании в Европе, они вызвали самую отрицательную реакцию.

В Соборном уложении 1649 г. среди статей, посвященных государственным преступлениям, имелись новеллы, касавшиеся измены. В них были описаны такие ее формы, как сбор преступником рати для “своего злово умышленья”, дружба и помощь недругам царского величества, сдача городов и их поджог (гл. 2, ст. 2–4). Статья о дружбе с неприятелем гласила: “Будет кто... хотя Московским государством завладеть и государем быть, и для того... царьского величества с недруги учнет дружитца, и советными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругом по его ссылке Московским государством завладеть или какое дурно учинить... и... сыщетца про тое его измену допряма, и такова изменника по тому же казнить смертию” [*Уложение*, с. 20]. Конечно, Виниуса трудно было заподозрить в желании “государством завладеть и государем быть”, но статья учитывала и содействие недругам, желавшим завладеть престолом. Наличие собственного подобного умысла не требовалось – достаточно было помогать намеревавшимся “дурно учинить”.

Нидерланды, в которые прибыл Виниус, не считались врагом России – напротив, отсюда в Московию по-прежнему время от

времени поступали важные для ведения войны товары¹². И Виниус их дружественностью в письмах Петру еще будет оправдываться: “Не к неприятел[е]м, но к приятелем величества вашего уклонихся” [*ПиБ V*, с. 719]. Но дружественность была относительной. В условиях непрерывного изменения международной обстановки, реагировавшей на ход двух крупных войн (Северной и, с мая 1702 г., за испанское наследство), ее политика в отношении России гибко менялась, отражая изменение собственных интересов. В целом отношение морских держав к России с началом войны ухудшалось. Военные поражения вызывали презрение, успехи – беспокоили перспективой закрепления России на Балтике. Хотя время от времени они предлагали свое посредничество в переговорах России и Швеции, продолжающаяся на северо-востоке Европы война обладала для них тем достоинством, что связывала руки Швеции, которая, освободившись, могла сблизиться с Францией. В августе 1703 г. А.А. Матвеев известил царя о подписании Швецией и Голландией подтверждения старых союзных договоров [*Молчанов*, с. 163, 173; *Бобылев*, с. 40].

Находясь за границей, Виниус, человек информированный, носитель государственных секретов, приобретал казавшуюся опасной свободу контактов. На прежнюю его переписку с зарубежными корреспондентами, длившуюся многие годы, в условиях затяжной войны можно было посмотреть и не так лояльно, как прежде. Фигура Виниуса могла стать значимой в дипломатической игре, а это ее, итак запутанную донельзя, дополнительно усложняло. Виниус за границей неизбежно превращался в элемент непрерывно изменявшейся системы международных отношений, возможно – превращался в проблему. Отсутствие в его действиях не то что преступных действий, но и умысла требовалось еще доказывать. Пребывая за тридевять земель, полностью оправдаться было невозможно. Напротив, у недругов Виниуса возможность настраивать царя против него имелась.

Следует учитывать, что уже в первом “голландском” своем письме Петру (от 12 июля 1706 г.), наполненном горькими сожалениями по поводу “сего бедственного случая”, Виниус известил, что немедленно возвращаться не намерен. Он ссылаясь на здоровье (“на одре болезненном есмь и повержен лежу, и тем, государь, препятием возбранен морем ныне возвратитесь” [*ПиБ V*, с. 716]), но слишком расхожей выглядела подобная ссылка и слишком трудно было проверить правдивость его слов. Получа-

¹² Так, 12 мая 1703 г. Виниус известил Петра, что Витсен добился разрешения Штатов на вывоз в Россию пяти тысяч пудов серы, необходимой для изготовления пороха [*ПиБ II*, с. 539].

лось, что Виниус, несмотря на отсутствие у него официальной санкции, разрешающей отлучиться из армии, выехать за границу и задержаться там, возвращаться из этой поездки тем не менее не собирается. Это позволяло заподозрить за ним некую серьезную провинность, наказания за которую он стремится избежать. Не измену ли?

Согласно ст. 5 гл. 2 Соборного уложения, “поместья и вотчины и животы изменничьи” полагалось “взять на государя” [*Уложение*, с. 20].

В нашем распоряжении имеется похожий на реализацию этой юридической нормы указ думному дьяку А.И. Иванову, датированный 28 мая 1706 г. [141, л. 702–702 об.]. Он начинается с изложения царского указа, присланного “из военного походу”, из Киева, в Ингерманландскую канцелярию – во исполнение его эта канцелярия и послала собственный указ Поместному приказу (тот, которым мы располагаем). Исходный указ содержит четкие распоряжения в отношении имущества Виниуса: “Великий государь... указал: думного дьяка Андрея Виниуса поместья и вотчины, которые за ним явятца по дачам и по всяким крепостям, все со всякими в них принадлежностями и угоды отписать до своего великого государя указу на себя великого государя ис Поместного приказу; да те отписные книги со всякою подлинною очискою за дьячьєю приписью для посылки в военной поход ис Поместного приказу прислать в Ингерманландскую канцелярию немедленно” [141, л. 702–702 об.].

Итак, осуществить отписку было поручено Поместному приказу (указ направлен его главе) и по состоянию на 28 мая ничего отписано не было – этим числом датировано получение соответствующего распоряжения. (Последнее важно, поскольку сокращает и без того короткое время реакции властей на отъезд Виниуса.)

В цитированном документе обращают на себя внимание две взаимосвязанные детали. Исходный царский указ имеет закрепку А.Д. Меншикова (в тексте воспроизведен объемистый портфель собранных им к тому времени титулов, чинов и должностей: “Римского государства князя, его царского величества губернатора над правинциями Ингриєю и Эстляндиєю, и генерала над кавалериею, кавалера и капитана компании бомбардирской, от первойшей гвардии его величества и полковника над первым конным и вторым пехотным полками Ингерманландскими” [141, л. 702]). И послан он для исполнения не непосредственно в Поместный приказ, а в Ингерманландскую канцелярию, на которую тем самым возлагается ответственность за организацию и контроль его исполнения. Все становится понятным, если учесть, что губернатором на территориях, которыми управляла Ингерман-

ландская канцелярия, являлся (см. титул) все тот же Меншиков. Личной волей светлейшего князя в этом указе пропитана каждая буква. Не исключено, что именно он соответствующим образом подал Петру информацию о “побеге” Виниуса, предложил форму реагирования и взялся проследить за исполнением царской воли.

Но когда он мог это сделать? По сведениям “Истории Свейской войны”, царь приехал в Петербург из Нарвы в ночь на 29 марта. Покинул его 1 июня, когда “путь свой восприял” к полкам на Украину. Таким образом, 28 мая Петр находился в Петербурге. Столь же точно маршрут Меншикова источник восстановить не позволяет. Назвав конечную дату пребывания Петра в Минске (13 марта), “История” сообщает, что “потом, когда уже ведомости помалу стали быть от Гродни лутче”, он направил туда Меншикова. К периоду пребывания Петра в Петербурге отнесено получение ведомости Меншикова “ис Полши” [*История I*, с. 261, 263]. 13 июня из Гомля (Гомеля) он направился в Смоленск, где и встретился с приехавшим туда Петром 16 июня [*Архив Брюса II*, № 82; *История I*, с. 264].

Итак, в мае Петр в Киеве быть не мог, чего о Меншикове уверенно сказать нельзя. Это позволяет высказать предположение, что именно Меншиков, недображелатель Виниуса, явился автором указа об отписке его недвижимого имущества, что косвенно подтверждает адресация документа в Ингерманландскую канцелярию, находившуюся в его, Меншикова, ведении.

А что же сам Петр? Какой бы ни была его роль в подготовке указа в Ингерманландскую канцелярию, тот, несомненно, хотя бы в общем был с ним согласован. Текст демонстрирует колебания в интерпретации событий. Виниус не назван в нем беглецом, принятое решение вообще не объясняется. Имущество предписано отписать, но – до “великого государя указа”. Отписка носит предварительный, превентивный характер – окончательное решение впереди. Если бы не явный след, оставленный в тексте участием Меншикова, распоряжение из-за его двусмысленности можно было бы считать не столько репрессивной мерой, сколько акцией, направленной на защиту собственности лица, которое само защитить себя не способно. С получением от Виниуса письма, содержавшего его версию событий, колебания Петра, вероятно, только усилились.

Но даже царский указ не смог обеспечить полной сохранности оставшегося без присмотра имущества.

Приступая к исполнению указа, первым делом по сведениям от людей Виниуса выяснили, что он имеет владения в уездах Московском, Рязанском, Пошехонском, Болховском, Мещовском, Белевском и Шацком – всего 91 двор [*141*, л. 703–703 об.]. В до-

кументах Поместного приказа его дворы вскоре нашли также в уездах Дмитровском, Кашинском и Ярославском. В десять уездов отправили шестерых подьячих. Московский, Дмитровский и Кашинский уезды достались Ивану Юдину. Получив наказ, подорожную, 17 алтын прогонных денег, десть бумаги и за все расписавшись, тот отправился в путь [141, л. 707]. О его действиях по прибытии в московскую вотчину (в село Степанково), рассказал виниусовский крестьянин Лукьян Степанов, 3 июня 1706 г. обратившийся с челобитьем в Поместный приказ.

Первым делом Юдин “того... селца с крестьян доправил прогонных денег 2 рубля” (хотя прогонные уже получил). Собрав деньги, приступил к исполнению указа: “В хоромах и у шкаф замки ламал, и посуду деревянную и стеклянную брал, и понятым отдавал, а сколько чего числом, того он (челобитчик. – И.Ю.) не знает... Да он же, подьячий, взял всякого хлеба дватцеть пять чети, да три лошади, в том числе мерина немецкого сиво[го] железного да две работных. А хлеб и лошади он, подьячий, велел отвезть в дмитровскую *свою* деревню. А старосту и прикащика з двора збил, а ключи отдал попу села Куртасова” (понятому) [141, л. 708–708 об.].

Решение по жалобе, затрагивавшей государственный интерес, было принято немедленно – в день подачи челобитной. А.И. Иванов распорядился послать в Виниусову подмосковную, где куролесил чиновник, для проверки извета другого подьячего. Наказ, ему данный, требовал “у подьячего, у Ивана Юдина, буде он те деревни отписал, взять отписные книги и по них освидетельствовать, все ли зделал по наказу. И буде зделал не против наказу, велеть отписать вновь... А против изветного словесного челобитья розыскать теми людьми, кто с ним у той отписки были. А буде по розыску явитца против того извету, и за то ево воровство ему учинить наказанье: бить на козле кнутом нещадно при тех людех, чтоб так впредь иным воровать было неповадно. А взятое по-прежнему взять в ту отписную вотчину и приказать все беречь... А буде ево, Ивана, в том селце не изъедет... сыскав ево, Ивана, учинить о всем по вышеписанному. А буде ево, Ивана, нигде не изъедет, и те деревни описать вновь... А деревню ево, Иванову, буде взятое в той ево деревне явитца, отписать на великого государя и людем и крестьяном слушать ево не велеть. А буде он, Иван, сыскан будет, уч[и]нить о всем по вышеписанному и, оковав, привести ево с собою к Москве”. На исполнение давалось три дня, по истечении которых следовало подать в приказ отписные книги и представить посягнувшего на казенное добро подьячего [141, л. 709–709 об., 710 об.–711].

Ревизор задание исполнил, со злоупотребившим (это подтвердилось) служебным положением чиновником “разобрался”. 12 июля приказный судья принял решение: расхитителю казенной собственности “Юдину за взятки, что он имал в деревню свою из отписных деревень думного диака Андрея Вин[и]юсова, учинить наказанье: снем рубаху, вместо кнута бить батоги нещадно, чтоб, смотря на него, иным так чинить было неповадно”. Под решением запись об исполнении: “Против сей пометы подъячю Ивану Юдину, снем рубаху, вместо кнута наказанье чинено” [141, л. 700].

Можно не сомневаться, что после публичной экзекуции бывшим владениям Виниуса по крайней мере в ближайшее время опасность со стороны алчных чиновников не грозила. Но, не забудем при этом, что думному дьяку эти владения формально уже не принадлежали: бригадой подъячих в период с 3 по 13 июня 1706 г. они были отписаны на государя, а 5 июля отказные книги были посланы в Ингерманландскую канцелярию [141, л. 723, 733]. С отпиской так спешили, что, попав под горячую руку, отписали некоторые земли, А.А. Виниусу давно не принадлежавшие (отданные им когда-то в приданое за дочерью) или с момента покупки принадлежавшие не ему, а сыну Матвею. Только в конце 1707 – начале 1708 г. их владельцы решатся заявить об ошибке и попросят вернуть им эту недвижимость [142, л. 129, 131, 136].

Когда шла отписка имений, Виниус находился в Голландии, в Амстердаме (рис. 26), куда добрался через Любек и Гамбург, а дальше морем. Прибыв в июле¹³, вскоре (12-го) написал Петру. О своем пребывании за границей ни в этом, ни в последующих письмах он почти ничего не сообщает – говорит только об упадке духа, болезнях и родственниках, которые его поддерживали: “Во Галандии ж призрением моих некоих сродник и людей благочестивых, иже в таком мя образе види, питали, утешали, потребами сподобляли неотходно ж”. И добавляет, что в Амстердаме “близ дву лет¹⁴ жил в деревне, забавляясь точию у книгих духовных” [148, л. 201 об.]. В рассказывающем о пребывании Виниуса в Голландии

¹³ В Книгу домашних записок включен реестр расходов, понесенных во время поездки, где, в частности, отмечено, что он стоял у некоего Булеуса “1706 [с] июля” [Козловский 1, с. 292]. Учитывая, с одной стороны, отсутствие других подобных записей, с другой –ходящую до мелочности аккуратность Виниуса в финансовых вопросах, заключаем, что дом этого родственника был единственным местом проживания Виниуса во время этого его приезда в Амстердам. Что, конечно, в принципе не исключает коротких его “гощений” в других домах.

¹⁴ В Книге домашних записок отмечено, что он жил у Булеуса “всего 600 дней” [Козловский 1, с. 292]. Цифра, заметим, слишком круглая, чтобы быть точной.

Рис. 26. Вид Амстердама. 1695 г. (К. Аллард)

письме Витсена упоминается, что А.А. бывал также в какой-то деревне близ Утрехта. Вообще же, Витсен подтверждает, что Виниус вел крайне малообщительный образ жизни, встречался с очень узким кругом лиц¹⁵, никуда не ездил [24, л. 3], что было связано как с болезнью, так, вероятно, и с опасением, что его поведение будет истолковано в невыгодном для него свете.

Можно представить, насколько нелегко ему, человеку привычному к эпистолярному жанру, давались в это время письма Петру. Но каждый день немотивированно затянувшегося молчания еще глубже затягивал в трясику недомолвок. Еще можно было объяснить, как он попал за границу. Но почему он застрял там настолько основательно, что, избежав непосредственной опасности, казалось, позабыл, что находится в “самоволке”, что возмнил, будто волен свободно перемещаться по всей Европе – понять *это* было совершенно невозможно. Опасался путешествия морем? – добирался бы в Россию посуху. Тертый-перетертый ка-

¹⁵ Ср. в письме Виниуса Петру от 12 июля 1706 г.: “...преблагословенное Вышнее Око видит, что никое причастие с супостаты вашими государскими не токмо не имел, но ни единого видял” [Либ V, с. 716].

лач, он вынужденно сделал опасный шаг, позже, испугавшись последствий, пустил дело на самотек, теперь же цена того, что выглядело проступком, с каждым днем возрастала.

Физические и моральные муки усугубляло одиночество – пустота, в которой он оказался на родине предков (где последний раз был 30 лет назад), отрезанный от семьи и привычного окружения, людей, которые, понимая обстановку, имели бы желание и возможность ему помочь. Родственники приютили и помогли справиться с болезнью, на большее не будучи способны. Исключение составил Витсен, к которому обратился Виниус: “Мя о совете вопросы, – вспоминал бургомистр (в письме Петру от 2 мая 1708 г.), – како бы удобняе к отчизне своей предатися было возможно” [24, л. 3]. Дать полезный совет и замолвить за Виниуса словечко мог бы, пожалуй, А.А. Матвеев, с которым у него сложились доброжелательные отношения¹⁶. Но повидаться с ним в первые, самые трудные месяцы возможности не было – тот с сентября 1705 г. находился в Париже, решая вопрос о торговом договоре между Россией и Францией и возвращении захваченных дюнкирхенскими каперами двух русских торговых кораблей. Матвеев оставался там минимум до конца августа 1706 г., когда писал Ф.А. Головину о своем намерении хлопотать о получении паспорта для переезда в Голландию и планах в Гааге [*Либ IV-2*, с. 899, 913, 920, 922].

В “голландских” письмах, начиная с первого до нас дошедшего, от 12 июля 1706 г., Виниус неизменно извещал о своем раскаянии и выражал надежду на прощение: “Высокое вашего величества упавлым грешникам милосердие дает ми утеху, яко сие мое отлучение человеколюбным и природным своим государским милосердием, яко престарелому и уже к смерти приближающему и в памяти и разуме сокрушенному, ...милостиво оставиши... Не имею, кроме вышереченного, никакова оправдания, обаче, ради спасительных заповедей, страстей и долготерпения Господа нашего Иисуса Христа, сия моя нечестия оставя, не попустили крайнему быти разорению, сущим невинным моим жене и чадам, домишку и деревнишкам... Да сие мое отлучение в противность вашии государския воли не вмените, но вышереченному нужному смертному случаю (в каковых иногда будучи, и самые святые мужи угонзались) милостиво приписать”. Виниус просил даровать ему, “состарелому и слабому, остатние дни малыя... краткия жизни вне всех мирских суетств в домишке моем или в монастыре мирно скончати” [*Либ V*, с. 716–717].

¹⁶ В своих бумагах Виниус иногда называл его просто “Артемоновичем”. В книге черновых писем отмечал: “Писал Андрею Артемоновичю комплементы” [*Козловский I*, с. 203].

Ответа на это письмо не последовало. Не было его и на следующее, оконченное 16 ноября того же года, хотя, взывая к признательности монарха, Виниус напоминал в нем о своих заслугах и оказанных царю услугах. Остановился он и на обвинениях в его адрес, о которых догадывался или скорее знал из письма. “Паче ж мя убивает, – писал он, – слыша моих неприятелей ложныя клеветы, иже, яко стрелами, мя уязвляют, предлагая, яко бы аз, нижайший твой раб, к неприятелем шведам перебежал, и в чело-битье своем, не бояся Божиа мстителнаго суда, меня крайним вашего величества злодеем имянуют”. Враги оговаривают его, “чтоб остатние мои крохи, дворы и деревни, им отдать. И та есть, а не иная причина составленных на мя их клевет, дабы мя от пресветлейшаго ти лица весма отриновенна видеть, обезглавить дом мой и имениа расхитить” [Либ V, с. 718]. Как видим, борьба за власть сведена к борьбе за влияние, основной причиной объявлено корыстолюбие недоброжелателей.

Но напрасно “в печалях погибающий и в сокрушениях, яко вервми, связанный” Виниус надеялся тронуть монаршьё сердце желанием “по окончании... печалныа и страдателныа жизни при церкви православной при детках моих погребену быть” [Либ V, с. 720]. Петр по-прежнему его не слышал.

Между тем другие письма из России Виниус, по-видимому, получал. Откуда бы иначе он узнал упоминаемые им факты, что сын, “яко... злодей”, был на “чепь посажен” и, “заболев, едва не умре”, что имущество пострадало от “похищения и кражи”, учиненной воспитанным им “рабом” по имени Гаврила и проч. [148, л. 201 об., 205]. Знал он, конечно, и об аресте имущества.

9.4. Возвращение

18 июня 1707 г. царь наконец удостоил незадачливого путешественника ответным письмом. Прекрасный образец его не лишённой своеобразного изящества письменной речи, оно, в отличие от посланий Виниуса, оказалось совсем коротким, но содержало при этом все нужное: и оценку действий, и ее обоснование, и “приговор”.

“Господин Виниус, – писал Петр из Люблина. – Письма ваши три я принял, на которыхя ответственую, что как вы свою поездку не разсуждаете, однакож оная не без вины есть; что же вы тут поминаете, что отчужден от милости, и в том можете сами разсудить: пока вы постоянно шли, тогда и я к вам теплее был, а когда сказывать стали, что нечево есть, а десеть тысяч в одну ночь дали, тогда и меня сие ваше непостоянство от вас отдалило. Но ныне, ежели хотите паки возвратитца, то во въсем прощение по-

лучите, також и все ваше вам отдано будет; в том можете весьма надежны быть. Piter” [Либ V, № 1805].

Как видим, царь не забыл рассказа Меншикова, под влиянием которого, если верить Плейеру, распорядился соорудить для Виниуса виселицу. И поездка в Западную Европу для него “не без вины есть”. Но он помнит время, когда Виниус “постоянно шел”, и когда отношения были “теплее”. Если отбросить рассуждения на тему о милосердии (в отношении Петра тему скользкую), перевести обсуждение в плоскость “достойн делатель мзды своея”, то оказывается, что сделанное прежде все же перевешивает и пресловутые десять тысяч, и вину, связанную с поездкой. Не лишнее укоризн, письмо не обещает Виниусу покровительства, которого он просил, но в случае возвращения гарантирует прощение и возврат имущества.

Виниус, однако, не смог воспользоваться царской милостью немедленно. Долгожданное письмо было получено в сентябре, между тем в августе он снова тяжело заболел. По его словам, “видя себя от вышепомянутых болезни еще вельми слаба” (чему он готов был привести свидетелей) и испытывая страх “ради прихода шведов” ехать через Гданьск (“бояся, – поясняет он, – да не впаду в руке их, егда бы неприятели мои, яко и прежде”, разнесли, “что я перебежал”, а это привело бы “в самое дно неисходимых бедств”), Виниус решил возвращение свое “до грядущия весны конечно восприяти” [148, л. 202–203].

Между тем сведения о прощении Виниуса стали распространяться. На московский его двор 29 августа 1707 г. был послан рядный подьячий “взять скаск[у] з жены ево в том, что муж ее ныне где”, и расспросить о принадлежавшем ему имуществе. Похоже, здесь готовились к возвращению недвижимости законному хозяину и уже удивлялись, отчего он, получив прощение, не едет. Матрена Ивановна ничего интересного не сообщила. Дворы, сказала, в восьми уездах (перечислила), муж – в Амстердаме [64, л. 1–1 об.].

Те же признаки приближающейся амнистии видим и в урегулировании претензий Матвея Виниуса и Алексея Калитина (зятя) к государству, представлявшие интересы которого чиновники в 1706 г. настолько споро и беспардонно отписали на государя владения А.А., что вместе с ними были прихвачены и дворы его родственников.

9 октября 1707 г. и повторно 7 февраля 1708 г. бил челом Калитин, а вскоре после него, 21 февраля 1708 г., М. Виниус. Оба утверждали, что пострадали безвинно (их имущество отписывать на государя велено не было) и просили отнятое вернуть [142, л. 129, 131, 136–136 об.]. После наведения обычных в подобных случаях справок судья Поместного приказа 14 мая 1708 г. вынес

решение: земельным владениям Калитина и М. Виниуса быть за их бывшими владельцами по прежним дачам [142, л. 148–148 об.].

Приблизительно в это время А.А. Виниус начинал свой путь на родину, оказавшийся довольно долгим. Перед отправлением в дорогу, 2 мая он встретился с Витсенем, от которого получил письмо царю. Витсен тезисно перечислил в нем главное, что оправдывало Виниуса: злосчастное стечение обстоятельств (“некий жребий военный”) и тяжелейшую его болезнь (“тако заболел, яко аз не надеяся ему далее жити”). Любопытно присутствие в тексте явно вставленных по инициативе Виниуса заявлений о беспорочности его поведения за границей. Об этом свидетельствовало, во-первых, отсутствие каких-либо разъездов по стране (кроме Амстердама и местечка недалеко от Утрехта, “инде нигде не был”); во-вторых, избегание порочащих его контактов (“Зде[сь] же ни с кем знаемости не имел, разве со мною и с ынными к вашему царскому величеству склонными персонами и к услугам вашим готовым сущим”). Витсен апеллирует к нерушимости слова монарха: прямо напоминает о данном Виниусу обещании снять с него все обвинения (“ваш[e] величество толикими милостивыми словесы весьма его твердо обнадежить в своем царском высокопочтенном писании к нему изволили, которое писание бе ему лутчий исцелительный балсам во исправление здравия его”) [24, л. 3–3 об.]. Сообщая, что ему, авторитетному иностранцу, известно об обещании царя, Витсен косвенно привлекал на защиту своего протеже (на случай новых царских опал) европейское общественное мнение.

Получив письмо, Виниус отправляется домой – в морской поход “чрез океан Северный к Архангельской порте”. По-видимому, в августе он прибыл в Архангельск. 10 сентября писал Петру уже из Москвы, сообщая, что вновь предается в царское “сохранительное” признание. Упомянул и о состоянии хозяйства, каким застал его по возвращении. “Обретох домик мой запечатан, – жаловался он, – деревни отписаны, книги, ими же некогда вашему величеству служих, а в горестех своих доволну приях утеху, взяты; люди мои остатние пожитки мои, в долг взятые, похитили”. Следуют просьбы: “...домик мой распечатать, взятые книги отдать, на рабов и протчих, иже мое похитили, свои царским правосудием возвращением ся сподобити” [Либ V, с. 724].

Петр обещания исполнил: имущество Виниусу вернул, даже сохранил за ним чин думного дьяка. Правда, на административную работу не возвратил: поручил ему для начала заняться переводами. Виниус сразу же попытался закрепить восстановление прямого контакта с Петром: писал ему всякий раз, когда для это возникал повод. Такой случай представился уже вскоре: письмо Виниуса из Москвы с поздравлением по поводу “Левенгоубтин-

ской баталии” (победы при Лесной) было отправлено в первой декаде октября 1708 г. [*ПуБ VIII–2*, с. 738].

То, как Россия встретила Виниуса, позволяет высказаться по поводу одного присутствующего в литературе предположения. И.П. Козловский, говоря о его пребывании в Голландии, замечает, что там он “очевидно... изменил православию”, а по возвращении в Москву снова его принял [*Козловский I*, с. 223]. Подтверждений этому историк не приводит, поскольку, полагаем, их не имеет. Не обнаружили их и мы. Между тем, если бы такой факт действительно имел место, он скорее всего получил бы общественную огласку и, несомненно, резко негативную оценку – веротступничество расценивалось как преступление. Этого, однако, не случилось, из чего заключаем, что, по-видимому, не было и конфессионального метаморфоза. Зная, как и почему Виниус очутился в Голландии, зная его планы на будущее в период пребывания там, тем более усомнимся в измене им той религии и той церкви, с которыми он сроднился с детских лет.

9.5. Последние годы

С возвращением Виниуса в Россию начинается новый, последний период его жизни. Государственная работа (дипломатическая и административная) – многие годы важнейшая для него сфера социальной реализации – отходит на второй план: сначала Петр не решается вновь поручить ее Виниусу, позже решается, но уже поздно – берет свое старость. Как частное лицо, Виниус занимается в эти годы приведением в порядок домашнего хозяйства, как подданный – выполняет очередные поручения, преимущественно переводит техническую, юридическую, учебную литературу. Царь считает дело достаточно важным – 30 июня 1712 г. указом Сената для работы над переводом “Устава судебных воинских прав” (“Прав других государств”) назначает к нему в помощники Якова Веселовского [*Указы*, с. 238].

В период с 1701 по 1707 г. Петр все более отдалялся от верно-го своего сотрудника, причиной чего первоначально выступало недовольство его деятельностью, позже – сомнения в личной честности, наконец, подозрения в измене отечеству. Дарованное в 1707 г. прощение означало, полагаем, не только отмену наказания, но и частичное снятие обвинений – в своем письме в Амстердам Петр напоминал о пресловутой взятке, но якобы “заваленными” служебными поручениями не попрекал. Оправдания Виниуса не оказались напрасными – со временем, когда гнев естественным образом утих, был услышан и его голос. Смирился Петр и с важнейшим для строительства новых отношений аргументом – обреме-

ненной болезнями и старостью Виниуса, естественным образом уводившей последнего с передовой линии боев за новую Россию во все более глубокий тыл. Для оценки положения Виниуса в этот период учет прежних его отношений с царем хотя и важен, все же не обязателен – объективно перед нами вполне почетная пенсия, не обеспеченная особыми ветеранскими льготами, но и не омраченная забвением, убийственным для деятельного человека.

Решительным доказательством тому, что недоверие в конце концов покинуло государя, является дипломатическое поручение, данное им Виниусу в 1710 г.

Переходя к нему, предварительно обратим внимание на любопытный факт: Виниус в качестве опытного сотрудника Посольского приказа консультирует чиновников других ведомств относительно вещей, связанных с правилами дипломатической переписки. В 1710 г. (не позднее 22 апреля) он оказал такую услугу своему преемнику на одном из постов – “Сибирского приказу президенту” (как называет его Виниус) М.П. Гагарину: он “написал ему от царского величества лица к хивскому государю грамоту и от его лица к хивским сенатором, образцовой же лист с купчиною и купетских дел с комиссаром с Петром Худековым” [*Козловский I*, с. 289].

В сентябре этого года вместе со стольником Федором Протасьевым Виниус был послан к гетману Левобережной Украины И.И. Скоропадскому (сменившему Мазепу) состоять при нем “для советов о государственных делах”. Они заменили пребывавшего на этом посту с 1709 г. ближнего стольника А.П. Измайлова, смещенного за поступок, сочтенный превышением полномочий [*ПуБ IX*, № 3344, с. 1150; *X*, № 3983, с. 716].

Решение направлять к гетману советников из Великороссии являлось реакцией Петра на измену Мазепы. По отношению к Малороссии оно выглядело как вмешательство в ту долю ее независимости, выражением которой был институт гетманской власти. Канцлер Г.И. Головкин успокаивал гетмана, отмечая, что посланцы Москвы ему “довольно знаемы яко суть люди искусные и поважные”, обещал, что он может рассчитывать на уважительное их к нему отношение и поведение, поскольку им “приказано будет”, чтобы они “во всем поступали нисходительно” и “вспомогали” гетману советами и делами. Между тем в народе поговаривали, что “министр, который при гетмане” (наш Виниус) осматривает каждое его письмо [*Соловьев VIII*, с. 335].

Можно предположить, что болезни, все более усугублявшиеся подступившей старостью, сильно смущали готовившегося к поездке Виниуса, хотя само по себе поручение, выступавшее еще одним свидетельством реабилитации его в глазах царя, он вос-

принял скорее всего положительно. Тем более что Петр по его просьбе одновременно с назначением решил несколько важных для Виниуса финансовых вопросов, 10 сентября 1710 г. специально написав о них Ф.Ю. Ромодановскому. Один из них касался некой пошлины в сумме 605 руб., которую его ведомство требовало с Виниуса. Там же находилась челобитная Виниуса “о человеке ево, которой снес ево и долговых пожитков на шестьсот рублей”. Петр распорядился не требовать с Виниуса уплаты доимочных денег, а о человеке, его обокравшем – “розыскать” и учинить соответствующий указ [*ПуБ X*, № 3983].

Но в той мере, в какой надеялся Петр, “отслужить” Виниусу не удалось. При гетмане он оставался недолго – менее года, в очередной раз заболел и вынужден был эту службу оставить [*Козловский I*, с. 224]. “Поелико смогу, – заверял старик Петра в письме от 21 февраля 1712 г., – буду работать; однакож рукою, государь, правую в письме мне зело тяжко, едва имя свое подписываю... Желание – вестъ Бог – есть, да сила по вся дни скудеет” [*Пекарский I*, с. 203]¹⁷.

Вспоминая о Виниусе, когда требовались его опыт и знания, давая ему посильные поручения (которым старик, можно думать, был только рад), царь, вместе с тем, не опекал его, хотя по возрасту и из-за семейного положения, опасно ухудшавшегося, опека становилась все более необходимой. Погруженность в работу часто сочеталась в нем с лишенным сентиментальности отношением к людям. На других, как правило, не хватало времени, а нередко и природной душевности (исключая разве что Екатерину).

Поэтому нисколько не удивляет, что в то время, когда Виниус из последних старческих сил исполнял царские указы на Украине, в его московский дом были определены на постой пленные шведы, да еще и в поражающем здоровый смысл числе. Ни лечиться, ни заниматься переводами в таких условиях было невозможно. Пришлось жаловаться Петру, который 18 марта 1712 г. указал Сенату “впредь чтоб шведов к нему не ставить” [*Указы*, с. 226].

Но 4 августа 1712 г. Виниус с сыном оказались еще перед одной непростой для них задачей: наряду с множеством других должностных лиц им по приговору Сената было велено готовиться к переезду в Петербург. Окончательное переселение должно было произойти после заключения мира со Швецией, но уже сейчас им предлагалось перебираться на о-в Котлин и приступать к строительству дома в Петербурге [*Козловский I*, с. 224]. 4 декабря следующего, 1713 г. указ был повторен. Лицам,

¹⁷ Ср. в письме Димитрия Ростовского Стефану Яворскому от 4 декабря 1707 г.: “Есть хотение, да нет силы”. И... ручище пишущее дрожит” (цит. по: [*Паламарчук*, с. 11]).

попавшим в списки переселенцев, объявлялось вторично, дабы они те свои дворы в Санкт-Петербургху строили заранее. А как повелено будет им в Санкт-Петербургху жить, и тогда б им мочно куда приехать. И чтоб в то время неведением ни кто не отговаривался” [113, л. 161]. Соответствующие указы из Сенатской канцелярии рассылались по губерниям – был послан такой и московскому губернатору боярину А.П. Салтыкову [113, л. 162].

Решать задачи, подобные этой, Винусу становилось все труднее еще и потому, что людей, на которых он мог положиться, становилось все меньше. Надежных помощников и продолжателей домашних планов не осталось. Обе дочери умерли, оставив вдовых зятёв – полковника Траурнихта и стольника Калитина. Был сын, главная надежда и опора. Но отношения с ним складывались все хуже.

Воспитанный, по-видимому, в условиях жесткого контроля и чрезмерной, сковывавшей свободу развития, любви, Матвей инстинктивно искал нишу, где бы его натура раскрылась самостоятельно. Так он все больше стал уклоняться от пути, по которому вел заботливый отец. Глоток свободы по выезде на учебу за границу (куда он отправился 16 марта 1699 г.) оказал на него не только освежающее, но и опьяняющее влияние. Опьяняющее в прямом смысле: Матвей стал злоупотреблять алкоголем. Не сумевший по возвращении (не ранее октября 1701 г. [Козловский I, с. 277]) должным образом зарекомендовать себя в профессиональной сфере (из языков он выучил один немецкий), он снова оказалась на излете. Неприятности (первая – отнятие у Винусов почты) начались еще во время пребывания Матвея за границей, и по возвращении сына пристроить его на хорошее место отец уже не сумел. Стремясь поправить расстроенные дела и освоиться из финансовой петли, А.А. уже не мог контролировать сына, как прежде. Между тем, вскоре им снова пришлось расстаться: 27 апреля 1704 г. отец отпустил Матвея “по присылке из Санкт-Петербурга” [Козловский I, с. 277].

Смутное время в доме Винусов – время, когда нелегкая занесла А.А. в Амстердам и никак не желала из него выпускать, – еще более распатало не слишком дисциплинированную натуру Матвея. По возвращении отца он на некоторое время взял себя в руки, но нравственных сил и воли хватило не надолго. Дело, наконец, зашло так далеко, что А.А. решился пожаловаться на сына в Преображенский приказ. Его челобитная была подана 2 июля 1709 г.

Непосредственным поводом послужило исчезновение Матвея: он “июня в 30 день, – рассказывал А.А., – шел с моего двора к зятю своему Алексею Калитину, от него неведомо куда один ушел,

Рис. 27. Азартная игра. Миниатюра из рукописного Синодика. XVIII в.

пропал... безвестно”. Отец сообщил, что недуг прицепился к сыну восемь лет назад и теперь он “впал в безмерное пьянство и шалость: платье с себя и всякую рухлядь, и где что может достать, пропивает и раздает денги по сторонам, займывает, выманивает и в неподобные места раздает” (рис. 27). Отец взял с него письменное обещание исправиться – его “всегда, яко родителя своего, почитать и слушать, впредь жить благочесно”, – но бумага положения не поправила. Виниус извещал: “...таких ево ради безчеловечных нехристианских и Господу Богу неприятных поступок и пренюгие ко мне досады непослушания от сыновства своего ево и от наследия весьма отчуждаю... дондеже разве исправится и обратится”. В связи с этим он просил дать указ по всем приказам, не верить никаким крепостям и заручным письмам Матвея и впредь их не записывать. Самого Матвея он просил “за ево... непослушание и такое свинское невоздержное пьяное житие, учиня ему наказанье, сослать его до... указу в монастырь в которой пристойно, чтоб ево, беднава, душа вечно не погибла” [128, л. 1; 1, л. 3–4].

Ф.Ю. Ромодановский распорядился Матвея сыскать, расспросить и держать под караулом. 11 июля он был доставлен в приказ и допрошен. Свою тягу к вину Виниус-младший объяснил чрезмерно авторитарным поведением родителя (“жестоким приказанием отца”, из-за которого он, собственно, и “пьян напивался”). Показания Матвея рисуют его в довольно неприглядном виде. Чего стоят его знакомцы: торговый человек Ветошного ряда, принявший у него за бесценок отделанный золотом шитый камзол (штаны из этого комплекта Матвей сохранил) и принадлежащий А. Калитину тулуп, “от скудости” живущий в Новонемецкой слободе на дворе переводчика И.Я. Густавуса работник, взявший в заклад шпагу с “ножиком и вилками”, безымянный пушкарь, сопровождавший Матвея в походе в слободу, сам толмач Густавус, угощавший пивом Виниуса и пушкаря и т.д. и т.п. Матвей, которого разгневанный отец не велит пускать на двор, отправляется к Калитину, от него – на загородный двор последнего, где ночует “с людьми ево”. В таком ли обществе, за такими ли занятиями видел в мечтах своего сына думный дяк! Неудивительно, что у Матвея не оказывается в нужный момент и полполтины на извозчика – оплачивать пьянство и мотовство, тем его поощряя, отец не намеревался.

После недолгого разбирательства, 19 июля, глава Преображенского приказа (вероятно, не без подсказки челобитчика) вынес приговор, учитывая соотношение чина и проступка, довольно суровый:

“Матвею Виниусу за ево пьянство и что он отцу своему непослушен, учинить наказанье: бить, сняв рубаху, плетью и послать под начал в Покровской монастырь, что на убогих доме, на Москве.

Велеть ево в том монастыре держать скована в монастырских жестоких трудах, и приводить ево во время церковных служб в церковь, и смотреть за ним накрепко, чтоб он из того монастыря куды не ушел и был бы в монастырских трудах по вся дни неотложно” [I, л. 13 об.].

Нам не известно, был ли этот приговор приведен в исполнение (полагаем, что был) и сколь долго оставался Матвей в монастыре. Но вне всякого сомнения наказание, для опустившегося Матвея несомненно тяжелое, не сблизило поколения – скорее отдалило их еще больше. Можно представить, какие душевные муки испытывал А.А., всю жизнь настойчиво строивший и отделявавший здание благополучия своей семьи и на старости лет оказавшийся в строении, сильно поврежденном бурей и стремительно пустевшем. Матвей был единственным прямым наследником по мужской линии – а сохранить нажитое отцом был явно не способен¹⁸.

Но разрушавший семью Виниусов рок готовил еще один, завершающий, удар. В 1715 г., до 19 декабря, Матвей умер [118, л. 656 об.]¹⁹. К этому времени Виниус скорее всего был уже вдовцом²⁰. К присмотру за стариком “для того, что у него никоме не осталось”, Петр определил его зятя Алексея Калитина, о чем просил сам Виниус [118, л. 656–656 об.].

С того же 1715 г., по имянному указу (точная дата которого нам неизвестна), “думной дьяк Андрей Виниус, и люди ево, и крестьяне всякими делами были ведомы в Преображенском приказе” [147, л. 6 об.].

Жить Андрею Андреевичу оставалось около года.

9.6. Смерть.

Родственные объятия до и после

Сохранилась (в изложении) недатированная духовная Виниуса. Поскольку часть имущества в ней назначена для передачи одной из дочерей Виниуса, при этом ни жена А.А., ни его сын не упомянуты,

¹⁸ Не складывалась и собственная карьера Матвея. В 1712 г. его определили “быть в гварнизоне для осмотру и переводу немецких писем”, в июне 1713 – с той же целью в Сенат. Жалованья в обоих случаях не назначили, в связи с чем в 1713 г., в июле и октябре, он бил челом о его установлении “против переводчиков Посолского приказу, дабы... было чем у того дела прокормитца” [113, л. 627, 631].

¹⁹ Козловский, опирающийся на тот же самый источник – переписку по поводу назначения для присмотра за стариком Виниусом его зятя Калитина, – считает, что в конце этого года [Козловский I, с. 278].

²⁰ По утверждению С.Г. Милокова, жена Виниуса ушла из жизни после Матвея [Милоков 2000а, с. 276]. Но архивный источник, на который он в подтверждение своих слов ссылается [113, л. 627–632], сведений о ее смерти не содержит.

кроме того, Чепелев, определенный в душеприказчики, назван ландрихтером, документ должен быть отнесен к концу жизни Виниуса.

Объявленная после смерти Виниуса, она фиксировала последнюю волю покойного, которая уже не могла быть исполнена в точности. Приводим этот, во многих отношениях любопытный документ.

В соответствии с обычаем в первую очередь Виниус завещал, “чтоб почитца в подаяние по убогим, и на погребение, и на сорокоустье.

Нищим роздать тысячу рублей, отцу духовному пятьдесят рублей. Дочери ево, Алексеевой жене Калитина, движимое и недвижимое имение, и двор московской да загородной, что на Олховце²¹, да вотчину в Московском уезде селцо Степанково, да денег тысяча рублей.

Племянницам ево, трем человекам, да сестре ево, Андреевой жене Городецкого, по сту рублей, итого четыреста рублей.

А что будет в остатке денег, душеприкащиком ево и дочери роздать убогим, на правеже стоящим, которым искупитца нечим.

Долгов на нем болших нет, разве по росписке руки ево устюженину Осколкову триста рублей.

Любям на делу дать на семью по четыре рубли, а оставшим в доме ево по три рубли, а неженатым по кафтану ценою по рублю.

Тот завет исполнить отцу ево духовному игумену Моисею, полковнику Трурнихту, лантрихтеру Чепелеву, Алексею Калитину, дьяком Городецкому и Протасову.

Денги на расход взять у иноземцов Бутышки²² да у Пеля²³, Садовой слободы у Володимера Щеголина” [147, л. 7 об.–8].

²¹ Ольховец – ручей в Москве, приток р. Чечеры. В настоящее время в трубе. Исток в районе Красносельских улиц. По нему названы современные Ольховские улицы, переулочек и тупик [Москва, с. 474].

²² Это лицо – Бутышка или Будушка – однозначно не идентифицируется. Скорее всего подразумевается голландец Андрей Будушка (вариант: Бодышка), имя которого в паре с именем “амбурца” Андрея Шхунемана встречаем в росписях товаров, находившихся на кораблях, прибывавших в Архангельск в 1687 и 1689 гг. Специализации в характере ввозимого ими товара не прослеживается: в Россию они доставили зеркала, шандалы, медные щипцы, глиняные кружки, стеклянные стаканы, железо белое листовое и 32 бочки с полубочкой “рыб сельдей” [ЗКИТ, с. 85, 88, 92]. Вероятно, Будушка – искаженное Бодиско (Bodisco) (вариант, Бодиск). Деятельность в России нидерландского купца Андрея Андреевича Бодиско относится к 1687–1722 гг. [Демкин 1992, с. 16; Захаров, с. 312].

²³ В начале XVIII в. (приблизительно с 1706 г.) в России действовали голландские купцы братья Даниил и Ананий Пель. Первый одалживал деньги русским купцам, причем значительные суммы (например, дорогобужскому купцу Г. Остроухину в 1722 г. 2200 руб. [Захаров, с. 31, 186, 314]). Голландский купец Ананий Павлович Пель в 1720-х годах имел дом в Немецкой слободе рядом с домом придворного доктора З.Я. фан дер Гульста, женатого на Нениле Владимировне [Ковригина, с. 291, 292], приходившейся А.А. Виниусу, как мы

Итак, Виниус завещал передать разным лицам (нищие, его духовный отец, родственники) 2450 руб., отдать 300 руб. оставшегося на нем долга и не менее 16 руб. раздать семьям деловых людей, дворовым и, особо, неженатым. Всего – около 2800 руб.

Наличных и скрытых в займах денег было значительно больше. Кому же по духовной предназначалась эта сумма, в несколько раз превышавшая назначенную родственникам? “А что будет в остатке денег” завещатель просил “роздать убогим, на правеже стоящим, которым искупитца нечим”. Распоряжения о раздаче денег нищим встречаются в духовных нередко. Так, прощаясь с жизнью, определил “на поминание души” по этой статье 500 руб. гость М.А. Чирьев, первым своим душеприказчиком назначивший, между прочим, А.А. Виниуса [Козлова, с. 67]. В духовной Виниуса интереснее упоминание лиц, которым “искупитца нечим”. Зная биографию Виниуса, за этим его решением видим воспоминание о печальных событиях собственной биографии: эпизод 1705 г., когда на правеж был поставлен он сам, обвиненный в неуплате денег по закладной. Унижения и оскорбления, которые он тогда испытал, Виниус, без сомнения, помнил всю жизнь. И готовясь к ее завершению, посчитал, несмотря на наличие родственников, более важным спасти хотя бы нескольких несчастных должников. И, наверно, спас, хотя точно сказать, сколько было роздано нищим, мы не можем²⁴ (предполагаем, значительно меньше, чем рассчитывал Виниус).

Впрочем, распоряжения и не могли быть исполнены в полном объеме, поскольку к моменту смерти Виниуса изменился наличный состав оговоренных в документе наследников. Не было в живых дочери, которой завещал он отдать всю недвижимость и заметную часть сбережений.

В литературе годом смерти А.А. Виниуса указывается, как правило, год 1717-й. В одном случае, в работе С.П. Луппова, нам встретился также 1718 г. [Луппов 1973, с. 237]. На уточняющий эту важную дату документальный источник – подлинник челобитной племянницы (дочери сестры) А.А. Виниуса М.Л. Протасовой от 24 декабря 1716 г., сохранившийся в фонде Сената, впервые в литературе было указано в 2000 г. [Юркин 2000, с. 79; Ми-

установили, родной племянницей. Упомянем также алхимиста Петра Пиля, с 1672/73 г. жившего на Большой Мясницкой близ аптекарского огорода (в казенном доме, который позже достался Виниусу), а “в смутное время” (в 1682) перебравшегося в Немецкую слободу [62, л. 343, 346].

²⁴ Давая в качестве душеприказчика отчет о расходовании денег из наследства Виниуса, дьяк А.И. Городецкий по интересующей нас статье выразился довольно туманно: “В монастыри, и в богадельни, и по тюрьмам нищим в милостыню и сродником на помин. А что порознь – не помнит” [147, л. 7 об.].

люков 2000а, с. 276]. В статье, посвященной 360-летию со дня рождения А.А., мы опубликовали и содержащую интересующие сведения цитату из этого документа. Протасова начинает челобитную с извещения: “В нынешнем 716-м году в ноябре месяце дяди моего родного, думного дьяка Андрея Виниуса, скоропостижно не стало” [116, л. 568]. Приведенные сведения изменяют год смерти (с 1717 на 1716) и указывают месяц (без дня), когда она произошла.

Позднее нам удалось уточнить и эти данные – установить день смерти. Точная дата была обнаружена в одном из дел, возникших в связи со спорами вокруг наследства, оставленного покойным. В нем, причем сразу в нескольких документах близкого времени, отмечено, что Виниус умер “скоропостижною смертию” 8 ноября 1716 г. [136, л. 226, 230, 231, 232].

Хотя источник прямо не указывает, что произошло это в Москве (сказано только “в доме ево”), последнее можно утверждать с полной уверенностью. В составе принадлежавшего ему на момент смерти недвижимого имущества упоминаются оставшийся у него к тому времени собственно московский двор – “что в Белом городе на Стретенке”, и еще один двор, названный в документах “загородным” – “за Мясницкими вороты на Олховце” [147, л. 6]. Прочая недвижимость – в уездах. О городских домах, кроме московских, не упоминается ни в одном документе по наследству, хотя раздел его затянулся и породил немало бумаг (дошедших до нашего времени), где перечислялось имущество. Не упоминается потому, что их – дворов в других городах – у него не было²⁵. Виниус жил и умер в Москве. В каком из двух названных выше его дворов – неизвестно, но более вероятным полагаем, что похоронен он был при церкви, в приходе которой состоял городской двор.

Организацией похорон занимались его племянница, вдова Ненила фан дер Гульст, и муж сестры дьяк Андрей Городецкий²⁶.

Нам не известно ни одного прямого отклика на смерть Андрея Андреевича. Царь, вроде бы не забывавший о нем (чему свидетельство – распоряжение по поводу Калитина), находился в те

²⁵ Учтем также, что все родственники, присутствовавшие в доме при осмотре оставшегося после Виниуса имущества – точные или с высокой долей вероятности москвичи. Петербуржцы включаются в борьбу за наследство с опозданием, когда первые почти уже повернули дело в свою пользу.

²⁶ По словам А. Калитина, “ис тех де денег племянница тестя ево, иноземка вдова Ненила, взяла сто рублей на расход в погребение”. А. Городецкий, отчитываясь в 1717 г. по поводу наличных денег, найденных в доме Виниуса, заявил, что “ис тех де четыреста рублей держал он на погребение и милостыню” [147, л. 7].

дни далеко – путешествовал с Екатериной по Западной Европе. По дороге из Дании в Голландию они задержались в Шверине, где в обществе герцога и герцогини мекленбургских пребывали с 5 по 10 ноября. 29-го Петр был на голландской границе, “против 30-го числа... к ночи прибыл в Девентер, галанской город, который в Фрисланской провинции первой”. 6 декабря с малой свитой добрался до Амстердама²⁷, где “смотрел всяких художеств”, посещал верфи, а вскоре после Рождества, 27 декабря, заболел лихорадкой, отчего задержался тут до 7 марта 1717 г. [*Гистория I*, с. 611]. Не здесь ли, на вероятной родине Виниуса, он получил известие о его смерти? – судя по времени, мог бы.

К сожалению, не только кладбище при церкви Марии Египетской Сретенского монастыря (к приходу которой относился двор Виниуса [*Переписи 1896*, с. 29]), но и сама церковь не сохранились – храм был разрушен в 1930 г. [*СС I*, с. 188]. Захоронение А.А. Виниуса скорее всего уже не существует. Сохраняем некоторую надежду на обнаружение надгробия, некогда отмечавшего место этой могилы, в каком-то из московских музеев или в ходе археологических работ в районе разобранного храма. Впрочем, в описании монастыря начала XX в. о надгробиях, отмечающих захоронения внутри церкви Марии Египетской, не упоминается, хотя сообщается об их наличии в стенах двух других монастырских храмов – собора Сретения Владимирской иконы Божией Матери и Никольской церкви. Самое древнее относилось к 1678 г., были памятники и начала XVIII в. Но среди фамилий, которые в то время еще читались на этих плитах, Виниус источником не отмечен [*Иосиф*, с. 16, 31, 32].

В составе оставшегося от Виниуса имущества упоминается небольшой личный архив (ларчик, а в нем “двадцать семь писем немецкого письма”, среди которых были письма Витсена [147, л. 7])²⁸ и библиотека (“на немецких разных языках” 662, по другим данным, 663 книги в московском доме [147, л. 8 об., 15 об.] и, возможно, еще несколько их штук в подмосковной усадьбе [141, л. 714]). Значительная часть библиотеки сохранилась. Судьба до-

²⁷ По прибытии в Амстердам Петра торжественно встречали “генерал от войск галанских” граф Албемарло (от дворянства), президент амстердамского магистрата Гоп, депутаты Лепелар и Коншот, их секретарь Эк (из бургомистров) [*Гистория I*, с. 611]. Витсен не упоминается ни среди встречавших, ни среди тех, кто обеспечивал “культурную программу”. 75-летний ученый, возможно, был нездоров – в том же 1717-м г., 10 августа (по григорианскому календарю), он умер [*Elias*, 545].

²⁸ Среди книг библиотеки Виниуса ее опись упоминает несколько рукописных томов, содержавших, в частности, черновики исходящих писем. Фактически – это еще одна часть архива семьи Виниусов.

Wille Edele gestrengde Heer
 & self

De Heer Bodisco zedst mij overgandigh
 tuel v. Wille E. sden alydname
 Eulder. waken hit sijn edelhe
 tostant in gesontsdyt ~~geest~~
 wistaken. Zij zedst ~~mede~~ ~~mede~~
 mij ghyt van alle omstandigheden
 dese Heer & self komt mij voor als
 sijn man van kennt. waken sijn in
 galt edel. Zij oordelt met mij
 dat onsen billen sijn madder
 wgoorde tot sijn Eulder. sijn
 vast frandment in acht gander
 gullen. In in goep magty begin
 om zed tot dusdat te ongen
 dog sijn zed in ons edel ghyt
 sijn madder in in te of in yal
 kint gesien te gellen waken
 ons in sijn gellen g. edelheit
 in ons ongenagten getoort.

Рис. 28. Первая и последняя страницы письма Н.К. Витсена А.А. Виниусу от 6 июня 1716 г. (РГАДА. Ф. 161. Оп. 1. Д. 84. Л. 8, 9). На обороте л. 9 теми же чернилами адрес: *Andreas Winius / Dumnoy Diyak in / Mosco*

кументов неизвестна. В РГАДА нами обнаружены шесть подлинных писем Витсена Виниусу, относящихся к 1710–1716 гг., завершающей фазе их переписки [55, л. 1–3, 4, 6–6 об., 8–9] (рис. 28). Самое позднее из них датировано 6 июня 1716 г. Тот факт, что это адресованное А.А. послание сохранилось в комплексе с более ранними письмами того же автора, свидетельствует о том, что адресата оно отыскивало (хотя, не исключено, уже после смерти)²⁹. Это наводит на предположение, что перед нами остатки домашнего архива Виниуса – часть “писем немецкого письма”, в нем некогда находившихся³⁰.

Со смертью Андрея Андреевича мужская линия российской ветви рода Виниусов пресеклась.

Но в делопроизводстве имя последнего ее представителя мелькает еще долго. Встречаем его в документах Поместного и Преображенского приказов, сенатских учреждений, структур дворцового ведомства. Виниус не принадлежал к числу очень богатых людей, но до конца своих дней оставался человеком достаточным. Значительное наследство вкупе с неопределенностью наследника сильно возбуждало его родственников в последний год, после смерти жены и сына. За одного из родственников (полковника Д.Л. Порецкого) пыталась замолвить словечко даже Екатерина Алексеевна [*Козловский 1*, с. 224].

Но главные битвы за наследство состоялись уже после смерти думного дьяка.

В конечном счете большая часть имущества отошла наследникам по линии Городецких. Кое-что (немногое) досталось А. Калитину. Сретенский двор получил полковник Порецкий, но не в качестве наследства, а в компенсацию за взятый в казну “под строение болворков” собственный его двор “за Варварскими вороты у Китая-города”. Владельцем Степанкова стал обер-секретарь А.Я. Шукин, которому Виниус продал свою подмосковную за несколько дней до смерти. На деньги и часть движимого имущества наложила руку казна – в том числе на библиотеку, отправленную в Петербург в 1718 г. [147, л. 9, 10].

²⁹ Имеющаяся на большинстве писем помета с датой получения в данном случае отсутствует. Пометы на других витсеновских письмах из Амстердама свидетельствуют, что время доставки в Россию европейской почты могло в эти годы сильно колебаться. Письмо № 1, отправленное 10 апреля 1710 г. было получено 4 мая, № 4, пустившееся в путь 17 июля 1713 г. получили только 1 января 1714 г. [55, л. 1, 1 об., 4].

³⁰ Кроме писем Витсена в архивном деле присутствует несколько писем на голландском языке других лиц.

Труды и наследие

Глава 10. Общие замечания

Вся жизнь Виниуса, все его дни – непрерывный труд благоустройства.

Утверждая это, категорически отрицаем намерение создать парадный портрет героя, а если такой “сам собой” и пишется (путем бессознательного отбора и компоновки фактов) – заставить читателя в него поверить. Заранее заготовленной оценки личности Виниуса у нас нет, и факты мы цензуре не подвергаем. Облик Виниуса, как мы надеемся, вырисовывается, проявляясь естественным образом, и внутренняя его непротиворечивость – в известной мере гарантия тому, что работа на правильном пути.

Поэтому, не опасаясь обвинений в лакировке, повторим: Виниус, во-первых, труженик, во-вторых, солдат культуры. Он – садовник, умиротворяющий первичный хаос бытия, в чем бы тот ни проявлялся. Он из тех, кто пытается извлечь все богатства из полезных ископаемых, где бы – в природе, обществе, мире духовных сущностей – те ему ни открылись.

Неустанные труды рождали плоды: физические (руды давали металл), социальные (государства и народы сближались и обогащались), духовные (возникали новые тексты, создавались и распространялись знания).

О них и их творце вторая часть этой книги.

10.1. Занимались ли в московских приказах научной работой?

Обусловленное тесной связью Виниуса с двумя культурными традициями своеобразие его личности затрудняет анализ и квалификацию культурной его деятельности.

Особенно отчетливы эти трудности в том, что касается научной сферы. В европейском контексте он, судя по мотивациям, содержанию и результатам деятельности, по контактам с научным сообществом, правилам, которым в общении с ним подчинялся (насколько возможно их представить) – просвещенный любитель, занимавшийся научной работой в несложных ее формах и

благодаря ей внесший в науку скромный, но при определенных усилиях вполне различимый вклад. В российском контексте говорить обо всем этом как будто рано – для XVII – начала XVIII в. имеем здесь, как принято считать, не столько историю науки, сколько историю знаний. Одни и те же факты в зависимости от системы их интерпретации обретают существенно различный смысл. Корректно ли в таком случае исходное разделение?

Обратимся в этой связи к некоторым идеям, высказанным в свое время В.И. Вернадским [*Вернадский*, с. 73–75].

Анализируя структуру понятия “естественнонаучная мысль”, он обратил внимание на необходимость различать *научную работу* и *научное творчество*. Не всякая научная работа, по его мнению, носит творческий характер. Она может совершаться и чисто механически. Таково собирание фактов и констатирование явлений, делающее возможным их сравнение с уже обнаруженными и теми, которые будут обнаружены в дальнейшем. Вернадский подчеркивал, что и при отсутствии в научной работе отчетливо выраженного творческого начала “собирание научно установленных фактов... есть дело огромной важности в тех индуктивных, опытных или наблюдательных отделах человеческой мысли, к каким относится естествознание”.

Помимо характера научной работы (рассмотренного в границах оппозиции творческое/нетворческое) другой важной ее характеристикой является направленность. Эта работа может осуществляться, имея целью как научные, так и чисто практические интересы. Примеры второго рода дает история картографии России и окрестных стран, развитие которой было обусловлено “государственными, а не научными потребностями; целый ряд географических, горных, ботанических экспедиций... имели своей задачей также практические государственные или частные задачи”. Что же тогда в этой работе от науки, если в ней нет (или очень немного) научного творчества и она не преследует достижения целей, значимых в научном плане? Ответ, по Вернадскому, следует искать в методологии исследований и степени их включенности в развитие науки в целом: считать результаты соответствующей деятельности проявлением *научной* работы допустимо, если они “шли в рамках научных методов и были сохранены для научного пользования”. (Но поскольку приложение к явлению научного метода, если не всегда, то очень часто включает “элемент творчества”, разделение работы и творчества оказывается в известной степени условным: оно, как замечает Вернадский, “есть дело логического удобства”.)

Научная работа – один из элементов культуры общества, причем элемент, не принадлежащий к необходимому. Примером

страны, имевшей богатую культурную жизнь, но жизнь, не включавшую в свой состав научную творческую работу, Вернадский считал Московскую Русь. Только с реформами Петра I “русское общество впервые вошло в мировую научную работу”. В подобных обществах подчас имеются элементы культуры, “которые могут оказаться в конце концов связанными с мировым научным движением”, но, по мнению Вернадского, “они только тогда и приобретут характер научной работы, научного творчества”. (Впрочем, “могут его и не приобрести”.) Он указывает на несколько историко-культурных феноменов, которые оказались включенными в историю отдельных разделов естественных и точных наук, но включенными в нее не синхронно, а именно *в конечном счете*. «Небезразлична для географии, – отмечает он, в частности, – и чертежная работа московских приказов с ее “скасками” бывалых людей – приказных или добытчиков. Однако мы не решимся назвать эти части культурной жизни научной работой. Они получили такое значение только тогда, когда пробудившаяся научная мысль воспользовалась коллективно собранными, неясными результатами, когда в среде, связанной с этими предприятиями, появились люди, сознательно стремившиеся к научной работе». Первое из перечисленного – другими словами сформулированное требование сохранения результатов “для научного пользования”. Второе – необходимое условие научности применяемых методов.

Напомнить некоторые мысли В.И. Вернадского, высказанные им в “Очерках по истории естествознания в России в XVIII столетии” (1912–1913 гг.), показалось нам уместным в связи с тем, что они самым непосредственным образом касаются и нашего героя, и его деятельности, и места в истории науки. Далее, присоединяясь к ним или оспаривая, мы, так или иначе, этих идей еще коснемся. Пока же обратим внимание на недостаточную убедительность приведенного выше примера – причем для того, чтобы убедиться в этом, вовсе не требуются ревизовать изложенные общие положения. Итак, сами по себе картографические труды в приказах отнести к научной работе, по мнению Вернадского, нельзя. Но можно, когда пробудилась научная мысль и появились люди, осознанно тянущиеся к науке – т.е. в условиях, возникших, судя по контексту, после ликвидации приказов. Вместе с тем Вернадский подчеркивает, что национальной науки не существует (хотя научное творчество – часть национальной культуры), что “наука одна для всего человечества”. Как же, спросим, быть с тем фактом, что *мировая* научная мысль воспользовалась (по крайней мере отчасти) отложившимися в приказных архивах результатами прикладных исследований задолго до уничтожения

приказов – еще в XVII в.? Голландец Н. Витсен с его “Гартарией” и картами, большая часть нового материала в которых имела источником сведения, полученные им из России (в том числе от лиц из приказной среды), – неоспоримое тому свидетельство. Остается второе условие – наличие или отсутствие в “среде, связанной с этими предприятиями”, людей, осознанно тяготевших к науке. Полагаем возможным утверждать, и дальнейшим изложением надеемся это продемонстрировать, что такие люди *были*. При этом не обязательно искать новые имена (хотя это и не возвращается) – многие из них давно известны. Среди них и наш Виниус.

Но тогда выполненными оказываются оба условия. Выходит, коллективные штудии приказных картографов, даже и по Вернадскому, – все же *научная работа*?

10.2. Научная работа как составляющая практик

Приведенные выше рассуждения – всего лишь более или менее строгие умозаключения. Можно ли квалифицировать связанные с наукой занятия Виниуса как научную, тем более научную творческую работу – покажет обзор конкретного материала в последующих главах.

Обратим, однако, уже сейчас внимание на тот важный факт, что далеко не все представляющее историко-научный интерес наследие Виниуса – выраженные в текстах плоды собственно интеллектуального труда. Многие суть разного рода *практики*, в которые труд интеллекта входит составной частью – или как основа для такой практики, или как элемент в мозаике деятельностных форм. Выделять из многообразного творчества Виниуса его ученые занятия и препарировать их – занятие небезопасное. Открытия, ожидающие на этом пути, не так легко отличить от умозрительных конструкторов, связанных с реальностью только происхождением составляющих их элементов. Даже если допустить, что Виниус осознавал получение нового знания в качестве занятия, обладающего самостоятельной и самодостаточной ценностью (что далеко не очевидно), его труд по извлечению этого знания растворялся в практиках – практиках неоднородных, обладавших сложной природой, но органичных и эпохе, в которой он жил, и культурным традициям, носителем и творцом которой выступал. Отделять в них науку от ненауки, получение знания от другой креативной деятельности – раздирать целостный организм, неизбежно искажая (даже отбором) цели, мотивации, побуждения, оценки, интерпретации артефактов и событий. Чего-то при этом можно, конечно, добиться. Но сколько будет потеряно!

Трудно ощутить, тем более описать, неповторимое своеобразие этой синкретичности в лице конкретного человека.

XVII век для европейской культуры – время, когда энциклопедизм личности (как установка, ориентир для образованного человека) уже позади. Но и не настолько позади, чтобы стремление к энциклопедизму, живые примеры которого еще не забыты, совершенно исчезло (пример – полигистор Лейбниц). Виниус, как носитель европейской культурной традиции, вполне в русле этой тенденции. Отсюда – образованность Виниуса, разнообразие и широта его культурных интересов, отсюда пестрота предметов, к которым он обращается в своей культурной деятельности.

Но существовала еще и во многом отличная от европейской российская культурная среда, представителем которой он также являлся. И в ней ценилась универсальность. Виниус по основному роду деятельности – служащий аппарата управления, на пике своего успеха служащий высокопоставленный, но тем не менее, вместе с прочими подданными всего лишь “холоп государев”. Конечно, расставляя людей на посты, монарх и его окружение соизмеряли, кто на что годен. Но и тогда и позже идеалом госслужащего являлся человек, отвечавший принципу “всякого на все станет”. Шел направленный селекционный отбор с ориентацией на модель “универсального солдата” – холопа, готового исполнить все, что будет приказано. Все: уезд переписать, с железным заводом управиться, возглавить войско, выполнить дипломатическое поручение... Виниус получал разнообразные задания и, исполняя их, надежды оправдывал – его энергии, знаний и организационных навыков всегда (почти всегда) хватало, чтобы с полученными заданиями справиться.

Так сотрудничали друг с другом две укоренные в ментальности Виниуса культурные традиции, в равной мере близкие ему и ценившиеся им. На других полях, по другому поводу они могли сталкиваться и противоборствовать.

10.3. О мотивах деятельности в сфере науки

Рассмотрим их в контексте идей, развиваемых в работах П.В. Симонова, применительно к нашему вопросу представляющих интерес в связи с признанием в них ключевой роли в поведении человека его потребностей.

Среди многообразных и иерархически организованных потребностей особое место занимают исходные (первичные) потребности – те, которые не выводимы одна из другой и ни при какой степени их удовлетворения одна другую не заменяют. Первичные потребности Симонов группирует, опираясь на представ-

ления В.И. Вернадского о сферах, в которых происходит освоение окружающего мира живой материей: выделяет потребности *биологические* или витальные, касающиеся места индивида в геосфере, *социальные*, связанные с местом в биосфере, для человека – в социосфере, социуме, и *идеальные* (познавательные), определяемые и определяющие место в ноосфере. Сообразно трем группам потребностей допустимо выделить виды иницируемой ими деятельности: материальную (производственную), социально-политическую, духовную. Потребности можно разделить также и по отношению “к господствующей общественно-исторической норме удовлетворения” на потребности сохранения и развития. Первые удовлетворяются в пределах норм, вторые предполагают превышение нормы [Симонов, Ершов, с. 23–31].

Спроецируем эту схему на когнитивные потребности. На первый взгляд, с представлением о норме можно соотнести уровень знания, достигнутый к настоящему времени. Тогда с развитием уместно отождествить познание, создающее превышение нормы. Но что такое идеальные потребности сохранения – не понятно. Все идеальные потребности оказываются при этом потребностями развития, таксон потребностей сохранения получается незаполненным. Утверждение, что “в идеальных потребностях нормы – лишь ступеньки бесконечной лестницы” [Симонов, Ершов, с. 31], предлагает аналогию, чисто внешней привлекательностью которой не компенсировать бесперспективности попыток ее использования.

По нашему мнению, потребности сохранения присутствуют и среди идеальных потребностей. Развитие может осуществляться, когда норма существует не только в виде текста (совокупности символов), но, будучи воспринятой людьми, которые отталкиваясь от нее, преодолевая ее, создают новое знание. Знание вне его индивидуального осознания не существует. Если бы социокультурный опыт и знания, как его часть, передавались генетически, познавательные потребности индивида реализовались бы посредством продуцирования нового знания, непрерывно прибавляемого к уже содержащейся в его сознании всей социально значимой информации, накопленной человечеством. Действительность, однако, устроена по-иному. Индивид в онтогенезе непрерывно осваивает новое знание, но подавляющая часть его – знание чужое (в смысле – добытое другими). Для любого человека в общем объеме освоенной им информации такое знание является доминирующим, а для подавляющего большинства и единственной разновидностью знания, которую они в течение жизни потребляют. Когнитивные потребности большинства оно удовлетворяет точно так же, как знание принципиально новое. Оно удо-

влетворяет и социальную потребность, поскольку социализация индивида невозможна без овладения знаниями и опытом, необходимым для внедрения в сознание норм, выступающих скрепами коллективов.

Но человек не только потребляет – он и создает знание. Многие переоткрывают уже открытое. И лишь узкий круг и на определенном этапе развития общества и саморазвития индивида занимается сознательным производством научного знания в определенной области, реализуя тем самым идеальную потребность развития. Это и есть наука.

Так можно описать ситуацию в самом общем виде – на уровне общества. Для характеристики конкретной личности сказанного недостаточно, поскольку мотивационное ядро личности формируется множеством потребностей, производных от первичных. Подчас они настолько сложно переплетены, что к ним не применимы условия взаимной невыводимости и независимости. По этой причине их подчас сложно соотнести с первичными потребностями, хотя связь с ними, безусловно, существует.

Коснемся таких (производных) мотивов, определявших деятельность Виниуса в сфере науки. Рассмотреть их интересно еще и потому, что часто эта его деятельность, как уже говорилось, являлась не столько научной, сколько *околонаучной*. Родство или разность его мотивов и обусловленных ими установок с теми, которые типичны для ученого “классического” типа (примером которого можно считать, например, уже упоминавшегося Н. Витсена), могут свидетельствовать о внутреннем родстве/разности Виниуса этому образцу. В случае доминирования различий Виниус оказывается фигурой еще “не доросшей” до науки, а его короткие “романы” с ней – чуждыми его природе увлечениями, отражениями импульсов извне. Если же они в важнейших чертах совпадут, придется отнести к нему как к фигуре, в чем-то обогнавшей “нормальный” для его среды уровень культурного развития и в этих его качествах и потенциях ей не востребованной.

Заранее скажем, что наличная источниковая база не позволяет разобрать данный вопрос с той же степенью отчетливости и убедительности, которая достижима для лучше изученных деятелей более позднего времени (см., например, опыт анализа доминантных мотивов деятельности Г.Ф. Миллера, предпринятый в работе С.С. Илизарова [*Илизаров 2004*]). По этой причине в наших наблюдениях неизбежно будет немало предположительного. Тем не менее применительно к Виниусу можно достаточно уверенно выделить и проследить, как минимум, следующие мотивы занятия связанной с производством нового знания деятельностью. Таковая для него выступает:

- а) как форма реализации внутреннего творческого импульса;
- б) как этап подготовки к реализации коммерческого проекта;
- в) как результат выполнения внешнего, в том числе государственного, задания.

В чистом виде указать на имеющую научное значение работу, предпринятую исключительно для удовлетворения “жажды познания” (познавательной потребности), не беремся. Не потому, что считаем такую для Виниуса невозможной. Просто в большинстве случаев можно предположить, что та или иная работа представляла какой-то интерес еще и для учреждения, в котором в это время работал Виниус. Так, “Описание расстоянию столиц” могло использоваться в качестве справочного пособия служащими Посольского приказа. Карта Сибири, учитывая наличие на ней пограничных территорий, – там же.

Пример научных исследований, выступавших предварительным этапом проекта, подразумевавшего извлечение коммерческой прибыли, – геологические разведки 1675 г., ориентированные на разработку открытых благодаря им полезных ископаемых.

Наука как выполнение внешнего задания реализуется в организации Виниусом сбора сведений о Сибири, в том числе картографической информации, во время его пребывания во главе Сибирского приказа.

Кроме перечисленного, допустимо предположить существование по меньшей мере еще двух обстоятельств, которые могли образовывать дополнительные мотивации: когда наука выступала для Виниуса

- в) как элемент подготовки и реализации образовательного процесса;

- г) как психологическая самозащита (уход от психотравмирующих факторов и ситуаций).

Так, создание русско-голландского лексикона на этапе развития отечественной лексикографии, когда таковые издания отсутствовали, предполагало решение и ряда прикладных научных задач. Сведений о заказе этой работы мы не имеем, хотя допустимо предположить, что она с царем обсуждалась. Но даже если бы работа фактически являлась заказной, то вполне очевидно одно из ее назначений: использование при изучении иностранного языка.

Текстов, прямо свидетельствующих о значимости для Виниуса последнего названного мотива (психологическая защита), в нашем распоряжении нет. Имеется, впрочем, высказывание, свидетельствующее об аналогичной роли, которую играло для него чтение. Говоря о пребывании в 1706–1707 гг. в Голландии, где он “от печалей воздыхание и плачей впал в болезнь”, Виниус упо-

минает, что жил в деревне, “забавляясь точию у книгах духовных” [148, л. 201, 201 об.]. Не вызывает, однако, сомнений, что занятия переводами научно-технической литературы, к которым он обратился по возвращении в Россию, лично для него в своей мотивации подразумевали и это обстоятельство: он уходил в работу, чтобы восстановить авторитет своего имени в чужих глазах (прежде всего – царя) и одновременно восстановить самооценку.

Укажем в заключение некоторые факторы, сами по себе не образующие отчетливо ориентирующее поведение мотивов (даже производных), но влиявшие как на характер действительных мотивов, так и на иерархию последних. Условно разделив эти факторы на внутренние и внешние, к *внутренним* (биологическим и социальным) отнесем бодрое самочувствие/утомление, усталость, наличие житейского опыта/неопытность; к *внешним* – материальную независимость/зависимость, необходимость выполнения каких-то научных работ/свободу от таких обязательств, отсутствие/наличие домашних проблем, отсутствие/наличие административных забот. В разное время могли действовать отдельные из них, а также их комплексы; множественность сочетаний порождала разнообразие последствий.

Глава 11. Виниус и мир науки

11.1. География и страноведение

Характеристику связей Виниуса с миром науки начнем с географии, разного характера и уровня контакты с которой для него наиболее очевидны.

“Путешествия”

География, отмечает В.К. Кузаков, “интересовала тогда (в XVI–XVII вв. – *И.Ю.*) русских более, чем что-либо другое” [Кузаков, с. 251]. Еще раз убеждаемся в этом при знакомстве со сферой научных интересов А.А. Виниуса. Его интерес к географии обнаруживают книги из личной библиотеки и детали домашнего интерьера, круг общения и переписка, материалы, связанные с поездками.

Толкаемый в путь в основном служебной или иной необходимостью, Виниус изъездил немало дорог [Юркин 2005в]. Называть эти поездки *путешествиями* можно лишь в самом широком, не специальном, смысле этого слова – в том, например, который подразумевал М.М. Богословский, именуя так поездки 1693–1694 гг. Петра I в Архангельск. В первом из этих “путеше-

ствий” – фактически туристической поездке, предпринятой с познавательной и одновременно рекреационной целью, – принял участие и Виниус. Большинство поездок Виниуса от этой отличались. Они преследовали, как правило, вполне определенные утилитарные цели, связанные с исполнением поручений или коммерческим интересом. Но деятелей, например из Ост-Индской компании, внесших в XVII в. немалый вклад в изучение облика мира и его жителей, – их в дорогу толкал в первую очередь разве не материальный расчет?

На наш взгляд, в данном случае важна не столько первичная мотивация действия, сколько его содержательное наполнение, а именно: сопровождается ли перемещение в пространстве его изучением. Многое зависит от интересов и склонностей личности и их групп, часто нагружающих главную цель дополнительными. Подчас удлиняющие дорогу, они придают результатам новую, научную значимость.

Разнообразное чтение и поездки, иногда далекие и долгие, являлись основными источниками формирования и развития географических интересов Виниуса. К сожалению, у нас нет сведений о его поездках в молодые годы, поэтому неизвестно, стоял ли за текстом составленного в 26-летнем возрасте географического справочника “Описание расстоянию столиц...” собственный опыт пространственных рефлексий. Но без знакомства в юности с Европой дело, полагаем, не обошлось. В зарубежную поездку его мог захватить отец. Он же мог отправить его за границу специально, например с образовательной целью. Заметим, что именно так поступит позднее сам А.А. – пошлет сына Матвея на учебу в Берлин.

В зрелые годы А.А. Виниусу удалось посетить Западную Европу по меньшей мере дважды.

Весьма содержательной оказалась поездка по поручению Посольского приказа в Англию, Францию и Испанию (1672–1673). Точная дата отъезда Виниуса нам не известна, но шведской границы он достиг 14 ноября. Если принять время в пути равным приблизительно двум неделям (столько понадобилось на эту дорогу в 1697 г. Великому посольству [*Богословский II*, с. 15, 20]), получится, что Виниус отправился из столицы приблизительно в конце октября.

Согласно наказу Виниус должен был ехать до Риги, откуда морем отправляться в Англию. Но море оказалось закрытым льдами, и он поехал сухим путем – через Кенигсберг и Данциг, добрался до Гамбурга. Отправиться оттуда морем к берегам Британии не удалось из-за льдов на Эльбе. Пришлось ехать сначала в Голландию (он посетил Амстердам, Гаагу, Бриль) и уже оттуда (из Бриля 23 февраля 1673 г.) на английском почтовом корабле –

в Англию, на побережье которой в порту Гарвич он ступил три дня спустя. Потратив на дорогу более четырех месяцев, Виниус прибыл в Лондон 5 марта, а покинул его, завершив дела, 15 апреля. Достигнув Франции, из порта Кале отправился навстречу королю к Куртре (во Фландрии). Отбыл оттуда в Амьен и через Сен-Дени прибыл в конце мая в Париж¹. Исполнив поручения, 4 июня дипломат отбыл в Испанию, был 23-го в испанском пограничном городе Ируне и 6 июля прибыл в Мадрид. 17 августа² покинул его, в конце месяца был в Бильбао. На английском корабле прибыл в Англию. В январе (не ранее 23-го) 1674 г. возвратился в Москву [*Бантыш-Каменский I*, с. 121; *Казакова*, с. 353].

Насыщенное впечатлениями 14-месячное пребывание в Западной Европе, включившее посещение множества стран и знакомство с их жителями (в том числе коронованными особами трех государств), несомненно, обогатило культурный кругозор Виниуса, расширило запас его знаний. Вместе с тем, по наблюдению Н.А. Казаковой, в сравнении с дневниковыми разделами статейных списков других российских дипломатов этой эпохи, его записи беднее сведениями о природе, достопримечательностях, быте населения, будучи вместе с тем богаче информацией, относящейся к сравнительной политологии и государствоведению. Исследователь полагает, что внимание к событиям и формам политической жизни являлось чертой мировоззрения Виниуса, о чем, по ее мнению, свидетельствует состав его библиотеки [*Казакова*, с. 363]. Но приведенный аргумент недостаточно доказателен. В библиотеке Виниуса наряду с сочинениями по теории права и государства присутствовали книги географической тематики, содержавшие сведения о природе, населении, достопримечательностях. Кроме того, известное нам собрание формировалось на протяжении всей его жизни – судить по нему, какими книгами интересовался 30-летний читатель, невозможно. В связи с этим, не отвергая сделанного наблюдения (возможно, на указанный момент времени оно действительно отражало приоритеты в сознании Виниуса-дипломата), мы не решились бы абсолютизи-

¹ И.П. Козловский по поводу Франции сообщает следующие подробности: 18 апреля Виниус прибыл в Кале, 28-го сюда приехал посланец от короля, предложивший ему 1 мая ехать в “город, в котором король будет”. Виниус отправился и достиг местечка Менеина недалеко от Куртре. Далее сведений нет. 14 июня отбыл из Парижа в Испанию [*Козловский I*, с. 190].

² В качестве даты отправления из Мадрида Козловский указывает 15 августа [*Козловский I*, с. 190], между тем как Н.Н. Бантыш-Каменский (на которого он, между прочим, ссылается) сообщает, что в этот день Виниус получил отпуск от короля, в Англию же отправился двумя днями позже [*Бантыш-Каменский I*, с. 163].

ровать его значение. В Западной Европе его интересовали не только политические системы государств.

В Посольском приказе Виниус служил, за вычетом перерыва, в общей сложности более двух десятилетий. По сравнению с коллегами покидал в эти годы столицу со служебными поручениями нечасто³.

Вторая его поездка в Европу, несанкционированная властями, имела место в 1706–1708 гг. Маршрут начавшегося под Гродно в марте 1706 г. и неожиданно затянувшегося странствия сложился спонтанно, под влиянием ситуации. Началось оно, по словам Виниуса, “во отхождение... полков из Гродни” [148, л. 241], т.е. около 24 марта 1706 г. Он направился к Кнышину, потом повернул к прусской границе, добрался до Кенигсберга, пересел на корабль. Достигнув Голландии, заболел и, оставаясь там, все время в большей или меньшей степени продолжал болеть. Домой отправился не ранее 2 мая 1708 г., добирался морем, в Архангельск прибыл, по-видимому, к концу лета.

Будучи в Голландии, Виниус, по его словам, жил в деревне в окрестностях Амстердама, практически нигде не бывал. Об уединенном образе его жизни свидетельствовал и Н. Витсен, также упомянувший о проживании в деревне (“близ града Утрехта”) [24, л. 3]. Эта поездка, хотя и оказалась весьма длительной, способствовать обогащению кругозора и эрудиции могла немногим. Но в данном случае иного, по-видимому, ожидать и не приходилось:

³ Приведем для примера список поездок, совершенных другим служащим Посольского приказа, Василием Ивановичем Бобининым, в период до получения им дьяческого чина. В первую свою посылку (польскую – в д. Валиесари, Ливония) он был отправлен в 1656/57 г. – через три года после прихода в приказ. В 1657/58 г. состоялась какая-то шведская посылка. В 1658/59 и 1659/60 гг. он посылался на шведский посольский съезд в Юрьев Ливонский (Тарту) и Куонас. В 1660/61 г. Бобинина отправляли в Юрьев Ливонский еще раз. В 1661/62 г. был послан с великим посольством в Стокгольм, в 1662/63 г. – под Ругодив (Нарву), в 1663/64 г. – гонцом в Швецию. В 1665/66 и 1666/67 гг. участвовал в великом посольстве. За девять лет Бобинин побывал, таким образом, в восьми посылках – и только после этого (в 1672/73 г.) был назначен дьяком [Беляков 2001, гл. 1].

Обратим внимание на наблюдения, сделанные А.В. Беляковым: “Судя по документам, переводчики, чьи оклады росли быстрее и достигли наибольших размеров (И. Адамов, Я. Выберх, В. Боуш, А. Виниус), относительно редко посылались за границу”. По его данным, прибавки они “получали, в основном, за приказную работу, и придачи за нее были щедрее, чем за участие в посольских посылках”. К числу причин “неактивного” использования их в качестве дипломатических агентов автор относит: ограниченное число переводчиков по ряду языков, опасение шпионажа и побегов, особенно иностранцев, каковыми были большинство переводчиков западных языков [Беляков 2001, гл. 2].

Виниусу было 66–67 лет, период активного накопления знаний и расширения контактов миновал.

Большую часть жизни Виниус провел в России, немало дорог которой исколесил по собственной и казенной надобности. Вполне уверенно можно говорить о таких его поездках уже в молодости – в период между смертью отца (1656 или 1657) и поступлением на службу в Посольский приказ (1664), когда А.А. входил в состав гостиной сотни. В зрелые годы следует особо выделить две уральские его поездки: 1675 г. (район р. Камы) и 1702 г. (Тобольск, Верхотурье, заводы).

Поездка 1675 г. являлась, пожалуй, наиболее “научной” среди прочих, совершенных Виниусом, хотя исследования, предпринятые в ходе ее, носили сугубо прикладной характер. Это была геологоразведочная экспедиция, отправлению в которую предшествовало получение Виниусом и его компаньоном Я.Г. Галкиным (обладавшим информацией о месторождении серебряной руды) проезжей грамоты от 8 марта 1675 г. Согласно грамоте, компаньонов, их работных и мастеровых людей, а также извetchиков предписывалось всюду пропускать, задержек и обид им “не чинить” – напротив, оказывать “спомогателство”. Они освобождались от некоторых пошлин; давалось обещание выделять им ямские подводы [126, л. 49]. В целом для поисковиков создавался весьма благоприятный режим работы.

Подробности организованной Виниусом экспедиции не известны, но то, что она состоялась, сомнению не подлежит, как, по-видимому, не приходится сомневаться в участии в ней самого Виниуса. В связанных с ней документах упоминаются места обследованные или намеченные для обследования: Камешинские горы на р. Каме, район ее притоков Яйвы и Косьвы, Мақшинские вершины близ Пензы. В своих челобитных компаньоны неоднократно упоминают об обнаружении в ходе работ признаков медной руды.

В 1702 г. Виниус, которому шел уже седьмой десяток лет, предпринял новую поездку на Урал. До него лица, возглавлявшие Сибирский приказ, управляли подведомственной территорией из столицы. Виниус, занимавший в начале 1700-х годов ряд ответственных постов, отложив дела, решил познакомиться с Сибирью воочию. Поездка носила инспекционный характер: он направлялся “в Тоболеск да на Верхотурье для досмотру железных заводов”. Виниус отбыл 28 июля. Он ехал через Казань – до нее водою на лодке, после на подводах. В одном из писем Петру (от 2 октября из Тобольска) он упоминает о “зело дальных и трудных местах”, которыми пришлось проезжать на пути в Сибирь [5, л. 89]. По дороге сопровождавший его А. Калитин осматривал

объявленные извечниками рудоносные места. На Урале Виниус первым делом посетил один из недавно пущенных казенных заводов – Каменский (прибыл сюда около 30 сентября), потом отправился в Тобольск. Оттуда заехал на переданный Никите Демидову Невьянский завод. Отбыл в Верхотурье, покинул его, направляясь домой, не ранее 9 декабря. Добрался довольно быстро – был на месте в январе 1703 г. [*Кафенгауз*, с. 102–117, 135].

Поездка на Урал отвлекла Виниуса от прочих забот на полгода, что негативно отразилось на положении дел в порученных ему Артиллерийском и Аптекарском приказах. Но замороженный масштабом перемен, которые на его глазах и при непосредственном участии разворачивались на Урале, Виниус именно их считал в это время главным своим делом. При этом не только огромные труды множества людей имел возможность он здесь наблюдать – уже налицо были позитивные результаты, в достижении которых Виниус справедливо видел и свой вклад. В 1703 г. он планировал повторную поездку на Каменный пояс, намереваясь дать делу новый импульс. Осуществиться намерению было не суждено – вскоре Виниус был смещен с поста начальника Сибирского приказа.

Перечисленными маршрутами поездки Виниуса по территории Восточной Европы не исчерпываются. Напомним, что он дважды, в 1693 и 1710–1711 гг., с дипломатической целью побывал в Малороссии, посетил Батулин, Чернигов, Глухов.

Помимо этих, относительно продолжительных вояжей, встречаем упоминания о более коротких. Отметим и их – не потому, что намерены записать их в “путешествия”, но чтобы отчетливее представлять интенсивность пространственной “болтанки”, для некоторых периодов жизни Виниуса (в частности, в годы тесных контактов с Петром I) довольно сильной. Уже говорилось о его участии в первом путешествии Петра I в Архангельск летом 1693 г. Летом 1702 г., перед Уралом, он побывал в Пскове и Новгороде [5, л. 88; 68, л. 1]. В следующем году, в конце февраля или марте, по вызову царя ездил к нему в Воронеж с заездом по пути на железные заводы Л.К. Нарышкина (Тульские или Каширские – не ясно) [*Пиб II*, с. 491, 497, 501].

Сочинения

Эти поездки (путешествия, экспедиции, командировки), независимо от основного их назначения, объединяет общая черта – все они являются актами *географических практик*. В этом качестве они формировали информационную основу научных и око-

донаучных контактов в соответствующей предметной области и одновременно выступали одним из источников информации для текстов географического и страноведческого содержания – текстов, привлечших внимание современников, а для историков сохраняющих интерес и по сей день.

Впрочем, прямых свидетельств такого влияния на ранние сочинения Виниуса, как уже говорилось, не имеется, поскольку нет данных о предшествующих им поездках. Но вероятность того, что в молодые годы Виниус все же поездил и по России, и за ее пределами, достаточно высока.

Интерес к географической тематике и наличие определенных связанных с нею знаний прослеживается, начиная с самых ранних авторских текстов Виниуса. В письме 1668 г., содержащем проект создания на Каспийском море флотилии весельных судов, в первом его пункте он обосновывает их преимущества перед парусными судами “по свойству того Хвалынского моря”, т.е. исходя из физико-географических особенностей водного бассейна. Каспийское море, по утверждению Виниуса, “глубокостию не как Океян”, что отражается на развитии волнообразования: “...того ради во время бури валы ходят не таковы велики, как на Океяне, но часты”. Это порождает трудности судовождения: “...тем караблю (подразумевается, парусному. – *И.Ю.*) чинится великая шкода, а каторгою мочно угрести”. Виниус приводит доказательство, отражающее его близость к Посольскому приказу: “И тому свидетельство: как голстенские послы в прошлых летех поехали на карабле в Персиду, и тогда на море карабль их розбило” [*ДАИ V, № 80, с. 404*].

Но Посольский приказ и его служащие вошли в историю русской культуры не столько своими оригинальными сочинениями, сколько переводами [*Кудрявцев*]. Работали в его стенах и над текстами, содержащими географическую информацию, даже чисто географическими по содержанию. Так, в 1637 г. переводчик приказа Богдан Лыков вместе с Иваном Дорном перевел труд крупнейшего фламандского географа и одного из основателей научной картографии Герарда Меркатора, в русском переводе получивший название “Книга глаголемая Козмография сиречь описание сего света земель и государств великих”. Козмография 1637 г. неоднократно переписывалась, использовалась в компилятивных сочинениях той же тематики [*Белоброва, Матвеева, с. 278; Лебедев 1949, с. 101; Матвеева*].

Самым ранним сочинением Виниуса, созданным, когда автору было 26 лет, считается “*Избрание от святых, божественных и царственных книг, памяти ради...*” (1667). В этой пестрой по содержанию, опирающейся на переводы компиляции присутству-

ют фрагменты, отражающие интерес автора, во-первых, к исторической, во-вторых, к страноведческой тематике: тексты, касающиеся церковной истории и русской истории со времени взятия Казани, соседствующие с ними описания Иерусалима и гробницы Магомета [Федоров].

Прежде чем перейти к следующему сочинению Виниуса, укажем на книгу, к созданию которой отношения он не имел, но которая в дальнейшем иногда с его именем связывалась. Речь идет о Поверстной книге – дорожном справочнике, в котором подробно описана существовавшая в XVII в. дорожная сеть Российского государства: перечислены населенные пункты, сгруппированные вокруг девяти выходящих из Москвы дорог, указаны расстояния между ними. Составление первой Поверстной книги относят к 30-м годам XVII в. [Петров, с. 80]. Она создавалась для расчета прогонных денег гонцам и различным госслужащим, отправлявшимся в командировки. Справочник представлял интерес и для других пользователей – путешествовавших не только по казенной, но и по личной надобности. Как показал В.А. Петров, указанные в нем расстояния довольно точны.

Со временем Поверстную книгу в некоторых списках стали объединять с другим географическим справочником. Указываемое в списках его название неустойчиво. Приводим его по редакции, опубликованной В.А. Петровым: *“Описание расстояний столиц нарочитых градов, славных господств и земель, тако ж де и знатных островов и проливов, водным и сухим путем по розмеру книги, именуемая Водный Мир и иных, принадлежащих к тому описаний Российскаго государства, от первопрестольнаго его царьскаго величества града Москвы сколько до которого города и проливы верст, по алфавиту, яко же предлежащий лист ниже сего представляет”*. В отличие от Поверстной книги, текст “Описания” в большинстве списков завершается указанием автора и времени составления: *“Первое изображение чрез словенский диалект свету издася в лето от создания света 7175-е, а от воплощения единосущнаго безлетному Отцу слова 1667-е в мае чрез его царьскаго величества государственных дел переводчика Андрея Андреева сына Виньюса августа в 1 день”*. Варианты написания фамилии в списках: Виниуса, Виньюза, Вениюса, Венеусова [Петров, с. 76, 149, 158].

Точная датировка “Описания” позволяет связать его создание с политической ситуацией, возникшей после заключения Андрусовского перемирия (1667). Завершение затянувшейся войны с ближайшим соседом вселяло надежду на расширение внешних связей. Они действительно стали расширяться: были созданы

первые регулярные почты за границу – рижская, а несколько позднее и виленская⁴.

Справочник, созданный в это время Виниусом, содержит краткие описания 54 наиболее значительных городов иностранных государств, в первую очередь европейских столиц⁵. Приведем в качестве примера описания нескольких городов – тех, имена которых, можно думать, были особо дороги сердцу Виниусу:

“4. Амстрадам – начальнейший Галанские земли град, разстоит от Москвы на Ригу, оттуду ж морем, 2900; а на Архангельской город, оттуду ж морем, 3800; а сухим путем на Польскую и Цесарскую землю, 2100⁶.

5. Антверпия⁷ славный град в Брабантии под властью гишпанского короля в разстоянии от Москвы на Ригу, оттуду же морем, 3000...

20. Гага – в Га[ла]нской земли, восточное место Статов Нидерляньских в разстоянии от Москвы на Ригу, оттуду же морем, 2950” [Петров, с. 150, 152].

Подготовка Виниусом данного сочинения, продолжая традицию Поверстной книги, преследовала в первую очередь чисто прикладную цель: оно создавалось не для чтения, а для использования по мере необходимости. И справиться с подобным заданием не хуже Виниуса смог бы, вероятно, и другой переводчик Посольского приказа. Но факт, что эту работу выполнил именно

⁴ На указанный в книге момент ее создания (май 1667 г.) на территории России действовала единственная регулярная “заморская” почта – рижская, которой управлял ее фактический создатель и первый содержатель Я. фан Сведен. Но уже обсуждалась организация почты на Вильно, оговоренная одной из статей Андрусовского договора, обосновывавшей необходимость ее заведения не только предстоявшей сторонам “скорой и частой меж собою обсылки для ведомости”, но и желанием “преумножения торговых обоим тем великим государствам пожитков”. Виленская линия будет создана уже Л.П. Марселисом, решение о передаче которому рижской почты и поручение пустить новую состоялось 25 мая 1668 г. [Вигилев, с. 102–103].

⁵ Некое сочинение 1662 г., где “запечатлены” сведения о других странах, в частности “даны 54 крупных иностранных города, которые могли тогда заинтересовать русское правительство, а также расстояния в верстах от этих городов до Москвы”, упоминает В.К. Кузаков, называя “Поверстную книгу” [Кузаков, с. 249], хотя его близость к виниусовскому “Описанию расстоянию столиц”, несмотря на различающийся год, очевидна. К сожалению, ссылка на источник в работе отсутствует. Уместно предположить, что подразумевается сборник, объединяющий Поверстную книгу с “Описанием”, выступающим в качестве второй его части.

⁶ В печатной версии (гравированный лист XVIII в.) – Амстердам. Расстояния для второго и третьего маршрутов приведены существенно иные: “...а на Архангельской город, оттуду же морем, Г (3) тысечи; а сухим путем на Польскую зе[м]лю и Цесарскую ГФ (3500) [Борисовская, с. 167].

⁷ В печатной версии – Антверпин [Борисовская, с. 167].

Рис. 29. «Описание расстоянию столиц нарочитых градов славных государств и земель, также и знатных островов и проливов водным и сухим к тому путем по размеру книги, имянуемая “Водных мер”, и иных принадлежащих... от первопрестольнаго по алфавиту... града Москвы...». Резцовая гравюра на четырех досках. Начало XVIII в.

Рис. 30. Амстердам град. Фрагмент гравюры “Описание расстоянию столиц...”

Виниус, при этом выполнил прекрасно (о чем свидетельствует, в частности, востребованность: большое число рукописных копий и существование награвированной версии⁸) (рис. 29, 30), кое о чем все-таки говорит. Говорит, как минимум, об очарованности автора образами многоликого мира, интересе к сочинениям, их описывающим, может быть, склонности к путешествиям.

Непосредственно продолжая Поверстную книгу (расширяя территорию, ею охваченную), “Описание” не копирует принятую в ней организацию материала. Дороги теряют значение опорной сети, их заменяют сведения о маршруте, приводимом, как правило, с вариантами. Характеристика городов, в Поверстной книге ограниченная названиями и привязкой к дороге, в “Описании” расширяется – сообщается нечто, специфическое для данного города (что он – “начальнейший” в такой-то земле, “восточное место” такого-то государства, что находится под властью такого-то короля и т. д.).

“Описание расстоянию столиц” в предельно лапидарной манере – через имена городов, их государственную принадлежность и пространственные координаты – характеризует уже освоенную человеком, заселенную часть мира, образующую определенное

⁸ Переработка справочника Виниуса – награвированная в технике и стилистике лубка однолистная (на четырех досках) таблица под названием “Описание расстоянию столиц нарочитых градов, славных государств и земель... от первопрестольнаго по алфавиту... града Москвы...” появилась в начале XVIII в. (полностью и во фрагментах воспроизведена в [Борисовская, с. 167, 168]). Это издание – прообраз позднейших туристических буклетов (не учтена только возможность компактного сложения). В то время, когда “Описание” составлялось, русских туристов в “чистом” виде не существовало – только дипломаты, паломники, редкие купцы. Петровское время прибавило к ним учащихся. Запросы туристов удовлетворялись опережающими темпами.

культурное и экономическое единство. Виниус уверен, что этот мир и скрепляющие его экономические связи будут расширяться. При этом у него, как и у многих современников, в страсти к познанию terra incognita романтическое тяготение к неизведанному совмещалось со стимулами вполне материальной природы. Это сочетание, как нам кажется, довольно отчетливо прочитывается и между строк пунктов о создании галерного флота, в частности в п. 11: “А будет сыщется реками великими путь в Индею, и промысл торговой учинится, то самая великая прибыль великого государя казне и Московскому государству имать быти” [ДАИ V, № 80, с. 405]. Виниус не только ждет открытия новой, “реками великими”, дороги в Индию – он призывает готовить “сани с лета”: создавать материальную базу, которая позволит с пользой использовать новое знание. Грядущее открытие, заметим, воспринимается Виниусом как вполне реальное⁹ – во всяком случае, ничуть не менее реальное, чем обнаружение золотой или серебряной руды, поиском которых он через несколько лет займется весьма энергично.

Сделанное по существующему европейскому образцу («по размеру книги, именуемая “Водный Мир” и иных, принадлежащих к тому описаний»), “Описание расстоянию столиц” удачно заполнило существовавшую в русской литературе лакуну, о чем свидетельствует множество списков этого сочинения. Это не научный труд – оригинального, обладающего научной новизной материала в нем нет. Ценность его в сведении воедино определенной географической и страноведческой информации и придаче ей удобной для восприятия формы. Избегать фактических ошибок помимо привлечения специальной литературы и, возможно, сведений, почерпнутых от служащих Посольского приказа и из его архива (в том числе, из хранившихся там зарубежных газет), Виниусу помог постоянно расширявшийся – и, судя по “Описанию”, довольно уже широкий – собственный географический кругозор. Вполне вероятно, что к 1667 г. он уже побывал в некоторых европейских странах, и, несомненно, надеялся посетить еще многие.

Надежды оправдались. В 1672–1673 гг. Виниус проехал по нескольким странам Европы, впечатление о которых отразил статейный список его посольства. Это сочинение, являющееся фактически отчетом дипломатического агента о его командировке, небезынтересно рассмотреть также в контексте страноведения.

⁹ Надежду обнаружить водный путь в Индию не потеряли и в первой четверти XVIII в. Поиск его – одна из целей предпринятой по указу Петра I от 14 февраля 1716 г. поездки в Хиву капитана А. Бековича-Черкасского и прикомандированного к нему поручика А. Кожина [ПСЗ V, № 2993; *Гистория I*, с. 584–585].

Список Виниуса состоит из трех частей, посвященных странам, с заданием в которые он направлялся. Каждая из частей, в свою очередь, делится на три тематических раздела: а) содержащий рассказ о путешествии (дневниковый), б) характеризующий международные отношения и в) рассматривающий государственное устройство. В первом содержится разнообразная, хотя и отрывочная (что определяется характером источников) информация о странах: величине их территории, истории, городах, достопримечательностях, о политических деятелях и их отношениях, вооруженных силах и т.д. Наиболее подробны дневниковые разделы английской и французской частей списка. В разделах, посвященных международному положению государств, освещены отношения, сложившиеся с другими странами, перечисленными в последовательности, отражающей представление об их значимости в международных делах. В заключительном разделе Виниус демонстрирует хорошее понимание конструкции государственной машины каждой из стран, законов взаимодействия ее узлов и механизмов, дает описание отдельных учреждений, характеризует финансы [Казакова, с. 354–362]. В свое время С.М. Соловьев заметил, а М.П. Алексеев позднее с ним согласился, что именно Виниус в своем статейном списке дал первое в русской письменности описание образа правления в Англии. “Правление Аглинского королевства, или, как общим именем имянуют, Великой Британии, есть отчасти монархияльно (*помета на поле*: единовластно), отчасти аристократно (*на поле*: правление первых людей), отчасти же демократно (*на поле*: народоправительно)” (цит. по [Казакова, с. 359]). Эта характеристика (в оригинале она богаче: автор обосновывает использование каждого из определений) стала в своем роде классической и неоднократно цитировалась в текстах, касавшихся представлений о Западной Европе русских XVII в. Исследователи справедливо замечают, что хотя цели посольством достигнуты не были, для русского правительства оно оказалось весьма полезным – посланец Москвы привез “добротную информацию”, способствующую “правильной ориентации в европейских делах” [Казакова, с. 354]. Прибавим к этому, что кроме сведений политического содержания, статейный список содержал множество других известий (от слышанной в Амьене легенды о происхождении мощей Иоанна Крестителя до описания способов солеварения во Франции [Казакова, с. 356, 361]), расширявших географический кругозор русского читателя, в своем большинстве не имевшего практической возможности пополнить его другим способом.

Не остались невостребованными и сведения, полученные во время поездок Виниуса по России. Можно предполагать, что они

нашли отражение в его переписке с Витсенем (о чем позже) и в картографических работах самого Виниуса. Обращает внимание еще одно сочинение справочного характера – “построенная” в Сибирском приказе в начальный период пребывания в нем Виниуса (при главенстве там князя И.Б. Репнина) “книга, названная Окладной”. А.И. Андреев справедливо видел в ней свидетельство большого интереса Виниуса “к работам по составлению чертежей Сибири и ее описания”, отражение его научных интересов [Андреев А., с. 127]. Книга сохранилась, по-видимому, в двух редакциях: первоначальной, 1697 г., и более поздней, 1701-го. Она начинается выписками из исторических сочинений – Степенной книги, Нового летописца, Есиповской летописи, продолжается чертежным описанием Сибири 1673 г. и извлечениями о Китае, за которыми следуют описания 19 сибирских городов, составленные в соответствии с общим формуляром. Последовательно охарактеризованы: местоположение города, дороги к нему, его печать, количество служилых людей, связанные с ними расходы, доходы, количество крестьян и ясачных людей, величина ясака, городские укрепления и т.д. [Андреев А., с. 127–128]. Первичным назначением этой справочной книги являлось, по-видимому, обслуживание текущих нужд Сибирского приказа. Но учитывая гипотезу А.И. Андреева о намерении Виниуса напечатать “Чертежную книгу Сибири” С.У. Ремезова, аналогичное предположение можно высказать и в отношении Окладной книги: не исключено, что и она “строилась” в видах последующей печати – ее самой или, скорее, еще не созданного текста, для которого она могла послужить сборником выверенных и систематизированных сведений.

Наряду с составлением описания Сибири с приходом Виниуса в Сибирский приказ в нем разворачиваются работы еще в одном направлении, связанном с изучением края, – составление сибирских географических чертежей. Лично для Виниуса интерес к картографии проявился значительно раньше.

11.2. Картография

Картография Восточной Европы и прилегающей к ней части Азии к концу второй трети XVII в. – времени, когда начинается деятельность А.А. Виниуса – прошла длительный путь развития и имела определенные достижения. Вклад в нее Виниуса не был настолько значительным, чтобы говорить о новом ее этапе, но на ходе ее развития в некоторой степени отразился – во всяком случае, содействовал появлению карт с уточненным географическим содержанием и с более совершенной формой. Впрочем,

окончательная оценка его трудов еще предстоит: не все, что для этого необходимо, изучено в достаточной степени.

Дадим краткий обзор картографических работ, которые принято связывать с именем Виниуса, основное внимание уделяя выяснению обстоятельств возникновения, времени, истории создания, назначению, определению авторства, выявлению исторических взаимосвязей карты и круга источников картосоставления. Притом что разрешение подобных вопросов принадлежит к числу основных целей источниковедческого анализа карты [Постников 1985, с. 15], ответы на них раскрывают связи с историей картографии конкретно Виниуса. Интересны они и в плане изучения истории картографических работ, проводившихся отдельными государственными учреждениями России, – направления историко-картографических исследований, которое, будучи отнесенным к наиболее актуальным еще в середине 80-х годов [Постников 1986, с. 101, 102], сохраняет свое значение до сегодняшнего дня.

Хронологически наиболее ранним является упоминание о якобы составленном Виниусом географическом чертеже, показывающем путь из Москвы в Пекин. О нем говорится в единственном источнике – “Сказании” Якоба Рейтенфельса, побывавшего в Москве в начале 1670-х годов. В этом сочинении, поданном тосканскому герцогу и впервые опубликованном (на латинском языке) в 1680 г., в числе наиболее влиятельных в Посольском приказе переводчиков выделен “Виниус, родом из Бельгии, начертивший не так давно, в главных чертах, путь из Московии в Китай на географической карте” [Рейтенфельс, с. 98]. Ни о каком тексте, сопровождавшем чертеж, не упоминается. Обнаруженная А.И. Андреевым и приписанная им Виниусу (на основании пометы С.У. Ремезова) карта (о ней ниже) – по-видимому, не та, которую имеет в виду Рейтенфельс: на ней дорога в Китай не показана [Андреев А., с. 53].

Чертеж Виниуса с указанием пути в Китай или не сохранился, или не выявлен, сведения о нем исчерпываются информацией, приведенной в цитированной фразе Рейтенфельса. Автор записок, похоже, высоко ценил эту его работу: именно ее, а не что-то иное (сведения о служебном статусе, физических или психологических чертах личности, талантах и т.д.), вспомнил он, характеризуя Виниуса на страницах своего сочинения. Остается сожалеть, что мы не знаем труда, существование которого информированный современник считал достаточным, чтобы представить читателю его автора.

Но, может быть, карта Виниуса с маршрутом в Китай просто не узнана?

3 марта 1675 г. выехал из Москвы и 5 января 1678 г. возвратился обратно посылавшийся в Китай во главе посольства численностью до полутора сотен человек переводчик Посольского приказа Н.Г. Спафарий. По итогам поездки в приказ были переданы подготовленные им материалы: статейный список, дорожный дневник путешествия по Сибири, особая книга “Описание первья части Вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство...” (по Л.С. Багрову, перевод книги Мартини “Новый китайский атлас” 1655 г. с добавлением трех оригинальных глав, в том числе “Сказания о великой реке Амуре...” [Багров 2005, с. 230]). Туда же поступили “особая книга о всех вещах и обычаях” и чертеж, упоминание о чем обнаружил изучавший статейный список посольства Ю.В. Арсеньев (1906) [Лебедев 1949, с. 130, 131, 140, 158]. “Чертеж этот, к сожалению, утерян”, – заявляет Д.М. Лебедев [Лебедев 1949, с. 131], то же, хотя и менее уверенно (карта “очевидно, утеряна”), пишет Л.С. Багров [Багров 2005, с. 231]¹⁰. О местонахождении маршрутных чертежей, составлявшихся по мере продвижения посольства, нет сведений до сих пор [Постников 2005, с. 18].

Существует, однако, чертеж, который Л.С. Багров, опубликовавший его впервые в 1947 г. в сборнике “Imago Mundi”, ставит в непосредственную связь с этим путешествием [Багров]¹¹.

По-видимому, о том же чертеже говорит Л.С. Багров в обобщившей его исследования “Истории русской картографии”. Интерпретация этого источника на страницах работы колеблется: автор то предполагает, что дошедшая до нас рукописная карта только “идентична” карте Спафария, то заявляет об отсутствии сомнения, что “карту составил сам Спафарий или кто-то другой в Москве еще до его отъезда”, Спафарий же взял ее с собой и “показал на ней свой маршрут”. Легенда карты: “Путь, идущий пунк-

¹⁰ В литературе обсуждалась его связь с картой, опубликованной в книге (1692) иезуита Ф. д’Аврила (Авриля) [Багров 2005, с. 231]. То, что последняя – копия карты Спафария, предположил Ю.В. Арсеньев. А.И. Андреев предположение отверг [Андреев А., с. 56].

¹¹ А.В. Постников по поводу данной атрибуции ограничивается ссылкой на “мнение” Л.С. Багрова [Постников 2005, с. 18]. В.Ф. Иванов включает этот чертеж в обзор письменных источников по истории Сибири XVII в., приведя название (“Дорога, которая тропами идет от Москвы сухим путем до Тобольска и от Тобольска водным путем до Семипалатинского острога и от Семипалатинского сухим путем до китайского рубежа, и до города Пезина”) и дату (1678), принятую им, исходя из времени возвращения посольства Спафария [Иванов 1979, с. 208–209]. Но Семипалатинская крепость была построена в 1718 г. [ИКАР I, с. 50]. Таким образом, либо источник в целом создан не ранее XVIII в., либо поздней является его легенда, либо, наконец, имеет место ошибка при передаче текста в публикации.

тиром по суше от Москвы до Тобольска и от Тобольска по воде до Селенгинска, по суше до китайской границы и до города Пекин” [*Багров 2005*, с. 231–232]. Это и приведенное В.Ф. Ивановым (см. примеч. 11) названия явно перекликаются, текстуальные различия можно предположительно объяснить искажениями, неизбежными при двойном переводе.

Историк отмечает, что путь, каким он дан в приведенном названии, “полностью совпадает с тем, каким ехал в Пекин Спафарий. И в нем есть только одна поразительная неточность – он не проходит через Селенгинск”¹². Объяснить противоречие исследователь находит возможным “только ошибкой писца” [*Багров 2005*, с. 232].

Это допущение оказывается не нужным, если изменить атрибуцию документа. Багров не приводит никаких аргументов в пользу привязки карты к посольству Спафария, кроме якобы полного совпадения описанного Спафарием и изображенного маршрутов – совпадения, которое, как сам же показывает, далеко не идеально. Но даже если бы маршруты совпадали точно, для атрибуции чертежа Спафарию этого было бы недостаточно: стейные списки посольств и связанные с ними материалы, поступив в приказ, становились доступны многим.

Обратим внимание на то, что путь, обозначенный в заголовке чертежа, совпадает с маршрутом другого, более раннего (1654–1657) дипломатического путешествия в Китай, совершенного Ф.И. Байковым [*Лебедев 1949*, с. 163]. Известно, однако, что Байков был неграмотен, и среди его спутников отсутствовали лица, ведшие путевые записи – отчет о его поездке составлялся с участием служащих приказа Большого дворца [*Белоброва*, с. 125]. Полагаем поэтому возможным, что чертеж в составе отчетных материалов им в приказ не сдавался. Но это не исключает возможности создания такого чертежа ретроспективно.

По нашему мнению, особенности чертежа, относимого Багровым к посольству Спафария, легче объяснить, не привязывая непосредственно к этой поездке. Его автором мог явиться человек, использовавший данные разных путешественников, Байкова и Спафария в том числе. Очень вероятна его связь с Посольским приказом, где концентрировались текстовые и графические материалы дипломатических поездок.

Одним из тех, кто живо интересовался хранившимися в московских приказах сказками и картографическими материалами путешественников, был А.А. Вinius. Они представляли для него

¹² Спафарий от Тобольска отправился к Нарыму, далее на Енисейск, оттуда к Байкалу, по преодолении его – к Нерчинску [*Лебедев 1949*, с. 130, 163].

ученый интерес, а в период подготовки экспедиции на Волгу и Каму, несомненно, еще и практический. Его имя привлекает внимание и в связи с каналом, каким материалы Ф. Байкова стали известны европейским ученым. В литературе упоминается о парижском издании статейного списка Байкова, относящемся чуть ли не к середине XVII в. (что, учитывая дату его поездки, очень сомнительно), и о последующих его изданиях на латинском, французском, немецком и английском языках [*Прокофьев*, с. 20]. Д.М. Лебедев, со ссылкой на Г.Ф. Миллера, также упоминает о французских и голландских переводах. Сведения, почерпнутые из Байкова, использовал Витсен в издании своей “Тартарии” 1702 г. [*Лебедев 1949*, с. 121]. Если бы не другие имена, которые связывают с вывозом статейного списка Байкова за границу, вполне уместно было бы предположить, что введение в европейский научный оборот данного материала не обошлось без Виниуса. Не он ли составил карту этого путешествия (связанную Багровым со Спафарием) и не ее ли имел в виду Рейтенфельс? Если чертеж выполнил Виниус, преследуя цель свести воедино новейшие сведения по географии региона, понятной становится некоторая эклектичность результата (при русской, на юг, ориентации изображения отдельные фрагменты перерисованы с современных европейских карт [*Багров 2005*, с. 232]). Снимается и необходимость объяснять присутствие на “карте Спафария” маршрута Байкова – Виниус свободно отбирал и комбинировал ту информацию, которую считал нужной. Наконец, понятным становится и внимание к этому факту Рейтенфельса: в карте Виниуса он видел сводку географической информации, содержащейся в труднодоступных иностранцам документах Посольского приказа.

Если наши умозаключения корректны, то открытую Багровым карту следует датировать временем между 5 января 1678 г. (возвращение посольства Спафария) и 1680 г., когда вышло в свет сочинение Рейтенфельса. Если же на ней не окажется материала, который надежно выводится из Спафария, то интервал допустимо раздвинуть, отнеся нижнюю границу ко времени пребывания Рейтенфельса в Москве. Эти предположения, разумеется, могут рухнуть под давлением неучтенных аргументов, но пока они связывают и объясняют факты лучше других.

Менее гадательно можно говорить о часто упоминаемой в специальной литературе карте Сибири, являющейся самой ранней сохранившейся русской картой, содержащей градусную сетку¹³. Карта, найденная в “Служебной Чертежной книге” С.У. Ремезова (по-

¹³ Известно о составленной при царе Алексее Михайловиче “Генеральной русской карте”, также имевшей математическую основу [*Шибанов*, с. 292].

мета которого, собственно, и дала основание считать ее чертежом А.А. Виниуса), впервые опубликована А.И. Андреевым в 1940 г.

Исследователи датируют ее по-разному: А.И. Андреев 1680–1689 [Андреев А., с. 53], Ф.А. Шибанов 1680–1696/97 [Шибанов, с. 292], В.И. Федчина 1682–1689 гг. [Федчина, с. 123]. Нам наиболее обоснованной представляется датировка Шибанова.

Карта ориентирована на юг. Изображение представлено в конической проекции с шагом сетки 10° . Границы охваченной территории: от восточного берега Азовского и Черного морей на западе до района восточнее устья р. Уссури на востоке, от южного побережья Каспийского моря до полярных морей на севере. В отношении географического содержания она имеет ряд достоинств по сравнению с ранними и современными ей картами. В частности, впервые на русских картах относительно правильное положение получила р. Амударья, изображенная как самостоятельная крупная река, впадающая в Аральское море. В этом пункте карта Виниуса уточнила сведения Большого Чертежа, выступавшего главным источником географической информации при изображении Средней Азии [Федчина, с. 123, 130].

Но и ошибок на карте Виниуса осталось также немало, что естественно для случаев, когда он не имел уточняющей информации, и огорчительно, когда он ее должен был иметь, но почему-то не использовал. Ф.А. Шибанов приводит касающиеся гидрографии примеры (в отношении рр. Кола, Тулома, Уса, Бузулук, Самара, Сызрань, Тургай), когда вполне достоверная информация “Книги Большого Чертежа” не была учтена на приписываемой Виниусу карте [Шибанов, с. 293]. Неверно нанесены некоторые города: так, хотя р. Амударья показана более правильно, чем было прежде, город Бухара ошибочно изображен южнее ее [Федчина, с. 123].

Точность географических координат объектов, определенная по чертежу Виниуса, невысока. Искажения, обусловленные еще и тем, что по широте она сжата, а по долготе сильно растянута, настолько значительны, что было вынесено заключение, что “картографическая сетка на карте Виниуса скорее носит декоративный характер, чем действительной математической основы” [Шибанов, с. 292] (эти слова цитирует А.И. Андреев, очевидно, соглашаясь с ними [Андреев А., с. 53–54]). Оценивая это обстоятельство, следует учитывать, что карты, составлявшиеся в Западной Европе (в том числе изображавшие Тартарию), уже в XVI в. имели градусную сетку, чертились в определенной проекции [Федчина, с. 123]. В отечественной картографии ее внедрение еще предстояло – даже замечательные работы С.У. Ремезова градусной сетки не имели. Карта Виниуса закладывала соответствующую традицию в России, что при более богатом ее (карты)

географическом содержании (в сравнении с современными картами, составленными европейцами) делает ее заметной вехой на пути развития отечественной картографии. Не случайно Ф.А. Шибанов, весьма скептически отозвавшийся о главном техническом усовершенствовании карты – градусной сетке, в целом оценил работу весьма высоко, заявив, что она “как по технике исполнения, так и по расположению гидрографии стоит несравненно выше всех известных до настоящего времени русских карт–чертежей” [Шибанов, с. 293]. Новейшие исследования реабилитируют качество и математической ее основы [Котюх, Петрова, с. 208].

Вопрос об источниках карты недостаточно разработан. Федчина отмечает использование ее автором западноевропейских карт (в согласии с их традицией размещено Каспийское море) и замечает, что в период службы Виниуса в Посольском приказе “в ведении его находились чертежи Сибири” [Федчина, с. 123]. Картографические материалы в Посольском приказе действительно имелись, но оригинальные материалы по Сибири в последней четверти XVII в. создавались преимущественно в другом – Сибирском – приказе. А эта карта была выполнена прежде появления там Виниуса.

С приходом в Сибирский приказ перед Виниусом открылись обширные возможности ознакомления с прежде труднодоступной или вообще недоступной ему географической информацией, содержащейся в документах этого учреждения. Более того, возникла возможность направить и сделать более эффективным продолжавшееся изучение Сибири, целенаправленно добываясь информации с богатым географическим содержанием. Виниус в эту работу немедленно включается. Показателен ноябрьский, 1697 г., указ Сибирского приказа о сборе в Иркутске сведений о состоянии транспортных путей на маршруте Красноярск–Иркутск. Приводим его по сохранившемуся отпуску полностью, выделяя курсивом дополнения, внесенные рукой Виниуса:

“206-го ноября в день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца думной дьяк Андрей Андреевич Виниус с товарищи приказали послать ево, великого государя, грамоту в Ыркуцкой:

Велеть проведать со всяким радением из Ыркуцка х Красноярску и с Красноярю в Ыркутской сухим путем [ле?] том или си...мою служивые или торговые и промышленные люди ездят ли, и, буде ездят, через которые места, и какими иноземцы тот путь лежит, и лошадами ли ездят или нартами ходят, и по тому пути живут ясачные ли люди или иные какие иноземцы. И как случитца местами также ис Красноярю в Ыркутской послать с нужными

великого государя гра[мотами], из Ыркуцка для каких ево государевых нужных дел к Москве с отписки или з делами служилых людей человека по два или по три, и тем посыла[и]кам от тех иноземцов летом и зимою (? – И.Ю.), или какой опасности ясачным людям, в подводах не будет ли¹⁴ какой тягости и в ясаке недобору. И от Иркутца до Красноярска тем путем во многие ли дни мочно поспеть, и какие меж теми городами леса, горы, реки и переправы (вариант прочтения: переграды. – И.Ю.), и сколь людно иноземцы живут, и без... но ли можно в... пути проехать, что от места до места по урочищам расстояния – о том о всем прислать опись подлинную, взяв у ведущих людей” [71, л. 1].

Значение запрошенной информации трудно переоценить. Практически вся она важна для нормального функционирования путей сообщения. Но многие сведения представляют очевидный интерес и для географического описания края: это данные о маршруте дорожной трассы, о протяженности ее участков (“от места до места по урочищам расстояния”), о характере местности (леса, горы, реки), через которую она проходит, об используемых транспортных средствах. Обращает внимание пристальный интерес к информации о коренном населении прилегающих районов, об отношениях (подчас конфликтных) с постоянным и проезжим русским населением.

Информация такого рода, концентрируясь в сундуках, ящиках и коробках приказных повытий, большую важность представляла и для осуществлявшихся тут картографических работ. В годы пребывания в приказе Вiniusа создается особо ценный для истории отечественной картографии комплекс картографических материалов, в определенной степени обязанный своим появлением начальнику этого учреждения – Сибирская “картографическая симфония” – С.У. Ремизова.

Поскольку изучению ее создания и составу было посвящено немало специальных работ, ограничимся рассмотрением роли в ее истории А.А. Вiniusа. Начало работы над нею относится ко времени, когда главой Сибирского приказа был князь И.Б. Репнин, а Вinius занимал в нем должность думного дьяка. В 204 (1695/96) г. в Томск к стольнику и воеводе Василию Андреевичу Ржевскому была отправлена грамота, которой, в изложении более позднего (от 29 апреля 1697 г.) указа, было “велено городу Томскому, и уезду, и острошкам, учиня чертеж, прислать в Сибирской приказ. И вам бы в том чертеже велеть написать имянно Томской город, и острошки, и ясашные волости, и слободы, и деревни – на каких реках, и урочищах, и что водяного и сухова ходу верстами или днями до Сургу-

¹⁴ В рукописи слова “не будет ли” при правке по ошибке зачеркнуты.

та, и до Тары, и до Нарыма, и Кетцкого, и Енисейска, и Красного Яру, и до речки Коштак, и до нового острошка, которой на той речке для плавки серебра строить велено¹⁵, и до острошков же Томского присуду с р[а]змером, и которыми реками или волостми, и которая река в какую впали, и на скольких верстах, и какие народы около тех рек и острошков живут и кочуют”. Отписки и чертеж велено было подать в Сибирский приказ [42, л. 4].

Указ в Томск – только часть “проекта”, объединяющее звено которого отразилось в решении Боярской думы от 10 января 1696 г. поручить “доброму и искусному” мастеру в Тобольске сделать “большой” чертеж на ткани всей Сибири [ПСЗ III, № 1532, с. 217].

О роли Виниуса в создании “Чертежной книги Сибири” – первого законченного рукописного атласа сибирских земель – рассказывает его создатель, тобольский сын боярский Семен Ульянович Ремезов в предисловии к этому атласу. Он сообщает, что 18 ноября 1698 г. по указу великого государя и “по приказу на Москве в Сибирском приказе думного дьяка Андрея Андреевича Виниуса” ему было велено написать в Тобольске на александрийской бумаге “с привезенных к Москве, с сибирских городовых чертежей 24 листа, подобно привозным образцам в 206 (1697/98. – И.Ю.) году, свидетельствованных многими достоверными писцами, и ведомцами, и старожилами... И написавши, привезть к Москве и подать в Сибирском приказе думному дьяку Андрею Андреевичю Виниусу” (цит. по: [Бородаев, Контев, с. 41]).

О Виниусе в приведенной цитате сообщается лишь то, что он дал приказание (но именно так и должно было быть – и по подчиненности, и по территории, которую предполагалось картировать) и потребовал предъявить сделанное. Конечно, это подразумевает определенные организационные усилия, но совершенно не ясно, являлся ли Виниус зачинателем этой затеи или импульс шел из другого источника?

Ремезов участие Виниуса в реализации проекта считал, кажется, довольно значительным. Во всяком случае, в цитированном предисловии он разделяет вклад Виниуса и царя: “сия Чертежная книга совершися” царского величества “изволением и повелением”, Виниуса же – “снисканием и трудолюбивым прилежанием”. Было бы интересно уточнить, проект был “запущен” *повелением* государя или всего лишь его *изволением*. Но в любом случае в пер-

¹⁵ Работы по поиску серебра на р. Коштак (в Томском у.) были начаты на основании указа от 18 декабря 1696 г., направившего в эти места (где зимой 1695/96 г. удалось накопать некоторое количество серебряной руды) поисковиков во главе с А. Левандианом. Подробнее об этом – в настоящей главе, далее.

вой персоне государства имеем дело на этот раз скорее с волевым, нежели интеллектуальным началом. Иное дело – Виниус. Говоря о нем, Ремезов употребляет производные от глаголов действия (снискание, прилежание), подчеркивая непосредственно вложенный в успех дела труд. И это не было риторикой, predetermined жанром предисловия – традиции жанра обязательных “кивков” в адрес начальства не требовали. Так что рискнем предположить, что сказанное отражало собственное его мнение на этот счет.

Решение Боярской думы предварительно готовилось, и кому, как не Виниусу, пришлось им заниматься? Несомненно, Петр поддерживал эту затею. Но обратим внимание: в переписке Винуиса с царем в той ее части, которая касается Сибири, данная тема не всплывает. В качестве думного дьяка Сибирского приказа у Винуиса было множество ответственных обязанностей, исполнение которых, находившееся под контролем, фактически определяло его служебное соответствие. Обеспечение подведомственной территории картами к ним, похоже, не относилось. Винуис между тем ими занимался.

Нам кажется очевидным, что длительная и достаточно дорогостоящая работа, которая на протяжении нескольких лет выполнялась картографами Сибирского приказа, была бы невозможна без руководителя, “горевшего” ею и создававшего для ее исполнения соответствующие условия. К сожалению, на сегодняшний день в нашем распоряжении нет источников, позволяющих проследить характер и степень опеки проекта со стороны Винуиса. Но напомним в связи с этим еще об одном реализованном при нем сибирском проекте – создании на Урале первых в этом регионе доменных заводов. После Б.Б. Кафенгауза, в монографии о хозяйстве Демидовых впервые относительно подробно изучившего обстоятельства их строительства [Кафенгауз, с. 55–135], ни один историк металлургии не станет оспаривать выдающейся роли, которую сыграл в этом деле Винуис. А ведь он и там *только* организовывал – искали руду, строили плотины и домны другие. Никто не отнимает чести у непосредственных исполнителей (мастеров), но тяжелый маховик, питавший строительство энергией и толкавший его вперед, нужно было изготовить, установить и раскрутить. И делал это – и для заводов, и для географических чертежей – он, Винуис.

С именем Винуиса иногда связывают не вполне ясную судьбу одного из изготовленных Ремезовым атласов – “Чертежной книги Сибири 1701 г.”. Законченная 1 января этого года, она была отправлена в Москву, но, судя по переписке Сибирского приказа с тобольским воеводой, вовремя ее там не получили. Л.С. Багров предположил, что к ее утрате причастен Винуис. А.И. Андреев

высказал несколько гипотез по этому поводу, по одной из которых хранящийся в РГБ экземпляр этой книги – копия, изготовленная, возможно, в Сибирском приказе для публикации Я. Тесингом в Голландии [Багров 2005, с. 242].

Интерес Виниуса к картографии, достигший пика в годы работы в Сибирском приказе и тогда же давший наиболее значимые для истории знаний плоды, проходит через всю его жизнь. Судя по описи подмосковной – сельца Степанкова, Горетова стана, Московского уезда, в июне 1706 г. в сельском его доме, на стенах, кроме 13 видов городов (10 иностранных и 3 Москвы), висело множество карт и чертежей: “4 чертежа писменных, в том числе один писан на полотне, – всех земель, да 3 на бумаге – чертежи Соловецкого монастыря, Сибирского государства¹⁶, Софенской (?) земли; да немецкай и русской печати 12, да письменных на холсту и на бумаге 8; сельцу Степанкову, деревням и пустошам чертеж” [141, л. 723 об.–724].

Судя по голландской бытовой живописи, географические карты – распространенный элемент интерьера городского жилища XVII в.

На картинах Яна Вермера, большого любителя украшать ими свои интерьеры (“Офицер и смеющаяся девушка”, 1657, “Женщина с письмом”, 1662–1663, “Мастерская живописца”, 1665–1667), они выступают зримым образом, знаком внешнего (по отношению к пространству изображения) мира, противопоставленного стабильному и упорядоченному домашнему началу (см. об этом, например, [Ротенберг, с. 274]). Мира, который для жителей страны, экономического могущества которой обеспечивали флот и богатства дальних стран, был столь же реален, как солнечный блик и пятно тени на картине дельфтского мастера.

Во всяком случае, с последней трети XVII в. географические карты появляются и в домах русских “западников”. Так, в описи жилых хором князя В.В. Голицына упомянуты в Спальной палате “в рамках дерев. золоч. пять землемерные чертежи печатные немецкие, печатаны на полотне, ц. 2 р. 13 алт.”, в Нижней казенной палате “чертеж Европин на холстине 16 алт. 4 д.”. Без точного местонахождения (раздел “всякая рознь”) упомянуты “9 листов немецких землемерных в рамках 30 алт.”. Из этих 15 карт 6, несомненно, висели на стенах, 9 – неизвестно, но, судя по наличию рам, и они предназначались для развески. Упомянем в дополнение к ним принадлежавшую князю “книгу землемерную немецкую 2 р.” [Забелин III, с. 577, 589, 591, 588].

15 карт и планов в городской усадьбе – совсем не мало. Но у Виниуса – почти вдвое больше (не менее 25) в усадьбе сельской.

¹⁶ Возможно, какая-то не дошедшая до нас работа С.У. Ремезова.

Можно представить изобилие, в каком они украшали московский дом Винуса.

Бросающаяся в глаза особенность картографического собрания, находившегося в Степанкове, – присутствие в нем карт разных масштабов (от карты “всех земель” до чертежа “сельцу Степанкову, деревням и пустошам”), различной картографической традиции (“немецкой”, т.е. европейской, и русской), разной техники исполнения (чертежи “письменные” – на полотне, холсте, бумаге, и печатные). Наличие крупномасштабного чертежа перекликается с упоминавшимися фактами изготовления таковых в ходе работ по разведке месторождений руды и подбору заводских площадок. Дополнительный интерес упоминание о нем приобретает в контексте изучения общей истории развития крупномасштабного (топографического) картографирования, которая по вниманию к ней исследователей долгое время отставала от истории мелкомасштабной карты [*Постников 1986*, с. 100].

Почти символически выглядит на этом фоне последняя попытка Винуса коммерчески использовать свои познания и связи в культурной сфере. Неугомонный старик (ему было 68 лет) намеревался выпускать, по его выражению, “всей вселенной чертежи”, т.е. разного рода картографическую продукцию. В письме Петру I от 7 февраля 1709 г., поделившись с царем достижениями и проблемами, связанными с переводом технической литературы, старик пишет: “Еще при сем дерзнул величеству вашему молити: аще ли угодно вам, в пользу вашего величества подданным русскаго народа людей, мне, или чье имя назначь, дать привилию печатать новые российскаго и иных государств партикулярные и общие всей вселенной чертежи с русскими подписями, и о том дать на 10 лет вашу государскую привилию, с подтверждением нарочитой пени, кто дерзнет без позволения в те лета такие ж печатать, как и в иных европейских странах водится, те все с пенею отняты будут” (цит. по: [*Лекарский I*, с. 207]).

По-видимому, Петр, к тому времени утративший некогда безоглядную веру в способность Винуса дотянуть до станции назначения любой обремененный проблемами воз, вверенный его попечению, и с настороженностью относившийся к его обещаниям, не был настроен удовлетворить эту просьбу, тем более – на началах предоставления монопольного права. А возникшая вскоре у Винуса необходимость надолго покинуть Москву (в связи с поездкой 1710–1711 гг. к гетману) и последовавшая за тем болезнь поставили крест на этом проекте.

Между тем Винус в качестве издателя карт представляется нам фигурой вполне органичной. На рубеже XVII и XVIII вв. пришелся переход российской картографии на новый для нее путь

развития – тот, которым шла картография европейская¹⁷. Исследователи отмечают, что наиболее значительным вкладом во “внедрение в отечественную практику опыта западноевропейских научных школ” являлся вклад именно голландской картографии. В наибольшей степени он проявился в морском и гидрографическом картографировании, а также в области *оформления и издания карт* [Зинчук, с. 464, 465]. Виниус, как нам кажется, был хорошо подготовлен для того, чтобы в своей деятельности реализовать именно это, магистральное для России, направление. “Природный” иноземец, благодаря сохранившимся связям на родине (в том числе с Витсенем) он лучше всего знал именно голландское картографическое наследие и связанные с ним традиции – следовательно, мог способствовать ускоренному усвоению в своей типографии его канонов.

Полагаем, если бы задуманная Виниусом типография появилась, у нее имелся шанс войти в историю отечественной картографии заметным событием.

11.3. Геология

В структуре естественных наук геология до начала XIX в. являлась единственной научной дисциплиной, изучавшей вещество земли и прежде всего горные породы. Единственной и достаточно единой, целостной, даже с учетом того, что включала минералогию, древнейшую науку, исследовавшую минералы и отбиравшую методы их диагностики [Резанов, с. 24–25]. Двигателем развития геологической науки на этом этапе выступали почти исключительно полевые исследования, обобщением данных которых она и занималась.

В России XVII в. полевые исследования приняли небывалый прежде масштаб. Выступая в потенции в роли одного из источников формирования геологических концепций, в этом своем качестве они, конечно, еще не осознавались. Работы предпринимались ради достижения конкретных утилитарных целей и оценивались по тому, насколько их достигали.

Добыча в России полезных ископаемых в это время значительно отставала от европейской – и по объему, и по номенклатуре. Из известных тогда металлов выплавлялось только железо

¹⁷ Мы не согласны с утверждением, что “практически все, за очень редким исключением, карты, созданные после 1705 г., были составлены по канонам западноевропейской картографии” [Зинчук, с. 465]. Географические чертежи в традициях XVII в. продолжали возникать, во всяком случае в провинции, и позднее. Но это не отменяет тенденции как таковой – просто период перехода размывается.

и его сплавы. Прочие металлы, в том числе монетные, поступали исключительно из-за границы: серебряные ефимки закупались у привозивших их купцов. Задачи обнаружения в России месторождений серебряных руд и производства собственного серебра оставались остро актуальными десятилетиями: они будоражили воображение и побуждали к действиям¹⁸.

Поисковые работы частных лиц, преследовавшие цель вернуть несущую прибыль хозяйственную активность, имели и иное значение: пополняли банк научных данных – ту совокупность первичного фактического материала, которая, будучи осмысленной и переработанной, становится слагаемым теоретического знания [Резанов, с. 12]. Рассмотрим частично уже знакомый нам материал о предпринимательской деятельности Виниуса в контексте истории изучения природных богатств России, следовательно, и в контексте истории геологической науки.

По-видимому, первые и, разумеется, простейшие познания в области минералогии А.А. Виниус получил на заводах под Тулой, которых его отца лишили, когда сыну было шесть или семь лет. Вместе с отцом он, несомненно, бывал на них, посещал, возможно, и Дедиловские рудники, откуда, с р. Оленья, доставлялась руда, “питавшая” домны. Именно здесь, вероятно, закладывался интерес Виниуса к металлургии и горному делу, приложить который к практической работе он смог только в конце столетия.

Но первые его попытки реализовать этот интерес относятся к значительно более раннему времени – к 70-м годам XVII в., и связаны не с черной, а с цветной металлургией. Вернемся к этому эпизоду – одной из ранних, недостаточно исследованных страниц истории изучения природных богатств России.

Напомним, что Я.Г. Галкин, в 1674 г. выполнивший опытную плавку привезенной Виниусом из Испании серебряной руды, подал челобитную с просьбой разрешить ему и С.А. Захарову заняться поиском подобной руды, привезенные из-под Пензы образцы которой он видел в Москве несколько лет назад. К ним присоединился Виниус, ставший в компании первым лицом. Весной 1675 г. компаньоны получили несколько жалованных грамот, разрешавших им разведку руд и других металлов, а также

¹⁸ Порой это не осознается даже в добротных работах. Авторы “Рассказов по истории Алтайского края” (книги учебной, предполагающей поэтому особое внимание к точности акцентов и в целом удовлетворяющей этому требованию) называют XVII век “временем не слишком активных и не очень удачных поисков драгоценных руд” [Бородаев, Демин, Контев, с. 40]. Согласиться можно только со второй частью этого утверждения. Упрекать правительство в недостаточной активности не приходится – в 1660–1670-х годах и в конце столетия усилия на проверку сведений “извечников” затрачивались немалые. Озабочены тем же были и частные лица.

использование открытых месторождений этих руд, кроме серебряной и золотой [40; 47, л. 5–15; ДАИ VII, № 10, с. 53–54].

Сведения о маршрутах организованной компаньонами геологоразведочной экспедиции отсутствуют. Имеются данные (вероятно, неполные) о районах, в которые она должна была направляться, еще менее полные – о районах, ею обследованных (см. выше). Ограничены и сведения, касающиеся организационно-технической стороны полевых исследований. Работы планировалось вести несколькими отрядами, в связи с чем Виниус просит выдать ему из Посольского приказа две “одинакие” проезжие грамоты [ДАИ VI, № 24, с. 162]. О том же свидетельствует и челобитная (не позднее 12 марта 1675 г.), поданная по поводу поездки Захарова, “для досмотру руднаго места и взятия руды” отправлявшегося “наскоро на Пензу”. Требуя для него подводы, челобитчики просили заодно повелеть, чтобы их и “розные подорожные” выделили также Виниусу с Галкиным, когда те соберутся на “великого государя службы ехать”. Соответствующее распоряжение в Ямской приказ было направлено 12 марта 1675 г. Такая схема работы (отрядами) в условиях, когда поиск осуществлялся с опорой на свидетельства извечиков, представлялась оптимальной не одному Виниусу. Укажем на челобитную П. Марселиса и Е. фан дер Гатена того же 1675 г. (до 29 июля) с просьбой выдать им проезжую грамоту “и для розных путей три списка за дьячьёю приписью, чтоб по городом и в уездах воеводы и всякия приказныя люди нам... и людишкам нашим, кого мы пошлем, велели всякия руды... сыскивать” [ДАИ VI, № 24, с. 166].

Информацию об условиях, в которых работали участники экспедиции, извлекаем из жалованных грамот, в частности данной Виниусу и Галкину 8 марта 1675 г. Компаньонов, их рабочих и мастеровых людей, извечиков “и кто с ними в тех рудных сысках будет” предписывалось всюду пропускать, задержек, остановок, обид и “налог“ им ни в чем “не чинить” – напротив, оказывать “всякое спомогателство”. Они и их люди освобождались от платы за пользование мостами и перевозами, а на дворах – от постоялого. Для “скорых посылок” предписывалось давать им и работающим с ними людям “под снасти и под всякую их рухляду ямские подводы за их прогоны” [126, л. 49]. Эти права были перенесены с дополнениями в жалованную грамоту, данную Виниусу, Галкину и присоединившемуся к ним К. Нордерману 19 мая 1675 г. [46, л. 13].

Вслед за Виниусом и Галкиным аналогичные грамоты кинулись получать многочисленные “охотники”, в своем большинстве ранее никак не проявившие себя в области металлургии и горного дела. Конечный результат их деятельности, а чаще – пустой

болтовни и обещаний, известен: серебряных руд не нашли, признаки медных оказались не настолько явными, чтобы решиться строить перерабатывающее производство.

Тем не менее в этих событиях было нечто, представляющее несомненный интерес и для истории геологии. Во-первых, в разных районах страны побывало несколько обследовавших их отрядов (уверенно можно говорить об отряде экспедиции Виниуса–Галкина, с высокой вероятностью – отряде или двух от компании Марселис–фан дер Гатен).

Во-вторых, впервые в России при финансировании геолого-разведочных работ была сделана ставка на максимально широкое использование частных инвестиций. Конечно, инициативные люди, вроде Е.Д. Ножевникова, которые “волочились... во многия города своею охотою для сыску всяких руд своими харчами, служа и радея... многое время” [39, л. 43], существовали и прежде. Но никогда еще исключительно на их предприимчивости не зиждились надежды заинтересованного в их труде государства.

В-третьих, связанные с экспедицией занятия Виниуса отразились на его становлении в качестве специалиста – расширили знания и опыт, что, с одной стороны, помогло впоследствии (в период его работы в Сибирском приказе) организовывать и контролировать соответствующие работы на Урале, с другой – сделало, вероятно, более содержательными контакты с учеными корреспондентами из Западной Европы.

То, что не удалось Виниусу в 1675 г., совершилось четверть века спустя. Возглавив управление Сибирью, он получил уникальную возможность целенаправленно заняться изучением природных богатств территории, которую уже имевшиеся к тому времени сведения позволяли считать богатейшим их кладзем. Начатая при Репнине, эта работа заметно расширилась после получения Виниусом в приказе всей полноты власти.

Распоряжение верхотурскому воеводе искать железные руды было направлено из Сибирского приказа 26 июня 1696 г. – в дни, когда Петр находился под Азовом. О результатах изысканий воевода Дмитрий Протасьев сообщил спустя семь месяцев. Руда была найдена: в районе р. Тагила – магнитная, простая же – даже в четырех местах. Образцы руд вместе с выплавленным из нее на Верхотурье железом были посланы в Москву. В феврале 1697 г. московские мастера-бронники, а в марте – тульский мастер Н.Д. Антюфеев (будущий Демидов) провели экспертизу. Аналогичные образцы “для опыту” были отправлены также в Голландию к Н. Витсену (6 фунтов “камени магниту”) и в Ригу И. Миллеру. Все эксперты дали самые благоприятные заключения в от-

ношении качества руды. Из письма Витсена Виниус почерпнул идею о благотворном влиянии на качество железа природного легирования содержащимся в сибирской руде серебром [АИ V, № 267, с. 487, 489].

Последовавшие за этим дополнительные полевые изыскания завершились закладкой двух металлургических заводов. Но вопросы поиска руд продолжали заботить Виниуса и после того, как они были пущены. Во время поездки на Урал в 1702 г. в его “свите” находился А.И. Калитин, обязанный заниматься осмотром и описью “по разным местам железных руд”. Дело ему нашлось на р. Чусовой – явившийся крестьянин Михаил Селин взялся указать рудное месторождение. Посланный с ним Калитин и рудокопщики вернулись с двумя пудами руды и чертежом. В переданных Н.Д. Демидову 30 ноября вопросах Виниус, между прочим, спрашивал о возможности его участия в освоении месторождения медной руды на р. Чусовой: берется ли он за строительство здесь завода, “что себе просит”, а также сможет ли по дороге в Москву заехать на казенные “рудные заводы”. Оставляя Калитина на Урале верхотурским воеводой, Виниус 8 декабря дал ему наказные статьи, в которых, помимо прочего, поручал разведывать медную и серебряную руду. Те же мотивы находим в письме Демидову от 17 декабря: Виниус требует прислать ему самый сильный магнит и провести опытную плавку медной руды [Кафенгауз, с. 112, 116, 121].

До появления методов химического и петрографического анализа опытные плавки были фактически единственным прямым способом установить содержание в руде металла. Внешний вид руды и легко доступные определению ее физико-механические свойства позволяли идентифицировать минерал, как правило, только предположительно. Только плавка могла ответить на вопрос о наличии в нем металла и его количестве. Для дальнейшего изучения рудных ресурсов Урала требовалось иметь здесь площадки, позволявшие проводить пробные плавки. Размышляя над обеспечением лабораторной базы исследований, Виниус в качестве одной из них видел Невьянский завод Демидова.

Обратим в связи со сказанным выше внимание на одну, на наш взгляд, не вполне заслуженную похвалу в адрес Виниуса. Перечисляя по отраслям “принципы, заложенные им в основу реформируемой отрасли”, которые “просуществовали столетия и имеют значение до сих пор”, в геологии исследователь отнес к ним то, что Виниус “основывался на данных экспертов, методе сравнительных экспертиз” [Милюков 2000б, с. 13]. Но этот принцип настолько настойчиво диктовался здравым смыслом, что от него не отступали даже самые некомпетентные деятели админи-

страции, которым по распоряжению свыше приходилось заниматься рудной разведкой. Экспертизу выполняли либо в Москве, куда присылали пробы руды, либо на месте, если рудознатец и плавильщик совмещались в одном лице. Чтобы догадаться обратиться к эксперту, вовсе не требовалось быть Виниусом. Отступление от этого принципа можно представить только для случаев, когда за дело брались одиночки, не имевшие технической возможности для проведения пробных плавок. Но и им, как только они заявляли о своих находках, приходилось готовить для посылки ближайшему специалисту пуд-другой горной породы, ими одобренной.

Виниус обошел своих предшественников, пожалуй, в том, что стал отправлять руду на экспертизу за границу – там у него имелись подходящие связи (в частности, в лице Н. Витсена), там ему, можно предположить, представлялось полезным о себе по подобным поводам почасту напоминать. Но как в Голландии, где Витсен передал руду “опытному мастеру” Андрею Ганлусгрилли, так и в Риге, где экспертизу выполнял Еган (Иоганн) Миллер, горное дело к ведущим отраслям местной промышленности не принадлежало¹⁹. И отнюдь не очевидно, что экспертиза, проведенная в Амстердаме, давала более надежный результат, чем плавка, выполненная квалифицированным иностранным мастером, например шведом, в Москве. Кроме того, отсутствие общепринятых методик сбора и анализа образцов затрудняло сопоставление результатов экспертиз.

Между тем Виниус неизменно высоко оценивал качество уральских руд, причиной чему были всегда высокие оценки, поступающие от экспертов, а позже – результаты испытаний выплавленного из них промышленного железа. Напомним уже цитированное письмо Виниуса Петру I (от 8 декабря 1702 г., из Верхотурья), любопытное еще и тем, что, как нам кажется, передает состояние эмоциональной приподнятости, в которой пребывает его автор во время уральского путешествия: “А руды, государь, железной богатой толикое обрел число, что, чаю, прежде лесам оскудение, нежели рудам, будет; а наипаче, что железо то зело добро и равняется с гишпанским” [ПИБ II, с. 413].

Практически одновременно с работами на Среднем Урале началась отработка еще одного перспективного района.

¹⁹ Петр Виниусу, 29 марта 1698 г. из Детфорта: “Писма твои... мне отданы... в которых пишешь... о мастерах железных, чтоб отписать х королю Полскому. И мы то учиним немедленно; а здесь достать мощно, толко дороги; а в Галанской земле отнюдь добитца не могли” [ПИБ II, № 233]. Виниус правильно ориентировал Петра в поиске мастеров на польского короля, одновременно курфюрста Саксонского.

16 сентября 1696 г. в Москве было получено донесение томского воеводы Василия Ржевского, сообщавшего о ставшем известным от князца Мышана, одного из правителей приобских народов, месторождении серебряной руды в Томском уезде на р. Коштак (притоке р. Тисуль). Донесение сопровождали два пуда добытой руды. Так же, как железные уральские руды, серебряную коштакскую руду решено было отдать для опыта в несколько мест. В Москве ей занимались хорошо знакомые Сибирскому приказу греки Александр Левандиан и Тимофей Левкин. Образцы были отправлены также в Ригу Миллеру и в Амстердам Витсену. Левандиан, выполнивший плавку 15 ноября 1696 г., получил из 0,1 пуда руды ползолотника серебра. Левкин из того же ее количества выделил серебра менее четверти золотника. Испытания, произведенные за рубежом, подтвердили как наличие серебра, так и низкое его содержание. Вместе с тем и Миллер, и Витсен высказали благоприятный прогноз в отношении перспектив освоения данного рудного месторождения [*Бородаев, Демин, Контев*, с. 29, 31–32].

Завершить разведочные работы на Коштакском месторождении и технически обеспечить там строительство сереброплавильного завода в декабре 1696 г. было поручено Левандиану, который, как считалось, “искусство имел по греческому обыкновению в горных и плавильных делах”. В сопровождении десяти спутников он отбыл из Москвы 21 февраля 1697 г.

Сохранилось написанное в конце марта, с дороги, письмо Левандиана Виниусу. Уже тот факт, что оно адресовано именно ему и содержит детали, подразумевающие *персональную* коммуникацию корреспондентов, говорит о пристальном интересе начальника Сибирского приказа к судьбе экспедиции, старании содействовать ее успеху.

Левандиан извещает, что все в его отряде здоровы, а отправленная с ними “казна государьская” – в целости. Сообщает подробности. Из Москвы ехали на Устюг, оттуда до Соли Вычегодской, потом на Кай-городок. Отпущенные из столицы “гораздно поздно”, продвигались с трудом: “...и то, государь, ей ей, с нуждой с великой ехали гораздно, для того, что воды великие были дорогой. Да и дорога тако ж, государь, вся поизбилась – ехать стало нельзя”. Из Кай-городка отправились дальше, но вынуждены были воротиться, “потому что ехать стало нельзя”. “Стали весновать марта по 26 день” – дожидались полой воды, чтобы плыть “на низ” до Соли Камской. В Кай-городке застряли и другие посланцы Москвы: “А которая казна отпущена и в ыные в сибирские городы, и оне тако ж все не поспели на Верхотурье весновать, и веснуют тут же с нами вместе в Кай-городке”. Ле-

вандиан подчеркивает готовность отправиться в путь при первой возможности: “а будем попадать, как можно, на Верхотурье, ...а жить тут не станем, потому что надо нам попадать в Сибирь, в Томской город”.

Далее следует фрагмент, в котором непосредственным действующим (вернее, организующим) лицом оказывается Виниус. Левандиан сообщает о намерении внимательнее изучить верхотурскую серебряную руду, которую рудознатцы, впрочем, уже “смотрели, и она годится в дело”. По этому поводу они уже посылали Виниусу письмо из Ярославля. Теперь Левандиан просил его личного содействия: “...ты, государь, изволь послать к воеводе грамотку на Верхотурье, да и к нам отписать тако ж”.

На цитируемой нами копии письма помета, отмечающая факт ознакомления с ним Виниуса: «Назади думною рукою подписано: “205 апреля в 29 день Александра Грека”» [71, л. 38].

Крепкая “думная рука” неизменно поддерживала, а при необходимости подталкивала и направляла этот и подобные ему проекты, ориентированные на изучение природных ресурсов сибирского края.

Левандиан вез с собою указ, поручавший ему руководство всеми работами по коштакской руде вплоть до строительства плавильного завода. Еще один указ, адресованный томскому воеводе, интересен наличием подробностей, касающихся техники разведочных работ. Предписано рыть ямы по направлению рудной жилы на глубину до 20 м, на каждом аршине брать пробы фунтов по 10 или более, отдельно каждую упаковывать (в мешки) и сопровождать ярлыком. “Впервые предполагалось провести, – замечают современные исследователи, – впервые в Сибирь! – грамотную геологическую разведку уже открытого месторождения” [*Бородаев, Демин, Контев*, с. 34].

Этот “грамотный” подход, во всяком случае отчасти, имел источником главу учреждения, развернувшего эти работы. Именно Виниус привлек к ним высокопрофессиональных европейских специалистов, и те, даже действуя дистанционно, сумели поднять работу на качественно новый уровень. Представление об уровне организованных Виниусом консультаций дает грамота томскому воеводе, посланная из Москвы 29 апреля 1697 г. Документ начинается напоминанием о посылке в Томск группы Левандиана с поручением “на речке Коштаке, где та руда имана, плавить из нее серебро”.

“А после отпуску их, Александрова, в Томской, – продолжает источник, – писал города Амьстрадама бурмистр Николай Витцен о томской руде, которую ты прислал, что по опыту мастеров добрых в Амстрадаме вышло ис получетверта золотника

руды самая малая частичка, а по смете де и по выкладке выдет из руды изо ста фунтов чистого серебра пол пята золотника. И по тому та де руда серебром не богата. Однако же мастера ему объявили: буде глубже будет копано, чают лутчую руду сыщут. А по осмотру той руды те же мастера сказали, что по внешнему при- смотру им та руда явилась так, что обещает ниже дать руду бога- тую серебряную, и то по цвету признавают. Для того, что те ру- ды, они же сказали, растут в земле подобно великому древу, ко- торое <1 нрзб.> имеет в глубину корень, а вверх простирает ветви. И в горах только обретается сверху ветвь тонкая и не богатая. А что дале копать, то до самого дерева как возможно дойти, лутчее и богатеe награждение мочно ожидать.

И как к вам ся наша, великого государя, грамота придет, и вы б, как в Томской греченя Александр Левандиан с товарищи при- едут, и вам бы вышеписанное Амъстрадама города опыт объ- явить. И что б они со всяким прилежным радением старались до- брую и прибыльную руду сыскать; и к тому тебе учинить всякое им споможение. И буде твоим и их радением добрая и прибыль- ная руда сыщется, и вам бы против наших, великого государя, указов, каковы к тебе, Василью (Ржевскому. – *И.Ю.*), посланы наперед сего, немедленно о том к нам, великому государю, в Си- бирской приказ писать” [42, л. 2–4].

Приведенный текст, помимо прочего, интересен отражением представлений о закономерностях залегания руд, которые доми- нировали в это время у европейских специалистов в области ми- нералогии, отражая традиционные представления, идущие от труда Агриколы “О горном деле и металлургии”. С образом рас- тущего в земле древа можно соотнести его взгляды на являющи- еся местом образования и совместищем горных пород каналы, располагающиеся в горах подобно сосудам в живом организме [*Резанов*, с. 55]. (Заметим, что Виниус, по-видимому, был знаком с горной наукой своего времени не только по заключениям ее знатоков. Судя по описи, в личной его библиотеке имелись такие специальные издания, как “Книга о искании руд золотой, сереб- ряной, медной” и “Книга о искании руд медной и железной”, обе на немецком языке [7, л. 322 об., 323]).

Впоследствии Левандиан переберется еще дальше – в За- байкалье. Руководство им ослабнет, и не только из-за дально- сти – еще и потому, что Виниусу срочно понадобится успех, а ближайший путь к нему шел тогда через месторождения же- лезных руд Среднего Урала. Но показательно, что поисковые работы в Нерчинском уезде Виниус не сворачивает несколько лет, что в конечном счете позволяет построить там давший промышленное серебро завод.

Читатель этой главы, надеемся, убедился, что автор не намерен преувеличивать значение личности и деятельности А.А. Виниуса для мировой науки и ее развития. И потому, что в доакадемический период говорить о развитии в России науки вообще проблематично, и потому, что были лица, чей вклад в нее был значительнее (С.У. Ремизов, например).

Тем не менее следует задуматься над словами Генриха Ольденбурга, секретаря Лондонского Королевского общества, который, говоря в одном из томов его “Трудов” (“Philosophical Transactions of Royal Society”) о современном ему развитии науки и ее обновлении в разных частях света, писал: “Даже замерзающие московиты и русские восприняли это действительное брожение, и у них находят всяческое одобрение все истинные любители знания и добродетели” (цит. по: [Алексеев 1982, с. 44–45])²⁰. В данном случае не так важно, что подразумевал Ольденбург – “географические и естественно-исторические наблюдения русских на европейском Севере и в Сибири”, как полагает Алексеев, или нечто иное. Важно, что Виниус – из тех замерзавших в Московии (по мнению согретых каминами лондонцев) “истинных любителей знания и добродетели”, о которых неожиданно вспомнил английский ученый.

Глава 12. Виниус и “ученый мир”

12.1. Формы связей и каналы обменов

Обсуждая выше мысли В.И. Вернадского по поводу научной работы в культурах, где таковая, как особая сфера деятельности, еще не сформировалась, мы отмечали необходимое, по его мнению, условие того, чтобы исследовательская работа могла считаться научной: включенность ее результатов в развитие мировой науки. Это требование независимо от его обоснованности ценно тем, что наряду с собственно исследовательской деятельностью (отношением ученый–объекты исследования) высвечивает значимость социальных ее аспектов (отношения ученый–научное сообщество).

Связи Виниуса не только с миром науки, но и с миром ученых (научным сообществом) – важный элемент системы социально-культурных взаимодействий, в рамках которой он как творческая личность существовал и развивался. Хотя они выявляются

²⁰ Нам не известно, когда вышел 5-й том “Отчетов”, из предисловия к которому взята цитированная фраза. 9-й том вышел в 1674 г. [Алексеев 1934, с. 51].

далеко не во всей полноте, источники позволяют проследить такие их аспекты, как каналы и формы связей, круг контактов, взглянуть на них в плане соответствия определенному типу личности, а также типу культурно-историческому, наконец, реконструировать социально обусловленную мотивацию деятельности.

Виниус для получения информации использовал различные каналы. Уверенно фиксируем по меньшей мере два: почтовую связь (почты “заморскую” и внутреннюю) и поездки (по своей инициативе и командировки, за границу и по России). Поездки имели разные цели, при этом научные задачи, как правило, не доминировали. Информационный обмен осуществлялся в нескольких формах: через личное общение с деятелями науки, обмен с ними текстовыми и графическими рукописными материалами, книгообмен.

Контакты охватывали лиц, проживавших в России и за ее пределами. Из отечественных деятелей выделим картографа С.У. Ремезова, служившего под началом Виниуса в Сибирском приказе. Хотя Виниус, в силу занимаемой должности, задания инициировал, а Ремезов осуществлял, их отношения строились не по модели “учитель–ученик” – скорее “руководитель–исполнитель”, с характерной для нее иерархией ролей. Положение с картографированием Сибири прекрасно представляли оба, не требовались обоим и обоснования необходимости подобной работы.

Несмотря на существование в Московском государстве таких людей, как Ремезов и Виниус, научная работа (научная в “чистом” виде, т.е. ориентированная на получение *нового знания ради самого знания*) в допетровской России как сколько-нибудь заметное явление отсутствовала и институционального оформления не имела. Для Виниуса с его интересом к миру знания естественно ожидать тяготения к европейским ученым. Тем более что и они к таким контактам стремились.

Общим местом в научной и научно-популярной литературе предыдущего столетия стало утверждение о заинтересованности европейских ученых в географической информации, добывавшейся в Московском государстве. В качестве примера сошлемся на В.К. Кузакова, который отмечал, что “иностранцы с большим интересом относились ко всему, что касалось географических открытий русских. Это зафиксировано... в стремлении иностранных дипломатов любыми средствами добыть чертежи Московии и Сибири, путей в Индию и Китай”. Говоря об описаниях дороги в Китай, он упомянул использовавших их географов и лазутчиков из Западной Европы. Интерес, разумеется, “не был односторонним”: автор привел обширный список западноевропейских географических трудов, в XVI–XVII вв. переведенных на русский язык [Кузаков, с. 249, 251].

Рис. 31. Портрет Н. Витсена, 1701 г. (П. Схенк)

К сожалению, сейчас можно указать лишь на немногих деятелей европейской науки, контакты с которыми Виниуса прослеживаются достаточно отчетливо и на протяжении длительного времени. Первым следует назвать голландского географа и картографа, бургомистра г. Амстердама Николая Витсена (рис. 31). С Виниусом, а также с Витсеном был связан иностранец на русской службе Е. Избрант Идес, купец, промышленник, русский посланник в Китай, которому кроме описания его поездки в Поднебесную и “писем” о текущем положении и перспективах развития Сибири (1695) принадлежит ценная карта, отразившая собранную в путешествии географическую информацию. Научное ее значение несомненно – как несомненно оно и в отношении деятельности, плодом которой явилось. Но не вполне понятно, в какую культурную традицию уместнее вписать эту деятельность – в российскую или европейскую. Д.М. Лебедев, например, полагал, что, учитывая русский источник предпринятой им экспедиции, опубликованный Избрантом Идесом труд “следует рассматривать в истории *русской* географической науки” (выделено Лебедевым) [Лебедев 1950, с. 150]. Если соглашаться с этим мнением, то для обсуждения связей Виниуса с европейской наукой нам остается один Витсен – беспримесно *европейский* ученый, по оценке того же Лебедева, “очень крупный географ и один из образованнейших людей своего времени” [Лебедев 1950, с. 27].

Можно ожидать, что изучение отношений Виниуса и Витсена прояснит мотивацию некоторых действий Виниуса, уточнит их направленность и облегчит оценку результатов. Но она невозможна без хотя бы краткого экскурса в историю этих отношений.

12.2. Виниус и Витсен: хроника связей

Самые ранние сведения о связях Витсена с Россией относятся к середине 60-х годов, когда в составе голландского посольства во главе с Я. Бореем он находился здесь около полугода – с декабря 1664 по июнь 1665 г. [*Витсен*]. О том, насколько любопытен и общителен он был в это время, говорит упоминаемый им в дневнике эпизод нелегального посещения голландцами опального патриарха Никона.

Во время этой поездки он завязал и другие знакомства, в том числе способствовавшие собиранию информации для труда по географии Северной и Восточной Тартарии (азиатской части России). Из дневника путешествия узнаем, что, будучи в русской столице, он посетил некоего “знатока области Сибири” (имени которого не сообщает), имел с ним беседу и записал основное ее содержание [*Витсен*, с. 109]. В своей автобиографии он впоследствии упомянет, что, будучи в Московии, “общался с самоедами, татарами, персами и т.д., что положило начало для составления карты Тартарии и следующей затем истории Северной и Восточной Тартарии” (цит. по: [*Максимова, Трисман 1996*, с. 8]). Вопрос об именах российских его информаторов уже поднимался; некоторые из них определены. М.П. Алексеев установил, в частности, что сведения о Новой Земле, в 1674 г. опубликованные Витсеном в одном из томов “Трудов”, издавшихся Королевским обществом наук в Лондоне, были получены им от работавшего в Оружейной палате художника и чертежника Станислава Лопуцкого (ум. ок. 1669) [*Алексеев 1934*, с. 51, 55, 56]. Имеются сведения о том, что Витсен обменивался письмами с В.В. Голицыным [*Валишевский I*, с. 39], что он был другом семьи Лефортов, поддерживал с ней переписку [*Богословский II*, с. 124]. Интересен упоминаемый ниже факт дарения ему Ф.А. Головиным серебряного сосуда, обнаруженного в некоей древней могиле [*Зиннер*, с. 30]. Учитывая, что этот предмет попал к дарителю во время поездки в Сибирь десятилетней давности, в факте привоза им его в Европу трудно усмотреть что-то иное, кроме специального намерения подарить ученому знатоку – из чего с высокой вероятностью следует, что Витсен был известен ему задолго до Великого посольства. Витсен был знаком и со многими иностранцами, жившими или бывавшими в России, в частности с нидерландским резидентом И.В. ван Келлером.

Если Витсен и Виниус не встретились в юности, то личное их знакомство состоялось скорее всего во время посещения Витсеном России. Как уже говорилось, в рассказе о приеме посла царем 2 февраля 1665 г. Витсен, не называя имени, упоминает

присутствовавшего на аудиенции “переводчика царя”, в котором комментаторы текста видят Андрея Виниуса [Витсен, с. 95, 238]. Персональные контакты с переводчиком по дневнику не прослеживаются¹.

К периоду регентства царевны Софьи Алексеевны связи между Виниусом и Витсеном, очевидно, давно сложились. Этому способствовало то, что Виниус возглавлял почту в Европу и возможностями последней широко пользовался. Один эпизод, в котором отразилось их знакомство, относится к 195 (1686/87) г.² Имеем в виду уже обсуждавшийся факт изготовления гравюры с изображением царевны Софьи Алексеевны. Выполняя распоряжение, Виниус “тот образцовой лист послал за море, в Галанскую землю, к бурмистру к Николаю Витцыну”. В Россию было прислано около 100 листов, которые Виниус в связке “за заморскую печать” передал Ф. Шакловитому. С. Медведев вспомнил, что под изображением на “немецких листах” имелись “вирши на латынском языке к похвале ей же великой государыне” и что листы были присланы “через почту” [*Розыскные дела I*, с. 597–598, 655–656, VIII, XI].

Обратим внимание на то, что в поисках зарубежного исполнителя заказа в качестве посредника обратились именно к Виниусу. Возможно, конечно, что помощь в реализации понравившейся идеи предложил он сам. Но любое из этих предложений зиждилось на тесных связях Виниуса с амстердамскими голландцами, Витсеном в том числе.

Вскоре приблизивший к себе Виниуса царь Петр Алексеевич получил в его лице не только учителя “недерлянского языка”. Наряду со знаниями Виниус одаривал интересными и полезными знакомствами. Ценным подарком явился Витсен, на долгие годы ставший одним из самых приверженных российскому государю европейских деятелей.

Лично Петр и Витсен познакомились, вероятно, только в 1697 г. во время посещения царем Голландии (в составе Великого посольства). Но заочное знакомство состоялось значительно раньше.

¹ Трудно поверить, что за четыре месяца пребывания в Москве Витсен не встретился с близким родственником. Выше (гл. 2) мы предположили, что упоминать Виниуса в дневнике он избегал из опасения скомпрометировать человека, находившегося на другом конце “переговорного стола”. Но Витсен в своих записях подчас весьма откровенен: рассказывает, например, о несанкционированной властями поездке к патриарху. Может быть, Виниус и Витсен о родственной связи тогда не знали? Учитывая возможную близость родства, это маловероятно.

² Именно эту дату дает в своей сказке Виниус, хотя А. Труворов считает возможным уверенно говорить о 1687 г. [*Розыскные дела I*, с. 655, VIII].

Много лет спустя (в 1707 г.), перечисляя в письме царю свои перед ним заслуги, Виниус призывал “милостивно” вспомнить “многие услуги и труды к вашему величеству брата моего бургомистра Витцена, иже и доднесь вашего величества верным есть рабом” [148, л. 204]. “Услуги и труды” другого лица Виниус, как видим, не смущаясь, ставил в заслугу себе. Объяснения этой аберрации видим в том, что Виниус выводил их, во-первых, из факта знакомства, которое, очевидно, приписывал себе, во-вторых, из своего влияния на Витсена, способности и желания направить его деятельность в выгодном для царя направлении.

Можно указать по меньшей мере на один ранний случай, когда ориентирующее влияние Виниуса, не будучи явлено непосредственно, тем не менее ощущается.

В 199 (1690/91) г. голландский резидент в России И.В. фан Келлер передал в Посольский приказ письмо, полученное им от Витсена. Бургомистр, отвечая на вопросы Келлера, рассуждал, не станет ли труднее “природному” (местному) купечеству, если в России снимут торговые ограничения – введут “вольную” торговлю. Витсен был горячим сторонником идей, из которых в дальнейшем выросло фритредерство, и убеждал во всеобщей выгодности такой торговли. Похоже, аргументы были услышаны. Беседа с Келлером 5 марта 1691 г. в Посольском приказе, Е.И. Украинцев задал вопрос: “не будет ли то вредно ему” (Витсену), если “то дело положить” не на Витсена, а на Генеральные штаты [23, л. 13]. Келлер объяснил, что Штаты занимаются вопросами войны и мира, а Витсен – “бурмистр начальной амстрадамской, для того то дело на него и положено”. Украинцев обещал довести все до государей [23, л. 14, 15].

2 апреля 1691 г. цари, выслушав “разговоры” голландского резидента (т.е. запись беседы с ним) и письмо Витсена, решили “послать к нему, Миколаю, свою великих государей грамоту с похвалою. И что б он и впредь им, великим государем, служил и прибылей всяких искал” [23, л. 21]. 20 мая, по слушании “обращовой” грамоты (текста, взятого за образец, или подготовленного черновика), последовало распоряжение написать ее “в лист” и отдать резиденту для отправки в Амстердам. Грамота была дана 27 мая [23, л. 22 об., 26]³.

Обратим внимание на то, что вопрос слушался заочно – до “великих государей пресветлых очей” Келлер допущен не был

³ Она оказалась не последней. Витсен упоминает адресованное ему царское послание, скрепленное большой государственной печатью и датированное 30 марта 1694 г. Оно было “писано на пергаменте, крупными буквами, превосходно разрисовано и украшено золотом с изображением гербов” (цит. по: [Максимова, Трисман, с. 9]).

(со ссылкой на “постное время”) [23, л. 10]. Тем не менее довольно скромное по объему эпистолярное упражнение Витсена оказалось оцененным весьма высоко – было удостоено похвальной грамоты на александрийской бумаге, словно он оказал важное благодеяние государству. Кто объяснял Петру идеи письма и оценивал их глубину? Несомненно не Келлер. Вопрос о вольной торговле на описанной встрече в приказе последний вообще не обсуждал: лишь разъярил границы компетенции органов власти и отдельных чинов в Голландии.

18-летнего царя настраивало его окружение. И трудно не выделить в нем Виниуса, имя которого в изученном архивном деле не упоминается, но “выглядывает” из-за строк⁴. То, что он знал о письме Витсена и реакции на него, не вызывает сомнения: во-первых, переговоры с резидентом вел его свояк Е.И. Украинцев, во-вторых, переданные Келлеру грамоты английскому королю и Витсену предписано было послать по почте, а значит, резидент принес их (сам или кто-то от него) к почтмейстеру. И не заинтересовать его (Виниуса) письмо Витсена не могло: затронутые в нем экономические идеи, научные вопросы и приложенная карта (см. ниже) непосредственно пересекались с его интересами, научными в том числе. Но Виниус не просто был “в курсе” – в высокой оценке труда амстердамского ученого и предпринимателя, на наш взгляд, вполне естественно заподозрить подготовившую ее “руку Виниуса”.

По-видимому, уже в эти годы (первая половина 1690-х) отношение Петра к Витсену не исчерпывалось формулами адресованной тому грамоты 1691 г. (“шляхетному и урожденному... города Амстердама обывателю, недавно к пресветлейшему Великия Британии королю Вильгелму послу бывшему, а ныне к высокопочтенным господам Статом Генералом союзног[о] Белгия от того ж города Амстердама п[о]сланному депутату достойнейшему” [23, л. 23]). Автор обширного сочинения о судостроении и судождении⁵ заслуженно воспринимался авторитетным специали-

⁴ Грамоту царей Витсену переводил Леонтий Гросс [23, л. 27]. А вот имя переводчика письма Витсена в источнике не указано. Не был ли им Виниус?

⁵ Книга “Древнее и новое судостроение и судождение” (*Witsen N. Aeloude en Hedendaegsche Scheepsbouw en Bestier*) вышла в Амстердаме в 1671 г. [Витсен, с. 226]. Высказано утверждение, что именно это сочинение впервые обратило внимание Петра I на его автора (см., напр.: [Макимова, Тришман, с. 9]). Сопоставляя хронологию описанных выше событий и хронику увлечений молодого Петра, замечаем подтверждающие это совпадения. Именно в 1691 г. и именно весной царь спустил на воду на Москве-реке собственноручно построенную им яхту [Соловьев VII, с. 456]. Нет сомнения, что литература по судостроению его в это время интересовала – тем более, претендующие на широкий охват темы издания, подобные книге Витсена.

стом в области строительства и эксплуатации водного транспорта. Отношение к автору книги предопределяло оценку эпистолярного опыта на экономические темы, который доставил фан Келлер и, вероятно, помог “выразуметь” Виниус.

Характер контактов Виниуса и Витсена с этого времени как бы расслаивается. Продолжается переписка по вопросам, представлявшим взаимный интерес. Знаем о ней мы не много⁶. Она затрагивала научные, служебные, коммерческие темы. Наиболее отчетливое впечатление можно составить по поводу вопросов, возникавших в связи со служебными заботами Виниуса. Там, где служба пересекалась с коммерцией или наукой, затрагивала их и переписка.

В этом отношении особенно интересен материал по экспертизам уральских руд. Связанный с ними пик информационных обменов пришелся на период Великого посольства. 20 февраля 1697 г. “присылные с Верхотурья железные опыты” были отданы русским экспертам. Вероятно, около того же времени 6 фунтов “камни магниту” было “для опыту” послано “в Галанскую землю в город Амстрадам”. Не позднее 15 июня из Амстердама через Витсена пришло письмо “опытного мастера” Андрея Ганлусгрилла. Оно содержало данные о выходе железа при плавке руды в промышленном масштабе (“у большого заводу”), сообщало о наличии в руде “малой частки” серебра, давало общее заключение по поводу перспективы промышленной переработки руды данного месторождения: “та де руда железом зело богата и с прибыльью заводы заводить мочно” [АИ V, № 267, с. 489]. В собственном письме Витсена (полученном тогда же?) развивалась мысль о благотворном влиянии на качество металла примесей в руде: “В магнитном де камени обретається небольшая часть серебра, и мнится, что в той руде сокровенное серебро, своею добротою, то железо содевает в деле так преизрядно, что отнюдь лутче того железа добротою и мягкостию быть невозможно, и лутче луского железа и некоторых свенских, однакож самого лутчего свенского не превзошло, но с тем равно” [АИ V, № 267, с. 489–490]. Фактически Витсен прогнозировал улучшение комплекса эксплуатационных свойств материала за счет природного легирования железной основы серебром.

Примерно тогда же Витсен организовал экспертизу и дал рекомендации относительно геологической разведки коштакского месторождения серебряной руды. С содержанием его письма зна-

⁶ Сохранилось несколько писем Витсена к Виниусу, но все они поздние – 1710–1716 гг. [55]. О содержании более ранней переписки можно судить по ее отражениям в письмах Виниуса другим лицам, указам Сибирского приказа и проч.

комимся по изложению, приведенному в грамоте из Сибирского приказа томскому воеводе от 29 апреля 1697 г. В письме, отправленном из Амстердама в начале 1697 г.⁷, Витсен со ссылкой на “опыт мастеров добрых в Амстрадаме” сообщил данные о выходе серебра из томской руды при ее плавке и общее на этот счет заключение: “Та де руда серебром не богата”. Он передал рекомендацию мастеров – для обнаружения руды с более высоким содержанием металла копать глубже – и объяснил, на основании чего она сделана: к такому заключению склонил внешний вид пристанных образцов (в частности, их цвет) и теоретические представления экспертов о расположении в земле рудных жил [42, л. 2–4].

Экспертизами интерес Виниуса-чиновника к Витсену не исчерпывается. Через него он “пробивал” разрешения на покупку в Голландии некоторых материалов, необходимых, в частности, артиллерийскому ведомству. Так, в письме Виниуса Петру от 12 мая 1703 г. находим известие, полученное из Амстердама: “Господин Витцен вашего ради государскаго имени зделал, что Статы 5000 пуд серы вывезть позволили, без которой порох бы остановился” [ПуБ I, с. 539].

Наконец, длительное время Витсен снабжал Виниуса свежими международными новостями. Последний доводил их до царя и его окружения, благодаря чему превратился для них в ценный источник внешнеполитической информации.

Поддерживая контакты, представлявшие взаимный интерес, Виниус выступал также в качестве посредника между Витсеном и Петром I, по мере необходимости переправляя в Голландию запросы и заказы царя. Не исключено, что он их отчасти корректировал (с учетом собственных интересов), но это обстоятельство не следует преувеличивать – выступая в ипостаси передатчика, Виниус, несомненно, понимал, что качество передачи определяется не только ее оперативностью, но и точностью.

В июле 1694 г. (Петр в Архангельске, Виниус в Москве) последний сообщил о полученном от Витсена известии о движении к Архангельску заказанного в Голландии для царя фрегата и отчитался о выполнении распоряжения выяснить у Витсена, почему тот в своей книге “не описал меру о караблях и о яхтах”. Витсен объяснил это тем, что каждый мастер строит суда по своему разумению, и посоветовал при необходимости снять размеры с корабля, плывущего из Голландии [ПуБ I, с. 500–501]. Ответ вызвал

⁷ Верхняя граница получения письма Витсена определяется датировкой излагающего его указа. Нижнюю границу устанавливаем на основании упоминания о том, что Витсен писал “после отпуску их, Александрова, в Томской”. А. Левандиан отбыл из Москвы 21 февраля 1697 г.

резкое несогласие Петра, решительно заявившего, что “тому не возможно статца” [*ПуБ I*, № 28].

Несмотря на досадную осечку, Петр сохранил отношение к Витсену как к специалисту самого высшего класса⁸. Обращение к нему за консультациями осуществлялось через Виниуса, что было удобно, в том числе из-за затруднявшего непосредственное общение языкового барьера.

Отправляемые Виниусом Витсену задания не исчерпывались консультированием. В 1695 г. царь пожелал получить какие-то необычной конструкции орудия, по поводу которых Виниус сообщил в письме от 25 июня: “Господин Витцен прислал, государь, ко мне образец мозжера, которые по вашему государскому указу велено ему вылить, и с бомбами хотел ныне с караблями прислать к Архангелскому городу, и тот образец при сем в сем моем писме послан” [*ПуБ I*, с. 510–511]⁹.

В письмах периода Великого посольства Виниус, сохраняя избранный курс, продолжал рекламировать Петру возможности Витсена, в некоторых случаях последние явно переоценивая (Петр Виниусу 29 октября 1697 г.: “А что пишешь о мастерах железных, что в том деле бургомистр Вицын может радение показать и сыскать, о чем я ему непрестано говорю, и он толко манит день за день, а прямой отповеди по ся поры не скажет” [*ПуБ I*, № 198]).

Но во время пребывания в Голландии царь много и продуктивно общался с Витсеном лично. Эти встречи ломали сложившийся формат их связи, включавший Виниуса в качестве опосредующего звена. Возвращавшийся в Россию Петр пировал в Раве с Августом II, когда Витсен писал российскому монарху письмо, являвшееся ответом на какую-то его “грамотку”, полученную через Лефорта. Это письмо (от 21 июля 1698 г., из Амстердама) не отличается богатством информации; основное его содержание – выражения дежурной вежливости по поводу дежурных побед над турками (“ваши писания мне будут всегдашним клейнотом, которого присмотрение сердце мое увеселит” и проч.) [*ПуБ I*, с. 738–739]). Но факт прямого обмена письмами показателен – и как демонстрация продолжающихся укрепляться отношений, и как свидетельство новой их черты: отсутствия Виниуса¹⁰.

⁸ В том же 1694 г. прибывший в Амстердам сын Лефорта вручил Витсену портрет царя, обрамленный бриллиантами. Напомним, что в этом году он получил от царя еще и грамоту [*Максимова, Трисман*, с. 9]).

⁹ Под *образцом*, судя по тому, что он послан в письме, подразумевается чертеж. Как в таком случае было в указе сформулировано задание – словесным описанием?

¹⁰ Понятно, что в данном случае произошло это не намеренно – так сложились обстоятельства (Виниус в России, Лефорт – под рукой). Но рожденное, как исключение, вскоре стало нормой.

Впрочем, в период подготовки к Северной войне и в первые ее месяцы еще продолжала действовать старая схема: царь, как и прежде, сносился с бургомистром через посредника. Тот продолжал получать от Витсена новости о международной обстановке и царь, привыкший к ним, в письме из Азова от 13 июня 1699 г. с беспокойством запрашивал: “Есть ли к тебе ведомость от бургомистра Витсена а фъранцузском деле с гишьпаны? А нам зело ну[жно] [ве]дать, и ты о том посторайся” [*ПиБ I*, № 271]¹¹. Одновременно с этим возобновляется практика заказов в Голландии разного рода дефицита и эксклюзива. Петр Виниусу, из Воронежа, 21 марта 1700 г.: “Еще зело прошу: отпиши к Витцену, что те, которыя он мъне посулил, пожарныя трубы, которыя сами воду в себя тянут и прышьшуть, прислал пару, а въ[п]редь велел бы зделать дюжину; а я чрез векъсель запълачу” [*ПиБ I*, № 302]¹².

В эти годы (перед началом войны) авторитет Витсена, в глазах царя лишь возросший после личного с ним знакомства, сохраняется неизменно высоким. Полное доверие ему демонстрируют случаи использования его в качестве *дипломатического агента*: так, 29 июля 1699 г. Петр отправил через него две грамоты: одну английскому королю Вильгельму III, другую Генеральным штамам [*ПиБ IV-2*, с. 1240, 1241].

Витсен по-прежнему сообщал Виниусу международные новости, последний передавал их дальше, благодаря чему оказывался связанным с дипломатической подготовкой Северной войны (хотя, конечно, косвенно – в целом она происходила без его участия). Так, 21 марта 1700 г. Виниус сообщал Ф.А. Головину об отношении турецкой стороны к предложению англичан и голландцев о посредничестве в переговорах с Россией: “Господин Витцен писал ко мне, что турки посредство аглинское и галанское приятно приняли; и те послы к начальству своему писали, что повеление их радетельно в пользу великого государя нашего будут исполнять” [53, л. 3].

Но надобность в Виниусе как посреднике в общении с Витсеном постепенно отпадает: Петр пишет в Голландию напрямую или через кого-то другого, не Виниуса, и Витсен свои ответы адресует царю лично. Характерно, что почти одновременно с пись-

¹¹ Царь не единственный, кому Виниус сообщает информацию такого рода – встречаем ее, например, в его письмах Ф.А. Головину [53, л. 3].

¹² Просьба – реакция на очередные пожары. Незадолго перед тем Ф.А. Головин извещал царя, что 25 февраля сгорели кремлевские хоромы царицы Прасковьи Федоровны “и другие, что к церкви Петра и Павла. А в которых изволил государь прежде сего ты жить, разломали и некоторое с нуждою удержано” [*ПиБ I*, № 296].

мом Петра Виниусу с просьбой организовать через Витсена присылку из Голландии пожарных труб письмо русскому царю 6 апреля 1700 г. пишет из Амстердама сам Витсен [*ПуБ I*, с. 800–801]. Практика прямых связей из тропинки выростала в магистраль.

Для царя надобность в Виниусе для поддержания связи с Витсеном уже отпала, но по отношению к другим русским деятелям и самому Витсену коммуникационный канал Виниус–Витсен эту функцию исправно еще исполнял. В конце 1700 г. Виниус сообщил Витсену, что “челобитье ево Е. И. У. (Украинцеву) исправил, а трудности потому ж исправлю” [*Козловский I*, с. 204]. Остается только догадываться, о чем просил Витсен Украинцева и какие трудности были сопряжены с исполнением его просьбы.

Весной 1703 г. отношения Петра с Виниусом оказались настолько испорчены, что царь перестал ему писать – соответственно окончательно перешел к общению с Витсеном без его посредничества. Хотя переписка Виниуса и Витсена продолжалась [*ПуБ II*, с. 539], царские задания и благодарности за их исполнение (шлюпка, портрет) направлялись в Амстердам по другим каналам. Для динамики отношений примечательно письмо царя Витсену, написанное 10 июня 1704 г. “из обозу от Нарвы”. Оно отражает положение дел, при котором Виниус не просто отдален “за грехи” – преодолены все связанные с рокировкой технические неудобства. Петр в этом письме выступает рекомендателем, демонстрируя близкое знакомство с тем, у кого просит внимания к своему протезе [*ПуБ III*, № 666].

Не столь уж давнее время, когда Виниус представлял Петру амстердамского “бурмистра”, расхваливая его достоинства и дружественность, прошло безвозвратно. Пришло другое, передвинувшее людей, изменившее их отношения. Теперь уже Витсен, авторитет которого все эти годы только возрастал, в письме русскому царю от 2 мая 1708 г., “извиняя долгое пребывание” в Голландии Виниуса, “свидетельствовал” о нем “с похвалою” [24, л. 3–3 об.].

12.3. Виниус и Витсен: парный портрет

Обратимся теперь к той же паре – Виниус и Витсен, построив анализ на компаративном принципе. В качестве отдаленного примера такого подхода примем традицию “парных жизнеописаний” Плутарха, впрочем, отнюдь не избирая бессмертный труд за образец для подражания. Создаваемый текст не будет жизнеописаниями в строгом смысле слова. Жизни Виниуса посвящено больше половины этой книги, и повторять известные читателю факты, сводя их к скороговорке, едва ли оправдано.

На создание жизнеописания Витсена мы, напротив, не претендуем – едва ли она уместна в данном сочинении. Станем сравнивать факты, определенным образом их тематически организуя и отбирая, подразумевая при этом поиск ответов на предварительно поставленные вопросы. Заранее предупредим, что, хотя для получения их герои должны рассматриваться с равным вниманием и тщательностью, на практике наше к ним ближайшее внимание, измеренное объемом посвященного каждому тексту, окажется далеко не равным. И это понятно: сказанного выше о Витсене пока слишком мало для полноценного сравнения. Да и в отечественной научной литературе изучен он меньше, чем того заслуживает.

При всех трудностях реализации заявленного замысла, от его исполнения трудно отказаться. Прежде всего потому, что параллели между героями буквально бросаются в глаза.

Начнем с анкетно-паспортных данных.

Андрей Андреевич Виниус и Николаес Корнелизон Витсен (12) (Nicolaes Corneliszoon Witsen)¹³ – фигуры, в происхождении, биографиях, интересах и занятиях которых немало общего.

1. Время их жизни почти идеально совпадает: 1641–1716 (Виниус), 1641–1717 (Витсен). Родились в одном году, умерли в разных, но с разрывом всего в девять месяцев.

Принадлежность одной эпохе – необходимое условие культурной близости, хотя, разумеется, вовсе ее не гарантирующее. Оказывается, однако, что условия, которые в своей совокупности для обеспечения такой близости *достаточны*, также наличествуют.

2. Оба происходили из Голландии, причем из одного города.

Хотя родина фамилии Виниусов – во Фрисландии, в ближайших к герою поколениях она тесно связана уже с Амстердамом: здесь жил Денис Терксен Виниус, здесь был рожден и крещен его сын Андреас Деонисзоон. За границей, скорее всего в Голландии, родился и Андрей Андреевич. Родственники в Голландии оставались у него, по-видимому, на протяжении

¹³ Во время пребывания в России использовалась и русифицированная версия имени Витсена: “У меня спросили мое имя и имя моего отца, – записывает он в дневнике. – Ни к кому не обращаются по фамилии, а только по имени и отчеству, так что здесь я приобрел имя – Николай Корнельевич” [Витсен, с. 101]. В петровскую эпоху, когда русские контакты Витсена вышли на новый уровень, его фамилия в документах, как правило, передавалась в форме *Витцен* (см. напр., письма Петра I 1694, 1699–1700 гг. [ПИБ I, № 27, 271, 302], А.А. Виниуса 1694–1695, 1703 [ПИБ I, с. 500, 510; II, с. 539], Ф.А. Головина 1701 [54, л. 16 об., 58, 73 об., 103, 103 об.], К.И. Крюйса 1703 [ПИБ II, с. 458], А.А. Матвеева 1703, 1706 [ПИБ II, с. 455; IV–2, с. 920, 922] и т.д.).

всей жизни, во всяком случае, по 1706–1708 гг. включительно, когда он встречался с ними во время последнего туда приезда.

С Амстердамом, начиная с деда, был связан и род Витсена [Дриссен 1989, с. 59]¹⁴. Николаес и его отец Корнелис Янсзон были в Амстердаме крещены [Elias, 437, 545].

3. Современниками были родители героев – К.Я. Витсен [Витсен, с. 238] и А.Д. Виниус. Они родились в 1605 г. с разрывом в полгода (крещены соответственно 8 сентября и 8 марта [Elias, 437, 269]). Но Витсен-отец на десятилетие с лишним пережил Виниуса-отца: первый умер 12 марта 1669 г. [Elias, 437], второй около 1657-го.

4. Родители Виниуса и Витсена были купцами.

О торговой деятельности Виниуса-отца говорилось достаточно. “Амстердамским купцом” называет Й. Дриссен и К.Я. Витсена [Дриссен, с. 49]. Отмечается, что он руководил Ост-Индской компанией и что “отошел от торговой деятельности” [Максимова, Трисман, с. 5].

5. Деятельность представителей обеих фамилий была связана с Московским государством (рис. 32).

А.Д. Виниус с ним первоначально торговал. Самая ранняя конкретная дата, фиксирующая эту его деятельность, – 7137 (1628/29) г., когда он, торговый иноземец, “за прибыль хлебных покупок” был “пожалован гостинным именем” [Вильчинский, с. 428]. Имеются данные, позволяющие отнести начало его деятельности здесь к периоду не позднее середины 20-х годов XVII в. Со временем Виниус-отец переключился с торгового на промышленное предпринимательство, построил первые в России железные вододействующие заводы, выполнял поручения царя и правительства, принял российское подданство.

Корнелис Витсен, занимавший высокое положение в муниципалитете Амстердама и в правительстве страны, в этом качестве имел контакты и с Московским государством. Известно, в частности, что от имени Генеральных штатов он подписал грамоту царю Михаилу Федоровичу от 23 мая 1629 г., содержащую благодарность за отправку из России в Нидерланды 30 тыс. пудов сели-

¹⁴ Упомянув о нем, укажем на одну встретившуюся нам в литературе неточность. Т. Симбирцева утверждает, что Витсен-отец “принадлежал к видной патрицианской фамилии, игравшей заметную роль в истории Голландии” [Симбирцева]. Вписанность в национальную историю деяний этой фамилии оспаривать не намерены, но с характеристикой фамилии как патрицианской согласиться трудно. По данным Й. Дриссен, дед Н. Витсена (который, собственно и переселился в Амстердам) был всего лишь речным шкипером из Акерслота [Дриссен 1989, с. 59].

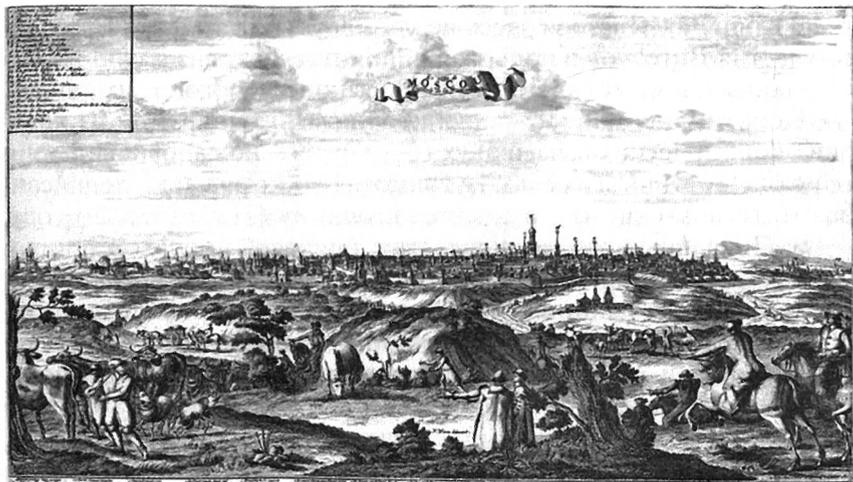

Рис. 32. Н. Витсен. Город Москва, столица Московии. Гравюра по рис. Н. Витсена, выполненная П. Ван дер Аа для книги “Описание путешествия в Московию, Тартарию и Персию” А. Олеария, изданной в Лейдене в 1719 и 1727 гг.

тры, просьбу о поставке новой ее партии и извещение об ускорении отправки в Россию мушкетных стволов [Дриссен 1989, с. 59, 49].

Витсен-отец, будучи купцом, мог иметь здесь также и коммерческие интересы. Но если такие его связи с Россией остаются пока еще в области предположений, то о довольно ранних связях с ней *рода* Витсенов можно говорить вполне уверенно.

Сохранилась (в русском переводе не позднее XVIII в.) грамота Мориса (Маурица), принца Оранского и графа Нассауского царю Михаилу Феодоровичу с просьбой о покровительстве голландским купцам, решившим отправиться “через цесарства, королевства и земли... цесарского¹⁵ величества по болшим рекам Двине и Волге, и чрез Каспийское море к городам Армении, Медии и Персии” [11, л. 1–1 об.]. Из шести названных поименно участников этой затеи – трое из рода Пау, трое – из Витсенов. Представители обеих фамилий занимали достаточно высокое положение: к роду Пау принадлежал действующий бургомистр, к Витсенам – прежний. Из Витсенов названы: Геррит Якоб Витсен, бывший бургомистр, Ионас Витсен, короннел-советник и бывший шепендоктор, и Яган Витсен, капитан от артиллерии – они перечислены в списке соответственно вторым, третьим и пятым [11,

¹⁵ С 1614 по 1638 г. голландцы и их статхаудер в своих грамотах русским царям всегда именовали их *aller Russen Kayser*, т.е. *всёя России цесарь* [Бантыш-Каменский 1, с. 173].

л. 1]. Корнелис Янсзоон здесь не упомянут, но сам факт массового участия Витсенов в попытке включиться в транзитную торговлю восточными товарами через Россию немалого стоит.

Обратим, кстати, внимание, что упомянутые факты из истории экономических связей двух государств – пожалование Виниуса-отца “гостиным именем” и грамота русскому царю, подписанная Витсеном-отцом, – относятся к одному (7137=1628/29) году.

6. Поразительная, до тождества, близость происхождения и известная на множестве примеров тесная родовая переплетенность подобных национальных сословных (как правило, сословно-конфессиональных) сред провоцирует вопрос: а не были ли А.А. Виниус и Н.К. Витсен родственниками? Перечисленного, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы довольно уверенно предполагать по меньшей мере дальнейшее их родство. Уже и это, согласимся, небезразлично, учитывая, как тщательно в ту эпоху им (родством) “считались”. Но не было ли между ними еще и родства ближнего?

На этот вопрос положительный ответ дал сам А.А. Виниус, в письме Петру I 1707 г. упоминувший “брата моего бургомистра Витцена” [148, л. 204]. С.Г. Милюков называет их кузенами [Милюков 2000б, с. 4]. Учитывая отсутствие в русских документах свидетельств о существовании у Виниуса родного брата Николая (специально изучая его родственное окружение, мы такого не нашли) и тот факт, что в XVII–XVIII вв. различие степени родства не всегда отмечалось (братьев двоюродных иногда называли просто братьями), эта поправка представляется вполне разумной. К сожалению, сам С.Г. Милюков в обоснование указанного характера родственных отношений ссылается исключительно на то обстоятельство, что “современный голландский исследователь И. Владимирофф” этот факт якобы “установил”. Но Владимиров пишет иное. В докладе, посвященном изучению нидерландского вклада в картографию Каспийского моря (2000), он дважды упоминает Виниуса, совершенно определенно высказываясь по поводу его родственной связи с Витсеном: Виниус – племянник, Витсен – его дядя [Владимиров]. Племянником Витсена (“Witsen’s nephew”) назван он и в более ранней (1997) его статье [Wladimiroff, p. 6].

Мы попытались уточнить характер этой связи, опираясь на данные по генеалогии амстердамских фамилий XVI–XVII вв. Родство обнаружилось дальнейшее – А.А. Виниус по материнской линии оказался четвероюродным братом Н.К. Витсена. Общими их предками (прапрадедом и прапрабабкой) являлись Клас Хафф (Cleas Claesz. Gaeff) и его жена Хрите (Griete Varendsdr.), жившие во второй–третьей четвертях XVI в. [Elias, 271].

Мы, однако, не исключаем, что это – не единственная связь между ними. Использованная литература содержит мало сведений о Виниусах – род не был для Амстердама коренным. Дальнейшие исследования, возможно, позволят связать их теснее.

Таким образом, хотя характер родства Виниуса и Витсена требует уточнения, само его существование можно считать установленным. Заметим, что от внимания большинства отечественных исследователей до недавнего времени этот факт уходил.

Итак, Виниус и Витсен принадлежали одной эпохе, происходили из одной социальной и культурной среды, имели сопоставимое имущественное положение, являлись родственниками. Деятельность, в частности предпринимательская, обоих родов, к которым они относились, была связана с Нидерландами и Московским государством. Неудивительно, что при неизбежном своеобразии в “рисунке” личности каждого, они оказались во многом похожи. Сходство чувствуется и в общности их интересов, и в сопоставимости индивидуальных систем ценностей, и в обусловленном ими сходстве мотиваций деятельности. Системно реконструировать перечисленное непросто, а может быть, и невозможно. Но сходство интересов видно, как говорится, невооруженным взглядом, что неудивительно – оно в значительной степени определяется общекультурными константами. Укажем на некоторые параллели, раскрывающие это сходство.

1. *Общий интерес к естественным наукам*, прежде всего к географии.

Виниусу и Витсену в равной степени была свойственна высокая пространственная мобильность, что, по-видимому, отражает и личные склонности, присущие каждому. В отличие, например, от их современника Ньютона (современника почти точного – родился в 1643 г.), вся жизнь которого прошла в Англии, а протяженность поездок не превышала 200 км [Вавилов, с. 11], Виниус и Витсен путешествовать, несомненно, любили. Правда, посетить окраины обитаемого мира им было не суждено (во всяком случае, Виниусу), но дорогами Европы проехали оба.

Напомним, что Виниус в Западной Европе побывал два или три раза: по дипломатическим делам во Франции, Англии и Испании, по собственной инициативе – в Голландии, кроме того на учебу в Бранденбург он посылал сына. Прибавим к этому две предпринятые по линии Посольского приказа дипломатические поездки на Украину и по линии Сибирского приказа поездку на Урал. Упомянем также экспедицию на Волгу и Каму и поездки

по России в связи с надобностями артиллерийского ведомства и, может быть, почтовой службы, каковой он руководил в течение многих лет.

Не исключаем, что кому-то этот перечень покажется недостаточным, чтобы назвать Виниуса “путешественником”. Но мобильность чиновника определялась в первую очередь его служебными обязанностями и характером текущих поручений. После того как Виниус оставил дипломатическую службу, возможность совершать поездки резко для него сократилась. И чем ближе он стоял к трону и монарху, чем нужнее последнему становился, тем стремительнее мобильность уменьшалась.

Между тем поездки, теша охоту к перемене мест, имели еще и культурные последствия. По крайней мере косвенно с ними могут быть связаны картографические опыты самого Виниуса и некоторые проекты, осуществленные под его началом в Сибирском приказе.

Виниус, как уже говорилось, не принимал участия в Великом посольстве. В некоторых отношениях Петру заменил его там Витсен, как и он, немало повидавший. Витсен посетил Московию (провел здесь полгода в 1664–1665), Францию и Италию (1666–1667) [Максимова, Трисман, с. 7], исполнял обязанности посла к английскому королю и “специального делегата” Генеральных штатов в Англии [23, л. 23; Симбирцева].

Особое место в сфере научных интересов обоих занимала Россия, а в России – Сибирь.

О личном вкладе Виниуса в картографировании Сибири и организации ее геологического изучения уже говорилось. Из Сибирского приказа, в котором он служил около восьми лет, большую часть этого времени его возглавляя, исходили важные импульсы, наряду с отчетливо обозначенной прикладной их ориентацией объективно способствовавшие изучению и освоению края. Работы по поиску полезных ископаемых хотя и приближенно, но вполне отчетливо обозначили перспективы Урала в качестве базы для размещения здесь предприятий по их (руд) переработке. При Виниусе, его “снисканием и трудолюбивым прилежанием”, С.У. Ремезов и его помощники получили возможность реализовать небывалые по масштабу картографические проекты¹⁶.

Интерес Витсена к естественным наукам, в том числе к географии, выразился не только в предпринятых им путешествиях¹⁷. От-

¹⁶ Помимо сказанного выше, обратим внимание на обстоятельства создания “Чертежа всех сибирских градов и земель”, о которых Ремезов упоминает в “Чертежной книге Сибири” [Шибанов, с. 301].

¹⁷ Вольтер утверждал, что Витсен на собственный счет снаряжал корабли, направляя их на открытие новых земель [Максимова, Трисман, с. 9].

Рис. 33. Книга Н. Витсена “Северная и Восточная Тартария”. Амстердам, 1692 г.

четливо наблюдаем его в собранных им коллекциях, которые, благодаря его длительному сотрудничеству с Ост-Индской компанией, были весьма разнообразны. Россия вообще и Сибирь в частности занимали в его собирательстве особое место. Ниже приведятся данные об имевшихся у него минералах из Сибири. Содержались в его коллекции и артефакты сибирского происхождения. В “Северной и Восточной Тартарии” упомянуто о древнем серебряном сосуде, полученном Витсеном на память от боярина Ф.А. Головина в

1698 г., когда тот посетил Нидерланды. Витсен упоминает о присланном ему из Сибири идоле – четвероногом звере с человеческой головой и крыльями, и стальном зеркале с “изображениями и старинными буквами” [Зиннер, с. 30, 31].

Русские впечатления и завязанные здесь знакомства образовали фундамент последующей работы по изучению России – изучению заочному, но настойчивому и весьма результативному. По справедливому утверждению Р.И. Максимовой и В.Г. Трисман, в период после посещения России и до своей смерти в 1717 г. (т.е. 53 года. – И.Ю.) “научные интересы Витсена были прежде всего связаны с Россией” [Витсен, с. 7–8]. Он пишет и издает “Северную и Восточную Тартарию”, “первое обширное сочинение о Сибири” (1692) (рис. 33), позднее, после переработки и дополнения, издает его снова (1705) [Витсен, с. 7, 8]. Он – автор нескольких карт Сибири (изданы в конце XVII – начале XVIII в.), аккумулировавших

Рис. 34. Н. Витсен. Карта Тартарии. 1705–1717 гг.

TARTARIA, SIVE MAGNI CHAMI IMPERIUM EX CRE
Ahorumq; probandorum, et hodie vigentium Geographorum Archetypis

материал, значительная часть которого была получена благодаря связям ученого с Россией¹⁸ (рис. 34).

По заявлению Витсена, изданию “Тартарии” предшествовали 25 лет сбора материалов. Добавим: и 25 лет их анализа, напряженных размышлений над актуальными проблемами изучения географии Азии и Севера Европы. Решая загадки белых пятен, во множестве еще остававшихся на географических картах, он отправлял запросы повсюду, вступал в научный диалог со всеми, кто мог помочь их решению. Укажем в качестве примера на такого рода материал, искусно вплетенный им в рассуждения на экономическую тему в упоминавшемся выше письме И.В. ван Келлеру о “вольной” торговле (1691):

“Он же, Николай, объявляет, что именем Есо¹⁹ земля обретается недалеко от устья реки Амура лежащая, в к[о]торой земле

¹⁸ В упомянутом выше эпизоде 1691 г., связанном с награждением Витсена за экономические его рассуждения по поводу “вольной” торговли, в посланной ему грамоте дважды упоминается какой-то переданный им чертеж “Сибирского и Хинского государств” [23, л. 24]. Может быть, это была первая его карта Сибири 1687 г. (гравированная) [Дриссен 1996, с. 44], или какая-то другая (рукописная?), изготовленная специально для этого случая.

¹⁹ По Л.С. Бергу, *Иезо* или *Езо* – старое название о-ва Хоккайдо. По его объяснению, это слово первоначально употреблялось японцами для обозначения всех “северных дикарей”, не подчинявшихся власти японского императора [Берг, с. 139–140]. О правомерности отождествления Езо с Хоккайдо свидетельствуют некоторые картографические источники, в частности карта иезуитского миссионера в Китае Мартино Мартини (1614–1661), на основе китайских карт провинций составившего “Новый атлас Китая”. В амстердамском, 1656 г., издании этого атласа имеется карта “Imperie Sinarum”, изображающая Китай и Японию. Показанный на ней о-в Хоккайдо имеет название *Ieso* [Багров 2004, рис. СIII]. Кроме топонима и контура береговой линии географической информации об острове карта не содержит.

Этот атлас, несомненно известный Витсену, далеко не исчерпывал находившиеся в его распоряжении данные о земле Езо. У него имелись сведения о голландских кораблях “Кастрикоме” и “Брескесе”, в 1643 г. предпринявших путешествие, по выражению Г.Ф. Миллера, “для проведывания Тартарии”. Особый интерес представляла информация “обретшего” Езо “Брескеса”. Подробное изложение извлеченных из судового журнала материалов на эту тему Витсен включил в “Северную и Восточную Тартарию”, а Г.Ф. Миллер, со ссылкой на Витсена, – в “Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с российской стороны учиненных” (опубл. 1758) [Миллер 1996б, с. 121–122].

Судя по тексту письма Келлеру, Витсен под названием *Езо* подразумевал не один остров, а их группу: пожалуй, только так можно понять его слова о том, что “вода между обоими таково уска есть, что презрети ее мочно”. Не исключено, что разъяснить вопрос могла бы упомянутая выше карта, доставленная от него в Россию. Но следы этого подарка царям потеряны – даже если карта сохранилась и введена в научный оборот, связь ее с Витсеном утрачена. Тем не менее можно отметить совпадение некоторых сообщаемых

зело много сребра бывае[т]; из Япана же, близ той земли прилежашаго, привозят туда всякие японские тавары, шолк и иные. Матсима' же стольный город есть, в кот[о]ром по се время никакие христианы еще не бывали, понеже их Восточно-Инде[й]ское клевретство²⁰ туда ехать не дерзали, для того что король японской то не изволяет, что близк[о] ево земле от тоя страны, кому приехать; и егда де та земля от них за морем далече отстоит, что невозможно удобне туда доплыти. А сверх де того их клевретство столько земель и мест имеют, что более не требуют, и для того у них постановлено, карабельной поход туда отставити. Но понеже де он подлинную ведомость восприял, что те земли крепкие суть, у тоя земли близ исходу реки Амура стоящая, или что вода между обоими таково уска есть, что презрети ее мочно, приключимо есть во времяни и по случаю, как торговля явна будет, к тем местам притти и промысл постановить. *Сие есть великая тайна*, я же драгой бисер приподобляти может толико сильному венцу

в письме сведений (об относительной независимости этих территорий от власти японского императора, о торговле с японцами) с приведенными сведениями несколько более поздних русских источников. Представление о Езо как совокупности земель (стоящее за строками письма) согласуется с позицией по этому вопросу, ясно сформулированной им в "Тартарии": "Я довольно уверен, что Езо на разные острова разделяется". Цитирующий эти слова Г.Ф. Миллер предлагает, как кажется, вполне правдоподобное объяснение того, почему представление о непрерывности земли, отнюдь не следующее из сведений, привезенных из путешествия "Кастрикома" и "Брескеса", приобрело популярность и было отражено на картах. "Жители всех сих островов называются от японцев общим именем Езо", – пишет он о населении Курильских островов (Кунашира и др.). [Миллер 1996б, с. 122–123]. Японский этноним европейцы восприняли как топоним. Так возникла "земля Езо", которую некоторое время искали в окрестностях Японии, долгое время не подозревая, что она уже разведана.

Название Езо было знакомо и русским землепроходцам, употреблявшим его "правильно" – в первоначальном смысле, который вкладывали в него японцы. "Иноземцами езовитянами" называли население одного из самых северных Курильских островов Парамушира Д.Я. Анциферов и И.П. Козыревский, посетившие острова в начале 1710-х годов [Лебедев 1950, с. 53, 54, 56]. Они же отметили оживленную торговлю "езовитян" с Японией. Жители Курил сообщили, что промышляют бобров, но сейчас все "испроданы иной земли иноземцам". Указывая на земли, видимые с острова "в полуденной стороне", они рассказали, что оттуда привозят к ним "железо и иные товары, кропивные тканые пестры". В описании другого острова сообщено, что сюда приезжают за рудой японцы, привозящие железные и чугунные котлы, лаковую деревянную посуду, бумажные и шелковые материи, сабли, ножи [Лебедев 1950, с. 56]. В настоящее время поселение с названием *Эссо* существует на Камчатке – в центральной ее части, на р. Быстрая.

²⁰ Так переводчик XVII в. перевел название "Ост-Индская компания". При следующем употреблении слова "клеветство" на левом поле листа рукописи иным, чем комментируемый текст, почерком разъяснено: "товарищество".

их царского величества, и привести тем слепых языков к христианству. Яко же их царское величество ту славу имеет, что никоторый христи[а]нский государь во всей Вселенной столько языков к православной вере кротким и милосердным способом без принуждения и мучения (как иные государи чинили) привел, еже не сравнительная честь на свете и благоприятная вещь пред Богом есть, чрез торговлю же вольную повод дан будет. Сие духовное богатство языком с Москвы сообщати, их же сокровища привести назад; ревность убо торговцов к получению корысти одоля, шествовати будет до помянутых мест и иных прочих, и промышленности укрепится на устии реки Амура, а оттоле поступати до Есская земля для предрагаго купледейства японского” [23, л. 20–21].

Мысль Витсена ни на минуту не покидает сферу экономики: земля близ устья Амура богата серебром, в ней много японских товаров, в том числе шелка, конкуренции со стороны “Восточно-Индийского клевретства” можно не опасаться (компании достаточно разведанных земель) – в общем, все готово для “предрагаго купледейства” (торговли) с участием России. Но изложением экономических соображений дело не ограничивается. Экономика здесь – скорее экономическая география, а от нее один шаг до собственно географии, незавершенного наукой открытия и описания мира. Потенциальный экономический партнер при таком на него взгляде оборачивается очередной *terra incognita*. “Сие есть великая тайна”, – восклицает автор, и это для Витсена ученого значимо не меньше, чем естественная для Витсена предпринимателя “ревность... торговцов к получению корысти”. Заметим, что подбирая аргументы, способные побудить русских землепроходцев к очередному броску на восток – в направлении к невовлеченным в мировую экономику землям, лежащим где-то близ устья Амура, Витсен упоминает и традиционно выделяемую Москвой мотивацию движения на восток: миссионерский долг христианина. Зная приверженность царя к приведению язычников к православной вере “кротким и милосердным способом без принуждения и мучения” (а это и “несравнительная честь на свете, и благоприятная вещь пред Богом”), Витсен указывает на то, что очередной повод для ее демонстрации “чрез торговлю вольную... дан будет”.

2. Тяга к познанию мира конкретизируется, в частности, во внимании к техническим средствам, с помощью которых она осуществляется. Подразумеваем общий для обоих *интерес к флоту и мореплаванию*.

Детские годы и юность Виниуса прошли вдали от моря, что сформировало его человеком сухопутным. Но будучи тесно свя-

занным, во-первых, с одной из морских держав (Нидерландами), во-вторых, с беззаветно влюбившимся в морскую стихию государем, он неизбежно должен был с этой тематикой соприкоснуться.

Еще в начале служебной карьеры Виниусу привелось работать с голландцами, руководившими строительством корабля в с. Дединове. Освоенные здесь азы судостроения и судовождения, а также, вероятно, ознакомление с литературой, подвигло его на составление проекта создания галерного флота на Каспийском море. Последующие его контакты с флотом были опосредованы увлечениями Петра I и заданиями, которые тот в связи с ними давал. Виниус входил в окружение молодого Петра I в первой его поездке в Архангельск летом 1693 г. и, несомненно, участвовал там во всех его морских развлечениях. В их переписке немало строк, так или иначе связанных с флотом, но творческая инициатива в этих сюжетах, как правило, исходит от царя.

Рядом с Виниусом, в сознании и деятельности которого море и флот, хотя и присутствовали, но занимали сравнительно скромное место, Витсен – фигура, без всяких на этот счет оговорок, весьма масштабная. Первый его труд, объемный трактат с большим числом чертежей и рисунков – “Древнее и современное судостроение и судовождение”, – вышел двумя изданиями в Амстердаме. В немалой степени именно он формировал авторитет Витсена в глазах Петра на этапе заочного их знакомства (см. выше). В 1694 г. Витсен сообщит (Виниусу) об отплытии в Россию фрегата, заказанного в Голландии для Петра, и порекомендует взять его за образец при строительстве кораблей в России. Он проведет с Петром массу времени во время пребывания царя в Голландии в 1697 г., пристроит его учиться корабельным наукам на верфь Ост-Индской компании, от имени города подарит Петру оснащенный корабль, который получит название “Амстердам” [Витсен, с. 11].

3. В известной степени общим для Виниуса и Витсена можно считать *интерес к разного рода технологиям и основанным на них производствам*, среди которых выделим технологии *горно-металлургические*. Для Виниуса металлургия – всю жизнь сопровождающая его идея-фикс, может быть и не сравнимая по силе с мечтой о флоте у Петра Великого, но лично для него очень значимая. Даже из дипломатической поездки (в Испанию) привозит он образцы руды, поиск которой вскоре попытается организовать в России. Предпринимательский интерес подогревался в данном случае психологической мотивацией, проистекавшей из обстоятельств родовой истории. Предпринятая в середине 70-х годов попытка войти в узкий круг металлостроителей – реванш за неудачу отца, вытесненного из дела конкурентами. (Интересно, что

среди противников Андрея Андреевича оказалась компания во главе с Марселисами, прежде противостоявшими его отцу.) Первая попытка окончилась неудачей. Настойчивый и целеустремленный Виниус на новой экономической и организационной основе предпринял на рубеже веков вторую – развернул разведки руд и начал строительство казенных заводов на Урале. Она увенчалась блестящей победой Виниуса в качестве инициатора, двигателя и навигатора этого проекта.

Мы, разумеется, далеки от мысли приписать создание уральской доменной металлургии исключительно сублимации побуждений тогдашнего управляющего Сибири, порожденных обстоятельствами предпринимательской биографии его отца. Ее рождение было обусловлено множеством объективных предпосылок, в том числе потребностями страны и естественными закономерностями хозяйственного развития региона. Но, разбирая психологические мотивы действий конкретных лиц, мы не имеем права не учитывать и аргументы, подобные названному.

Впрочем, редукция мотиваций Виниуса к восстановлению отцовской чести никак не исчерпывает даже те из них, которые лежат в психологической сфере. Не заметить желания выслужиться перед царем – тоже обеднить мотивную структуру его действий. А ведь Виниусу, помимо всего, горным делом и металлургией заниматься было еще и *интересно*. В организации им изыскательских экспедиций – в 70-х годах в Центральной России, на рубеже нового века на Урале – просматривается не только прагматический интерес. В ней и реализованная в деятельности форма тяга к познанию мира.

Имеющихся в нашем распоряжении сведений об аналогичных интересах Витсена существенно меньше, но они все же есть. О таких интересах свидетельствуют, в частности, данные о минералогическом разделе обширных его коллекций. В письме от 15 июня 1714 г. ученый сообщает, что у него “много минералов, полученных с Новой Земли, из Нерчинска, Сибири, Норвегии и др.” [Витсен, с. 11]). В “Тартарии” упоминается о наличии в его собрании образцов магнитной и серебряной руд, присланных из Верхотурья, медной руды с Чусовой, серебросодержащего минерала, происходившего из Томска [Зиннер, с. 29]²¹. Напомним об организованных им экспертизах полученных из России руд – железной месторождений Среднего Урала и серебряной с р. Коштак (соврем. Кемеровская обл.), о попытках по просьбам Петра

²¹ Об имевшихся у Витсена образцах серебряной и свинцовой руд, присланных к нему из России, упоминает и Дриссен [Дриссен 1989, с. 66]. Серебряная, – вероятно, коштакская.

(инициированным Виниусом) подобрать мастеров металлургических профессий, готовых отправиться для работы в Россию [Богословский II, с. 247, 296, 297]²². Несомненно, этот список при определенных усилиях может быть продолжен.

Что стоит за этими интересами? Если говорить о системе ценностей – то огромное значение, которое уделяется знанию, причем знанию прежде всего опытному, полученному изучением природы.

Знание конденсируется в текстах и предметах – в нашем случае, прежде всего в книгах и коллекциях натуралий. Поэтому одна из важнейших форм аккумуляции знаний – *коллекционирование*, в котором в известном плане стирается граница между объектами собирательства: артефакты (тексты, изображения) соседствуют с произведениями природы, выступающими, с одной стороны, объектами и источниками культурной работы (работы познания), с другой – произведениями, вышедшими из мастерской творца и в силу этого одухотворенными не менее, чем творение рук и разума человеческого.

Хотя коллекции Витсена были обширны и в научной среде хорошо известны (см., например, [Дриссен 1996, с. 45]), в богатой редкостями Западной Европе значительная часть входивших в них предметов уникальными, вероятно, не являлись. А вот коллекции Виниуса в контексте истории русской культуры своего времени занимают, несомненно, особое место. И это притом что состав их известен не в полном объеме. Достаточно отчетливо мы представляем лишь виниусовское книжное собрание и коллекцию рисунков (о них ниже) – прочее до нас или не дошло [Ван дер Веен, с. 210], или, сохранившись, потеряло привязку к конкретной коллекции.

4. *Изобразительное искусство* – еще один общий для Виниуса и Витсена предмет интереса.

Андрей собирал рисунки, и часть из них в составе альбома, известного под названием “Книги Виниуса”, сохранилась. Любопытно присутствие в ней рисунка, отражающего его научные интересы: листа “Зверь в Сибири мамонт” [Гаврилова, илл. 3]. Но собирал он, похоже, не только рисунки и гравюры. Известно об иконе, полученной им в дар от царя Федора Алексеевича. Разу-

²² Переписка Петра и Виниуса свидетельствует о трудностях при наборе, в связи с чем создается впечатление, что последний провалился. Но именно в это время был рекомендован впоследствии ярко проявивший себя В. де Геннин [Бородаев, Демин, Контев, с. 81]. Вскоре после Великого посольства из Саксонии в Россию приедет опытный специалист горного дела И.Ф. Блиер (Блюер), блестяще проявивший себя на всем протяжении долголетней здесь службы [Павленко 1953, с. 102].

меется, иметь подаренную икону – еще не значит коллекционировать произведения живописи. Но есть и другие факты, как будто собирательство подтверждающие. Источник (“Житие патриарха Иоакима”) сообщает, что Виниус посылал некоего “изографа” к патриарху и тот написал “живописанную икону святейшаго” (вероятно, парсунный портрет). Позднее “прилучися”, будто бы, “зрети ему (Виниусу. – *И.Ю.*) во небе” покойного патриарха, сказавшего: “Побереги образ мой, яко и впред пригодися” [*Житие Иоакима*, с. 92–93]²³.

Возможно, Виниус не только собирал произведения изобразительного искусства, но и сам рисовал. Высказано предположение, что авторство некоторых листов, входящих в “Книгу Виниуса”, принадлежит владельцу собрания. Известен случай, когда за свои изобразительные опыты он получил поощрение: в апреле 1710 г. “за начертание Сибирской губернии печатей” – сибирской, тобольской, вятской и пермской – М.П. Гагарин прислал ему “государева жалованья пару соболей” [*Козловский I*, с. 289].

Рисовал и Витсен, кажется, еще в школе научившийся делать гравюры и офорты [*Дриссен 1989*, с. 59]. Во время поездки в Москву он зарисовывал виды Москвы, Пскова, Новгорода, Торжка (они вошли в русское издание путешествия). Высказывались предположения о его авторстве в отношении нескольких работ, входящих в “Книгу Виниуса” [*Савельева 2000*, с. 121, 122]. Между прочим, подбирая прибывшему в Голландию Петру разнообразных учителей, Витсен рекомендовал ему и преподавателя гравировального искусства – следовательно, в какой-то мере ему был знаком и их профессиональный круг [*Максимова, Трисман*, с. 11].

Из несомненно присущих обоим черт характера укажем на *трудолюбие*.

Об отношении Виниуса к труду можно судить хотя бы по письмам в Берлин сыну, в которых призыв прилежно учиться – одна из основных тем [*Козловский I*, с. 272–274]. Место трудолюбия в системе ценностей Витсена характеризует подтвержденный его жизнью родовой девиз этой семьи: “Труд все побеждает” [*Максимова, Трисман*, с. 12]. О том, что это были не просто декларации, с очевидностью заключаем из обширности и многотрудности совершенного каждым. Аргументировать этот тезис в отношении Виниуса излишне. Для Витсена в наибольшей степени

²³ Не связан ли с этой историей сохранившийся в “Книге Виниуса” набросок, изображающий архиерея? Его считают изображением патриарха Иосафа II [*Левинсон*, с. 84] или Адриана [*Гаврилова*, с. 11], но на листе подписи нет – только пометки типа “проба пера”: несколько раз повторенные буквы: П, р, т, а.

это начало проявилось в его научной работе. Какие бы оценки ни давались современными исследователями главному труду Витсена (а в адрес “Тартарии” высказываются и упреки, – в частности, в хаотичной, недостаточно продуманной организации в ней материала²⁴), никто не может отказать ее автору во впечатляющем масштабе его творения, достичь которого можно было только путем приложения чрезвычайных усилий. Сам Витсен писал о томах журналов и реестров, в которые он собрал названия гор, рек, городов, о большом количестве рисунков, сделанных по его указанию, – фонде, который он, “сравнивая и проверяя все материалы”, продолжал “беспрерывно” собирать все годы после посещения им России (из письма президенту Королевского общества в Лондоне Р. Соутвелу от 29 ноября 1690 г.) [Андреев А., с. 93–94].

Психологическая готовность к трудоемкой работе делала обоих “идеальными солдатами” для тех научных исследований, основой которых являлись собирание и систематизация. Такова “Тартария” (при всех упреках в недостатке качества систематизации), таковы менее масштабные, но опиравшиеся на ту же методологию труды Виниуса. Последний, несомненно, имел склонность к работе, связанной с собиранием и компилированием. Именно это начало безраздельно господствует в “Описании расстоянию столиц...”, существенно оно и в “Окладной книге Сибири”.

Все, что связывало Виниуса и Витсена, с неизбежностью толкало их к контактам друг с другом – личным или опосредованным.

Имеется много не вызывающих сомнения свидетельств связи Виниуса и Витсена. О личных контактах уже говорилось. Осуществлялись они в своем большинстве опосредованно – через разного рода тексты. К их числу относятся:

Переписка. Оригиналы нескольких писем Витсена Виниусу 1710–1716 гг. с отметками последнего об их получении сохранились [55]. Кроме того, о его письмах Виниус, начиная с 1694 г., неоднократно упоминал в своих посланиях Петру I, а в ряде случаев присылал ему с них переводы.

Обмен научными материалами. В литературе о таких обменах упоминается как о вещи очевидной (и мы эту очевидность не оспариваем), хотя в большинстве случаев они – не столько установлен-

²⁴ Так, И.И. Тыжнов порицал его за “некоторую бессистемность, происшедшую, может быть, вследствие расположения материала по мере того, как он его получал” [Тыжнов, с. 134, 135]. Э.П. Зиннер, пересказывая его мнение, добавил язвительности: “Единственным принципом группировки многочисленных сведений о Сибири в труде голландского ученого, очевидно, был принцип последовательности поступления тех или иных материалов” [Зиннер, с. 6].

ный факт, сколько наиболее убедительное объяснение других фактов. Так, Э.П. Зиннер пишет, что “в Голландии... Витсен продолжал получать от своих русских корреспондентов различные материалы, от думного дьяка Андрея Андреевича Виниуса, например, – картографические и иллюстративные” [Зиннер, с. 12], но ссылается при этом он не на документы, а на утверждения других исследователей (М.П. Алексеева и И.И. Тыжнова). Последний полагает, что от Витсена были получены, в частности, приведенные в “Тартарии” сведения о покорении Сибири [Тыжнов, с. 144]. В публикациях самого Витсена Виниус в качестве информатора не называется. Подобрать объяснение этой скрытности нетрудно, но для исследователя она весьма огорчительна.

Обмен книгами. Он оставил следы и косвенные, и прямые. В письме Петру I от 17 января 1709 г., говоря о библиотеке, которую собирал полвека, Виниус отмечает, что из книг “многия мне г. Витцен присылал”. В другом письме (от 7 февраля 1709 г.) упоминает одну из таких, поступивших к нему благодаря амстердамскому другу книг – ее переводом он тогда занимался: “Трудился над книжкою о вейверков, яже мною, в прошлых годах с некоторыми устроенными вейверками от г. Витцена прислана, с обнадеживанием его, что она из лучших авторов и сведомаго искусства учинена” [Пекарский I, с. 206, 207]. Упоминание о витсеновской “рецензии” позволяет предположить, что Витсен не просто выполнил заказ – книга была лично им выбрана, каковой выбор он и обосновал. В библиотеке Виниуса сохранилась по меньшей мере одна книга, попавшая к нему от Витсена [Луннов 1973, с. 238]. Вполне вероятно, что и у Витсена были книги русской печати, полученные им в подарок от Виниуса – в частности, плоды его переводческой деятельности.

Сказанного, разумеется, далеко не достаточно, чтобы заявлять о близком к тождеству сходстве психологических портретов обоих – о некоторых важных вещах, например о темпераментах, мы вообще ничего не знаем. Но сходство *многих* интересов, *некоторых* жизненных установок и черт характера (трудолюбие, целеустремленность) прослеживается отчетливо. Именно они в совокупности со сходством происхождения предопределили перекличку отдельных черт и эпизодов, образовавших судьбы героев – наличие в них, если можно так выразиться, *изоморфных элементов*. Подразумеваем путешествия, дипломатическую работу, коллекционирование и проч. – говоря об интересах и увлечениях, мы их отчасти коснулись. Более точно совпасть две судьбы, разумеется, не могли – потому хотя бы, что реальная жизнь Виниуса и Витсена проходила в существенно различавшейся культурной и социальной среде. Но совпадений было немало.

Итак, несмотря на недостаток информации, необходимой для полноценного многоаспектного сравнения, можно уверенно утверждать декларированную в начале культурную близость Виниуса и Витсена. Интереснее, однако, как раз не близость (она очевидна) – различия. Главное из них, на наш взгляд, в том, что для Виниуса, в отличие от европейского коллеги, личности, насколько можно об этом судить, цельной, характерна своеобразная *двоекультурность* – феномен, содержания которого применительно к Виниусу коснемся в конце этой книги.

12.4. Две стороны одной медали

Говоря о связях Виниуса с иностранными учеными, географами в частности, нельзя обойти молчанием один несколько щекотливый вопрос.

Выше уже говорилось об интересе иностранцев (ученых, но не только) к новейшим данным по географии Азии, добываемым в России. Информационный обмен в этой сфере – вполне ли он был безобиден с точки зрения государственных и национальных интересов?

Применительно к Виниусу особенно категорично этот вопрос поставил писатель С.Н. Марков в книгах “Вечные следы” и “Круг земной”. Пожалуй, даже не поставил – сразу на него ответил. Хотя его тексты не принадлежат по жанру к научной прозе, и мы могли бы их игнорировать, резкость высказываний в отношении нашего героя, а также точка зрения, ее предопределившая, побуждают на них остановиться. В трактовке Маркова деятельность Виниуса (“прижившегося на Руси переводчика”, т.е. *иностранца*, как постоянно подчеркивается, – см., напр.: [Марков, с. 345]) выглядит едва ли не шпионажем в пользу иностранного государства. Но даже если это и перегиб, не кажется ли вполне правомерным квалифицировать передачу им новейших географических данных иностранцам как деятельность, препятствовавшую утверждению приоритета России в этой области науки?

В литературе отмечается “традиционная для Российского государства склонность засекречивать географическую информацию и не очень оперативное ее использование для составления и издания национальных карт и описаний страны” [Постников 2005, с. 38]. С участников Второй Камчатской (она же Великая Северная) экспедиции (1733–1743) бралась, например, особая расписка в том, что они знакомы с запретом Сената передавать за границу сведения экономического и географического характера, прежде чем их опубликует Петербургская академия. В связи с

этим все отправлявшиеся за границу их письма проходили цензуру [Вигилев, с. 257].

Не так рассуждали за полстолетия до того. Многие сведения о Сибири, включенные Витсеном в его “Тартарию”, как уже указывалось, были получены им преимущественно от русских корреспондентов. Разнообразны их адреса: Архангельск, Соликамск, Тобольск, Селенгинск, Мангазея... Среди информаторов – “один знатный русский боярин, объехавший их (описываемые области Сибири. – *И.Ю.*) в 1689 г.”. А.И. Андреев предполагает, что речь идет о Ф.А. Головине [Андреев А., с. 94] – в будущем одном из послов в Великом посольстве 1697–1698 гг., позднее главе внешнеполитического ведомства России, человеке всецело преданном ей и ее монарху.

Петровское время, как известно, характеризуется небывалой прежде открытостью страны для Запада, активным с ним взаимодействием (модернизационного плана), очень скоро отразившимся и на содержании, и на формах социальной реализации личности и групп (преимущественно городского населения). Но более свободное общение с иностранцами в сфере культуры (в широком смысле) сопровождалось усилением подозрительности и осторожности в вопросах, касавшихся интереса государя и государства. Впрочем, пока еще только усилением, не больше.

Виниус, дитя XVII в., передавая Витсену материалы географического содержания, во всяком случае, был не одинок. Это и естественно: подобного рода поступки предосудительными в то время не считались. Даже молодой Петр I посчитал еще допустимой публикацию за границей карт территории России, естественно, содержащих немало новой для европейских ученых географической информации. Отметим в связи с этим хорошо известный факт: жалованную грамоту, данную русским царем голландскому издателю Яну Тессингу на печатание в Амстердаме книг и географических “чертежей”. Хотя деятельность Тессинга на этом поприще была недолгой (он умер на другой год после получения грамоты), издатель успел выпустить карту южной России (составленную Менгденом и Брюсом в 1699 г.), причем в двух вариантах – на латинском и русском языках [Андреев А., с. 126]. А.И. Андреев выдвинул достаточно аргументированную версию подготовки к изданию за границей (разумеется, вполне официальному) “Чертежной книги Сибири” – изданию, в рамках этой гипотезы, не состоявшемуся исключительно по причине смещения с поста главы Сибирского приказа Виниуса, который этот проект продвигал.

Допускаем, впрочем, что взгляд Виниуса на этот вопрос отличался от взглядов многих в его окружении. Следует, однако,

учитывать влияние на Виниуса этоса классической науки, каким он уже складывался в XVII в. Одной из выделенных Р.К. Мертоном ее норм являлся *коллективизм* (или *коммунализм*) – императив, предписывавший ученому скорее делать полученные им научные результаты общим достоянием и осуждавший отношение к знанию как к собственности [Мирская, с. 5, 6]. Виниус, разумеется, не принадлежал к научному сообществу, управлявшемуся этими законами. Но Витсен – принадлежал и законам следовал. “Тартария” лучший пример такой работы, главное достоинство которой – введение материала в научный оборот. Прикасясь к миру науки и сообществу ученых, Виниус, несомненно, впитывал явно или неявно выраженные нравственные формулы, которым это сообщество следовало. И, учитывая бескорыстный характер своей научной деятельности (еще одна норма Мертона), им, похоже, подчинялся.

Глава 13. Писатель и библиофил

13.1. Писатель и переводчик

Присущее Виниусу творческое начало нашло отражение и в литературной деятельности. Он писал стихи, работал в прозаических жанрах, занимался переводами.

Дошедшие до нас поэтические опыты А.А. Виниуса немногочисленны, все они – стихи на случай. В 1696 г., занимаясь, по поручению Петра, подготовкой торжественной его встречи из второго Азовского похода, он сочинил вирши, которые во время церемонии сам же “в трубу” и произнес. Короткие и малоинтересные в художественном отношении, эти строки несомненно интересны поводом, по которому были созданы. В них Виниус, идущий пока еще непроторенным путем, создает первые образцы зарифмованной идеологии, которая столь мощно расцветет в российской поэзии XVIII в.

Выше уже упоминалось об акrostихе 1709 г., сопровождающем подаренную Виниусом Никите Демидову книгу духовного содержания. Публикатор этого текста Т.А. Быкова считает, что “с художественной стороны стихи плохи”, но говорит далее исключительно о технике стиха (числе слогов в строке, рифмах), других характеристик художественности не затрагивая [Быкова, с. 399]. По нашему мнению, данный текст заслуживает более внимательного к нему отношения.

Прозаическое творчество Виниуса почти исчерпывается сферой перевода. Говорим “почти”, так как не все его тексты с дос-

таточной глубиной изучены и потому не в полной мере установлены возможные в них отклонения от оригиналов.

Учитывая это обстоятельство, а также то, что переводческую деятельность для XVIII в. принято рассматривать “в одной упряжке” с оригинальным сочинительством (что отразилось, например, в равноправном включении авторов тех и других произведений в “Словарь писателей XVIII в.”), рассмотрим далее прозаические тексты, связанные с именем Виниуса, без указанного их разделения.

Сын “природного” голландца, А.Д. Виниус благодаря специфике профессиональной деятельности на всю жизнь сохранил знание языка, родного для своей фамилии. Доверие к нему в качестве носителя языка было настолько высоким, что он был взят царем “недерля[н]ского диалекта в учителя” [148, л. 178 об.]. Знание языков (не только голландского) пригодилось Виниусу по крайней мере еще в двух сферах: на дипломатическом поприще и при переводе художественной и специальной литературы.

“И в тех юных летех... государевым повеление[м] сопричтен в его государеву службу в достоинство немецких языков в переводники” [148, л. 177 об.], – такими словами 45 лет спустя вспоминал Виниус свое поступление на службу в Посольский приказ. В контексте данной главы следует упомянуть, что к моменту появления Виниуса здесь уже более десятилетия существовала практика подготовки Вестей-курантов – первой отечественной рукописной газеты, формировавшейся из переводов письменных и печатных вестовых листов. Газета составлялась, как правило, в двух чистовых экземплярах: один предназначался для прочтения царю (иногда с Ближней думой), второй для чтения в Боярской думе.

Долгое время именно доставка зарубежных курантов являлась важнейшей задачей, возлагавшейся правительством на почту – предприятие, напомним, заботы о котором делили частное лицо (управляющий почтой) и государство. Став почтмейстером, Виниус будет вынужден озаботиться вопросами их доставки самым серьезным образом. Но познакомился с курантами он значительно раньше, чем получил в свое ведение почты.

Просмотр газет, отбор текстов¹ и их перевод осуществляли переводчики Посольского приказа. Сведения об именах лиц, выпол-

¹ Переводчики ревниво отстаивали свое право отбора материала. В 1669 г. дело дошло до конфликта с претендовавшим на него почтмейстером Леонтием Марселисом. Посольские жаловались, что, “назначая” в курантах речи для перевода, он их тем бесчестит: “Они де и без него знают, что годно перевести, и что не годно” [Шамин, с. 125]. Виниуса это дело касалось самым непосредственным образом и было, несомненно, хорошо ему известно.

нявших газетные переводы, очень немногочисленны. Для периода 1676–1681 гг. на сохранившихся черновиках удалось обнаружить рукоприкладство одного Леонтия Гросса [*Шамин*, с. 125, 126].

Не вызывает сомнения, что среди безымянных переводов есть переводы и Винуса, причем их немало². Заключаем это из того факта, что по меньшей мере первые четыре года пребывания Винуса в Посольском приказе он был *единственным* переводчиком с голландского языка [26, л. 2], а именно голландские (наряду с немецкими) издания составляли основную массу поступавших в Посольский приказ газет [*Шамин*, с. 123]. Некоторое время такое положение сохранялось и впоследствии. Лишь в 1668 г. на службу был принят упомянутый Леонтий Гросс [*Беляков 2001*, прил., № 144], но и он был зачислен в качестве переводчика цесарского и латинского языков и лишь впоследствии к ним добавился голландский. Но и в дальнейшем, по-видимому, он не чувствовал себя с ним вполне свободно. Когда в 1690 г. ему была поручена для перевода некая “Книга... звездного художества”, он отказался от работы, мотивировав это тем, что она “галанским древним языком напечатана”, а он “к тому языку совершенно не искусен” [*Лаврентьев, Матвеева*, с. 241, 243].

По наблюдениям исследователей, в 1660-х годах для перевода отбиралось около 20% информации из получаемых приказом газет, и переводилась она достаточно точно. Иногда переводчик превращался в автора: на полях встречается поясняющий комментарий, касающийся персоналий, топонимики, политических, социальных, экономических реалий [*Шамин*, с. 126].

Помимо текущей переводческой работы, к каковой относилась, в частности, подготовка материала для Вестей-Курантов, Винус в Посольском приказе привлекался и для перевода книг. В 1677 г., с марта по ноябрь, он вместе с переводчиками Леонтием Гроссом и Ефимом Мейснером переводит (по-видимому, с парижского оригинала 1629 г.) руководство “*Учение, како подобает объезжати лошадей, се есть художество о яздении... господина Антониа де Плувинелла*” (A. de Pluvinell). Выбор книги для перевода связывают с царем Федором Алексеевичем, большим любителем породистых лошадей [*Лаврентьев, Матвеева*, с. 242, 243].

Самый ранний из переводов Винуса, скорее всего непосредственно не связанный с исполнением им служебных обязанностей, – рукописный сборник “*Избрание от святых, божественных и царственных книг, памяти ради...*” (Москва, 1667) – мы уже упоминали в связи с наличием в нем текстов исторического

² Предположение, что «Винус должен был принимать деятельное участие в составлении “курантов”», высказал еще И.П. Козловский [*Козловский 1*, с. 231].

и страноведческого характера. Ими, однако, состав его не исчерпывается. Помимо перечисленного “Избрание” включает содержащую моральные и богословские наставления беседу отца с сыном, выписки из Афанасия Александрийского, переведенную с греческого беседу Геннадия, патриарха Константинопольского, с “царем турским” Марат Магметом, сказание Ивана Пересветова о царе Магмете, “како хотел сожещи книги греческие” [Федоров].

С именем Винуса связывают еще один текст – *“Изъявление вкратце божественных и человеческих вещей, коими человек причаствует Богу и Ангелом, и прочей твари видется могущей”* – созданный в один год с “Избранием” и перекликающийся с ним моралистической направленностью. Это своеобразное генеалогическое древо, ответвления которого показывают человеческие добродетели и пороки [Савельева 1998, с. 63].

Следующий сборник – *“Зрелище жития человеческого...”* – перевод басен, в основном восходящих к Эзопу, сопровождаемый “прилогами” – примерами, действительными или вымышленными, из всемирной истории, своего рода историческими анекдотами. Перевод содержит 134 басни. Он был выполнен в 1674 г., пользовался большой популярностью на протяжении всей последней четверти века, не был забыт в начале следующего столетия и после сокращений (изъятия девяти текстов, допускавших нежелательное истолкование в связи с текущей политической обстановкой) в 1712 г. издан, набранный гражданским шрифтом [Тарковский 1992, с. 179–180]. Издание “Зрелища” имелось в личной библиотеке Петра I [Библиотека, с. 62; Майкова, с. 15]. Из печатного “Зрелища” заимствовал сюжеты некоторых своих притч А.П. Сумароков [Тарковский 1992, с. 180].

Несмотря на значительный тираж (500 экз.), по данным Р.Б. Тарковского, “ни одного экземпляра этого издания ныне не сохранилось”, известны только рукописные с него копии [Тарковский 1992, с. 180]. Действительно, в “Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г.” (М.; Л., 1955) “Зрелище” внесено с пометой, свидетельствующей, что данное издание установлено по библиографии. Но в изданных позднее “Дополнениях и приложениях” к “Описанию” под № 12 указан, обнаруженный дефектный его экземпляр (с утратой 22 басен и значительного числа сопровождавших каждую гравюр). Название сочинения в печатном издании – *“Зрелище жития человеческого, различными животных притчами. И старожитных людей примерами. Всякому добрых нравов в научение, предпоставлено”*. На титульном листе отмечено, что книга напечатана “повелением его царского величества” в Москве, в декабре 1712 г. [ОИ ДиП, с. 17].

“Зрелище жития человеческого” неоднократно привлекало внимание исследователей, и сегодня, после работ... А.Н. Пыпина, П.П. Пекарского, И.П. Козловского, Т.А. Быковой, Р.Б. Тарковского и др. и осуществленного недавно научного его издания [*Тарковский, Тарковская*], оно является наиболее изученной литературной работой Виниуса.

А.А. Виниус был не первым, кто переложил Эзопа на русский. Еще в 1607 г. другой переводчик Посольского приказа, Федор Гозвинский перевел знаменитые басни (144 текста), а с ними “Житие Эзопа”, включавшее несколько дополнительных басенных сюжетов. Почти одновременно с Виниусом, в 1675 г., объемный сборник (260 басен, причем не одного Эзопа) перевел сибирский ротмистр Петр Кашинский. Наконец, в 1681–1683 гг. “Эзопа книги” перевел С.Ф. Чижинский [*Лукичев 2004б*, с. 341; *Тарковский, Тарковская*].

Переводчики работали с разными оригиналами: Годзинский с древнегреческим, Кашинский с польским, Чижинский с латинским. По Р.Б. Тарковскому, Виниус мог опереться на немецкий “Театр нравов” (“*Theatrum Morum...*”), составленный и напечатанный в Праге в 1608 г. или его возможное переиздание [*Тарковский 1969*, с. 249, 250]. Называется, однако, и другой оригинал, имя автора которого в связи с Виниусом не может не привлечь внимания. Им был Йост ван ден Вондел³, крупный голландский поэт, прозаик и драматург. Е.И. Боброва решила, что Виниус перевел сочинение Вондела “Княжеский зоосад” (Амстердам, 1682), экземпляр которого был выявлен ею при реконструкции библиотеки Петра I и сочтен ранее принадлежавшим Виниусу [*Библиотека*, с. 12]. Том амстердамского издания трагедий Вондела имелся в библиотеке Виниуса (по заключению Е.А. Савельевой, “абсолютная редкость для библиотек России” [*Савельева 1998*, с. 66]), что подтверждает факт его интереса к творчеству знаменитого голландского писателя. Однако, по мнению Р.Б. Тарковского, переключка текстов Виниуса и Вондела имеет более сложную, чем отношение прямого порождения, связь: она обусловлена тем, что оба текста опирались на один оригинал или на оригиналы, имеющие общее происхождение – указанное пражское издание.

Прилоги “Зрелища” заимствованы из сочинений античных и средневековых писателей: Геродота, Тита Ливия, Иоанна Куспиниана, Лаврентия Сурия и др. Обращает на себя внимание, что осуждаемые пороки иллюстрированы примерами почти исклю-

³ Стихи которого, как мы уже отмечали, сопровождают “человека с пистолетом” – гравированный портрет А.Д. Виниуса работы Вискера.

чительно правителей и монархов. Идеал Виниуса – “тихий” государь, “благое состояние” властителей “во благоденствии подданных их”. Многие исторические примеры затрагивают историю борьбы с государствами Востока, что выглядит неслучайным на фоне напряженных российско-турецких отношений этого времени. Сохранившееся большое количество списков “Зрелища”, некоторые из которых содержат дополнительные басни и прилоги (из русской истории) свидетельствует о непреходящей актуальности этого сочинения на протяжении не только последней четверти XVII, но и первых десятилетий XVIII в. [*Тарковский 1969*, с. 253; *Тарковский 1992*, с. 179, 180].

В специальном исследовании Р.Б. Тарковский и Л.Р. Тарковская весьма внимательно проследили различия трех сохранившихся от русского XVIII века версий Эзопа [*Тарковский, Тарковская*]. Отсылая к нему заинтересованного читателя, считаем, однако, необходимым привести здесь некоторые выводы исследователей, касающиеся мировоззрения Виниуса – в тех его элементах, которые позволяет раскрыть такой источник, как басня.

Один из них – демократизм его этики, проявляющийся в оценке человека не столько исходя из его происхождения и богатства, сколько сквозь призму его деяний, службы Отечеству. В этом тезисе трудно не увидеть черты мировоззрения нового человека петровской эпохи, но даже если данный вывод – примысливание к объекту чего-то, содержащегося в нем лишь в скрытом виде, в потенции, это все равно очень интересно и значимо.

Второй важный момент, связанный с предыдущим, – высокая оценка места и роли самоотверженного труда, определяющего достоинство человека. Тут помимо общекультурных аллюзий следует обратить внимание на уже отмечавшееся нами качество личности самого Виниуса – трудоголика в классическом выражении этого типа.

Еще один вывод касается отношения Виниуса к социальному неравенству. Оно для него – естественно, поскольку коренится в самой природе вещей. Обязанность власти – согласование интересов сословий, создание возможности их сотрудничества. Достигается оно на пути взаимных уступок, компромиссов, самоограничений. Для власть имущих – отказа от социального эгоизма, для “малых” – отказа от несоразмерных здравому смыслу претензий. В этом нетрудно вычитать социальный патернализм, органичный идеалу Домостроя, столь близкому сердцу Виниуса.

13.2. “Что веселюсь зело в трудех...” (переводы специальной литературы)

Ю.М. Лотман, говоря о путешественниках петровской поры, о свойственной им установке искать “не впечатлений, а пользы”, в качестве образца, который ее формировал, обращал внимание на инструкции, «вроде той, которую царь своей рукой написал 24 января 1715 г. Конону Зотову: “Все, что ко флоту надлежит, на море и в портах, сыскать книги, также, чего нет в книгах, но чинится от обычая, то помнить и все *перевести* на славянский язык нашим штилем, а за штилем их не гнаться»» [Лотман, с. 58].

Одним из тех, кто трудился над переводами так нужных новому времени книг был и А.А. Виниус, для которого они составляют одно из главных занятий последнего 8-летия его жизни.

В письмах Виниуса 1708–1712 гг. о занятиях переводами упоминается неоднократно. Подборка фрагментов его эпистолярия на эту тему была опубликована П.П. Пекарским в 1-м томе исследования “Наука и литература в России при Петре Великом” (1862) [Пекарский I, с. 203–208]⁴. Систематизируем материал, в них содержащийся. В письмах упомянуты:

№ 1. “Трактат механики” (“Трактат о механике”, “Тетради о механике”⁵). “Уже часть... о фортификации было перевел”, но 17 ноября 1708 г., “иное оставя ... учал о механике переводити”. Закончив работу, отдал перевод в переписку. Виниус отмечает “трудность материи”: некоторые имена “без лексиконов перевести было трудно”. Переписанный перевод намерен передать коменданту князю Гагарину. Спрашивает, переводить ли “начатую о фортификации часть” (письмо от 27 декабря 1708 г.).

В следующем письме Виниус называет точную дату завершения работы над “трактатом о механике” (“тот трактат декабря к 25 числу на словенский язык преложил”). На текущий момент переписка перевода подъячими еще не завершена. Получил от Петра известие о намерении этот трактат “напечатать печатью амстердамскою”. В связи с этим просит предварительно ознакомиться с текстом и “рассудить, от неа коя польза людем будет ли?” Самому Виниусу оригинальное сочинение, оказывается, не нравится: автор “писал зело сокращенно и прикрыто, не толико зря на пользу людскую, елико на subtilность своего философского письма” (письмо от 17 января 1709 г.).

⁴ Научная публикация этих текстов осуществлена в “Письмах и бумагах императора Петра Великого”; здесь напечатаны письма от 27 декабря 1708 г., от 17 января, 2 и 7 февраля, 9 марта 1709 г. [ПуБ VIII–2, с. 939–940; IX–2, с. 545–546, 629–631].

⁵ В скобках – варианты названия, встречающиеся в письмах Виниуса.

Наконец, трактат переписан начисто и передан вместе с оригиналом М.П. Гагарину; Виниус подготовил его к печати, “а фигуры к резбе отдал” (письмо от 2 февраля 1709 г.). 9 марта напоминает, что трактат о механике уже послан царю через Гагарина.

Виниус, как уже было сказано, имел претензии к качеству текста, который ему пришлось переводить, и, прежде чем печатать перевод, просил его выслушать. Петру показалось, что “во многих местах” в нем действительно “несправно и непонятно”, но он решил, что дело поправимо и послал перевод Брюсу с распоряжением, “когда будет досуг”, его выправить [*ПиБ IX-1*, № 3086]. Вероятно, именно этот перевод упомянут в записи, содержащей список книг, готовившихся к изданию в 1708 и 1709 гг.: “У Брюса: о механике, что переводил Виниус; Кугорнова” [*ПиБ VIII-2*, с. 1063]. Брюсу текст не понравился и в своем письме от 17 октября он дал резко отрицательную характеристику переводу (а не оригиналу, который критиковал Виниус): “Намерен я оной трактатец вновь переводить, понеже гораздо он плох переведен” [*ПиБ IX-2*, с. 544].

№ 2, 3. В конце 1708 или самом начале 1709 г. Петр I пишет Виниусу о некой “огнестрельной книжице, яже из лучших ауторов была написана”. Из письма Виниуса от 17 января 1709 г. следует, что ему предписано выполнить ее перевод. Материал касающихся этого предмета последующих писем (от 17 января, 2, 7 февраля и 9 марта 1709 г.) не вполне ясен: он то расслаивается, создавая впечатление, что речь идет о двух разных книгах, то совмещает их в одну.

Подтвердив в письме от 17 января 1709 г. факт получения царского задания, Виниус сообщает, что “ее же... тому лет 12 или вящще из голландска языка перевел”, но этот перевод, а также его оригинал сейчас отыскать у себя не мог. Он предполагает, что они хранятся среди его книг, взятых в Аптеку и по сей день не возвращенных. Именно здесь находилась “книжица⁶ с фигурами о фундаментном ведении и обучении артиллерийского дела вейрверков”, которую переводчик, начав ее “в суетах”, намеревался “в пользу русского народа во тиснение дав”, царю “покорственно поднести”. Заметим, что из приведенной цитаты как будто следует, что огнестрельная книжица, перевод которой был заказан Петром, и книга, которую Виниус перевел по собственной инициативе одно и то же издание.

В письме от 2 февраля Виниус извещает, что нужные ему “из своих, в Аптеке опочивающих книг, о фейрверках и артиллерии

⁶ Может быть, “книжицы”? Сочетание под одной обложкой наставлений об устройстве фундаментов и фейрверков представляется маловероятным. Или Виниус подразумевает *фундаментальное* (основательное, глубокое) “ведение”?

взял”. Идет ли речь о двух или одной книге – не ясно, но учитываемая словосочетание, в котором ключевые слова находились в предыдущем письме, второе вероятнее. Автор сообщает, что “сего ж числа в *труд о вейверках* вступил” и спрашивает, посылать ли перевод ему или “зде печатать”. Дальше, однако, смысл не вполне понятен. “Еще же нижайше доношу, – пишет Виниус, – благоволи, величество ваше, мною в 1702 г. преведенну *книжку о артиллерии* указать: ту, по сих трудех, довершать ли, и в печать русскую или амстердамскую давать ли со обретающимися фигурами?”. Если “труд о вейверках” и “книжка об артиллерии” – одно и то же, не понятно, для чего задав вопрос, что делать с окончанным переводом, спрашивать, продолжать ли его вообще. Тем более что вопрос о судьбе перевода оказывается в этом случае заданным дважды, причем предлагаются не вполне совпадающие варианты ответов (в первом случае – переслать царю или печатать здесь, во втором – печатать в России или Амстердаме).

В письме от 7 февраля Виниус извещает о продолжении труда над переводом “книжки о вейверков”, сообщает, что она “в прошлых годах” прислана Витсеном в сопровождении заверений, что она составлена лучшими авторами и вполне отражает описанное в ней искусство. Переводчик надеется, что царь будет ею доволен. Далее – об артиллерии. И вновь не ясно, о той же или другой книге идет речь. “О том (это пока еще о сочинении про фейерверки. – *И.Ю.*) ожидаю, – пишет Виниус, – вашего величества милостиваго слова, також де и указу... о артиллерийской книжице, в ней же и вейрверки есть, и тот мною в 1702 г. начатой трактат довершать ли и коею печатью с фигурами... выдавать ли”⁷. Артиллерийская книжица с присовокуплением фейерверков вводится после союза “такж”, затрудняющего отождествление ее с книгой о фейерверках от Витсена, над которой в настоящее время трудится переводчик. Какую из них Виниус добывал из Аптеки? Видимо, вторую, поскольку о ней сказано, что перевод ее был начат в 1702 г.? Но ведь и о первой сообщено, что она прислана из Голландии “в прошлых годах”... Может быть, это все-таки одно сочинение?

Некоторую ясность может внести последующее, от 9 марта, письмо, упоминающее о рассматриваемых переводах. В нем Виниус сообщает, что, “соверша” два трактата – о механике и

⁷ Из чего может следовать, что “огнестрельная книжица”, о которой писал Петр, это вовсе не та, над которой трудится Виниус. Что же? Может быть, Петр выразил не конкретное пожелание (перевести такую-то книгу), а распорядился о переводе добротного сочинения конкретной тематики, не указав конкретное название? Ответить на вопрос может только оригинальное письмо царя.

фейерверках, отдал их коменданту князю Гагарину и в их “доходе” (доставлении к Петру) не сомневается. “Ныне ко мне он же писал, чтоб книжицу об артиллерии моих же трудов (о ней же к величеству вашему я писал) к величеству вашему послать”. Он пишет, что перевод был при переписке списан неисправно, что он его как мог исправил, и не смея задерживать, подлинник (“с фигурами”) и перевод послал, как есть.

Данный текст – первый, не допускающий двоякого толкования. “Трактат о фейерверках” и “книжица об артиллерии” – *два разных* текста, соответственно № 2 и 3. Непротиворечиво соотносится с ними информация предшествующих писем (начала 1709 г.) довольно сложно, но даже не вполне согласующаяся, она весьма интересна.

Последние эпистолярные свидетельства о переводах Виниуса относятся к 1712 г.

В письме от 21 февраля 1712 г.⁸ Виниус сообщает, что после его возвращения в Москву царь через Т.Н. Стрешнева затребовал у него перевод “устава судебных воинских прав”. Перевод готов не был, что Виниус объяснил пребыванием в прошлом году по царскому же распоряжению (“на вашей великого государя службе”) в полках с гетманом. Приехав в Глухов, он “с начала месяца июля лежал несколько недель в расслаблении”, в те же дни, когда ему было “отраднее”, – “трудился над лексиконом голландским, а над воинскими правами не работал”, так как считал, что это сделают другие. Приехав в Москву, обнаружил, что в его доме “постановлены” шведы. Виниуса в дом не пустили, и он был вынужден прожить “в чужом дворе недели с три, а мне не малое от постоя разорение”. Хотя постояльцы не освободили жилище по сей день, занялся, наконец, воинскими правами. “Поелико смогу, – уверяет он, – буду работать”. Хотя плохо слушалась правая рука, он надеялся “сим великим постом голландские артикулы совершить, а прочее потом”.

Итак, добавляем к нашему списку еще две позиции с присовокуплением связанных с ними хронологических меток:

№ 4. “Устав судебных воинских прав”. Над “воинскими правами не работал, понеже чаял, иные люди то управят”. “А ныне... начал в воинских правах трудиться” (письмо от 21 февраля 1712 г.).

№ 5. “Лексикон голландский”, он же “Голландские артикулы”. Трудился над ними в прошлом году, будучи “в полках с гет-

⁸ П.П. Пекарский цитирует это письмо, относя его к 1702 г. [Пекарский I, с. 203]. Упоминание Виниусом службы “в полках с гетманом”, имевшей место по упоминанию в письме в прошлом году, однозначно переносит его в 1712 г.

маном”, с начала июля, когда лежал несколько недель “в расслаблении”, в “которые дни было... отраднее”. Надеялся “Великим постом голландские артикулы совершить” (там же).

Мы систематизировали материал, разделив его по “ячейкам”, каждая из которых должна соответствовать своей книге. Но полной уверенности, что Виниус упомянул именно пять книг, у нас нет. Если с тремя (№ 1, 4, 5) все относительно ясно, то № 2 и 3 имеют довольно аморфные границы. То они тяготеют к объединению (оба касаются фейерверков – одно было полностью им посвящено, другое, похоже, частично), то, в письме от 9 марта 1709 г., предстают самостоятельно и независимо. Разделить одно и смешать разное в этой ситуации очень легко.

Самыми ранними переводами, подготовленными Виниусом после его возвращения в Россию, явились переводы сочинения немецкого военного архитектора Л.Х. Штурма “О весовом и подъемном искусстве” (не напечатанный) и “Архитектура воинская, гипотетическая и эклектическая...” (изданный: Москва, 1709) [Савельева 1998, с. 65–66]. По-видимому, один из них – упоминаемая в письме от 17 января 1709 г. “книжица с фигурами о фундаментном ведении”, перевод которой Виниусом был начат, по его словам, “аще и в суетах моих” (вероятно, до отставок 1703 г.), при конфискации 1706 г. попал в Аптеку и на момент писания письма еще не был ему возвращен.

Только в одном из цитированных выше писем Виниус приводит сведения, достаточные для точного установления оригинала его перевода. В послании от 7 февраля 1709 г., говоря об *артиллерийской книжице*, перевод которой был начат им в 1702 г., он посылает вместе с письмом “титул надписания книжицы о артиллерии и вейверков воинских”. В титуле автором книги назван артиллерии капитан Дирик (т.е. Дидрих) Бринк⁹ и указан год оригинального издания – 1689 г. [ПуБ IX-2, с. 630, 631] (рис. 35).

Данный перевод Виниуса был издан [Пекарский II, № 181, с. 238]. В русском издании книга носит название “*Описание артиллерии в ней же сокращенно написана все, еже к начинанию артиллерийского ведомства, и основания ея, хотящему у сего дела быти, ведати подабает. Зело прилично всем хотящим от младых лет потщатися в сей науке своего искати счастья, и как пушкарям, бомбардирам, и над теми людьми начальником искусным быть. Чинно описано, и пристойными лицами украшено, всем сея науки охочим на пользу. Чрез Тимофея Бринка артиллерийна-*

⁹ П.П. Пекарский называет его Дидрихом, Е.И. Боброва – Троил-Нилсеном (Troil-Nielsen) [Пекарский I, с. 207; Библиотека, с. 60, 113]. Согласно Е.А. Савельевой, перевод книги Бринка был осуществлен еще в 1697 г. [Савельева 1998, с. 65].

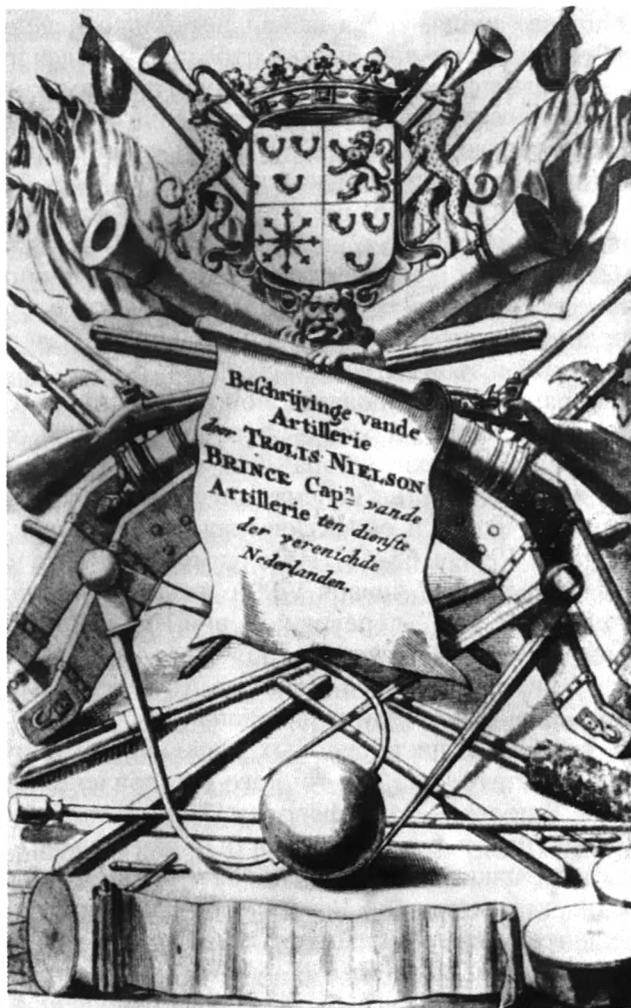

Рис. 35. Фронтиспис книги “Описание артиллерии” Т. Бринка (голландское издание). 1689 г. (Г. Виндендорп)

го дела капитана”. На обороте указано, что книга переведена с голландского языка, и “повелением царского величества” напечатана в Москве в марте 1710 г. Типографский текст сопровождают гравюры. Одна, с изображением артиллерийских орудий, военных принадлежностей, двуглавого орла над ними и надписью (сокращенным названием), помещена в начале (рис. 36). Как сообщает надпись на этом листе, гравюра выполнена в 1709 г. в Москве Григорием Павловым. Принято считать, что речь идет о

Рис. 36. Фронтиспис книги “Описание артиллерии” Т. Бринка. 1709 г. (Г.П. Тепчегорский)

гравере Г.П. Тепчегорском [Алексеева 1990, с. 177, 182]. В самом тексте 26 гравированных листов, непосредственно иллюстрирующих содержание.

В приложении к № 11–12 за 1710 г. первой русской газеты “Ведомости” был опубликован “Реестр книгам гражданским, которые по указу царского величества напечатаны новоизобретенною амстердамскою азбукою, по первое число иуния нынешнего 1710-го году” [Ведомости] (рис. 37). В этом списке всего 14 на-

РЕЕСТРЪ.

Книгамъ гражданскимъ, которые по указу Царскаго Величества напечатаны новоизобрѣтенною Амстердамскою азбукою. по первое число Іуны нынѣшняго 1710 го году.

- 1 Комплементы, или образцы, какъ писать письма къ разнымъ особамъ.
- 2 О слюзныхъ дѣлѣхъ.
- 3 Геометрическіе о прѣсимѣ циркуля и линейки.
- 4 Архитектура военная, или штурмовая науки образцы.
- 5 Римлеровы о строеніи крепостей.
- 6 Борддорфовы гарнизонныя, и на полныя штурмовыя.
- 7 Броуновы артилерійскіе.
- 8 Брынкины артилерійскіе.
- 9 Кугорновы инженерныя.
- 10 Історія квинта курца, о александрѣ великомъ царѣ македонскомъ.
- 11 Історія, о взятіи града прои.
- 12 Триумфальныхъ вратъ описаніе, на 1710 годѣ.
- 13 Географія, или описаніе земли сокращенное.
- 14 Календари.
- 15 Маніфесты королеи, польскаго, и датскаго.

Рис. 37. “Реестр книгам гражданским, которые... напечатаны... по первое число июня... 1710 году”, опубликованный в приложении к газете “Ведомости” от 31 мая 1710 г., № 11–12 (Москва, Печатный двор). Под № 8 – книга “Описание артиллерии” Т. Бринка, переведенная А.А. Виниусом

званий, охватывающих сочинения технические, исторические, географические и др. В середине списка, под № 8, – некие “Брынкины артиллерийские”. Это, по-видимому, только что изданный виниусовский перевод “Описания артиллерии” Т. Бринка.

Перевод труда Бринка не исчерпывает попыток Виниуса дать русскому читателю добротную литературу по артиллерийскому делу. Среди его переводов указывается также сочинение немец-

Рис. 38. Фронтиспис книги “Учение и практика артиллерии” И.З. Бухнера. 1711 (П. Пикарт)

кого военного инженера И.З. Бухнера “Учение и практика Артиллерии”, изданное в Москве в следующем, 1711 г. (рис. 38). Возможно, оно, наряду с книгой Бринка упоминается в письмах Виниуса этого времени, но четко соотнести упоминания с конкретными сочинениями затруднительно. Издание вызвало нарекания со стороны Я.Б. Брюса за терминологические ошибки и несуразности [Савельева 1998, с. 66]. Виниус осознавал трудность задачи, за решение которой брался в подобных случаях (“чисто и явственно в переводах изъяснити” [ПИБ IX–2, с. 545]), но в январе 1709 г., когда писал письмо, из которого заимствованы эти слова, еще надеялся преодолеть ее при помощи добротных словарей. Надежда не оправдалась, в том числе потому, что еще не сформировалась принадлежащая этой области военного дела общепринятая русская терминология. Кроме того, Виниус не был специалистом в артиллерии и недостатки его перевода бросались в глаза профессионалу в этой области Брюсу, помимо прочего, не слишком лично к Виниусу расположенному.

Еще один перевод Виниуса (у нас № 4) узнаем в “Книге ордера или во флоте морских прав”, напечатанной в Петербурге в 1714 г. дважды – 16 января и в феврале¹⁰. Это действительно два разных издания: второе имеет почти в 2 раза больший объем, так как помимо русского содержит еще и голландский текст. Заглавный лист обоих изданий украшен гравюрой с видом Петербурга: изображены Нева, Петропавловская крепость и церковь святой Троицы. Содержание книги – постановления для флота Вильгельма, принца Оранского [Пекарский II, № 247, 248, с. 320]. Оригинальное название сочинения – “Ордер его высочества господина принца Оранского к содержанию доброго порядка во флоте” [Савельева 1998, с. 66].

С именем Виниуса или Брюса (точно не установлено) связывают также подготовку перевода на русский язык труда Вилима Севела “Искусство нидерландского языка”. Присоединимся к мнению, что Виниусу, для которого “голландский язык был его вторым языком”, сделать эту работу было проще [Савельева 1998, с. 66]. Проще и в силу собственного интереса к такой литературе: напомним о готовившемся им “лексиконе голландском”, отмеченном в нашем списке № 5.

Насколько литературные труды Виниуса – оригинальные и переводы, оставшиеся в рукописи и напечатанные, – были распространены? Судить об этом позволяют, во-первых, данные о числе сохранившихся рукописных списков и печатных экземпля-

¹⁰ В описании библиотеки Петра I отмечено еще одно издание этой книги, также петербургское, не содержащее указания года [Библиотека, № 357, с. 61].

ров, во-вторых, упоминания об их наличии в конкретных библиотеках, опирающиеся на описи последних и позволяющие учесть экземпляры, физически не сохранившиеся, в-третьих, сведения о движении печатного тиража через систему книжной торговли.

Приведем ниже некоторые данные о наличии книг Виниуса (в том числе переводных) в некоторых частных библиотеках первой половины XVIII в., известных по их каталогам и описям.

– “Описание расстоянию столиц”:

В описи библиотеки А.П. Волынского под № 344 значится “Книга поверстная, письменная, на русском”, которую С.П. Луппов прямо связывает с Виниусом [Луппов 1978, с. 122]. Состав рукописной книги не известен, но, учитывая, что собственно Поверстная книга часто соединялась с “Описанием расстоянию столиц”, которое выступало в таком случае второй ее частью, наличие этого, принадлежавшего Виниусу раздела достаточно вероятно. Из 22 книг географического содержания, входивших в библиотеку Волынского, данная – единственная рукописная.

– “Зрелище жития человеческого”, перевод А.А. Виниуса:

В реестре библиотеки Д.М. Голицына конца 1730-х годов под № 223 находим “Зрелище жития человеческого, в котором беседы животных с приличными повестями объявляет” [121, л. 805 об.]. В этом списке книги типографской печати сопровождаются соответствующей пометой, которой при “Зрелище” нет, из чего заключаем, что это был скорее всего один из многочисленных рукописных списков этого весьма популярного сочинения. Еще один экземпляр “Зрелища” (на этот раз печатный) имелся в библиотеке Петра I (№ 360) [Библиотека, с. 62].

– “Описание артиллерии” Т. Бринка, перевод А.А. Виниуса:

Имелось в библиотеках Петра I (№ 337) [Библиотека, с. 60], А.П. Волынского (в описи: “Описание о артиллерии, на русском”, 2 экз.) [Луппов 1978, с. 126], В.Н. Татищева (в описи: “Бринкеново описание артиллерии”) [Астраханский], Плат. И. Мусина-Пушкина (в описи: “Описание артиллерии”, 11 экз. [Луппов 1979]).

– “Книги ордера или во флоте морских прав”, перевод А.А. Виниуса:

Имелась в библиотеке Петра I (№ 355) [Библиотека, с. 61].

Итак, в пяти частных библиотеках XVIII в. абсолютно надежно регистрируются три выполненных Виниусом перевода: “Зрелище жития человеческого” (рукописное и печатное), “Описание артиллерии” Бринка (печатное) и “Книги ордера” Вильгельма Оранского (печатное). Раздел, составленный Виниусом, мог содержаться и в рукописном географическом справочнике “Поверстная книга”. “Описание артиллерии” имелось в четырех из пяти

просмотренных библиотеках, причем в двух из них – в нескольких экземплярах. Похоже, это была наиболее востребованная работа Виниуса. Данный вывод подтверждают наблюдения С.П. Луппова, упомянувшего “Описание” в числе “весьма распространенных в петровское время книг по артиллерии и фортификации” [Луппов 1979, с. 411].

13.3. Библиотека Виниуса

В гуманитарном наследии А.А. Виниуса его библиотека – одно из ценнейших и едва ли не самое известное звено. Это обусловлено и тем, что большая часть ее физически сохранилась (находится сейчас в собрании БАН), и составом собрания. Она неоднократно являлась предметом изучения (П.П. Пекарский, С.П. Луппов, Е.А. Савельева и др.).

Сегодня благодаря многолетним усилиям исследователей, феномен частной библиотеки XVII в., тем более петровского времени, уже не является белым пятном на карте культурной истории России. Старым библиотекам относительно повезло: физическое исчезновение не всегда означает полного уничтожения их как факта культуры: книги отчасти заменяют библиотечные описания (каталоги и описи), в немалом числе сохранившиеся в архивах и музеях. И в отличие от многих других артефактов, печатная книга, появляющаяся на свет во множестве экземпляров, нередко может быть идентифицирована по описанию и аналогам вполне однозначно. Большинство ранних библиотек известны именно по описаниям, подчас несовершенным, но все же сообщаящим современному читателю немало ценной информации. И прежде всего тот факт, что книга не являлась редкостью в культурном бытии горожанина этого времени.

Вопрос о включенности книги в культуру того или иного времени, в частности о степени ее востребованности и распространении в разных социально-культурных группах населения, постоянно привлекает внимание исследователей, ему посвящена большая литература, к которой и отсылаем читателей. Приведем ниже данные всего из одного документа, показавшиеся нам весьма выразительными. Речь идет о недатированном (вероятно, первой половины 1720-х годов) перечне длительное время хранившихся в Тайной канцелярии “описных пожитков”, принадлежавших лицам, “винным... по ревельскому и по тайным делам”. Эти пожитки были отданы из канцелярии для реализации целовальнику Антипу Назарову и его товарищу Андрею Жукову, но на момент описания пребывали “не в продаже”. Хотя среди перечисленного встречались предметы, представлявшие известный материаль-

ный интерес (например, три “камышка яхонта” и “изумрудец”), в целом это был хлам, оставшийся после реализации относительно ценных вещей. Остатки одного из “винных” даже поленились перечислять, записали скопом: “мешек с рухлядью некорысною”. И не случайно все пожитки, внесенные в перечень, оценили всего в 10 рублей 5 алтын 4 деньги.

Самое любопытное в этом списке – большое количество книг. Из десяти поименованных в документе лиц они упомянуты в имуществе пятерых, плюс еще у одного отмечена “нотная тетрадка”. В совокупную цену “рухляди” были включены цены (цитируем без кавычек с орфографией источника) за книгу Шестоднев, Минею общую, книгу учительную цыфири в [че]тверть листа, за летописец, за Чесослов, за Канонник (ветхие), за Псалтырь со воследованием в четверть листа, за книги геометрические [и] учение письменное, за молитвенник ветхой киевской печати [2, л. 491 об. – 493].

Несмотря на небольшой объем реестра, его анализ позволяет сделать некоторые выводы. Книги в своем имуществе имел каждый второй из включенных в список. В перечне доминирует литература религиозного содержания (6 позиций), но рядом с нею заметное место занимают книги светские: прежде всего учебные (3), а также исторической тематики (1). Книги предназначались для реализации, судя по совокупной оценке имущества, по очень низкой цене. Последнее имеет прямое отношение к вопросу о доступности книги и возможности комплектования библиотек представителями разных слоев населения.

Культурные люди этой эпохи, встретив хорошую библиотеку, подобно их потомкам, не могли пройти мимо нее – останавливались, восхищались. Известно о посещении Е.И. Украинцевым в Константинополе библиотеки патриарха Досифея (оба были “завзятыми книжниками”)¹¹.

В России Петровской эпохи существовали весьма ценные библиотеки (их обзор в работе [Луппов 1973]). Особо выделим библиотеку наместника патриаршего престола Стефана Яворского (609 номеров), основу которой составлял купленный в 1702 г. и вывезенный из Рима комплекс книг объемом приблизительно 500 единиц. Более 70% этой библиотеки составляли издания на латыни [Звездина, с. 11].

Книга занимала важное место в культурном быте Виниуса на протяжении всей его жизни.

Книги он собирал, читал (сам, его приятели и знакомые), дарил и принимал в дар, продавал. Книги служили ему, расширяя

¹¹ Е.И. Украинцев, между прочим, “отметился” и в качестве переводчика научной литературы – он перевел хронику М. Стрыйковского [Лаврентьев, с. 167].

кругозор и обогащая познания. Благодарно и преданно служил книгам и он – как библиофил, как писатель и переводчик.

Книга для него – нечто большее, чем книга. Несомненно, символический оттенок имеет дарение ее Виниусом Никите Демидову – человеку разнообразно талантливому, но неграмотному. Даритель сопровождает свой дар сочиненными к случаю стихами, что исключает случайный характер подарка.

Книги дарят и Виниусу. В 1708 г. некий митрополит присылает в подарок Виниусу сразу две: “Жития святых” Димитрия Ростовского и книгу “Утешение в печали сущему” [Козловский I, с. 289].

Книга стоит у истока переписки Виниуса и Петра Великого. Самое раннее из включенных в “Письма и бумаги” посланий Виниуса царю касается просьбы последнего выяснить размеры частей судов разных типов. Виниус писал об этом в Амстердам Витсену. В письме Петру он сообщает, что получил из-за моря ответ, в котором авторитетный специалист, автор книги о судах и судовождении, объясняет, почему “не описал” в ней “меру о караблях и о яхтах” [ПиБ I, с. 500].

По словам самого Виниуса из его письма царю от 17 января 1709 г., книги он “50 лет збирал” [ПиБ IX-2, с. 546]. Можно утверждать, что, помимо собственной библиотеки, он внес некоторый вклад в комплектование по меньшей мере еще одной – библиотеки Аптекарского приказа. В 1678 г. лекарю Витешу Горстеку, командированному в немецкие города для приглашения медиков и приобретения аптекарских товаров, было поручено в Вильно и Гданьске купить две или три книги “лутчих творцов, которые писали о лекарском на польском языке” [Новосельский, с. 212]. Учетом также, что в 1706 г. его библиотека была передана в Аптекарский приказ, и имеются основания предполагать (о них ниже), что частична там и осталась.

Представить в динамике формирование личного собрания Виниуса сейчас едва ли возможно, но основные источники и процессы, определявшие движение книг, устанавливаются со всей определенностью.

Не исключено, что библиотека А.А. Виниуса выросла из зародыша – книг, оставшихся ему в наследство от отца. Такое предположение уже высказывалось. Е.А. Савельева делает соответствующее заключение на основании наличия на сохранившихся книгах библиотеки трех почерков, из которых один уверенно связывает с А.А. Виниусом, а два других, предположительно, с А.Д. и М.А. Виниусами. Ее вывод – собрание книг, именовавшееся библиотекой А.А. Виниуса, на самом деле является результатом собирательской деятельности трех поколений рода [Савель-

ева 1998, с. 66; Савельева 2000, с. 116]. Не оспаривая заключения по сути, мы все же будем пользоваться привычным названием, тем более что его свободно использует и цитированный исследователь. И это вполне резонно: основной корпус собрания был сформирован, несомненно, А.А. Виниусом и именно его личность оно отражает.

Своеобразие культурного феномена Виниуса состоит в том, что он возник на стыке двух культур – русской и западноевропейской. Это качество отчетливо демонстрирует его библиотека, которая пополнялась за счет поступления в нее книг из России и из-за рубежа. Основной приходной статьёй являлась их покупка, некоторую, по-видимому, довольно скромную роль играли подарки.

Русские книги могли покупаться в лавке Московского печатного двора на Никольской улице. Этот источник поступления на первый взгляд кажется маловероятным. Действительно, в сохранившейся описи библиотеки Виниуса книги, содержащие кириллический текст, составляют редчайшее исключение (и то, это двух- и трехязычные издания). На Никольской же продавалась русская православная книга. Но учтем, что собрание, известное сегодня под названием библиотеки Виниуса, не исчерпывает первоначальной книжной коллекции и, возможно, несколько искаженно отражает его состав и структуру. Виниусы в 50-х годах принимают православие – появление с этого времени в их книжных шкафах соответствующих их новому конфессиональному состоянию книг более чем естественно¹².

Книги европейской печати могли поступать к Виниусу несколькими путями.

Он сохранял связи с европейской диаспорой в Москве, как постоянной, так и временной. При всей неоднородности культурного уровня находившихся в России иностранцев из стран Западной Ев-

¹² И.П. Козловский рассказывает запутанную историю о книге из имущества митрополита Игнатия, якобы попавшей с другим его имуществом в Сибирский приказ, но в составленной там описи пропущенной. Утверждению Игнатия, что такая книга у него была, – размышляет историк, – “как показанию душевнобольного, можно было и не дать значения, если кому-либо, как, например, любителю книг Винусу, захотелось бы, при составлении описи, заменить одну книгу другою. По-видимому, так и случилось” [Козловский I, с. 211]. С таким заключением трудно согласиться. Конечно, размышления на тему “кому это выгодно” подчас подсказывают имя злоумышленника. Но не счесть детективных сюжетов, описывающих ситуации, когда преступление выгодно многим. Неужели из тех, кто соприкасался с митрополичьим имуществом, книга могла заинтересовать одного Виниуса? Дьяки, они что? – по определению, книг не читали? Да, кстати, и факт преступления (исчезновение книги) не доказан – показания душевнобольного судом не рассматриваются вполне обоснованно.

ропы среди них были весьма образованные люди с большими культурными запросами. К их числу относился, в частности, хорошо знакомый Виниусу П. Гордон (начало переписки не позднее 1684 г. [*Козловский I*, с. 195]), в круг чтения которого входили Священное Писание, Тит Ливий, Овидий, Вальтер Шатильонский, Фома Кемпийский, Лудовико Ариосто, Цезарь Бароний, Мигель де Сервантес, Кристофер Марло, Уильям Кемден, вероятно, Сигизмунд Герберштейн [*Федосов*, с. 234]. Среди товаров, ввозившихся западноевропейскими купцами в Россию, упоминаются книги и “чертежи земляные” – они присутствуют, например, в перечне товаров, проданных ими в Архангельске в 1710 г. [*Захаров*, с. 326]. Несомненно, продавались они и в Москве. В 1708 г. Виниус лично привез “96 листов фряжских новой Библии”, которые в декабре 1708 г. передал Ивану Агапитову для продажи [*Козловский I*, с. 292]. Можно привести и значительно более ранние данные об участии западноевропейских купцов в торговле книгами. Укажем только на один случай, выделяющийся тем, что в нем действует Юлиус Вилленкен, один из компаньонов отца Виниуса по фирме, основавшей Тульские железные заводы. Последний, похоже, торговал, помимо прочего, еще и книгами. Во всяком случае, в составленном в 1635 г. счетном письме, которое купец Д.Н. Руц дал упомянутому Вилликену (фигурирующему в документе под русифицированным именем Елисей Вилкенсен) на принадлежащие последнему товары, значатся “10 псалтырных книг“, проданных Руцем по цене 4 гривны экземпляр [*31*, л. 28].

Виниус мог заказывать конкретные издания, которые приобретали и с оказией доставляли ему купцы или почта¹³. В других случаях он опирался на вкусы и рекомендации авторитетных для него европейских знакомых. В уже цитированном письме к царю 1709 г., говоря о своей библиотеке, он упомянул, что многие ее книги ему “господин Витцен присылал”. Что-то Виниус, несомненно, вывез в Россию сам, возвращаясь из своих зарубежных поездок 1672–1673 и 1706–1708 гг. Так, скорее всего за рубежом была приобретена большая часть гравюр, включенных позднее в “Книгу Виниуса”. Наконец, не исключена покупка книг (отдельных и комплектов) у владевших библиотеками иностранцев, живущих в Москве.

¹³ Трудно представить, чтобы почтмейстер Виниус не пользовался возможностью получать книги по почте. (Если пользовался, то это, быть может, один из самых ранних примеров действия в России системы “книга – почтой”). Но не исключено, что этот канал активно им не использовался. Деньги за пересылку по почте брали с веса и не исключено, что доставлять книги по морю с купеческим товаром было дешевле.

Еще один источник пополнения библиотеки – дарения. Книга могла быть предметом достаточно недешевым, чтобы выступать в качестве подарка, но вместе с тем, к счастью, не настолько дорогим и легко конвертируемым, чтобы ее использовали как взятку. Книгу – предмет, ценность которого принадлежала духовной сфере, – дарили от души и адресовали душе. Дарение книг – довольно верный указатель дружеского расположения дарителя к одариваемому, подчас свидетельство их духовной близости. Получал их и Виниус – книги, присланные ему неким митрополитом, мы уже упоминали. Еще раз укажем на факты получения книг от Витсена. Сам Виниус в письме Петру от 7 февраля 1709 г. упоминает “книжку о вейверков, яже, мню, в прошлых годех с некоторыми устроенными вейверками от г. Витцена прислана, с обнадеживанием его, что она из лучших авторов и сведомаго искусства учинена”. Упоминается и о наличии книги, полученной от Витсена, в сохранившейся части библиотеки Виниуса [Луннов 1973, с. 238].

Наряду с приходом имел место и расход: какие-то книги библиотеку Виниуса покидали – он их дарил (как, например, Н. Демидову), а также продавал. В Книге домашних записок отмечен факт продажи двух дорогих изданий: Библии в лицах и Евангелия в лицах. Книги отдавались на реализацию – непосредственным продавцом выступал упоминавшийся И. Агапитов [Козловский I, с. 290]. Обращает на себя внимание, что продажа имела место в декабре 1703 г., что можно связать с “отлучением” Виниуса от царя, отставками и прочими невзгодами, повлекшими за собой неподъемные для него экстраординарные расходы. Виниус мобилизует материальные средства – продает лишнее, в список которого попадают и книги.

Книжное собрание складывалось на протяжении фактически всей жизни Виниуса, хотя наиболее интенсивно – до его отставок 1703 г., после которых он, как мы видели, частично распродал свои книги. Финальное их количество фиксируют описи Преображенского приказа 1717 г., согласно которым в некой “палатке” на московском дворе Виниуса по меньшей мере еще 11 месяцев после смерти библиофила хранились 662, а по другой, повторной описи – 663 “немецких” книги (речь идет, разумеется, об экземплярах) [147, л. 8 об., 15 об.]. Последнее число указано в недатированных “описных книгах”, составленных для этой библиотеки по распоряжению Преображенского приказа иноземцем Августином ван ден Брехтом [7, л. 321–356]. По косвенным признакам их допустимо отнести к 1717 г.

Допускаем, что первоначальная численность книг могла быть и большей. Фискал Петербургской губернии Иван Тарбеев,

у которого с Винусом было спорное дело по поводу якобы держания последним беглых его крестьян, уже через неделю после смерти думного дьяка бил челом об опечатывании имущества, ссылаясь на то, что наследники “всякия ево, Винусова пожитки из дому ево розвезли, а иные розвозят неведомо куда, и меж собою делят, и продают” [147, л. 6]. Если это утверждение соответствует действительности (а зная обстановку вокруг наследства и взаимоотношения наследников, оно представляется вполне правдоподобным), то нельзя исключить, что в число наскоро растащенного и проданного попали и какие-то книги. В отличие от другого имущества, расхищение книг представляется не слишком вероятным – “книжных” людей в кругу наследников мы не знаем, имущества, более для них привлекательного, было пока предостаточно. Но в принципе, повторяем, исключить “утечки” в первую неделю части книг нельзя.

Кроме того, не исключено, что не все книги хранились в доме на Сретенке. У Винуса в конце его жизни было еще два двора: загородный за Мясницкими воротами на Ольховце и двор в подмосковном селе Степанкове. Книги, во всяком случае в небольшом числе, вполне могли быть и там. Когда в 1706 г. отписывали на государя имущество Винуса, то вскрыв чулан в Степанкове, обнаружили в нем, помимо прочего, “две книшки, в том числе, одна печати латынской, другая печати русские: Тестамент, сиречь Завет” [141, л. 714]¹⁴. Как видим, Священное Писание Винус держал, как минимум, еще в одном принадлежавшем ему доме. Свою подмосковную Винус, правда, в конце концов, продал, но произошло это буквально за несколько дней до его смерти. Стороны не полностью закончили финансовые расчеты и не оформили в инстанциях факт заключения сделки. Весьма вероятно, что имущество, находившееся в сельской усадьбе Винуса (в том числе, возможно, и книги), частично или полностью оставалось в это время на прежнем месте.

Указанные выше результаты самых первых (1717 г.) подсчетов числа книг в библиотеке Винуса расходятся с данными, относящимися ко времени ее пребывания в составе Библиотеки Академии наук (БАН). По данным П.П. Пекарского, который ссылается на сведения “современного каталога” (какому времени современному?) в библиотеке было 363 книги [*Пекарский 1*, с. 208]. С.П. Луппов, опираясь на находящуюся в фондах СПбОА РАН опись книг Винуса, переданных в БАН, указывает то же число названий и добавляет общее число книг – 375 [*Луппов 1973*, с. 237].

¹⁴ И это притом, что прочего имущества сравнительно немного – в доме, похоже, длительно давно не жили.

Предположение о том, что не все книги библиотеки Виниуса попали в БАН, высказал С.П. Луппов, обративший внимание на то, что добываясь в 1708 г. возвращения книг, конфискованных по приказу Петра I, Виниус утверждал, что его библиотека “состояла более, чем из 400 книг”, что больше числа его книг, находящихся в БАН. На основании этого, полагал исследователь, можно предполагать, что не все книги были ему возвращены – часть из них осталась в Аптекарском приказе [Луппов 1973, с. 237]. Не станем спорить с этим предположением, хотя тот факт, что не все книги возвратили на 17 января 1709 г. (а не 1708-го, как у Луппова), еще не значит, что они не были возвращены ему вообще. Но невозврат части книг исключить, конечно, нельзя.

Обратимся, однако, непосредственно к тексту письма от 17 января. Виниус пишет о некоей книге и ее переводе, которые “у себя сыскать не мог, мню, – продолжает он, – ея быти между моими 400 и болши, в аптеку взятыми, книгами, которых... до сих числ... господин комисар Веселовской удерживает” [ПуБ IX-2, с. 545].

Из этого фрагмента следует, во-первых, что “400 и больше” – цифра, отражающая число книг, взятых в Аптеку, а общая численность его собрания могла быть больше, и, во-вторых, что это именно так и было, поскольку какие-то книги у Виниуса на момент писания имелись – иначе не понятно, где он пытался “у себя сыскать” книгу, о которой писал Петру. Итак, численность книг библиотеки Виниуса превышала и, может быть, *значительно*, число “400 и болше”.

Этот вывод, который следует исключительно из анализа хорошо известного текста, полностью подтверждают и приведенные выше данные о численности собрания в 1717 г. Те 375 книг, которые в конечном счете оказались в БАН¹⁵, от 663-х, учтенных в московской усадьбе Виниуса после смерти владельца, составляют всего 56,6% – немногим более половины.

Итак, описи хранящейся в БАН части библиотеки Виниуса не отражают реальной картины, сложившейся к моменту, когда комплектование собрания остановилось. Библиотека Виниуса сохранилась далеко не полностью. О судьбе книг, отделившихся от существующего собрания, остается только гадать. Часть из них, несомненно, по разным причинам погибла. Но немалое их число могло осесть в других библиотеках. Вероятность этого подтверждается наличием 13 книг, имеющих знаки принадлежности Виниусу, в библиотеке Петра I [Библиотека, с. 13].

¹⁵ Е.А. Савельева, не сообщая источник сведений, пишет, что взятое в 1718 г. в казну и переданное в “публичную библиотеку его царского величества” собрание Виниуса, состояло “из более 500 томов” [Савельева 1998, с. 67].

Перейдем к общей характеристике библиотеки Виниуса, учитывая не только книги, сохранившиеся в составе БАН, но также и издания, известные по упомянутой ранней описи.

По определению П.П. Пекарского, в библиотеке Виниуса присутствуют книги на языках голландском (они доминируют), немецком, латинском, французском, польском и эстонском [Пекарский 1, с. 208]. С.П. Луппов дает тот же перечень, за исключением эстонского [Луппов 1973, с. 237]. Опись 1717 г. прибавляет еще два языка: английский (4 названия, учебник английского языка, четырехязычный, включая английский язык, лексикон – всего 6 изданий) и греческий (2 названия плюс одно двухязычное издание – всего 3). Независимые данные позволяют утверждать, что голландский, немецкий и, по меньшей мере, отчасти латынь Виниус знал. Судя по составу библиотеки, не исключено, что Виниус читал также по-французски и по-польски.

Заметим здесь, что в русской истории время жизни Виниуса – самый ранний период, для характеристики своеобразия которого историки указывают на начавшееся распространение в культурном обиходе иностранных языков. Одним из источников этого являлось польское влияние, принесшее в Россию не только польский, но и латынь. Б.И. Куракин, характеризуя 7-летнее правление царевны Софьи Алексеевны, отмечает, что тогда “науки почали быть восставлять латинского и греческого языку” [Куракин, с. 63].

По данным таблицы 13 в монографии С.П. Луппова, собрание Виниуса на 100% состоит из иностранных книг [Луппов 1973, с. 270]. Русские книги отсутствуют не только в сохранившейся части собрания – в библиотечной описи, составленной в Преображенском приказе, их считанные единицы. Почти полное отсутствие в библиотеке Виниуса книг кириллической печати вызывает удивление¹⁶. На наш взгляд это следствие неполноты фиксации собрания уже на этапе составления его описи в Преображенском приказе. Хотя про хранившиеся в первый год после смерти Виниуса на его дворе книги отмечено, что они – “на немецких разных языках” [147, л. 8 об.], эти свидетельства не следует понимать буквально. В другой описи имущества того же 1717 г. сказано иначе – “на разных языках” [147, л. 15 об.], что может подразумевать несколько иной смысл. Книги на кириллице в библиотеке несомненно были. Один такой факт – наличие у Виниуса некоего хронографа – регистрируется абсолютно надежно [Козловский 1,

¹⁶ В литературе отмечается наличие в библиотеке Виниуса амстердамских изданий на европейских языках, включая русский [Савельева 1998, с. 66]. В описи 1717 г. присутствует одно издание на русском и голландском языке, а также “букварь на три языка: славено-латынской-голанской” [7, л. 346, 350]. Выходные данные в обоих случаях не указаны.

с. 245]. Очень вероятно наличие у него изданий собственных переводов (в частности, “Описания артиллерии”). И неужели он не имел ни одного списка оставшихся ненапечатанными ранних своих сочинений, в которых выступал то составителем, то автором, то переводчиком? Можно предположить, что абсолютное доминирование книг на западноевропейских языках при их пересчете в 1717 г. и отсутствие задачи как-либо их охарактеризовать повлекли неточность в регистрирующей результат подсчета записи: книги преимущественно немецкие (т.е. в основном западноевропейские), но также и кириллические, были названы *немецкими* просто. Не исключено также, что славянские и западноевропейские разделы книжного собрания хранились у Виниуса отдельно. Не исключено, что русские книги для Академии не отбирались (именно так в 1737–1740 гг. делилась библиотека, конфискованная у князя Д.М. Голицына, – часть Академии, преимущественно иноязычная, остальное – Синоду [121, л. 784–843 об.]). И наконец, если какие-то книги действительно были разобраны русскими родственниками в первые дни после смерти Виниуса, то это были книги на русском и церковнославянском языках – других эти читатели просто не знали.

Общая характеристика библиотеки Виниуса с большей или меньшей степенью подробности давалась уже не раз (см. работы П.П. Пекарского, И.П. Козловского, С.П. Луппова, Е.А. Савельевой и др.). Остановимся здесь на характеристике некоторых примечательных книг этого собрания.

Довольно значительное место в нем занимают словари, что все исследователи неизменно связывают с характером профессиональной деятельности Виниуса – с занятиями переводами [Луппов 1973, с. 237; Савельева 1998, с. 66].

Среди них выделим заключительную часть популярного в эту эпоху польско-латинского словаря Григория Кнапского (1564–1639). Виниус обладал третьим томом “Кнапиуша” (как назван он в одной из маргиналий) – *Adagiorum polonicorum*. Том 3. *Scasoviae* 1632, представлявшим собой собрание польских пословиц [Николаев, с. 158].

Наличие словаря Кнапского в библиотеке Виниуса достаточно ожидаемо: по наблюдениям С.И. Николаева, в редкой библиотеке русских гуманитариев второй половины XVII – первой четверти XVIII в. не было томов словаря польского лексикографа. Особое место занимает третий том, менее распространенный в России, чем собственно словарные тома. Тем не менее высказывалось мнение о его влиянии на становление отечественной паремиографии – он назывался в качестве возможного образца для первого известного нам русского сочинения в этом ряду –

анонимного сборника 1690-х годов. “Повести или пословицы все народнейшыя по алфавиту” [Николаев, с. 157, 167–168].

Само по себе наличие сборника пословиц в библиотеке деятеля Петровской эпохи не является неожиданностью. От этого времени сохранилось несколько рукописных сборников, содержащих русские пословицы, – некоторые из этих собраний, в том числе принадлежавшие И.В. Паусу, В.Н. Татищеву, А.И. Богданову и самому Петру, опубликованы [МСДР, с. 403–430, 454]. Присутствие в библиотеке Виниуса соответствующего тома “Кнапиуша” вполне отчетливо фиксирует факт интереса читателей к подобным сочинениям. Не исключено, что знакомство с ним отразилось на его литературных трудах.

Научные сочинения в библиотеке Виниуса – это труды по математике, географии, анатомии, правоведению, военным наукам. Особое место среди них занимает монументальный географический труд “Северная и Восточная Тартария” – помимо прочего, отражение многолетних связей Виниуса и Витсена. Еще одно сочинение географической тематики – упоминаемый в Книге домашних записок “Атлас водный с чертежами”, отданный И. Агапитову, по-видимому, для реализации в декабре 1703 г. [Козловский I, с. 290]. Не эта ли «книга, именуемая “Водный Мир”», которая была им использована при подготовке “Описания расстоянию столиц”?

Художественная литература представлена сочинениями от классической древности (нюрнбергское 1689 г. издание “Метаморфоз” Овидия на немецком и французском языках) до произведений современных Виниусу писателей. Особо упомянем о принадлежавших Виниусу книгах голландца Й. ван ден Вондела. Он владел первым томом 2-томного собрания его трагедий: Vondels J.V. [Vondel, Joost Van de(n)], Treuerspeelen. Begreepen in Twee Deelen. Amsterdam, Kornelis de Bruyn [то же: Bruin], 1662 [1661–1665] [*Левитт*, с. 53]). Кроме того, указывается на наличие в его библиотеке первого собрания сочинений Вондела, опубликованного во Франкерке [Савельева 1998, с. 66]. Еще раз напомним, что книги этого автора достойны особого внимания еще и в связи с существованием посвященного им А.Д. Виниусу стихотворения и высокой вероятностью личного, в крайнем случае, заочного их знакомства.

Нам не известны драматические опыты А.А. Виниуса. Сочинения Вондела служили ему лишь чтением. Но принадлежавшая ему книга, возможно, все же оказалась причастна к развитию русской драматургии. Известно, что А.П. Сумароков брал некогда принадлежавший Виниусу том Фонделя (т.е. Вондела) из библиотеки Петербургской академии наук в 1746–1748 гг. – в период, когда он выступил перед публикой в качестве автора первых двух трагедий на русском языке (“Хорев”, СПб., 1747 и “Гамлет”, СПб., 1748)

и “Двух эпитол” (СПб., 1748), претендовавших на роль “свода законов” русского классицизма. Сведений о владении Сумароковым голландским языком нет, в связи с чем исследователи о возможности его знакомства с Вонделом в оригинале отзываются скептически [Левитт, с. 47, 53]. Но факт остается фактом: в период работы над первыми драматическими опытами и эпитаграммами том с 12 оригинальными трагедиями Вондела Сумароков под рукою имел.

В библиотеке коллекционера произведений западноевропейской графики (об этом ниже) просто не могло не быть альбомов гравюр библейской тематики, печатавшихся в типографиях Западной Европы. Виниус обладал Библией Пискатора – по числу сохранившихся экземпляров самым популярным в России изданием этого типа (42 экземпляра из приблизительно 80 сохранившихся) [Гамлицкий]. Одно время в его руках находилось несколько подобных изданий. Виниус упоминает о них в Книге домашних записок, сообщая, что в декабре 1703 г. вместе с атласом отдал И. Агапиту книгу: “Библиа большая в лицах – 12 р.; Библиа ж в лицах, что у него купил, продал – 12 р.; Евангелие в лицах, что у него взято, продал – 15 р.” [Козловский I, с. 290]. Перед нами, кажется, самое раннее для своего времени упоминание о наличии в одних руках одновременно *трех разных* западноевропейских сборников гравюр. К сожалению, данные, позволяющие идентифицировать издания, в записи отсутствуют. Из “Евангелий в лицах” в настоящее время в России известно только Евангелие Наталиса (4 экз. 1593, 1595, 1607 гг., Антверпен) [Гамлицкий], но, если это оно, несколько смущает намерение Виниуса продать столь старое издание. В другой, уже цитированной записи декабря 1708 г. Виниус сообщает о передаче тому же Агапиту привезенных им из-за границы, откуда он незадолго до того возвратился, “96 листов фряжских новой Библии, что с собою привез” [Козловский I, с. 292]. Цены, по каким Агапитов выставлял виниусовские увражи на продажу – от 12 до 15 руб., – вполне соответствуют ценам, установившимся в России на такие издания. Библия в лицах (неизвестного типографа), украденная в 1687 г., была оценена в 10 руб. с полтиною, другая (Библия Вайгеля) была куплена в 1726 г. за 15 руб. [Гамлицкий]. Неудивительно, что в памятной книге Виниуса при двух изданиях из трех стоят пометы “продал”¹⁷.

¹⁷ Удивляет низкая цена, по которой в 1708 г. Виниус намеревался продавать фряжские листы – по 3 деньги. За 95 листов он должен был выручить около полутора рублей – стоило ли ради мизерной этой суммы везти из Амстердама через Архангельск стопу тяжелой бумаги? Мы склонны подозревать здесь какую-то опisku или другую ошибку. К сожалению, при подготовке этой работы нам не удалось получить для сверки подлинный экземпляр Книги домашних записок.

Главным читателем библиотеки Виниуса являлся, разумеется, ее хозяин. Кроме удовлетворения познавательного интереса, он использовал ее и в практических целях, особенно в последние годы, когда занимался переводами. Необходимым инструментом при этом служили словари, отсутствие которых серьезно осложняло его труд в период временного “пленения” библиотеки.

Козловский выражает вполне правдоподобное предположение, что “образованные люди того времени... не упускали случая попользоваться библиотекой Виниуса”, и в качестве примера обращения к ней ссылается на переписку С. Медведева и С. Полоцкого [Козловский I, с. 245]. К этому, относящемуся к 1673 г. факту присовокупим свидетельство середины 80-х годов. Оно касается П. Гордона, оставившего 8 января 1685 г. в своем дневнике запись о посылке им Виниусу письма, в котором он, помимо прочего, просил прислать ему книгу *Theatrum Scotiae* [Козловский I, с. 195]. В письме, написанном Виниусу 4 января 1709 г., найти голландскую книгу по пиротехнике и о фейерверках просил его Петр I [ПуБ IX-1, № 2960].

Нет сомнения, что читателей книг из этого ценного собрания было значительно больше: круг постоянного общения Виниуса (служащие Посольского и Аптекарского приказов, иноземцы разных профессий) включал немало деятелей, которым собранные им книги могли показаться интересными.

13.4. “Книги имеют свою судьбу...”

По прибытии в Россию в 1708 г. Виниус настойчиво добивается возвращения отнятого у него имущества. И едва ли не самым трудным оказывается решить этот вопрос в отношении библиотеки.

О возврате дома, имущества и книг Виниус просит в первом же письме (от 10 сентября 1708 г.), которое посылает Петру из Москвы с целью известить его о своем сюда приезде: “Помилуй убогаго старца, – просит он, – повели домик мой распечатать, взятые книги отдать” [ПуБ V, с. 724]. Печати с его дома были вскоре сняты; ему возвратили и большую часть деревень. С книгами произошла заминка. Первоначально Виниус, вероятно, предполагал, что вопрос решится очень скоро. Только так можно объяснить тот факт, что в письме от 27 декабря он ограничивается упоминанием трудностей, с которыми столкнулся, выполняя перевод специального текста без необходимых для такой работы лексиконов. Куда пропали его словари – не говорится. Но вскоре, 17 января 1709 г., появляется основательный повод напомнить о невозвращенной ему библиотеке. Виниус со-

общает, что нужный царю текст он переводил лет 12 назад, но сейчас, после получения царского письма, обнаружить его у себя не смог – “мню ея быти между моими 400 и болши, в аптеку взятыми, книгами, которых даже до сих числ чрез ваш государскоу указ и писмо светлейшаго его милости князя Александра Даниловича еще господин комисар Веселовскоу удерживает. В них же мне к сему делу зело надобные были лексиконы и начатая мною (аще и в суетах моих) книжица с фигурами о фундаментальном ведении и обучении артиллерийного дела и вейрверков, ею же был намерен был в ползу рускаго народа, в тиснение дав, вашему величеству покорственно поднести. Того ради без лексиконов в сих и сим подобных делех так чисто и явственно в преводах изъяснити мне не можно”. Виниус “цепляет” Петра невозможностью выполнять качественные переводы без лексиконов и (последняя капля) утратой учебной книги, которую он уже намерен был перевести “в пользу русского народа”. Но просьбы о возврате, которая и так вполне отчетливо читается между строк, Виниусу мало. Следует прямой текст: “Для того, аще ли не есть противно изволению величества вашего по твердому и высокому вашему милосердому ко мне, убогому вашему рабу, обету об отдаче тех книг (их же 50 лет збирал, и многие господин Витцен мне присылал) повелително молю свой, монаршеской, указ сотворить”. За что Виниус обещает отблагодарить честным трудом: “Воистинну, государь, свидетельствуюсь моею совестью, что веселюсь зело в трудех, ими же точию мог вам милостивейшему моему великому государю, угодная сотворить” [ПиБ IX-2, с. 546].

В следующем письме от 2 февраля 1709 г. Виниус возвращается к теме, не без иронии сообщая, что “из своих, в аптеке опочивающих книг”, взял те, что о фейрверках и артиллерии, “а остальные господин комисар Веселовский до указу удержал. А писмо величества вашего ему показывал и список дал” (Помета на полях: “О том еще покорно молю”). Далее Виниус бьет челом “за милостивое изволение” – не вполне понятно чего: то ли разрешение взять две книги, то ли начать работу над их переводом [ПиБ IX-2, с. 629].

В письме от 7 февраля, сообщив положение дел с производимыми переводами, продолжает: “Точию к тем совершенствам различныа мои книги потребны, о них же всех паки, к ногам вашим, государским, припадая, покорно молю”. Подозревая, что задержка в возвращении книг не случайна, Виниус готов ограничить свое право собственника распоряжаться библиотекой: “А те (книги. – И.Ю.) всегда в хранении у меня на услугу величества вашего пребудут” [ПиБ IX-2, с. 630].

Настойчивые усилия Виниуса увенчались успехом. В письме от 9 марта читаем: “Мои книжки, по вашему, государскому, милосердому повелению ныне недавно приях, за что низжайшим и глубоким к ногам вашим, монаршеским, поклонении благодарственно челом бью и теми готов есмь... служить” [ПиБ IX-2, с. 631].

Со смертью Виниуса между его потенциальными наследниками разгорелась острая борьба за имущество покойного. Помимо прочего, оно включало и книги. Но интересно: никто из родственников не возбудил ходатайства о передаче им этих книг. Это ли не свидетельство трагизма той ситуации, в которой очутился Виниус “у гробового входа”? Вокруг него не было никого, кто готов был подхватить от него культурную эстафету, сохранить и умножить созданное, завершить неоконченное. Никто не думал о сохранении его архива, в котором было немало ценного. Характерно, что письма Витсена, обнаруженные наследниками, были восприняты ими как *щотныя* [147, л. 7] – ничего, кроме свидетельства деловых (в смысле – коммерческих) отношений корреспондентов, наследники в них не заметили. Не заметили, потому что и не хотели замечать.

Высокомерно проигнорированным наследниками книгам повезло: руку на них наложило государство, что спасло большую их часть.

О судьбе библиотеки Виниуса первым, кажется, сказал несколько слов П.П. Пекарский. По его сведениям, после смерти Виниуса принадлежавшая ему библиотека по распоряжению Петра I в 1718 г. была передана “в заведенную тогда в Петербурге публичную библиотеку (ныне в Академии наук)” [Пекарский I, с. 208]. То же пишет и И.П. Козловский, который, говоря о библиотеке, основывался на сведениях Пекарского (что очевидно при сравнении текстов).

Кратко изложим сведения о библиотеке, присутствующие в “Деле о справке с тайным советником Макаровым об отписанном после смерти думного дьяка Виниуса движимом и недвижимом имении, следующем по наследству гоф-фурьеру Симонову, и о сделании справки о том имении по Преображенскому приказу” – архивном источнике, содержащем ценные выписки из нескольких дел, возможно, не сохранившихся.

Как уже говорилось, на момент смерти в собственности Виниуса оставались два двора: на Сретенке в Белом городе и загородный – за Мясницкими воротами на Ольховце [147, л. 6]. В описи имущества покойного, в присутствии дьяка Андрея Городецкого и Андрея Калитина осуществленной Преображенским приказом 17 марта 1717 г., помимо прочего были зафиксированы “на немецких разных языках шесть сот шездесят две

книги; и те книги не ценены” [147, л. 8 об.]. По выражению описи, они находились “на дворе его”, что подразумевает, полагаем, двор на Сретенке. Имущество, включая жемчужные и алмазные вещи, серебряную и из простых металлов посуду, платье, “всякую рухлядь и домовую завод”, а также лошадей, сбрую и экипажи было оценено в 648 руб. 11 с половиною коп. [147, л. 8–8 об.]¹⁸. Книги в эту сумму не вошли – о них ясно сказано: “не ценены”. И это понятно: едва ли в Преображенском приказе были специалисты, способные описать, тем более оценить, столь крупную библиотеку, почти полностью состоявшую из изданий на иностранных языках.

Судьба наследства оказалась различной. Деньги (включая те, которые удалось получить по долговым распискам) забрал Преображенский приказ и хранил у себя – в палате Потешного дворца в особом “нерповом” сундуке. В нем же хранились наиболее ценные пожитки: серебряная посуда, несколько предметов, украшенных жемчугом и алмазами¹⁹.

Менее ценные вещи на общую сумму 657 руб. 59 коп. были оставлены “на дворе его, Андрея Виниуса”. Опись, составленная лейб-гвардии майором А.И. Ушаковым, дьяками В. Нестеровым и Я. Былинским 5–8 октября 1717 г., упомянула и книги, которые, как видим, пока еще оставались на том месте, где покинул их бывший владелец: “Да на дворе ж ево, Вениусове, запечатано в полатке с теми ж вышеписанными животами на разных языках шесть сот шездесят три книги, неценено” [147, л. 15–15 об.].

Отметим, что в документах, характеризующих состав имущества покойного, нет упоминания о коллекциях. Разумеется, предметы, которые представляли коллекционный интерес для Виниуса, его наследниками могли в таком качестве и не восприниматься – для них это были обладавшие полезными свойствами вещи, и только. Но если бы у Виниуса имелся естественнонаучный кабинет, в нем оказалось бы немало предметов, бытового применения не имевших. Между тем ни один такой в сохранившихся описях (правда, неполных) не указан. Кроме того, если бы у Виниуса была коллекция, представлявшая научный интерес, ее бы скорее всего указано было реквизировать, что нашло бы отражение в делопроизводстве. Следов таких действий мы не обнаружили. Думаем – потому, что коллекций – не отдельных обладавших коллекционной ценностью вещей, а их

¹⁸ Обзору сведений о домашнем имуществе Виниуса, извлеченных из прижитенных и посмертных его описей, посвящена особая статья автора.

¹⁹ В том числе “перло жемчужное в пять ниток в нем пять запон алмазных” [147, л. 15] – не то ли, которое Виниус дарил своей невестке в 1710 г. [Козловский I, с. 290].

комплексов – у Виниуса помимо книжного собрания по состоянию на конец 1716 г. не было.

Единственным несомненным исключением являлось дошедшее до нас собрание произведений западноевропейской графики (гравюр и рисунков), объединенное в составе так называемой Книги Виниуса. Как артефакт истории русского художественного собирательства, оно привлекало к себе внимание неоднократно [Доброклонский; Левинсон; Гаврилова; Савельева 1999, 2000] и вполне заслуженно. Частные художественные коллекции того времени, содержавшие произведения западноевропейского изобразительного искусства, известны в основном по описаниям имущества владельцев; непосредственному изучению доступны только их остатки. Данная коллекция поражает не только тем, что она сохранилась – так же и величиной (более 300 листов), и качеством (включает, например, три десятка пейзажей Яна Ливенса, соученика Рембрандта). Наряду с работами голландских и фламандских мастеров XVI–XVII вв., в собрание входят рисунки, не всегда технически совершенные, но живые и непосредственные, содержание которых свидетельствует об их русском происхождении. Возможным их автором обоснованно называют самого А.А. Виниуса. Изображение темноволосого круглолицего мужчины в богатой русской одежде является, предположительно, его автопортретом [Гаврилова, с. 4, 7, рис. 2–4]. Его называют автором и других изображений – в их содержании его “почерк” чувствуется довольно отчетливо. Такие листы “Книги Виниуса”, как портреты патриарха и ханского посла, рисунок “зверя в Сибири мамонта”, русских судов-ботиков – готовые иллюстрации для книги, посвященной биографии Виниуса.

Наследством Виниуса государство (в лице его монарха) распорядилось весьма своеобразно. Исключая недвижимость, мелкую рухлядь и пожитки, оно поступило с ним, как с выморочным имуществом, – забрало в казну. В следующем, 1718 г. по именному указу деньги были отданы “взаимы” в Приказ Большой казны (“которых имянным же Его императорского величества указом возвращать ис того приказа не велено”), серебряная посуда отправлена в денежный передел, жемчуг и алмазные вещи посланы в Петербург А.В. Макарову [147, л. 8 об.]. Та же судьба была уготована разобранным и описанным книгам, во второй раз (первые в 1706 г.) передававшимся одной из госструктур. В декабре 1718 г. “вышеозначенные немецкия книги” были отправлены в Петербург в сопровождении прапорщика Семеновского полка Ивана Булатова “до его... императорского величества”. “А по какому указу, – добавляет используемый нами источник, – того во оном деле не имеется” [147, л. 10].

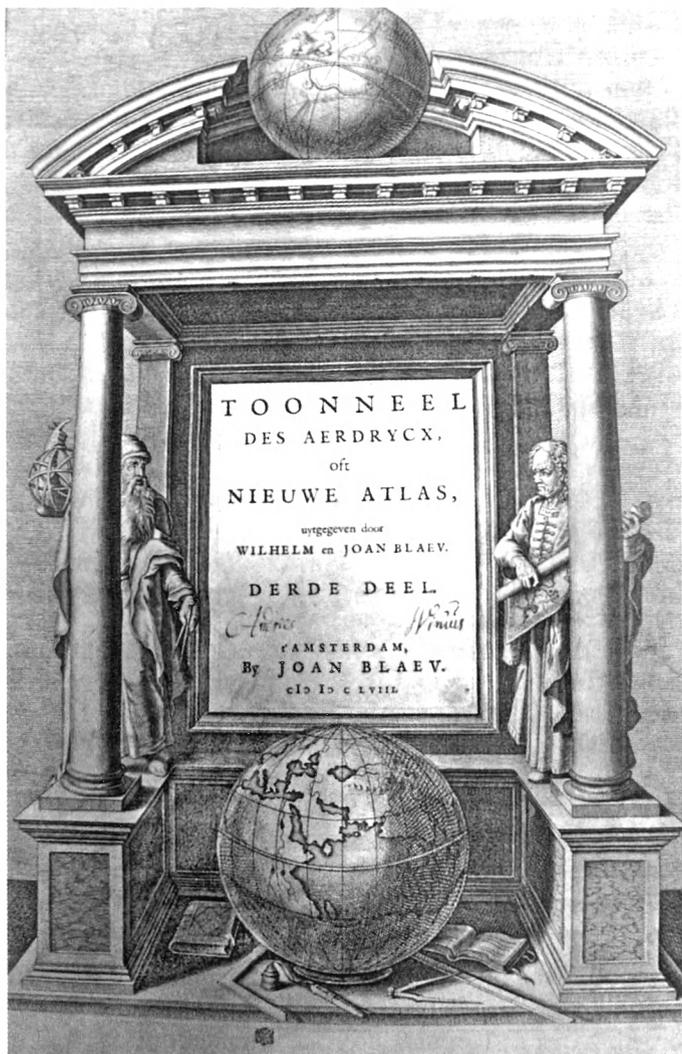

Рис. 39. Одна из сохранившихся книг собрания А.А. Виниуса: атлас картографической фирмы Блау (Амстердам) с автографом на титульном листе: *Andries Winius*. Возможно, именно к нему относится запись в описании его библиотеки: “Книга большая атлас на галанском языке в белом пергаменте на александрийской бумаге” (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 92. Л. 322). Атлас, действительно, в белом пергаменте, его карты – на листах александрийской бумаги. Хранится в Библиотеке РАН (г. Санкт-Петербург); фотография любезно предоставлена О.А. Красниковой

Оставляем без ответа возникающий вопрос о законности такого решения. Но, вне всякого сомнения, решение царя *спасло* детище Виниуса, которое в любом ином случае неизбежно перестало бы как целое существовать. Полагаем, с ним был бы согласен и сам Виниус, в письме от 7 февраля 1709 г. прося царя об ускорении возвращения книг, писавший ему, что эти книги “всегда в хранении у меня на службу величества вашего пребудут” [Либ IX-2, с. 630]. Не случайно и то, что в духовной [147, л. 7 об.–8] не указано лицо, которому завещатель намеревался отказать свою библиотеку. Подозреваем – потому, что вопрос о ее будущем был для него давно решен.

Приведенными выше сведениями информация о библиотеке в названном архивном деле исчерпывается. Добавим к ней только то, что книги библиотеки, в которую, прибыв в Петербург, поступило собрание Виниуса, хранились, по одним данным, во дворце в Летнем саду [Пекарский I, с. 46], по другим, – в Кикиных палатах [Савельева 1998, с. 67] (рис. 39).

Библиотека Виниуса – замечательный памятник культуры своей эпохи, одновременно – памятник человеку, который ее создавал.

Глава 14. Домостроитель и домохозяин

“Мудростью устрояется дом и разумом утверждается”

Притчи 24: 3

14.1. Чем это может быть интересно

“О недвижимом имуществе Виниуса у нас очень мало сведений”, – не без сожаления отмечал в посвященной “сотруднику Петра Великого” монографии И.П. Козловский [Козловский 1911б, с. 28]. Хотя в “Первых почтах” он несколько расширил совокупность касающихся их данных, они тем не менее продолжали сохранять отрывочный, случайный характер.

Но стоит ли по этому поводу сожалеть? Нужны ли подобные сведения о человеке, оставившем следы в истории на многих поприщах, но не в строительстве домашнего хозяйства?

Осознавая правомерность этого вопроса, укажем на причины, обусловившие наше к нему внимание. Их несколько – одни вполне очевидны, другие требуют разъяснения.

Во-первых, рассмотрение этой темы необходимо для реконструкции личности Виниуса, в которой отчетливо проступает начало строителя, организатора, хозяина-творца. Вся его творче-

ская деятельность – служба порядку и разуму, укрощение хаоса, борьба с энтропией. Вполне отчетливо мы видим это, обращаясь к сфере хозяйства домашнего, в устройении которого он был, конечно, связан экономическими ограничениями, но там, где они не мешали, творил свободно. С возрастом степень этой свободы увеличивалась – вместе с ней росло в душе творческое начало, обретая все более разнообразные внешние выражения¹. Решиться проигнорировать образ Виниуса – домохозяина – вырвать кусок из воссоздаваемого портрета.

Во-вторых. Самореализация в сфере домашнего хозяйства интересна не только как ракурс самораскрытия личности. Виниус-хозяин не менее любопытен и как образец хозяйствующего субъекта в составе своей сословной группы. Несмотря на все исследовательские усилия, на микроуровне (уровне хозяйств и хозяев) не так уж много известно о том, как накапливали собственность, в частности недвижимую, и как управляли ею представители разных групп общества на переходе России от Средневековья к раннему Новому времени. Личных архивов, необходимых в качестве источниковой базы, от XVII – начала XVIII в. сохранилось мало. Немного и исследований. Для допетровской эпохи есть документальные публикации и основанные на них аналитические штудии, посвященные деятелям разных слоев – от элиты (Б.И. Морозов) до купечества (И.Д. Панкратьев, С.И. Поганкин, Г.М. Фетиев). Очерк хозяйственной деятельности крупного военачальника Петровской эпохи Б.П. Шереметева (интересного для нас еще и тем, что он, подобно Виниусу, был *старшим* современником Петра) дал А.И. Заозерский. С.М. Троицкий, Н.И. Павленко, Т.А. Лаптева, М.В. Николаева изучали складывание хозяйства А.Д. Меншикова. Исследователи интересовались в указанном плане и другими историческими личностями того времени. Но деятелей, претерпевших сословные метаморфозы, подобные Виниусам, среди них, кажется, не оказалось. Тем более интересен А.А. Виниус, в своей хозяйственно-экономической деятельности (по своей природе приватной), выражавший взгляды, представления о ценностях, предпочтительных формах социальной реализации и другие элементы мировоззрения, более или менее характерные для тех сословных общностей, к которым он в разное время принадлежал.

Но историю индивидуального хозяйства не следует сводить к одной экономике и непосредственным от нее производным. Изучение хозяйственной деятельности не слишком крупного собст-

¹ Если, конечно, это наблюдение не вызвано aberrацией. Может быть, мы плохо знаем молодого Виниуса и его обстоятельства – не исключено, что его жизнь в те годы складывалась таким образом, что просто не позволяла этой черте в достаточной степени выявиться.

венника, каким был Виниус, интересно, в-третьих, также в плане истории повседневности своего времени. Последняя отражается в ней ярко и выпукло.

Обратим внимание, в-четвертых, и на прикладной аспект штудий в сфере истории хозяйства. Они, как правило, дают сведения о родственных связях собственника, в ценности которых для историко-биографического исследования убеждать не приходится. Они же, нередко, отражают важные для биографии события: состояние недвижимости чутко реагирует на успехи и неудачи в других сферах социального бытия личности.

14.2. Пожалования

Имущество, немалыми трудами и волей скопленное Виниусом, не выделялось в сравнении с собственностью, принадлежавшей другим лицам его уровня в чиновничьей иерархии. К тому же в несчастливые для него 1703–1708 гг. прежде скопленное заметно уменьшилось. Тем не менее оно оставалось довольно значительным.

Первоначальную основу экономического благосостояния А.А. Виниуса составила собственность, полученная им по наследству от отца. Можно перечислить несколько источников, из которых в дальнейшем формировалась приходная часть бюджета А.А. Виниуса:

- денежный оклад, положенный ему в качестве госслужащего;
- единовременные денежные награждения в том же качестве за отдельные отличия;

- торговые операции. С торговли Виниус начинал – напомним, что в Посольский приказ он пришел из гостиной сотни. Некоторые его торговые операции этого времени уже упоминались. Продолжались они, несмотря на переход на государственную службу, по-видимому, и в дальнейшем, причем в качестве контрагентов в них были вовлечены не только отечественные, но и иностранные коммерсанты. Племянница Виниуса иноземка Ненила, прочитавшая после смерти оставшиеся от дяди “немецкие” письма, “сказывала, что те писма на иноземцов в денгах, а иныя де писма из Галландии от Витцына *щотныя в торгах*” [147, л. 7];

- доходы от почты, являвшейся предприятием, основанным на смешанном (государственном и частном) капитале;

- кредитование частных лиц. В разные годы Виниус при необходимости занимал деньги и, можно предположить, одалживал их. Поскольку последнее производилось скорее всего на условиях известного процента, налицо одна из форм ориентированной на получение прибыли предпринимательской деятельности. В нашем распоряжении имеются сведения о долгах, которые после его смерти

остались на ряде лиц, – долгах, которые позволяют предположить в Виниусе былого этих лиц кредитора. Уверенно утверждать, что перед нами факты именно кредитования, конечно, невозможно. Приведем тем не менее эти данные, поскольку вероятность их связи с кредитными операциями достаточно велика. Во исполнение завещания душеприказчиками Виниуса было “взято из долгов по сверучным письмам на иноземцах Бутышке девять тысяч, на Пеле² тысяча рублей: по крепостному письму на Володимере Щеголине тысяча восемьдесят рублей”. Последний был Садовой слободы “купецким человеком”. Обратим здесь внимание на весьма значительные суммы долгов. Упоминается также, что А.И. Городецкий (душеприказчик) после смерти Виниуса “взял из долгов” с некоего посацкого человека (имя не названо) 400 руб. При этом один долг – 300 руб. устюженину Осколкову – “по росписке руки ево” (Виниуса) пришлось отдать [147, л. 7–8]. Как и в предшествующих случаях, предшествовал ли этой росписке заем (или это, например, отложенная плата по сделке купли-продажи) – не известно;

– доходы от эксплуатации крепостных крестьян в имениях и вотчинах.

Самое раннее известное нам упоминание о принадлежащем А.А. Виниусу крепостном, по имени Микишка Федурин, относится к 1660 г. – времени вскоре после смерти отца, когда его наследник не состоял еще на государственной службе, но был рядовым гостиной сотни торговым человеком. Крепостной жил в Вологде (откуда по грамоте воеводе его было велено прислать в Москву), с которой, вероятно, были связаны торговые операции его владельца [85, л. 222 об.].

Проследим за накоплением А.А. Виниусом земельных владений.

Вопрос, достались ли ему какие-то земли и крепостные от отца, нидерландского, позднее российского купца, остается открытым. Таким имуществом в России того времени могли владеть две категории выходцев из Западной Европы: служилые иноземцы и иностранные промышленники [*Орленко*, с. 76–84]. На военной службе А.Д. Виниус не состоял, а вот в качестве члена компании, владевшей Тульскими заводами³, в 1638 г. получил припи-

² См. о них примеч. 22 и 23 в гл. 9.

³ Железные заводы, согласно жалованной грамоте 1632 г., компаньонам предлагалось строить на государевой земле, в случае же отсутствия подходящей – на частной, на условии ее аренды. В жалованной грамоте 1644 г., касавшейся строительства новой группы заводов (на р. Шексне, Костроме и Ваге), это условие было сохранено: землю разрешалось “у кого приишут, наймовать или на оброк брать погодно... а куплю ни у кого никаких земель не купить и под заклад ни в чем не имать” [*Стоскова*, с. 99].

санную к этим заводам дворцовую Соломенскую волость с 347 крестьянами. Однако с передачей заводов в 1647 г. в казну, он утратил права и на приписных.

После перехода в российское подданство права владеть землей и крепостными он скорее всего не получил, поскольку еще долго оставался протестантом – связанные с этим ограничения для лиц неправославных конфессий в период после введения Соборного уложения были очень значительны⁴. Но после присоединения к православию (1655) такое право у Виниуса, несомненно, появилось. Г.К. Котошихин упоминает, что гостям было “волно и вотчину купити и держати, и под оклад имати” [*Котошихин*, с. 164]. Только успел ли он за короткое время до смерти (около двух лет) его реализовать? Маловероятно, учитывая упоминавшиеся материальные затруднения.

Ожидать соответствующих накоплений в начальный период самостоятельной биографии А.А. Виниуса, когда он являлся торговым человеком гостиной сотни, не приходится, во-первых, из-за оставленных отцом долгов, во-вторых, в силу правовых ограничений (по Г.К. Котошихину, “крестьян купити и держати” гостиной и суконной сотне было “заказано” [*Котошихин*, с. 164]). Летом 1675 г. (Виниусу 34 года) он все еще не имел никакой земельной собственности – во всяком случае, в июньской челобитной этого года писал, что живет на одно жалованье, поместий за ним “нигде нет”. И не без горечи добавлял: “А служил тебе, великому государю, я, холоп твой, в Посольском приказе в переводчиках... лет с двенатцать один” [*ДАИ VI, № 24, с. 165*].

Между тем в эпоху расцвета своей деятельности (раннепетровская эпоха) Андрей Андреевич Виниус владел не особенно большой (в сравнении с другими деятелями этого времени), но довольно разветвленной системой вотчин, сложение которой явилось результатом медленного, но до поры до времени неуклонного развития его поместного и вотчинного хозяйства. Жена Виниуса в августе 1707 г. (когда муж находился за границей) сообщила следующие данные о его владениях: “За ним, думным дьяком, в Московском уезде, в Дмитрове, в Мещоску, в Болхове, в Белеве, на Резани, в Шацком, в Пошехонье, всего в восьми городех, сто четыре двора” [64, л. 1–1 об.]. Элементы этой системы, несмотря на территориальную ее расчлененность, пребывали в

⁴ Указ 1627 г., статья в Соборном уложении 1649 г. и указ 1652 г. запрещали православным находиться в услужении у “некрещеных” иноземцев [*Орленко*, с. 71–72] – что же в таком случае говорить о *владении* православными. Последовавшая за этим активизация переходов в православие одной из причин имела стремление иностранцев сохранить уже имевшиеся у них на тех или иных правах объекты крещеной собственности.

состоянии динамического взаимодействия: Виниус, по возможности, оптимизировал их баланс, что-то покупал, продавал, обменивал. Какие-то элементы в системе закреплялись, другие со временем из нее уходили. Помимо перечисленных выше восьми уездов можно указать по меньшей мере еще три, где он имел владения, списком 1707 г. не учтенные: Епифанский [133, л. 150], Карачевский [108, л. 158 об.] и Рязский [140, л. 406 об.].

Выявленный нами и приводимый далее документальный материал характеризует преимущественно последние два десятилетия богатой событиями истории хозяйства Виниуса. Но заключительные этапы этой истории – и наиболее насыщенные событиями, и, пожалуй, для постижения личности Виниуса наиболее значимые.

Проследим за формированием этого хозяйственного комплекса в его развитии.

Если А.А. не получил земельной собственности от отца, первые владения у него могли появиться, когда он служил переводчиком в Посольском приказе. Переводчиков верстали поместным окладом, относя тем самым к служилому сословию и указывая, через величину этого оклада, на положение в нем. Для периода с 1645 по 1682 г. А.В. Беляков зафиксировал 44 переводчика, верстанных поместным окладом, что составляет 52% от общего числа. Размеры окладов колебались от 150 до 900 четей, как правило, укладываясь в диапазон 250–500 четей [Беляков 2001, гл. 2]. Судя по выписке, составленной в Посольском приказе в конце 1667 г. (не позднее 16 декабря), переводчик Виниус в это время имел поместный оклад в 300 чети [26, л. 3]. Время от времени он получал прибавки к нему⁵, как например, в 1674 г., в сентябре, когда придача составила 100 четей [59, л. 50].

Но переводчики могли обладать поместьями и вотчинами не только номинально, но и вполне реально, хотя последнее, как правило, рассматривалось как альтернатива другим видам выплат. Владельцев поместий и вотчин среди этой группы приказных служащих удалось выявить за тот же период значительно меньше – всего 14. Одним из них, по данным А.В. Белякова, являлся Виниус, 30 июня 1667 г. за 50 руб. “кормовых” испомещенный на 229 четвертях в Болховском уезде поместья Самойла Есипова [Беляков 2001, гл. 2].

⁵ Но 16 декабря 1667 г. в ответ на его челобитье пожаловать его “за многую неотступную... работишку своим великого государя жалованьем: к поденному корму и к годовому и к поместному окладу прибавкою”, он получил надбавку только к первым двум, без третьего. Возможно – потому что, как было отмечено в приказной выписке, переводчики “свейского и цесарского языку” поместными окладами вообще были “не верстаны” [26, л. 2, 4].

Этот факт, в своем содержании вполне подтверждаемый рядом источников, вызывает сомнение в отношении даты. Выше мы указывали на челобитную Виниуса 1675 г., в которой он утверждал, что поместий у него не имеется [40, л. 1–2]. Чтобы снять противоречие придется предположить, либо, что он, получив болховское поместье в 1667 г., до 1675 г. лишился его (а это маловероятно, потому что какое-то время спустя оно в составе его владений снова присутствует), либо, что получил его он не ранее 1675 г.

Выявленные нами документы подтверждают, что первое пожалование связано с недвижимой собственностью, которую А.А. Виникс имел в Болховском уезде, но произошло оно на десятилетие позже, чем указал А.В. Беляков.

Начало ей положили перешедшие к нему в Годыревском, Ноугорском и Однолуцком станах этого уезда 229 четей в поле (в пустошах) и 6 крестьянских дворов (не то в Ноугорском стане в деревне на Багриновском отворшке, не то в Однолуцком в д. Дехтяной, что была пустошь на Дехтяном верху, не то в обеих), записанные в поместье по отдельным книгам Болховской приказной избы подъячего Филиппа Мерцалова 185 (1677) г. 24 июля. Виниусовское поместье, как сказано в источнике, “ему отделено из Самойлова поместья Есипова” [141, л. 691–691 об.]. Подробности отделения источник не сообщает. Некоторый свет на ситуацию проливают записи двух указов в пошлинной книге Печатного приказа. Обе относятся к 1677 г., направлены к болховскому воеводе, даны по челобитью Виниуса. В первой, писанной 23 и запечатанной 26 июня, велено в Болховском уезде в перечисленных выше трех станах “ис Самойлова поместья Есипова усадище и к усадищу на сорок чети отделить жене ево, Самойлове, вдове Фетинье на прожиток”; “а досталь того Самойлова поместья на двести на дватцать на девять чети отделить ему, Андрею, в поместье” [89, л. 487 об.]. Вторая грамота, написанная 17 августа и уже на следующий день запечатанная, сообщает, что с болховского поместья Виниуса “с пяти дворов с крестьян в целовальники к тюрьмам ныне и впредь имать не велено” [89, л. 487 об., 890].

Перенос на десять лет времени появления у Виниуса первой его земельной собственности, изменяя исторический контекст, меняет и осознание значения этого события в биографии Виниуса. Поместье получает не простой переводчик Посольского приказа, но работающий здесь в этой должности дворянин по московскому списку. Будучи переводчиком просто, Виниус то ли не сумел, то ли не захотел обзавестись поместьем. У московского дворянина желание и возможности совпали.

Виниусовские владения в Болховском уезде были пополнены уже в 186 г. – 12 марта 1678 г. за ним была записана покупка у некого С.А. Мокеева вотчинной земли в Годыревском стане (пустоши, 36 четей в поле, 4 пустых крестьянских двора). Большая часть (209 четей) записанного за Виниусом по Болхову поместья в 191 г. была дана “ему за чигиринскую службу и за Троецкой поход в вотчину; и даны ему на то поместье жалованные вотчинные грамоты”. Оставшиеся в поместье 20 четей Виниус в 193 г. выкупил в Поместном приказе в вотчину [141, л. 691–691 об.].

Новое пожалование относится уже к петровской эпохе, конкретно к 205 (1696/97) г., когда думному дьяку А.А. Виниусу была отдана в Белевском уезде в д. Ташлыкова, по одним источникам, – 18, по другим, – 19 дворов в поместье [7, л. 112 об.]. Указ о пожаловании (18 дворов) состоялся 4 февраля 1697 г. [130, л. 38 об., 82].

Это пожалование в своем роде весьма показательно. Оно связано с разделом между ближайшим на тот момент окружением Петра I новоотписных вотчин, попавших в казну после смерти вдовой боярыни М.И. Хитрово. Список отмеченных поражает своей предопределенностью. Создавая популярный очерк биографии Петра раннего, до Великого посольства, периода его жизни и рисуя ближайшее его окружение, им (этим списком) в первом приближении можно было бы и ограничиться – составивших его лиц вполне достаточно для чернового наброска. Выморочные вотчины Хитрово распределяются среди восьми человек. Из Приказа Большого дворца 27 декабря 1696 г. были розданы: боярину Алексею Семеновичу Шеину – 305 дворов, боярину Борису Петровичу Шереметеву – 253, генералу Петру Ивановичу Гордону – 89, адмиралу Францу Яковлевичу Лефорту – 140, генералу-комиссару Федору Алексеевичу Головину – 57, генералу Автамону Михайловичу Головину – 69 дворов. Все перечисленные – лица, в той или иной степени участвовавшие в боевых операциях 1695–1696 гг. и/или в строительстве флота. Список военных дополняют два чиновника: думные дьяки Никита Моисеевич Зотов (42 двора) и Андрей Андреевич Виниус [7, л. 112 об.]. Всего было роздано 974 двора. Виниусу досталось меньше всех – около 2%. Но, думается, важнее было присутствие в кругу отмеченных – знак причастности к более чем избранному кругу.

Любопытно сравнить мотивировки пожалований в этой их серии. Вот как обоснованы пожалования Шеину, Лефорту и Ф.А. Головину: “Великий государь... пожаловал Болшого полку боярина и воеводу Алексея Семеновича Шеина за ево радетельную службу, что он в прошлом, в 204-м, году по его, великого государя, указу был на его, государеве, службе под турским горо-

дом Азовым с ратными конными и пешими людьми, и с неприятельскими были у него бои, и города Азов да Лютик с пушки и со всеми воинскими припасы взяли; да за тое же службу адмирала Франца Яковлевича Лефорта да генерала-камисария Федора Алексеевича Головина – велел им дать своего, великого государя, жалованья вотчины из новоотписных вотчин” [130, л. 79 об.]. “За ево азовскую службу” село в Рязанском уезде получил и Патрик Гордон [130, л. 81]. По услуге (службе) и благодарность: пожалования большие (самое скромное – Головину – в 3 раза больше, чем Виниусу), все – в вотчину. Обращает на себя внимание тот факт, что Виниус в избранный список по отношению к основной группе включен с опозданием: указ, его касающийся, датирован 4 февраля 1697 г. Да и дана пожалованная деревня не по инициативе государя, а по челобитью самого думного дьяка, “что он служил со 170-го году, и был в посылках в разных государствах, и болши одиннацати лет сидел в Аптекарском приказе, и своим прилежным радением учинил прибыли многие тысячи рублей – та деревня со крестьяны и со всеми угоды отдана в поместье ему” [130, л. 39]. Перед нами, по сути, очередная придача к помещиному окладу (“18 дворов, пашни 50 чети, денежных доходов 20 рублей 24 алтына”, столько-то “мяс свиных”, масла, поросят, “кур русских” и проч. [130, л. 38 об.]), но благодаря формальному объединению ее (по времени раздачи и происхождению розданного) с награждением героев Азовских походов, поставившая Виниуса (причастного к истории этих походов разными трудами в тылу, а особенно подготовкой московской встречи победителей) в один с ними почетный ряд.

В ведомости раздаточных в вотчины дворцовых волостей за период со 1675/76 по сентябрь 1724 г., составленной в 1724 г. в Приказе Большого дворца, другие пожалования Виниусу отсутствуют. Но этот документ, подготовленный на основании “приисканых” в приказе подлинных документов, по-видимому, неполон. Нам известно по меньшей мере еще одно владение, полученное думным дьяком в 1702 г. и отразившееся в другом списке раздач (отложившемся в составе фонда Кабинета Петра I):

“Апреля в 16 день думному дьяку Андрею Андреевичю Виниусу из новоописных деревень в Перемышском уезде деревни Лгови и Мостищ, а в них в Мостищах 15, в Лгове 27 дворов крестьянских, всего 42 двора” [7, л. 116 об.].

В этом году, по данным источника, пожалования из дворцовых владений получили: постельничий Гаврила Иванович Головкин – 372 двора, думный дьяк Андрей Андреевич Виниус – 42, думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев – 138 дворов, Троице-Сергиев монастырь – только земли [7, л. 116 об.–117]. Украинцев

был пожалован дворцовой Жерновской волостью с селами и деревнями в Каширском уезде “за цереграцкую службу” – приведенный им из Константинополя мир, развязавший Петру руки для начала Северной войны. За что получил существенно более скромное пожалование Виниус – источник не сообщает.

Осознавая, что, в отличие от некоторых любимцев (вроде Меншикова), он, скромный и исполнительный служака, поощряющими ретивость награждениями отнюдь не завален, Виниус со скромной настойчивостью выпрашивал их все время, пока служил и сохранял виды на милость монарха. А надеяться на нее он продолжал вплоть до постигшей карьеру катастрофы. В письме Петру I от 14 февраля 1703 г., сообщив ему ряд несомненно приятных известий (о высокой оценке англичанами качества сибирских пушек и железа, о прибыли, полученной от продажи китайских товаров и проч.), он присовокупляет: “В надежде Вашего, государева, милостивого словеси, при сем дерзну напомнить о деревне на пропитание. Против Емельяна и Автамона бью челом о 200 дворах не з большим. А дело у Тихона Никитича. Во истинно государь, аще жив буду, заслужу, Богу помогающе, паче же в Сибири в промыслах железных, медных, селитренных и еще, что Господь подаст. Тако ж де коликие мои труды во управлении, тако великой артиллерии были – о том тебе, моему милостивейшему, известно” [ПуБ II, с. 469].

Упомянутые Емельян и Автамон – думные дьяки Емельян Украинцев и Автамон Иванов, Тихон Никитич – боярин Т.Н. Стрешнев. Емельян в 1702 г. получил 138 дворов, Автамон в 1703-м даже больше – 162 [7, л. 116 об., 117]. Виниус одновременно с Украинцевым (с разницей в день) был награжден существенно его скромнее. Резонно предполагая, что царь такой мелочи, как точное число пожалованных им дворов, не помнит, он просит об уравнивании себя с более счастливыми работниками с некоторым против них даже прибавлением – просит “на пропитание” дополнительно не 100, а 200 дворов.

Пройдет совсем немного времени, и Меншиков в письме Петру (от 29 июля 1703 г. из Петербурга), очерняя Виниуса в глазах царя, с лицемерным возмущением поставит ему в вину, что тот, получая из Сибирского приказа “великие пожитки”, “наперед сего бил челом милости твоей многажды о даче деревни, сказывая, что пить, есть нечего” [ПуБ II, с. 608].

И меншиковское письмо, и предварявшее его расследование в Преображенском приказе – *такое* будущее при взгляде из февраля 1703 г. если и предчувствовалось, то казалось не очень реальным. Но, напоминая о своих прошлых заслугах и обещая оказанную щедрость (если она будет явлена) обязательно отслу-

жить, Вinius не знал, что кредит доверия к нему (а с ним и щедрости в его адрес), к весне 1703 г. оказался почти исчерпан, что царских “придач” к его немалыми трудами собранному, но все еще довольно скромному имению, ждать уже не стоит, что, напротив, собравшиеся над головой тучи уже готовы обрушиться на его обитель потоки и молнии, способные по камешку собранное имение обратить в разметанную бурей грудой камней...

“Он весь, как Божья гроза...”

Но в 1703 г. над головой пронесся лишь первый, устрашающе сильный, но короткий ливень. Зевсовы перуны обрушились в 1706 г., когда, в дни несанкционированного пребывания А.А. Вiniusа за границей, его и сына владения были отписаны на государя. Конфискация коснулась и пожалованных и благоприобретенных имений. Вот как сообщает об этом приказная выписка, посвященная владельческой истории одной из деревень, входивших в состав вiniusовской подмосковной: “И в прошлом 706-м году та Матвеева вотчина Вiniusа селцо Сокольниково отписано была на великого государя с вотчинами отца его, думного дьяка Андрея Вiniusа, его, Андреевою, вотчиною”. Некоторые из отписанных вотчин, в том числе пожалованные, приобрели вскоре новых владельцев: перемышльская деревенька попала в руки генерал-майора Полонского [3, л. 147], белевское Ташлыково, вероятно, стольника Ивана Кольчева [65, л. 417].

По возвращении Вinius сразу же начинает хлопотать о возвращении отнятого, пишет “о деревеньках” царю и искомого добивается: его и родственников имения владельцам возвращены (“А в 708-м году мая в 14 день по указу великого государя по памете на деле дьяка Андреяна Ратманова той Матвееве вотчине Вiniusа, что отписана была на великого государя, не справясь 3 дачами, велено быть за ним же, Матвеем, по-прежнему” [134, л. 280 об., 281]).

Не исключаем, что указанные выше царские пожалования Вiniusу не исчерпывают список таковых – возможно, что некоторые из них нами пока не обнаружены. Тем не менее вполне очевидно, что, хотя Вinius длительное время принадлежал к достаточно близкому окружению царя, инъекции в хозяйство думного дьяка со стороны высшей власти были сравнительно невелики. Отчасти это связано с тем, что Вinius в период его близости к царю, во-первых, возглавлял хотя и важные, но не *самые* важные для государя сферы государственной работы. Он не воевал, лишь обеспечивал войну из тыла, не строил корабли и т.д. Во-вторых, наряду с ближним кругом царя фактически существовал и *ближайший*, отчасти оконтуренный членством во Всешутейном соборе. Вinius при всей теплоте и доверительности сво-

их отношений с царем все же к последнему не принадлежал. Разделяло их многое – возраст, несходство в типе личности, различный (и по объему и по содержанию) образовательный багаж. Результат налицо – щедрые подарки получали другие: не обязательно более полезные, но обязательно – родственные психологически и культурно или способные эту родственность сымитировать. “Харизматичному” А.Д. Меншикову в 1700 г. были отданы в вотчину Московского уезда села Измайлова приписная д. Лукино с крестьянами (26 дворов крестьянских, 3 вдовьих, 1 бобыльский) и пустошь Жукова на р. Пехорке – 6 десятин плюс 64 чети пашни “пахоные худые” и 20 четей перелогом в поле [7, л. 112 об., 113]. Это еще скромный (виниусовского масштаба) презент. Но вот всего через несколько лет (в 1706-м, когда у Виниуса вотчины конфискуются) в том же Московском уезде он получает пожалование куда как более царское: целую Домодедовскую волость в вотчину – села Ермолино, Верхнее и Нижнее Мячково⁶, Зеленое, Колычово с деревнями, в них 862 двора, пашни 9385 чети, сена 18 340 копен, лесу 691 десятина, денежных доходов 1590 рублей 29 алтын [130, л. 44, 44 об.]. И это был еще не предел.

А Виниус – собственный дом он создавал собственным же трудом. Никогда не пасовавший перед трудностями, труда не стыдившийся и не избегавший, он, хотя и надеялся на милость монарха (как проявление Божьей милости), строя планы на будущее, с некоторого времени вынужден бы рассчитывать на одного себя.

14.3. Подмосковная

Основной – вероятно, самой большой, и несомненно, самой любимой – для Виниуса вотчиной стала его подмосковная, находившаяся в Горетовом стане Московского уезда. Ее состав на конец его жизни (ноябрь 1716) был таким: сельцо (Степанково), три деревни (Сокольниково, Сысоево, Духанино) и 25 пустошей (Толстиково Большое, Толстиково Меньшее, Полушкино Большое, Полушкино Меньшее, Окулово, Карнаухово, Бараново, Телешево, Перевесье, Филипчиково, Лазарково, Шатина, Сидорково, Денисково, Овчинниково, Скроботово, Малышево, Дюганчиково, Телешево (вторая с таким названием), Телешево же (тре-

⁶ Из текста непонятно, к Ермолину или Мячкову относятся уточнения “Верхнее и Нижнее”, но второе, с учетом независимых данных, вероятнее. Мячково – старинный центр добычи белого подмосковного камня и изготовления извести. Этим промыслом здешние крестьяне занимались и при Меншикове (см., напр., [125, № 44]).

тя), а по “иноземскому прозванию” Черемошка, Кокорево, Елагино, а Елчаниново тож, пустошь, что была деревня Сысоево, а Высокое тож, Корноухово, Могилицы) “с пашнею, и с лесы, и с санными покосы, и со всеми угодьи, а четвертной пашни восмсот пятьдесят пять четвертей с осминою в пол, а в дву потому ж” [136, л. 235, 235 об.]. Большая часть названного владения к 1716 г. была записана на Андрея Андреевича – 769 чети в вотчине, 15 дворов, меньшая на сына Матвея – 86 чети с осминою, в поместье [136, л. 241].

Нам не известно, представляли ли эти земли монолит или дырявое одеяло, но принадлежность их к одному стану (Горетову), позволяет заключить, что они были, во всяком случае, взаимно близки. Локализацию вотчины облегчает упоминание в документах гидронимов: речек Колоколенка [134, л. 280; 424, л. 159 об.; 132, л. 142 об.] (вариант Холохоленка [136, л. 240]) и Песошня [135, л. 445] (вариант Песоченка [136, л. 241]). На карте Воскресенского уезда, составленной по материалам генерального межевания, в даче № 403 (сельцо Степанково) русла водотоков лежат по ее границам: вдоль западной текут Колоколенка и Вейна, вдоль южной – Песочня [Кусов, с. 181, карта 5]. Еще один ориентир – Воскресенский монастырь, упоминаемый в качестве соседа: виниусовы Сокольниково и пустошь Лодыгино граничили с монастырскими д. Кашино на р. Песошне и пустошью Городище [135, л. 445, 445 об.].

Подмосковная являлась владением, служившим ее владельцу не только источником материальных благ, прежде всего сельских продуктов, но и загородным жилищем. И.Г. Корб, сообщая о посещении представителями императорского посольства 10 июня 1699 г. Воскресенского монастыря, отмечает появление там через некоторое время после прибытия австрийцев Виниуса и бранденбургского резидента. После обеда компания отправилась “в имение Виниуса, расположенное на несколько миль дальше”. Корб рассказывает об усадьбе (кирпичном доме на речном берегу) и своем в ней времяпровождении: катании на лодке, рыбной ловле, ужине с участием упомянутого резидента и австрийского посла [Корб, с. 154]. Перед нами типичная сельская дворянская усадьба – для более позднего времени (XVIII–XIX вв.) характернейший элемент русского поместного быта.

В указанном виде имение сложилось не сразу. Установить происхождение каждого из 29 ее элементов не удалось, но история многих прослеживается.

Формирование комплекса растянулось на длительное время. Большая часть приобретений пришлась на 197 г. – на ноябрь и март.

В ноябре 1688 г. были составлены отказные книги на следующие подмосковные владения Винуса: 23 ноября на купленную им у дьяка Семена Иполитова вотчину сельцо Степанково на р. Холохоленке (сердце рождающейся подмосковной), пустоши Толстиково Большое и Малое, пустоши Полушкино Большое и Малое; 26 ноября из “порозжих” земель на пустоши Телешово, “по иноземному прозванию” Черемушка. Тогда же (24 ноября) ему отказали земли в пустоши Скребутовой, в пустоши Телешевой, в пустоши Малешевой, в пустоши Лазаревой, Лазарково тож, а с пустошами лишние чети. Вскоре, 30 января 1689 г., часть этой земли была переведена из поместья в вотчину.

Составление для Винуса отказных книг продолжилось в марте 1689 г. 28-го числа этого месяца ему были отказаны вотчинные пустоши иноземцев Петра Койета и Андрея Минтера: Окулова на р. Холохоленке, Корноухово, Бораново на р. Песочне, Телешово, Нетово тож, Духанино⁷, а также пустоши, ранее принадлежавшие Поснику Неронову: Перевесье на р. Холменке⁸, Филипчиково на р. Холохоленке, Лазарково, Шатино⁹, Сидорково, Денисково, Овчиниково, Скроботово, Мальшево, Дюганчиково, Телеково, в них лесу хоромного и дровяного 131 десятина. В 205 (1696/97) г. перечисленные пустоши были межеваны [141, л. 673–674].

Обрастание подмосковной новыми прирезками продолжалось и в дальнейшем. Так, 50 четей д. Сокольниково и пустошь Лодыгино были куплены в 1697 г. [132, л. 139 об.].

Особенностью рассеянной по уездам недвижимой собственности Винусов являлась тесная сросщенность владений отца Андрея Андреевича и сына Матвея Андреевича. Некоторые покупки в семье сразу оформлялись на имя сына, другие владения переходили от одного к другому посредством обмена. В нашем распоряжении отсутствует раздельная запись Винусов отца и сына – и вообще не известно, было ли хозяйство Матвея отделено от отцовского. Скорее всего нет – Матвей был единственным наследником недвижимости и отделять его не имело смысла. Учтем также, что в 1706 г. конфискации подвергаются имения обоих, между тем если бы Матвей жил отдельно, собственным домом и хозяйством, направленные против отца репрессии его скорее всего не затронули бы. Притом что хозяйство скорее всего было об-

⁷ Андрей (Генрих) Минтер и Петр Койет владели в Духанине стекольным заводом; позднее он принадлежал одному Минтеру [Amburger 1957a, S. 201]. Подробнее о связанных с ними землях Винусов см. [Юркин 2006a; 2006б].

⁸ В 1696 г. Винус променял Перевесье на пустошь Еганино [137, л. 81 об.].

⁹ О принадлежности Винусу в 1692 г. пустошей Шитина (в нашем списке Шатины) и Лазарково было известно еще И.П. Козловскому [Козловский 1, с. 202].

щим, логика связанных со взаимным перераспределением недвижимости трансформаций прослеживается не всегда. Но нередко она ощущается. Проследим ее на примере истории деревни (или сельца – называлось и так) Сокольниково и пустоши Лодыгино из вотчины в Горетовом стане.

В середине XVII в. этими землями на речке Колоколенке (54 четверти) владели дворяне Матюшкины. В октябре 160 (1651) г. один из них продал 50 четей представителю рода князей Шаховских. В конце XVII в. владельцами вотчины являлись окольниковый кн. Федор Иванович и его сын Андрей Шаховские. 13 октября 206 (1697) г. они продали свою землю с крестьянами и угодьями в вотчину стольнику М.А. Виниусу. В том же 206 г. вотчина была за ним в Поместном приказе записана и ему отказана.

Но “за продажею” в той вотчине остались 4 чети “в поле”, принадлежавшие потомкам Матюшкина (предшественника Шаховского). В начале XVIII в. это были его внуки – стольники Михаил Афанасьевич, Иван и Кирилл Петровичи Матюшкины [132, л. 139–139 об.].

В 1701 г. Матвей Виниус, ссылаясь на то, что трое Матюшкиных об оставшихся четырех четвертях “многие годы не били челом”, обратился в Поместный приказ с просьбой записать эти чети за ним. Поскольку допрошенные по этому поводу Матюшкины на них действительно не претендовали (во всяком случае, на бумаге), при рассмотрении вопроса в приказе 22 февраля 1701 г. было решено этим четьям “быть за Матвеем Виниусом”. В том же году они были отказаны ему в поместье. Добившись этим небольшого приращения своего имения, М. Виниус вскоре (16 мая 1701 г.) обратился в приказ с просьбой дать ему выпись с писцовых, межевых и переписных книг на вотчину Сокольниково плюс Лодыгино в целом. Положительное решение было вынесено 6 сентября [132, л. 137 об., 140 об., 141 об.–149].

Эпизод с поглощением мизерного в сущности клочка земли показателен в качестве демонстрации присущих А.А. Виниусу (а именно он скорее всего был двигателем в этой истории) черт характера – в данном случае, на примере практики хозяйствования. Доходящая до мелочности аккуратность и педантичность – характерные черты психологического портрета собирателя, *скопидома* в прямом смысле каждого из корней этого слова, каковым, несомненно, был Виниус. Обнаружив возможность некоторого улучшения своего положения на карте собственных и пограничных с ними чужих вотчинных и поместных владений, он использует ее, убирая случайные шероховатости, подчищая раздражающие неровности, сглаживая границы – в общем, приводит карту в порядок.

Репрессии, в том числе конфискация земли и крестьян, в годы пребывания Виниуса за границей нанесли удар по хрупкой упорядоченности домашнего мира, который он с любовью устраивал. Заведенный порядок рушился и во владениях, не получивших нового хозяина, – здесь действовали почуявшие волю крестьяне. В инструкции Виниуса своему подмосковному приказчику 1709 г. сохранились еще не устраненные следы той ситуации: “А буде, – пишет Виниус, – без меня где *крестьяна моею пашиною завладели и по себе разделили*, и у них ту землю опять отнять и велеть им пахать, где преж сего при мне по 704 год пахали” [Инструкции, с. 26].

Как мы уже говорили, часть виниусовских владений записывалась отцом на сына Матвея, что в известной мере затрудняло контроль за ними. До поры до времени А.А. на это шел, преследуя, по-видимому, намерение на практике обучать наследника основам домашней экономики. Отец зорко следил за собственностью, находившейся во владении сына, – не случайно на цитируемой ниже закладной Матвея от апреля 1709 г. стоит рукоприкладство отца, удостоверяющее, что он “сыну своему сей вышеписанн[ый] заклад позволил” [134, л. 278]. Но в 1706 г. отцовский контроль на некоторое время исчез – сначала А.А. неожиданно для всех оказался за тридевять земель от своих вотчин, потом его и сына владения конфисковали. После их возвращения (а оно затянулось, что усложняло ситуацию) диктат отца над семейной недвижимостью, по-видимому, был восстановлен. Но не тем уже был подточенный неудачами А.А., другим стал и сын. Последовавшее в дальнейшем разрастание семейного конфликта вывело коллизию на новые драматические виражи.

Кажется, впервые история виниусовского хозяйства и биография сбившегося с добропорядочного пути наследника пересеклись в 1709 г.

На начало этого года Матвеем Виниусу принадлежали далеко не второстепенные части подмосковной – не только упомянутое Сокольниково, но также крестьяне д. Сысоевой и какие-то пустоши [134, л. 277 об.], а может быть, и еще что-то.

14 апреля 1709 г. Матвей занял у стольника Ивана Самойловича Николева 500 руб. до конца месяца, заложив в их обеспечение названное сельцо и крестьян. В сделке можно было бы заподозрить тайную проказу Матвея, но это не так: она была совершена с ведома А.А. (на купчей его автограф: “Думной дьяк Андрей Виниус свидетель и сыну своему сей вышеписанн[ый] заклад позволил и руку приложил”), а в числе свидетелей был вполне добропорядочный его родственник стольник А.И. Калитин [134, л. 278]. Зная дальнейшие события, остается только гадать, поче-

му А.А. Виниус пошел на столь рискованный шаг – заклад едва ли не сердцевины своей подмосковной, тем более в обеспечение относительно небольшой и на короткий, всего две недели, срок занимаемой суммы. Возможно, одному из Виниусов для чего-то срочно понадобились деньги и с допустимостью занять их указанным способом были согласны оба.

Неделю спустя общей челобитной, поданной 21 апреля 1709 г., А.А. и М.А. Виниусы попросили закрепить за ними обмен землей. А.А. передал сыну поместье 20 чети в Елифанском уезде, в Себинском стане, в Олтобаевой слободе по рр. Сукромне и Буйце, забрав себе принадлежавшие Матвею в Московском уезде в Горетовом стане три пустоши (Сысоево, Высокое тож, Могилыцы и Карнаухово) и отхожий луг под с. Бужаровым. Решения в деле нет, но пошлины по сделке были заплачены, и Андрей Андреевич позже (в июне) говорил о мене как совершенной [133, л. 150–155 об.]. Рокировка загадочна, излучает нервное беспокойство. Отец уменьшал долю сына во владении основной семейной вотчиной – может быть, он намеревался вывести его из ее совладельцев вообще?

Еще через неделю истек срок закладной и деньги, по ней полученные, возвращены вовремя не были. Заимодавец обратился с челобитьем записать за ним недвижимость, заложенную пользователем кредита. Решение по совершенно бесспорному делу последовало уже 31 мая: вотчина закреплялась за Николевым, в связи с чем для ее отказа было предписано выделить подьячего [134, л. 283 об., 284].

Но шаги, в ответ на это предпринятые А.А. Виниусом, сделали поездку подьячего для исполнения названного решения ненужной: 11 июня он выкупил у Николева и Сокольниково, и крестьян из Сысоева, в связи с чем 1 июля просил записать эту покупку в Поместном приказе. Решение (положительное) было вынесено 11 июля¹⁰. Остается добавить, что выкуп Сокольникова обошелся ему в сумму, почти вдвое превышавшую сумму заклада, – в 900 руб. [134, л. 285–285 об., 288].

Можно предположить два варианта интерпретации описанной ситуации. В рамках первого полагаем, что никакой “тайной составляющей” у этой истории нет, что все важные факты нам известны. Остается, правда, гадать, что заставило столь опытного в практических делах человека, как А.А., пойти на рискован-

¹⁰ Восстановив былое единство вотчины и утвердив в ней себя в качестве владельца, он сразу принялся приводить в порядок детали: 27 июня обратился с прошением записать за ним пресловутые 4 чети, которые сын Матвей в 1701 г. получил от полвека не вспоминавших о них Матюшкиных [133, л. 158]. Решение по этой просьбе в деле отсутствует.

ный и, не исключено, не вполне эквивалентный заклад части своей подмосковной. Но можно не сомневаться, что Виниус-хозяин тяжело переживал удар, пробивший брешь в стене столь упорно и любовно возводившейся им постройкой.

Но не исключено, что привлеченные документы умалчивают о чем-то важном, *действительно важном* для понимания смысла этой истории.

2 июля 1709 г., т.е. на другой день после просьбы об оформлении в Поместном приказе выкупленного имущества, А.А. Виниус обратился в Преображенский приказ с челобитной, посвященной поведению сына, который “впал в безмерное пьянство и шалость”. Обратим в ней внимание только на несколько пассажей, имеющих прямое или, как минимум, косвенное отношение к семейной собственности, в том числе недвижимой. Виниус обвиняет сына в том, что тот “пропивает и раздает денги по сторонам, займывает, выманивает и в неподобные места раздает”. Он просит “ево допросить... с какими людьми знается, и кто ево подговаривал... и писем каких на себя кому и в чем не давал ли”. Он требует “в канцелярии и по приказам ... послать памяти, чтоб ево никаким заручным письмам не верить и в дело не ставить. И в Приказе крепостных дел никаких крепостей, ни писем ему не писали”. Вслед за этим следует собственный “приговор” разоряющему дом потомку: “...от сыновства своего ево и от наследия весьма отчуждаю... дондеже разве исправится и обратится” [1, л. 3–4]. Согласимся, что сказанного (даже если сказано оно под горячую руку) нельзя не учитывать, всматриваясь в семейно-имущественные отношения наших героев. Столь же очевидно, что вынесенный на люди 2 июля, весь этот сор копился внутри семьи годами и “внутренняя политика” Виниуса не могла его не учитывать.

Оказывается, не только последствия несправедливой конфискации, напрягая жилы, приходилось преодолевать стареющему Виниусу. Имущество нужно было защитить и от собственного сына. А за этими проблемами, в не такой уж дальней от них дали, маячила еще она, самая трудная: кому все нажитое оставить?

Хозяйственная политика Виниуса в последние отпущенные ему судьбой семь лет будет определяться решением именно этих трех задач.

Выискивая в истории с закладом Сокольникова мотив, связанный с развитием отношений отца с сыном, находим, разумеется, подходящие варианты, но затрудняемся среди них определить в силу их недостаточной обоснованности. Не исключено, например, что в апреле 1709 г. Виниус-отец, потеряв надежду найти в лице сына новую опору для дома, отбирает у него с его точки зрения наиболее важные вотчины. Но не окончательно еще

на сына ожесточившись, он решает эту задачу двумя способами, существенно имущественные интересы непутевого потомка и его семьи не ущемляющими: путем обмена (расставаясь при этом с менее важными вотчинами) и посредством выкупа у сына, осуществляемого через подставное лицо.

Покидая затянувшуюся историю Сокольников, упомянем заключительный в ней эпизод, связанный с размежеванием их с вотчинами Воскресенского монастыря. В 196 (1687/88) г., сообщает Вinius, “те вышепомянутые Воскресенского монастыря вотчины” были “отмежеваны (т.е. размежеваны? – *И.Ю.*) с тою вотчиною моею с селцом Сокольниковым и с пустошами”. 30 июня 1712 г. Вinius попросил дать ему выпись с межевых книг из Поместного приказа. Положительное решение было принято 23 июля. Процесс воссоединения их с метрополией завершился.

История прочих элементов, образовавших в своей совокупности подмосковную Виниуса, воссоздается фрагментарно, с большими лакунами. Но восстановление ее интерес несомненно представляет: далеко не безразлично, как, когда и у кого он приобретал ее части. Укажем, в частности, на происхождение пустоши Перевесье. Она была получена в 1696 г. от стольника Дмитрия Никитича Головина обменом на пустошь Еганино в том же уезде и том же стане [137, л. 81]. Как видим, обменом недвижимости Вinius занимался не только со своим сыном – для него это была нормальная практика коррекции недвижимой собственности.

Как уже говорилось, помимо владений в Московском уезде А.А. Вinius имел их (по состоянию на 1707 г.) в уездах Дмитровском, Мещовском, Болховском, Белевском, Рязанском, Шацком, Пошехонском, а в другие годы также еще в Елифанском, Карачевском и Ряжском. Об этих – не московских – вотчинах Виниусов нам известно не много. Пошехонскими деревнями он был пожалован государем (см. выше). 1 четь поместной земли в д. Щуровой (Пехлецкий стан Ряжского уезда) и 35 четей вотчинной земли в с. Розсошных Борках (Старорязанский стан Рязанского уезда) получил в 204 (1695/96) г. от стольника Василия Ознобишина, которому отдал 27 четей с полуосминой поместной земли в селах Желудеве, Тимошкине, д. Новоселской Исбреды (Старорязанский стан Рязанского уезда) [140, л. 406 об., 442 об.–443]. Происхождение вотчины (78 чети) в Раменском стане Дмитровского уезда, владельцем которой М.А. Вinius стал в 1695 г. [110, л. 749 об.], не ясно.

Поместье в Елифанском уезде прежде принадлежало Осипу Зумеровскому¹¹ и было у него, вероятно, куплено (о записи за но-

¹¹ Осип Иванович Зумеровский – дедиловский воевода. Отметим направленную ему в феврале 1674 г. грамоту с запретом посылки на работу в Воронеж казаков, копавших на Дедилове руду для Марселиса [57, л. 398–400].

вым владельцем били челом оба: и Вinius и Зумеровский) в два приема: по поводу 50 четей грамота об отказе составляется богородицкому воеводе 19 июля 1681 г. [96, л. 408 об.], по поводу еще 10 четей воеводе епифанскому сначала 19 декабря 1682-го [101, л. 426 об.], потом, аналогичного содержания, 23 августа 1683 г. [106, л. 387–387 об.]. Эти 10 четей находились в Себинском стане в Коробнинской волости. В конце 1684 г. происходит странная своей малозначительностью мена: Вinius отдает одну четь своего епифанского поместья в обмен на пять четей с осминою поместья Якова Чернышова в с. Савине Раслановского стана Карачевского уезда; грамота карачевскому воеводе об отказе этой земли Вiniusу была подписана 8 декабря 1684 г. [108, л. 158 об.]. Не исключено, что какая-то важная составляющая этой сделки нам не известна.

14.4. “У гробового входа”

К концу жизни запас экономической энергии Вiniusа был, по-видимому, исчерпан. Старость переходила в отягощенную болезнями дряхлость, а биологический регресс налагался на завершающую стадию распада семьи. Один за другим уходили ближайшие, любимейшие, нужнейшие. Больше десятилетия прошло со смерти дочери, бывшей замужем за Калитиным. Умерла жена Матрена Ивановна, сын Матвей. В декабре 1715 г. в живых оставалась только сноха – вдова Матвея. Дому нужен был глава и заботливый хозяин – эта роль, которую Вinius с таким увлечением исполнял многие десятилетия, становилась ему не по силам. Полагаем, именно для “хозяйского” употребления добивался Вinius “прикрепления” к нему Калитина¹² – а вовсе не для элементарного бытового за собой присмотра, осуществлять который вполне были способны слуги, управляемые снохой.

Род угасал и ненужным становилось все, с таким трудом собранное и устроенное.

Некоторую надежду, однако, мог подать появившийся 23 марта 1714 г. указ о единонаследии, но не основные, взбудоражившие многих пункты о майорате, а непрочтенный большинством¹³ пункт 7, гласивший:

¹² По мнению И.П. Козловского, Калитин понадобился для защиты нажитого от алчных родственников: “Теперь, когда старик был близок к смерти”, они, полагает историк, “с жадностью готовы были расхищать его достояние” [*Козловский I*, с. 224]. Думаем, понадобился он не только для защиты имущества, но и для текущего управления им, и, может быть, для его рецепции по смерти Вiniusа.

¹³ По сей день при перепечатке этого закона в исторических хрестоматиях данный его пункт в силу малой (по мнению составителей) значимости содержа-

“А для возобновления фамилии, в которой фамилии мужеска полу останетца один, протчие же от нисходящей и восходящей линии того рода все вымрут, кроме женска полу, которых едина или несколько осталось в девицах или замужные, с помянутой последней оной фамилии повинен все недвижимые вещи, которые ему по наследию пришли, отдать в наследие единой из оных, кому похочет, замужней, вдове или девице; однакож с таким изяснением, что муж замужней повинен принять прозвище того, от кого получит недвижимое (оставя свое), он и его наследники, а девице или вдове не посягать за такого, которой не примет прозвания.

И для того прежде в брак не вступать, а женатым не укреплять недвижимых, пока оной писменного обезательства не подаст, где те дела ведомы, что он оное прозвание примет вечно себе и наследником своей линии. Ежели же никто из них прозвания оно не примут, тогда недвижимое все повинно будет взять на государя, кроме движимого, которое в разделении оставляетца предявленным образом” [РЗ IV, с. 297–298].

Не был ли Калитин в глазах Виниуса человеком, которого он прочил в спасителя исчезающей фамилии, а с ней и фамильной недвижимости? Вопрос, мог ли он по закону определить его в этом качестве в обход других родственников, однозначного ответа не имеет. Но ничто не мешало Виниусу надеяться на такую возможность, независимо от ее осуществимости.

А хозяйство между тем все еще залечивало раны, нанесенные конфискацией. Выздоровление задерживалось тем, что часть отписанных вотчин приобрела новых владельцев. Возвращение их Виниусу требовало компенсационных действий в адрес текущих их хозяев. Даже к 1715 г. в полном объеме это сделано не было. Виниус бил челом о некогда пожалованной ему деревне в Перемышльском уезде: “Во время ево несчастья” она “у него, Андрея, отнята безвинно и отдана генералу-маеору Полонскому”. Вопрос потребовал личного вмешательства Петра, своею “властною” рукой начертавшего на прошении “Отдать ему опять”. Но начертавшего это лишь 4 марта 1715 г. [З, л. 147].

Похоже, что ставка на Калитина, если такая была, в последний год жизни Виниуса (1716) утратила для Виниуса то ли перспективу, то ли притягательность. Одной рукой завершая по инерции реставрацию пострадавшей от урагана храмины, другой, словно изверившись в возможности ее спасения, Виниус начинает ее разрушать. Имена распродают.

26 февраля 1716 г. в Поместном приказе была записана продажа Виниусом своей белевской вотчины д. Ташлыкковой в Погорельском стане, проданной им сибирскому губернатору князю

Матвеем Петровичем Гагарину. Вотчина тогда включала 65 четей в поле и 41 крестьянский двор – как видим, за 19 лет пребывания в собственности Вiniusа население деревни, если судить о нем по числу дворов, возросло более чем вдвое. В марте 1716 г. об отказе вотчины новому владельцу был послан указ белевскому ландрату Якову Протасову [146, л. 820, 820 об.].

Уже 4 марта 1716 г. эта вотчина была куплена у Гагарина Екатериной Семеновной Вinius, вдовой Матвея Вiniusа [146, л. 817]. В этой комбинации трудно усмотреть что-то помимо стремления передать недвижимость вдовствующей снохе. К этому времени, спасая от сыновьяго пьянства нажитое, А.А., по-видимому, сумел вывести большую его часть из-под возможного удара со стороны его болезни. Но своими действиями он лишил имущества его ни в чем не повинную жену. Теперь, когда сына не стало, Вinius решил положение исправить. Но сделать это напрямую (передав часть недвижимости) в свете последних законодательных новаций было невозможно. Согласно пункту 3 закона о единонаследии, “кто без детей, и оный волен отдать недвижимое *одному* фамилии своей, кому похощет” [РЗ IV, с. 296]. Если Вinius на тот момент делал ставку в качестве преемника и продолжателя на Калитина, то вдовой снохе из недвижимости он не имел права оставить ничего. Вот он и продавал белевское имение подставному лицу, каковым в данном случае выступил его преемник по управлению Сибирью и московский комендант М.П. Гагарин, с которым у него после возвращения в Россию сохранялись хорошие отношения. Любопытно, что до поры до времени эта сделка не афишировалась. Лишь в январе 1717 г., после смерти свекра и вступления в новый брак, Е.С. Вinius, теперь княгиня Засекина, обратилась с просьбой записать за ней эту вотчину в Поместном приказе [146, л. 817]¹⁴.

К концу 1716 г. в воздухе все отчетливей чувствовалось приближение “войны за вiniusово наследство”. Ситуацию усугублял закон о единонаследии, повышавший ставку до максимума: недвижимость при передаче по наследству не разрешалось разделять – новый владелец получал либо все, либо ничего. Решение императора “при нем быть зятю его Калитину”, выделявшее последнего и создававшее для него в грядущих боях наилучшую стартовую позицию, по верному заключению И.П. Козловского,

¹⁴ Существовал также именной указ от 23 января 1712 г., который гласил, что “когда род чей вымрет, то последней в роду не имеет никаму никаким образом своих добр недвижимых продать или отдать ни при себе, ни по себе” [136, л. 227]. Здесь как будто прямое запрещение последнему в роду каких-либо продаж недвижимости. Получается, что Вinius вообще никому не мог ничего продавать?

“кое-кому очень было не по вкусу” [Козловский I, с. 224]. Готовились к борьбе Городецкие, неусыпный контроль ситуации со стороны которых облегчало их проживание в Москве – полагаем не случайным их присутствие при оформлении последнего составленного с участием Виниуса имущественного акта октября 1716 г. [136, л. 230]. Отделенные расстоянием от “дяди самых честных правил”, не дремали и петербуржцы Порецкие – потомки другой сестры Андрея Андреевича. Полковник Д.Л. Порецкий сумел заручиться поддержкой царицы, которая, не дожидаясь смерти Виниуса, не постеснялась вмешаться в это приватное и достаточно деликатное дело. 5 октября 1716 г. она писала Андрею Андреевичу, прося его сделать своим наследником этого его племянника, “ежели ближе его нет” [Козловский I, с. 224]. Письмо черновое – не известно, было ли оно послано, а если было, успел ли Виниус его получить (до его смерти оставалось меньше месяца). Но если получил – не исключено, что последовавший вскоре за этим его шаг (самый резкий за всю историю виниусовской вотчины) явился реакцией на это достаточно бесцеремонное вмешательство в выражение им последней воли.

Виниус решается на продажу любимой своей подмосковной. И намерение осуществляет.

30 октября 1716 г. сельцо Степанково с дд. Сокольниково, Сысоево, Духанино и 25 пустошами – “всю свою дачю без остатку” – 855 чети с осминою, с людьми и крестьянами А.А. Виниус продал обер-секретарю Анисиму Яковлевичу Щукину. Покупателем была отдана только часть оговоренной сторонами суммы – 2 тыс. 400 руб. из 4 тыс. 400, в связи с чем купчую он не получил. Окончательный расчет – остаток суммы продавцу, купчая покупателю – еще предстоял [136, л. 212, 244 об.].

Тем не менее это были уже не намерения и декларации, а юридически значимое событие. Факт продажи символически отрезал Виниуса от Дома, который он строил всю свою жизнь – подписывая крепостные документы, он как будто расписывался в тщете многолетних усилий. Всю жизнь он собирал камни – и вот теперь собственной рукой их разбрасывал. Обрезав пуповину, связывавшую с Домом, он рассекал и главную, поддерживавшую самое его бытие становую жилу.

Спустя несколько дней, 8 ноября 1716 г., Виниус скончался в своем доме “скоропостижною смертию” [136, л. 226, 230, 231, 232].

Кончина участника сделки, юридическое оформление которой не было завершено, создало для второго неожиданные трудности. Теперь, чтобы ее дооформить, требовалось ввести объект продажи в наследство. Быстрее всех сориентировалась сестра Виниуса Анна Андреевна Городецкая, которая, по ее словам,

присутствовала при сделке. При условии, что ее муж и его потомки примут фамилию *Виниусовы* (дьяк А.И. Городецкий письменно на это согласился), подмосковная была отписана на Анну, которая тотчас все перепродала – сельцо, 3 деревни, 25 пустошей – Шукину, взяв с покупателя остаток суммы, обещанной ее покойному брату [136, л. 233 об., 235, 235 об.]¹⁵.

При оформлении дела в Поместном приказе Анна Городецкая в своей сказке перечислила ближайших родственников покойного (Симоновых, Чепелевых, Порецких), Шукин же заявил, что спору с ними по поводу продажи вотчины нет [136, л. 231 об.–232, 244]. Реальная ситуация оказалась далеко не столь идиллической. Совсем скоро закрепление недвижимости за Городецкими было оспорено М.Л. Протасовой (урожденной Порецкой) [116, л. 568–569 об.].

Но это уже другая история.

14.5. Виниусовская вотчина как хозяйственно-экономический феномен

От вотчинника перейдем к вотчинам. Рассмотрим виниусовские имения, особо выделив его подмосковную.

Представить виниусовскую подмосковную, какой она была в 1704 г., позволяет переписная книга Горетова стана Московского уезда, в которой присутствуют находящееся “за думным дьяком за Андреем Андреевым сном Виниусом” в общей сложности пять селений, описанных двумя блоками. Первый – сельцо Степанково и деревня Сокольниково, второй – деревни Сысоево, Духанино и Мельничная.

В Степанкове находились вотчинников двор, в котором жил приказчик Матвей Клементьев с семьей, и скотный двор (вероятно, также принадлежавший владельцу сельца); при нем скотник и конюх с семьями. Дворовых людей числилось здесь немного – всего 4 души мужского пола (далее – м.п.). В самом сельце имелось 9 крестьянских дворов с 39 крепостными душами м.п., в деревне Сокольниково – еще 5 дворов с 22 душами [131, л. 94]. В отдельно описанных трех деревеньках насчитывалось в общей сложности 14 крестьянских дворов с 44 душами в них. Всего, таким образом, у Виниуса в его подмосковной (понимая под ней совокупность двух гнезд принадлежавших ему поселений)

¹⁵ Спустя полвека (при межевании 4 июня 1768 г.) дача сельца Степанкова (1211 десятин, в том числе 223 под пашней, 693 леса, 271 покосов, под селением 11) принадлежала потомкам А.Я. Шукина: кн. Авдотье Ивановне Халчевой и ее малолетним детям, лейб-гвардии Преображенского полка сержанту Сергею и поручику Дмитрию Федоровичам Шукиным [Кусов, с. 181].

имелось 28 крестьянских дворов, в которых проживали 105 лиц м.п. плюс еще 4 человека, жившие на владельческих дворах. Упомянуто о действовавшем в д. Мельничной черепичном заводе [131, л. 233 об.].

Сведения о Степанкове, относящиеся к концу жизни Виниуса (1716) почти совпадают с данными 10-летней давности. Здесь по-прежнему находились “двор вотченников, двор скотной со всяким вотчинниковы[м], и скотным, дворовым, и хоромным строением, и з садом... и з скотиною, и с лошадьми, и с коровами, и со птицами”. В это время Степанкове жили с семьями двое деловых людей – скотник, упомянутый нам по переписной книге 1704 г., и конюх, имевший с конюхом этой книги одно фамильное прозвание [136, л. 235 об.].

Занятия крестьян ничем особенным от занятий их собратьев в окрестных селениях не отличались. К хозяйскому столу они поставляли обычную для их сельскохозяйственного района продукцию, объем которой в имущественных документах выступает в качестве индивидуальной характеристики данного владения. Так, белевская деревня Ташлыково – это не только 18 дворов, 50 четей пашни и 20 руб. денежного дохода. Это еще и “мяс свиных 14 пуд, масла коровья пол пуда, масла коноплянаго 2 ведра, поросят 14, кур русских 14” [130, л. 38 об.]. Для подмосковной можно добавить в этот список и рыбу в местной реке [Корб, с. 154], употреблявшуюся, говоря языком несколько более позднего времени, “про хозяйский обиход”.

Более детально ознакомиться с трудами виниусовских крестьян и используемыми ими аграрными технологиями имеем возможность и благодаря составленной Виниусом для своего приказчика вотчинной инструкции [Инструкции, с. 22–28]. Она датируется 1709 г., что на наш взгляд не случайно. Только освободившись от государственной работы, Виниус в полной мере смог отдаться домостроительству. Тем более, что строгая экономия и рачительное хозяйствование после значительных финансовых потерь первой (1703) и второй (1706–1708) его опал объективно превращалась в важный инструмент восстановления финансового благополучия.

В инструкции весьма детально описан годовой цикл сельскохозяйственных работ, даны многочисленные агротехнические рекомендации, обличающие в авторе не только основательные знания в этой сфере, но и искренний к ней интерес. Часто упоминаются названия отдельных земель владения (в большинстве знакомые нам Степанково, Духанино, Плоскуново, пустоши Уколово, Малышево, Лазарково) – Виниусу хорошо известны их особенностями и он учитывает их в своих распоряжениях.

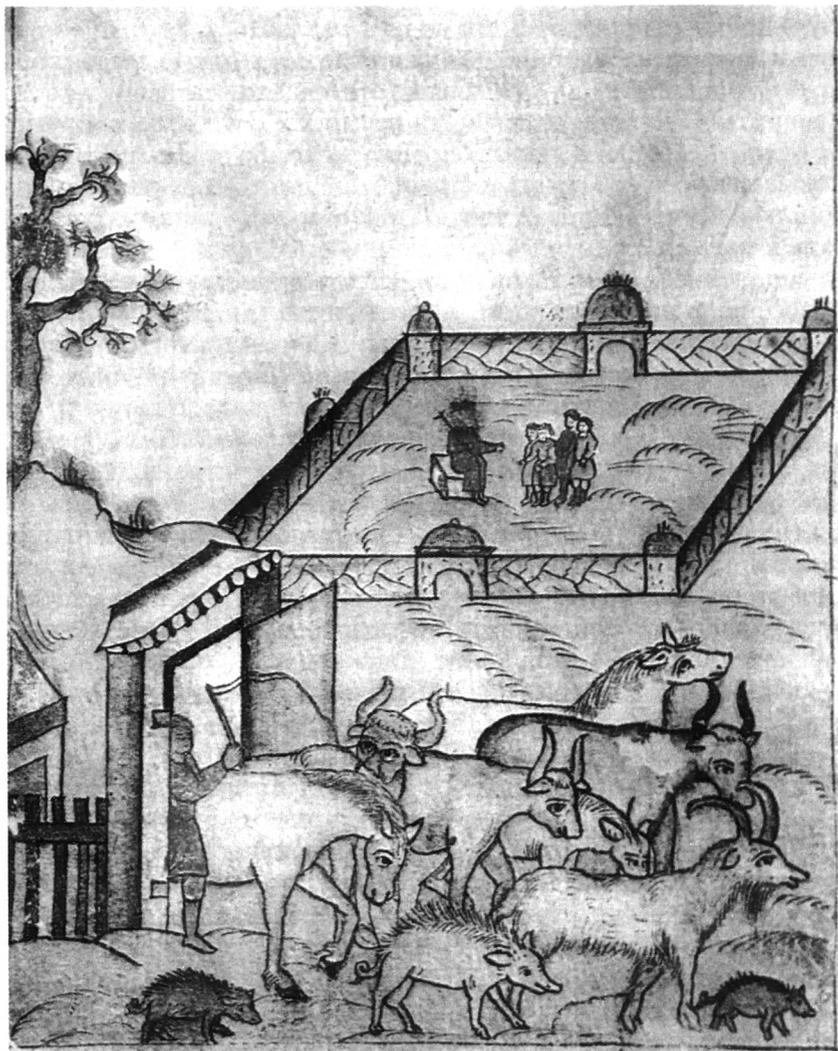

Рис. 40. Стадо, отправляющееся на пастбище. Миниатюра из “Повести о царе Соломоне”. XVIII в.

Главное содержание инструкции – разнесенные по месяцам требования к приказчику по управлению имением. Чиновник с огромным стажем, и в управление собственным хозяйством Виниус пытается внедрить начало строгого учета, хорошо знакомое нам по стилю его управления приказами: требует от приказчика подавать за предшествующий год “правые и неложные приходные и расходные книги всякому денежному и хлебному и житин-

ному приходу и расходу и что во весь год к Москве отпущено каких запасов, сена и дров, хлеба ужинные, умолотные, и где сколько сена поставлено скирдов и в них стогов... по чем бы можно было счесть. И в тех книгах писать несмятно, одно дело за другим, не мешать. Потом з генваря месяца нового тогда писать книги новые, и в те хлеб вписать, остаток хлебу и скоту, что ис прошло-го в новый год в остатке явится; а чево не мочно познать, написать в пример, применясь к закромам, что в них молоченного и немолоченного хлеба, сена, лошадей и всякого скота, с правдою, ничего не утая” (инструкция на месяц январь, п. 2).

Виниусова подмосковная на страницах инструкции предстает развитым многоотраслевым хозяйством, включающем растениеводство (полевые, в том числе лен, и огородные культуры), животноводство (коровы, овцы, свиньи), птицеводство (куры русские и индийские, гуси, утки, голуби), рыбоводство (рис. 40). В лесу заготавливается корень дягеля и девясила. Упомянуты сады (Духанинский и Степанковский), мельница, производство черепицы. Пространство окультуривается во всех отношениях, оговорена даже необходимость посадки в Степанкове вдоль забора принесенных весной из лесу “молодого орешнику, и сворбарильнику дикого, и малиннику... также и черемхи, и ребиннику” (апрель, п. 1, 4, 5, август, п. 2). У плотины стоит небольшая флотилия: “карбус” и две лодки (октябрь, п. 3).

Перечислены повинности крестьян, которых на тот момент во всех деревнях было больше 20 дворов, приемы и методы экономического и неэкономического их принуждения – от дачи в долг хлеба и сена (август, п. 1) до “смиряющего” наказания ослушников “сперва батогами, а после вдругие плетьюми” (май, п. 3). Виниус сетует на крестьянскую ленность, вследствие которой нередко “поздаются севы”: работники “спят и завтракают долго, а на работу ходят мало пред полуднем, оттого в те дни, когда на меня работают, их работа останавляется на долгие дни”. Полагая, очевидно, что на себя крестьяне будут работать более споро, он оставляет им для собственного хозяйства только два дня – “пяток и суботу” (май, п. 2).

Не питая иллюзий в отношении трудолюбия крестьян на господской пашне, Виниус, тем не менее, не считает безнадежным занятием их воспитание. Инструкция начинается трогательным призывом “вступая в новый год, во-первых, воздать во церкви Божией или дома благодарение Господу, что благоволил вам прошедшей год мирно и благо окончить Богу”. Виниус полагает, что настало самое время “каким неосмотрением и оплошкою что неисправно вы учинили, о том пред Господом Богом и пред господином своим приносить чистое покаяние, а в тех худобах ис-

правляться, впредь так не делать, и весьма потщится верно господину своему те вины заслужить” (январь, п. 1). Менее всего мы склонны видеть в этих словах лицемерие. “Исправляться и впредь так не делать” – формула, вполне органичная для Виниуса, который и в отношении проворовавшихся сибирских воевод надеялся, если возможно, обойтись без кнута.

Хотя, как мы уже сказали, по-настоящему заняться своей подмосковной Виниус получил возможность лишь в последнее 10-летие своей жизни, инструкция содержит детали, свидетельствующие, что хозяйственный опыт накапливался им давно. Так, требуя не опоздать с яровой пашней, он объясняет распоряжение тем, что “позние хлеба ретко созревают и от морозов уходят, потому памятую, что в 199-м году вскоре после Ильина дня жито все морозом побило... в июне как посеется, до Ильина дня неколи поспеет, а жито к тому же гораздо хлибко” (май, п. 2). Приводимый в пример случай имел место за 18 лет до составления инструкции – Виниусу он запомнился на всю жизнь.

Содержание экономических связей хозяина и его крепостных, некоторые моменты хозяйственного бытия вотчин уточняют заметки Книги домашних записок Виниуса [*Козловский 1*, с. 281–292].

В отношении своих крестьян Виниус выступал не только в качестве потребителя производившегося ими продукта и разработчика “стратегии” развития своего (собственно своего и своих крестьян) хозяйства. Он непосредственно включается в цикл производства, весной ссужая недостаточных крестьян зерном: “Их (крестьян. – *И.Ю.*) помещик и вотчинник думной дьяк Андрей Виниус в нынешнее время наперед того нужным для их скудости хлеба на семена и на емена давал”. Долг возвращался из нового урожая: “А как... новой хлеб поспеет, и они тот хлеб к старосте в вотчинникову житницу сносили” [141, л. 718]. Хлеб и сено, выдаваемые в заем крестьянам, неоднократно упоминаются в статье вотчинной инструкции 1709 г., причем Виниус требует “заемной хлеб по указам с крестьян с первых овинов... собирать и отнудь не запускать” (август, п. 1) [*Инструкции*, с. 26]. На каких условиях выдавались подобные кредиты, нам неизвестно.

Экономика усадьбы базировалась не только на агротехнологиях. Укажем на данные о керамисте, развернувшем производство на землях, некоторое время принадлежавшей Виниусу деревни Мельничной [*Юркин 2005а*]. По сведениям переписной книги Горетова стана Московского уезда 1704 г., “в той же деревне построен двор на заводе, а на том заводе делают кирпич, чем покрывают полаты, а называют черепицею. А делает тое черепицу обжигальщик с Москвы Гончарной слободы Василей Сергеев. А

на том дворе живет работник ево, Васильев, Семен Федоров; у него сын Дмитрий семи лет” [131, л. 233 об.].

В вотчинной инструкции Виниуса 1709 г. упомянута “глина добрая”, “ис которой черепицу делали”. Правда, использовать ее предложено в ней по другому назначению: для замазки печей в хоробах. Виниус требует в августе, после “жнитва” возов ее пять или шесть привезти на хозяйский двор и в погреб зимний “в углу сметать” [Инструкции, с. 27]. Из того, что место, откуда должна быть взята эта глина, не упомянуто, заключаем, что оно общеизвестно и расположено скорее всего в границах его же земель.

По-видимому, производством строительных материалов (черепицы и, возможно, кирпича) занимались здесь, если и не постоянно, то, во всяком случае, возобновляя его по мере надобности. Об этом говорят более поздние данные.

3 октября 1713 г. сделать для А.А. Виниуса 10 тыс. штук черепицы по цене 2 рубля 8 алтын 2 деньги (2 руб. 25 коп.) за тысячу подрядился оброчный стольника Юрия Еропкина крестьянин Алексей Евдокимов [123, л. 1326]. Из обязательства подрядчика доставить продукцию “к Москве на своих подводах”, заключаем, что делалась она не в столице.

Согласно другому, близкому по времени (от 24 февраля 1714 г.) договору, Аптекарского приказа “глиняных муравленых судов” (сосудов) мастер Василий Сергеев подрядился изготовить для Виниуса 10 тыс. черепиц “против образца, что были на Пущечном и на Гранатном дворах покрыты палатные кровли”. Продукт (“те черепицы муравленые плоские красные”) Сергеев обязался “отдать на Москве по зимнему пути 1715 года, кончая того года марта 25 числа”. Цена назначалась против прежнего ему заказа – по два рубля с полтиной за тысячу. Из общей суммы в 25 рублей Виниус “наперед” выдавал 10-рублевый задаток – “достальные” деньги договорено было “брать, как понадобятся” [124, л. 88–88 об.].

Эта запись содержит почти точный адрес черепичного завода. В договоре указано, что работа будет производиться “в вотчине ево в Московском уезде” “из его припасов”, причем обжигать черепицу предстоит “своими дровами в готовых его сараях”. На первый взгляд не понятно, к кому – к Виниусу? к Сергееву? – относится местоимение “его”. Но вотчин мастер Аптекарского приказа иметь не мог, так что под *его вотчиной* подразумевается несомненно имение Виниуса. В таком случае “его сараи” – тоже виниусовы, из чего заключаем, что либо Андрей Андреевич брался быстро их для Сергеева поставить (что маловероятно – подобное строительство логичней было бы оставить за Сергеевым), либо, что вероятнее, в вотчине Виниуса уже существовали постройки,

предназначенные или, по меньшей мере, пригодные для использования при выделке черепицы. К такому заключению склоняют приведенные выше упоминания об аналогичных работах, выполнявшихся нанятыми обжигальщиками прежде (1704, 1713), причем один раз (1704), несомненно, в его подмосковной.

Факт сохранявшегося на протяжении по меньшей мере 10 лет в вотчине Вiniusа производства черепицы еще раз высвечивает созидательное (“устроительное”) начало в его личности – в данном случае в прямом, *строительном* смысле этого слова. Вinius до глубокой старости озабочен культурной переработкой окружающего его природного пространства. И ведет ее с учетом европейского опыта и традиций: широко внедряя такой известный, но не особенно распространенный на Руси материал, как черепица. Уместно предположить, что виниусовская черепица предназначалась для использования в жилых и хозяйственных постройках – как городских, так, возможно, и сельских (вроде каменного дома в Степанкове). Известно о внимательном отношении Вiniusа к нуждам церкви – не исключено, что черепица могла им жертвоваться для перестройки и ремонтов московских церквей, с которыми он был связан местом проживания (Введение в Бараших, Марии Египетской Сретенского монастыря)¹⁶.

Случаи коммерческого сбыта произведенной Вiniusом черепицы нам не известны, но факты ее рекламирования в совокупности с данными об использовании на казенных объектах позволяют предполагать, что таковой имел место. В письме от 5 апреля 1700 г., сообщив об очередном московском пожаре, Вinius представляет царю “покорнейшее разсуждение”: “Лутчей есть сп[о]соб тем частым разорительным пожарам предварить, что исподволь на каменных зданиах кровли делать черепичные, которые, естли добрым порядком будут во множестве и добрым мастерством деланы, мню, не многим дороже тесовых кровель учнут ценою ставиться... Сие предаю твоему государскому премудрому изволению”. Вinius поднимает эту тему не впервые: о том он “и прежде сего довольно по рабской моей должности доносил” [4, л. 66 об.].

Год спустя, 8 апреля 1701 г., надзиратель артиллерии Вinius делится с царем опасениями по поводу безопасности литейного производства: “в деревянных избах на Пушечном, государь, дворе посреде толикаго огня, и кузнец, и всякаго небрежения ей зело

¹⁶ При разборке в начале 1930-х годов церкви Николая Чудотворца Сретенского монастыря были выявлены исторически ранние ее фрагменты, в том числе, перекрывающий четверик крестчатый свод с уложенной по нему чернолощеной черепицей [СС I, с. 188]. Обратим внимание, что бок о бок с этим храмом стояла церковь во имя Марии Египетской, к приходу которого принадлежал двор Вiniusа.

опасно”, в связи с чем он пребывает “в непрестанном страхе”. “И того, государь, опасаясь, – продолжает он, – намерен вместо тесу каменные анбары покрыть черепицею, потому станет немногим дороже” [6, л. 98]¹⁷.

Судя по неоднократно цитированному нами составленному Виниусом “Сокращенному объявлению прибыточным полезным делам...”, свое намерение он исполнил. В разделе, посвященном артиллерии, Виниус с гордостью сообщает царю о достижениях в части обеспечения в порученном ему хозяйстве противопожарной безопасности: “в пожары, паче ж в 207 году на Пушечном дворе погорело всяких статей, сказывают, болши 50 000 рублей; а ныне пороховые анбары делают в 2 местех и кузницы и анбары ограды каменные и кровли черепичные, что впредь таких разорительных опасностей за сохранением Божиим не чаять” [*ПуБ V*, с. 722].

О том же напишет он Петру из Голландии в 1707 г.: дабы избежать “случайнаго ради огненнаго заполнения” гибели всего нового “уготованного оружия”, построил де вокруг “артиллерийнаго двора... великия каменныя здания, их же черепицею покрых”. То же и в отношении строительства для Сибирского приказа: “добрыя и твердыя места строиш, и то все здание коровлею каменною да вред от огня ниже тления примет повреждение” [148, л. 195, 181]. Об использовании черепицы при проводившемся при нем строительстве Расценного крыльца Сибирского приказа выше уже упоминалось.

Заметим, что типоразмер черепицы, использованной для покрытия палатных кровель на Пушечном и Гранатном дворах, впоследствии будет принят Виниусом за стандарт, на который еще долго будет ориентироваться завод в его подмосковной (именно этот образец он укажет в договоре с мастером в 1714 г.).

Виниусовский черепичный завод, судя по выявленным источникам, опирался на труд вольнонаемный – мастера приглашались со стороны. При подборе использовались служебные контакты. Гончар Василий Сергеев упомянут среди сотрудников Аптекарского приказа (74 человека), которые, в конце апреля 1682 г. после смерти царя Федора Алексеевича целовали крест новому государю [*Мирский*, с. 49]. У нас нет данных о его окладе, но есть – о жалованье соответствующей штатной единицы в более раннее время. В “Окладной имянной книге, какова учинена великого государя в Ближней канцелярии по ведомостям ис приказов 701-го год[у], которых приказов и кому... по чем[у вели]кого государя жалован[ья]”, указаны оклады (денежный и хлебный) “глиняных судов мастеру” Сергею Евсегнееву: “10 рублей да за хлеб 6 руб-

¹⁷ В подлиннике письмо датировано 1705 г., соответственно датируется оно и в литературе (см., напр., [*Соловьев VIII*, с. 311]). Однако, судя по содержанию, написано оно могло быть только в 1701 г.

лев 32 алтына 2 деньги” [8, л. 117 об.]. Василию Сергееву, как мы уже говорили, предстояло получить за всю работу 25 рублей. Если его оклад по основному месту работы приблизительно соответствовал окладу его предшественника в той же должности, то за черепицу для Виниуса он должен был получить полтора годовых оклада. Следует, впрочем, учитывать, что мастер нес определенные связанные с производством расходы: черепицу должен был делать из собственных “припасов”, а сделанную – “обжигать своими дровами” [124, л. 88–88 об.].

Из-за незначительной численности рабочей силы (не более нескольких единиц) черепичный завод Виниуса не являлся мануфактурой и соотносить его с развитием последней нет оснований. Но и недооценивать факта его существования не следует – во всяком случае, применительно к истории хозяйства Виниуса. Его вполне допустимо именовать *заводом* в том широком смысле, которым отличалось употребление этого слова в ту эпоху. И уж тем более ничто не мешает рассматривать связанную с ним деятельность Виниуса как *промышленное предпринимательство*.

Итак, дипломат, управленец высокого уровня, писатель, переводчик, картограф, библиофил... – в таком сочетании качества привыкли мы воспринимать А.А. Виниуса. Теперь к этому перечню можно добавить: заводчик.

14.6. Хозяйство и родственные связи в приказах

Говоря о формировании (сложении) хозяйства Виниуса, следует упомянуть о факторе, который, можно предположить, ему способствовал – о родственных связях вотчинника в приказах. Связи с приказной средой других сословных групп, в частности, служилых людей, привлекают все более пристальное внимание исследователей. Отмечается интенсивность неформальных связей между ними и их роль в решении как частных, так и государственного значения вопросов [Новохатко, с. 158, 166, 167]. Тем более значимы они были в среде самих приказных управленцев. Корпоративные связи, помноженные на родственные, многократно усиливались и, приобретая благодаря ежедневной закалке особую прочность, действительно влияли как на карьеру, так и на темпы и формы накопления капитала.

Начиная службу, А.А. Виниус, как уже говорилось, скорее всего таковых не имел. Но всматриваясь в семью и родственное окружение Виниуса, каким оно было в зрелые его годы, постоянно обращаем внимание на существование таких связей, протянувшихся по всем основным направлениям его деятельности. Из входившей в его окружение пятерки приказных служителей разного

уровня (от подьячего до думного дьяка) выделим здесь одного – служащего Поместного приказа Лариона Порецкого.

В связи с характеристикой делового почерка А.А. Вiniusа уже привлекал внимание эпизод с четырьмя четьми, оставшимися “за продажей” при приобретении М.А. Вiniusом деревни Сокольниково и пустоши Лодыгиной в Горетове стане Московского уезда – в 1701 г. Вiniusы получили их фактически бесплатно, если не считать пошлин, связанных с юридическим оформлением сделки. Напомним, что эти чети были “потеряны” еще в 1651 г. при продаже ббльшей части имения. Новые владельцы, продавая его Вiniusу, об этих, прямого к ним отношения не имевших четьях узнать могли только случайно. Скорее же всего они о них не знали – связь с прежними хозяевами земли за 46 лет, истекшие с момента продажи, должна была утратиться. Как же Вiniusы узнали об этом остатке?

Рискнем предположить, что люфт между цифрой писцовой книги и той, что фигурировала в купчей Вiniusа, обнаружили сотрудники Поместного приказа. Они, собственно, не могли его не обнаружить – другое дело, что этот вполне рядовой факт они могли оставить без внимания, ограничившись его фиксацией (в неявной форме) в выписке по делу. Прямым подтверждением приказного происхождения информации служит переходящее из документа в документ утверждение, что Матюшкины (владельцы забытых четей) все истекшие годы не были челом об их за собой укреплении (были такие обращения или нет – сведениями об этом мог располагать только приказ).

Приглядевшись к именам приказных чиновников, фигурирующих в связанных с этими четьми делах (об укреплении их за Вiniusом и даче на имение выписи с межевых и переписных книг), обнаруживаем одно знакомое имя. Каждое из дел завершает запись решения (оба раза положительного: “тем четьям... быть за Матвеем Вiniusом”, “дать... выпись, буде спору нет”) с неизменной припиской в конце: “Дело у Лариона Порецкого. И чол он” [132, л. 141 об., 149 об.].

Какую должность на тот момент (февраль–сентябрь 1701 г.) занимал в Поместном приказе этот Ларион Порецкий и приходился ли он в это время Вiniusу свойственником – мы не знаем. Но именно такие имя и фамилию имел муж сестры Вiniusа Авдотьи, а образованное от него отчество носили племянник и племянница Вiniusа, принявшая после смерти дяди участие в борьбе за его наследство. Отношения Вiniusа и Порецкого нам сейчас не известны. Но не исключено и даже вероятно, что история с забытыми четьми – след, как минимум, “информационной поддержки” хозяйственного строительства Вiniusа со стороны приказного служащего-родственника.

Заключение

1. Эта книга – о нескольких Виниусах. Первый и наиболее известный – *государственный* человек. Большая часть биографии А.А. Винуса раскрывает его именно в этом качестве. Конечно, приведенная формула слишком проста, чтобы описать личность полностью – он был сложнее внутренне, разнообразнее во внешних проявлениях. Но наиболее убедительно и ярко реализовался все же на государственном поприще.

Степень реализации в этой ипостаси изменялась сначала по нарастающей, достигла максимума в период, когда Винус разменял шестой десяток лет, когда же ему перевалило за 60, ощутимо пошла на спад. Только ли естественно-биологическими причинами объясняется такая траектория?

Отвечая на вопрос отрицательно, мы, вместе с тем, не претендуем на полное понимание причин, определивших взлет и закат его служебной карьеры. В том, что касается стадии подъема, картина, впрочем, достаточно ясна: успехи Винуса – результат совместного действия таких факторов, как природные его дарования, образованность, подходящий для избранной формы реализации темперамент и тип личности, наличие отчетливых и сильных мотиваций саморазвития, благоприятные обстоятельства, в которых проходил его карьерный рост. Труднее понять другое – чем было вызвано его падение.

Пребывание у вершин власти зависело прежде всего от отношения царя. Мы уже отмечали высокую оценку Петром I компетенции Винуса. Основания для таковой, несомненно, имелись. Но царь хотел видеть в Винусе (и долгое время видел) не только эрудированного эксперта по широкому кругу вопросов.

Особенностью эпохи, на которую пришелся пик его карьеры, был запрос государства на администратора универсального типа [Бабич 2003а, с. 158, 159]. Не подлежит сомнению, что Винус в полной мере владел общими навыками управления – доказательством этому служит его долгая и успешная служба в Аптекарском и Сибирском приказах, продолжавшееся четверть века управление почтами. Но в его деятельности проявилось качество, будучи распознанным, воспринимавшееся негативно, как скры-

тый недостаток. И удаление его с высоких постов явилось результатом не только направленной против него интриги, использовавшей неблагоприятные для него внешние обстоятельства, но и неприятия этого, свойственного ему, качества. Умный и образованный чиновник слишком входил в содержание того, чем занимался.

Другие, получившие в молодости неплохое специальное образование, подчас, подобно П.А. Толстому и С.А. Кольчеву, так и не успевали применить приобретенные умения – они управляли (и управлялись) всюду, куда их, руководствуясь принципом “всякого на все станет”, ставили управлять. Не то Виниус. Служа, он проявлял не только рвение – позволял себе проявить интерес. Именно таким было его отношение к Сибири, таким же к артиллерии.

Самое любопытное, что в отличие от многих “птенцов своего гнезда” именно таким был и сам Петр. Он занимался множеством вещей, и всегда отдавался делу страстно, с любовью. Но в других свобода в любви не поощрял. Другие – служили.

Являлось ли указанное обстоятельство фактором, неизбежно ведущим слишком увлекавшихся к краху карьеры? По-видимому, нет. Несмотря на трепавшие его бури, в конечном счете продолжал оставаться на достаточно высоких постах В.Н. Татищев, позволявший себе увлечься порученным делом не меньше Виниуса. Но значительная часть службы Татищева проходила вдали от столиц, и это, отчасти, гасило способное подняться недовольство. И Виниус довольно долго был на хорошем счету. Не удержался.

2. Еще один Виниус – культурный деятель.

При взгляде на него в этом качестве неизменно оказываемся перед необходимостью ответить на вопрос, к какой культурной эпохе он принадлежал и, соответственно, в какой системе идей и терминов следует описывать его место в культуре.

Проще всего ответить: к переходной. Но констатация культурной неоднородности не снимает вопросов – лишь неизбежно смещает внимание к анализу следствий этой неоднородности. Применительно к А.А. Виниусу ситуацию усложняет еще и то обстоятельство, что в разных странах культурные процессы развивались неодновременно, и не вполне ясно, к какой национальной культуре его отнести.

Если исходить из того, что Виниус был рожден в колыбели западноевропейской, конкретно, голландской культуры, то обратим внимание на то, что по времени рождения он близок к ряду деятелей, которых принято связывать с эпохой Просвещения – к Локку (1632), Лейбницу (1646), Хетчесону (1649), де Сен-Пьеру (1658), Дефо (1660). В этом ряду рассмотреть его было бы инте-

ресно еще и потому, что он тесно связан по меньшей мере с одним деятелем, подпадающим под ту же квалификацию, причем деятелем, безусловно, для эпохи раннего Просвещения крупнейшим – с Петром Великим.

Но относить его к представителям эпохи Просвещения, по-видимому, нет серьезных оснований – Виниус жил в ее преддверии, хотя дух просветительства в его деятельности, безусловно, присутствовал. Важным фактором, определявшим развитие русской духовной культуры в XVII в., являлось проникновение в нее (в первую очередь в литературу, но не только) не идей просвещения, а традиции барокко. Утверждаясь в России в среде административно-канцелярской, позднее придворной, схоластическое барокко под ее воздействием, по мнению А.Н. Робинсона, существенно видоизменилось: “получило в России в первую очередь государственную направленность и приобрело синтетический характер идеологического явления, одновременно просветительского, панегирического и полемического”. Усиление в модифицированном барокко первой из перечисленных черт вовсе не противоречило той традиции, которая шла из прошлого и пока продолжала оставаться базовой – “барочное мировосприятие находило опору в русской средневековой церковно-учительной традиции” [Робинсон, с. 24–25]. Через таких, как Виниус, барокко в Россию поступало непосредственно, в “чистом” виде: минуя социальные, культурные, национально-религиозные фильтры в украинской и белорусской среде. Но пройдя мимо них, все равно приобретало русскую редакцию.

Говоря о барочных и просветительских традициях в культурной работе Виниуса, мы столкнулись с трудностью определения национально-культурной традиции, на которую можно было бы опереться для описания его личности. По-видимому, ему была уготована особая (хотя и не уникальная) роль, связанная с его местоположением в культурном пространстве – положением “меж двух миров”.

Связанное с этим его состояние можно обозначить, как *двоекультурность*. Это ни в коей степени не культурная шизофрения. Виниус в своей двойственности вполне органичен, естествен, она – в самой природе его личности. Он, как мы уже писали, в некотором смысле *культурный кентавр*, или, если угодно, *Янус* [Юркин 2004, с. 324]. В нем слиты два культурных сознания, “настроенные” каждое на свою группу участников коммуникации, и в зависимости от того, с носителями какой культуры и в каком качестве он контактировал, в нем актуализировалась одна или другая культурная его ипостась.

Для обусловленной транскультурными взаимодействиями эволюции и трансляции культурных форм такие личности особенно

интересны тем, что в наибольшей степени приспособлены для исполнения культуртрегерской роли: они выступают переносчиками этих форм и одновременно готовят их адаптацию на новой почве. Они – катализаторы культурогенеза: через их посредство в культурную почву “высеиваются” еще неизвестные или мало ей знакомые культурные формы. Будучи фактором и одновременно выражением подвижности культурного контекста, в трансляции артефактов (от предметов до систем отношений) они обеспечивают реализацию своего рода принципа дополнительности: встраивают в чужие культурные формы элементы, делающие модифицированные их версии жизнеспособными в новой среде.

Для культурологического анализа такие личности неизмеримо сложнее тех, для которых формирующая и реализующая их культурные среды, будучи относительно однородными, к тому же еще совпадают. В отличие от тяготеющего к раннему европейскому Просвещению Витсена, “просвещенчество” Виниуса идет скорее всего не от собственно Просвещения, но от типологически более ранних идейных течений.

За различиями героев, как я полагаю, – глубинные различия Западной Европы, с ее сравнительно отчетливо обозначенной последовательностью смены культурных эпох, и более сложной в своем развитии России, в то время все более ясно ощущавшей вызовы стремительно расширяющегося мира и неизбежность, в качестве ответа на них, ускорения собственной модернизации.

3. Своеобразие положения А.А. Виниуса в культурном пространстве во многом определяет его место в контексте истории знаний и истории науки и, как нам кажется, должно учитываться при оценке его заслуг на этом поприще. Каковы бы не были личные его склонности и интересы, он, несомненно, в первую очередь выступал в качестве реализатора определенной культурной задачи, являвшейся актуальнейшей для кругов, будущее России видевших в ее модернизации по западноевропейскому образцу. Виниус – один из тех деятелей, которые, во-первых, переносили в Россию научно-технические знания Европы, во-вторых, закладывали основы образовательной системы, обеспечивавшей трансляцию и рецепцию этих знаний, в-третьих, вели самостоятельно и организовывали других для ведения в России тех видов научной работы, которые в то время были здесь возможны и необходимы.

Говоря о первой из перечисленных функций нельзя не вспомнить тягу Виниуса к технико-технологическим знаниям. Разного рода технологии на протяжении жизни Виниуса буквально преследуют его, идут за ним по пятам – или, если угодно, он преследует их и, как магнит, одну за другой втягивает в свою биографию. Не-

сколько лет он надзирает над фабрикой шелковых тканей. У себя в подмосковной держит то замирающий, то снова оживающий собственный черепичный заводик. Поблизости на его же землях светятся горны первого в России стеклодувного завода Койетов-Минтера – Виниус то покупает земли у его владельцев, то им же их продает. Он же руководит отливкой пушек, совершенствует порох, и т.д. и т.п. Ну и, конечно, горное дело с металлургией. Последняя, воистину, для своего времени *высокая* технология, и Виниус на протяжении жизни то приближаясь к ней, то отдаляясь, в конце концов попадает в самую сердцевину ее развития.

Новых технологий и технических устройств он на этом поприще не изобрел (за единственным, может быть, исключением¹, мы таких не знаем). Но в его личности счастливо сочеталось обладание определенными, далеко не общераспространенными, прикладными знаниями, желание их реально “приложить” и обладание долей власти, жизненно необходимой для опыта трансплантации.

Широкий кругозор и благоприятные условия (пребывание в составе властной элиты и, одновременно, максимально облегченная коммуникация с Западной Европой) долгое время создавали для Виниуса возможности, какими в то время не обладал, кажется, никто в России. Возможностей он не упустил. В культурах, стоявших на пороге модернизации, подобные деятели особенно ценны – через них будущее пробивает себе кратчайшую дорогу. Виниусу хватило и ума, и знаний, и трудолюбия, чтобы в гармонии со своим надличностным назначением внести в историю вклад, вполне достаточный, чтобы его дела остались в памяти потомков.

Страсть, с которой он отдавался этой работе, пришла в конце концов в противоречие с отношением к делу, которого требовало пребывание на высоких административных постах. Как результат, элита его отвергла. К сожалению, наука и просвещение от того, что он стал свободнее, выиграть ничего не успели.

¹ В бумагах “Кабинета Петра I” сохранился любопытный документ (оригинал и копия), озаглавленный в описи “Андрея Виниуса чертежи стрелкам со описанием” [ба, л. 397, 398]. На чертеже изображена цилиндрическая с заостренным концом и оперением стрела. Средняя ее часть укреплена металлической трубкой, хвостовая с той же целью перевита “жилою с клеєм”, на острие надета металлическая (из уклада) головка. Про оперение сказано, что это “перья жестяное”, которое “вгибается в дерево и пружиною подымается”. Сопровождающий текст сообщает о назначении (“та стрелка кладется в мушкет натуго и дается салдаты”) и эффективности устройства (“действие сей стрелки крепче пули”). Но авторство данного изобретения, хотя и поданного Виниусом (о чем говорит его почерк), себе им не приписывалось: стрелка была создана якобы “по вымыслу некоего старого полковника” (не Д.А. Траурнихта ли?). Впрочем, не исключено, что ссылкой на профессионального военного Виниус все-го лишь хотел придать больший вес собственной инвенции.

Приложение 1

Хронологическая канва жизни и деятельности

- 1641 – рождение А.А. Виниуса
Ок. 1655 – крещен в православную веру
1664, январь–август (вероятно, марта 20) – “взят” в Посольский приказ в переводчики голландского языка
1667 – работает переводчиком при строительстве корабля “Орел”
1667 – составляет географический справочник “Описание расстоянию столиц...”
1672–1674 – дипломатическая поездка во Францию, Испанию и Англию
1674 – получает дворянство, ему поручается заведывание почтой за границу
1674–1675 – участвует в поисках руд на Волге и Каме
1675–1701 – возглавляет почтовую службу России
1677, декабря 30 – назначен дьяком в Аптекарский приказ
1689 – переведен в Посольский приказ
1694/95 – переведен в Сибирский приказ
1696 – организует триумфальный въезд Петра I в Москву после взятия Азова
1696–1701 – по его распоряжению С.У. Ремезов составляет “Чертежную книгу Сибири”
1697 – поставлен во главе Сибирского приказа
1700 – включен в состав Палаты об Уложении (1700–1703)
1700, конец – назначен “надзирателем артиллерии”
1701, марта 16 – отстранен от управления почтами
1702, июля 28 – декабря 31 – поездка на Урал
1702, 1708–1712 – переводческая деятельность (техническая, справочная, учебная литература)
1703 – отстранен от управления Сибирским и Аптекарским приказами
1706–1708 – пребывание в Голландии
1710–1711 – советник при гетмане
1716, ноября 8 – смерть А.А. Виниуса

Приложение 2

Российская ветвь рода Виниусов и ее родственное окружение

Андрей Андреевич Виниус умер, потомков мужского пола после себя не оставив [136, л. 230, 231]. Обрыв родословной линии, однако, не означает разреженности прижизненного его родственного окружения. Входившая в весьма разветвленный род (рис. 41), семья российских Виниусов, хотя и не отличалась многочисленностью, на протяжении почти всей жизни А.А. включала нескольких близких родственников. В октябре 1699 г. он сообщил находившемуся за границей сыну Матвею о “добром здравии”, в котором пребывают домашние – “зять, сестра и бабушка, и все наши сродники, и отец твой крестной” [Козловский I, с. 272]. Налицо традиционный комплект членов многопоколенной семьи – как видим, род Виниусов, несмотря на относительную краткость пребывания в России, успел сформировать здесь вполне полнокровную микрочаечку общества. Ею – перечисленными выше лицами, которые жили с автором письма в

одном доме (дворе), – родственный круг не ограничивался. Он был значительно шире.

В жизни человека средневековья и раннего нового времени родственные связи играли исключительно важную роль. Принадлежность к роду, статус этого рода заранее, независимо от личных трудов и заслуг определяли статусный индекс индивида, очерчивали перспективу развития. Человек служилый, делающий карьеру, в родственных связях находил и поддержку и дополнительную энергию.

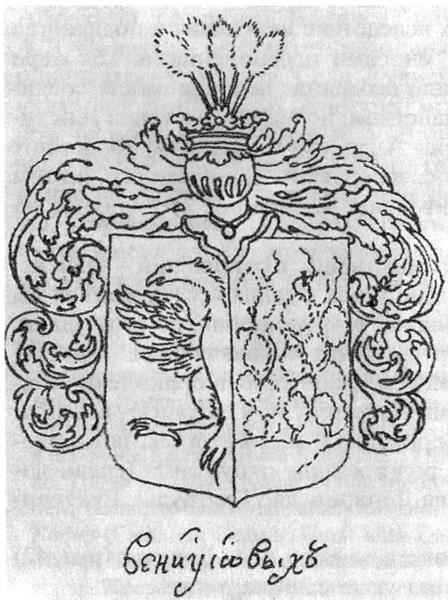

Рис. 41. Герб рода Виниусов. 1690–1700-е годы. Прорисовка с оригинала (РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 1. Л. 425)

Рис. 42. Молодая пара (члены семьи АА. Виниуса?). Рис. из альбома “Книга Виниуса”. Последняя четверть XVII в.

Род Виниусов не входил в число фамилий, составлявших властную элиту Московского государства, да и вообще к привилегированным условиям не принадлежал. Для России он был новым, привилегии предстояло еще заработать. А.Д. Виниус вошел в русскую жизнь, имея родственников только в Нидерландах, в лучшем случае – также среди московских иноземцев, жизнь которых вследствие инославия и подданства чужим королям была обставлена многими ограничениями. По мере встраивания в русскую жизнь приходило осознание необходимости соединения с ней не только верой и подданством, но еще и сращения генетического. Начиная с поколения Андрея Андреевича, Виниусы обрастают русскими родственниками. Набралось их сравнительно немного, но тем каждый из них важнее – тем значительнее возможное его влияние на жизнь и карьеру героя.

Установление имен и характера родственных отношений – занятие, сопряженное с немалыми трудностями; успех в таких исследованиях зависит, как правило, не только от знаний и трудолюбия, но и от удачи. Упомянем два обстоятельства, затрудняющих родоведческие разыскания в нашем случае: нередкие в этой семье повторные браки (сам Андрей Андреевич, его отец, жена сына Матвея, Д.А. Траурнихт, возможно, Н.В. фан дер Гульст и А.А. Городецкая) и, во-вторых, повторяемость имен в семье и ближайшем родственном окружении (среди названных три Андрея и Марии, по два Лариона, две Гертруды, Екатерины, Анны и Авдотьи).

Проследим родственников и свойственников А.А. Виниуса (рис. 42) по ветвям, которые на данный момент удалось обнаружить.

Начнем с одноземцев. Переселившийся в Россию А.Д. Винус немало родственников оставил там, откуда прибыл – в Нидерландах. Родственная связь с Голландией не прервалась и при его сыне. В послании Петру I, написанном во второй половине 1707 – начале 1708 г. А.А. Винус, говоря об Амстердаме, упомянул, что там “и доньне сродником моим в консулах и судиях пребывают” [148, л. 176 об.]. Возможно, именно их подразумевал он в сказке, поданной двумя десятилетиями раньше в Палату родословных дел: “брат – судия в городе Амстрадаме, а другой, государственной казначеи, имеет ныне у себя все приходы и росходы денежные. Да он же в прошлых годах был в походе с князем Оратским (sic. – *И.Ю.*) от Высокомочных Стат депутатом (товарыщем)” [126, л. 44 об.]. В записи, касающейся поездки в Голландию в 1706–1708 гг., Винус упоминает конкретные имена: Булеуса¹, в доме которого жил почти два года, и Елизавету, а также некую свою племянницу – возможно, все ту же Елизавету [Козловский I, с. 292].

Родственником, по меньшей мере, четвероюродным братом А.А. Винуса был Николаас Витсен². К сожалению, содержащиеся в известной нам историографии упоминания об этом родстве (Винус – племянник Витсена [*Wladimiroff*, с. 6; *Владимиров*]) не содержат ссылок на источники, в связи с чем согласовать эти сведения с достоверно установленным фактом дальнего родства не удастся.

О некоторых голландских родственниках Винусов известно из русских источников, поскольку они какое-то время жили в России. Такова вся ветвь рода, идущая от старшей сестры А.А. и ее потомков, сохранивших веру отцов и национальную идентичность. Укажем также Абрахама (Аврама) Винуса, называемого в источниках братом А.Д. Винуса – он был его компаньоном при начале строительства Городищенских заводов. Если Андрей и Аврам – братья родные (о чем, учитывая одинаковое отчество, можно говорить достаточно уверенно), то последний – дядя А.А. Винуса. Но неизвестно, были ли они знакомы: А.А. родился в 1641 г., самое позднее известное нам упоминание об Авраме – запись о запечатании в Печатном приказе грамоты, разрешившей “галанцам” гостю Андрею и Авраму Винусам в течение шести лет “из железа уклад делать по немецкому обычаю” – относится к 30 сентября 1636 г. [77, л. 95]. Тот факт, что в отличие от Ан-

¹ В период с 1664 по 1680 г. среди торговавших с Россией нидерландских купцов эпизодически встречаются имена братьев Ивана (Яна) и Юстра Ивановых Булеюсов (Булеусы, Булевицы) [*Демкин II*, с. 69].

² Общие их прапрадед и прапрабабка – Клас Хафф (Claes Claesz. Gaeff, † 1561) и его жена Хрите (Griete Barendsr., † 1572), имевшие пятерых детей, в том числе, Трайн и Марию Хафф (Trijn, Maria Claesdr. Gaeff). Сыном первой был Ламберт (Lambert Lambertsz. alias Cornelisz. Opsy), от которого родилась Катарина Хафф (Catharina Claesdr. Gaeff alias Lambertsdr. Opsy), мать Николая Витсена. Мария Хафф родила сына Виллема (Willem Jacobsz. van Rijn), от того была рождена Хеертрайд фан Райн, мать А.А. Винуса [*Elias*, 269–273, 545].

дрея Аврам не назван в документе ни *гостем*, ни даже *торговым человеком*, говорит, возможно, о том, что торговлей он не занимался (во всяком случае, в это время; во всяком случае, в России). Дата челобитья не указана, но едва ли ошибемся, отнеся ее к первой половине – середине 1636 г. Сведений о дальнейшей судьбе Аврама не имеется. Он либо умер, либо возвратился за границу.

У А.Д. Виниуса имелась неизвестная нам по имени сестра (тетка Андрею Андреевичу). Сделать такой вывод позволяет упоминание в челобитной А.Д., поданной в 1634/35 г., о задолжавшем ему зяте (в данном случае – муже сестры) – торговом человеке, по имени Федор Романов. В счет долга зять послал “на караблях к Архангелскому городу розных товаров”, из чего заключаем, что на момент посылки он находился “за морем” [14, л. 1].

Возможно, у Андрея Денисовича была еще одна неизвестная по имени сестра или брат по имени Николай. Об этом говорит запись от 27 июня 1656 г. в пошлинной книге Печатного приказа о грамоте на Двину, в которой фигурирует некий Андрей Николаев (Ондрей Николаев), названный племянником гостя Андрея Виниуса [83, л. 249]. Из содержания грамоты, касающегося расчета за отмеренные Николаеву 1811 четвертей ячменя, предположительно заключаем, что он также занимался торговым предпринимательством. Вследствие неясности родовой цепочки, связывающей его с родом Виниусов, в родословную схему его не включаем.

В поисках лиц из родственного окружения А.А. Виниуса обратим внимание также на упоминание в тексте данного ему в 1672 г. наказа (по поводу посылки за границу) об отправлявшемся с ним подьячем Петре Виниусе [Козловский 1, с. 184]. Практика посылки в свите посла или посланника его родственников известна: так, в 1699 г. сопровождать отправленного в Константинополь для заключения мира с Портой Е.И. Украинцева были направлены четверо, носившие одну с ним фамилию [Лаврентьев, с. 174]. Фамилия Виниус не принадлежит к широко распространенным – очень вероятно, что Андрей и Петр были родственниками. Только одно можно сказать о Петре с достаточной уверенностью – он был российский подданный. Жившие в России родственники Виниусов, к которым переходим, в своем большинстве также являлись подданными московского царя.

На отце не останавливаемся – ему посвящена глава этой книги.

Виниус-старший состоял минимум в двух браках (схема 1). Имя первой его жены – матери Андрея Андреевича – Хеертгайд (Гертруда) фан Райн, брак с ней был заключен в 1628 г. [Veluwenkamp, 92]. Обратим внимание на упоминание неназванного по имени приказчика А.Д. Виниуса с Городищенских заводов, приходившегося ему свояком [31, л. 107]. Заводы у Виниуса были отобраны в декабре 1647 г. – приказчик, следовательно, являлся родней, скорее всего, по первой его жене.

Во второй брак А.Д. Виниус вступил два десятилетия спустя, 10 февраля 1648 г.; невесту звали Гертрудой Мейер [Цветаев, с. 402]. При перекрещивании Виниуса-старшего “со всем домом своим”³ в

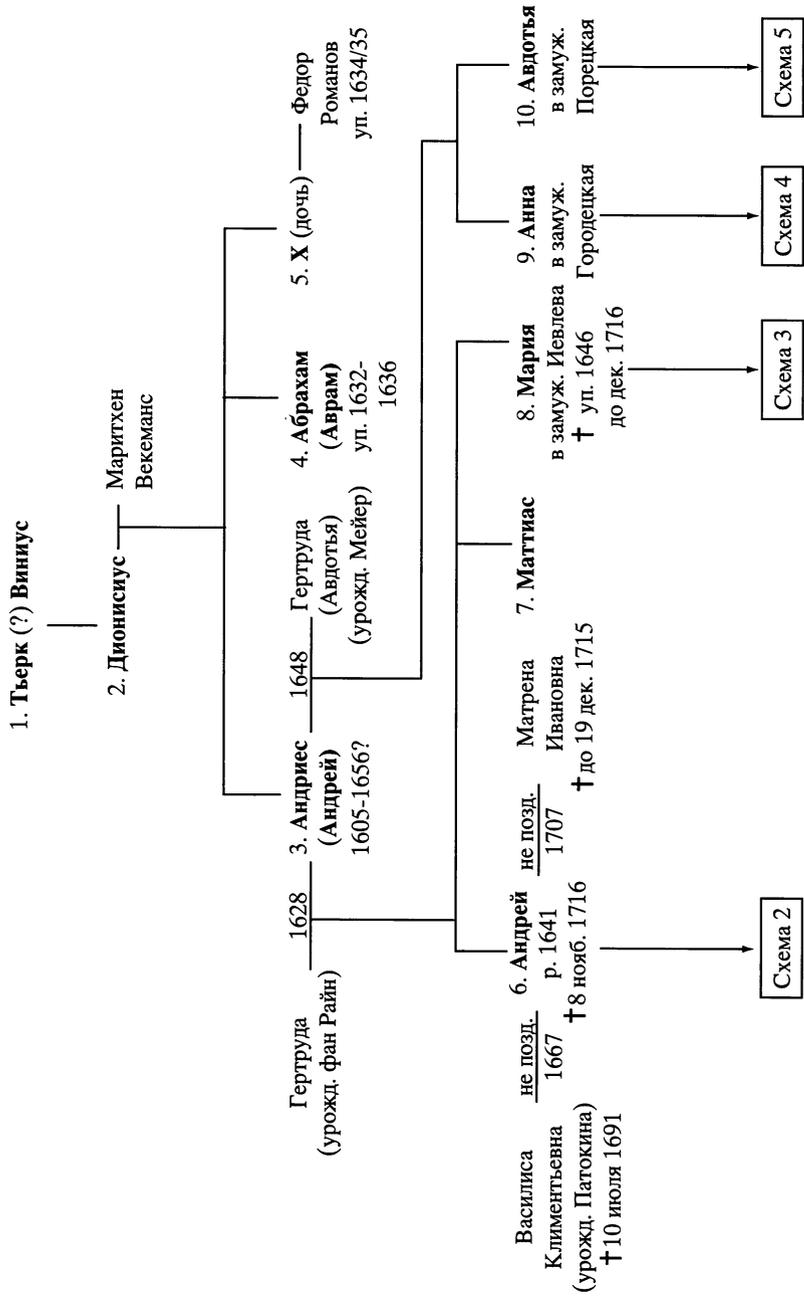

Схема 1. Род Виниусов

1655 г. ей дали, надо полагать, какое-то календарное имя. Если Виниус за десятилетие, истекшее с момента вступления в этот брак и до своей смерти, не женился в третий раз, то вероятное православное имя Гертруды – Авдотья (Евдокия). Закключаем это из записи в пошлинной книге Печатного приказа, где под 29 апреля 1657 г. отмечено запечатание грамоты “по челобитью гостя Ондреевские жены Виниуса вдовы Овдотьи Елисеевы” [84, л. 444]. Если Мейер – собственная, а не прежнего мужа, фамилия Гертруды, то устанавливаем имя ее отца – Елисей Мейер. О Мейерах, в том числе с именем Елисей, см. в гл. 1. В документе января 1649 г. упоминается московский служилый иноземец Елисей Елисеевич Мейер, выступивший поручателем А.Д. Винуиса на одном из этапов его тяжбы с Д.Н. Руцем [31, л. 93]. Не исключаем, что это один из свойственников А.Д.

Отметим для полноты картины еще и *бабушку*, упомянутую в приведенной в начале этого раздела цитате из письма А.А. Винуиса сыну 1699 г. Сколько-нибудь убедительной идентификации она не поддается, поскольку из конструкции фразы не ясно даже, чью – свою или сына Матвея – бабушку подразумевал, говоря о ней, А.А. Винуис. Если второе, то речь идет или о его (А.А.) мачехе Гертруде-Авдотье, или о матери его жены.

У Андрея Денисовича Винуиса детей было несколько: Андрей, Мария (от первого брака), Анна, Авдотья (возможно, от второго) [136, л. 231 об.]. Связанное с Россией потомство идет и от Андрея, и от сестер. Я.В. Велувенкамп указывает еще одного рожденного первой женой сына – Маттиаса (Matthias) [Veluwenkamp, 92], но в [Elias, 273] он не упомянут, более того, сказано, что в этом браке был рожден *единственный* сын.

Браки А.А. Винуиса

Андрей Андреевич женат был дважды, первый раз – на Василисе Климентьевне Патокиной [Elias, 273]. Надпись на ее надгробной плите эти данные в основном подтверждает⁴. Патокины – купеческий род, имевший представителей в составе гостиной сотни. Одно с отцом Василисы имя носили по меньшей мере двое Патокиных, живших в приблизительно подходящее время: Климентий Васильевич (Нижний Новгород) и Якимович, упоминающиеся, соответственно, в 1649–1650 и 1643–1664 гг. [Голикова 1998, с. 275, 284].

Самое раннее свидетельство о семье (схема 2) встречаем в челобитной Винуиса 1667 г. (не позднее 16 декабря): прося о прибавке жалова-

³ О “всем доме” писал в челобитной А.А. Винуис. Утверждение, возможно, не соответствует действительности: старшая его сестра сохранила прежнее вероисповедание. Не исключено, однако, что к этому времени она была уже замужем и жила отдельным домом.

⁴ Впрочем, не полностью: по утверждению исследователя, ссылающегося на этот источник, “Винуис женился на дочери Власа Клеменьева Патотокине” [Милюков 2000а, с. 45].

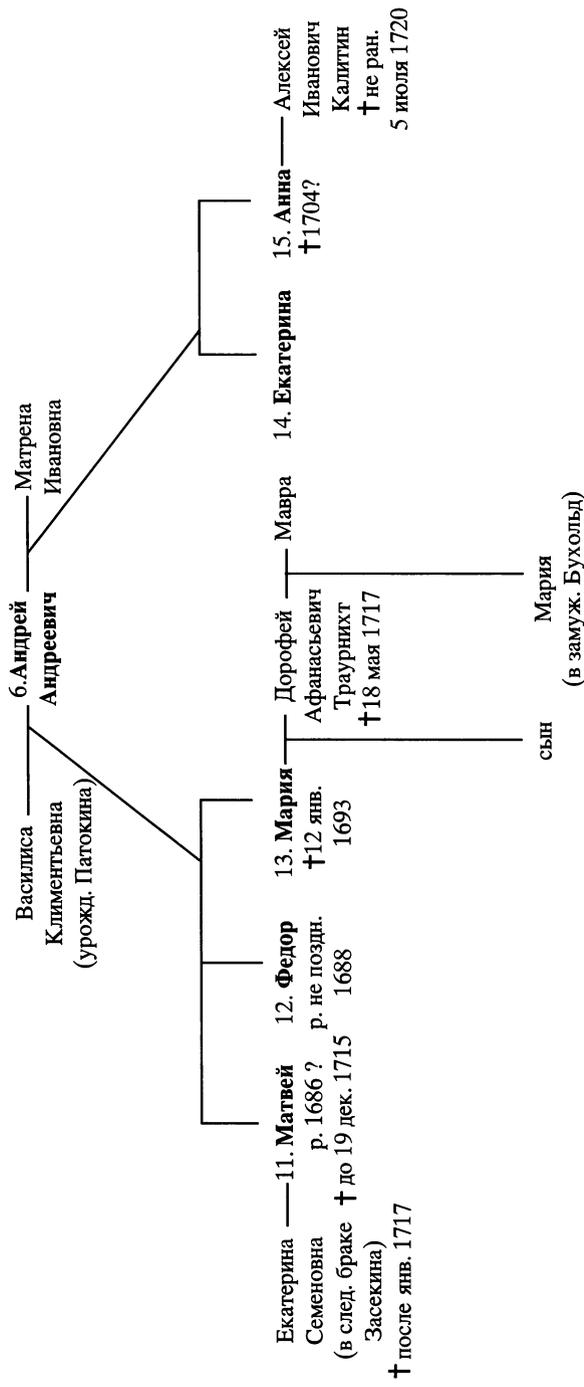

Схема 2. Потомки Андрея Андреевича Виннуса

ня, 26-летний проситель заявляет, что ему “з женишкою, и детишки, и с людишки прокормиться нечим” [26, л. 2]. Если приведенные слова не являются устойчивым клише, то перед нами упоминание о существовании у него семьи жены и кого-то из рожденных в этом браке детей. Умерла первая жена 10 июля 1691 г. Похоронена в храме Введения Божией Матери в Барашах, ставшей местом семейного некрополя Виниусов [МН, с. 205; Милюков 2000а, с. 68].

Вторую супругу Андрея Андреевича звали Матреной Ивановной [Козловский I, с. 270]. Ее девичья фамилия и дата венчания нам неизвестны; то же – и в отношении даты смерти, но, несомненно, она умерла раньше мужа [136, л. 230, 231]. В период последнего посещения Виниусом заграницы она была жива (имеется ее сказка от 29 августа 1707 г. [64, л. 1–1 об.]). В декабре (не позднее 19) 1715 г. к присмотру за Виниусом, у которого больше, как сообщает источник, “никово не осталось”, было определено особое лицо [118, л. 656–656 об.] – следовательно, в это время он был уже вдовцом⁵.

На сестре одной из жен Виниуса был женат думный дьяк Е.И. Украинцев, приходившийся А.А. Виниусу, таким образом, свояком. Самое раннее известное нам упоминание факта свойства Виниуса и Украинцева – в письме Петра I к Виниусу от 15 июля 1696 г. и ответном письме Виниуса от 29 июля [Пиб I, № 108, с. 591]. Виниус называет Украинцева свояком и в адресованном Петру письме от 5 апреля 1700 г. [4, л. 66 об.]. Июль 1696 г. – верхняя граница для интересующего нас брака Украинцева.

Украинцев, как и Виниус, родился в 1641 г. [Рогожин 1999б, с. 55]; скончался в 1708 г., скорее всего, 12 сентября и, несомненно, до 21 декабря [137, л. 524, 524 об.]⁶. Его двор находился на Хохловке – в районе Москвы, где преимущественно селились выходцы из Малороссии (ныне – Хохловский пер., здание палат сохранилось). Подобно свояку, женат был дважды [137, л. 524 об.]. Какие супруги Виниуса и Украинцева приходились друг другу сестрами – нами не установлено. По имени известна вторая жена Украинцева – Устинья Осиповна [137, л. 524, 525 об.]. Дочь Осипа Яковлевича Львова, в первом браке она побывала замужем за Иваном Алексеевичем Юрьевым⁷, во втором – за Е.И. Украинцевым [139, л. 245]. Умерла в июне 1715 г. На момент смерти дум-

⁵ Утверждение С.Г. Милюкова, что она ушла из жизни после сына Матвея [Милюков 2000а, с. 276], остается принимать на веру. Архивное дело, на которое он ссылается (РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 29. Л. 627–632), сведений о смерти жены не содержит; единственный из Виниусов, в нем упомянутый – Матвей.

⁶ Е.И. Украинцев “умре на службе”, будучи послан с дипломатической миссией в Венгрию; на чужбине был и погребен [137, л. 524 об.; Лаврентьев, с. 168, 162]. Раздел его имущества происходил в ситуации спора потенциальных наследников. В январе 1716 г. по распоряжению царя в Москву было командировано специальное лицо, чтобы ревизовать там состояние еще не разделенных между наследниками вещей, находившихся тогда на сохранении в чьем-то частном доме [115, л. 207].

⁷ От Юрьева, уже имевшего трех дочерей – Анну (в замужестве Скворцова), Авдотью (в замужестве Маслову) и Марфу, она родила сына Петра.

ного дьяка детей у Емельяна не было ни от второго⁸, ни от первого брака⁹. Упоминается, впрочем, “внука его родная” Мария Андреевна. Это ее бабка – Устинья, вторая жена Е.И. В начале 1713 г., “внука”, оставаясь незамужней, носила фамилию Шаховской (Шеховской) и княжеский титул. В апреле 1715 г. в документах она фигурирует уже как княжна Михайлова жена Милославская [137, л. 524 об.–525 об.]¹⁰. Как видим, наследники Украинцева посредством браков связали род с титулованными и даже породненными с царским домом фамилиями. У Виниуса это не получилось.

А.А. Виниус имел сыновей Матвея, Федора, дочерей Марию, Екатерину, Анну. Первые трое были рождены в первом браке, мать прочих неизвестна. Кто-то из детей родился, возможно, еще в 1660-х годах – напомним о челобитной 1667 г., в которой фигурируют не названные по именам “детушки”.

Сыновья и дочери

Самое раннее известное нам упоминание имен сыновей содержится в сказке о происхождении и службах Виниусов, поданной А.А. в действовавшую при Разряде Палату родословных дел в 1686–1688 гг.¹¹. О Матвее и Федоре здесь сказано, что они “по се время ни в какой чин не верстаны для того, что малы” [126, л. 46]. Если опираться на доста-

⁸ Его вдова названа в документе “женою бездетной” (по отношению к ситуации 1708 г.) и отмечено, что “после ее детей у Емельяна Украинцова не осталось” [137, л. 524 об., 525 об.].

⁹ “Дипломат был бездетен, а прямые наследники отсутствовали”, пишет А.В. Лаврентьев [Лаврентьев, с. 169]. Впрочем, нельзя исключить, что дети у него все же были, лишь умерли относительно рано.

¹⁰ В делах по разделу наследства фигурируют также братья старший Кирилл (его потомков см. в [137, л. 529]) и младший Гур (Гурий) Украинцевы, первый из которых после смерти У.О. Украинцевой получил часть бывших емельяновых владений, данных ей “на прожиток”. Кирилл проведет комбинацию, которая, несмотря на закон о единонаследии, позволит перевести часть недвижимости в собственность младшему брату. Тот завещает свою долю жене, а та после его смерти (до 15 января 1724 г.) выйдет замуж за Федора Щербачева. Но Вышний суд все это отменит, в вопросе о наследстве решительно став на сторону интересов “внуки Емельяновой” Марии Милославской [137, л. 525 об. – 526 об.]. Родство с Е.И. Украинцевым Кирилла и Гура, несмотря на то что они носили одну с ним фамилию, по-видимому, осознавалось законниками более дальним, чем ее, с рождения носившей недовскую фамилию. Это можно утверждать, во всяком случае, в отношении двух обнаруженных нами Гуров Украинцевых – Родионовича, по одним данным стольника, по другим стряпчего, двоюродного брата думного дьяка, и Семеновича, гвардии солдата, состоявшего с Е.И. в еще более дальнем родстве.

¹¹ Подача сказок, к комплекту которых она относится, была возобновлена после длительного перерыва в декабре 1685 г. В основном она завершилась к лету 1688 г. – известны только пять сказок, поданных позднее. Учитывая это, А.В. Антонов и датирует родословные документы Виниуса [Антонов, с. 44, 45, 55, 112].

точно обоснованную датировку источника, предлагаемую А.В. Антоновым, то рождение обоих следует отнести ко времени никак не позднее 1688 г.

Федор, по-видимому, умер в детстве – сведений о нем во взрослом мы не имеем. Известий о Матвее, напротив, множество. После сказки он упоминается, причем уже в качестве “действующего лица”, 18 октября 1693 г. в связи с передачей ему архангелогородской почты. И.П. Козловский считал, что Матвей в это время был “очень молод” [Козловский I, с. 271]. С учетом этого рождение Матвея уместно отнести приблизительно к середине 1680-х гг. (1686 г. [Савельева 1999, с. 128, 131]); впрочем, не исключаем и того, что он родился несколько раньше. 16 марта 1699 г. Матвей отправился на учебу за границу, пребывал там в германских землях (Бранденбург, Саксония, Пруссия), возвратился не ранее октября 1701. По возвращении ему был сохранен ранее пожалованный чин стольника. 27 апреля 1704 г. он был отпущен отцом на жительство в Петербург и оставался там по крайней мере до мая 1705 [Козловский I, с. 271, 277]. В 1706 г., возможно, посылался за границу с загадочным поручением “по части теологии” [Гамель, с. 37]. Умер Матвей до 19 декабря 1715 г. [118, л. 656 об.]¹².

Матвей был женат, и, по-видимому, единственный раз (учитывая смерть в сравнительно молодом возрасте и отсутствие прямых данных о повторных браках). Из сведений, приводимых И.П. Козловским, можно заключить, что жена Матвея скончалась, вероятно, после смерти дочери Виниуса (состоявшей замужем за Калитиным) и прежде смерти мужа [Козловский I, с. 278]. Но обнаруженные нами данные не вписываются в эту схему. Сохранилась купчая от 4 марта 1716 г. на имя вдовы Матвея Екатерины Семеновны [146, л. 817–818] и несколько вполне согласующихся с ней синхронных документов, из которых неопровержимо следует, что она пережила мужа. Позднее, вероятно, незадолго до или вскоре после смерти свекра (А.А. Виниуса), вдовая сноха вступила в новый брак – свою собственную челобитную января 1717 г. Екатерина подписала уже в качестве супруги капитана князя Григория Михайловича Засекина [146, л. 817].

Рождение дочери Марии уверенно относим к первому браку на основании того, что она умерла в 1693 г. (всего через два года после смерти первой жены А.А.), будучи уже замужней (см. далее). Имеются основания предполагать, что она была не единственной рожденной в этом браке дочерью. В описании посольства К. фан Кленка, в рассказе о посещении голландцами в 1676 г. дома А.А. Виниуса упомянуты его жена и дочь, причем последняя названа *старшей* [Койет, с. 373] – следовательно, были в это время и другие.

Мария Андреевна Виниус вышла замуж за Д.А. Траурнихта. Виниус упоминает о свойстве с ним в письме Петру I 1707 г., называя “мой бывш[ий] зять Дарофей Траурнихт” [148, л. 199 об.]. Действительно, когда писались эти строки, Марии давно не было в живых: она умерла 12 января

¹² И.П. Козловский, опирающийся на указанный источник, считает, что в конце этого года [Козловский I, с. 278]).

1693 г. и была похоронена в московской церкви Введения Божией Матери, что в Барашевской слободе [МН, с. 205; Миллюков 2000а, с. 69].

В последней трети XVII в. в России проживали несколько представителей фамилии Траурнихтов. На русской службе находился рейтарского строя полковник Марк Федорович Траурнихт. 23 июля 1677 г. он был отпущен “в свою землю”, для чего отправлен в Посольский приказ, где должен был получить “пас”, извещавший “о службе ево и об отпуске” [51, л. 7]. Что-то его, однако, задержало – в октябре 1679 г. “отставленный” полковник все еще находился в России. Сохранилась относящаяся к этому времени челобитная торгового человека из Гамбурга Петра Сиверса, сообщающего, что М.Ф. Траурнихт силой заставил его подписать “воровскую кабалу” на довольно значительную сумму [51, л. 1, 3].

Судя по отчеству, братом М.Ф. Траурнихта был генерал-поручик Афанасий Федорович Траурнихт, воевода в Великом Устюге в 1683 г. [ДАИ X, № 69, с. 297]. Последний, по-видимому – отец Дорофея Афанасьевича Траурнихта, в чине стольника служившего воеводой и комендантом в ряде сибирских городов. В наших источниках он фигурирует в качестве полковника, хотя в литературе этого родственника Виниуса называют то генерал-майором, то в генералом просто [Миллюков 2000а, с. 69, 118, 258]. По-видимому, это ошибка – хотя бы потому, что слишком велик чин для тех должностей (воевода, комендант), которые он занимал в отдаленных сибирских городах¹³. Находясь в Сибири, Траурнихт некоторое время возглавлял расследовавшую злоупотребления Следственную комиссию [Бабич 2003а, с. 458]. Впоследствии он сам был обвинен в злоупотреблениях. В 1704 г., на пути семьи Траурнихта из Сибири, в дороге, “от нужд и стужи” скончался его сын – внук А.А. Виниуса [148, л. 200]¹⁴. Но, видимо, Траурнихту удалось оправдаться.

После смерти жены – дочери Виниуса Д.А. Траурнихт женился повторно. Из Сибири для следствия над ним в самом начале XVIII в. он возвращался женатым и с детьми [148, л. 200]. Умер 18 мая 1717 г. После него остались вдова Мавра и замужняя (за подполковником Иваном Бухольдом) дочь Мария [119, л. 223].

Полковник Траурнихт принадлежал к людям, которым Виниус, по-видимому, доверял – об этом, полагаем, говорит включение его в число своих душеприказчиков [147, л. 8]. Но практического участия в исполнении распоряжений его духовной он, кажется, не принимал – во всяком случае, известные нам документы ни разу его в этом качестве не упоминают. Возможная причина этого (болезнь) приходит на ум, если обра-

¹³ Может быть, его *разжаловали* в полковники? “Технически” это было, вероятно, возможно, но мы об этом ничего не знаем.

¹⁴ В “Московском некрополе” отмечено, что в церкви Введения Божией Матери, что в Барашах, за Покровскими воротами, имеются захоронения жены, дочери и внучат А.А. Виниуса [МН, с. 205]. Учитывая, что здесь погребено тело супруги Траурнихта, можно предположить, что в том же семейном некрополе находится могила и его сына.

тить внимание на то, что Траурнихт умер всего через полгода после смерти А.А. Учтем и то, что в 1716 г., а возможно и позже, он служил комендантом в Соли Камской, т.е., вполне вероятно, отсутствовал в Москве в момент смерти Виниуса и непосредственно после нее.

Другая дочь Виниуса была замужем за стольником Алексеем Ивановичем Калитиным. И.П. Козловский называет ее, не указывая источник, Екатериной [Козловский I, с. 270, 278]. Им же опубликован фрагмент принадлежавшей Андрею Андреевичу Книги домашних записок (как именует ее Козловский), в которой Виниус упоминает об “умершей дочери моей Катерине Андреевне” [Козловский I, с. 290] – по-видимому, именно на эту запись опирался историк, называя имя жены Калитина [Козловский I, с. 270, 271]. Между тем в обнаруженном нами подлиннике челобитной Калитина от 7 февраля 1708 г. указано другое ее (дочери А.А. и жены Калитина) имя. В документе говорится о деревне, которой “он, Андрей, поступился мне, Алексею, за дочью своею, а за моею женою, *Анною*, в приданья” [142, л. 131]. Происхождение источника и его характер делают ошибку очень маловероятной, фактически исключают ее. Согласовать опирающиеся на документы, но, на первый взгляд, противоречащие друг другу данные можно, кажется, единственным образом: предположив существование у Виниуса двух дочерей – Екатерины и Анны, считая женой Калитина вторую. Брак Алексея и Анны предположительно можно отнести к 1688/89 г., когда “Андрей Виниус ярославское поместье и вотчину дал в приданые за дочью своею Алексею Калитину” [142, л. 146 об.].

Несмотря на то что жена Калитина умерла рано – по И.П. Козловскому, до июля 1704 г. [Козловский I, с. 278]¹⁵, причем бездетной [147, л. 15 об.], Калитин сохранил с тестем связь до самой его смерти (и был также включен им в число душеприказчиков [147, л. 8]). По имянному указу от 3 июня 1714 г. Калитин в числе 350 человек “из шляхедства” был послан “для строения и житья в Санкт-Питербурх”. По прошению престарелого, к тому времени оставшегося в одиночестве Виниуса, на которое последовало положительное решение царя (как сообщил кабинет-секретарь А.В. Макаров И.А. Мусину-Пушкину 19 декабря 1715 г., “царское величество за ево службы над ним умилосердился”), указом от 20 декабря “царедворцу” Калитину было приказано при нем (Виниусе) “для ево старости быть” [118, л. 656–658]¹⁶. Умер Калитин не ранее 5 июля 1720 г. [120, л. 452].

¹⁵ И.П. Козловский не ссылается на источник этой даты. Можно предположить, что он подразумевает цитируемую им далее запись из Книги домашних записок А.А. Виниуса от 4 июля неуказанного публикатором года, в которой упомянута умершая Катерина Андреевна, названная им дочью [Козловский I, с. 290]. Но ближайшая более ранняя в публикации запись (а в целом при компоновке фрагментов Козловский придерживается хронологии) – не 1704, а 1710 г.

¹⁶ Любопытно, что, хотя в передававшем распоряжение царя письме Макарова в отношении Калитина говорилось только о присмотре за Виниусом, в указе, подготовленном Мусиным-Пушкиным, появилось, можно полагать, малоприятное для Калитина дополнение: “А дом ему, Алексею, в Санкт-Питербурхе строить по-прежнему его, великого государя, имянному указу неотменно” [118, л. 658].

Первое выявленное упоминание о сестрах Андрея Андреевича, причем во множественном числе (“дочки мои”), находим в челобитной их отца А.Д. Виниуса от 11 июня 1646 г. [16, л. 12]. Имена дочерей не названы; они были еще детьми и, как это можно предположить из контекста, жили отдельно от отца (может быть, из-за смерти матери – первой жены А.Д.?). Из более поздних источников известны следующие имена этих его дочерей: Мария, Анна и Евдокия (Авдотья) [136, л. 231 об.]. У всех были дети, приходившиеся А.А. племянниками и племянницами.

Дата рождения старшей, *Марии* (схема 3), не установлена. В конце 1716 г. в живых ее уже не было [136, л. 233].

В связанных с наследством документах конца 1716 г. среди здравствующих потомков покойного упомянуты три его племянницы, сестры Ненила, Авдотья и Елисавета, при этом первая из них названа “доктора... Захаровою женою фон дел Густа” [147, л. 10 об.]. Те же имена – в [136, л. 231 об., 232, 233], только одно приведено в несколько необычной форме (Елисафья). По словам Анны Виниус (в замужестве Городецкой), они состояли “ныне (в 1717 г. – *И.Ю.*) в своей иноземческой вере, а не крещены” [136, л. 231 об.]. Названные – дочери сестры А.А. Виниуса Марии. Ее мужа, судя по отчеству Ненилы [Ковригина, с. 291], звали Владимиром. В литературе упоминается челобитная 1677 г. на имя архиепископа Симона сестры переводчика Андрея Виниуса-младшего, вдовы В.И. Иевлева Марии Андреевны по поводу весьма значительного по величине долга – 1 тыс. руб., данных ее покойным мужем вологодскому посадскому человеку Самсону Белоусову, ранее компаньону гостя Г.М. Фетиева, а позднее спасо-прилуцкому старцу Сергию [Черкасова]. Судя по всему, Владимир, отец Ненилы, тождественен упомянутому в документе В.И. Иевлеву¹⁷. Остается установить, что скрывается за этой русифицированной фамилией. По данным В.Н. Захарова (частное сообщение), Иевлевыми именовали голландских купцов де Юнгов. По его сведениям, деятельность в России Владимира де Юнга отмечается с 1668 г. [Захаров, с. 315]. Этой фамилии (конкретно, Андрею Владимирову сыну де Юнгу с братьями) в 1678/79 г. отдал по кабале свой вологодский двор гость Фетиев [Захаров, Черкасова].

Из дочерей В. де Юнга и М.А. Виниус особенно интересна Ненила де Юнг, в замужестве фан дер Гульст. В реконструированный А.В. Демкиным список нидерландского купечества XVII в. попали четверо фан дер Гульстов, из которых по меньшей мере трое были близкими родственниками (отец Яков Яковлев и сыновья Андрей и Яков). Их контакты с Россией охватывают не менее трех четвертей века: регистрируются с начала XVII столетия и продолжаются до 70-х годов включительно [Демкин 1992, с. 29].

В связи с Виниусами фамилия фан дер Гульстов в наших материалах впервые встречается летом 1646 г. А.Д. Виниус, перечисляя свиде-

¹⁷ Опираясь, в частности, на относительную редкость имени Владимир в среде московских иноземцев, с фамилией Иевлевых в беседе с нами его связала и В.А. Ковригина.

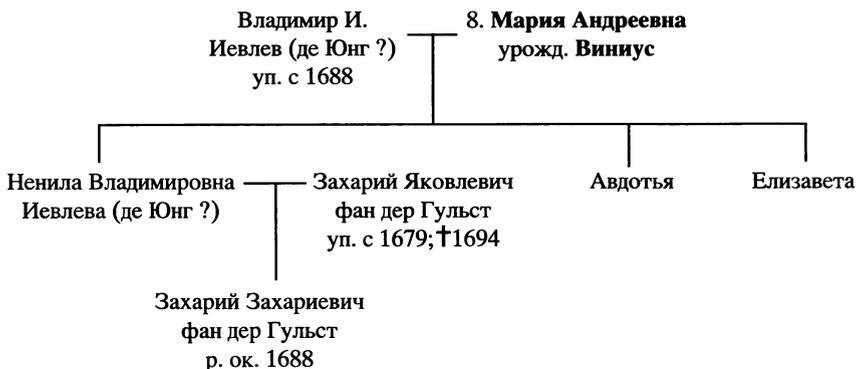

Схема 3. Потомки Марии Андреевны Иевлевой (урожденной Виниус)

телей того, что П.П. Марселис и Ф.Ф. Акема публично его “лаяли”, в числе 14 имен называет и Якова Яковлева фан (в источнике “ван”) дер Гульста. Как и прочие свидетели, последний на общем их допросе не подтвердил слов Виниуса [16, л. 13, 19, 20], из чего заключаем, что в число близких его друзей или свойственников этот фан дер Гульст тогда, скорее всего, не входил. Полагаем вероятным, что он был отцом интересующего нас Захария Яковлевича фан дер Гульста (Arnold van der Hulst)¹⁸.

В России, где Захарий Яковлевич служил придворным доктором, его судьба прослеживается с 1679 г. Он был весьма уважаемой личностью, многие годы избирался старостой голландской общины Немецкой слободы. Он же оказался одним из первых иноземцев, еще в 1680-х годах вошедших в окружение молодого Петра. Через его посредство царь узнал некоторых жителей слободы, знакомство с которыми, в частности с Ф.Ф. Тиммерманом, в дальнейшем закрепилось. Фан дер Гульст скончался, сопровождая царя, во время одной из его поездок – в ходе второго путешествия царя в Архангельск (1694). Его каменный дом в Немецкой слободе стоял по соседству с домом Монсов. После смерти владельца он перешел к вдове – племяннице Виниуса Нениле Владимировне [Ковригина, с. 291].

К началу тяжбы за наследство А.А. Виниуса З.Я. фан дер Гульста давно не было в живых, в связи с чем в документе (челобитной А. Калитина), датированном временем до 17 марта 1717 г., Ненила дважды названа *вдовою* [147, л. 6 об.]¹⁹. По некоторым данным, она вступила во второй брак.

¹⁸ В документах применительно к событиям сентября–ноября 1674 г. упомянута жившая в то время в Ярославле иноземка Анна Андреева дочь, вдова Якова Фандерюста, которого С.П. Орленко отождествляет с голландским купцом Яковом Фендергулстом [Орленко, с. 307–309, 336]. Возможно, это мать (или мачеха) З.Я. и свекровь его жены Ненилы Иевлевой.

¹⁹ Впрочем, в другом синхронном документе (коллективной, в том числе и ее, челобитной наследников марта того же 1717 г.) она названа *женою* З. фон дел Густа (фамилия в написании источника) [147, л. 10 об.].

Дочери Марии (все или нет – не ясно) имели детей [136, л. 231 об.], имена которых нами не выявлены, кроме одного – сына Ненилы, Захария Захарьевича²⁰. Вероятный внучатый племянник А.А. Виниуса, он родился в Москве около 1688 г., писал и говорил по-русски. Закончив Лейденский университет, состоял в Петербурге в казенной службе по медицинской части. Ему же достался родительский дом в московской Немецкой слободе (сохранился) [Ковригина, с. 291].

Нам неизвестен точный характер родственной связи с этим семейством нидерландского резидента в России Андрея фан дер Гульста. Первоначально встречаем его в чине капитана при Великом посольстве 1697–1698 гг. М.М. Богословский предполагает, что назначен резидентом он был “не без согласия и, может быть, даже по желанию Петра” [Богословский II, с. 432]. В.Н. Захаров утверждает, что “он принадлежал к известному в России семейству, из которого вышли врачи, купцы, дипломаты, военные”, т.е. по-видимому, к семейству тех фан дер Гульстов, о которых шла речь выше. Исследователь отождествляет его с встречающимся в документах одноименным “торговым иноземцем галанской земли”, предпринимательская деятельность которого прослеживается в 1703–1723 гг. [Захаров, с. 51–52, 313]. Родственная связь Виниуса с этой личностью интересна в плане анализа не столько экономических, сколько внешнеполитических контактов Виниуса.

Другая сестра Андрея Андреевича Анна (схема 4) была замужем за дьяком Андреем Ивановичем Городецким, которому Виниус приходился шурином [136, л. 225 и др.]. Думный дьяк и его определил в число своих душеприказчиков [147, л. 8]. После смерти Виниуса Городецкому, по п. 7 указа 1714 г. о единонаследии, как представителю ближайшей к умершему линии рода, вместе с переходившей к его жене недвижимостью, как уже говорилось, надлежало принять фамилию умершего, после чего ему и наследникам писаться *Виниусовыми* [136, л. 231 об.]. В последних числах ноября 1716 г. Городецкий письменно выразил готовность принять новую фамилию, “буде великий государь укажет”. По рассмотрении дела 1 декабря 1716 г. в Поместном приказе, соответствующее решение было вынесено [136, л. 232 об., 233 об., 234]. Но перемена фамилии, кажется, не состоялась (или, состоявшись, не закрепилась): во всяком случае умер Андрей Иванович (это случилось до 8 января 1720 г.) *Городецким* – именно так он именуется в документах, связанных с разделом наследства [Козлова, с. 420]. Анна Андреевна была в это время жива.

Городецкие – представители московской чиновничьей среды. Сам Андрей Городецкий служил дьяком Новгородской четверти [Богоявленский, с. 95]. В документах начала XVIII в. упоминаются “ратушской” подъячий Алексей Иванович Г. (1702) – возможно, брат Андрея [Козлова, с. 69]²¹. Другой брат Андрея (несомненный), Павел Ивано-

²⁰ По сведениям В.А. Ковригиной (частное сообщение) существовал еще один сын Ненилы и Захария фан дер Гульстов – Федос.

²¹ В конце столетия (1793 г.) мелькает имя еще одного московского деятеля из той же среды – канцеляриста Тимофея Демидовича Городецкого (1793) [Козлова, с. 205].

Схема 5. Потомки Евдокии Андреевны Порецкой (урожденной Вinius)

К потомкам Анны Городецкой особо теплых чувств Вinius не испытывал – во всяком случае он не посчитал нужным как-то выделить их в завещании. Если самой Анне он назначил 100 рублей, то Александру и Александре ничего [147, л. 7 об.].

Третья сестра, Авдотья (схема 5), судя по фамилии и отчеству ее сына (см. ниже), была замужем за неким Ларионом Порецким. У человека с таким именем и фамилией Андрей Андреевич купил двор в Москве, в Покровской сотне [Козловский 1, с. 280]. Дьяк Ларион Порецкий, по С.К. Богоявленскому, служил в разных приказах со 183 по 188 г. [Богоявленский, с. 286]. Короткий срок (всего 6 лет), на протяжении которого он отмечен у Богоявленского, позволяет предположить, что исчезновение его связано не со смертью (хотя и это, разумеется, не исключено). Возможно, на каких-то мелких должностях он и далее работал в центральной или местной администрации.

Когда Вinius составлял цитированную выше свою духовную, его сестры Авдотьи, по-видимому, в живых уже не было – предполагаем это на основании того, что, в отличие от другой сестры, Анны, ей в завещании никакая сумма не назначена [147, л. 7 об.]. Совершенно точно не было ее в живых, когда умер брат Андрей Андреевич [136, л. 233]²². К этому времени умер или, что менее вероятно, был тяжело болен и ее муж – в боях за наследство Вiniusа участвует не он, Ларион Порецкий, а его замужняя дочь. Но дети Авдотьи – Дмитрий и Мария – в конце

²² Сестры Вiniusа Мария и Авдотья на родословной схеме, приложенной к приказной выписке и сказкам Анны и Андрея Городецких, составленным в Поместном приказе в ноябре 1716 г., показаны умершими, жива в это время, якобы, только Анна [136, л. 233]. Между тем, в одном из дел по наследству Андрея Андреевича в перечне документов упомянута челобитная марта 1717 г. – продукт коллективного творчества родственников, в том числе “сестр же ево, Вiniusовых, родных з детми” [147, л. 10 об.]. К сожалению, в то время как имена детей (полковника Порецкого и его сестер, родной и двоюродных) в документе названы, имен *здравствующих* сестер в нем нет. Итак, либо у А.А. была еще одна, четвертая сестра (и именно она плюс Анна были живы в 1717-м), либо названные документы противоречат друг другу. Впрочем, не исключено, что документ 1717 г. содержит не вполне корректную формулировку.

1716 г. живы [116, л. 568; 136, л. 231 об., 233]. Отсутствие упоминаний о них в завещании Винуса – косвенное свидетельство характера его отношений с этой ветвью рода [147, л. 7 об.].

Дмитрий Ларионович Порецкий избрал карьеру военного и окончил свой жизненный путь 17 марта 1740 г. в чине бригадира [122, л. 505]. Особо следует отметить покровительство полковнику Порецкому со стороны царицы Екатерины Алексеевны – та ходатайствует за него перед Винусом, убеждая назначить своим наследником, а после его (Винуса) смерти просит взять пожитки последнего под охрану и не отдавать “никому другому”, о чем специально пишет из Амстердама [Козловский I, с. 224].

Дмитрий Порецкий оставался одним из претендентов на имущество Винуса, участвовал в тяжбах за обладание им и в конце концов 13 марта 1719 г. получил московский двор покойного на Сретенке, в обмен на ранее принадлежавший ему в старой столице двор у Китай-городской стены за Варварскими воротами, взятый у него по причине попадания в зону, где предполагалось строительство “болворков” (укреплений) [147, л. 9].

Дочь Порецких Мария Ларионовна (еще одна племянница Винуса) была в это время замужем за дьяком Ларионом Никитичем Протасовым (вариант, Протасьевым) [116, л. 568 об., 569 об.], служившим в Приказе артиллерии. Дьяк Протасов – последний в списке родственников, определенных Винусом к надзору за исполнением своей духовной [147, л. 8].

В конце 1716 г. М.Л. Протасова проживала в Петербурге. Грамотой она, вероятно, не владела: под челобитной руку за нее прикладывал муж. По ее инициативе было приостановлено закрепление имущества умершего Винуса – соответствующий указ из Сената московскому губернатору К.А. Нарышкину, подписанный 31 декабря 1716 г., был передан (подлинник) дьяку Л. Протасову [116, л. 568, 568 об., 569 об.]. Обращает на себя внимание тот факт, что М.Л. Протасова среди потенциальных наследников называет только своего брата Дмитрия и тетку Городецкую “з детми ее”, а потомков еще одной сестры (самой старшей – Марии) – двоюродных своих сестер – не упоминает вообще [116, л. 568]. Это свидетельствует, как минимум, что “теплых” отношений с ними у нее не было. Протасовы имели детей [136, л. 232 об.], имена которых в известных нам источниках отсутствуют.

Источники и историография

1. Источники

1.1. Архивные источники

1. Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. Ф. 445. *Чертковское собрание*. Ед. хр. 220.
2. Российский государственный архив древних актов. Ф. 7. *Разряд VII – Преображенский приказ. Тайная канцелярия и Тайная экспедиция*. Д. 150. Ч. 1.
3. Там же. Ф. 9. *Разряд IX – Кабинет Петра I и его продолжение*. Отд. 1. Кн. 32.
4. Там же. Отд. 2. Кн. 1.
5. Там же. Кн. 2.
6. Там же. Кн. 4.
- 6а. Там же. Кн. 88.
7. Там же. Кн. 92.
8. Там же. Ф. 19. *Разряд XIX – Финансы*. Оп. 1. Д. 1. Ч. 7.
9. Там же. Ф. 32. *Сношения России с Австрией и Германской империей*. Оп. 1. Дела. 1698. Д. 1.
10. Там же. Ф. 41. *Сношения России с Венецией*. Оп. 1. 1647. Д. 2.
11. Там же. Ф. 50. *Сношения России с Голландией*. Оп. 1. 1614. Д. 4.
12. Там же. 1628. Д. 1.
13. Там же. 1631. Д. 1.
14. Там же. 1635. Д. 2.
15. Там же. 1639. Д. 3.
16. Там же. 1646. Д. 5.
17. Там же. 1648. Д. 2.
18. Там же. 1651. Д. 2.
19. Там же. 1653. Д. 2.
20. Там же. Д. 3.
21. Там же. Д. 4.
22. Там же. Д. 5.
23. Там же. 1691. Д. 2.
24. Там же. 1708. Д. 9.
25. Там же. Ф. 96. *Сношения России со Швецией*. 1641. Д. 2.
26. Там же. Ф. 138. *Дела о Посольском приказе и служивших в нем*. Оп. 1. 1667. Ед. хр. 22.
27. Там же. 1689. Ед. хр. 1.

28. Там же. Оп. 2. Ед. хр. 21.
29. Там же. Ф. 141. *Приказные дела старых лет*. Оп. 1. 1633. Ед. хр. 42.
30. Там же. Оп. 2. 1648. Ед. хр. 85.
31. Там же. 1649. Ед. хр. 10.
32. Там же. Оп. 3. 1657. Ед. хр. 44.
33. Там же. Оп. 4. 1668. Ед. хр. 354.
34. Там же. 1670. Ед. хр. 328.
35. Там же. Оп. 7. 1690. Ед. хр. 5.
36. Там же. 1694. Ед. хр. 84.
37. Там же. 1697. Ед. хр. 49.
38. Там же. Ф. 150. *Дела о выездах иностранцев в Россию*. Оп. 1. 1699. № 2.
39. Там же. Ф. 151. *Дела о горных промыслах и заводах*. Оп. 1. Д. 21.
40. Там же. Д. 26.
41. Там же. Д. 47.
42. Там же. Д. 45.
43. Там же. Д. 48.
44. Там же. Ф. 159. *Приказные дела новой разборки*. Оп. 1. Ед. хр. 718.
45. Там же. Оп. 2. Ед. хр. 872.
46. Там же. Ед. хр. 1280.
47. Там же. Ед. хр. 1361.
- 47а. Там же. Ед. хр. 1381.
48. Там же. Ед. хр. 1590.
49. Там же. Ед. хр. 1653.
50. Там же. Ед. хр. 1928.
51. Там же. Ед. хр. 2156.
52. Там же. Ед. хр. 3033.
53. Там же. Ф. 160. *Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и к высоким особам (на русском языке)*. Оп. 1. 1700. Ед. хр. 4.
54. Там же. 1701. Ед. хр. 1.
55. Там же. Ф. 161. *Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и к высоким особам (на иностранных языках)*. Оп. 1. Ед. хр. 84.
56. Там же. Ф. 162. *Почтовые дела*. 1688. Ед. хр. 2.
57. Там же. Ф. 210. *Разрядный приказ*. Белгородский стол. Столбцы. Ед. хр. 533.
58. Там же. Московский стол. Столбцы. Ед. хр. 160.
59. Там же. Ед. хр. 485.
60. Там же. Ед. хр. 955. Столпик 3.
61. Там же. Приказный стол. Столбцы. Ед. хр. 1539.
62. Там же. Ед. хр. 2557.
63. Там же. Севский стол. Столбцы. Ед. хр. 111.
64. Там же. Разрядные вязки. В-44. № 52.
65. Там же. В-54.
66. Там же. Ф. 214. *Сибирский приказ*. Кн. 1310.
67. Там же. Оп. 5. Ед. хр. 635.
68. Там же. Ед. хр. 637.
69. Там же. Столбцы. Ед. хр. 1220.
70. Там же. Ед. хр. 1291.
71. Там же. Ед. хр. 1338.

72. Там же. Ед. хр. 1422.
73. Там же. Ф. 233. *Печатный приказ*. Кн. 19.
74. Там же. Кн. 25.
75. Там же. Кн. 28.
76. Там же. Кн. 29.
77. Там же. Кн. 30.
78. Там же. Кн. 60.
79. Там же. Кн. 63.
80. Там же. Кн. 74.
81. Там же. Кн. 75.
82. Там же. Кн. 76.
83. Там же. Кн. 78.
84. Там же. Кн. 80.
85. Там же. Кн. 96.
86. Там же. Кн. 159.
87. Там же. Кн. 166.
88. Там же. Кн. 185.
89. Там же. Кн. 194.
90. Там же. Кн. 202.
91. Там же. Кн. 207.
92. Там же. Кн. 209.
93. Там же. Кн. 210.
94. Там же. Кн. 213.
95. Там же. Кн. 217.
96. Там же. Кн. 219.
97. Там же. Кн. 222.
98. Там же. Кн. 226.
99. Там же. Кн. 227.
100. Там же. Кн. 229.
101. Там же. Кн. 235.
102. Там же. Кн. 236.
103. Там же. Кн. 237.
104. Там же. Кн. 238.
105. Там же. Кн. 239.
106. Там же. Кн. 240.
107. Там же. Кн. 243.
108. Там же. Кн. 248.
109. Там же. Кн. 249.
110. Там же. Кн. 351.
111. Там же. Кн. 675.
112. Там же. Ф. 248. *Сенат и его учреждения*. Оп. 1. Кн. 2.
113. Там же. Оп. 2. Кн. 29.
114. Там же. Оп. 3. Кн. 87.
115. Там же. Кн. 119.
116. Там же. Кн. 121.
117. Там же. Оп. 4. Кн. 156.
118. Там же. Оп. 12. Кн. 641.
119. Там же. Кн. 647.

120. Там же. Кн. 649.
 121. Там же. Оп. 14. Кн. 772.
 122. Там же. Оп. 99. Кн. 7840.
 123. Там же. Ф. 282. *Юстиц-коллегия*. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 335.
 124. Там же. Кн. 1033.
 125. Там же. Ф. 285. *Юстиц-контора*. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 1761.
 126. Там же. Ф. 286. *Герольдмейстерская контора*. Оп. 1. Д. 241.
 127. Там же. Оп. 2. Кн. 1.
 128. Там же. Ф. 371. *Преображенский и Семеновский приказы*. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 6339.
 128а. Там же. Ф. 383. *Карты, планы и чертежи МАМЮ*. Оп. 1. Д. 121.
 128б. Там же. Ф. 396. *Архив Оружейной палаты*. Оп. 1. Д. 5313.
 128в. Там же. Д. 5326.
 128г. Там же. Д. 5371.
 128д. Там же. Д. 5377.
 128е. Там же. Д. 5389.
 129. Там же. Оп. 2. Д. 3573.
 130. Там же. Д. 3604.
 131. Там же. Ф. 1209. *Архив прежних вотчинных дел*. Московский у. Кн. 9815.
 132. Там же. Дела старых лет. Кн. 9865.
 133. Там же. Кн. 9877.
 134. Там же. Кн. 9883.
 135. Там же. Кн. 9886.
 136. Там же. Кн. 9905.
 137. Там же. Кн. 9957.
 138. Там же. Алексинский у. Дела старых лет. Кн. 10480.
 139. Там же. Калужский у. Дела молодых лет. Кн. 118276/83.
 140. Там же. Рязанский у. Дела старых лет. Кн. 13475.
 141. Там же. Дмитровский у. Дела старых лет. Кн. 15081.
 142. Там же. Кн. 15082.
 143. Там же. Кн. 15083.
 144. Там же. Кн. 15088.
 145. Там же. Кн. 15097.
 146. Там же. Белевский у. Дела старых лет. Кн. 15564.
 147. Там же. Ф. 1239. *Дворцовый отдел*. Оп. 3. Ч. 65. Д. 30783.
 148. Российская национальная библиотека. *Эрмитажное собр.* Ед. хр. 22.

1.2. Публикации документальных и нарративных источников, описаний и обзоров архивных фондов

- Архив Брюса I–III* – Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Письма Я.В. Брюса. СПб.; Щелково: ВИМАИВиВС, 2004–2006. Т. 1–3.
Белоцерковский – Из Тульской старины / Подгот. Г.М. Белоцерковский // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Тула, 1915. Кн. 2: 1914–1915 г. С. 157–188.

- Беляевский летописец* – Беляевский летописец // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост., вступ. ст., коммент. А.П. Богданова. М.: Армада, 1990. С. 27–44.
- Бурх* – Бурх А.К. Донесение нидерландских послов Альберта Кунратса Бурха и Иоганна фон Фелтдриля о их посольстве в Россию в 1630 и 1631 годах // Иностранцы о древней Москве: (Москва XV–XVII вв.) / Сост. М.М. Сухман. М.: Столица, 1991. С. 310–314.
- Ведомости* – Ведомости. 1710. № 11–12. 31 мая. 7 с.
- Вильчинский* – Вильчинский Е.О. Андрей Денисьевич Вinius: (Исторические материалы, собранные Евгением Вильчинским) // Русская старина. 1909. Т. 140, Ноябрь. С. 428–439; 1910. Т. 143, Сентябрь. С. 433–440.
- Витсен* – Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665: Дневник / Пер. В.Г. Трисман. СПб.: Симпозиум, 1996. 272 с.
- Гистория I–II* – Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого): В 2 вып. / Сост. Т.С. Майкова. М.: Кругъ, 2004. Вып. 1. 632 с.; Вып. 2. 656 с.
- Гордон II* – Гордон П. Дневник. 1659–1667. М.: Наука, 2002. 314 с.
- ДАИ III–X* – Дополнения к Актам историческим. Т. 3–10. СПб., 1848–1867.
- Документы* – Документы, касающиеся прибывших в Россию членов рода Гордонов и хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел // Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его шведской и польской служб от 1655 до 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 г. Ч. 2 (1661–1684 гг.). М.: Унив. тип., 1892. С. 197–244.
- ДР IV* – Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной е.и.в. канцелярии. Т. 4 (с 1676 по 1701 г.). СПб., 1855. II с., 1162 стлб.
- Желябужский* – Желябужский И.А. Записки // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост., вступ. ст., коммент. А.П. Богданова. М.: Армада, 1990. С. 201–327.
- Житие Иоакима* – Житие и завещание Святейшего Патриарха Московского Иоакима. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1879. XX, 149 с. *Использована версия, размещенная в сети интернет.*
- Жития I–XII* – Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 1–12. 1991. *Репр. воспроизведение издания 1903 г.*
- Записки* – Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука, 1968. 175 с.
- ЗАРГ* – Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в.: Тексты / Под ред. Н.Е. Носова. Л.: Наука, 1986. 264 с.
- Зиннер* – Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Б. м.: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 248 с.
- ЗКит* – Западноевропейские купцы и их товары в России XVII в. / Сост., введ. А.В. Демкин; РАН. Ин-т рос. истории. М., 1992. 119 с.

- ИМИ* – Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышем-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. 2. 1691–1722 // ЧОИДР. М., 1859. Кн. 1.
- Инструкции* – Вотчинные инструкции приказчикам // Хрестоматия по истории СССР: XVIII в. / Сост. М.Т. Белявский и Н.И. Павленко; Под ред. Л.Г. Бескровного и Б.Б. Кафенгауза. М.: Соцэргиз, 1963. С. 21–35.
- Кильбургер* – Кильбургер И.Ф. Краткое известие о русской торговле, каким образом она производилась чрез всю Россию в 1674 г. // Иностранцы о древней Москве: (Москва XV–XVII вв.) / Сост. М.М. Сухман. М.: Столица, 1991. С. 358–363.
- КМР I* – Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. Тульские и Каширские заводы. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 503 с.
- Козлова* – Городская семья XVIII в.: Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., введ. ст. и коммент. Н.В. Козловой. М.: Изд-во МГУ, 2002. 608 с.
- Козловский II* – Козловский И.П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве: Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII в. Т. 2. Варшава: Тип. Варш. учеб. округа, 1913.
- Койет* – [Койет Б.] Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1900.
- Коллинс* – Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Утверждение династии. М., 1997. С. 185–230.
- Корб* – Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906.
- Котошихин* – Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича / Публ., введ. ст. и коммент. Г.А. Леонтьевой. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
- Куракин* – Куракин Б.И. Гистория о царе Петре Алексеевиче 1682–1694 гг. // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты / Сост. Е.В. Анисимова. СПб.; Париж; М.; Нью-Йорк: Пушкинский фонд: Внешсигма, 1993. С. 53–84.
- МСДР* – Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.) / Сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Колесова. М.: Сов. Россия, 1989. 464 с.
- Нартов* – Нартов А.К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты / Сост. Е.В. Анисимова. СПб.; Париж; М.; Нью-Йорк: Пушкинский фонд: Внешсигма, 1993. С. 247–326.
- Оглоблин I–IV* – Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1–4. М.: Унив. тип., 1895–1901.
- ОДИБ* – Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М.: Синодальная тип. 1910. Кн. 16. 517, 188 с.

- ПА I–IV* – Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. М., 1896–1898. Вып. 1–4.
- ПДС I–X* – Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными, изданные 2-м отделением Собственной е.и.в. канцелярии. СПб., 1851–1871. Т. 1–10.
- ПИПР* – Памятники к истории протестантства в России / Собр. Д. Цветаев. Ч. 1. М.: Унив. тип., 1888.
- Переписи 1896* – Переписи московских дворов XVIII столетия. М.: Гор. тип., 1896. 329 с.
- Петров* – Петров В.А. Географические справочники XVII в. “Поверстная книга” и “Описание расстоянию столиц, нарочитых градов славных государств и земель... от града Москвы” // Исторический архив. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 5. С. 74–165.
- ПиБ I–XIII* – Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.; М., 1887–2003. Т. 1–13.
- Письма* – Письма одного шведа из Москвы в 1647 году писанныя // Северный архив. СПб., 1822. № 2. С. 151–152.
- ПК* – Привилегированное купечество в России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в.: Сб. документов / Отв. сост. Т.Б. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2004. 520 с.
- Пролог* – Литературный сборник XVII в. “Пролог” / Изд. подг. О.А. Державина, А.С. Демин, А.С. Елеонская и др.; АН СССР. ИМЛ им. А.М. Горького. М.: Наука, 1978. 288 с.
- ПСЗ III–V* – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1930. Т. 3–5.
- ПСИ* – Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 1: 1700–1713. СПб.: Тип. МВД, 1882. 32, 551 с., 34 стлб.
- Рейтенфельс* – Рейтенфельс Я. Сказание светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии / Пер. А. Станкевича. М., 1905.
- РЗ IV* – Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1986. 512 с.
- РИБ XXI* – Русская историческая библиотека. Т. 21: Дела приказа Тайных дел. Кн. 1. СПб., 1907.
- Розыскные дела I–IV* – Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках: В 4 т. СПб.: Археографическая комиссия, 1884–1893. Т. 1: 1884. 1280 стб.; Т. 2: 1885. 846 стб.; Т. 3. 1888. 1172 стб.; Т. 4: 1893. VIII с., 646, 451 стб.
- РСП* – Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. А.М. Панченко. Л.: Сов. писатель, 1970. 424 с.
- СГГиД I–IV* – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. М.: Тип. С. Селивановского, 1828. Ч. 4.
- Сторожев* – Сторожев В.Н. Дело дьяка Ан.Ан. Винуса (7 сентября 1690 – 27 июня 1693 г.). Тверь: Тип. губ. правления, 1896. 11 с.
- Стрейс* – Стрейс Я. Три путешествия. М.: ОГИЗ – Соцэкгиз, 1935. 415 с.
- Татищев* – Татищев В.Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. 464 с.

- Тула. Материалы* – Тула. Материалы для истории города, XVI–XVIII столетий. М., 1884. 240 с.
- Указы* – Высочайшие указы и повеления императора Петра I, данные Правительствующему Сенату. Из архива Правительствующего Сената извлечено А.Ф. Бычковым // Сборник РИО. СПб., 1873. Т. 11. С. 182–565.
- Уложение* – Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л.: Наука, 1987. 448 с.
- ЭСРШ* – Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в.: Документы из советских архивов. М.; Стокгольм: Наука, 1978.
- Юль* – Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709-1711) // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты / Сост. Е.В. Анисимова. СПб.; Париж; М.; Нью-Йорк: Пушкинский фонд: Внешсигма, 1993. С. 85–125.
- См. также документальные приложения в изданиях: Бранденбург, Гамель, Забелин III, Орленко.*

1.3. Публикации изобразительных источников

- Борисовская* – Борисовская Н.А. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII вв.: Космографии, карты земные и небесные, планы, ведуты, баталии. М.: Галактика, 1992.
- Гаврилова* – Гаврилова Е.И. Русский рисунок XVIII в. Л.: Художник РСФСР, 1983. 204 с., 134 ил.
- Рисунки* – Рисунки фламандских и голландских мастеров XVII в. из музеев Бельгии, Голландии и Нидерландского института в Париже. М.: Сов. художник, 1974. 228 с.
- СИХМ* – Серпуховский историко-художественный музей / Авт.-сост. А.И. Редькин, Н.А. Топурия. М.: Изобраз. искусство, 1977. 14 с., 93 ил.
- См. также иллюстрации в изданиях: Багров 2004, Багров 2005.*

2. Исследования

- Абрамович* – Абрамович Г.В. Князя Шуйские и российский трон. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 192 с.
- Акишин 2002a* – Акишин М.О. Виниус Андрей Андреевич // Власть в Сибири: XVI – начало XX в.: Межархивный справочник / Сост. М.О. Акишин, А.В. Ремнев. Новосибирск: АНО “МАСС-Медиа-Центр”, 2002. С. 149–151.
- Акишин 2002б* – Акишин М.О. Траурнихт Дорофей Афанасьевич // Там же. С. 200.
- Акишин, Ремнев* – Акишин М.О., Ремнев А.В. Управление Сибири XVI – начала XX в.: Административная политика, структура и люди // Там же. С. 7–94.
- Акишин, Серов* – Акишин М.О., Серов Д.О. Ромодановский Федор Юрьевич (1640–1717) // Там же. С. 151.
- Алексеев 1934* – Алексеев М.П. Один из русских корреспондентов Ник. Витсена: (К истории поисков морского пути в Китай и Индию в

- XVII в. // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности, 1882–1932: Сб. ст. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 51–60.
- Алексеев 1982* – Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII в. – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1982. 864 с.
- Алексеева 1976* – Алексеева М.А. Портрет царевны Софьи гравера Тарасевича // ПКНО: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник, 1975. М.: Наука, 1976. С. 240–249.
- Алексеева 1990* – Алексеева М.А. Гравюра петровского времени. Л.: Искусство, 1990. 208 с.
- Алпатов* – Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа, XII–XVII вв. М.: Наука, 1973. 476 с.
- Андреев А.* – Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I: XVII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1960. 280 с.
- Андреев И.* – Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М.: Мол. гвардия, 2003. 638 с.
- Андреев Н.* – Андреев Н.Ф. Биографические справки о Винусе // Москвитянин. 1855. Т. III, № 19. С. 152–163.
- Астраханский* – Астраханский В.С. Каталог Екатеринбургской библиотеки В.Н. Татищева 1737 г. // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л.: Наука, 1981. С. 12–37.
- Бабич 2003а* – Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII в.: Комиссии петровского времени. М.: РОССПЭН, 2003. 480 с.
- Бабич 2003б* – Бабич М.В. “При его величестве были...” // Петровское время в лицах – 2003: Крат. содерж. докл. научн. конф., посвящ. 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 19–24.
- Багров 2004* – Багров Л.С. История картографии. М.: Центрполиграф, 2004. 320 с.
- Багров 2005* – Багров Л.С. История русской картографии. М.: Центрполиграф, 2005. 524 с.
- Бакланова* – Бакланова Н.А. Обстановка Московских приказов в XVII в. // Труды Государственного исторического музея. М., 1926. Вып. 3: Разряд общий исторический. С. 53–100.
- Балашов* – Балашов Н.И. Вондел в системе западноевропейской литературы XVII в. // Вондел Й. ван ден. Трагедии. М., 1988. С. 409–429.
- Бантыш-Каменский I–II* – Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894; Ч. 2. Германия и Италия. М., 1896.
- Барсуков* – Барсуков А.П. Род Шереметевых. СПб., 1884. Кн. 4. 456 с.
- Белоброва* – Белоброва О.А. Байков Федор Исаакович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Вып. 3: (XVII в.), ч. 1: А–З. С. 125–126.
- Белоброва, Матвеева* – Белоброва О.А., Матвеева Е.Н. Дорн Иван // Там же. С. 277–278.
- Белокуров* – Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906.

- Беляков 2001* – Беляков А.В. Служащие Посольского приказа второй трети XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Беляков 2002* – Беляков А.В. Служащие западноевропейского происхождения в Посольском приказе второй трети XVII в. // Западноевропейские специалисты в России XV–XVII вв.: Тез. докл. науч. конф. (Москва, 24–25 сент. 2002 г.). М., 2002. С. 6–8.
- Берг* – Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.; Л., 1946.
- Бобылев* – Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М.: Изд-во УДН, 1990. 168 с.
- Богданов 1989* – Богданов А.П. Василий Васильевич Голицын // “Око всей великой России”. Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII вв. М.: Междунар. отношения, 1989. С. 179–228.
- Богданов 1998* – Богданов А.П. В тени Петра Великого. М.: Армада, 1998. 330 с.
- Богданов, Симонов* – Богданов А.П., Симонов Р.А. Прогностические письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Естественно-научные представления Древней Руси: Счисление лет. Символика чисел. “Отреченные” книги. Астрология. Минералогия / Отв. ред. Р.А. Симонов. М.: Наука, 1988. С. 151–204.
- Богословский I–V* – Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 1–5. Л.: Соцэкгиз; Госполитиздат, 1940–1948.
- Борисов* – Борисов Н.С. Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1988. 200 с.
- Бородаев, Демин, Контев* – Бородаев В.Б., Демин М.А., Контев А.В. Рассказы по истории Алтайского края. Ч. 1. 1672–1735 гг. Барнаул: Пикет, 1997. 224 с.
- Бородаев, Контев* – Бородаев В.Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула. Барнаул: Алтайский полигр. комбинат, 2000. 336 с.
- Бранденбург* – Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России: Приказ артиллерии (1701–1720). СПб., 1876.
- Бродель I–III* – Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М.: Прогресс. Т. 1: Структуры повседневности. 1986. 624 с.; Т. 2: Игры обмена. 1988. 632 с.; Т. 3: Время мира. 1992. 680 с.
- Бусева-Давыдова* – Бусева-Давыдова И.Л. Тяжба о “Болдвиновом дворе”: История из жизни московских иноземцев XVII в. // Западноевропейские специалисты в России XV–XVII вв.: Тез. докл. науч. конф. (Москва, 24–25 сент. 2002 г.). М., 2002. С. 8–10.
- Быкова* – Быкова Т.А. Заметки о редких русских изданиях в собрании ГПБ // XVIII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Сб. 4. С. 395–403.
- Быховский* – Быховский И.А. Петровские корабли. Л.: Судостроение, 1982. 101 с.
- Вавилов* – Вавилов С.И. Исаак Ньютон, 1643–1727. М.: Наука, 1989.
- Валишевский I–III* – Валишевский К.Ф. Петр Великий. Репр. воспроизведение изд. 1911 г. М.: ИКПА, 1990. Кн. 1–2. 424 с.; Кн. 3. 415 с.

- Вандер Веен* – Вандер Веен Я. Амстердамский художественный рынок и покупки картин для Петра I // Петр I и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого. СПб.: Европейский дом, 1997. С. 197–202.
- Вернадский* – Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. 468 с.
- Вигилев* – Вигилев А.Н. История отечественной почты. 2-е изд. М.: Радио и связь, 1990. 312 с.
- Владимиров* – Владимиров И. Нидерландский вклад в картографию Каспийского моря // Материалы конгресса в МГУКИ, Москва, май 2000. М., 2000. *Использована версия, размещенная в сети интернет.*
- Волков* – Волков М.Я. Русская православная церковь в XVII в. // Русское православие: Вехи истории. М.: Политиздат, 1989. С. 153–229.
- Гамель* – Гамель И.Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М.: Тип. А. Семена, 1826. 263, 69 с.
- Гамлицкий* – Гамлицкий А.В. Западноевропейские лицевые Библии в России XVII–XVIII вв. Владельцы и формы бытования // Тезисы докладов, прочитанных на Филевских чтениях 1999 г. М., 1999. *Использована версия, размещенная в сети интернет.*
- Голикова 1990* – Голикова Н.Б. К вопросу о правовом положении городского населения России конца XVI–XVII в. // Русский город. М.: Изд-во МГУ, 1990. Вып. 9. С. 202–227.
- Голикова 1998* – Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. I. М.: Изд-во Памятники исторической мысли, 1998. 524 с.
- Гольдберг, Маньков, Марлинский* – Гольдберг А.Л., Маньков А.Г., Марлинский С.Я. Известия о восстании С. Разина в западноевропейских периодических изданиях и хрониках XVII в. // Иностранные известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследования / Под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука, 1975. С. 80–91.
- Гребенюк* – Гребенюк В.П. “Рифмологион” Симеона Полоцкого: (История создания, структура, идеи) // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / Под ред. А.Н. Робинсона. М.: Наука, 1982. С. 259–308.
- Гринеvский* – Гринеvский О.А. Прокофий Возницын, или Мир с турками. М.: Междунар. отношения, 1992. 184 с.
- Демидова* – Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 225 с.
- Демкин 1992* – Демкин А.В. Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М., 1992. 56 с.
- Демкин I–II* – Демкин А.В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. / Ин-т рос. истории РАН. М., 1994. Вып. 1. 159 с.; Вып. 2. 112 с.
- Доброклонский* – Доброклонский М.В. “Книга Винуиса”: Памятник русского собирательства XVII–XVIII вв. // Изв. АН СССР. Сер. 7, Отд. гуманитар. наук. 1929. № 3. С. 215–230.
- Дриссен 1989* – Дриссен Й.Й. Голландцы и русские, 1600–1917: Из истории отношений между Россией и Голландией. Амстердам; Гаага, 1989. 176 с.

- Дриссен 1996* – Дриссен Й. Царь Петр и его голландские друзья. СПб.: Образование–культура, 1996. 175 с.
- Елагин* – Елагин С.И. История русского флота. Азовский период. Репр. воспроизведение изд. 1864 г. Ростов н/Д: Гефест, 1996. 319, 47, V с.
- Енин* – Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII в.: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. СПб., 2002. 34 с.
- Ефимов* – Ефимов С.В. “Здесь мы рабским обычаем жили и сыты были только зрением” (Великое посольство Петра I в Риге) // *Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762)*. Сб. материалов Всерос. науч. конф. СПб.: ВИМАИВ и ВС, 2002. Вып. 1. С. 45–52.
- Забелин 1859* – Забелин И.Е. Выписка заморских деревьев в 1654 г. // *Журнал садоводства, издаваемый Российским обществом любителей садоводства*. 1859. Январь. С. 52–53.
- Забелин I–III* – Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т. 1–3. Репр. воспроизведение 4-го изд. М.: Языки славянской культуры, 2000–2003.
- Забелин 1990* – Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор, или дворец. М.: Книга, 1990. 313 с.
- Заблудовский* – Заблудовский П.Е. Развитие медицины у народов СССР до феодализма и в феодальный период. Медицина в Московском феодальном государстве. М.: Медгиз, 1955. 32 с.
- Заозерский* – Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М.: Наука, 1989. 309 с.
- Захаров* – Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России: Эпоха Петра I. М.: РОССПЭН, 1996. 346 с.
- Захаров, Черкасова* – Захаров В.Н., Черкасова М.С. Иностранцы купцы и их дворы в Вологде в XVII – первой четверти XVIII в. // *Краев. альманах*. Вологда: Легия, 2003. Вып. 3. С. 97–132.
- Звездина* – Звездина Ю.Н. Книга из библиотеки Стефана Яворского – “*Pia desideria*” Германа Гуго // *Западноевропейские специалисты в России XV–XVII вв.*: Тез. докл. науч. конф. (Москва, 24–25 сент. 2002 г.). М., 2002. С. 11–13.
- Зинчук* – Зинчук Л.Н. Влияние голландской картографической школы на русскую картографию XVII–XVIII вв. // *Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция*, 2004. М.: Диполь-Т, 2004. С. 463–466.
- Зольникова* – Зольникова Н.Д. Сыск Д.Л. Полянского и “письма” Избранта Идеса // *Публицистика и исторические сочинения периода феодализма*. Новосибирск: Наука, 1989. С. 180–220.
- Иванов 1979* – Иванов В.Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII в. Новосибирск: Наука, 1979. 240 с.
- Иванов 1991* – Иванов В.Ф. Русские письменные источники по истории Якутии XVIII – начала XIX в. Новосибирск: Наука, 1991. 213 с.
- И.К.* – И.К. Конференция, посвященная вопросам исследования и атрибуции произведений русского искусства // *Советское искусствознание*. М.: Сов. художник, 1988. Вып. 24. С. 464–466.

- ИКАР I* – История казачества азиатской России. Т. 1. XVI – первая пол. XIX в. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 319 с.
- Илизаров 1999* – Илизаров С.С. Виниус Андрей Андреевич // Московская интеллигенция XVIII в. М.: Янус-К, 1999. С. 58.
- Илизаров 2004* – Илизаров С.С. Творческая биография и доминантные мотивы деятельности Г.Ф. Миллера // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2004. М.: Диполь-Т, 2004. С. 278–281.
- Иловайский* – Иловайский Д.И. Отец Петра Великого: (Алексей Михайлович и его ближайшие преемники). М.: Чарли: Алгоритм, 1996. 624 с.
- ИОС I* – История отечественного судостроения. Т. 1. Парусное деревянное судостроение IX–XIX вв. СПб.: Судостроение, 1994.
- Иосиф* – Иосиф, иеромонах. Московский Сретенский монастырь. М.: Издание монастыря. Печатня А.И. Снегиревой, 1911. 32 с.
- ИП* – История Польши. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 584 с.
- История СВ* – История Северной войны, 1701–1721 гг. / Отв. ред. И.И. Ростунов. М.: Наука, 1987. 215 с.
- ИЭ* – История экономики / Под общ. ред. О.Д. Кузнецовой, И.Н. Шапкина. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2004. 416 с.
- Казакова* – Казакова Н.А. А.А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 гг. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1985. Т. XXXIX. С. 348–364.
- Канонизация* – Канонизация святых. Поместный собор Русской православной церкви, посвященный юбилею 1000-летия крещения Руси. Троице-Сергиева лавра: Изд. Московского патриархата, 1988. 175 с.
- Кафенгауз* – Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Ковригина* – Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII в. М.: Археографический центр, 1998. 438 с.
- Козловский 1898* – Козловский И.П. Краткий очерк истории русской торговли. Вып. 1 (С древнейших времен до царствования Екатерины II). Киев: Тип. А.О. Штерензона, 1898.
- Козловский 1911а* – Козловский И.П. Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого (1641–1717 г.) // Русская старина. 1909. Т. 140. С. 440–459; 1911. Т. 146. С. 177–211.
- Козловский 1911б* – Козловский И.П. Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого (1641–1717 г.). СПб.: Тип. тов-ва “Электротипография Н.Я. Стойковой”, 1911.
- Козловский I* – Козловский И.П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве: Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII в. Т. 1. Текст исследования. Варшава: Тип. Варш. учеб. округа, 1913.
- Козляков* – Козляков В.Н. Михаил Федорович. М.: Мол. гвардия, 2004. 347 с.

- Костомаров* – Костомаров Н.И. Руина // Костомаров Н.И. Руина. Мазепа. Мазепинцы. М.: Чарли, 1995. С. 5–406.
- Котюх, Петрова* – Котюх А.А., Петрова Т.М. Первая карта России с картографической сеткой (карта А.А. Виниуса) // Известия Всесоюз. географ. общества. 1989. Т. 121. Вып. 3. С. 203–209.
- Кошелева* – Кошелева О.Е. Приговор князю Ивану Никитичу Хованскому // Архив русской истории. М.: Археографический центр, 1994. Вып. 5. С. 139–144.
- Кудрявцев* – Кудрявцев И.М. “Издательская” деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179–244.
- Кузаков* – Кузаков В.К. Очерки развития естественно-научных и технических представлений на Руси в X–XVII вв. М.: Наука, 1976. 316 с.
- Курлаев* – Курлаев Е.А. По следам экспедиции “за серебряной рудой” // Уральская старина. Екатеринбург, 2000. Вып. 4. С. 115–130.
- Курлаев, Манькова* – Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: У истоков российской промышленной политики. М.: Древлехранилище, 2005. 324 с.
- Лаврентьев* – Лаврентьев А.В. Люди и вещи: Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М.: Археографический центр, 1997. 254 с.
- Лаврентьев, Матвеева* – Лаврентьев А.В., Матвеева Е.Н. Гросс Леонтий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Вып. 3: (XVII в.), ч. 1. А-З. С. 241–244.
- Лавров* – Лавров А.С. Регенство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М.: Археографический центр, 1999. 304 с.
- Лаппо-Данилевский* – Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры, XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1990. 293 с.
- Лаптева* – Лаптева Т.А. Документы Иноземного приказа как источник по истории России XVII в. // Архив русской истории. М.: Археографический центр, 1994. Вып. 5. С. 109–127.
- Лебедев 1949* – Лебедев Д.М. География в России XVII в. (допетровской эпохи): Очерки по истории географических знаний. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 236 с.
- Лебедев 1950* – Лебедев Д.М. География в России петровского времени. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 384 с.
- Левинсон* – Левинсон Н.Р. Альбом “Книга Виниуса” – памятник художественного собирательства в Москве XVII в. // Ежегодник Государственного исторического музея: Год 1961. М., 1962. С. 71–98.
- Левитт* – Левитт М. Сумароков – читатель Петербургской библиотеки Академии наук // XVIII в. СПб.: Наука, 1995. Сб. 19. С. 43–59.
- Лотман* – Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.
- Лукичев 1989* – Лукичев М.П. Алмаз Иванов // “Око всей великой России”. Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII вв. М.: Междунар. отношения, 1989. С. 92–108.

- Лукичев 2004a* – Лукичев М.П. Боярские книги XVII в.: Исследование // Боярские книги XVII в.: Труды по истории и источниковедению / Сост. Ю.М. Эскин. М.: Древлехранилище, 2004. С. 3–185.
- Лукичев 2004б* – Лукичев М.П. Новые архивные документы о жизни и творчестве переводчика XVII в. С.Ф. Чижинского // Там же. С. 336–343.
- Луппов 1973* – Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л.: Наука, 1973. 375 с.
- Луппов 1976* – Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время: 1725–1740. Л.: Наука, 1976. 380 с.
- Луппов 1978* – Луппов С.П. Библиотека Артемия Волынского // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1978. Л.: Наука, 1979. С. 119–128.
- Луппов 1979* – Луппов С.П. Собрание книг И.П. Мусина-Пушкина // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1979. Л.: Наука, 1980. С. 409–415.
- Майкова* – Майкова Т.С. “...И находить славу государству чрез искусство и науки” // Кн. обозрение. 1988. 2 сент., № 36. С. 15.
- Макарий VII* – Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви: В 7 Кн. М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Кн. 7. 670 с.
- Максимова, Трисман* – Максимова Р.И., Трисман В.Г. Предисловие // Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665: Дневник / Пер. В.Г. Трисман. СПб.: Симпозиум, 1996. С. 5–12.
- Малинин* – Малинин С. Тень Лефорта // Московский журнал. 1991. № 2. С. 64–70; № 3. С. 39–44.
- Марков* – Марков С.Н. Земной круг: Книга о землепроходцах и мореходах. М.: Мол. гвардия, 1971. 560 с.
- Матвеева* – Матвеева Е.Н. Лыков Богдан // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Вып. 3: (XVII в.), ч. 2. И-О. С. 309.
- Мезенцев* – Мезенцев Е.В. Пушкарский приказ // Государственность России: Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. М.: Наука, 2001. Кн. 3: Л-П.С. 437–438.
- Миллер 1996a* – Миллер Г.Ф. История жизни и царствования Феодора Алексеевича // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России: Избранное / Сост. А.Б. Каменского. М.: Наука, 1996. С. 320–354.
- Миллер 1996б* – Миллер Г.Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с российской стороны учиненных // Там же. С. 19–126.
- Миллер I-II* – Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд. М.: Вост. лит. РАН, 1999–2000. Т. 1–2.
- Милюков 1996a* – Милюков С.Г. Государев прибыльщик // Былое. 1996. № 5. С. 6–7.
- Милюков 1996б* – Милюков С.Г. Зачинщик рудоплавных дел // Там же. № 8. С. 14.

- Милюков 2000a* – Милюков С.Г. Думный дьяк Андрей Андреевич Вinius – государственный деятель России второй половины XVII – начала XVIII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- Милюков 2000б* – Милюков С.Г. Думный дьяк Андрей Андреевич Вinius – государственный деятель России второй половины XVII – начала XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 16 с.
- Мирская* – Мирская Е.З. Этнос классической науки: Р.К. Мертон и современность // Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 3. С. 3–16.
- Мирский* – Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX вв. М.: РОССПЭН, 1996. 376 с.
- Молчанов* – Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М.: Международ. отношения, 1984. 440 с.
- Николаев* – Николаев С.И. Словарь Г. Кнапского в России // XVIII век. СПб.: Наука, 1996. Сб. 20. С. 157–168.
- Новомбергский* – Новомбергский Н.Я. Врачебное строение в допетровской Руси. Томск: Тип. Сиб. товарищества печ. дела, 1907. VII, 387, XCIX, V с.
- Новосельский* – Новосельский А.А. Аптека XVII в. // Исследования по истории эпохи феодализма: Научное наследие. М.: Наука, 1994. С. 197–217.
- Новохатко* – Новохатко О.В. Управленцы среднего звена в XVII в.: Неформальные контакты служилых по отечеству и приказных // Отечественная история. 2005. № 3. С. 158–169.
- Образ* – “Царский образ”. Замечательная икона в храме села Михайловского Старицкого уезда. Тверь: Тип. Губерн. правления, 1895. 15 с.
- ОИШ* – Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М.: Педагогика, 1989. 480 с.
- ОРК I–II* – Очерки русской культуры XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1979. Ч. 1–2.
- Орленко* – Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в.: Правовой статус и реальное положение. М.: Древлехранилище, 2004. 344 с.
- Ошис* – Ошис В.В. “Трагик хороший”: (Творчество Вондела и нидерландская литература XVII в. // Вондел Й. ван ден. Трагедии. М., 1988. С. 430–478.
- Павленко 1953* – Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: Промышленная политика и управление. М., Изд-во АН СССР, 1953. 540 с.
- Павленко 1989* – Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. 3-е изд. М.: Наука, 1989. 198 с.
- Павленко 1990* – Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1990. 592 с.
- Павленко 1991* – Павленко Н.И. Полудержавный властелин: Ист. хроника о жизни сподвижника Петра Первого А.Д. Меншикова. М.: Политиздат, 1991. 400 с.
- Паламарчук* – Паламарчук П.Г. Прямой наследник патриархов // Яворский Стефан. Сказание об антихристе. Догмат о святых иконах. М.: Паломник, 1999. С. 5–28.

- Пекарский I-II* – Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. Т. 2. Описание славяно-русских книг и типографий 1689–1725 гг. СПб., 1862.
- Переписи 2002* – Переписи в Соликамске // Наш Соликамск. 2002. 23 окт. *Использована версия, размещенная в сети интернет.*
- Погосян* – Погосян Е.А. Петр I – архитектор российской истории. СПб.: Искусство-СПБ., 2001. 424 с.
- Подхородецкий* – Подхородецкий Л. Вена, 1683. М.: АСТ, 2002. 208 с.
- Покровский* – Покровский Н.Н. Сибирское дело о десятильниках // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1986. С. 146–189.
- Поньырко* – Поньырко Н.В. Одоевский Никита Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Вып. 3: (XVII в.), ч. 2: И-О. С. 416–419.
- Постников 1985* – Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М.: Наука, 1985. 214 с.
- Постников 1986* – Постников А.В. К историографии истории картографии // Вопросы истории естествознания и техники. 1986. № 3. С. 94–104.
- Постников 2005* – Постников А.В. Новые данные о российских географических материалах первой половины XVIII в., вывезенных Ж.-Н. Делилем во Францию // Там же. 2005. № 3. С. 17–38.
- Прокофьев* – Прокофьев Н.И. Литература путешествий XVI–XVII вв. // Записки русских путешественников XVI–XVII вв. / Сост., коммент. Н.И. Прокофьева, Л.И. Алехиной. М.: Сов. Россия, 1988. С. 5–20.
- Пушкарев* – Пушкарев Л.Н. Симеон Полоцкий // Русские писатели XVII в. М.: Мол. гвардия, 1972. С. 197–335.
- Пушкин* – Пушкин А.С. История Петра Великого // Пушкин А.С. Соб. соч.: В 10 т. М.: Наука, 1965. Т. 9. С. 5–463.
- Резанов* – Резанов И.А. Методические материалы для подготовки к кандидатскому экзамену по истории и философии науки. История геологии. Вып. 2. М.: Янус-К, 2003. 128 с.
- Робинсон* – Робинсон А.Н. Вместо введения: Идеологические закономерности движения литературного барокко // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. / Отв. ред. А.Н. Робинсон. М.: Наука, 1989. С. 4–26.
- Рогожин 1999а* – Рогожин Н.М. Василий Голицын // Международная жизнь. 1999. № 10. С. 67–75.
- Рогожин 1999б* – Рогожин Н.М. Емельян Украинцев // Там же. № 11. С. 55–64.
- Рогожин 2003* – Рогожин Н.М. Посольский приказ – колыбель российской государственности. М.: Междунар. отношения, 2003. 432 с.
- Рогожин, Богуславский* – Рогожин Н.М., Богуславский А.А. Посольские книги России конца XV – начала XVIII в. Интернет-сайт <http://www.relam.ru:8080/members/irh/basa/DEALS/079144.htm>.
- Романов* – Романов Д. Страницы истории сел и деревень Щекинского района. Щекино, 2001.

- Романова* – Романова О.А. Частная жизнь ближнего боярина А.С. Матвеева // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2005. Вып. 6: От Средневековья к современности: Сб. науч. тр. С. 107–126.
- Ротенберг* – Ротенберг Е.И. Западноевропейская живопись XVII в.: Тематические принципы. М.: Искусство, 1989. 288 с.
- Савельева 1998* – Савельева Е.А. Один из “птенцов Петровых” // Мир библиографии. 1998. № 5. С. 62–67.
- Савельева 1999* – Савельева Е.А. Загадки альбома А.А. Виниуса // БАН: 10 лет после пожара. Материалы междунар. научн. конф. Санкт-Петербург, 16–18 февраля 1998 г. СПб.: БАН, 1999. С. 125–131.
- Савельева 2000* – Савельева Е.А. Андрей Андреевич Виниус, его библиотека и альбом // Россия – Голландия: книжные связи XV–XX вв. СПб.: Европейский дом, 2000. С. 103–123.
- Симбирцева* – Симбирцева Т. Бургомистр Николаас Витсен (1641–1717) и российское корееведение // Российское корееведение: Альманах. 1999. № 1. С. 110–132. *Использована версия, размещенная в сети интернет:* http://world.lib.ru/k/kim_o_i/t41.shtml.
- Симонов, Ершов* – Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. М.: Наука, 1984. 161 с.
- Смолич I–II* – Смолич И.К. История Русской церкви, 1700–1917. Ч. 1, 2. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996–1997.
- Соловьев V–VIII* – Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения: В 18 кн. М.: Мысль, 1990–1993. Кн. 5–8.
- Сорокин* – Сорокин Ю.А. Алексей Михайлович // Вопросы истории. 1992. № 4/5. С. 73–88.
- Стоксова* – Стоксова Н.Н. Первые металлургические заводы России. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 107 с.
- Струмилин* – Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. Феодалный период (1500–1860 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1954. 535 с.
- Тарковский 1969* – Тарковский Р.Б. “Зрелище жития человеческого” // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1969. Т. 24: Литературная и общественная мысль Древней Руси. С. 249–253.
- Тарковский 1992* – Тарковский Р.Б. Виниус Андрей Андреевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Вып. 3: (XVII в.), ч. 1: А–З. С. 175–181.
- Тарковский, Тарковская* – Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Эзоп на Руси: Век XVII: Исследования. Тексты. Комментарии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 552 с.
- Трутнев* – Трутнев И.А. Виниусы: отец и сын, их роль в истории России // Третьи Татищевские чтения: Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург: Банк культ. информации, 2000. С. 84–86.
- Тыжнов* – Тыжнов И.И. Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVII в. // Сибирский сборник: Прил. к “Восточному обозрению” 1887 г. СПб., 1887. С. 101–144.
- Устрялов I–VI* – Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858–1863. Т. 1–6.

- Федоров** – Федоров Б. Беседа русского старца с сыном своим // Отечественные записки. 1824. Ч. XVIII, кн. № 50. С. 337–345.
- Федосов** – Федосов Д. Г. Клинок, перо и “бунташное время” // Патрик Гордон: Дневник, 1659–1667. М.: Наука. 2002. С. 233–263.
- Федчина** – Федчина В.И. Развитие картографических представлений о Средней Азии с древнейших времен и до XVIII в. // Науч. зап. / Ташк. ин-т нар. хоз-ва. Ташкент, 1964. Вып. 31: Вопросы экономической географии и истории географического изучения Средней Азии. С. 97–131.
- Цветаев** – Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890.
- Цитович** – Цитович Г.А. Храмы армии и флота. Пятигорск: Типо-литография А.П. Нагорова, 1913. 520, 40, XIV с.
- Черкасова** – Черкасова М.С. О деятельности торговых иноземцев в Вологде в XVII – начале XVIII в. *Использована версия, размещенная в сети интернет.*
- Чернухин** – Чернухин В.А. Артиллерийское ведомство и реформы в области артиллерии в петровское время // “Мы были!” Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха: Материалы Всерос. науч. конф. (12–14 мая 2004 г.). СПб., 2004. Ч. 2. С. 86–95.
- Чистякова, Галактионов** – Чистякова Е.В., Галактионов И.В. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин // “Око всей великой России”: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII вв. М.: Междунар. отношения, 1989. С. 108–146.
- Шамин** – Шамин С.М. Доставка и обработка в Посольском приказе иностранных газет в царствование Федора Алексеевича // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сб. ст. М., 2003. С. 121–134.
- Шарымов** – Шарымов А. Предыстория Санкт-Петербурга: 1703. СПб.: Нева, 2004.
- Шашков** – Шашков А.Т. К истории Воскресенского монастыря и церквей города Березова // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. № 33. С. 187–203. *Использована версия, размещенная в сети интернет.*
- Шибанов** – Шибанов Ф.А. О некоторых вопросах из истории картографии Сибири XVII в. // Учен. зап. ЛГУ. Сер. геогр. наук. 1949. № 104, вып. 5. С. 270–306.
- Шокарев** – Шокарев С.Ю. Русский средневековый некрополь: Обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV–XVII вв.) // Культура памяти: Сб. науч. ст. М., 2003. С. 141–187.
- Эристов** – Эристов Д.А. Виниус или Вениус Андрей Денисович // Энциклопедический лексикон. СПб., 1837. Т. 10: Вес-Вку. С. 267–268.
- Юзефович** – Юзефович Л.А. “Как в посольских обычаях ведется...”: Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М.: Междунар. отношения, 1988. 216 с.
- Юркин 1991** – Юркин И.Н. Птенец гнезда Петрова: Андрей Андреевич Виниус (1641–1717) // Гордость земли Тульской (Замечательные люди нашего края). Тула: Приок. кн. изд-во, 1991. Т. 2. С. 5–13.
- Юркин 1993** – Юркин И.Н. “Меховой” мастер Иван Янвер // Уральский следопыт. 1993. № 2. С. 23–25.

- Юркин 1998* – Юркин И.Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула: Рарус, 1998. 327 с.
- Юркин 2000* – Юркин И.Н. 360 лет со дня рождения (1641) А.А. Виниуса // Тульский край: Памятные даты на 2001 г. / Тул. обл. унив. науч. б-ка. Тула: Гриф и К, 2000. С. 78–80.
- Юркин 2004* – Юркин И.Н. А.А. Виниус и Н.К. Витсен: Из истории русско-голландских научных связей во второй половине XVII – начале XVIII в. // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2004. М.: Диполь-Т, 2004. С. 320–324.
- Юркин 2005а* – Юркин И.Н. А.А. Виниус-заводчик // История и культура Подмосковья: Проблемы изучения и преподавания. Сб. материалов Второй обл. науч.-практ. конф. (Коломна, 19 мая 2005 г.). Коломна: Колом. гос. пед. ин-т, 2005. С. 263–266.
- Юркин 2005б* – Юркин И.Н. А.А. Виниус и святитель Димитрий Ростовский: (Эпизод из истории церкви в Сибири) // Ученые записки Тульской духовной семинарии. Тула: Гриф и К, 2005. Вып. 1. С. 85–92.
- Юркин 2005в* – Юркин И.Н. А.А. Виниус: четыре путешествия // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2005 / ИИЕТ РАН. М.: Диполь-Т. 2005. С. 225–228.
- Юркин 2005г* – Юркин И.Н. Научный комментарий к статье Н.Ф. Андреева “Библиографические справки о Виниусе” // Тульский край: Памятные даты, 2006. Тула: Гриф и К, 2005. С. 210–236.
- Юркин 2005д* – Юркин И.Н. “С кем, ветвями сплетаясь, сроднился...” (А.А. Виниус в окружении родственников, сослуживцев, соседей) // Петровское время в лицах – 2005: Материалы науч. конф. / Гос. Эрмитаж. СПб., 2005. С. 218–233.
- Юркин 2006а* – Юркин И.Н. Виниусы и начало стеклодувного производства в России // Проблемы истории Московского края. Материалы Пятой науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Моск. гос. обл. ун-та (Москва, 28 марта 2006 г.). М., 2006. С. 243–245.
- Юркин 2006б* – Юркин И.Н. Духанинский завод и его владельцы: новые находки и наблюдения // История Московского края: Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 1. М.: Древнехранилище, 2006. С. 97–114.
- Amburger 1957a* – Amburger E.N. Die Familie Marselis, Studien zur russischen Wirtschaftsgeschichte. IV. Giessen, 1957.
- Amburger 1957b* – Amburger E.N. Fremde Unternehmer in Russland bis zur Oktoberrevolution im Jahre 1917 // Tradition: Zeitschrift fuer Firmengeschichte und Unternehmer-Biographie. Baden-Baden, 1957. N 4.
- Bagrov* – Bagrov L.S. Sparwenfeld’s Map of Sibiria // Imago Mundi. 1947. Vol. 4. P. 65–70.
- Di Salvo* – Di Salvo M. Florence, Amsterdam, Moscow: An Italian Merchant in Peter the Great’s Time // Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century. Groningen, 1998. P. 87–95.
- Elias* – Elias J.E. De vroedschap van Amsterdam, 1578–1795. I–II. Amsterdam; N. Israel, 1963. CLXXVII, 1410 blz.

- Scheltema* – Scheltema J. Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeerige betrekkingen. Amsterdam, 1817–1819. D. 1-4.
- Veluwenkamp* – Veluwenkamp J.W. Archangel: Nederlandse ondernemers in Rusland, 1550–1785. Amsterdam Uitgeverij Balans, 2000. 271 blz.
- Wladimiroff* – Wladimiroff I. Andries Winius and Nicolaas Witsen, Tsar Peter's Dutch Connection // Around Peter the Great: Three Centuries of Russian-Dutch Relations. Groningen, 1997. P. 5–23.

3. Справочные и энциклопедические издания

- Антонов* – Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М.: Археографический центр, 1996. 416 с.
- Библиотека* – Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е.И. Боброва; Под ред. Д.С. Лихачева; БАН СССР. Л.: Изд. отд. БАН СССР, 1978. 215 с.
- Богоявленский* – Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 316 с.
- Веселовский* – Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 608 с.
- Кусов* – Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII в.: Карты уездов. Описания землевладений. Т. 1. М.: Московия, 2004. 315 с.
- МН* – Вел. кн. Николай Михайлович. Московский некрополь. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907, 518 с. Т. 1: А–I.
- Москва* – Москва: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1980. 688 с.
- ОИ ДИП* – Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог. Дополнения и приложения / Сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич, Р.И. Козинцева. Л.: БАН СССР, 1972. 272 с.
- ПАМ I–III* – Памятники архитектуры Москвы. Т. 1–3. М., 1983–1989. Т. 1: Кремль. Китай-город. Центр. площади. 503 с.; Т. 2: Белый город. 379 с.; Т. 3: Земляной город. 351 с.
- ППБЭС I–II* – Полный православный богословский энциклопедический словарь. Репр. воспроизведение изд. П.П. Сойкина. М.: Возрождение, 1992. Т. 1–2.
- РГАДА Путеводитель* – Российский государственный архив древних актов. Путеводитель. Т. 1. М.: Археографический центр, 1991.
- Ровинский I* – Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов: В 4 т. СПб., 1886. Т. 1: А–Д.
- СлРЯ* – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 8. Залезть-ижоры. СПб.: Наука, 1995. 256 с.
- СС I–IV* – Сорок сороков: Краткая иллюстрированная история всех московских храмов / Авт.-сост. П. Паламарчук. 1992–1995. Т. 1: Кремль и монастыри. 416 с.; Т. 2: Москва в границах Садового кольца. 648 с.; Т. 3: Москва в границах 1917 г. 589 с.; Т. 4: Окраины Москвы. Инославие и иноверие. 584 с. М.: Книга и бизнес; Кром.
- Яблочков* – Яблочков М.Т. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 1. Тула, 1898.

Указатель имен*

- Абрамов Афанасий 250
Абрамович Г.В. 22, 23
Август II, пол. король 273, 317, 396
Агапитов Иван 440, 441, 446, 447
Агрикола 386
Адамов И. 356
Адриан, патр. Московский 262, 263, 414
Айтемиров (Айтемирев) Василий, д. 229
Акема, род 123
Акема (Декро, Меллер) Анна Елизарьевна 123
Акема Иван Филимонович 123
Акема Филимон (Тилман) Елисеевич 123
Акема Филимон (Тилман) Филимонович 28, 30, 32, 38, 48–51, 53–56, 60, 105, 118, 251, 506
Акишин М.О. 8, 227, 302, 303
Албемарло, гр. 341
Александр Арчилович, имеретинский царевич 288
Алексеев М.П. 365, 387, 390, 416
Алексеева М.А. 187, 188, 431
Алексей Алексеевич, царевич 185
Алексей Михайлович, царь 38, 59, 65, 80, 82, 83, 86, 93, 100, 132–134, 137, 138, 144, 146, 159, 185, 288, 370
Алешка, палач 223
Аллард К. 217, 326
Алмашик (Альмашик) Никита 125
Алпатов М.А. 98
Алябьев (Олябьев) Григорий 20
Амбургер Э.Н. 9, 30, 32
Англер Иван 85
Англер Тимофей 203
Андреев Василий 147
Андреев Василий 508
Андреев А.И. 366–368, 371, 372, 375, 415, 418
Андреев И.Л. 32, 48–50, 82, 137
Андреев Н.Ф. 72
Андрей Боголюбский, вел. кн. 34
Андрей Критский, архиеп. 33
Андрей Рублев, прп. 34
Андрей Стратилат, мч. 34
Андрис (Андрисов) Томас 30, 60
Анна Иоанновна, имп. 200
Антипин Тимофей 153, 163, 304
Антонов А.В. 501, 502
Анциферов Д.Я. 409
Апраксин Ф.М., гр. 271
Ариосто Лудовико 440
Арсеньев Кирилл 105
Арсеньев Кирилл Мартемьянович 105
Арсеньев Кирилл Юрьевич 105
Арсеньев Ю.В. 368
Астраханский В.С. 435
Афанасий Александрийский 422
Афанасьев Иван 244

Бабич М.В. 11, 315, 487, 503
Багров Л.С. 368–370, 375, 376, 408
Байков Федор И. 51, 369, 370
Бакланова Н.А. 231
Балашов Н.И. 208
Бантыш-Каменский Н.Н. 86, 100, 176, 177, 355, 401
Бароний Цезарь 440
Барсуков А.П. 65–67

* Сокращения, принятые в указателе: архиеп. – архиепископ, архим. – архимандрит, библ. – библейский, гр. – граф, имп. – император, императрица, кн. – князь, князья, кнг. – княгиня, кор. – король, королева, митр. – митрополит, миф. – мифологический, мч. – мученик, прп. – преподобный, с. – сын, св. – святой, ур. – урожденная. Фамилии исследователей выделены курсивом.

- Баташев Иван Тимофеевич 26
 Бауман (Бовман, Болмон) Николай
 104, 105
 Бахерахт 292
 Бахус, миф. 216, 219
 Башмаков Иван 292
 Башмаков Д.М. 139
 Бекович-Черкасский А. 364
Белоброва О.А. 359, 369
Белокуров С.А. 7, 15, 76–79, 101, 168,
 172, 192
 Белоусов Самсон (в монаш. Сергей)
 505
Белоцерковский Г.М. 45
Беляков А.В. 11, 56, 83–86, 99, 101,
 134, 159, 209, 356, 421, 459
 Бер Дирик Корнилесен 65
Берг Л.С. 408
 Берестов Д.А. 235
 Берпорц Даниил 123
 Бехтеев 164
 Бибиков Михаил 237, 240
 Бидлоо (Быдла) 299
 Бисинг Р. 269
 Блау, род 453
 Блиер Иван Федорович (Блюер Ио-
 ганн Фридрих) 413
 Близняков Григорий 197
 Блотелинг Авраам 186, 187
 Блюментрост Лаврентий “старый”
 146
 Блюментрост Лаврентий “меньшой”
 146
 Бобинин Василий Иванович 169, 170,
 175, 195, 197, 199, 200, 356
Боброва Е.И. 423, 429
Бобылев В.С. 80, 321
 Богданов А.И. 446
Богданов А.П. 139, 142, 146, 147, 172,
 180, 185, 187, 192
 Богданов Г. 114
 Богомольцев Б. 101
Богословский М.М. 8, 98, 184, 187,
 188, 193, 194, 209, 210, 212, 218,
 219, 221, 222, 225–227, 245, 267,
 285, 286, 288, 295, 353, 354, 390,
 413, 507
Богоявленский С.К. 126, 134,
 136–140, 160, 172, 189, 193, 200,
 202, 227, 229, 282, 507, 509
Богуславский А.А. 98, 176, 177
 Бодиско (Бодиск, Бодышка) Андрей
 Андреевич 338, 457
 Боев Еким 104
 Болдвинов Роман 60
 Болдвинов Яков 60
 Болдинона Евдокия (Авдотья) 60
 Болдинона Елена (Алена) 60
 Бордын Иван Францов 60
 Бореель Якоб 86–88, 390
 Борис Федорович Годунов, б-н, за-
 тем царь 80
 Борисов Борис 23, 85
Борисов Н.С. 66, 68
Борисовская Н.А. 361, 363
Бородаев В.Б. 374, 379, 384, 385,
 413
 Боуш В. 356
Бранденбург Н.Е. 296, 297
 Брант 232
 Бринк Тимофей (Дидрих, Дирик)
 298, 429–432, 434, 435
Бродель Ф. 14, 41
 Брюс Вилим (Михаил) 69
 Брюс Яков Вилимович, гр. 292–294,
 298, 299, 311, 313, 323, 418, 426,
 434
 Буколт И. 43
 Булатов Иван 452
Булгаков М.Б. 11
 Булеус, родственник А.А. Виниуса
 325, 495
 Булеус (Булеюс, Булевиц) Иван (Ян)
 Иванов 495
 Булеус Юстр Иванов 495
 Бумс Денис 158
 Бунин Никита 104
Бусева-Давыдова И.Л. 60
 Бурх Конрад (Кунраад) 86, 87
 Бурх Альберт Кунратс 18, 56
 Бутенант Андрей 208
 Бутлер (Ботлер) Давид 88–90, 112,
 123
 Бутман (Бутенант?) Андрей 124
 Бутурлин Иван Иванович 213, 219,
 288
 Бутышка 338, 457, *см. также*
 Бодиско А.А.
 Бухвостов В.Б. 224
 Бухнер И.З. 433, 434
 Бухольд Иван 503
 Бухольд (ур. Траурнихт) Мария
 499
 Бухряков Василий 110
Быкова Т.А. 258, 419, 423
 Былинский Яков 451

- Вавилов С.И.** 403
 Вагин Михаил 196
 Вайгель 447
Валишевский К.Ф. 6, 208, 390
 Вальдемар Кристиан, принц, граф 32, 48, 49
 Вальяшников Василий 125
 Ван дер Аа П. – см. фан дер Аа
 Василий Алексеевич, царевич сибирский 224
 Василий Иванович Шуйский, царь 22, 23
 Васильев Алексей 270
 Васютинский Иван 196
 Векеманс Маритхен Андриесдохтер 13
Велуенкамп Я.В. 9, 11, 14, 29, 498
 Веневитинов Д.В. 194
 Вермер Ян 376
Вернадский В.И. 346, 347, 350, 387
Веселовский С.Б. 8, 78, 80–82, 97–98, 135, 137, 175, 180, 195
 Веселовский, комиссар 443, 449
 Веселовский Яков 331
 Вестов П. 43
 Видеруз 16
Вигилев А.Н. 93, 97, 131, 142, 172, 181, 205, 226, 260, 267, 270, 277–279, 361, 418
 Викулин С. 242
 Виллекен Юлиус см. Вылкенс Е.У.
 Вильгельм III Оранский, англ. король 393, 397
 Вильгельм, принц Оранский 434, 435
Вильчинский Е.О. 17, 63, 400
 Виндендорп Г. 430
 Винуис Аврам (Абрахам, Абрам) Денисович 13, 26, 28, 52, 495–497
 Винуис (Виниус) Андрей Денисович (Андриес, Андреас Деонисзоон) 8–10, 12–26, 28–33, 35, 37–40, 44–65, 67–77, 86, 111, 128, 399, 400, 423, 438, 446, 457, 494–498, 505
 Винуис Анна Андреевна (дочь А.А. Винуиса) см. Калитина А.А.
 Винуис (ур. Патокина) Василиса Климентьевна 99, 497–499
 Винуис (ур. Мейер) Гертруда 56
 Винуис Дионисиус Тьерксзоон (Денис Терксен) 13, 30, 399, 497
 Винуис Евдокия (Авдотья) Елисеева (ур. Мейер? Гертруда) 56, 73, 496–498
 Винуис Екатерина Андреевна (дочь А.А. Винуиса) 499, 501, 504
 Винуис (во втором браке Засекина) Екатерина Семеновна 475, 502
 Винуис Мария Андреевна (сестра А.А. Винуиса) см. Иевлева М.А.
 Винуис Мария Андреевна (дочь А.А. Винуиса) см. Траурнихт М.А.
 Винуис Матвей Андреевич, стол. 67, 99, 267, 268–270, 276–278, 325, 329, 330, 334, 336, 337, 354, 414, 438, 463, 465–469, 471, 472, 475, 486, 493, 494, 498–502
 Винуис Матрена Ивановна 329, 473, 497, 499, 500
 Винуис Маттиас Андреевич 29, 497, 498
 Винуис Николай Денисович 496
 Винуис Петр 496
 Винуис Тьерк 497
 Винуис Федор Андреевич 99, 499, 501, 502
 Винуис (ур. фан Райн) Хеертрайд (Гертруда) 29, 495, 496, 497
 Винуисы (Виниусовы, Вениусовы, Вениусовы), род 12, 15, 16, 28, 34, 38, 71, 72, 101, 403, 477, 493–495, 500, 501, 507
 Висхер (Фишер) Корнелий 62–64, 423
 Витсен Геррит Якоб 401
 Витсен Ионас 401
 Витсен (урожд. Хафф) Катарина Класдохтер 29, 495
 Витсен Корнелис Янсзоон 29, 400, 402
 Витсен Николаес (Николаас) Корнелисзон (Николай Корнельевич) 86–88, 186, 191, 210, 215, 216, 218, 220, 222, 271, 319–321, 326, 327, 330, 341, 342, 344, 348, 351, 366, 370, 381–385, 389–405, 408, 410–417, 438, 440, 441, 446, 449, 450, 455, 490, 495
 Витсен Яган 401
 Витсены, род 29, 401, 402
Владимиров И. 9, 13, 15, 29, 402, 495
 Владислав, кор. 22
 Владыкина, помещица 163
 Возницын Прокофий Богданович Д. 175, 195, 225, 282
 Воинов Михаил 180
Волков М.Я. 66, 68, 71

- Волков Артемий 180
 Волков Иван 169, 175
 Волчков Михаил 222, 223
 Вольтинский А.П. 435
 Вольтинский В.С. 172
 Вондел ван ден Й. *см.* фан ден Вондел Й.
 Воронин В.В. 58
 Вохт (Фогт, Фагет) Ефим 203
 Врасков Ермолай 158
 Вулкан (Вулканус), миф. 218, 219
 Вулф Петр 209
 Выберх Я. 356
 Выдеруз Абрам 16
 Выдеруз Андрей 16
 Выдеруз (Выдерус, Видерус) Иван 16
 Выдерузовы (Выдерузы, Видерузовы, Ведеурзовы) 16
 Вылкенс (Вилконс, Вилкенсен) Елисей Ульянович (Виллекен Юлиус) 26, 28, 32, 52, 57, 62, 67, 440

 Гавриил, патр. 66
 Гаврила, воспитанник 328
 Гаврилов Семен 124, 192
Гаврилова Е.И. 413, 414, 452
 Гагарин И.П., кн. 234
 Гагарин Матвей Петрович, кн. 243, 332, 414, 425, 426, 428, 475
 Гагарины, кн., род 302
Галактионов И.В. 82, 138
 Галкин Яков Галактионович 108–114, 118–130, 156, 236, 357, 379–381
Гамель И.Х. 13, 17–21, 23, 24, 26, 28, 30, 32, 38, 45, 49–51, 54, 55, 69, 70, 502
Гамлицкий А.В. 447
 Гамильтон Евдокия *см.* Матвеева Е.
 Ганлусгрилл Андрей 383, 394
 Гваскони Франческо 205
 Гелт Ламберт Яковлев с. 88
 Геннадий, патр. Константинопольский 422
 Геннин (де Геннин) Виллим Иванович 413
 Герасимов Афанасий 243, 244
 Герасимов Козьма 508
 Герберштейн Сигизмунд 440
 Геродот 423
 Гитнер Яков 84, 203
 Говий Ян 299
 Годунов Петр 107

 Гоенс Яган 39
 Гозвинский Федор 423
Голиков И.И. 5, 208
Голикова Н.Б. 17, 25, 54, 57, 58, 71, 72, 99, 498
 Голицын Алексей Васильевич, кн. 181, 191, 195
 Голицын Борис Алексеевич, кн. 213
 Голицын Василий Васильевич, кн. 146, 161, 164, 173, 175, 177–181, 183–185, 187, 189–193, 195, 199, 376, 390
 Голицын Д.М., кн. 435, 445
 Голицын Иван Андреевич, кн. 32
 Головин Автамон (Автоном) Михайлович 461
 Головин Дмитрий Никитич 472
 Головин Федор Алексеевич, гр. 178, 221, 262, 263, 264, 269–275, 278, 279, 282, 305, 327, 390, 397, 399, 405, 418, 461–463
 Головкин Гаврила Иванович 332, 462
 Голосов Лукьян Тимофеевич 88, 90, 135
 Гоп, президент магистрата 341
 Горбов Семен 104
 Гордон А. 70
 Гордон Петр (Патрик) Иванович 184, 440, 448, 461, 462
 Городецкая (ур. Виниус) Анна Андреевна 476, 477, 494, 497, 498, 505, 507–510
 Городецкие 344, 476
 Городецкий Алексей Иванович 507
 Городецкий Андрей Иванович 338–340, 450, 457, 477, 507–509
 Городецкий Павел Иванович 507
 Городецкий Тимофей Демидович 507
 Городецкие, род 507
 Горстек Витеш 438
 Горшков Иван 126
 Гошка Гошке Яган 292–294, 296, 299, 304
Гребенюк В.П. 185
Гриневский О.А. 282
 Гросс Леонтий 85, 101, 209, 393, 421
 Гроций Гуго 20
 Гурылев Яков 95
 Густавус И.Я. 336
 Гутбир Яган 165, 166
 Гутменш Яган 146

 Д'Аврил (Авриль) Ф. 368
 Дашков Иван, кн. 104

- Дашков Федор Яковлевич 195
 Декро (Акема, Меллер) Анна *см.*
 Меллер А.Е.
 де Кроа, герцог 273
 де Ланг Яков 62, 74
 Деларош П. 293
 Дементьев Ф. 242
 Демидов Акинфий Никитич 248, 251,
 255, 256, 257
 Демидов (Антюфеев) Никита Деми-
 дович 26, 52, 53, 243, 247–259, 271,
 358, 381, 382, 419, 438, 441
 Демидов Григорий Никитич 26
Демидова Н.Ф. 198, 235
 Демидовы, род 8, 30, 241, 251,
 255–257, 375
Демкин А.В. 16, 30, 43, 54, 60, 86, 338,
 495, 505
Демин М.А. 379, 384, 385, 413
 Демулин Карп 21, 23, 24
 Депре Эрик 245
 Деревнин Гаврила 255, 257
 Деревнин Г.Ф. 286, 315
 де Родес И. 18
 де Сен-Пьер 488
 Дефо Даниэль 488
 де Юнг Андрей Владимирович 505
 де Юнги, род *см.* Иевлевы
 Диконс Андрей 209
 Димитрий Ростовский, свт. *см.* Дими-
 трий (Туптало)
 Димитрий (Туптало), архим., затем
 митр. Тобольский и Сибирский,
 позднее Ростовский и Ярослав-
 ский 264, 265, 333, 438
Ди Сальво М. 11, 205
Доброклонский М.В. 8, 452
 Долгорукий Борис Федорович, кн.
 195
 Долгорукий Юрий Алексеевич, кн.
 137, 155
 Домнин Л.А. 286
 Дорн Иван 359
 Досифей, патр. 437
 Дохтуров Герасим Семенович 88, 90
Дриссен Й. 9, 13, 17–19, 28, 63, 73,
 103, 400, 401, 412, 414
 Дробыш Христиан 107
 Дюпон Г. 293

 Евдокимов Алексей 482
 Евдокия Федоровна, царица 222
 Евсегнеев Сергей 484

 Евстафьев Иван 114
 Едреновский В. 101
 Екатерина Алексеевна, царевна
 34
 Екатерина I Алексеевна, имп. 305,
 333, 341, 344, 510
Елагин С.И. 215, 219
 Елизавета, библ. 163
 Елизавета, родственница А.А. Ви-
 ниуса 495
 Елисеев Матвей 85
Енин Г.П. 195
 Ермилин Федот 110
 Еропкин Юрий 482
Ершов П.М. 350
 Есипов Самойла 459, 460
 Есипова Фетинья 460
 Ефимов (Евфимов) Аврам 508
Ефимова С.В. 221
 Ефимова (ур. Городецкая) Авдотья
 Павлова 508

 Желябужский И.А. 195, 222, 223,
 276
 Жерлов (Жорлов), поручик 304, 309,
 310
 Жуков Андрей 436

Забелин И.Е. 21, 34, 35, 65, 376
 Заборовский С.И. 166
Заблудовский П.Е. 149
Заозерский А.И. 305, 455
 Засекин Григорий Михайлович, кн.
 502
 Засекина Екатерина Семеновна *см.*
 Виниус Е.С.
 Захария, библ. 163
Захаров В.Н. 11, 264, 305, 338, 440,
 505, 506
 Захаров Семен Афанасьевич 109,
 112, 114, 122, 127, 379, 380
Звездина Ю.Н. 437
Зиннер Э.П. 390, 405, 412, 415, 416
Зиччук Л.Н. 378
 Змеев В.А. 190
Зольникова Н.Д. 234, 237
 Зомер Симон 146
 Зотов Конон 425
 Зотов Никита Моисеевич 213, 225,
 461
 Зубов А.Ф. 213
 Зумеровский Осип Иванович 472,
 473

- Иван Алексеевич, царь 34, 73, 136, 139, 154, 167, 197, 200
 Иван Васильевич, царевич касимовский 224
 Иван IV Васильевич, царь 17, 163
 Иванов Автамон Иванович 225, 314, 322, 324, 463
 Иванов Алмаз 81, 82, 86, 172, 192
Иванов В.Ф. 368, 369
 Иванов Галактион 110
 Иванов Ларион 83, 133, 172
 Игнатий, архим. 263
 Игнатий (Римский-Корсаков), митр. Сибирский и Тобольской 261–263, 265, 439
 Игнатъев Абрам 105
 Игнатъев Кирилл 27
 Иевлев (де Юнг?) Владимир И. 505, 506
 Иевлева Елизавета Владимировна 505, 506
 Иевлева Евдокия (Авдотья) Владимировна 505, 506
 Иевлева (ур. Виниус) Мария Андреевна 29, 497, 498, 505–507, 510
 Иевлевы (де Юнги?), род 505
 Избрант Идес Е. 237, 246, 292, 389
 Измайлов А.П. 332
Илизаров С.С. 8, 35, 351
 Иннокентий XI, папа 174
 Иоаким, патр. Московский 27, 109, 188, 414
 Иоанн, ап., библ. 154
 Иоанн Креститель, библ. 365
 Иоасаф II, патр. 414
 Иосиф, настоятель мон-ря 45
Иосиф, иеромонах 341
 Иполитов Семен 467
 Ирина Михайловна, царица 32, 34, 48

Казакова Н.А. 8. 355, 365
 Кайзерлинг Г.И., дипломат 306
 Калачников Захар 158
Калита С.П. 11
 Калитин Алексей Иванович 230, 235, 243, 255–257, 316, 329, 330, 334, 336–338, 340, 344, 357, 382, 450, 469, 473–475, 499, 502, 504, 506
 Калитина (ур. Виниус) Анна Андреевна 337, 338, 499, 501, 504
 Кантильон Ричард 116
 Кара-Мустафа 174
 Карандеев Александр 154
 Карл II Габсбург, исп. король 100
 Карл II Стюарт, англ. король 99
 Карл XII, швед. король 273, 289, 318
 Карлович Г.К. 271
Кафенгауз Б.Б. 8, 229, 240–245, 247–257, 300, 311, 312, 358, 375, 382
 Кашинский Петр 423
 Кашеев Абрам 86
 Келдерман А. 43
 Келдерман Томас 58
 Келингузин Иван 196
 Келлерман Андрей Фомич 146
 Келлерман Фома 146
 Кемден Уильям 440
 Кемпийский Фома 440
 Кильбургер И.Ф. 143, 144
 Киреевский И.В. 194
 Киреевский П.В. 194
 Клементьев Матвей 477
 Климов Иван 158
 Кнапский Григорий 445
Ковригина В.А. 11, 279, 292, 295, 296, 298, 338, 505–507
 Кожин А. 364
 Кожин Федор 126
 Козлов Козьма П. 230, 234, 235, 251, 255
 Козлов Гаврила И. 230, 255
Козлова Н.В. 263, 339, 507, 508
Козловский И.П. 7, 9, 15, 19, 24, 33, 35, 42, 46, 48, 54, 55, 58, 62, 70, 72, 73, 75, 76, 78, 86, 88, 90, 93, 96, 99–101, 129, 131, 133, 143, 147, 161, 164, 189, 192, 202, 220, 253, 259, 265, 266, 268–270, 281, 295, 297, 301, 311, 317, 325, 327, 331–334, 337, 338, 344, 355, 398, 414, 421, 422, 438–440, 444–448, 450, 451, 454, 467, 473, 475, 476, 481, 493, 495, 496, 502, 504, 509, 510
Козляков В.Н. 32, 48
 Козыревский И.П. 409
 Койет (Коет) Бальтазар 84, 86, 97, 98, 102, 103, 502
 Койет (Коет) Петр 209, 467
 Койеты, род 491
 Кок Христофор 203
 Коллинс С. 54
 Колычов (Колычев) Иван 147, 464
 Колычев С.А. 488
 Комаров Иван 159, 160, 170, 171

- Контев А.В.* 374, 379, 384, 385, 413
 Коншот, депутат 341
Копанев Н.А. 414
 Корб Иоганн Георг 35, 42, 136, 162, 163, 466, 478
 Корсаков П. 216
 Косагов (Косошов) Г.И. 190
 Котов Самойла 152
 Котошихин Г.К. 34, 57, 58, 70, 80, 81, 84, 135, 136, 140, 196, 224, 225, 458
 Кошаев М. 101
Кошелева О.Е. 49
Красникова О.А. 11, 453
 Краферт Александр 37
 Крейдер, мастер 291
Крекшин П.Н. 179, 207
 Крижанич Ю. 70
 Крюйс К.И. 399
 Ксенофонтос Е. 243
 Кугорн 426
Кудрявцев И.М. 359
Кузаков В.К. 353, 361, 388
 Кулбатский И. 205
 Куленк Филипп 296
 Кулмаметев (Кулмамотев) Иван 166
 Куракин Б.И. 5, 155, 160, 168, 176–178, 183, 189, 193, 199, 200, 206, 208, 209, 211, 319, 444
Курлаев Е.А. 11, 107
Кусов В.С. 466, 477
 Куспиниан Иоанн 423

Лаврентьев А.В. 11, 421, 437, 496, 500, 501
 Лаврентьев Лаврентий 65
 Лаврецкий С.Ф. 101
Лавров А.С. 184, 190
 Ладыженский Ф.И. 163
Лаппо-Данилевский А.С. 188
Лаптева Т.А. 11, 70, 112, 455
 Ларионов Григорий 20
Латкин В.И. 285, 287
Лебедев Д.М. 51, 359, 368–370, 389, 409
 Левандиан Александр (Александр Грек) 130, 237, 374, 384–386, 395
Левинсон Н.Р. 8, 414
Левитт М. 447
 Левкан (Левкин?) Еремей 88
 Левкин Тимофей 384
 Лежнев, пушкарь 104
 Лейбниц Готфрид Вильгельм 349, 488

 Лейм, врач 299
 Лепелар, депутат 341
 Лесли Александр (Аврам) 69
 Леонтьев Семен 291
 Леопольд I, имп. 174
 Лефорт Жан-Антуан 208
 Лефорт Франц Яковлевич 208, 211, 213, 214, 396, 461, 462
 Лефорты, род 208, 390
 Ливенс Ян 452
 Ливий Тит 423, 440
 Лихорев Яков 27
 Лихачев А.Т. 151
 Локк Джон 116, 488
 Лопухин Ларион 172
 Лопуцкий Станислав 390
Лотман Ю.М. 425
Лукичев М.П. 81, 82, 138, 198, 423
 Лукьянов Филипп 125
Луппов С.П. 35, 339, 416, 435–437, 441–445
 Лутовинов В.Е. 262
 Лутохин Юрий 102
 Лыков Богдан 359
 Львов А.М., кн. 22, 23
 Львов Осип Яковлевич 500
 Людовик XIV, фр. кор. 100

 Магмет, царь 422
 Мазепа Иван Степанович 200, 264, 332, 508
Майкова Т.С. 422
 Макарий, патр. Антиохийский 65, 68
Макарий (Булгаков), митр. Московский 65–68, 71, 261, 263
 Макаров А.В. 290, 450, 452, 504
Максимова Р.И. 390, 392, 393, 396, 400, 404, 405, 414
Малинин С. 208, 211
 Манатейников Филипп 95, 96
Манькова И.Л. 107
 Марат Магмет, “царь турецкий” 422
 Мария Феодоровна, имп. 163
Марков С.Н. 417
 Марло Кристофер 440
 Марс, миф. 216
 Марселис (ур. Акема) Анна Филимонова 123
 Марселис Гаврила Петрович 111
 Марселис Леонтий Петрович 96, 97, 204, 268, 361, 420
 Марселис Петр 97, 116–118, 127, 129, 131, 380, 381

- Марселис Петр Гаврилович 28, 30, 32, 37, 43, 48–51, 53–56, 70, 105, 111, 251, 506
- Марселис Петр Петрович большой (старший) 43, 111, 112, 124
- Марселис Петр Петрович меньшей 111
- Марселис Христиан Петрович 43, 124, 193
- Марселисы, род 123, 412
- Марсов Иван Еремеевич 60–62, 64, 65, 74, 75, 77
- Мартини Марино 368, 408
- Мартьян, мастер 291
- Марфа Алексеевна, царевна 34
- Мас Стевен 65
- Маскин Матвей, д. 243, 244
- Маслова (ур. Юрьева) Авдотья Ивановна 500
- Матвеев Андрей Артамонович 42, 270, 271, 321, 327, 399
- Матвеев Артамон (Автамон) 196
- Матвеев Артамон Сергеевич 82, 103, 111, 114, 120, 121, 126, 133, 135, 138, 154, 172, 203
- Матвеев (Матфеев) Иван 244
- Матвеев Леонтий 153, 283, 284
- Матвеева Е.Н.* 359, 421
- Матвеева (ур. Гамильтон) Евдокия 121
- Матюшкин Иван Петрович 468
- Матюшкин Кирилл Петрович 468
- Матюшкин Михаил Афанасьевич 468
- Матюшкины, род 468, 470, 486
- Медведев Сильвестр 184, 187, 188, 190, 391, 448
- Мезенцев Е.В.* 295
- Мейер Гертруда – см. Виниус Ев.
- Мейер Елисей 56 498
- Мейер Елисей Елисеевич 56, 498
- Мейер Р. 292
- Мейеры, род 56, 498
- Мейснер Ефим 85, 421
- Меллер (Декро, Акема) Анна Елизарьевна 123, 131
- Меллер Вахрамей 279
- Меллер Вахрамей Вахрамеевич 123
- Меллер Вахрамей (Вернер) Петрович 122, 123, 128, 130
- Меллер Петр Вахрамеевич 123
- Меллеры, род 251
- Мен Томас 116
- Менгден Юрий Андреевич, гр. 418
- Менезий Павел 121
- Менцхевер Андрей 125
- Меншиков Александр Данилович, кн. 6, 294, 301, 302–305, 308, 310, 322, 323, 329, 449, 455, 463, 465
- Меньшой Леонтий 137
- Меркатор Герард 359
- Меркуньев Кондратий 126
- Мертон Р.К.* 419
- Мерцалов Филипп 460
- Микифоров Иван 38
- Миллер Г.Ф.* 5, 10, 136, 161, 194, 227, 229, 245, 308, 351, 370, 408, 409
- Миллер Иоганн (Еган) 381, 383, 384
- Милославские, род
- Милославская (ур. Шаховская) Мария Андреевна, кнг. 501
- Милославский Иван Богданович 144
- Милославский Илья Данилович 50
- Милославский Михаил, кн. 501
- Миллюков С.Г.* 8, 34, 36, 41, 76, 130, 149, 161, 168, 177, 178, 190, 211, 232, 234, 303, 315, 337, 339, 382, 402, 498, 500, 503
- Минстер Антон 88
- Минтер Андрей (Генрих) 467, 491
- Мирская Е.З.* 419
- Мирский М.Б.* 140, 145, 146, 147, 149, 154, 484
- Михаил Федорович, царь 16, 18, 21–23, 32, 48, 49, 59, 86, 137, 400, 401
- Михайлов Борис 135, 169, 170, 177, 195, 197, 198–200, 216
- Михайлов Василий 177
- Михайлов Федор 88
- Моисеев Василий 158
- Моисеева Г.Н.* 8
- Моисей, игумен 338
- Мокеев С.А. 461
- Мокрова М.В.* 194
- Молчанов Н.Н.* 321
- Монсы, род 506
- Морис (Мауриц), принц Оранский и граф Нассауский 401
- Морозов Борис Иванович 47, 50, 137, 455
- Муравей И.Ю.* 11
- Мураков Петр 196, 197
- Мусин-Пушкин И.А. 271, 504
- Мусин-Пушкин Платон И. 435

- Мухаммед (Магомет) 360
 Мышан, князец 384
- Надеин Семен** 191
 Назаров Антип 436
 Нарбеков Ф.С. 224
 Нартов А.К. 212
 Нарыков Ларион 125
 Нарыков Лев 125
 Нарыков Степан 125
 Нарыковы, род 127
 Нарыков Л. 234
 Нарышкин А.А. 262
 Нарышкин Андрей Федорович 230, 262
 Нарышкин Кирила Алексеевич 510
 Нарышкин Лев Кириллович 189, 193, 241, 242, 292, 358
 Нарышкины, род 262
 Наталис, издатель 447
 Наталья Алексеевна, царевна 34, 189, 216, 218
 Наталья Кирилловна, царица 189, 193, 199, 206
Наумов А.Н. 11
 Нащокин Богдан 86
 Невежин Иван 283, 284, 304
 Негоморский Иван 200
 Недовесков Онисим 144
 Нелюбов Григорий 158
 Нелюбов Иван 158
 Неплюев Л.Р. 190
 Нептун (Нептунус), миф. 218, 219
 Неронов Посник 467
 Нестеров Василий 451
 Нефимонов Кузьма 196
 Никитин Алексей 195
 Никифоров Протасий 166
 Николаев Андрей (Миколаев Ондрей), племянник А.Д. Виниуса 496
Николаев С.И. 445, 446
Николаева М.В. 11, 455
 Николев Иван Самойлович 469, 470
 Никон, патр. Московский 66, 68, 70, 71, 87, 390
 Нитарт Лаврентий 124
 Новгородский (Новгородцкой, Новроцкий) Андрей 105, 106
Новомбергский Н.Я. 137, 141, 145, 150
Новосельский А.А. 438
Новохатко О.В. 485
- Ножевников Ерофей Данилович 126, 127, 130, 380
 Нордерман (Норданман) Кондратий Филиппович 122, 128, 236, 380
 Ньютон Исаак 403
- Образцовы, род** 112
 Образцов (Обрасцов) Михаил 109
 Образцов (Обрасцов) Яков 109
 Овидий 440, 446
 Огильви, фельдмаршал 305
Оглоблин Н.Н. 262, 300
 Одоевские, кн., род 66, 138, 139
 Одоевский Василий Федорович, кн. 139, 140, 151, 152, 154, 165
 Одоевский Никита Иванович, кн. 136–140, 149, 152, 154, 155, 160, 165, 166, 183
 Одоевский Яков Никитич, кн. 138, 139, 140, 160
 Ознобишин Василий 472
 Олеарий Адам 401
 Оловеников Перфилий 180
 Ольденбург Генрих 387
 Олябьев Григорий *см.* Алябьев Г.
Опарина Т.А. 11
 Оранский Фредерик (Индрик) Хендрик, статхаудер 16
 Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич 54, 81, 82, 88, 91, 96, 137, 138, 172
Орленко С.П. 11, 14, 28, 49, 54, 61, 67, 457, 458, 506
 Осколков, устюженин 338, 457
 Остриухин Г. 338
Ошис В.В. 20, 64
- Павел, ап., библ.** 215
 Павел Алеппский 66, 68, 141
Павленко Н.И. 301, 302, 305, 413, 455
 Павлов Григорий 430
 Павлов Захарий – *см.* Паулс З.П.
Паламарук П.Г. 333
 Пальмквист Э. 80
 Панкратьев И.Д. 455
 Пантон (Палтон) Д. 37
 Парфенов (Парфеньев) Афанасий 229
 Патокин Климентий Васильевич 99, 498
 Патокин Климентий Якимович 99, 498
 Патокины, род 99, 498

Патрекеев Сергей Иванович 125
Патрикеев И., д. 135, 137
Пау, род 401
Паулс (Паульсен) Захарий Павлович
151, 152, 168, 184
Паус И.В. 446
Пахомов С. 243
Пекарский П.П. 6, 35, 298, 302, 333,
377, 416, 423, 425, 428, 429, 434,
436, 442, 444, 445, 450, 454
Пель, иноземец 338, 457
Пель Даниил 338
Пель Ананий Павлович 338
Пересветов Иван 422
Петр I Алексеевич Великий, царь 5,
6, 8, 10, 28, 34, 35, 73, 93, 96, 136,
139, 154, 167, 179, 180, 184,
187–189, 193, 194, 197, 206–216,
218–223, 230–233, 237–240, 242,
244, 245, 251, 254, 267, 269–271,
273–275, 279–281, 283, 288,
290–302, 304–313, 316–319, 321,
323, 325–333, 341, 347, 353, 357,
358, 364, 372, 377, 381, 383, 391,
393, 395–399, 402, 411–416, 418,
419, 422, 425–428, 434, 435, 438,
441, 443, 446, 448–450, 454, 455,
461, 463, 474, 484, 487–489, 491,
492, 495, 500, 502, 506, 507
Петров В.А. 360, 361
Петрик 201
Пикарт П. 213, 217, 301, 311, 433
Пиленок Никифор 247
Пиль Петр 165, 166, 339
Пискатор (Висхер, Виссер Клаес
Янс II) 447
Плейер О. 306, 310, 329
Плувинелл де Антоний 421
Плутарх 398
Погосян Е.А. 219, 220
Поганкин С.И. 455
Подсвинков Василий Семенович 176
Подхородецкий Л. 174, 176, 178
Покровский Н.Н. 262
Поленов Д.В. 287
Полибин Богдан Федорович 183, 200,
227
Полонский, ген.-майор 463, 474
Полюцкий Симеон 185, 448
Полюнский Данила Леонтьевич 139,
166, 225, 235
Понсюс (Понциус) Яган 147
Поньрко Н.В. 137

Порецкая (ур. Винуус) Евдокия (Ав-
дотья) Андреевна 486, 497, 498,
505, 509
Порецкие, род 476, 477
Порецкий Ларион 486, 509
Порецкий Дмитрий Ларионович 309,
344, 476, 509, 510
Посников Василий Тимофеевич 135,
169, 170, 175–177, 195, 197, 198,
216
Постников А.В. 367, 368, 377, 417
Прасковья Федоровна, царица 397
Прокофьев Михаил 180
Прокофьев М.П. 225
Прокофьев Н.И. 370
Протасов (Протасьев) Ларион Ники-
тич 292, 293, 509, 510
Протасов Яков 338, 475
Протасова (ур. Порецкая) Мария Ла-
рионовна 339, 340, 477, 509, 510
Протасьев Дмитрий 230, 237, 240, 381
Протасьев Федор 332
Протопопов Григорий 180
Протопопов Иван 150, 160, 282, 283
Протопопов Михаил 165
Протопопов Федот 231
Пушкарев Л.Н. 185
Пушкин А.С. 5, 175, 176, 178, 180,
194, 208
Пушкин Борис 64
Пыпин А.Н. 423

Ран Петр 154
Ратманов Андреан 464
Резанов Семен 249
Резанов И.А. 378, 386
Рейтенфельс Яков 35, 83, 84, 97, 367,
370
Рем И. 14
Рембрант ван Рейн 452
Ремезов Семен Ульянович 366, 367,
370, 371, 373–376, 387, 388, 404,
492
Ремнев А.В. 302, 303
Рендорп Осип Ю. 39
Репнин Иван Борисович, кн. 183, 227,
228, 243, 366, 373, 381
Ржевский А.И. 190
Ржевский Василий Андреевич 373,
384, 386
Ржевский Тимофей Иванович 27
Рингубер Л. 120
Робинсон А.Н. 489

- Ровинский Д.А.* 62, 63, 72, 187
Рогожин Н.М. 98, 168, 175–178, 180, 184, 189, 500
Романов Д. 163
 Романов Федор 13, 495, 497
Романова О.А. 121
 Ромодановский Михаил Григорьевич, кн. 317
 Ромодановский Юрий Иванович, кн. 126
 Ромодановский Федор Юрьевич, кн. 190, 213, 219, 225, 283, 284, 292, 294, 299, 300, 307, 308, 311, 314, 333, 336
Ротенберг Е.И. 376
 Ругендас Г.-Ф. 289
 Рудольф, цесарь 163
 Руц Давыд Николаев с. 56, 67, 440, 498
 Рясенский Афанасий 158

Савельева Е.А. 35, 206, 414, 422, 423, 429, 434, 436, 438, 439, 443–446, 452, 454, 502
 Салманов Иван 231
 Салтыков А.П. 334
 Салтыков П.М. 154
 Самарин Иван 95
 Самойлов Федор 197
 Самойлов Юрий 197
 Самойлович Иван 174–175, 180
 Санредам Й. 14
 Севел Вилим 434
 Селин Михаил 107
 Селин Михаил 382
 Сервантес Мигель де 440
 Сергеев Василий 481, 482, 484, 485
 Сиверс Петр 503
 Сигизмунд, кор. 22
Симбирцева Т. 400, 404
 Симон, архиеп. 505
 Симонов, гоф-фурьер 450
 Симонов А., подьячий 201, 508
 Симонов Александр (племянник А.А. Винууса) 508, 509
 Симонов Матвей Александрович 508
Симонов П.В. 349, 350
Симонов Р.А. 142, 146, 147
 Симоновы, род 477
Сироткин С.В. 11
 Скворцова (ур. Юрьева) Анна Ивановна 500
 Скорняков-Писарев Г.Г. 305

 Скоропадский Иван Ильич 332
 Скурихин Василий 254
Смолич И.К. 264, 265
 Соболевский С.А. 194
 Соколов Иван 104
Соловьев С.М. 35, 49, 138–140, 154, 183, 184, 193, 195, 200, 201, 206, 280, 301, 302, 311, 313, 315, 316, 332, 365, 393, 484
 Соломон, библ. 479
Сорокин Ю.А. 132
Соснер И.Ю. 11
 Соутвел Р. 415
 Софья Алексеевна, царевна 34, 80, 136, 139, 146, 153, 155, 160, 168, 172, 176–178, 183–188, 190, 199, 202, 205, 391, 444
 Спафарий Н.Г. 101, 368–370
 Спац Роман 85
 Спиридон Печерский 66
 Спиридон Тримифунтский (Тримифийский) 66
 Станикеев Иван 249
 Старцев Василий 125
 Степанов Лукьян 324
 Стефан, св. 33
 Стефан Махрицкий (Махрицкий) 33, 34
 Стефан Новый 33
 Стефан Пермский 33
 Стефан Римский 33
 Стефан Сурожский 33
 Стефан Триклийский 33
 Стефан Хинолаковский 33
 Стефан Царьградский 33
 Стефан Яворский, митр. Рязанский и Муромский 263, 333, 437
 Стефанов (Степанов) Лука 109, 112
Сторожев В.Н. 59, 70, 73, 78, 79, 84, 97, 101, 135, 136, 168, 169, 171, 198, 199
Стоксова Н.Н. 47, 55, 63, 457
 Стрейс Я. 92
 Стрешнев Р.М. 183, 227
 Стрешнев Тихон Никитич 211, 278, 299, 311, 428, 463
Струмилин С.Г. 52
Стрыйковский М. 437
 Сумароков А.П. 422, 446, 447
 Сурий Лаврентий 423
 Сухотин Киприан 27
Схелтема Я. 9

- Тараканов Томило 19
 Тарасевич Леонтий 187
 Тарасевич Александр 173, 187, 188, 191
 Тарбеев Иван 441
Тарковская Л.Р. 423, 424
Тарковский Р.Б. 8, 422–424
 Татаринов П. 101
 Татищев Василий Никитич 258, 435, 446, 488
 Ташлыков Афанасий 102
Тиц А.А. 144
 Телепнев Юрий 51
 Тенсин Андрей 62
 Тенсин Октавий 62
 Тепчегорский Г.П. 431
 Терешка, палач 223
 Термант (Термонт) Иван (Иоганн) 283, 284, 299
 Тессинг Ян (Иоганн) 376, 418
 Тиммерман Франс (Франц) Ф. 208, 506
 Тимофеев Федор 508
 Тимофеева (ур. Городецкая) Анисья Павловна 508
 Толочанов С.Ф. 190
 Толстой П.А., гр. 488
 Традел Еремей 124
 Траурнихт Афанасий Федорович 503
 Траурнихт Дорофей Афанасьевич 235, 334, 338, 491, 494, 499, 502–504
 Траурнихт Мавра 499, 503
 Траурнихт (ур. Виниус) Мария Андреевна 99, 226, 501, 502
 Траурнихт Марк Федорович 503
 Траурнихты, род 503
Трисман В.Г. 390, 392, 393, 396, 400, 404, 405, 414
 Троекуров И.Б., кн. 183, 286, 287
Троицкий С.М. 455
 Трубецкой Роман Никитич, кн. 47
Труворов А. 391
Трутнев И.А. 8
Тыжнов И.И. 415, 416
- Украинцев Емельян Игнатьевич 82, 97, 98, 100–102, 122, 154, 160, 161, 170, 172–175, 178, 180, 182–184, 189, 190, 193–195, 199, 205, 225, 273, 278, 299, 306, 307, 315, 392, 393, 398, 437, 462, 463, 496, 500, 501
- Украинцев Гур (Гурий) Родионович 501
 Украинцев Гур Семенович 501
 Украинцев Кирилл 501
 Украинцева (ур. Львова) Устинья Осиповна 500, 501
Устрялов Н.Г. 184, 305, 306
 Ушаков Андрей Иванович 451
- Фан** Асперен Абрахам 86–88, 102, 103
 фан Делвин (Фанделвин) Иван 22
 фан ден Брехт Августин 441
 фан ден Вондел Йост 64, 423, 446, 447
 фан ден Стрек Вилим Борисов с. 88
 фан ден Стрек Тимофей Петров с. 88
 фан ден Стреки 89
 фан дер Аа П., гравер 401
 фан дер Гатен Еремей 112, 116–118, 123–125, 129, 380, 381
 фан дер Гейден Г. 43
 фан дер Гульст Андрей 507
 фан дер Гульст Андрей Яковлевич 505
 фан дер Гульст (Юст) Анна Андреевна 506
 фан дер Гульст Захарий Захариевич 506, 507
 фан дер Гульст Захарий Яковлевич 60, 146, 338, 505, 506
 фан дер Гульст (ур. Иевлева) Ненила Владимировна 60, 338, 340, 456, 494, 505–507
 фан дер Гульст Федос Захарович 507
 фан дер Гульст Я.Я. 60
 фан дер Гульст Яков Яковлевич старший 505
 фан дер Гульст Яков Яковлевич младший 505, 506
 фан дер Гульсты, род 505, 507
 фан Келлер Иоганн Вильгельм 390, 392–394, 408
 фан Керкговен Юст 62
 фан Кленк Кунраад 102, 103, 502
 фан Наблок (Фаннаблок) Вилим 59
 фан Райн Виллем 29, 495
 фан Райн Трайтгё Дирксдохтер 29
 фан Райн Хеертгайд – см. Виниус Х.
 фан Сведен Ян (Иван) И. 88, 89, 96, 361
 фан Фелтдриль Иоганн 56
 Федор Алексеевич, царь 80, 101, 103, 134, 136, 138–140, 145, 151, 153,

- 154, 159, 161, 163, 164, 169, 172,
192, 227, 413, 421, 484
- Федор Иоаннович, царь 163
- Федоров Б.* 360, 422
- Федоров Дементий 125–127
- Федоров Дмитрий 482
- Федоров Иван 244
- Федоров Семен 482
- Федоров Тимофей 296
- Федосов Д.Г.* 440
- Федурин Никита 457
- Федчина В.И.* 371, 372
- Фельтдриль Иоганн 18
- Фербер 47, 49
- Фетиев Г.М. 455, 505
- Фефелов Федор 107
- Филарет (Романов Федор Никитич),
патр. Московский 18, 24, 32, 163
- Филофей (Лещинский), митр. То-
больский и Сибирский 265
- Фишер Корнелий *см.* Висхер К.
- Флам Ян 216, 218, 219
- Фонвизин Афанасий 45, 105
- Фонделин (Фонделен, фон Дельден)
Самойла 22
- Фредерик III, кор. 62
- Фридрих III, курфюрст 269
- Фунгаданов Степан 146
- Халчева Авдотья Ивановна, кнг. 477
- Хафф Хрите 402, 495
- Хафф Катарина Класдохтер *см.* Вит-
сен К.К.
- Хафф Клас 402, 495
- Хафф Ламберт 495
- Хафф Мария 495
- Хафф Трийн 495
- Хетчесон 488
- Хитрово Б.М. 72
- Хитрово Василий 158
- Хитрово М.И. 460
- Хитрово Н.С. 224
- Хитрово Петр 144
- Хитрово Яков Тимофеевич 107, 109,
236
- Хмельницкий Богдан 81, 199
- Хмельницкий Ивашка, миф. 214
- Хованский Андрей Иванович, кн. 155
- Хованский Иван И., кн. 155, 224
- Хованский П.И., кн. 224
- Христина, швед. королева 62
- Христофоров К. 101
- Худеков Петр 332
- Цветаев Д.В.* 24, 28, 47, 48, 50, 56,
69–71, 496
- Цитович Г.А.* 163
- Чепелев Иван Лукич 234, 244, 265,
338, 508
- Чепелева (ур. Городецкая) Алексан-
дра, племянница А.А. Виниуса
508, 509
- Чепелевы, род 477
- Черкасская Марфа Никитична 32
- Черкасские, род 312
- Черкасский Алексей Михайлович,
кн. 230
- Черкасский Иван Борисович, кн. 21,
32
- Черкасский Михаил Яковлевич, кн.
230, 235, 248, 249, 262, 264, 265
- Черкасский Петр Михайлович, кн.
230, 262, 265
- Черкасова М.С.* 505
- Чернавский Иван 101
- Чернухин В.А.* 288
- Чернышов Яков 473
- Чечель Н.В.* 11
- Чижинский С.Ф. 101, 423
- Чирьев М.А. 263, 339
- Чистой Матвей, д. 140
- Чистой Назарий 22, 47, 60
- Чистякова Е.В.* 82, 138
- Шакловитый Федор Леонтьевич 155,
164, 165, 184, 185, 187–191, 391
- Шалц Годфрид 276
- Шамин С.М.* 131, 204, 420, 421
- Шарьмов А.* 306, 307
- Шатильонский Вальтер 440
- Шафиров П.П. 279, 304, 305, 305, 308
- Шаховская Мария Андреевна, кнг.
см. Милославская М.А.
- Шаховские, кн., род 468
- Шаховской, кн. 304
- Шаховской Андрей Федорович, кн.
468
- Шаховской Ф.И. 205
- Шаховской Федор Иванович, кн. 468
- Шашков А.Т.* 261
- Шеин Алексей Семенович 213, 214,
295, 461
- Шепелев Аггей Алексеевич 178, 180
- Шереметев Борис Петрович 200, 204,
273, 292, 293, 299, 305–307, 455,
461

- Шереметев П.В. 183
 Шереметев Ф.И. 32, 137
 Шибанов Ф.А. 370–372, 404
 Шпекла Филимон 293, 294, 296
 Шпилькин Василий 103
 Штурм Л.Х. 429
 Шхонебек Андриан 272
 Шхретер Яган 276
 Шхунеман Андрей 338
 Шуйский Дмитрий Иванович, кн. 22
 Шуйский Иван Иванович, кн. 22
- Шеголин Владимир** 338, 458
 Щербатов Константин Осипович, кн. 178
 Щербачев Федор 501
 Щукин Анисим Яковлевич 344, 476, 477
 Щукин Дмитрий Федорович 477
 Щукин Сергей Федорович 477
 Щусев А.В. 144
- Эзоп 422–424
 Эк, бургомистр 341
 Энгельгардт Андрей (Андреас) 146, 147
 Энгельгардт Иоганн 146
 Энгельгардты, род 147
 Эрнст, герцог сакс. 120
- Юдин Иван** 324, 325
Юзефович Л.А. 71, 87, 142
 Юкавский Гаврила, шляхтич 158
 Юль Юст 212
- Юркин И.Н.* 8, 30, 37, 226, 241, 263, 339, 353, 467, 481, 489
 Юрьев Ефим Родионович 88, 90
 Юрьев Иван Алексеевич 500
 Юрьев Петр Иванович 500
 Юрьева Марфа Ивановна 500
- Яблочков М.Т.* 12, 71
 Языков И.М. 136
 Языков Ф.Т. 224
 Яковлев Ермолай (Ермола) 245
 Яковлев Кирилл Аристархович 227
 Яковлев Ян 152
 Якуб, королевич 178
 Якушка (Янсен Яков), “немчин” 223
 Ян III Собеский, кор. 174, 176
 Янвер Ян (Юрьев Иван) 241–243
 Янверы, род 242
 Янус, миф. 489
- Amburger E.N.* 30, 32, 292, 467
Di Salvo M. 205
Elias J.E. 13, 14, 29, 41, 99, 341, 400, 402, 495, 498
 Gaeff 29, 495
 Hochepeid 29
 Nuyts 29
 Oetgens 29
 Opsy 29, 495
 van Raey 29
 van Rijn 495
Veluwenkamp J. W. 13, 14, 28–30, 63, 123, 496, 498
 Vondel J. v. 64
Wladimiroff I. 13, 14, 15, 29, 402, 495

Указатель географических и топографических названий*

- Австрия (Цесарская земля, Цесарское г-во) 10, 174, 178, 361
Азия 366, 368, 408, 417
 Средняя 371
 Юго-Восточная 40
Азов, г. 149, 200, 219, 223, 280, 282, 381, 397, 462
Азовское море 371
Акерслот 400
Алапаиха, р. 240
Алтайский край 379
Амстель, р. 12
Амстердам (Амстрадам, Астердам), г. 12–18, 28–30, 35, 36, 40, 41, 58, 60–62, 64, 75, 88, 89, 103, 112, 142, 186, 215, 319, 325, 326, 329–331, 334, 341, 344, 354, 356, 361, 362, 383–386, 389, 392–396, 398–400, 403, 405, 411, 418, 423, 427, 438, 447, 453, 495, 510
 Новая ц-вь 14
Амударья, р. 371
Амур, р. 368, 409, 410
Амьен, г. 355, 365
Англия (Аглинское г-во, королевство, Британия, Великая Британия) 9, 64, 99, 100, 112, 115, 142, 168, 176, 177, 354, 355, 365, 393, 403, 404, 492
Андрусово, д. 82, 97, 138, 199
Антверпен (Антверпия), г. 13, 361, 447
Аравия 176
Аральское море 371
Арамильская слоб. 244
Аргунь, р. 237
Арзамас, г. 104
Армения 401
Архангельск (Архангельский город, Город, Арханьелская порта), г. 16–20, 28, 39, 47, 59–62, 64, 65, 73, 86, 123, 160, 213–216, 219, 226, 233, 245, 267, 268, 280, 309, 320, 330, 338, 353, 356, 358, 361, 395, 396, 411, 418, 440, 447, 495, 506
Астраханское царство 81
Астрахань, г. 88, 137
Ахтырк (Ахтырка), г. 180, 181
Аятская слоб. 240, 247

Багриновский отвершек 460
Байкал, оз. 369
Балтийское море (Балтика) 60, 321
Бараново (Бораново), пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467
Батавия (Батавская земля) 35, 36, 40, 41
Батавская бухта 41
Батурин, г. 174, 200, 358
Белгород, г. 137, 180
Белград, г. 178
Белевский у. 323, 458, 461, 472
Белое море 215
Бельгия 35, 367, 393
Березов, г. 230
Берлин, г. 274, 276, 354, 414
Бильбао, г. 355
Болхов, г. 157

* Сокращения, принятые в указателе: г. – город, г-во – государство, губ. – губерния, д. – деревня, креп.–крепость, м. – местечко, о-в – остров, оз. – озеро, пог. – погост, пров.–провинция, пуст. – пустошь, р. – река, р-н – район, с. – село, слоб. – слобода, слц. – сельцо, ст. – стан, у. – уезд. Ссылки на имена *Россия, Русское г-во, Московское царство* и синонимичные им в связи с многочисленностью опущены.

- Болховский у. 133, 148, 157, 323, 458, 460, 461, 472
 Большая Тесьма, р. 107
 Борисов, г. 137
 Боровский у. 123
 Брабант (Брабантия) 361
 Бранденбург (Бранденбургская земля) 100, 174, 177, 278, 279, 403, 502
 Брест, г. 318
 Бриль, г. 354
 Брянск, г. 157, 158
 Буйца, р. 470
 Буг, р. 138
 Буда, г. 178
 Бужарово, с. 470
 Бузулук, р. 371
 Бухара, г. 371
 Быстрая, р. 409
- Вага, р. 45, 47, 54, 55, 457
 Ваддензе 12
 Валиесари, д. 356
 Валуйки, г. 267
 Варшава, г. 7, 22, 23, 270, 317
 Краковская гора 22
 Вашана (Вошана), р. 26
 Вейна, р. 466
 Великий Устюг, г. 19, 124, 259, 309, 384, 503
 Великороссия – см. Россия Великая
 Вена, г. 121, 174, 176, 282, 306
 Венгрия 500
 Венецианская республика 10, 50–51, 174
 Венеция, г. 13, 15, 22, 50, 59, 121
 Верхнее Мячково, с. Домодедовской вол. Московского у. 465
 Верхотурский у. 229, 256
 Верхотурье, г. 107, 230, 235, 237, 239, 243, 247–249, 255, 256, 259, 260, 291, 357, 358, 381, 383–385, 394, 412
 Вильна (Вильно, Вильнюс), г. 96, 97, 137, 269, 270, 274–276, 361, 438
 Владимир, г. 259, 267
 Волга, р. 108, 111, 119, 127, 130, 132, 267, 370, 401, 403, 492
 Вологда, г. 19, 59, 65, 86, 110, 124, 147, 259, 457
 Вологодский у. 126
 Ворона, р. 26
 Воронеж, г. 212, 265, 292, 358, 397, 472
- Воскресенский у. 466
 Восточное море 408
 Высокая (Магнитная), гора 240
 Высокое, д., затем пуст. см. Сысоево
 Вязьма, г. 66
- Гаага, г. 20, 62, 75, 274, 327, 354, 361
 Гамбург, г. 30, 48, 60, 96, 99, 146, 325, 354, 503
 Гарвич, г. 355
 Гданьск (Данциг), г. 99, 329, 438
 Гелдерн, пров. 12
 Генуя, г. 13
 Германия 10, 26
 Глухов, г. 358, 428
 Годыревский ст. Болховского у. 133, 460, 461
 Голландия, пров. 12, 41
 Голландия (Голландская земля), г-во см. Нидерланды
 Голландия Северная 12
 Голштиния 32
 Гомель (Гомль, Гомля), г. 323
 Горетов ст. Московского у. 182, 376, 465, 466, 468, 470, 477, 481, 486
 Городище, пуст. 466
 Гродно, г. 316–320, 323, 356
 Гронинген, пров. 12
- Далмация 178
 Дания 48, 49, 54, 82, 98, 268, 273, 341
 Данциг, г. см. Гданьск 354
 Двина (Двинский острог) 59, 73, 104, 157, 496
 Двина, р. 47, 401
 Девентер, г. 341
 Дедилов, г. 472
 Дедиловские рудники 379
 Дединово, с. Коломенского у. 88, 89, 411
 Детфорт 383
 Денисово, пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467
 Дерпт, г. 313
 Дехтяная, д. Однолуцкого стана Болховского у. 460
 Дехтяной верх 460
 Дмитровский у. 324, 458, 472
 Днепр, р. 138
 Домодедовская вол. Московского у. 465
 Дон, р. 267
 Дорогобуж, г. 157, 188

- Дренте, пров. 12
 Духанино, пуст., затем д. Горетова стана Московского у. 465, 467, 476, 477, 478
 Дюганчиково, пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467
- Европа 13, 43, 64, 176, 177, 230, 320, 326, 354, 364, 376, 390, 391, 403, 490
 Восточная 358, 366
 Западная 32, 47, 65, 68, 84, 86, 100, 177, 210, 266, 269, 270, 278, 319, 329, 341, 354–356, 365, 371, 381, 388, 403, 413, 439, 447, 457, 490, 491
 Северная (Европейский Север, север Европы) 14, 387, 408
 Центральная 14
 Южная 14
- Еганино, пуст. Горетова ст. Московского у. 472
 Египет 201
 Егошиха, с. 259, 260
 Елагино, Елчаниново тож, пуст. Горетова ст. Московского у. 466
 Елчаниново, пуст. см. Елагино
 Енисейск, г. 230, 369, 374
 Елифанский у. 157, 459, 470, 471
 Ермолино, с. Домодедовской вол. Московского у. 465
 Ессо (Езо, Есо, Есоская земля, Иезо), о-ва 408, 409
- Желудево, с. Старорязанского ст. Рязанского у. 472
 Жерновская вол. Каширского у. 463
 Жукова, пуст. 465
- Забайкалье 229, 237, 386
заводы
 Алапаевский 240, 256, 257
 Алексинские 242
 Важский 54, 55
 Верхотулицкий Г.Н. Демидова 26
 Верхотурские 250
 Винуса А.А. черепичный 481–485
 Городищенские (Тульские) 26, 30, 32, 44–46, 48, 52, 54–56, 68, 105, 106, 111, 193, 241, 242, 358, 440, 457, 495, 496
- Духанинский стекольный 467
 Истгьинский (Истенский) 123
 Каменский 241–243, 245, 247, 251, 252, 300, 358
 Каширские 45, 46, 105, 193, 241, 242, 358
 Малоярославецкие (Ярославца Малого) 241
 Нарышкина Л.К. 292, 358
 Невьянский (Федьковский) 53, 240–243, 247, 249–253, 255–257, 358, 382
 Нижнетагильский 240
 Олонецкие 118
 Павлова (Паулса) З. бархатный 151, 152
 Павловские 241
 Соломенский 241
 Тулицкий сереброплавильный 106, 108
 Тульские см. Городищенские
 Тульский И.Т. Баташева 26
 Тульский Н.Д. Демидова 26, 53
 Угодские (Ыгоцкие) 241
 Федьковский см. Невьянский
- Западно-Фризские о-ва 12
 Запорожье 174, 201
 Зауралье 93, 229
 Зауралье Южное 107
 Зеландия, пров. 12
 Зеленое, с. Домодедовской вол. Московского у. 465
- Иван-город** 313
 Иерусалим, г. 360
 Ижевск, г. 259
 Измайлово, с. Московского у. 465
 Израиль 201
 Илимск, г. 230
 Ингрия 322
 Индия (Индия) 94, 176, 364, 388
 Индия Восточная 112
 Индонезия 41
 Ионическое море 178
 Иран (Персия, Персида) 176, 359, 401
 Иркутск (Ыркутской), г. 230, 260, 372, 373
 Ирун, г. 355
 Исеть, р. 264
 Испания (Гишпанское, Испанское г-во) 13, 98, 100, 108, 112, 115, 120, 177, 354, 355, 379, 403, 411, 492

Истья, р. 123
Италия 404

Кадин, г. 270, 276
Казанское царство 81
Казань, г. 126, 137, 236, 244, 259, 357, 360
Кай-городок 216, 384
Кале, г. 100, 355
Калуга, г. 157
Калязин, г. 66
Кама, р. 108, 111, 119, 127, 130, 132, 235, 264, 357, 370, 403, 492
Камарицкая вол. 201
Каменец-Подольский 178
Камешинские горы 127, 357
Камчатка 409
Канин Нос 104
Канцы, креп. *см.* Ниеншанц
Карачевский у. 157, 459, 472, 473
Каргополь, г. 190
Каргопольский у. 126
Карловицы, г. 282
Карнаухово (Корноухово), пуст. Горетова ст. Московского у. 465–467, 470
Касимов, г. 249
Касимовское царство 81
Каспийское (Хвалынское) море 88, 91, 92, 359, 371, 372, 401, 402, 411
Катайский острог 107, 264
Кашино, д. 466
Кашинский у. 324
Каширский у. 463
Каштак, р. 130
Кевроль, г. 59, 104
Кемеровская обл. 412
Кёнигсберг (Кенисберх, Королевец), г. 99, 269, 270, 319, 354, 356
Кецкий (Кетцкий), острог 230, 374
Киев, г. 112, 174, 184, 280, 318, 323
Китай (Китайское, Хинское г-во) 51, 234, 366–369, 388, 389, 408
Кнышин (Киншин) 318, 319, 356
Козмодемьянск, г. 259
Кокорево, пуст. Горетова ст. Московского у. 466
Кола, р. 371
Колоколенка (Холохоленка), р. 466–468
Коломак, г. 180
Коломенский у. 88
Коломенское, с. Московского у. 103

Коломна, г. 65, 249, 300
Колычово, с. Домодедовской вол. Московского у. 465
Константинополь, г. *см.* Стамбул
Копенгаген, г. 273
Копорье, г. 313
Коробнинская вол. (слоб.?) Себинского ст. Епифанского у. 473
Королевец (Кролевец), г. *см.* Кёнигсберг
Кострома, р. 45, 47, 457
Костромской у. 126
Косьва, р. 127, 357
Котлин, о-в 308, 333
Коштак, р. 237, 374, 384, 385, 412
Краснопольская слоб. 247
Красноярск (Красный Яр), г. 230, 260, 372–374
Кроншлот (Кронштадт), креп. 308
Крым 81, 178, 180
Крымское ханство 178
Кузнецкий (острог) 230, 234
Куконас, г. 356
Кунашир, о-в 409
Кунгур, г. 157, 260
Кунчукорье (Куньчукорье)
Курильские о-ва 409
Курляндия 221, 245
Куртасово, с. 324
Куртре 355

Ладожское оз. 309, 310
Лазарево, Лазарково тож, пуст. *см.* Лазарково
Лазарково, пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467, 478
Ледовитый океан (Ледовитое море) 408
Лейден, г. 401
Ленинский р-н Тульской обл. 26
Лесная, д. 331
Леуварден (Леварден), г. 12, 13
Лефкас, о-в 178
Лгова (Лгово), д. Перемышльского у. 462
Либава, г. 221
Ливны, г. 137, 267
Ливония 356
Линц, г. 174
Литва (Литовская земля) 22, 59, 317
Лифляндия 273
Лихвин, г. 157, 158
Лодейная пристань 305

- Лодейное Поле 310
 Лодыгино, пуст. 466–468, 486
 Ломинцево, с. Щекинского р-на
 Тульской обл. 163
 Лондон, г. 99, 100, 176, 355, 390, 415
 Лукино, д. Московского у. 465
 Любек, г. 60, 325
 Люблин, г. 328
 Лютик, г. 462
- Маас**, р. 41
Магнитная, гора *см.* Высокая
Мадрид, г. 100, 355
Макшанские (Мокшинские) вершины 109, 112–113, 127, 357
Малая Тесьма, р. 107
Малороссия (Малая Россия) см. Украина
Малышево (Малешево), пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467, 478
Мангазея, г. 230, 418
Матсимай, г. 409
Мезень 59, 104, 124
Мельничная, д. Горетова ст. Московского у. 477, 478, 481
Менеин 355
Мещовск, г. 157, 158
Мещовский у. 157, 323, 457, 472
Мигновичи, с. 142
Мидия (Медия) 401
Минск, г. 270, 323
Митава, г. 317
Могилыцы, пуст. Горетова ст. Московского у. 466
Молдавия 178
монастыри:
- Венев *см.* Николаевский Венев
 Воздвиженский в Москве 144
 Воскресенский в Новом Иерусалиме 87, 466, 472
 Знаменский в Москве 149
 Макариев в Калязине 66
 Николаевский Венев 27, 45
 Покровский, что на убогих домах, в Москве 336
 Симонов в Москве 262
 Соловецкий 376
 Спасо-Преображенский в Новгороде-Северском 264
 Сретенский в Москве 341, 483
- Троицкий Сергиев 65, 66, 184, 188, 461
 Чудов в Москве 166
- Мокшинские вершины см.** Макшанские
Морея 178
Москва, г. 18–20, 22, 23, 28, 29, 32, 35, 36, 39, 42–44, 47, 56, 58, 64–68, 70, 71, 74, 80, 84–86, 95, 96, 99, 100, 102, 104, 107, 110, 112, 119, 126, 129, 131, 140, 142, 143, 145, 147, 149–151, 157, 162, 164, 174, 181, 187, 188, 194–196, 201, 203, 213, 215, 216, 221, 226, 233, 236, 240–245, 247–252, 255–257, 259, 260, 262, 264, 265, 270, 273, 275, 277, 279, 280, 282, 287, 290, 292, 293, 295, 297, 298, 300, 309, 310, 313, 318, 320, 324, 330–332, 336, 338, 340, 355, 360–363, 365, 367–370, 373–377, 379, 381–385, 391, 395, 401, 410, 414, 421, 422, 428, 430, 431, 434, 439, 440, 448, 457, 476, 480–482, 492, 500, 504, 505, 509
- Аптека Верхняя (Старая) 143, 154, 282
 Аптека Нижняя (Новая) 141, 143, 145, 154, 165, 282
 Аптекарский двор, здания 144
 аптекарские огороды 141, 164, 166, 184, 339
 Белый город 69, 194, 340, 450, 508
 Ветошный ряд 336
ворота:
- Варварские 344, 510
 Мясницкие 166, 340, 442, 450
 Никитские 149
 Покровские 141
 Тайницкие 300
 Гранатный двор 149
 Грановитая палата (в Кремле) 175
- дворы:*
- Гостиный Новый 125
 Гранатный 482, 484
 Житный 181
 Печатный 439
 Пушечный 249, 295, 300, 482–484

Пушечный Новый 296
Шейн 508
Земляной город 69, 164, 166,
184, 508
Ивановская пл. в Кремле 192
Казанское подворье 262
Китай-город (Китай) 69, 224,
234, 262, 344, 508
Китайгородская стена 510
Кремль 22, 80, 88, 144, 154, 175,
192, 224, 230, 231
Марьино роца 103
Музей архитектуры им.
А.В. Щусева 144
Новый гостиный двор 125, 143
Ответная палата в Кремле
287
Покровская сотня 509
Посольский приказ, здание 80,
191, 192
Потешный дворец 451
Расправная палата в Кремле
287
Расценное крыльцо (палата)
Сибирского приказа, здание
231, 234, 484
Рязанское подворье 148
Сибирский приказ, здание 230,
231
слободы:
Барашская (Барашевская)
95, 226, 503
Гончарная 481
Казенная 125
Мещанская 196
Немецкая (Новонемецкая)
42, 147, 150, 154, 165, 336,
338, 339, 506, 507
Огородная 141, 164
Садовая 58, 459
Троицкое подворье 224
*улицы и др. линейные трансп.
объекты:*
Большая Мясницкая 141,
164, 166, 339
Воздвиженка 144
Ильинка 230
Красносельские 338
Маросейка 194
Мясницкая 103, 211
Никольская 439
Ольховская ул. 338
Ольховский пер. 338

Ольховский тупик 338
Смоленская 144
Староваганьковский пер.
144
Сретенка 340, 442, 450, 451,
510
Хохловский пер. 194, 500
Шуйский пер. 144
Хохловка 194, 500
церкви, соборы:
Архангела Гавриила, что на
Чистом пруду, ц. 508
Архангельский собор
(в Кремле) 22, 80, 139
Благовещенский собор
(в Кремле) 224
Введения Пресв. Богороди-
цы в Барашихах, ц. 226,
483, 500, 503
Двенадцати апостолов, ц.
(в Кремле) 154
Казанский собор 187
Козьмы и Дамиана, что
в Китай-городе за Шей-
ным двором, ц. 508
Марии Египетской, ц. (Сре-
тенского мон.) 341, 483
Никола Гостунского, ц. 224
Николая Чудотворца, ц.
(Сретенского мон.) 483
Петра и Павла, ц. (в Крем-
ле) 397
Рождества “на дворце”, ц.
(в Кремле) 154
Спаса “вверху”, ц. (в Крем-
ле) 154
Сретения Владимирской
иконы Божией Матери,
собор (Сретенского
мон.) 341
Троицы в Хохловке, ц.
194
Успенский собор (в Крем-
ле) 66, 68, 224
Успения Пресв. Богороди-
цы, что у Нового гости-
ного двора, ц. 125
Москва-река 102, 220, 300, 393
Московский у. 323, 324, 338, 376, 458,
465, 470, 472, 477, 481, 482, 486
Мостищи, д. Перемышльского у. 462
Мохач, г. 178
Муром, г. 259

- Нарва (Ругодив), г.** 65, 273–275, 288, 289, 291, 294, 306, 313, 323, 356, 398
Нарым, г. 230, 369, 374
Невьянск, г. 251
Невьянская слоб. 240
Нева, р. 300, 434
Нейва, р. 240, 250, 255
Неман, р. 318
Нерчинск, г. 230, 369, 385, 412
Нетово, пуст. см. Телешево
Нидерланды (Голландия (г-во), Голландская земля, Нидерландские штаты, Низовые земли, Республика Соединенных провинций, Речь Посполитая надерлянская, Соединенные провинции) 10, 12–16, 19–21, 25, 26, 28, 36, 39, 41, 50, 54, 55, 58, 59, 61, 62, 64, 67, 68, 70, 74, 75, 85, 86, 88, 89, 97–100, 102, 123, 130, 142, 146, 153, 176, 177, 187, 200, 208–210, 213, 215, 237, 245, 258, 284, 319–321, 325, 327, 331, 341, 352, 354, 355, 361, 376, 381, 383, 391, 393–400, 403, 411, 414, 416, 427, 456, 484, 492, 494, 495
Нидерландские штаты см. Нидерланды
Ниеншанц (Канцы), креп. 299, 306
Нижнее Мячково, с. Домодедовской вол. Московского у. 465
Нижний Новгород, г. 95, 99, 157, 259, 267, 498
Никольское, с. Московского у. 102
Ниш 178
Новая Земля, о-ва 390, 412
Новгород (Великий Новгород), г. 60, 61, 65, 172, 203, 244, 273, 278, 290, 292, 358, 414
Новгород-Северский, г. 264
Новобогородицк, г. 190
Новоселская Исбрета, с. Старорязанского ст. Рязанского у. 472
Новосиль, г. 267
Новый Оскол, г. 267
Норвегия 412
Ноугорский ст. Болховского у. 133, 460
Оверэйссел, пров. 12
Овчинниково, пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467
Однолуцкий ст. Болховского у. 133, 148, 460
Ока, р. 88, 127
Окулово, пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467
Оленья, р. 379
Олонец, г. 104, 125
Олонецкая верфь 305
Олонецкий у. 116, 124, 125
Олтобаева слоб. Себинского ст. Епифанского у. 470
Ольховец, ручей 338, 340, 442, 450
Онежское оз. 309
Орел, г. 104
Османская империя см. Турция
Ост-Индия 40, 41
Островка, д. Шацкого у. 175
Папская область см. Рим
Парамушир, о-в 409
Париж, г. 100, 327, 355
Пекин (Пезин), г. 367–369
Пелопоннес 178
Пелым, г. 230, 259
Пенза, г. 108, 109, 128, 357, 380
Перевесье, пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467, 472
Перекоп, креп. 187
Перемышльский у. 462, 474
Переславль-Залесский, г. 259
Переславль-Рязанский, г. 249
Переславль-Южный, г. 190, 199
Пермь, г. 259
Пермь Великая 105
Персия см. Иран
Песоченка, р. см. Песочня
Песочня (Песоченка, Песошня), р. 466, 467
Песошня, р. см. Песочня
Пехлецкий ст. Рязского у. 472
Пехорка, р. 465
Печора, р. 116
Пижма, р. 116, 124
Плоскуново 478
Погорельский ст. Белевского у. 474
Подолия 178
Полевая 245
Полушкино Большое, пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467
Полушкино Малое (Малое), пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467

- Польша (Польская земля) 20, 59, 81, 97, 98, 100, 142, 174, 176, 193, 199, 200, 224, 268, 319, 323, 361
- Поморье 236
- Пошехонский у. 323, 458, 472
- Пошехонье г. 157
- Преображенское, с. 188, 267
- Пруссия (Прусская земля) 43, 176, 220, 268, 502
- Псков, г. 13, 59, 60, 203. 275–278, 296, 358, 414
- Немецкий двор 59
- Пустозерск, г. (Пустозерский острог) 190, 191
- Пустозерский (Пустоозерский) у. 116, 124
- Пустоозеро 116
- Пьяна, р. 104
- Пышма 260
- Пярун (Пернов), г. 273
- Рава**, м. 396
- Раменский ст. Дмитровского у. 472
- Раслановский ст. Карачевского у. 473
- Рейн, р. 41
- Республика Соединенных провинций *см.* Нидерланды
- Речь Посполитая 62, 71, 81, 137, 138, 174, 176, 178 *см.* также Литва, Польша
- Речь Посполитая Надерлянская *см.* Нидерланды
- Ржев, г. 137
- Рига, г. 96, 97, 99, 220, 221, 237, 269–271, 273, 274, 354, 361, 381, 383, 384
- Рим (Папская область) 121, 174
- Римское г-во (Римская монархия) 12
- Розсошные Борки, с. Старорязанского ст. Рязанского у. 472
- Рождественное, с. 175
- Россия (Русь)
- Белая 101, 134, 154
 - Великая 101, 134, 138, 154
 - Европейская 241, 242, 250, 252
 - Малая *см.* Украина
 - Центральная 412
- Ругодив, г. *см.* Нарва
- Русь Древняя 8, 105
- Рязский у. 458, 471
- Рязанский у. 323, 458, 462, 472
- Савино с., Раслановского ст. Карачевского у. 473
- Саксония 120, 146, 317, 413, 502
- Саксония Нижняя 146
- Самара, р. 371
- Санкт-Петербург, г. 7, 301, 305, 308–311, 323, 333, 334, 344, 434, 452–454, 463, 502, 504, 506, 510
- Кикины палаты 454
 - Летний дворец 454
 - Летний сад 454
 - Петропавловская креп. 434
- церкви:*
- Захарии и Елизаветы Кавалергардского полка 163
 - св. Троицы 434
- Санкт-Петербургская (Петербургская) губ. 441
- Свирь, р. 309, 310
- Святой Нос, мыс 219
- Себинский ст. Епифанского у. 470, 473
- Северная Двина, р. 54
- Северное море 12
- Северный океан 330
- Севск, г. 201, 202
- Селенгинск, г. 369, 418
- Семипалатинский острог 368
- Сен-Дени, г. 355
- Серпухов, г. 26, 267
- Сибирская губ. 414
- Сибирская (Сибирская и Тобольская, Тобольская) епархия 264, 265
- Сибирь (Сибирское царство, Сибирское г-во) 5, 8, 35, 81, 225–227, 229, 230, 232–237, 239, 242, 243, 245, 247, 252–254, 260, 262–266, 273, 280, 281, 284, 295, 303, 306, 307, 309, 312, 352, 357, 366, 368, 370, 372, 374–376, 381, 385, 387–390, 404, 405, 408, 412, 413, 415, 418, 452, 475, 488, 492, 503
- Сидорково, пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467
- Синяя, пуст. Старогородищенского ст. Тульского у. 26
- Скнига, р. 26
- Скроботово (Скребутово), пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467
- Слободка (Слоботка), д. Старогородищенского ст. Тульского у. 27
- Смоленск, г. 66, 137, 180, 195, 270, 275–277, 313, 323

- Смоленское княж. 134
 Снитки с. Камарицкой вол. 201
 Соединенные провинции *см.* Нидерланды
 Сокольниково д., затем слц. Горетова ст. Московского у. 464–468, 470–472, 476, 477, 486
 Соликамск (Соль Камская), г. 67, 259, 384, 418, 504
 Соломбала, о-в 214
 Соломенская вол. 111, 458
 Сольвычегодск (Соль Вычегодская), г. 104, 384
 Стамбул (Константинополь), г. 273, 306, 437, 463, 496
 Старогородищенский ст. Тульского у. 26
 Старорязанский ст. Рязанского у. 472
 Старый Оскол, г. 267
 Степанково, слц. Горетова ст. Московского у. 324, 338, 344, 376, 377, 442, 465–467, 476, 477, 478, 480, 483
 Стокгольм, г. 274, 356
 Сукромна, р. 470
 Сумская обл. 180
 Сургут, г. 230, 373
 Сухона, р. 259
 Сызрань, р. 371
 Сысоево, д., Горетова ст. Московского у. 465, 469, 470, 476, 477
 Сысоево, Высокое тож, д., затем пуст. Горетова ст. Московского у. 466, 470
- Тагил, р. 240, 381
 Тара, г. 230, 374
 Тартария 348, 370, 371, 390, 401, 405, 408, 409, 412, 415, 416, 418, 419, 446
 Тарту *см.* Юрьев Ливонский
 Тасма, р. *см.* Большая Тесьма, Малая Тесьма
 Ташлыкова, д. Погорельского ст. Белевского у. 461, 464, 474, 478
 Тверь, г. 60
 Телеково, пуст. 467
 Телешево, пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467
 Телешево (Телешово), Нетово тож, пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467
 Телешево, Черемوشка тож, пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467
 Тикотин, г. 317
- Тимошкино, с. Старорязанского ст. Рязанского у. 472
 Тильзит (Тилзет), г. 270
 Тисуль, р. 130, 384
 Тобольск, г. 230, 242–247, 249, 260–261, 264, 266, 312, 357, 358, 368, 369, 374, 418
 Тобольский у. 264
 Толстиково Большое, пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467
 Толстиково Меньшее (Малое), пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467
 Томск (Томской), г. 230, 373, 374, 385, 386, 395, 412
 Томский у. 130, 237, 373, 374, 384
 Торжок, г. 60, 156, 157, 158, 414
 Торхово, д., позже с. 26, 31
 Тотьма, г. 259
 Тула, г. 26, 38, 44, 46, 67, 105, 106, 236, 249, 250, 254, 267, 379
 Тулица, р. 26, 27, 45
 Тулома, р. 371
 Тульская обл. 26, 31, 163
 Тульский у. 26, 105
 Тура, р. 259
 Тургай, р. 371
 Туринск, г. 230, 260
 Турция (Турецкая земля, Османская империя, Порта) 81, 99, 100, 148, 174, 176, 178, 193, 496
 Тюмень, г. 230, 260
- Уколово, пуст. 478
 Украина (Малая Россия, Малороссия) 81, 82, 101, 134, 138, 154, 192–194, 199, 200, 201, 264, 267, 292, 323, 332, 358, 403, 500
 Уктус, р. 245
 Урал 43, 53, 229, 232, 235–237, 241, 242, 243, 249–251, 253–257, 292, 300, 357, 358, 375, 381, 382, 403, 404, 412, 492
 Средний 383, 386, 412
 Уса, р. 371
 Усури, р. 371
 Усть-Кола 86
 Утка 160
 Уткинская слоб. 247, 249, 264
 Утрехт, г. и пров. 12, 326, 330, 356
- Федьковка, д. 240
 Филипчиково, пуст. Горетова ст. Московского у. 465, 467

Финский залив 308
Фландрия 100, 355
Флоренция, г. 176, 177
Фоймогубская вол. Шунгского пог.
Олонецкого у. 116
Франкерк, г. 446
Франция (Французское г-во) 26,
98, 100, 102, 112, 174, 177, 321,
327, 354, 355, 365, 403, 404,
492
Фрисландия (Фрислянская земля),
пров. 12, 20, 24, 41, 341, 399

Хоккайдо, о-в 408
Харьковская обл. 180
Хвалынское море *см.* Каспийское
Хива, г. 364
Хинское г-во *см.* Китай
Хоккайдо, о-в 408
Холменка, р. 467
Холохоленка, р. *см.* Колоколенка
Холмогоры, г. 67, 85, 86, 215

Цильма (Цельма), р. 116, 124
Цесарское г-во 115

Ченцово, с. 46
Черемوشка (Черемушка), *пуст. см.*
Телешево
Черемовская вол. Ярославского у.
148
Черкасск (Черкасы), г. 200, 267
Черная р. 5
Чернигов, г. 183, 200, 358
Черное море 371
Черный лес 55
Чечера, р. 338
Чешское г-во 115
Чигирин, г. 148
Чусовая, р. 249, 256, 257, 259, 264,
382, 412

Шатина (Шатино), *пуст.* Горетова ст.
Московского у. 465, 467
Шацкий у. 175, 323, 458, 472
Шверин, г. 341
Швецария 208
Швеция (Свейское г-во, Свейская зем-
ля) 10, 26, 37, 65, 71, 82, 98, 115, 174,
194, 241, 249, 268, 273, 321, 333, 356
Шексна, р. 45, 47, 457
Шелаша, р. 55
Шельда, р. 41
Шерстино, с. 104
Шлиссельбург (Шлисенбурх, Шлюс-
сельбург, Люшенбурх), креп. 283,
293, 294, 296, 299, 300, 307, 309, 310,
313
Шлотбург, креп. 313
Шотландия 146
Шуйский ям 259
Шунгский пог. Олонецкого у. 116

Щекинский р-н Тульской обл. 163
Щурова, д. Пехлецкого ст. Рязжского
у. 472

Эйсселмер, залив 12
Эльба, р. 354
Эссо, пос. 409
Эстляндия 322
Эфиопия 176

Юрьев Ливонский (Тарту) 356

Ява, о-в 36, 41
Яйва, р. 127, 357
Якутск, г. 226, 230, 235
Ям, креп. 313
Япония (Япан) 408, 409
Яренск, г. 259
Ярославль, г. 19, 65, 86, 95, 157, 259,
385, 506
Ярославский у. 126, 148, 157, 324
Яуза, р. 233, 292

Оглавление

Введение. А.А. Винус: короткая память потомков.....	5
---	---

Часть I

Жизнь и труды

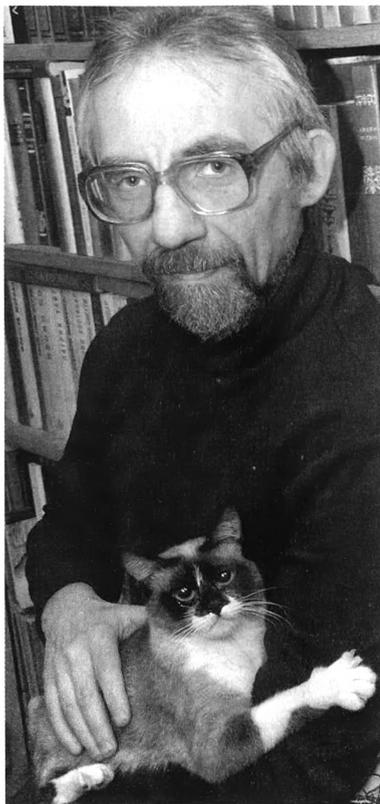
Глава 1. Отец. Рождение и юность героя (1628–1657).....	12
1.1. Начало	12
1.2. “И железо учнут плавить и ковать...”	25
1.3. Рождение наследника	33
1.4. Детские годы.	41
1.5. Заклятые друзья строителя Городищенских заводов.	46
1.6. Пейзаж после битвы.....	56
1.7. “Комисариус московский гость”.....	59
1.8. Патриарший крестник.....	68
1.9. Смерть А.Д. Винуса.....	72
Глава 2. Начало карьеры. Дипломат и не только (1657–1677).....	76
2.1. Выбор пути	76
2.2. Посольский приказ	80
2.3. Первые поручения	83
2.4. Гонец	97
2.5. Карьерный рост	101
Глава 3. Волжско-Камская экспедиция (1674–1676)	103
3.1. Из истории поисков серебра в России в XVII в.	104
3.2. А.А. Винус – организатор разведки месторождений цветных и драгоценных металлов	108
3.3. Предпринимательский ажиотаж	123
3.4. Почему Винус так и не стал заводчиком?	127
Глава 4. На службе отечественной медицине (1677–1689).....	133
4.1. На новом поприще	133
4.2. Аптекарский приказ при царе Федоре Алексеевиче.....	140
4.3. В годы регентства.....	154
4.4. “За ево в Аптекарском приказе радение и учиненные прибыли” (некоторые итоги).....	161
Глава 5. Снова в Посольском приказе (1689–1695).....	167
5.1. Разлука, которой не было	167
5.2. Трудный выбор.....	182
5.3. Новая эпоха.....	191

5.4. Дела малороссийские	199
5.5. Почта и Посольский приказ	202
Глава 6. В ближнем круге (1689–1699)	206
6.1. Самое важное в жизни знакомство	206
6.2. Сближение	213
6.3. Думный дьяк	224
Глава 7. Управляя Сибирью (вторая половина 1690-х – 1703 г.)	227
7.1. Виниус во главе сибирской администрации	229
7.2. Рождение уральской доменной металлургии	235
7.3. “В Сибирь, в Тобольск, на Верхотурье...”	243
7.4. Виниус и первые уральские шаги Демидовых	249
7.5. Создание сибирской почты	259
7.6. Дела церковные	261
Глава 8. В круговерти поручений (конец 1690-х – 1703 г.)	266
8.1. “Не лицемерно исправлял” или Главный почтартар России	266
8.2. Снова в Аптеке	281
8.3. Палата об Уложении	285
8.4. “Надзиратель артиллерии” между “первой” и “второй Нарвой”	288
8.5. Организация школ	295
Глава 9. Закат (1703–1716)	298
9.1. Отставки	298
9.2. Из Гродно в Амстердам	316
9.3. Тем временем в Москве	320
9.4. Возвращение	328
9.5. Последние годы	331
9.6. Смерть. Родственные объятия до и после	337

Часть II Труды и наследие

Глава 10. Общие замечания	345
10.1. Занимались ли в московских приказах научной работой?	345
10.2. Научная работа как составляющая практик	348
10.3. О мотивах деятельности в сфере науки	349
Глава 11. Виниус и мир науки	353
11.1. География и страноведение	353
11.2. Картография	366
11.3. Геология	378
Глава 12. Виниус и “ученый мир”	387
12.1. Формы связей и каналы обменов	387
12.2. Виниус и Витсен: хроника связей	390
12.3. Виниус и Витсен: парный портрет	398
12.4. Две стороны одной медали	417
Глава 13. Писатель и библиофил	419
13.1. Писатель и переводчик	419

13.2. “Что веселюсь зело в трудех...” (переводы специальной литературы)	425
13.3. Библиотека Виниуса.....	436
13.4. “Книги имеют свою судьбу...”	448
Глава 14. Домостроитель и домохозяин	454
14.1. Чем это может быть интересно	454
14.2. Пожалования	456
14.3. Подмосковная	465
14.4. “У гробового входа”	473
14.5. Виниусовская вотчина как хозяйственно-экономический феномен	477
14.6. Хозяйство и родственные связи в приказах	485
Заключение	487
Приложение 1. Хронологическая канва жизни и деятельности	492
Приложение 2. Российская ветвь рода Виниусов и ее родственное окружение.....	493
Источники и историография	511
Указатель имен.....	532
Указатель географических и топографических названий	546

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Юркин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, музейный работник, преподаватель. Основные научные интересы связаны с историей материальной и духовной культуры России XVII–XVIII вв., преимущественно с историей науки, техники, промышленности, а также с генеалогией. Автор нескольких книг, в том числе «Абрам Булыгин: чудности, веселости, “непонятная философия”» (1994), «Тульский завод Демидовых: Из истории становления и развития доменной металлургии России» (1996), «Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии» (1998), «Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии» (2001), две из которых вышли в издательстве “Наука”.

Научно-биографическое издание

Юркин Игорь Николаевич

**Андрей Андреевич
Виниус
1641–1716**

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
“Научно-биографическая литература”
Российской академии наук*

Зав. редакцией *М.В. Гричева*

Редактор *Л.В. Абрамова*

Художественный редактор *Е.А. Швейко*

Технический редактор *М.К. Зарайская*

Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,
Т.А. Печко*

Подписано к печати 20.04.2007

Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 35,0. Усл.кр.-отг. 45,8. Уч.-изд.л. 35,7

Тип. зак. 4425

Издательство “Наука”

117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

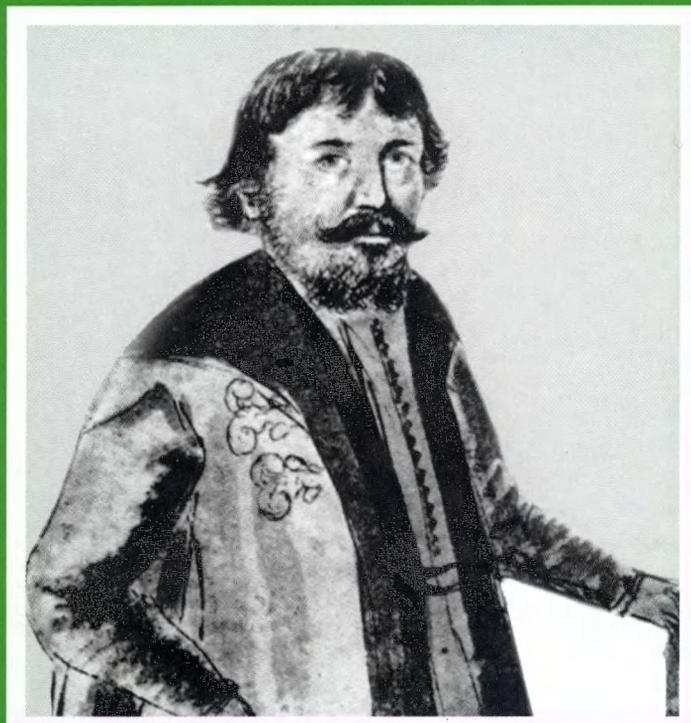
в ГУП “Типография “Наука”

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

И. Н. Юркин Андрей Андреевич **ВИНИУС**

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

И. Н. Юркин
**Андрей
Андреевич
ВИНИУС**

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Андрей Андреевич Вinius... Сын нидерландско-го купца и промышленника (основателя первых в России доменных заводов), политический деятель, дипломат и администратор, внесший вклад в промышленное освоение Урала, человек, на протяжении четверти века управлявший российскими почтами и основавший несколько почтовых линий, один из руководителей сферы здравоохранения, любитель наук, вписавший свое имя в историю изучения России, создатель артиллерии, заменившей пушки, потерянные под Нарвой, верный сподвижник и корреспондент Петра Великого, поэт, переводчик, библиофил. Кто он, этот замечательно разнообразный в своих интересах, умениях и талантах человек? Отчего знают о нем меньше, чем можно было бы ожидать, судя по масштабам совершенного? С какими загадками связаны его жизнь, труды и наследие? На эти и другие вопросы отвечает книга ведущего научного сотрудника Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН доктора исторических наук И.Н. Юркина.

Юркин И.Н. - Андрей Андреевич Вinius

2 500010 567527

Цена 650 руб

КТК 031

